Государственное учреждение культуры
Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»

Воспоминания ленских жителей

Иркутск, 2007

УДК 957
ББК 63.3(2)51
В 77

Издается по решению Ученого совета
Государственного учреждения культуры
Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»

В 77 Воспоминания ленских жителей / Сост., вступ. ст. и примеч. Ю.П. Лыхина. — Иркутск, 2007. — 512 с.

ISBN 978-5-91344-035-8

Авторами вошедших в книгу воспоминаний являются бывшие ленские жители. Все они проживали в Киренском районе Иркутской области в нескольких близлежащих населенных пунктах, расположенных на берегах реки Лены ниже города Киренска. Хорошо дополняя друг друга, публикуемые воспоминания полнокровно отражают жизнь ленских крестьян в первой половине XX века. Прошедшее встает перед читателем ярко и образно во всех повседневных трудах и заботах, событиях и переживаниях людей.

ББК 63.3(2)51

ISBN 978-5-91344-035-8 © ГУК АЭМ «Тальцы», 2007

Вглядываясь в ушедшее...

В предлагаемой вниманию читателя книге публикуются так называемые источники личного происхождения. Именно к ним в исторической науке относятся мемуары, или воспоминания. Для историка важнейшей составляющей мемуаров является заложенная в них информация: автобиографическая, социальная, социально-психологическая, этнографическая и др. Бесчисленное множество непридуманных деталей и примет времени, кроющихся в мемуарах, позволяет профессионалу-историку оживить сухие документальные изложения, наполнить их ароматом прошедшей эпохи.

Однако мемуары — не только источник для научно-исторических исследований и материал для анализа, но и особый жанр литературного творчества. В этом случае их следует рассматривать как литературу для чтения на историческую тему. Тогда большое значение приобретают стиль повествования, необычность и занимательность сюжетов, яркость и выпуклость описываемых образов — все, что в той или иной мере присуще художественным произведениям. Очевидно, таким образом, что мемуары имеют двоякую функцию — источниковедческую и культурную[1].

Публикация мемуаров, их обнародование, неизбежно становится событием в истории культуры страны или отдельного региона. В качестве неотъемлемой части духовной культуры мемуары являются своеобразным памятником как личности автора, так и тем событиям, о которых в них повествуется.

Воспоминания всегда были интересны читающей аудитории как живой рассказ об ушедшем времени. Сегодня же в нашей стране они особенно востребованы еще и потому, что в них люди получают возможность из первых уст узнать правду о замалчивавшихся или скрывавшихся событиях, происходивших в советское время. Зачастую, освещая события и факты эпохи социализма, авторы воспоминаний вступают в противоречие с официальной идеологической историей. Присутствует подобное и в данной книге.

Авторами вошедших в издание воспоминаний являются бывшие ленские жители. Все они проживали в Киренском районе Иркутской области в нескольких близлежащих населенных пунктах, расположенных на берегах реки Лены ниже города Киренска.

---

[1] Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. — М., 2004. — С. 269–270.

Лена, или «великая река Лена», как писалось в документах XVII века, — объединяющее начало всех входящих в книгу воспоминаний. Со времен Древней Руси расселение русских шло по рекам. При этом жилые места концентрировались по берегам речных артерий страны, а междуречные пространства оставались практически незаселенными. Таким же образом заселялась в XVII веке и Восточная Сибирь.

В.О. Ключевский, размышляя о роли географических факторов в формировании русского государства, писал, что на реке русский человек «оживал и жил с ней душа в душу. Он любил свою реку, никакой другой стихии своей страны не говорил в песне таких ласковых слов, — и было за что. При переселениях река указывала ему путь, при поселении она — его неизменная соседка: он жался к ней, на ее непоемном берегу ставил свое жилье, село или деревню. В продолжение значительной постной части года она и кормила его. Для торговца она — готовая летняя и даже зимняя ледяная дорога <...> Река является даже своего рода воспитательницей чувства порядка и общественного духа в народе. Она и сама любит порядок, закономерность. Ее великолепные половодья, совершаясь правильно, в урочное время, не имеют ничего себе подобного в западноевропейской гидрографии. Указывая, где не следует селиться, они превращают на время скромные речки в настоящие сплавные потоки и приносят неисчислимую пользу судоходству, торговле, луговодству, огородничеству. <...> Русская река приучала своих прибрежных обитателей к общежитию и общительности. <...> Река воспитывала дух предприимчивости, привычку к совместному, артельному действию, заставляла размышлять и изловчаться, сближала разбросанные части населения, приучала чувствовать себя членом общества, обращаться с чужими людьми, наблюдать их нравы и интересы, меняться товаром и опытом, знать обхождение. Так разнообразна была историческая служба русской реки»[2].

Все эти слова в полной мере можно отнести и к реке Лене. К началу XX века жизнь на Лене имела свои особенности, которые определяли ее своеобразие среди других районов Иркутской губернии. Представленные в книге воспоминания, на наш взгляд, прекрасно свидетельствуют об этом.

Большая часть помещенных в книгу текстов была создана специально для этого издания. По просьбе составителя

---

[2] Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций в трех книгах. — Ростов н/Д, 2000. — Кн. 1. — С. 60–61.

авторы написали воспоминания о своей жизни, о жизни на реке Лене, протекавшей в первой половине XX века. При этом основной своей задачей составитель считал сбор воспоминаний, отражающих прошедшую крестьянскую жизнь, — того, что кинематографисты-документалисты называют «уходящей натурой». Для нас, городских жителей, жизнь наших родителей, крестьян по рождению и менталитету, кажется такой же неизвестной, как жизнь другой страны. Воспоминания ныне живущих стариков бесценны, ибо они (старики) — последние свидетели ушедшей крестьянской цивилизации, знавшие ту жизнь изнутри, а не снаружи, как познаем ее мы, оторвавшиеся от земли горожане[3]. Таким образом, в книге представлена ленская история глазами очевидцев.

Основой книги послужили воспоминания Петра Ивановича Лыхина. Автор — один из тех многочисленных ленских жителей, которые еще до Великой Отечественной войны покинули родные места. Родившись в 1919 году в деревне Лыхиной Киренского района и окончив семилетнюю школу, в 1936 году он уехал для продолжения учебы в Якутск. Поступил сначала в дорожно-строительный техникум, через год перевелся в техникум пушно-мехового хозяйства, на учетно-плановое отделение. Летом 1940 года, окончив техникум и получив специальность бухгалтера-плановика, он возвратился в деревню, год проработал в колхозе. Затем вновь отправился в Якутск, с лета 1941 года работал помощником бухгалтера в «Якутторге». На второй год Великой Отечественной войны Петр Лыхин был взят в армию и отправлен в Иркутскую военную авиационную школу авиамехаников, в которой учился с июля 1942 по ноябрь 1943 года. После продолжал службу в Бирмском военно-авиационном училище летчиков (г. Черногорск Красноярского края). В качестве авиамеханика обслуживал самолеты с поршневыми двигателями — истребители «Як». В декабре 1945 года в звании старшего сержанта был демобилизован из армии и вернулся в родную деревню.

В 1946 году вновь уехал в Якутск, снова работал бухгалтером в магазинах «Якутторга». Затем в течение шести месяцев учился на курсах повышения квалификации при Якутском техникуме потребкооперации на старшего бухгалтера. Окончив курсы летом 1948 года, поехал в поселок Мухтуя (ныне г. Ленск), но, заболев, бросил работу и вернулся домой.

В 1949 году отправился в Одессу, где на китобойной флотилии «Слава» работал его деревенский друг Василий Бе-

[3] Бердинских В.А. Крестьянская цивилизация в России. — М., 2001. — С. 5.

резовский. Пока оформлялся необходимый допуск за границу, трудился счетным работником в бухгалтерии. После получения допуска из-за открывшегося воспаления легких пройти медкомиссию для работы в китобойной флотилии не смог. Тогда устроился матросом в Советско-Дунайское государственное пароходство и на дизель-тягаче «Саратов» отправился в плавание по реке Дунаю. С осени 1950 до лета 1951 года побывал в Румынии, Югославии, Венгрии, Чехословакии. О Чехословакии, где судно простояло на ремонте четыре зимних месяца (в г. Комарно), у него остались особенно хорошие воспоминания на всю последующую жизнь.

В конце 1951 года П.И. Лыхин приехал на прииск Светлый Бодайбинского района Иркутской области. Работал экономистом в приисковой конторе. Здесь он познакомился с сосланной литовкой, Еленой Францевной Диржюте, вскоре ставшей его женой. Со Светлого, где родился сын Юрий (составитель данной книги), молодая семья в 1955 году переехала на прииск Кропоткин. Петр Иванович работал там экономистом-нормировщиком в разных конторах системы треста «Лензолото».

Летом 1963 года состоялся новый переезд — в районный центр, город Бодайбо. В это время в семье было уже трое детей. Петр Иванович трудился нормировщиком в техснабе треста «Лензолото», затем инженером нормативно-исследовательской группы в управлении треста. В конце 1969 года попал под сокращение и ушел на рабочую должность — плотником РСУ (ремстройучастка). На пенсию вышел в 55 лет, как и было положено в районах, приравненных к Крайнему Северу.

Летом 1974 года Петр Иванович покинул Бодайбо и вместе с семьей уехал из Сибири. В течение последующих 11 лет жил в Литве, в Молдавии (г. Тирасполь), в Украине (гг. Геническ и Черновцы). Осенью 1985 года, поменяв черновицкую квартиру на квартиру в Иркутске, вместе с женой вновь перебрался в Сибирь к дочери и сыну. Затем снова несколько лет жизни в Литве, наконец осенью 1992 года он окончательно вернулся в Иркутск. Жена со второй дочерью остались в Литве. Так сложилась его жизнь.

Воспоминания П.И. Лыхина писались в несколько приемов, в разное время: март — май 1994 года, март – июль 1996, апрель 2000, июль 2000 – февраль 2001 года. Тексты складывались спонтанно, записывались так, как вспоминалось — «alla prima» (с первого раза), без последующей обработки. В связи с этим в них присутствовало много разнообразных

погрешностей. Жизненные события были изложены не в хронологическом порядке, сильно перепутаны. В написанных в разное время текстах содержалось много повторов — рассказов об одних и тех же событиях, изложенных несколько иными словами. Имелось немало стилистических шероховатостей. Все это мешало восприятию воспоминаний, сильно затрудняло их чтение. Поэтому с согласия автора написанное им подверглось переработке составителем книги. За основу были взяты два наиболее связных повествования: о своей жизни и о жителях деревни Лыхиной, написанные в 1994 и 1996 годах. В воспоминаниях была произведена существенная перекомпоновка частей и отдельных фрагментов с целью большего упорядочивания текста, многочисленные повторы объединялись. При этом фразы составлялись из слов автора, взятых из разных фрагментов. Текст корректировался стилистически, орфографически и пунктуационно.

Всякие воспоминания, как зеркало, отражают своего создателя. Личность автора зачастую предстает в них в самом обнаженном виде. Характерно это и для воспоминаний П.И. Лыхина. Несмотря на то, что Петр Иванович довольно рано оторвался от деревенской жизни и с сельским трудом по своей рабочей деятельности не был связан, крестьянское мировоззрение, заложенное в детстве и юности, осталось в нем до самой старости. В труде на земле им, как и всяким крестьянином, видится основа, корень существования. Труд почитается им как нравственный долг и основа нравственного порядка.

Присуще автору и крестьянское стремление иметь большую многодетную — «воистую» — семью. Дети — это подспорье хозяину в любом деле. П.И. Лыхин пишет: «У каждого мужика была желанная мечта создать работящую семью. Чем больше рабочих рук в семье, тем легче, быстрее он справится с неотложными работами в поле, будет кого и оставить взамен себя при хозяйстве в случае, если придется отлучиться на сторонние заработки. Веселее, надежнее взирать на семью за столом, радостнее глядеть на воистую семью на работе. Хорошую, трудовую семью большая беда обходит стороной, хуже крестьянину-одиночке — никто его не порадует, не обнадежит. Унылый тяжкий труд без просвета тяжелым камнем давит на сознание».

Примечательно и то, что описание деревенских семей П.И. Лыхин часто начинает с лошадей, прекрасно помня даже в старости, как они выглядели, какой имели характер. В крестьянском хозяйстве прошлого невозможно было прожить без

лошадей — единственной тогда тягловой силы. Без лошадей крестьянин не в состоянии был обеспечить себя и свою семью. В этом и кроется особое к ним отношение. Лошадей берегли и любили, они едва ли не считались членами семьи. Подчас же они и значили больше, чем иные члены семьи — увечные или дети, часто тогда умиравшие.

Воспоминания П.И. Лыхина проникнуты любовью к природе, что также присуще крестьянскому мировоззрению и мировосприятию. В его зарисовках природы есть совершенно поэтические страницы (к примеру, описание птичьего базара на восходе солнца) и в то же время — горечь и боль за погубленную природу в родных деревенских местах.

Нельзя не остановиться еще на одном моменте. Как ни крути, любые воспоминания представляют собой субъективный взгляд на прошедшее. Субъективность эта закономерно присутствует как в освещении событий, так и в оценке людей. Это следует иметь в виду при чтении представленных в книге воспоминаний, и в первую очередь воспоминаний П.И. Лыхина, которым свойственна не только предельная искренность изложения, но и крайняя пристрастность, очевидный субъективизм и резкость оценок. Не всегда соглашаясь с автором, с его видением и его оценками, составитель книги, тем не менее, не счел возможным при подготовке к печати «подправлять» или «приглаживать» написанное.

Если воспоминания П.И. Лыхина охватывают довольно широкий хронологический период (начиная с 1920-х и вплоть до 1990-х гг.), то следующий автор, Ю.П. Бараков, по нашей просьбе сосредоточивается только на детских и отроческих годах, которые прошли на реке Лене во второй половине тридцатых — самом начале пятидесятых годов прошлого века. Юрий Петрович Бараков родился 25 июля 1935 года в деревне Кондрашиной Киренского района в многодетной крестьянской семье. Как и все деревенские дети, работать он начал рано: в весенние месяцы боронил колхозную пашню, развозил на поля навоз в таратайках, в период сенокоса возил копны, в жатву — снопы, был коногоном на конной молотилке. Для деревенских школьников даже летние каникулы означали трудовой сезон без каких-либо выходных дней, совместно со взрослыми. Впрочем, работа не изнуряла детей, была посильна, хотя им и приходилось все лето, каждый день вставать до восхода солнца и ложиться спать после его захода.

Полученное в крестьянской семье воспитание, привитые в раннем детстве нравственные устои, трудолюбие, считает

сам автор, очень помогли ему во всей последующей жизни.

В 1948 году неожиданно, в возрасте 43 лет, умер отец Юрия Петровича. Тогда, после шестого класса, когда автору было всего 12 лет, фактически и закончилось его детство. Чтобы хоть как-то облегчить участь семьи, маленького Юру забрала сестра Мария Петровна (в замужестве Лобанова) и увезла его в город Якутск, где она к тому времени окончила финансовый техникум и работала в Мархинском райфинотделе (в пригороде Якутска). После окончания седьмого класса в 1949 году Ю.П. Бараков поступил в Якутский речной техникум[4] и стал жить в общежитии. Мизерной стипендии не хватало на жизнь. В свободное от учебы время был вынужден грузить уголь на пристани, работать курьером и т. п. Сполна пришлось ему узнать в те годы, почем фунт лиха. Каждое лето приезжая на каникулы в деревню, с великой радостью воспринимал он возвращение в родные места, с удовольствием общался с братьями и своими сверстниками, отъедаясь после голодухи на домашних харчах. В то же время за каникулы успевал впрок, на весь год, отремонтировать матери и младшим братьям зимнюю и летнюю обувь.

Благодаря трудовой закалке, полученной в деревне в раннем возрасте, да помощи сестры, оказываемой из ее небольшой зарплаты, техникум он окончил. Из 35 человек, поступивших на первый курс, до выпуска дошло всего лишь восемь. С дипломом техника-судомеханика по эксплуатации судовых паросиловых установок в 1953 году Ю.П. Бараков вышел на самостоятельную дорогу жизни. Некоторое время трудился в Якутске, затем приехал на озеро Байкал, где начал работать судовым механиком, а в 25-летнем возрасте был уже главным инженером порта Байкал.

С 1962 года Ю.П. Бараков живет на Дальнем Востоке. Получил высшее образование, окончив кораблестроительный факультет Дальневосточного политехнического института во Владивостоке. Работал начальником конструкторского бюро Владивостокского морского торгового порта. Параллельно учился в заочной аспирантуре Всесоюзного института научной и технической информации в Москве. В 1972 году получил приглашение на работу в только что организованный Дальневосточный научный центр АН СССР, где создавал отдел научной информации и впоследствии был его руководителем. В 1976 году защитил кандидатскую диссертацию, по совместительству преподавал в технических вузах Владивостока. Име-

[4] С 1 сентября 1952 г. — Якутское речное училище.

ет целый ряд научных работ и изобретений. Неоднократно был участником Выставки достижений народного хозяйства страны (ВДНХ СССР), награжден ее Бронзовой медалью. Его трудовая деятельность отмечена двумя правительственными наградами (медалями). Все это смогло состояться, как считает сам Юрий Петрович, благодаря тем качествам, которые он получил в своем крестьянском детстве, прошедшем на реке Лене.

Воспоминания Ю.П. Баракова посвящены деревенскому труду и быту — тому, что запечатлелось в детской памяти и осмыслено уже пожилым человеком, в 2003 году. При этом автор описывает не столько себя в детстве, сколько вообще детство в деревне, проходившее в первую очередь в домашнем труде и школьных обязанностях и лишь потом в играх и забавах. Воспоминания Ю.П. Баракова хорошо систематизированы, имеют аналитический характер, изложены сжато и емко. Особый интерес представляют размышления автора о родовой памяти ленских крестьян.

Детством, прошедшим в предвоенную пору (вторая половина 1920-х гг. – 1941 г.), ограничены и следующие воспоминания, Владимира Васильевича Лыхина. Родился В.В. Лыхин 28 июля 1924 года в деревне Лыхиной. В родной деревне он прожил всего около пяти лет, затем начались многочисленные переезды с места на место. Его отец, Василий Николаевич Лыхин, в 1920-е годы работал в интегральном товариществе в соседнем с деревней Лыхиной селе Петропавловске, затем ему предложили работу в Киренском райисполкоме уполномоченным по сбору продовольствия от крестьян для нужд советской власти. В 1928 году большая часть их семьи переехала в районный город, Владимир на некоторое время остался в деревне с дедом, но в 1929 году тоже уехал в Киренск. В начале 1932 года в связи с переходом отца из Киренского райисполкома на работу в систему Главного управления Северного морского пути Владимир вместе с родителями переехал в деревню Верхнюю, а через несколько месяцев — в Нижнюю Корелину на реке Нижняя Тунгуска, там он восьми лет пошел в школу, в первый класс. В 1934 году родительская семья снова переехала в Киренск, там Володя начал учиться в третьем классе, а через год — в поселок Пеледуй, в средней части реки Лены, где разворачивалось строительство Пеледуйской судостроительной верфи и рабочего поселка.

Семья Лыхиных, как и многие в то время, жила небогато, если не сказать — просто бедно. Хлеб и основные продукты долгие годы получали по карточкам, домашнее имущество

имели самое простое и немудреное. Частые переезды семьи с четырьмя, а затем и с пятью детьми не способствовали повышению материального достатка. Однако осознание этой нищеты пришло только много лет спустя. А тогда, в детстве, все это не воспринималось остро, даже аресты 30-х годов не сильно отразились на детском сознании автора. В Пеледуе В.В. Лыхин «закончил четвертый и пятый классы, просидел два года в шестом, в 1941 году осилил седьмой класс». Учебе он не придавал особого значения. Не имея больше желания учиться, после семилетки пошел на производство, на судоверфь. Начало трудовой деятельности совпало с началом Великой Отечественной войны. Так закончилось детство, началась суровая военная юность.

В ноябре 1941 года на 41-м году жизни умер отец, Василий Николаевич Лыхин. Многодетная семья осталась без основного кормильца. В июле 1942 года В.В. Лыхину исполнилось 18 лет, и уже в августе он был призван в армию. После окончания полковой школы в Забайкалье в звании младшего сержанта был отправлен на фронт. Участвовал в Курском сражении, под станцией Поныри был серьезно ранен. После лечения в госпиталях оказался на Забайкальском фронте, принял участие в боях с Японией.

Демобилизовался В.В. Лыхин в марте 1947 года в звании старшего сержанта. Вернувшись в Пеледуй, почувствовал, что нужно учиться дальше. Послал документы в Якутский речной техникум, но, приехав в Якутск, в сентябре 1947 года получил направление в Свердловское пожарно-техническое училище.

По окончании училища в 1950 году в звании техника-лейтенанта распределился в Иркутск в военизированную пожарную охрану авиационного завода. Одновременно с работой окончил вечернее отделение Иркутского авиационного техникума, получив специальность авиационного техника-технолога.

В 1957 году был направлен в Москву на двухгодичные курсы повышения квалификации. Однако, не видя в курсах перспективы получения высшего образования, через полгода вернулся в Управление пожарной охраны УВД Иркутской области. Был назначен в Первую военизированную пожарную часть на должность начальника дежурного караула, через год — заместителем начальника этой части.

С лета 1960 года стал работать начальником пожарно-испытательной станции. Новая служба потребовала больших инженерно-технических знаний, в связи с чем в 1963 году поступил учиться на заочное отделение инженерного факультета Московской высшей школы МВД СССР. Продолжая

службу, в 1968 году закончил учебу. После защиты диплома в Москве вернулся в Иркутск, где в это время образовывалось Иркутское пожарно-техническое училище. Начал работать старшим преподавателем, затем заместителем начальника учебного отдела. В 1978 году в Иркутске на базе училища был организован инженерный факультет Высшей инженерной пожарно-технической школы МВД СССР. Стал начальником учебного отдела. Рос в звании: майор, подполковник, полковник. В 1984 году по исполнении 60 лет вышел в отставку в звании полковника. Общий срок службы составил 44 года. Инвалид Великой Отечественной войны. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За победу над Японией» и другими многочисленными правительственными наградами. По-прежнему живет в Иркутске.

Воспоминания В.В. Лыхина были написаны в 2004 году. Им присуща некоторая эмоциональная сдержанность, продуманность и взвешенность изложения. В центре повествования — детство автора, проведенное в разных местах, но так или иначе связанных с рекой Леной. В ярких детских впечатлениях описываются родная деревня, Киренск и Нижняя Тунгуска, верховья которой находятся всего в трех десятках километров от ленских берегов. Значительное место уделено Пеледую, где автор провел наиболее осознанные годы своего детства. В описаниях рабочего поселка и его окрестностей, Пеледуйской судостроительной верфи приводится множество интересных подробностей, не имеющихся в других текстах.

Следующие воспоминания в книге принадлежат иркутскому писателю Василию Владимировичу Гинкулову (Шелехову) и ограничиваются буквально несколькими годами — с 1939 по 1944-й, в которые родители автора проживали в селе Петропавловске на реке Лене.

Родился В.В. Гинкулов 10 февраля 1929 года в селе Тунка Бурятской АССР в семье учителя. В 1939 году вместе с родительской семьей после двух лет жизни в Ставропольском крае (в станице Суворовской близ Пятигорска) он оказался в селе Петропавловске. Здесь в годы Великой Отечественной войны Василий окончил семилетнюю школу. В 1944 году семья Гинкуловых перебрались в Киренск, а через год в Якутию, в поселок Эльдикан на реке Алдан, куда отца назначили директором школы. В 1948 году В.В. Гинкулов с серебряной медалью окончил среднюю школу и осенью того же года поступил в Якутский пединститут на филологический факультет.

После нового переезда родителей в Иркутскую область (пос. Урало-Ключи Тайшетского района) продолжил учебу на историко-филологическом факультете Иркутского педагогического института. В 1952 году, получив диплом с отличием, отказался от аспирантуры, работал преподавателем русского языка и литературы в средних школах Тайшетского района. В 1957 году В.В. Гинкулов уверовал в Бога, скрывать этого ни от кого не стал и подал заявление о выходе из рядов коммунистической партии. В результате из школы пришлось уйти. На жизнь стал зарабатывать физическим трудом, перепробовал немало рабочих специальностей — работал арматурщиком, кочегаром, электросварщиком на строительстве Красноярской ГЭС, освоил профессию слесаря-сантехника. В возрасте 33 лет обратился к литературному творчеству. В автобиографии он так вспоминает об этом: «Как будто давно копившиеся воды вдруг прорвали плотину и ринулись на простор! Я писал днями и ночами, забывая о еде и отдыхе». В 1964 году, убедившись, что стать писателем, живя на периферии, невозможно, перебрался в Иркутск. Более 20 лет, до выхода на пенсию, трудился слесарем на Иркутском авиационном заводе. Печатался в газетах, в выходящих в Иркутске альманахе «Ангара» и журнале «Сибирь». Литературный псевдоним взял в честь матери, Матрены Егоровны, и деда, тункинского купца Егора Андреевича Шелехова. Первая книжка рассказов и очерков — «Глухариные хитрости» — вышла в 1974 году. Позже стал автором романов «Утрата невосполнимая» и «Сумасшествие», а также сборников повестей, рассказов и очерков «Даль сибирская», «Психи в моей жизни», «Живи, тайга». Член Союза писателей России, живет в Иркутске.

Воспоминания В.В. Гинкулова, написанные в 2004 году, во многом перекликаются с его ранее опубликованной повестью «Ленские плесы»[5]. Но если в повести автор стремился в первую очередь к художественному изложению своих ленских впечатлений, то в воспоминаниях он в большей степени сосредоточивается на подробностях этнографического характера. В отличие от других авторов книги, В.В. Гинкулов — не коренной ленский житель. Его воспоминания интересны как взгляд человека нового для описываемых мест. На контрасте с югом России, откуда он тогда приехал, многое показалось ему необычным на Лене, а значит, острее были восприняты особенности ленской жизни. Автор отмечает немало момен-

[5] Белан Н.Е., Гинкулов В.В., Спиридонов Е.В. Повести. — Иркутск, 1977. — С. 122–214.

тов, которым местные жители обычно не придают значения, мимо чего привычный глаз скользит.

Когда книга была фактически собрана, удалось разыскать давно написанные и сохранившиеся до наших дней воспоминания еще одной ленской жительницы — Марии Иннокентьевны Дмитриевой. Она родилась в 1888 году в селе Знаменка Верхоленского уезда Иркутской губернии (ныне Жигаловский район Иркутской области) в семье Иннокентия Ивановича и Татьяны Семеновны Серебренниковых. Родным братом Марии Иннокентьевны был Иван Иннокентьевич Серебренников, известный впоследствии общественный деятель и исследователь Сибири.

Образование Мария Иннокентьевна получила характерное для своего времени — четыре класса церковно-приходской школы. В 1906 году, 18 лет, она вышла замуж за Николая Степановича Дмитриева, 1879 года рождения, жившего в селе Банщиково Киренского уезда — родном селе ее матери, урожденной Дмитриевой.

Многочисленная семья Дмитриевых, в которой оказалась после замужества Мария Иннокентьевна, тесно общалась с политическими ссыльными, приписанными на поселение к ленским деревням. Более того, Дмитриевы оказывали им всевозможную поддержку и помощь, принимая участие в проведении революционной работы в деревне: печатали на гектографе прокламации и листовки, хранили и распространяли нелегальную литературу, помогали скрываться беглецам и т. д. Не случайно поэтому ссыльнополитическим в воспоминаниях М.И. Дмитриевой уделено немало места. Подробно написала она и о деятельности своего мужа, Н.С. Дмитриева, его братьев и сестер.

При установлении советской власти в Приленье в 1917 году Николай Степанович Дмитриев был избран в члены Банщиковского Совета. Казалось бы, наступило время для счастливой жизни, но тут и началось то, что сама Мария Иннокентьевна назвала «хождением по мукам».

С приходом к власти белых в августе 1918 года Николай Степанович был впервые арестован и до середины марта 1919 года сидел в Иркутской тюрьме. После освобождения, с марта по август месяц, занимался сельским хозяйством, а с 15 августа по ноябрь служил агентом американской фирмы по закупу пушнины.

28 ноября 1919 года он вновь был арестован, до 17 декабря сидел в Киренской тюрьме. В декабре 1919 года в Киренске был создан революционный комитет, в который был

введен и освобожденный из тюрьмы Н.С. Дмитриев. В январе–феврале 1920 года проходил уездный съезд Советов, Николай Степанович как представитель ревкома присутствовал на нем, был избран в состав президиума съезда. Вскоре после съезда в Киренске начали создаваться новые общественные учреждения уездного значения и утверждаться их руководители. С 1 апреля 1920 года Н.С. Дмитриев был назначен Киренским уездным военным комиссаром.

5 августа 1920 года на экстренном заседании членов Киренской организации РКП(б) было принято постановление о реорганизации ревкома. Его председателем был назначен Н.С. Дмитриев, к обязанностям которого ему поручили приступить сразу же после сдачи обязанностей военкома. Но этого не произошло, военкомом он оставался почти до 1921 года.

В начале октября 1920 года Н.С. Дмитриев был арестован в очередной раз, на сей раз по обвинению в заговоре против советской власти, однако в ходе следствия был оправдан как арестованный «ошибочно». После этого Н.С. Дмитриев решил оставить Киренск и вернуться в родное село. Несколько лет он работал председателем Подкаменского кредитного сельскохозяйственного товарищества, но и здесь не избежал своей участи — нового ареста по сфальсифицированному обвинению, по которому был осужден на два года тюрьмы. Вернувшись из заключения, Николай Степанович получил приглашение возглавить новый лесозаготовочный участок по реке Тунгуске в селе Преображенском Ербогачёнского района. В самом начале 1929 года он отправился туда, вскоре вслед за ним уехали Мария Иннокентьевна с младшей дочерью Ниной. Остальные дети остались в Банщиково с бабушкой Марией Алексеевной. В июле 1931 года Н.С. Дмитриев заочно попал под кампанию раскулачивания, в результате чего был причислен к кулакам, лишен избирательных прав и родительского дома. (Позже дом Дмитриевых был перевезен в Киренск, в нем расположился сначала парткабинет, а затем народный суд.)

По всей видимости, в начале 1932 года семья Дмитриевых выехала из Преображенского в Киренск, а оттуда через некоторое время переехала в село Витим. Там Н.С. Дмитриеву предложили работу по перевозке вербованного населения по рекам Лене и Витиму до Бодайбо, на золотые прииски. Но в 1937 году он был обвинен в нарушении условий перевозки рабочих, освобожден от работы и отправлен в Бодайбо, где его осудили на 10 лет. Отбывал срок в колонии строгого

режима на Дальнем Востоке. Был освобожден в 1942 году досрочно, по болезни и возрасту. Мария Иннокентьевна в то время жила в поселке Куйтун Иркутской области. Вскоре после возвращения Николай Степанович и Мария Иннокентьевна уехали в Якутск, где жили вместе с сыном Олегом, а после войны вернулись в Иркутскую область, поселившись в поселке Суетúха Тайшетского района (с 1967 г. — г. Бирюсинск) с дочерьми Татьяной и Ниной.

По воспоминаниям родственников, Николай Степанович в старости был немногословным, его сломили годы, проведенные в тюрьмах, куда садили и враги, и, казалось бы, единомышленники. В последние годы жизни он много читал, но никогда не вспоминал и не рассказывал о прошлом. Умер Н.С. Дмитриев в Суетихе 16 мая 1956 года.

Мария Иннокентьевна Дмитриева, родив семерых детей, всю свою жизнь посвятила им и дому. Вела хозяйство, сопровождала мужа в переездах, которых было в их жизни много. Прожила она сложную, во многом трагическую жизнь, основные эпизоды которой описаны в воспоминаниях.

Мария Иннокентьевна в целом была натурой едва ли не противоположной мужу. От рождения она была одарена немалыми способностями и талантами. Присущее ей творческое начало получило выход в театральной самодеятельности. Вместе с братом мужа, А.С. Дмитриевым, она стала инициатором создания театрального кружка и первого клуба в селе Банщиково. В 1910-х годах там регулярно ставились их спектакли. С детства Мария Иннокентьевна играла в шахматы и увлекалась ими до самой старости. В своих воспоминаниях она описывает встречу и шахматную партию с Л.Д. Троцким. Играла она и в преферанс, музицировала на гитаре, прекрасно рассказывала, была душой любой компании. На ее образованности и широте знаний во многом сказалась дружба с политическими ссыльными. С молодости она интересовалась медициной, имела специальную литературу, оказывала медицинскую помощь ленскому населению. В результате всего этого пользовалась большим уважением со стороны односельчан и знавших ее людей.

В пожилом возрасте Мария Иннокентьевна много читала, живо интересуясь всем, что происходило в стране. Откликалась на то, что встречала в газетах или слышала по радио. Как-то услышала она радиопередачу, в которой упомянули фамилию Таратута. Она заинтересовалась этим, поскольку знала ссыльнополитического Александра Таратуту. Написав на радио письмо, получила ответ с адресом Евгении Алек-

сандровны Таратута, автора книг об Э.Л. Войнич. Как оказалось, она была дочерью того самого Саши Таратуты, ленского ссыльного. Позже он эмигрировал во Францию, в Париже у него родилась дочь Евгения. Е.А. Таратута ответила Марии Иннокентьевне письмом, выражая удивление, что кто-то в Сибири помнит ее родителей. Впоследствии она послала ей свою книгу о Войнич с дарственной надписью. Когда Мария Иннокентьевна жила некоторое время в Москве у сына Степана, они лично встречались.

Прочитав в 1964 году адресованную «любознательным» газетную заметку о Тунгусском метеорите, она написала о том, чему была свидетелем летом 1908 года, в Комитет по метеоритам Академии наук СССР. Получила оттуда ответ с благодарностью за ценное сообщение.

Еще до Великой Отечественной войны она записывала для себя народные пословицы и поговорки. Обнаружив в 1965 году в «Комсомольской правде» маленькую заметку о пословицах доцента Абаканского педагогического института Б.М. Ховратовича, Мария Иннокентьевна послала ему свои записи. В изданной впоследствии книге он благодарил ее за оказанную помощь[6].

Интересовалась Мария Иннокентьевна искусством, литературой, поэзией, любила Пушкина и Лермонтова, сама пыталась писать стихи. Свои стихи, посвященные Пушкину, послала в музей А.С. Пушкина в Москве. Следила Мария Иннокентьевна и за событиями в покорении космоса, и за спортивными соревнованиями. До последних своих дней проявляла она интерес к жизни, сохраняя прекрасную память. В старости могла пересказать роли из Островского, которого они играли еще до революции, пересказывала книги, прочитанные 20–30 лет назад. Ее дочь, Нина Николаевна Дмитриева, писала о ней: «Будучи больным человеком, на больничной койке после операции в возрасте 81 год, в газете она увидела фотоснимок двух шахматистов и начала нам с Татьяной рассказывать все о них. А утром следующего дня ее не стало». М.И. Дмитриева скончалась в городе Бирюсинске Иркутской области 18 мая 1969 года.

Писать свои воспоминания Мария Иннокентьевна начала для детей, внуков и правнуков в возрасте 76 лет и продолжала до самой кончины, возвращаясь к ним снова и снова. Пос-

[6] Поле любит труд: Русские народные пословицы и поговорки о сельском хозяйстве / Сост. Б.М. Ховратович. — Красноярск, 1966. — С. 16.

ле смерти М.И. Дмитриевой бóльшая часть текстов хранилась у ее дочери Татьяны Николаевны Дмитриевой, а затем у внучки, Генриетты Кирилловны Нартовой, живущей ныне в суверенном Казахстане, в городе Усть-Каменогорске. Благодаря Генриетте Кирилловне воспоминания М.И. Дмитриевой были переданы в Архитектурно-этнографический музей «Тальцы» и начали готовиться к публикации.

Воспоминания М.И. Дмитриевой записаны крупным, слегка подрагивающим почерком с небольшим наклоном влево более чем в 30 школьных (12-листовых) и общих тетрадях. Немалую часть их составляют черновые записи, которые потом переписывались автором в другие тетради. При этом из повествования часто упускались некоторые имеющиеся в черновиках подробности и добавлялись новые эпизоды, о которых вспоминалось в процессе переписки. Тетради не имели единой нумерации. Нередко в начале тетради записывался один жизненный эпизод, а конец тетради посвящался совсем иным событиям. Целостного, связного текста воспоминаний, таким образом, не существовало. Поэтому с воспоминаниями М.И. Дмитриевой пришлось проделать ту же работу, что и с воспоминаниями П.И. Лыхина: перекомпоновать их, упорядочив текст.

Воспоминания М.И. Дмитриевой во многом описывают дореволюционный период ленской жизни, начиная с 1890-х годов. Таким образом, они свидетельствуют о наиболее раннем времени, о котором ни один из ныне живущих стариков рассказать не может. Однако воспоминания Марии Иннокентьевны ценны не только содержащейся в них информацией. Бесхитростный женский рассказ о пережитых жизненных коллизиях и страстях человеческих трогает душу и читается на едином дыхании. Некоторые моменты в ее повествовании кажутся столь невероятными, что, не случись они в действительности, их можно было бы счесть фантазией изощренного беллетриста. Без сомнения, воспоминания М.И. Дмитриевой по силе эмоционального воздействия не уступают тому, что мы видим на теле- и киноэкранах.

В целом же вошедшие в книгу воспоминания, дополняя друг друга, полнокровно отражают жизнь ленских крестьян в первой половине XX века. Прошедшее встает перед читателем ярко и образно во всех повседневных трудах и заботах, событиях и переживаниях людей. Благодаря авторам воспоминаний и мы, читатели, становимся очевидцами того, что происходило еще до нашего рождения.

Ю.П. Лыхин

М.И. Дмитриева

О пережитом

Желание написать о прожитой жизни у меня появилось давно. Я просила мужа помочь мне в этом, поскольку отдельные моменты нашей совместной жизни за 50 лет он знал лучше и более подробно, к тому же повествование хотела начать с родословной Дмитриевых. Мне он на это ответил: «Кому это нужно? И зачем?» Сама не решалась, хотя была уверенность, что в памяти хорошо сохранились события и жизнь прошлых лет.

Когда почувствовала, что резко ухудшается зрение (катаракта) и может наступить момент полной слепоты, а тогда будет уже поздно, я начала писать свои воспоминания. Это отчасти отвлекло меня от страшной мысли о слепоте. Я даже пробовала на всякий случай писать с закрытыми глазами. Для этого закручивала край листа на два-три оборота, чтобы получалась кромка и перо не переходило выше и не опускалось вниз. Приспособиться при этом помогал немного указательный палец левой руки. После первой строчки снова завертывала кромку.

В 1964 году мне пришлось поехать на операцию в Восточный Казахстан, в город Усть-Каменогорск к дочери Нине. Она тоже врач (рентгенолог), благодаря ее заботам было сделано все необходимое. Перед операцией я, конечно, волновалась, как-никак 76 лет, но перенесла сравнительно ничего. Когда через три дня сняли повязку с оперированного глаза и врач проверяла его, я резко увидела ее своим до этого темным глазом, только в очень уменьшенном виде, — впечатление осталось, как в «медальоне». Я невольно произнесла: «Доктор! Я вас вижу, спасибо!» «Да, — сказала она, — вы будете теперь видеть». Это чувство радости за восстановленное зрение поймет только тот, кто его потерял. Помню, незадолго до операции я получила три письма, и первым желанием было, как всегда, узнать, что пишут. Перепробовала все очки, какие были у меня, плюс и минус, но не только прочесть, я не видела даже строчек.

Кроме всего, сложилось еще одно обстоятельство в моей жизни, которое заставило меня взять перо в руки, чтобы на какое-то время забыть о пришедшей беде. Многое можно простить и забыть, но не такой недостаток, вернее порок — если свой родной, кровный сын «тонет» в несчастном вине,

Мария Иннокентьевна Дмитриева

не сознавая, какой приносит вред себе, семье и обществу. Я считаю, преступник, отбывающий срок наказания, может исправиться и стать человеком, алкоголик — никогда.

Вот эти две основные причины побудили меня к этому повествованию. Я нахожу в нем какое-то утешение, забываю обиды и огорчения, и отчасти укрепляется память, которая таким, как я, изменяет на каждом шагу.

Начну свое повествование с родословной Дмитриевых, которую мне оставил на память родственник — Александр Семенович Дмитриев, брат моей матери. Эта родословная в виде могучего дерева со стволами и ветками составлена им на протяжении двух столетий. В него вписывались имена всех из поколения в поколение, отмечались по цвету кружки мужские и женские, а от них писались имена дальнейших потомков. Дочери только записывались, но их продолжение рода не отмечалось, так как они выходили замуж.

Все Дмитриевы когда-то были связаны узами прямого родства, а с течением времени в большинстве стали считать себя только однофамильцами. Так как на протяжении двух веков Дмитриевы не выезжали никуда и не меняли своего места жительства (врастали, как говорили раньше, в землю,

рождались и умирали на ней), поэтому Дмитриевых оказалось более чем полдеревни, и для удобства, чтобы не запутаться в них, все имели свои прозвища. (Кроме Дмитриевых в Банщиково жили Жарниковы, Зарукины, Черкашины, Инешины и другие. Некоторые из них тоже имели прозвища.)

Наша семья называлась Степановскими, и не случайно. Начиная от первого предка — донского казака Степана Степановича Дмитриева, который поселился в деревне Банщиковой по реке примерно в 1745 году[7], на протяжении 170 лет имя «Степан» повторилось не один раз. Опишу, как это произошло, хотя это не так просто. Недаром некоторые говорили, что в родословной Дмитриевых можно запутаться. Если посмотреть на родословное дерево, все становится ясно, а мне тем более, поскольку я многих помню и знаю, но когда хочешь это описать, то получается что-то вроде «сказки про белого бычка».

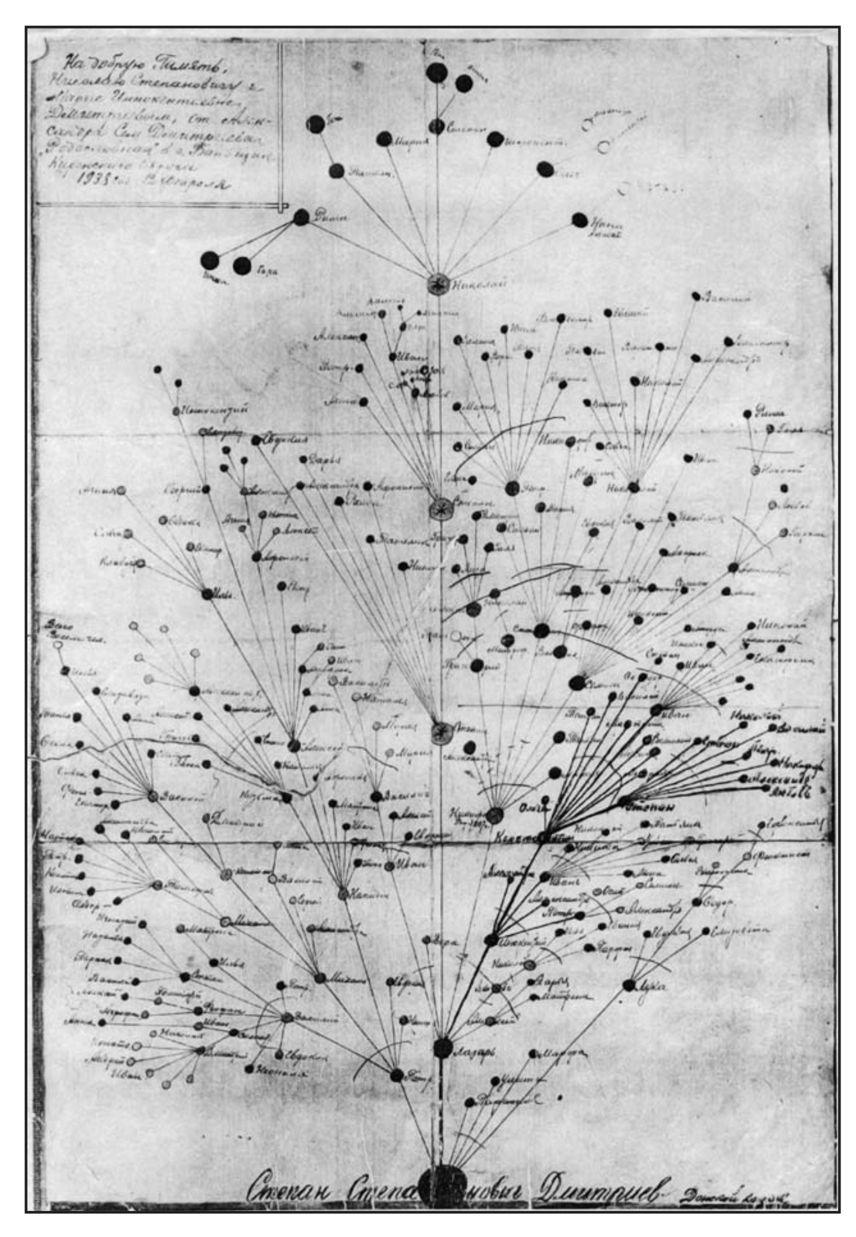
У первого предка, Степана Степановича, по линиям и именам, которые идут от него, детей было шесть человек, три сына и три дочери: Петр, Лазарь, Лука, Парасковия, Улита и Марфа. При записи я выделяю имя Лазаря, поскольку потомство Степановских пойдет через него.

У Петра было три сына — Василий, Михаил и Капидон. У Василия Петровича (первая ветка слева) пять сыновей — Петр, Илья, Степан, Феофан и Силантий. У Петра Васильевича детей не было, у Ильи — дочь Матрена (родители ее, Илья Васильевич и Агафия Дмитриевна, взяли зятя в дом — Ивана Михайловича Черкашина). У Степана Васильевича два сына — Игнатий и Василий по прозвищу «Кукуйские» (жили на вы-

---

[7] В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в материалах переписи, датированной 27 февраля 1745 г. (2-я ревизия), обнаружена первая по времени запись о Дмитриевых, в которой упомянут как посадский Илимского острога без указания места проживания «Соли Вычегодской из крестьян Степан Дмитриев 35 [лет]» (РГАДА, ф. 494, оп. 1, д. 1216, л. 746). Таким образом, архивные данные в чем-то подтверждают семейную легенду Дмитриевых, но и противоречат ей в части происхождения — пришедший на Лену предок Дмитриевых был крестьянином с Русского Севера.

Сын Степана Дмитриева, Степан Степанович, родился около 1749 г., по всей видимости, уже на р. Лене. По сохранившимся в Государственном архиве Иркутской области (ГАИО) данным 5-й ревизии (1794 г.), Степану Степановичу Дмитриеву, крестьянину деревни Банщиковской, было 45 лет (ГАИО, ф. 9, оп. 1, д. 166, л. 444 об.). «Банчековской деревни крестьянин Степан Степанов Дмитриев» «умре от старости» 28 августа 1820 г. в возрасте 71 года (ГАИО, ф. 50, оп. 3, д. 359, л. 346). *Здесь и далее примечания составителя.*

Родословное древо Дмитриевых

селке Кукуе, но почти рядом с деревней). У Феофана Васильевича — один сын, Поликарп. От Силантия Васильевича по сыну Дмитрию — поколение братьев по прозвищу «Щукиных»: Николай Дмитриевич, Константин, Андрей, Иван.

От второго сына Петра Степановича, Михаила Петровича, идет две ветви. Первая — Михаил Михайлович и сын его Тимофей Михайлович, у которого было пять сыновей, прозывавшихся почему-то по бабушке «Леонтьевские» (а звали ее Аксиния Егоровна). Тимофей Михайлович в 1908 году погиб во время осенней охоты, не вернулся домой. На поиски его выходил отряд охотников с собаками, но найти не могли, а только через год или два обнаружили где-то его кости. Другая большая ветвь от Михаила Петровича идет через Василия Константиновича, у которого дочерей по записи восемь, а сын один — Илья, прозвище имели «Михайловские» (Василий Константинович приходился отчимом Наде — второй жене Александра Степановича Дмитриева[8]).

От третьего сына Петра Степановича, Капидона Петровича, идет две ветви: от Кузьмы сыновья прозывались «Кузьмичами», а от Алексея Капидоновича — «Капидоновские». В настоящее время, на 1968 год, один из потомков по этим линиям проживает в Банщиково — Георгий Александрович Дмитриев, и один в Ленинграде, работает директором на одном из крупных заводов — Иван Ильич Дмитриев (сын Анны Алексеевны).

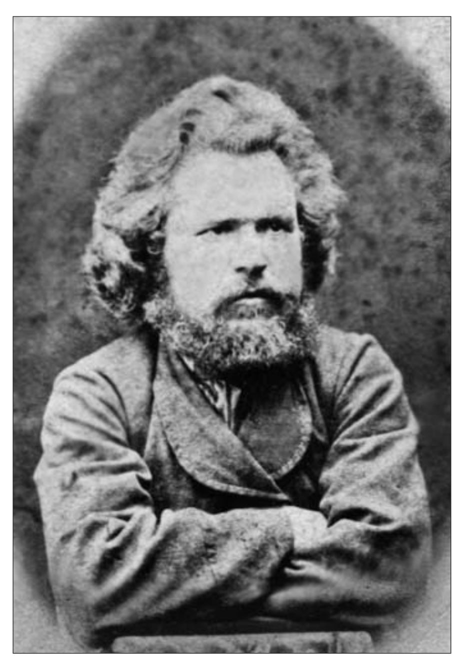
Следующее большое потомство Степана Степановича — от Лазаря Степановича[9]. Лазарь детей имел семь человек. Первая небольшая ветка, от Ивана Лазаревича, имела прозвище «Кустари». От Степана Лазаревича — «Степановские».

Потомство Никифора Лазаревича (это был дед моей матери, год его рождения 1807[10]) прозвище имело «Коришневские»,

---

[8] Родной брат мужа Марии Иннокентьевны Дмитриевой, автора воспоминаний.

[9] Лазарь Степанович Дмитриев родился в 1777 г., о чем свидетельствует запись в метрической книге Чечуйской Воскресенской церкви от 7 ноября 1777 г.: «У устькиренского мещанина Стефана Стефанова Дмитреева родился сын Лазарь» (ГАИО, ф. 50, оп. 3, д. 2, л. 99 об.). В ревизской сказке 5-й ревизии (1794 г.) ему было записано 17 лет. В то время он уже был женат: «У Лазаря жена, взята после ревизии (предыдущей ревизии, 1782 г. — *Ю. Л.*) Чечюйского острогу у крестьянина Ушакова дочь Ульяна» 23 лет (ГАИО, ф. 9, оп. 1, д. 166, л. 444 об.). Умер Лазарь Степанович «сердечной болезнию» 25 октября 1826 г. в возрасте 49 лет (ГАИО, ф. 50, оп. 3, д. 378, л. 76 об.).

Степан Степанович Дмитриев (1847–1907)

по преданию, как будто бы от какого-то дарственного кафтана, который имел коричневый цвет. Никифор Лазаревич детей имел восемь человек: пять сыновей — Семен, Василий, Степан, Митрофан, Григорий, и три дочери. (Семен Никифорович — мой родной дед. Митрофан Никифорович дожил до советской власти.)

Иннокентий Лазаревич имел четыре сына — Александра, Петра, Ивана, Константина, по прозвищу они «Иннокентьевские». Основное потомство идет от Константина Иннокентьевича, детей у него было десять человек. Младший его сын, Федор, детей не имел[11]. У Степана Константиновича — детей семь человек, шесть из них сыновья, и имена он им дал не случайно. Когда-то Степан Константинович говорил: «У меня в семье, как у и вас, — есть Степан Степанович, Александр Степанович, Петр Степанович, Николай Степанович и дочка Любовь Степановна». Степан Константинович погиб во время охоты на медведя[12].

В настоящее время из семьи Иннокентьевских в селе Банщиково проживают единственный из старейших потомков Дмитриевых — Иван Константинович, которому идет девятый десяток лет, и его старший сын, Иван Иванович Дмитриев.

Степан Лазаревич[13] имел детей восемь человек: три сына и пять дочерей. Афанасий и Николай — детей не име-

---

[10] Никифор Лазаревич Дмитриев родился 2 февраля 1807 г., о чем свидетельствует запись в метрической книге Чечуйской Воскресенской церкви: «Молитвен и крещен у крестьянина Лазаря Дмитреева рожденный сын Никифор» (ГАИО, ф. 477, оп. 1, д. 1, л. 146).

[11] Судя по родословному древу, у Федора Константиновича Дмитриева был сын Степан.

[12] В 1947 г., по свидетельству его сына, Георгия Степановича Дмитриева, ныне живущего в Иркутске.

[13] Родился 29 июля 1815 г. (ГАИО, ф. 477, оп. 1, д. 1, л. 182 об.).

Дочери Николая Степановича и Марии Иннокентьевны Дмитриевых (слева направо): Татьяна Николаевна, Римма Николаевна, Мария Николаевна, Нина Николаевна

ли. Дочери — Раиса, Дария, Татьяна, Александра и Евдокия, в счет не идут. Родословная по этой линии продолжается от Степана Степановича Дмитриева (он является правнуком первому предку), год его рождения 1842[14]. Детей он имел семь человек: четыре сына, три дочери[15]. Из них Александр детей не имел. Петр не был женат, погиб трагически. Самый младший сын Степана Степановича, Иван, — женат, год рождения 1885[16], имеет сына (неженат) и дочь, а также три внука со стороны дочери.

Николай Степанович[17], год рождения 1879, женат, детей

[14] Неверно. Степан Степанович Дмитриев родился 20 июля 1847 г. (ГАИО, ф. 50, оп. 3, д. 662, л. 396 об.). Эта дата подтверждается и ревизской сказкой 10-й ревизии (1858 г.), в которой ему было указано 11 лет (ГАИО, ф. 696, оп. 1, д. 1, л. 104 об.—105).

[15] Четыре дочери. На родословном древе не обозначена еще одна из дочерей Степана Степановича, Вера, родившаяся 24 августа 1888 г. (ГАИО, ф. 790, оп. 1, д. 12, л. 23 об.).

[16] Неверно, в 1885 г., 1 сентября, родилась Любовь Степановна (ГАИО, ф. 790, оп. 1, д. 10, л. 213 об.). Иван Степанович Дмитриев родился около 1890 г. — в исповедной росписи Чечуйской Воскресенской церкви за 1893 г. ему было записано три года (ГАИО, ф. 50, оп. 1, д. 10709, л. 503 об.).

Олег Николаевич Дмитриев

семь человек: три сына — Степан, Иннокентий, Олег, четыре дочки — Римма, Татьяна, Мария, Нина. При рождении первого сына в 1912 году отец и вся семья пожелали дать ему имя деда, Степана Степановича, и первого предка в роду, тоже Степана Степановича. В старину, по традиции, было принято давать имена дедушек и бабушек. Так вот и шло из поколения в поколение — то Степан, то Степанович.

Степан продолжения рода не имеет, поскольку у него одна дочь. Иннокентий не был женат, погиб в Отечественную войну в 1941 году. Олег, год рождения 1920, женат, имеет два сына и дочь — Иннокентия, Александра и Татьяну. Нина, год рождения 1922, по счету седьмая — детей две дочери. Сыновей нет ни у одной дочери, но наши правнуки, Павлуша, Сережа и Миша, заняли свои места в этой родословной.

По моим подсчетам, в настоящее время, 1968 год, идет седьмое поколение[18]. В конечном счете эта линия сошла почти на нет. Александр и Иннокентий пока продолжают род Дмитриевых, а может, на них и закончится вся родословная по нашей линии.

Я хотела бы подчеркнуть значение такой родословной, которая нужна для того, чтобы хорошо знать не только родителей, а дедушек и прадедушек, а также и прабабушек.

Мне почему-то кажется, что в семье Степановских не знали бабушку, мать Степана Степановича, откуда она ро-

[17] Муж Марии Иннокентьевны Дмитриевой, автора воспоминаний.

[18] Если учесть «Соли Вычегодской из крестьян» Степана Дмитриева (см. примеч. 7), то восьмое поколение.

дом и как ее звали[19], а также неизвестны родители его жены, Марии Алексеевны. Я знаю только, что родина ее — Беренгилова, знала также ее сестер — Алену Алексеевну, Агафию Алексеевну и Юлию Алексеевну. В 1906 году, когда я стала членом семьи Степановских, то моей свекрови, Марии Алексеевне, было 54 года, значит, год ее рождения — 1852[20]. По ее рассказам, когда ей было лет 18–20, свирепствовала эпидемия черной оспы и мать их дала обещание, если дети ее останутся живы, то одна из дочерей должна сходить в Иркутск пешком (это более тысячи километров) в зимнее время отслужить благодарственный молебен и поклониться мощам святителя Иннокентия 9 февраля по старому стилю. Это был большой сибирский праздник. С ней шли еще две женщины, называли таких «богомолками» или «странницами». Это, пожалуй, было единственное большое событие в жизни мамы (свекрови).

Мария Алексеевна Дмитриева

О своих я знаю только то, что у моего отца, Иннокентия Ивановича Серебренникова, его отца, а моего деда, звали Иван Иванович, а бабушку — Мария Прокопьевна, бывшая Грозина (эта фамилия много лет спустя исчезла), а более ничего не знаю и ни от кого не слышала. Если мне сейчас под 80 лет, а что было за сотню лет, никому не известно.

Я вообще-то многое запомнила в возрасте четырех-пяти

---

[19] Мать Степана Степановича Дмитриева звали Агриппиной Васильевной (ГАИО, ф. 696, оп. 1, д. 1, л. 104 об.—105). Откуда она родом, выяснить не удалось.

[20] Судя по ревизской сказке 10-й ревизии, проведенной в Беренгиловском селении Петропавловской волости Киренского округа 18 апреля 1858 г., Мария Алексеевна, а также ее сестры Елена, Агафья и Юлия были дочерьми Алексея Григорьевича и Акулины Константиновны Горбуновых (ГАИО, ф. 696, оп. 1, д. 1, л. 154 об.—155). Родилась Мария Алексеевна 19 января 1852 г. (ГАИО, ф. 50, оп. 3, д. 721, л. 434 об.).

Татьяна Семеновна (урожденная Дмитриева) и Иннокентий Иванович Серебренниковы

лет. Запомнила и деда, умер он в возрасте 76 лет, а бабушка умерла раньше. Дед называл меня «Маша» и говорил, что имя мне дали бабушкино, и любил меня, как мне казалось, больше других. На нем всегда был неизменный засаленный халат, в руках такая же старая засаленная колода карт — он любил раскладывать пасьянсы. От семьи был как-то изолирован. Запомнился мне он летом, на скамеечке возле дома с посошком, выходил погреться на солнышке. Когда попросит: «Маша, принеси мне из огорода репки, люди зубами мотаются, а у меня еще не болели ни разу». Внуков имел семь человек, правнуков немного больше, но никто не имеет о нем представления.

Немного напишу о родословной моей матери — Татьяны Семеновны Дмитриевой Коришневской, которая вышла замуж в село Знаменка за Иннокентия Ивановича Серебренникова[21]. Детей имела семь человек, умерла в возрасте 36 лет. Она из родословной того же дерева по линии Коришневских — одна из дочерей Семена Никифоровича. Он также приходится правнуком первому предку, Степану Степановичу. Братьев у Семена Никифоровича четыре — Василий, Степан,

[21] В метрической книге Чечуйской Воскресенской церкви за 1877 г. обнаружена запись от 17 июля об их бракосочетании: «Города Верхоленска купец Иннокентий Иванов Серебренников, православного вероисповедания, первым браком, 25 [лет]. Банщиковского селения крестьянская дочь Татиана Семенова Димитриева, православного вероисповедания, первым браком, 17 [лет]» (ГАИО, ф. 790, оп. 1, д. 4, л. 96 об.—97).

Григорий, Митрофан, и три сестры, одна которых вышла замуж за протоиерея Кокоулина[22], вторая за Косыгина[23] и одна незамужняя[24]. Последняя была особо религиозна, когда-то посетила Киево-Печерскую лавру и как будто бы побывала в Иерусалиме, после чего одарила всех внуков и правнуков какими-то необыкновенными кипарисовыми крестиками. Запомнилась она мне всегда в черной одежде, и никто из внуков не называл ее бабушкой, а звали «тетей Марией». Это поколение, а особенно старшее, — были неграмотные или малограмотные, а о женах и женщинах и говорить не приходится за исключением жены Степана Никифоровича, Татьяны Александровны, которая читала книги, а их дочь первая закончила в Иркутске гимназию и «курсы», а называли их в то время не студентками, а «курсистками». Вот она и была первая учительница с высшим образованием в селе Банщиково — Матрена Степановна Дмитриева, год рождения 1865[25]. Она на протяжении многих лет работала педагогом в городе Иркутске до глубокой старости. Была бескорыстная, добрая и глубоко преданная своему делу.

Коришневские имели возможность дать образование, но по своему сословию были тоже крестьяне. В основном занимались сельским хозяйством и имели небольшой буксирный пароход. Семьи все были тихие, скромные, не было ни у кого никаких скандалов, пьянок, все некурящие и, в отличие от семьи Степановских молодых, конечно, очень религиозные.

Один из братьев Семена Никифоровича, младший, Митрофан Никифорович, и его жена Елизавета Серафимовна дожили до глубокой старости, и, как гоголевские Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна, были такие же внимательные, заботливые друг к другу и иначе не обращались как на «вы» и полным именем, — величали по отечеству, но, в отличие от гоголевских, не были заняты только едой.

Когда-то они или их предки построили две церкви — в

---

[22] Татьяна Никифоровна, 1850 года рождения. Вышла замуж за священника Прокопия Константиновича Кокоулина (1847 — после 1914), ставшего протоиереем Киренского Спасского собора. См. о них также с. 76

[23] Александра Никифоровна, 1839 года рождения. Вышла замуж 30 января 1863 г. за «киренского мещанина» Алексея Александровича Косыгина (ГАИО, ф. 477, оп. 1, д. 15, л. 29 об.). См. о них также с. 76–77.

[24] Мария Никифоровна Дмитриева, 1841 года рождения.

[25] Неверно, Матрена Степановна Дмитриева родилась 7 марта 1870 г. (ГАИО, ф. 50, оп. 6, д. 96, л. 5 об.). Эта дата подтверждается и записью в исповедной росписи Чечуйской Воскресенской церкви за 1880 г., в которой ей указано 10 лет (ГАИО, ф. 50, оп. 9, д. 106, л. 290).

Банщиково и Горбово. Банщиковская церковь отличалась особой архитектурностью и резьбой знаменитых умельцев-резчиков и обращала на себя внимание как редкость. И позднее построили две школы.

Семен Никифорович детей имел от первого брака и от второго — сына и дочь. Старших дочерей — Татьяну, Анфису, а позднее и Степаниду — отец, Семен Никифорович, устроил в Иркутске в женское среднее учебное заведение — Девичий институт Восточной Сибири. В отличие от европейского института, в него принимались дочери чиновников и купцов. По-видимому, Семен Никифорович в то время имел звание купца. Сохранилась фотография за давностью сто с лишним лет. На фотографии — мой дед, его вторая жена и две старшие дочери — Татьяна и Анфиса. Учились они уже или только приехали поступать, платья на них — не знаю — форма или домашние (как будто по форме полагалась пелерина).

Из рассказов моей бабушки (второй жены деда), которая умерла после революции, в 20-е годы. Она вспоминала свою поездку с мужем в Иркутск. Когда они приехали, были приглашены в гости к «начальнице» этого института. А бабушка моя — простая, неграмотная женщина, первый раз была в городе и первый раз в «гостиной» на приеме, в мягкую мебель не садилась и не видела ее. После приглашения бабушка как-то грузно и неумело села в мягкое кресло, и от неожиданности, говорит, ей показалось, что куда-то она проваливается, ойкнула на всю гостиную. Когда вернулись с мужем на квартиру, он сказал: «С непривычки не знаешь, как сесть-то надо», и рассказал ей случай, как крестьянин из деревни Половинки, тоже с Лены, по фамилии Полозков приехал с женой в Иркутск. Пошли они в пассаж Второва — универсальный магазин, который славился на всю губернию. И как жена Полозкова в отделе готового платья манекены приняла за живых людей, подходила к ним с поклонами и спрашивала: «У вас саки эти продаются? И по какой же они цене?» А продавцы, говорит ей дед, стоят за прилавками и не могут удержаться от смеха. «Смотри, и ты не вздумай так спрашивать», — предупредил он жену.

Когда бабушка нам рассказывала об этом, нельзя было удержаться от смеха. Эту моду на саки я еще захватила, а сейчас одно название кажется смешным.

Тетушка моя, Степанида Семеновна, которую я любила и уважала, по натуре была добрая, отзывчивая, с передовыми взглядами на жизнь. Про нее говорили: «Последнее отдаст, но не оставит человека в беде». Тетушка со своей

семьей горя хватила немало. Когда-то муж ее, Всеволод Васильевич Ковалёв, был в числе первых капитанов Ленского пароходства. Потом тяжело заболел и его парализовало, он превратился в старого ребенка, а в семье было уже семеро детей. Тетушка оказалась в тяжелом и безвыходном положении, пенсии за мужа по инвалидности не получала, детей постарше пришлось раздавать в приюты, а потом постепенно, одного за другим, брала обратно и, приложив все усилия, стала доучивать их. Она знала, как трудно в то время жить неграмотному и малообеспеченному человеку. Возможно, и муж ее тоже был из сочувствующих, когда работал на пароходе, и оказывал какую-то помощь ссыльным, бежавшим из Сибири.

Хочу написать о своей родине и немного о своем не совсем счастливом детстве. Его как будто даже и не было.

Мать (бывшая Дмитриева Коришневских, по мужу Серебренникова) умерла в возрасте 36 лет в 1894 году. Нас, сирот, осталось семь душ по возрасту от 14 до полутора лет: старший Иннокентий, Иван[26], Людмила, Христина, Мария (я) шести лет, Таня умерла, Елена и Николай. Отца дома не было, и вообще, насколько я запомнила, дома он находился мало. Мама была больна, кажется, туберкулезом. Надо полагать, большой процент уносила эта болезнь. Вся забота по дому и уходу за нами лежала в основном на ней. По-моему, не было даже няни, и водиться помогали старшие дети. В августе она при ее плохом здоровье заболела еще дизентерией и через девять дней, 19 августа, скончалась.

Как говорят, свет не без добрых людей. В это время, чтобы мать, может, лишний раз не смотрела на нас и не расстраивалась, взяли на время к себе меня, Лелю и Колю. Это была семья учителя Беляева. В предсмертный день всех нас собрали и поставили к маминой кровати как лесенку — один одного меньше. Младшие поближе, постарше за нами стали, чтобы мать могла еще благословить. Помню все, и последние, страшные минуты маминой жизни. Смотрит на нас уж не теми глазами, сердцем она поняла, что прощается с нами, благословить должна, а слов произнести уж не могла. И ее

[26] Иван Иннокентьевич Серебренников (1882–1953) — известный историк, статистик и экономист, журналист, общественный деятель. По политическим взглядам — сибирский областник-автономист. С 1913 г. был секретарем Иркутской городской думы. С 1915 г. — правитель дел Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. В Гражданскую войну был министром Сибирского правительства и правительства А.В. Колчака. В 1920 г. эмигрировал в Китай, умер в г. Тяньцзине.

рука то поднималась для благословения, то падала бессильно. Еще по имени назвать хотела своего любимца сына, на нем последний взгляд остановила, и губы ее с трудом прошептали: «Ва-ня». Вот так наша мама и умерла. Сын понял, что сказать она хотела, поэтому Ваня и уделял нам внимание в свободное время всегда.

Помню, приехала на похороны жена маминого брата Ивана Семеновича, Татьяна Александровна. В это время она гостила у отца в деревне Новопашиной. Она позаботилась, чтобы нам сшили из черного камлота (материал) с белыми бейками траурные платья и даже малому Коле такую рубашку. Я по глупости своей была даже рада новому платью. Только, помню, потом кто-то сказал: «Бедные сиротки, одеты уж не так, как было при маме». Вот тут я только поняла, как наша мама нам была нужна. Заботливой рукой нас мама мыла, одевала и почитать нам что-нибудь не забывала, любили все сидеть около нее рядком и прямо на полу у догорающей голландки вечерком и слушать без конца любимые нами сказки. А она иногда на нас посмотрит долгим взглядом, покачает головой и скажет: «Ребята, живите подружней, не обижайте вы друг друга», как будто все уже знала. Наверное, мысль о разлуке с нами ее не покидала. Да, забот и хлопот причинили ей мы немало. Двоих уже похоронила.

Младших, Лелю и Колю, отец увез в Банщиково к родственникам мамы. Прожили два-три года. Отец больше не женился, и, кажется, никуда надолго не уезжал. Сыновьям Иннокентию и Ивану дал возможность учиться первые годы, а сам целиком и полностью занялся сельским хозяйством. Позже, имея большую семью и не имея средств, отец отказал сыновьям в помощи, или сами они решили встать на ноги самостоятельно. О дочерях и говорить не приходится. Страшной трагедией закончилась жизнь у Христины. У Иннокентия тоже было не все благополучно. Не все имели возможность и материальную поддержку. Большая часть из молодежи жила на уроки. Оплата за это до того была низка — если бы за пять рублей — это хорошо, да бегать иногда приходилось из конца в конец. Можно судить из переписки Книппер-Чеховой (артистки) с мужем (известным писателем). Будучи уже знаменитостью, писала мужу, что она очень беспокоится за его здоровье, и предлагала ему полный покой. Пишет: «Мне ничего не стоит отказаться от многого. Не нужны официальные приемы и прочее. Могу жить по-студенчески, на пять копеек в день». Можно себе на минуту представить, как мог жить взрослый на полтора-два рубля в месяц.

Иннокентий с трудом закончил техническое училище и поступил в лесной институт. На первом или втором курсе дошел до полного изнурения и истощения и оказался в психиатрической больнице (в доме умалишенных). Этот момент совпал с трагедией Петра Дмитриева. За год лечения Иннокентий встал опять на собственные ноги и закончил институт.

Как мы росли? Когда брат Иван приезжал домой в летние каникулы, у меня надолго сохранились в памяти эти часы, которые он уделял нам. Соберет, бывало, всех нас на рыбалку, а мы заранее наготовим червей для наживы. Излюбленное место для рыбалки — Быбинская мельница. Здесь была большая (а может, мне так казалось) плотина, где с шумом падала вода, и рыба там водилась покрупней и повкусней. Только почвы под ногами, помню, было мало. На этой плотине, при тех сооружениях, какие были, справа — тихая вода и глубина, и с трудом найти можно место, куда переставить ногу. Нужно всем нам пробраться за братом до места, где с шумом в ворота сливалась вода, а для нас это был как большой водопад. Брат нас пристроит, у каждого место свое. Помню, бывало, окунь попадет, да такой большой, едва-едва тащу, а снять с крючка уж не могу. Брат придет на помощь и в шутку скажет: «Смелее надо быть, коль рыбу хочешь ты ловить». Потом сварит нам на огоньке, с дымком, уху такую, что как бы она у Демьяна жирна ни была, а наша с дымком на огоньке да на Илге-реке, пожалуй, вкуснее была.

А напротив шалаша — большая, с уступами, гора, украшенная саранками-цветами и «царскими кудрями». Соблазняют и манят к себе, чтобы на обратном пути цветов домой могли принести. Была и банка с крышкой на случай, в нее собирали бабочек-мотыльков и всяких разных полосатых и пестрых жуков. Бегали вволю, обгоняя друг друга, чтобы для коллекции нашей побольше набрать и побольше узнать. И на бесконечные наши вопросы: «Отчего? Почему?» — нам отвечал наш брат, не спеша, все по порядку. Как, что и к чему.

Вот так мы и росли. Помню, повел как-то брат нас по ягоду-морошку. Сплошное болото, кочки, вода, а ягоды, куда ни взгляни, как огоньки рассыпались по этому мху. Да вот в чем беда, кругом кочки, вода. Помню, вначале я боялась отстать, а брат пошутил и сказал: «Смелее по жизни шагай и никогда не отставай. Догонять — дело плохое, иди в ногу со мной». И мне казалось, что смелее и сильнее его нет. (Штанги дома у нас не было, а с двухпудовой гирей он упражнялся легко.) Где же за ним мне угнаться, а кочки как живые

качаются, трудно мне перепрыгнуть, и я между них чуть не купаюсь. Посидим, отдохнем и на солнце обсохнем.

Научил нас брат также меткой стрельбе поначалу из франкотки, а когда подросла, захотела попробовать и из двуствольного ружья. Брат не разрешал, говорил, толкало здорово, а потом, чтоб отвадить меня, согласился. Это было у нас за Глубоком. Когда я спустила курок, так меня двинуло прикладом в плечо, чуть не упала. Хорошо, брат за мной стоял, а меня дурой назвал, что, конечно, я заслужила, если слов его не поняла.

Вот еще достижение брата. Всех нас научил играть в шахматы. Игра, для которой требуются ум, большая находчивость, нужно быстро соображать и взвешивать «за» и «против» и видеть намного вперед. Я, конечно, не относила и не отношу эти качества к себе, но любила эту игру и сейчас интересуюсь ею. Брат часто играл с нами на память, в таких случаях он садился к доске спиной, а я и Креша — перед доской. По буквам и цифрам передвигаем фигуры. Бывало, ему же и проиграем — хотя и в две пары глаз, а умишко мал еще у нас.

В отличие от старшего брата (тот с удовольствием пойдет на медведя), Иван охотился только на уток, уж очень любил утиную похлебку. Разве домашнюю утку сравнишь?! Иннокентий каникулы проводил по-другому, это в тот период, когда учились в Иркутске, а студентами они, кажется, и не приезжали.

Иннокентий для нас был как чужой, а таких, как Ваня, пожалуй, было мало. И в гимназии проявил себя особо выдающимся и способным. Окончил с золотой медалью. Высылал сестре Креше учебники и пособия. Об этом я еще буду писать.

Иннокентий был страстный охотник. И в лесной поступил, как он говорил, потому что любил природу и лес, и даже не женился. Обзаведешься семьей и лишишься этого удовольствия — охоты. Помню, были снимки интересные во время охоты. Особо запомнился мне — охота на медведя, в момент выдворения «его величества, хозяина тайги» из берлоги. Где уж Иннокентию было с нами возиться, когда все время проводил на охоте. У него были свои излюбленные две речки — Тилик да Басьма, где он просиживал в закрадках на лося все ночи до утра, а если дома был когда, любил бродить по ближнему болоту и настрелять к обеду куликов. Вычистить поможет и жарить — под его же руководством. «Какая прелесть», — помню, говорил. Наверное, когда-то и Тургенев их любил, поскольку охотник-любитель он был.

Старшая сестра, Людмила, еще с детства интерес к ху-

дожеству проявила и до глубокой старости рисовала неплохо. Случай, который я запомнила, опишу и рисунок сестры: лес, идет молодая красивая девушка, а рядом с ней козочка, которая подняла мордочку, и они смотрят друг на друга. В этом рисунке выражены большая любовь и доверие. Отец обратил внимание на этот рисунок. И как-то проездом из Бодайбо заехал к нам папин знакомый. Во время разговора, помню, отец показывает ему ее рисунки. Он одобрил и похвалил и пообещал ей выслать все необходимое. Свое обещание исполнил — прислал. Помню, мое внимание привлекли больше всего разного размера растушевки. Может потому, что я их раньше не видела.

Вот наша Креша, как я ее помню:

Всегда задумчива, грустна,
Без книги минуты она не была.
Как грамоту только познала,
Читать «запоем» книги стала.
И день, и ночь, и за едой,
И за своей косой, когда ее заплетала,
Книга неизменно перед ней всегда лежала.
И даже в игры, в «клетки», как я, она не играла,
А немецкий язык уже знала.

(Это брат ей немного помогал, когда в каникулы приезжал.)

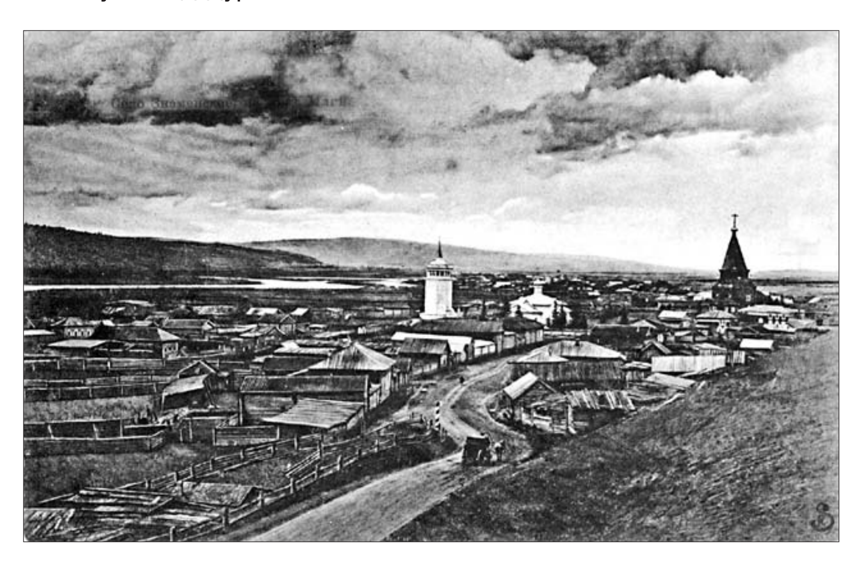
Вот ее портрет. Римский профиль, чуть с горбинкой нос, ниже пояса коса, и большие всегда почти что грустные глаза смотрят помимо вас, куда-то вдаль. Как будто выход там себе какой искала или ответы на сложные свои вопросы. Она же так много читала и знаниями своими, не по годам, многих удивляла. Вот ее выход из того положения: в 15 лет покончила жизнь свою самоубийством из-за того, что не могла учиться. Откуда столько мужества, силы и воли, она как будто бы бросила вызов несправедливой судьбе. «Одно из двух», — вот ее последние слова при выходе из дома.

Эту прорубь, куда бросилась наша сестра, я никогда не забуду. На очень быстром месте, вода в ней как будто кипела, ударяясь о край высокой кромки, получался какой-то водоворот. Когда в первые дни приходили к этому месту, меня охватывал ужасный страх, как она могла решиться на это, и я от такого ужаса вся коченела.

Моя родина, Знаменка, представляла собой что-то вроде второго, в шутку, Бердичева — много было евреев. На большое село с прилегающими к нему несколькими деревнями

имелась одна начальная школа, трехлетка на 50 мест. Так что осенью можно было принять несколько особо счастливых детей. Были больница, врач и фельдшер, для разъездов почтовый отдел, волостное правление, начальство — акцизный заседатель, надзиратель, судья, он же следователь. Многие из ссыльнополитических отбывали там свои сроки. Один из священников к ним относился придирчиво и особенно был настроен против меня. Между прочим, он был родственником отцу по матери его, Грозиной.

Раньше было принято — в большие праздники священники ходили по домам с крестом и молитвой. Произошло это у соседей, у них большая семья. По окончании молебна священник сделал молодой снохе замечание, что она после венца обязана повязывать голову платком, как положено по обычаю, и прочитал ей нравоучение. Молодая женщина очень смутилась и не нашлась, что ему ответить. А я, недолго думая, и скажи на свою беду: «Почему же вашей матушке (так называли жен священников) можно делать прическу какую угодно, даже кудри завивать, а простой крестьянке и причесаться нельзя, как она хочет, а нужно как-то по-особому голову завязывать платком?» Священник был возмущен моей защитой, так зло на меня посмотрел, я подумала, не простит этого. Конечно, попало мне по заслугам. Наговорил отцу, что я непочтительная и нахожусь под дурным влиянием ссыльнополитических.

Село Знаменское. Дореволюционная открытка

Как бы мне за это ни попадало, я находила время обменять книги, которые читать приходилось украдкой, время свободного было не больно много. В семье ссыльнополитических, в которой я бывала, рассказывали много интересного из своей жизни, относились ко мне хорошо, с вниманием, давали полезные советы и даже доверяли иногда нелегальную литературу на хранение. По национальности — евреи, она — фельдшер-акушерка, муж, кажется, ювелир. Фамилии не помню, а вообще-то я помню очень многих по фамилиям.

В одном письме тетушка моя, Степанида Семеновна, вспоминает Настеньку-«революционерку». Это наша двоюродная сестра, дочь тети Фисы Шерлаимовой. Муж ее, Павел Леонтьевич, тоже работал когда-то на Лене в пароходстве капитаном и первое время у Дмитриевых Коришневских, как и В.В. Ковалёв. Когда стали подрастать дети, чтобы учить их, они переехали в Томск. Она приезжала в Знаменку, чтобы повидаться с нами и со своим дядей — братом отца, Иваном Леонтьевичем, который работал в пароходстве капитаном и жил с семьей на Жигаловской пристани, это в 25 километрах от Знаменки. Я хорошо запомнила эту семью. Рабочие и матросы его любили и уважали и из-за огромной бороды прозвали «дядькой Черномором».

В Знаменке в то время много было ссыльнополитических, с которым Настя быстро установила связь. Зная ее взгляды и убеждения, а также о нашей предстоящей с ней поездке в Жигалово к родственникам, этим обстоятельством воспользовался штаб ссыльнополитических, чтобы установить связь с небольшим кружком студентов, находящихся в селе Тутура и в Жигалово, где кроме студентов жили ссыльнополитические и рабочие на двух затонах — Тихое Плёсо и Кузнецовская пристань. Настю и меня инструктировали и дали поручение увезти нелегальную литературу для кружка студентов. Мы с успехом выполнили задание и, в свою очередь, привезли от студентов информацию об их работе и уже использованную литературу. Мы были горды оказанным нам доверием и таким серьезным поручением. Для Насти это было не впервые и не ново. Впоследствии она, муж ее и старшая сестра, Лиза, эмигрировали. Я слышала, что муж Насти был видным политическим работником.

Я тогда впервые познакомилась с газетой «Искра», ее передал мне ссыльнополитический Езировский[27] (брат его

[27] В другом месте воспоминаний М.И. Дмитриевой эта фамилия написана как Езиоровский.

был приговорен к высшей мере наказания) с просьбой четко переписывать статьи в нескольких экземплярах. «Искра» была маленького формата, чтобы поместить в ней необходимый материал, печаталась очень мелким шрифтом. Для размножения материалов из газеты, с одной стороны, и чтобы ее сделать более доступной для большинства желающих читать ее, доверенным лицам из местного населения поручалось переписывать статьи на отдельных листках крупным и четким почерком. После этого листки распространялись.

Я, конечно, ценила такое доверие и со всей серьезностью отнеслась к порученному мне делу. Что я переписывала, не помню, за 60 лет можно забыть. Но осталось в памяти, что в этой же газете «Искра» писали о коронации Николая II, что этот день был большим всенародным праздником с бесплатным для всех угощением. По этому случаю создалась давка, которая не обошлась без жертв и кровопролития, а в народе это посчитали за плохое предзнаменование, что и конец царствования Николая II будет кровавым (так и получилось). Считали также, что будто бы в начале царствования у Николая II были «благие намерения», он хотел быть проще и ближе к народу и с этой целью уходил куда-нибудь переодетым. Мать его, императрица Мария Федоровна, была против этого и установила за ним строгий контроль, из-под которого он так и не вышел за весь период своего царствования. Мне интересно, есть ли в газете «Искра» такая статья за период с 1903 по 1905 год.

Праздник по поводу коронации я запомнила хорошо, а в котором году это было, не помню. Мой год рождения 1888-й, помню, что я была небольшая[28]. Наше село расположено у подножья горы, на поверхности которой ровная площадь. Что я больше всего запомнила, были установлены большие бочки, обмазанные внутри и снаружи смолой. В разгар вечера эти бочки подожгли, было красиво и страшно, устраивали фейерверки, бросали картузы, пили заздравную чашу и кричали «ура». (Сейчас даже эти костры кажутся символичными.)

Знакомые по Знаменке — ссыльнополитические — настолько считали меня своим человеком, что однажды летом предложили мне пойти с ними на свидание к товарищам, которые по болезни отстали от партии ссыльных, направленной из Александровского централа (знаменитого в свое время) на поселение в северную часть реки Лены. Я, что было дома получше, собрала для передачи. Из разговора я поняла, что

[28] Коронация императора Николая II состоялась 14 мая 1896 г.

болезнь заключенных была вымышленной, что они отстали от партии в Знаменке как удобном пункте для организации побега. В Знаменке была тюрьма, и не маленькая, а отставших от партии ссыльных поместили в каталажку — это небольшое отдельное помещение во дворе волостного правления, предназначенное для отсидки мелких преступников. В этой каталажке в отделении для преступников находились стол, скамьи, нары и было два окна, заделанных железными решетками.

Когда мы пришли к заключенным, дверь уличная была открыта настежь, сторож находился через стену, на своей половине. «Больные» встретили нас приветливо, попросили сторожа вскипятить самовар. Гости и хозяева расселись на скамьи вокруг стола. Мои друзья-ссыльные представили меня хозяевам как сочувствующую местную сибирячку, которая многим интересуется, и добавили, что, несмотря на мой юный возраст, со мной можно играть в шахматы. Я не ожидала такой аттестации и очень смутилась. Мой партнер усмехнулся и спросил, сколько мне дать заранее фигур. Я от такой жертвы отказалась, сильно волновалась, проигрывала, но сопротивлялась упорно. В конце игры партнер сказал: «Если любите эту интересную игру, тренируйтесь, возможно, из вас получится хороший шахматист».

Это был молодой человек по виду лет 25, среднего или немного выше роста, худощавый, с резким профилем и большим чубом на голове, по фамилии Бронштейн. Его спутницей была девушка, Рубинчик (возможно, это было прозвище). Она была проста в обращении, веселая и хороша собой. За чаем по-домашнему мирно беседовали, несмотря на такую обстановку и железные решетки на окнах. Под вечер распрощались с любезными хозяевами и разошлись.

Дня через два узнаю, что заключенные сбежали. Побегом руководил мой брат Иван, он и рассказал подробности побега. Перевезли их ночью в лодке на другой берег реки Илги, лодку перетащили на себе до Боевского озера. Озеро это большое и топкое, на середине его — остров, заросший глухим непроходимым ельником. Туда никто и никогда не ходил, и лодок на нем тоже не было, разве когда долбленка. Лодку перенесли вперед и обратно на себе, чтобы не осталось следов на траве. Там им устроили шалаш, обеспечили продуктами и в шутку потом говорили, что с милым рай и в шалаше. Когда розыски беглецов прекратились, их снабдили паспортами и направили в Иркутск. В Иркутске работал коми-

тет РСДРП, который оказывал бежавшим ссыльным большую помощь и поддержку.

Прошли годы, много воды утекло, и в жизни все изменилось. После революции в 1917 году брат, который принимал участие в этом побеге, пишет: «Помнишь, может, случай в Знаменке, бежали двое из каталажки, ссыльнополитические. В настоящее время этот человек работает вместе с товарищем Лениным и фамилия ему — Троцкий[29]».

Опишу еще одну историю побега, в котором также принял участие брат, — из Александровского централа. Для этого побега долгое время вели подкоп с выходом к реке. К моменту выхода беглецов из подкопа было все подготовлено. Их ожидали в указанном месте на трех подводах, груженных конопляным семенем. Беглецов усадили в мешки, головы и лица обвязали марлей, чтобы защитить от семян, и засыпали конопляным семенем. Принимавшие участие в этом побеге от завода имели наряд на покупку и доставку конопли.

На первой подводе с двумя мешками ехал брат, было условлено, что подводы поедут с интервалами и как будто из разных мест. Поскольку он был первым, погонял лошадь. По дороге его задержала полиция, приняв за конокрада, в то время часто происходил угон лошадей у населения. Брат предъявил документы и наряд на покупку семян, после чего его отпустили. Трудно представить, что переживали ямщик и пассажиры, сидящие в мешках. Но все обошлось благополучно, задание было выполнено, и беглецов доставили в заранее указанное место.

Я считаю, этот побег вошел в историю. В вышедшей в 1958 году книге «Иркутск. Очерки по истории города» авторы Ф.А. Кудрявцев и Г.А. Вендрих пишут: «Особенно примечателен был организованный Иркутским комитетом побег из Александровской пересыльной тюрьмы участников вооруженного протеста политических ссыльных в Якутске (дело «романовцев»). Побег произошел через глубокий и длинный под-

[29] В истории побега Льва Давидовича Троцкого (Бронштейна) (1879–1940) из сибирской ссылки много неясного. Свидетельства различных очевидцев достаточно сильно отличаются друг от друга. Не являются исключением и воспоминания М.И. Дмитриевой, не согласующиеся с другими источниками. По материалам иркутского историка А.А. Иванова, занимавшегося изучением истории пребывания Л.Д. Троцкого в сибирской ссылке, его побег произошел с места поселения, уездного города Верхоленска, 21 августа 1902 г. Спутницей Троцкого по побегу была член Бунда (Всеобщий еврейский рабочий союз), переводчица К. Маркса Евгения Гурвич (см.: Иванов А. Лев Троцкий в сибирской ссылке // Земля Иркутская. — 1998. — № 10. — С. 74–75).

коп, устроенный заключенными. Бежавшие были доставлены в Иркутск на подводах, присланных в село Александровское Иркутским комитетом РСДРП»[30].

Мы гордились братом, нельзя было не оценить его поступка, также и тем, что он окончил гимназию с золотой медалью. Потом в Петербурге он поступил в военно-медицинскую академию. Только первые два-три года отец оказывал помощь ему и старшему брату, который учился в техническом училище. Не имея материальной поддержки, они зарабатывали уроками на жизнь и учебу. Впоследствии произошло что-то из-за реформы, точно не помню, Иван попал в число неблагонадежных студентов, был выслан в Вологодскую губернию, бежал, одно время жил на нелегальном положении до объявления амнистии в 1908–1910 году. После этого брат Иван занимался литературным трудом в Иркутске в местной газете, позднее по научно-краеведческим делам состоял членом Географического общества и имел опубликованные труды. По-моему, им был составлен первый проект по проведению железной дороги на Усть-Кут[31].

В книге Ф.А. Кудрявцева и Г.А. Вендриха «Иркутск. Очерки по истории города» в числе материалов к библиографии города Иркутска был перечислены труды брата, И.И. Серебренникова:

1. Иркутская губерния в изображении «Чертежной книги Сибири» Семена Ремезова.

2. Первоначальное заселение Иркутской губернии. (Материалы к истории Иркутской губернии и г. Иркутска).

3. Промыслы Иркутской губернии. (Материалы для описания существующих в Иркутской губернии промыслов ремесленно-кустарного характера)[32].

А сейчас напишу немного об отце и его трагической смерти. Начала писать — и как-то делается мне не по себе. Без конца, то в одной семье, то в другой — одно несчастье за другим, и это еще не все, нет времени описать. Мне иногда

---

[30] Кудрявцев Ф.А., Вендрих Г.А. Иркутск: Очерки по истории города. — Иркутск, 1958. — С. 188.

[31] И.И. Серебренников руководил экспедицией по экономическому обследованию района проектируемой железной дороги от Иркутска в бассейн р. Лены. По результатам обследования им была составлена и опубликована «Записка об экономическом положении района железной дороги Иркутск — Жигалово (Устьилга), вероятном грузообороте этой ж. д. и о продолжении ее до г. Бодайбо» (Иркутск, 1912).

[32] Кудрявцев Ф.А., Вендрих Г.А. Иркутск: Очерки по истории города. — С. 506.

казалось, как будто тяготеет какое проклятие над нами. Мать умерла в возрасте 36 лет в 1894 году. Если, допустим, отец был старше ее на четыре года, а скончался он в 1907-м через 13 лет, значит, ему было всего 52–53 года[33]. Разве это старость?

Он был высокого роста, представительный и красивый, абсолютно не пил, не курил, была слабость играть по маленькой в карты, и любил хороших лошадей. Отец его когда-то, может, был богатый и говорил — раньше, дескать, жили в грязи, а деньги водились, а в вашей чистоте теперь и нет ничего. Не в этом дело, конечно, отец был доверчивый и добрый, говорили, что кому только лень, тот не обманывал его. Хозяйство у него было поставлено хорошо и образцово. Любил агротехнику и новинки разные вводить. Многие местные жители и приезжие интересовались этим, осматривали его хозяйство, знакомились с опытом. Выписывал он фунтами разные семена какой-нибудь пшеницы знаменитой — большеколосой, безостой, или канадский овес, горох и вику на подкормку для скота, а скот любил он племенной, не простой, даже куры отличались от кур в соседнем дворе.

Уделял отец время и огороду, а я у него, как говорят, была в хозяйстве правая рука, а с маленькой хозяйки спрашивалось все как с большой и сполна. В 11–12 лет я могла уж приготовить неплохой обед и замесить любое тесто нескольких сортов, скроить и сшить. Первое время после смерти матери жила домработница Аннушка с мужем и с двумя дочками (старшая, Настя, была моя подруга) по фамилии Маховы.

Одно время отец переоборудовал часть дома под клуб: была выпилена капитальная стена, чтобы хватило места для сцены и не так большого зрительного зала для публики. Аннушка была за повара, я вроде буфетчицы. Особенно славились наши мясные пирожки, пельмени, а также мороженое. Был организован драмкружок, руководила им Померанцева (жена пристава, один из ее сыновей, Константин Иннокентьевич, — известный художник[34]). Существовал он не так долго, я играла мальчиков, если требовались они. В кружке принимали участие местная интеллигенция, начальство, служащие, а также и в зрительном зале большая часть публики были евреи.

---

[33] «Знаменского селения крестьянин Иннокентий Иванов Серебренников» умер 27 июля 1907 г. в возрасте 55 лет (ГАИО, ф. 50, оп. 9, д. 760, л. 184 об.).

[34] К.И. Померанцев (1884–1945) — живописец и скульптор. Работал в Иркутске, с 1926 по 1939 г. в Улан-Баторе, последние годы жизни в с. Палех Ивановской области, умер в Курске.

В период, когда существовал у нас клуб, нужно было много продуктов. Два года отец разводил птицу, иногда до 300 штук: утки, гуси, индейки и куры. В летний период я была птичницей и сторожем, и еще нагрузка — огород поливать. Был сколочен из досок балаган, а для меня это был дом, на берегу речки Кары, которая протекала через наш двор, от дома это было не так близко. Там находились баня, огород и прочее, а около дома была только небольшая оградка.

Вообще-то по этой «второй Каре», как ее называли, тоже была когда-то каторга, как и по «первой Каре». Существовал государственный винокуренный завод и еще что-то, где и работали каторжане. Помню расположение, как будто в распадке, а кругом — горы и непроходимая тайга, могучие кедры. С этой каторги было им удобно бежать, все расформировали, некоторые, закончившие срок, остались там, и деревня посейчас называется Завод. Много было грибов, ягод и особенно кедровых орехов.

Вот эту участь со мной на Каре в шалаше разделяла подруга детства Вера Стрелова. Не так давно при встрече с ней в глубокой нашей старости вспоминали все до мельчайших подробностей и все-таки находили в этом какую-то прелесть. Пусть было безотрадное детство, но все равно оно «золотое». Неповторимые годы.

По-моему, отец допустил большую ошибку, не женившись после смерти матери. Ему было только 40 лет. Он был представительный, высокий и интересный. И мать до замужества по фото — тоже красивая, а потом, как помню, была больная, утомленная. Когда ему кто-нибудь говорил о женитьбе, он на это отвечал: «Жену я найду, а вот как найти мать для детей?» Конечно, женившись, он бы не был таким одиноким, как остался в тот момент, когда произошло это несчастье. Сестра Людмила жила на востоке уже. С отцом в этот момент был только младший, Коля. 18 июля 1907 года отца парализовало. Он, по-видимому, ждал такого конца. Все остановилось в «его жизни и кругом», страх за будущее, и он принял мышьяк. Я думаю и уверена в том.

Сын Иван в это время находился на нелегальном положении, я уже была замужем, а Иннокентий к этому отнесся более чем равнодушно. Ответил, что он во всем этом хозяйстве мало разбирается. У отца из его родственников по матери был большой приятель — Михаил Илларионович Каханович, по профессии псаломщик, имевший хороший голос. Он был обременен большой семьей, отчасти занимался сельским хозяйством, а главное, знал немного технику, мог

исправить неполадки в жатке, которая к тому времени была новинкой. Одна нога у него была на протезе. Каханович был выбран опекуном над младшими, Лелей и Николаем, но дома их не было. Каханович продал свой дом и перешел в наш, и все, что в нем было, осталось ему. На похороны выезжала сестра. Пользы от его опеки не было ни на грош. Братья решили так: у Кахановича большая семья, пусть пользуется всем и растит ребят своих.

Так закончился большой и нелегкий путь отца. Вообще-то он был доверчивый и простой. Живи он в наше время и в условиях, какие созданы сейчас, не произошло бы этой трагедии. Сейчас при советской власти разве у него было бы такое затруднительное положение? Хочу особо отметить, насколько медицина шагнула вперед и добилась таких результатов по борьбе с туберкулезной палочкой и насколько эта болезнь снизилась. Приведу пример. В семье моей матери из семерых детей от туберкулеза умерло четыре человека. Мать умерла в возрасте 36 лет, в этот же год в Томске скончалась ее сестра 34 лет и еще сестра и брат приблизительно в этом же возрасте. Мало это или много? А сейчас, я считаю, — единичные случаи. Про оспу у нас давно забыли, а я помню на своем веку прибитые елки возле дома, это как предупреждение — опасно, обходили этот дом далеко. А сколько тиф уничтожал, буквально косил, так же как и скарлатина. Наш дом находился почти напротив церкви, хорошо помню, в летние месяцы, особенно в июле, августе, иногда в день пронесут несколько гробиков погибших детей от дизентерии, ко всему это темнота и неграмотность.

В 15–16 лет я покинула отчий дом после незаслуженной обиды со стороны отца. В то время у нас дома находилась земская квартира. Проездом по уезду временно находились двое, кто, по какой работе, не знаю, приехали 16 сентября (по старому стилю). Запомнила, потому что тогда у старшей сестры, замужней Людмилы, был день рождения. Они взяли у нас посуду, в том числе тонкие стеклянные стаканы. Когда мне утром пришлось накрывать на стол, я поставила два фарфоровых бокала. Отца это возмутило. Я, оправдываясь, сказала, что стаканы остались у Люды с вечера и я не успела за ними сходить. Он, невзирая на это, стал бить меня — ударил по лицу несколько раз. За что? Что я сделала? Не вышла я в двери, а от незаслуженной обиды, почти не помня себя, выскочила в окно и больше не вернулась.

Два месяца прожила у сестры. Сразу же написала о своем положении письмо дяде (брату мамы), просила помочь

мне встать на ноги. По своему положению считала себя немного развитой. Перевели на дорогу денег, и дядя устроил поездку зимой, списавшись со знакомым из Иркутска. Этим спутником оказался старичок Юдалевич, он сообщил о своем выезде из Иркутска и что будет такого числа у Минеевых на Тихом Плёсе и я должна быть там. Проводил меня муж сестры. С ним ехал еще один пассажир. За дорогу они так уничтожали чеснок, думала, задохнусь. Большая, глубокая кошева с укрытием от мороза. В дороге дед заботился обо мне, как о дочери.

Дядя и тетя встретили меня хорошо, жили они в достатке, детей не было. Дядя, Иван Семенович Дмитриев, по договору работал почтосодержателем, то есть после закрытия летней навигации, с наступлением зимы от Витима до Бодайбо оборудовалось десять станций, которые обеспечивались в достатке хорошими лошадьми и всем необходимым для перевозки почты, пассажиров и необходимого груза. Имелась своя контора, служащие.

Моя жизнь мало чем изменилась, надо мной даже немного посмеивались, что хочу попробовать жить по-другому: «Работы и дома хватит, вот помогай, чем сможешь, тетушке». Сама она мало куда ходила, зато уж дядя мало дома бывал. Или он где-то, или к нему гости. Бывало, тетя скажет: «Как надоело мне это пьяное царство». В этом она не принимала участия. Иван Семенович чем-то напоминал Поддубного[35] — рост, сила. Сколько он бы ни пил, а пьян не был.

В отличие от дома здесь я и днем отпрашиваться была должна, а вечером только с тетей в клуб на танцы или в кино. Кино было немое и ужасно плохое, на экране всё и все тряслись.

Получила письмо — делает предложение мой будущий муж. Откровенно скажу, я мало его и знала. Ответила, по каким соображениям, не знаю: «Подождите весны». Вскоре после этого подошла трудная минута, обида какая, а может, судьба. Пошла на почту, заполнила бланк: «Вас приветствует весна с ответом „да“».

После такой телеграммы мой жених, как он после сказал, подскочил от радости, а мне после этой глупости было над чем задуматься. Подать бы следом телеграмму такую:

---

[35] Иван Максимович Поддубный (1871–1949) — русский профессиональный борец, который за 40 лет выступлений не проиграл ни одного чемпионата. Получил мировое признание как «русский богатырь», «чемпион чемпионов».

«Беру свои слова обратно». Но это считалось большим позором и оскорблением для жениха. А причина для отказа была: раньше, до этого, сделал предложение его брат Петр.

Допустим, по молодости я не отдавала себе отчета в своем поступке. Тетушка их, Дарья Степановна Амосова, знала отношение Петра ко мне, он с ней советовался, когда сделал мне предложение. Скажу откровенно, он мне даже нравился, но это же не любовь, и я считала, что выходить замуж мне еще рано, а его попросила об этом больше не говорить. Знала, насколько искренне его чувство ко мне. «Ничего не поделаешь, — сказал он тетушке, — стало быть, силой милому не быть. Но если она выйдет за кого-то здесь, на Лене, — добавил он, — уеду подальше от этих мест». После этого он с кем-то из друзей загулял, около двух дней его не было дома, тетушка его потеряла, спрашивала меня, где он, что с ним? Я, конечно, сказала, что ничего не знаю. Он свое отсутствие объяснил тем, что хотел забыть все на свете, но не в силах. Надеюсь, время вылечит. Прислал мне в подарок кольцо с изумрудом своей работы. Жизнь его закончилась трагически.

В июне на следующий год после моей телеграммы приехал мой жених с отцом Степаном Степановичем и сестрой Зоей сделать официальное предложение и договориться о дне свадьбы. Для этого был приглашен священник, который совершил небольшой обряд обручения, и нас поздравили как жениха и невесту. В это время на меня напал такой страх, я мысленно задавала вопрос себе: «Что я наделала?» И выхода нет. За ночь смочила подушку слезами. Может, это было предчувствие. Утром — телеграмма о трагической смерти Петра. Я этим сообщением была потрясена. Причина была не эта, а так совпало одно к одному.

На душе было ужасно скверно, я была как в кошмарном сне, от которого не могла проснуться. Это отразилось в семье на всех почти.

По заказу срочно были сшиты два платья — белое подвенечное за счет жениха и второе из шерсти. Тетушка Татьяна Александровна, спасибо, справила мне все необходимое. Я хотела только одного, чтобы меня никто не видел в церкви во время венчания. Попросила дядю договориться со священником, он был большой его приятель.

Часов в 5–6 утра, помню, сонная, хмурая, без всякого на то желания надевала свой подвенечный наряд и фату при помощи тети. За мной приехал Иван И[ванович] Амосов, а жених уехал с Иваном Алек. Верхотуровым раньше, встретив

меня на паперти при входе в церковь. Они же были в качестве свидетелей. Все же в церкви любопытных стояло уже несколько человек. Как прошел этот день, был ли какой обед и ела ли я что-нибудь, абсолютно не помню.

Назавтра мы выехали в Банщиково. Если закончить на этом, можно подумать, что я так вот и бросилась за первого встречного жениха. Буду откровенна и напишу, что это не так. К тому же опишу один свадебный обряд — «девичник». На меня это произвело такое впечатление, что я с удовольствием посмотрела бы сейчас в кино. Было это в Знаменке, мне не более 14 лет, а тогда мне казалось, что я больше намного, может потому, что могла самостоятельно сделать уже многое. Выходила замуж Клаша Стрелова, пригласила и меня в «провожатки». Я подумала, наверное, так, для счета. Была я двенадцатая. К свадьбе готовились долго и по-серьезному, и в то же время в этом браке чувствовалась какая-то трагедия.

Провожатки обычно шили белые платья, у меня было сиреневое. Клавдия Ильинична — интересная, веселая, стройная, с хорошей фигурой — напоминала артистку. Ей было 18 лет, жениху — 36–37 лет. Он с окладистой бородой, по характеру мягкий и бесконечно добрый человек, по специальности — судья с высшим образованием. Она работала кассиром в магазине. Зато потом Федор Федорович помог выучить братьев и сестру Веру (это моя подруга).

Итак, по числу провожаток (а называют их так, наверное, потому что провожают свою подругу в новую жизнь) рассылаются пригласительные билеты «шаферам». Они должны быть обеспечены в какой-то мере и лошадьми с хорошей упряжкой, украшенной лентами и цветами, во время поезда. Этот обычай был для всех. Любая свадьба ехала с бубенцами и лентами, может, только без шаферов, а бояре, тысяцкие, свахи были у всех. В этом вся прелесть «свадебного поезда», так его называли.

Во время девичника много гостей, особенно молодежи, а в провожатки приглашались более близкие подруги и родственники. Невеста сидит в углу за столом, как говорили, «под образами». Этими иконами родители будут благословлять их и напутствовать в новый жизненный путь. «Богоносы» — два человека с иконами, обычно молодежь, подростки из родственников — поедут во главе поезда в церковь и после обряда венчания едут также первыми, а у родительского дома или родителей мужа передают иконы родителям. Если их нет, то заменят посаженые мать и отец — обычно из близких

знакомых или родственников. При входе в дом расстилается ковер или что-нибудь другое. В некоторых случаях обсыпают молодых хмелем, чтобы весело жили, и зерном, чтоб богаты были. Молодые кланяются трижды в ноги родителям, они их благословляют на долгую совместную жизнь.

На девичнике невестам полагалось быть грустными, поскольку они расставались с беззаботной девичьей жизнью. Даже были особые заунывные свадебные песни, и не хочешь, да заплачешь. На этом девичнике не было таких песен. За столом слева от невесты сидят провожатки, самая близкая из подруг — рядом. По правую руку — жених и родители. На столе — угощения, сладости. Ну и, конечно, песни, шутки.

Шаферы пока находятся в другой комнате, и никто не знает, кто кому принадлежит. Невесте приносят на подносе цветы, а шаферов в это время построят в таком порядке, какой наметила невеста: во главе идет первый для первой провожатки и т. д. Следом за невестой выходит первая провожатка, невеста прикалывает ей «красоту» (красивый цветок из шелка) и вручает букетик белых восковых цветов с маленькой атласной лентой и приколку. Так под музыку один за другим шаферы подходят к своим провожаткам. Оказался шафер и у меня, Кеша Мишарин, брат его Степа был у сестры Люды. Я смутилась и не могла как следует приколоть цветок. Так уколола его булавкой, что он ойкнул и сказал: «Разрешите, я уж сам».

По положению шафер любой танец начинал танцевать вначале со своей провожаткой, а потом приглашал или невесту, или кого-нибудь. Жених был не из танцоров, шутя говорил, что наступает на ноги дамам, поэтому и не танцует.

С шумом, бубенцами наш свадебный поезд подкатил к церкви, а у церкви народу — как «архиерея ждут». Лошади — на подбор, упряжка, цветы (чтобы заснять на фото). Невеста и жених занимают свои места напротив алтаря и весь состав [шаферов и провожаток попарно располагается за ними].

Невеста стоит бледная и грустная, ждет с напряжением она, а может, и еще кто. Когда священник спросил, по желанию ли она идет замуж и не давала ли кому другому клятвы, произнесла тихо-тихо: «Нет». А были случаи, если невеста шла по принуждению, а любя другого, дала клятву, священник не имел права венчать.

Провожатки и большинство тех, кто смотрит этот обряд, наблюдают, кто из новобрачных первый наступит на коврик, когда священник, взяв воедино их руки, этим обрядом как бы соединяет их жизнь навсегда, подводит поближе к алтарю и

три раза обводит вокруг аналоя, причем каждый раз они на мгновение останавливаются на коврике. Если невеста первая ставит ногу, то она и будет главой семьи. (Мне в шутку говорил Николай Степанович, что будто бы я еще и каблуком постукала.) После этого священник подносит чару вина, которую они за три приема распивают по очереди.

Танцевать я умела и любила, и не думала о том, что своему шаферу на сердце искру заронила. Тогда он призывался в армию. Прошел год, и я забыла эти вечера. Эти Мишарины жили в Жигалово. Когда-то я с двоюродной сестрой Настенькой Шерлаимовой была у них — у сестры его, студентки по прозвищу Вишенка. Как-то летом приходит его мама (остановилась она у Стреловых) — невысокого роста, полная, румяная. Зашла, говорит, к вам посмотреть цветы, похвалила за порядок, а потом призналась: «Я к Вам приехала по делу. Вот Вам от Кеши письмо. Оно было вложено в наше письмо, где он просит меня лично передать его Вам, а Вы ему должны по адресу ответить. Нам он пишет — готов Вас ждать три года».

Подумать только, какая честь! Я после этого даже стеснялась выйти на улицу, думала, что все уже знают об этом письме. Кажется, так это письмо и осталось без ответа. Иногда вспомню, как услышу по радио песню «Через ту бандуру бандуристом стал», что пел когда-то про «кари очи», с горя в тот же день сломал свою бандуру (гитару). Как узнал, что замуж выхожу, просил, убеждал отказаться, пророчил мне загубленную жизнь.

Не скрою, нравилась я многим, но ко мне завсякопросто не подходили. Как-то во время поездки на пароходе мы с тетей Дашей (она тоже, как и тетя, любила поиграть в карты) расположились в рубке — общей каюте для командного состава. Она, я и еще двое студентов ехали с практики, называли их почему-то «штейгера». Во время игры один обращается ко мне: «Маня, твой ход». Я вспыхнула, то есть покраснела, и говорю: «Со мной так не обращаются». Он понял, что я хотела сказать, и добавил: «Могу даже добавить и фамилию». После этого я не знала, обижаться мне или смеяться. Такое отношение (обращаться на «ты») допускалось между хорошо знакомыми или родственниками. Почему-то казалось вульгарно и грубо.

Мне нравились, например, маскарадные вечера в клубе или частно. Жил в Бодайбо всеми уважаемый старичок Адам Мартынов. Двери его дома с определенных часов вечера на Новый год были открыты для всех, кто в маске. В масках

такая фамильярность, как обращение на «ты», но не более того, допускалась и мне даже нравилась. Тетушка в этом была затейница, только не в клубе. Для меня она попросила у знакомого русский костюм, это значит — поддевка, шаровары, сапожки и шелковая рубашка с особым поясом. Вернули с благодарностью.

Вскоре после этого маскарада — вечер в клубе. У тетушки сохранился шелковый костюм «китаянки». Вся беда была в прическе. Волосы у меня были волнистые, но не длинные, как-то сумели мне сделать, может, с добавлением еще, подобие китайской прически, украсили приколками. Я осталась довольна — из-за этой прически меня долго не могли узнать. Только Василий Аполлонович Стрелов сказал: «Я узнал тебя, Маня, по походке твоей мамы». Это был наш земляк и родственник.

За вечер несколько раз подходил, заговаривал Миша Кирилов (у которого брали костюм), а узнать не может, берет под руку со словами: «Маска! Может, погуляем?» И мы пошли по залу. Публики было очень много, в масках красивых, оригинальных и на злобу дня. Маскараду уделяли большое внимание, особых развлечений не было, как сейчас. «Я узнал многих, — говорит, — а ты, маска, осталась для меня загадкой. Между прочим, расскажу тебе интересный случай. Как только начинаются святки, мой русский костюм нарасхват, а возвращают обязательно с письмом, для меня особо приятным». Я насторожилась, думаю, неужели что-то осталось в кармане. Он продолжает: «Не так давно мой костюм попросили хорошие знакомые. Представляешь, маска, как я ждал возвращения этого костюма? Сразу в карман, в один, в другой, — нет ничего». Я тогда с облегчением вздохнула, а он говорит: «Решил еще проверить сапоги, догадайся, маска, что я там нашел?» Я ответила: «При всем желании не отгадаю». «В сапогах оказались, — говорит он, — чулки, четыре или шесть пар. Это уж для роста постаралась моя знакомая вложить столько чулок». Я не могла удержаться, на меня напал смех, и я выдала себя. «Теперь-то, маска, я тебя узнал». И оба смеялись над этой историей от души. После этого мы уже перешли на «Вы».

Свой поступок (согласие на замужество. — *Ю. Л.*) я еще объясняла тем, что покинула свою родину при тех обстоятельствах, какие сложились с отцом. Я, уезжая как бы навсегда, потеряла свою родину, временами — тоска и мучила совесть за отца. Мать, помню, часто вспоминала Банщиково — свой край родной. Все наши, и я в том числе, относились к ее

родине с уважением. Многие даже из посторонних так говорили, проживши там иногда дня два-три: «Долго не забудешь вашу Банщикову с ее хлебосольством и гостеприимством».

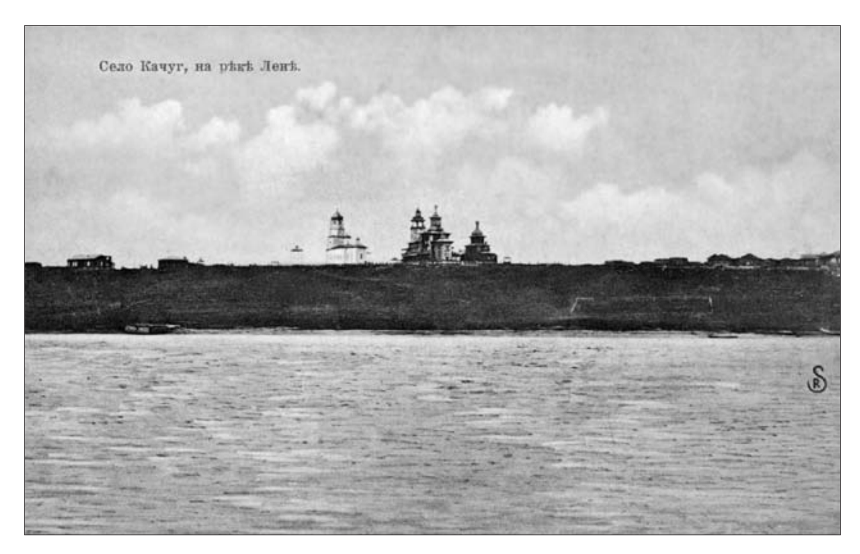
В деревне наша семья звалась Степановскими. Семья Степана Степановича Дмитриева в 1906 году состояла из 14 человек: жена Мария Алексеевна, старший брат Афанасий Степанович, сестра незамужняя Раиса Степановна, детей восемь человек — сыновья Александр, Петр, Николай, Иван и дочери Анна, Зоя, Любовь и Вера, и две снохи — Екатерина, жена Александра, и я, Мария, жена Николая. Был у Степана Степановича еще брат Николай, жил он в отделе, но в одной ограде, и три сестры — Дарья, Татьяна и Александра — были замужем.

У братьев Степана Степановича, Николая и Афанасия, детей не было, поэтому родившегося Николая усыновил Афанасий Степанович, а Ивана — другой брат, Николай Степанович. Усыновление было оформлено документами.

Занимались сельским хозяйством. Степан Степанович еще холостым и после женитьбы, когда жил в семье отца, Степана Лазаревича, у которого тоже была большая семья, был вынужден пойти на работу к Дмитриевым по прозвищу Коришневским и проработал у них около 30 лет. А до него, со слов Афанасия Степановича, и отец их, Степан Лазаревич, тоже у них работал. Был он совершенно неграмотный. Раз в год, перед весенним сплавом, приходилось ему выезжать в Качуг на заготовку муки и зерна. Эти районы — такие как Качуг, Манзурка и другие — славились изобилием хлеба. Ранней весной Степан Лазаревич сплавлял на карбазах что заготовит. Так из года в год доставлялся хлеб до Крайнего Севера и Бодайбинских приисков. Своим, местным, не обходились. А по-моему — плохо хозяйничали, не умели приложить руки по-настоящему. Земли-то нам не занимать — чисти сколько душа пожелает.

Афанасий Степанович говорил, что когда возвращался со сплава отец, то выгружали чуть не телегу «рубежей», по которым он и отчитывался, это была своего рода бухгалтерия, счет. «Рубежи» — это рейки разных размеров с отверстиями, чтобы можно было соединить по группам. Вот так в старину наши предки за безграмотностью и за неимением бумаги пользовались «рубежами» и еще когда-то берестой.

В период, когда Степан Степанович работал у Коришневских, и после главой семьи почти до глубокой старости считался старший брат его, Афанасий Степанович. Своих детей Афанасий Степанович не имел, но при крещении всех детей

Село Качуг. Дореволюционная открытка

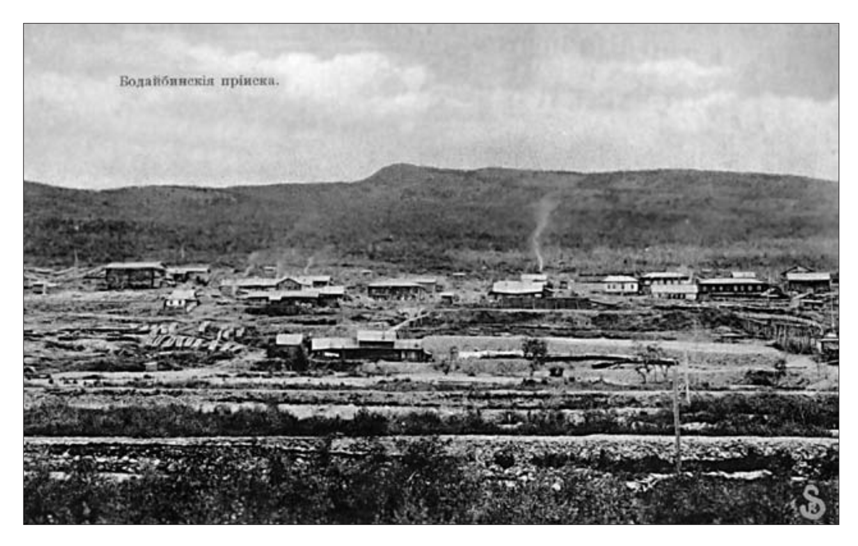
брата Степана он был крестным отцом, поэтому в семье все звали его «крестным» и относились к нему с большим уважением. Был он особо религиозным, соблюдал все посты, знал на память всю службу церковную и обряды, даже молодым священникам давал советы и делал замечания. Во время посева он никому не доверял бросить в землю первую пригоршню зерна, потому что делают все «не благословясь». Все Степановские от рождения были рыбаками, имели сети, невод. Были иногда и неудачные уловы, которые Афанасий Степанович тоже приписывал этому. «Мы, — говорил он, — невод-то погружали в воду с молитвой, а вы хи-хи да ха-ха, огалите только».

Мать (свекровь) не была богомольной и не требовала от своих детей и внуков, чтобы молились, соблюдали посты и прочие обряды, поэтому дети выросли все атеистами. Она даже приняла как должное и смирилась, когда убрали все иконы, которые украшали углы дома, а вера в бога среди населения в то время была большая и твердая. Когда узнал об этом дядя Афанасий, он долго не заходил к нам в дом (жил он в старой кухне в комнатке). Спрашивал племянников: «В какую же веру вы перешли?» Для него, конечно же, это была трагедия. Дед не раз упрекнул мать, что вырастила таких «бусурманов», «нехристей — лба не перекрестят». Вполне понятно его недовольство, если он не выходил из-за стола и

не садился за стол, не перекрестив с молитвой лоб, также на сон грядущий и после сна. «Построили себе, — говорил он, — какой-то дом («Народный дом») и тешат там черта». Так дед ругал нас за культурную работу на селе.

Особенно поначалу нам доставалось, пока дед Афанасий не привык к присутствию ссыльных, которых он называл не иначе как «царскими преступниками», которые идут «супротив царя и веры» и людей «сомущают». Но зла большого против них не имел и даже с удовольствием слушал их песни, особенно когда пел товарищ Брагинский. «Петь бы ему, — говорил дед, — со своим голосом в церкви». Часто пели и революционные песни, ссыльные его не стеснялись и не боялись, что он может выдать их — это значило бы выдать и семью, поскольку он знал о создавшемся положении дома. В годы, предшествующие революции 1905 года, в Банщиково и соседних селах — Чечуйске, Горбово и других, было много политических ссыльных, и еще больше их было на Лене после 1905 года. Знакомство с ними, общение и даже дружба братьев и сестер Дмитриевых оказали на них большое влияние, и они становятся участниками революционного движения.

Жену старшего брата, дяди Афанасия, звали Анна Алексеевна, она умерла до моего прихода к ним. Родина ее Тунгуска, деревня Соснина, из семьи Гаврилы Василисовича

Бодайбинские прииски. Дореволюционная открытка

Инешина. Это единственный, пожалуй, человек на всю Лену и Тунгуску, который дожил до 127 лет, а потому мне хочется о нем немного написать. Я его видела два раза. По дороге в Киренск как близкие родственники они всегда заезжали к нам. Обычно везли какой-нибудь груз, или «кладь», как они называли, — это мясо, рыба, кожи сохатиные. И обратно, чтобы заработать, порожняком не ехали, также брали кладь до Преображенки или Ербогачёна.

Первый раз, когда мне пришлось его увидеть, ему было 105 лет, второй раз — 112 лет. Обращаясь ко мне, он сказал: «Я ведь, лебедь белая (это у него поговорка была, когда обращался к женщине), еду не один, а с дочкой Дуней — сейчас распрягет лошадок, укроет кладь и зайдет». Вскоре зашла и «дочка», которой было 90 лет. Я была поражена: в таком возрасте шагать за возами такие версты и в мороз, и в метель. Гаврила Василисович говорит: «Я еще жну хлеб серпом, а когда и на мельницу с помолом схожу „на шесте“». Это значит, идти в лодке против течения, отталкиваясь шестом, для чего нужны сноровка и сила.

Опишу впечатление, какое Гаврила Василисович произвел на меня. Было в нем что-то от первобытного человека, судя по изображениям, которые я видела в книгах, но страшным он не был. Он был высокий ростом, широкоплечий, казался богатырем даже в этом возрасте, руки непропорционально длинные, и волосы, подстриженные под «скобку», тоже длиннее обычных, но не очень седые. Бороды как будто не было или была небольшая. Зрение хорошее, и очень добродушная улыбка. «На здоровие, — сказал он, — не жалуюсь, а сын вот хилый» (сын 30 лет болел, помог ему чудо-источник на Акунайке в Казачинско-Ленском районе).

Отец, Степан Степанович, в отличие от старшего брата Афанасия и своих сверстников Коришневских тоже не был религиозным и богомольным и, так же как мать, не требовал этого от детей. Он не вмешивался в дела взрослых детей, а, наоборот, поощрял их за передовые взгляды, оказывал поддержку средствами или советами, если была в том необходимость. Даже в период, когда скрывался Александр от преследования местных властей и погиб Петр от руки предателя, отец не изменил своего отношения к детям. Поэтому молодое поколение выросло революционно настроенным, и обыски у нас были не без основания, двери нашего дома всегда гостеприимно были открыты для ссыльнополитических, которые сами в шутку называли наш дом своей «штаб-квартирой».

Степан Степанович, когда ушел с работы от Коришневских, решил заняться своим делом: доставкой сена на Бодайбинские прииски. Но вскоре тяжело заболел (рак пищевода), здоровье его ухудшилось, и он это дело поручил сыну Николаю. Когда же дома не оказалось двух сыновей (Александр скрывался от преследования царской полиции, а Петр был вынужден уехать по сложившимся обстоятельствам), не стало хватать рабочих рук, пришлось работу по доставке сена прекратить.

Отец, Степан Степанович, задолго до смерти просил Николая всю заботу о семье и стариках взять на себя. У отца как будто не было уверенности, что можно положиться на старших сыновей, Александра и Петра. Умер Степан Степанович в 1907 году. Остальные старики прожили до глубокой старости.

Я не скажу, чтобы семья Степановских жила обеспеченно (никто не имел и не износил приличного пальто или костюма). Основная поддержка была от своего хозяйства, но, насколько помню, были случаи, едва дотягивали своим хлебом до нового урожая. За этим строго следил дед Афанасий, проверял всхожесть семян, и если была возможность, оставлял впрок несколько пудов для будущего посева и только в крайнем случае разрешал его использовать. От хозяйства имели продукты первой необходимости. Немного сеяли лен и коноплю, обрабатывали ручным способом — мяли, трепали, чесали. Жена Степана Степановича, Мария Алексеевна, была большая мастерица, ткала холсты простые и с рисунками на скатерти и полотенца, а также половики и полазные[36] дорожки яркие, шила своим мужикам «сукманные» штаны. Это сукно из овечьей шерсти, вытканное домашним способом, его как-то отпаривали и немного скатывали, таким же сукном покрывали тулупы, сшитые из овчины.

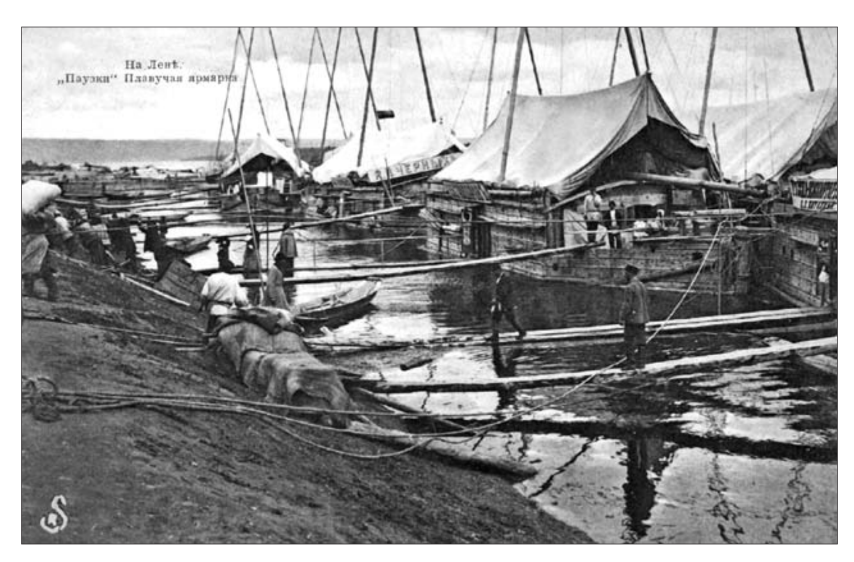
Обувь для постоянной носки тоже шили сами — из кожи своей убитой скотины, которую для выделки отдавали на кожзавод. Для мужчин шили ичиги с длинными голенищами, а для женщин и ребят — чирки. Сейчас за исключением старых людей не знают, что это была за обувь такая. Помню, когда Римма[37] поехала учиться, у нее, кроме этих чирков, не было никакой обуви. Сейчас радует глаз все, что изменилось к лучшему, нет нужды перечислять все достижения. Мне, на-

[36] Полаз — длинный, узкий ковер.

[37] Старшая дочь Марии Иннокентьевны и Николая Степановича Дмитриевых, 1907 года рождения.

пример, приятно даже то, что одеваются все хорошо, и не различишь — инженер это или рабочий. Рабочие того времени, по некоторым фотографиям и газетам или хотя бы по пьесе М. Горького «Мать», были одеты просто — рубашка, пиджак, брюки, а то и просто штаны, запущенные в сапоги. А как одевают сейчас детей! Раньше так одевали только в городе, кто имел возможность, а сейчас в любом поселке, и у матерей нет заботы, начиная с пеленок. (Может, некоторые из молодых думают, что всегда так было.)

Мама, свекровь, вспоминает свою старину так. Муж ее, Степан Степанович, работал тогда у Дмитриевских. За год они должны были скопить хотя бы сотню рублей и купить на «ярмарке» все необходимое на год на всю семью. «Ярмарка» — это торговые плавучие паузки, плывшие в начале лета по реке Лене от Качуга до Якутска от разных фирм, особо славились паузки Громова. Кредита там, по-моему, никому не было, но в то время на сотню купить можно было много. Нужно обеспечить хотя бы недорогой обувью кого-то из семьи, валенки катали из своей овечьей шерсти, купить материал на верхнее и нижнее белье, а также и продуктов, вернее, предметов первой необходимости, таких как сахар, мыло, спички, свечи, керосин и куль «крупчатки» и немного рису, и то не на еду, а на панихиды, справлявшиеся раньше по каждому умершему обязательно.

Плавучая ярмарка на реке Лене. Дореволюционная открытка

Двери нашего дома, когда-то построенного отцом на большую семью, гостеприимно были открыты для товарищей ссыльнополитических, пострадавших за свои идеи и высланных в суровую Сибирь. Свое одиночество, оторванность от семьи они, наверное, особо сильно чувствовали зимой и осенью, в короткие дни и бесконечно длинные вечера при тусклом свете лампы, слушая сибирские бураны да метели. Может, кто-то из товарищей и запомнил вместе проведенный когда-то досуг.

Правда, весной и летом наша семья была занята полевыми работами, но выкраивали время и для отдыха. После уборки все ждали Покрова, был такой праздник, сейчас это день урожая. С плеч сваливалась у всех как какая гора, старались к этому дню закончить всю работу. Потом передышка и обмолот хлеба, постепенно, кто как может.

Я почему-то и до сего дня с удовольствием вспоминаю то навсегда ушедшее время, которому не бывает возврата, — это прошедшая молодость и жизнь. Так происходит, наверное, со всеми, кто заглянет в свое прошлое. Особенно запомнилось мне время школьных каникул. Сестры-учительницы работали поблизости, а потому часто находились дома. В субботу по вечерам и в воскресенье у нас было шумно и весело — читали и спорили, большинство товарищей любило играть в шахматы и шашки. Любил эту игру Александр, и я увлекалась с раннего детства ею. Любили все петь, поэтому был неплохой хор, особо не остерегались, пели и революционные песни. Но не было случая, чтобы это было связано с вином или водкой.

Кстати, не так давно я получила письмо от моей двоюродной сестры Степы, бывшей Ковалёвой, а по мужу Карих, мать ее была моя родная тетя. Она педагог, сейчас на пенсии, моложе меня лет на восемь. Она пишет: «Помнишь, нет, Маня, как я гостила у вас во время каникул? У меня навсегда остался в памяти вечер, собрались родственники и было много ссыльнополитических, пели хорошо, а особенно „Славное море, священный Байкал“ и „Вечерний звон“». Это была любимая песня товарища Брагинского. Меня удивило, что и Степа запомнила этот вечер, будучи тогда еще девочкой 12 лет.

Любил слушать песни и наш старый дед, может, не понимая полностью их смысла. Но не забывал нам напоминать: «Что вы сами проситесь в тюрьму? Царские преступники идут супротив царя и веры, и вы туда же. За вами следят, обыски делают. Петр-то за что погиб? Такой парень!»

Николай Лаврентьевич Мартынов

Только мать никого не бранила, несмотря на причиненные ей беспокойства и за судьбу старшего сына, Александра, и за то, что в связи с этим лишился жизни второй ее сын, Петр. Нужно было иметь мужество, чтобы пережить это горе. А удары и после сыпались на нее один за другим. Дети относились к матери с большой любовью, читали ей часто вслух и объясняли где нужно, зачем и для чего все это делается. Поэтому, возможно, она и не считала за позор, как дед Афанасий, эти обыски, аресты и даже тюрьму.

Постараюсь коротко описать некоторых ссыльнополитических товарищей, которые отбывали ссылку в наших краях с 1906 по 1914–1915 год. Все они должны были состоять где-то в списках и быть на учете.

Николай Лаврентьевич Мартынов. Он, кажется, прожил дольше всех, считался высокообразованным человеком, хороший шахматист, пожалуй, один из лучших. Среди товарищей и у местного населения пользовался большим уважением. Приготовил несколько человек на звание учителя. Николай Лаврентьевич как преподаватель и как человек завоевал большой авторитет, в районе Киренска он имел много друзей и товарищей по ссылке, с которыми поддерживал связь. Он считался видным политическим работником, его больше знали за Иванова-Мартынова. В Сибирь к нему приезжала сестра, Анна Лаврентьевна, веселая, энергичная девушка. В 1917 году я встречала ее в Иркутске, она была замужем, а Николай Лаврентьевич был даже намерен жениться на одной из учительниц, Зое Степановне.

Степанида Семеновна Карих (мать ее была моя родная тетя) вспоминает в письмах многих ссыльных, в том числе Мартынова и Зою Степановну, которых они считали за жениха и невесту. «Бывая в Киренске, — пишет она, — они всегда

заходили к нам». По письмам Степаниды Семеновны можно судить, что мать и старшие дети принимали деятельное участие в судьбе ссыльных: предоставляли им уют, оказывали содействие при побегах и даже «мыли старые паспорта» под руководством ссыльных. Возможно, товарищ Мартынов знал об их добрых делах и ценил за активное участие к ним.

Чаще всех из товарищей к нам заходил Дмитрий Степанович Страхов, студент. Приписан он был к Горбово, там и жил у Василия Назаровича Попова с товарищами Черкасским и Роговиным — студентом, тот всегда в студенческой форме, высокий, стройный, с хорошей шевелюрой. Говорили, что в нем что-то есть тургеневское. Они, по-моему, редко встречались с товарищами, которые жили в Банщиково. Иногда товарищ Страхов у нас засиживался долго, оставался и ночевать или после рыбалки, в которой любил принимать участие. Любила и бабушка по старой привычке порыбачить, а при неводе, какой был у нас, нужно не меньше пяти человек: двое в лодке за веслами, Александр выкидывает невод, двое бережничают. У бабушки Марии сила уже не та, а у Страхова навыка нет. Раз как-то на быстром месте оба кляч не удержали, выпустили из рук, и тоня пропала. Александр вгорячах крикнул: «Эх вы, засранцы, что наделали». Говорят, что охота, что рыбалка, — азарт своего рода, а получилось нехорошо. Александру пришлось извиниться, но они оба не обиделись, а дома над этой тоней посмеялись. Страхов говорил, он так растерялся за свою оплошность, что ничего и не слышал, если бы даже и не так выругались. К счастью, у нас в семье никто не ругался.

Хороший он был парень и простой и очень любил детей. Наши Римма и Таня очень к нему привязались. Как только он заходит, они уж бегут к нему навстречу с книжками, декламируют, поют, слушают, как читает им вслух «дядя Митя». Он и Н.Л. Мартынов оба увлекались Зоей Степановной. В семье все были не прочь, если бы она вышла замуж за того или другого. О них осталась хорошая и светлая память навсегда. При помощи братьев Дмитриевых также уехали и они.

В селе Банщиково жил Погодин, но очень мало. У него были жена и ребенок, жить было трудно. Дмитриевы помогли ему и дали возможность уехать с семьей в Бодайбо на прииски.

Товарищи Мита и Особа жили на одной квартире, у Веры Емельяновны. Мита (как будто латыш) — серьезный, солидный, носил очки, также любил играть в шахматы. Он и Мартынов считались лучшими шахматистами, а вообще в шахматы они играли почти все.

Особа — нам казалась эта фамилия странной, и я думала, что есть другая. И жил он как-то обособленно, даже со своими товарищами мало встречался. Они говорили о нем, что он артист-профессионал.

Хочется обо всех, кто запомнился мне, сказать хотя бы пару добрых слов.

Несколько товарищей жило на квартире у Ионы Антоновича Зарукина дружным и общительным коллективом: Копель, Саша Сахаров, Козловский, Степан Ковылкин и Сергей Щеголев. Население не смотрело на них как на «царских преступников», а относилось ко всем хорошо.

Копель — небольшого роста и по сравнению с другими товарищами выглядел старше, может, потому, что не брил бороду. У него была большая дружба, а может быть, даже любовь с одной из учительниц Дмитриевых, младшей, Верой. В летние каникулы, когда она приезжала домой, товарищ Копель особенно часто бывал у нас. Из эмиграции (в его побеге также приняли участие Дмитриевы) он смог написать два письма, из которых мы узнали, где он находится. «Несмотря на то, — писал он, — что живу в Париже, Банщиково и банщиковцев с их гостеприимством не забываю...»

Я в то время не задумывалась над этим, а можно было бы сохранить много интересного. Хотя бы эти письма и другие, полученные от товарищей. Вообще-то переписку с бежавшими политическими производить было нельзя, такая связь могла быть легко обнаружена властями, и вся организация побегов ссыльных была бы уничтожена.

Саша Сахаров — студент, моложе всех, а поэтому остальные товарищи относились к нему с особой заботой и вниманием. Увлекался очень охотой, но его преследовали больше неудачи. Один раз изъявил желание пойти даже на медведя. Хочу описать этот случай.

По Лене, где Банщиково, — это самые населенные места, деревня от деревни три-четыре–восемь километров. Поэтому, по-видимому, медведи и облюбовали этот район, им всегда было чем поживиться, а тем более, скот пасся без пастуха, и одно грибное место в лесу даже называлось «медвежьим», так что женщины без мужчин иногда боялись туда ходить за грибами. В общем, каждое лето две-три скотины, а то и больше люди платили как дань какую. Озоровать же медведь начинал ни раньше ни позже, а именно в сенокос, когда все мужчины на уборке и дома их нет, а у медведя, конечно, свои соображения были на это. Обычно около убитой скотины устраивали на деревьях лабаз, его маскировали, и

два-три охотника занимали свои места с приготовленными на прицел ружьями, рассчитывая, с какой стороны можно ожидать прихода медведя. При этом соблюдалась абсолютная тишина. Медведь к своей жертве идет осторожно, но как бы он тихо ни шел, а уловить какой-то треск можно. Вот в этот-то момент Саша от напряжения и испуга непроизвольно спустил курок, раздался преждевременный выстрел, и медведь, к огорчению всех охотников, конечно, удрал. После этого Саша больше не решался ходить на медведя.

Еще был курьезный случай у Саши Сахарова на охоте, как по пословице — «не убил, а отеребил». Осенью перед концом полевых работ наши решили съездить на остров Еловый порыбачить, к тому же начинался лет гусей. Товарищ Саша загорелся желанием поохотиться на гусей. Позаботился даже о том, как и где их лучше сохранить несколько дней и как обратно доставить. Если идти пешком 20 километров, он сможет унести три-четыре штуки, а остальных гусей уж придется попросить, чтобы привезли. Сохранить их, конечно, можно: у многих на Еловом были погреба — просто под навесом от солнца выкопанные ямы для хранения продуктов, а особенно кваса, который дороже еды во время покоса. А в результате наш горе-охотник убил одного гуся, — может, охотников было больше, чем гусей, или ружье не в порядке. Но он не унывал, а товарищи часто вспоминали его охоту и от души смеялись над его неудачей.

Товарищ Козловский мало запомнился мне. Считался мастером сапожного дела, шил хорошие мужские сапоги. Высокий, стройный, с правильными чертами лица, необщительный и молчаливый. Сергей Щеголев, пожалуй, наоборот. Он да и другие товарищи иногда помогали нашему драмкружку по оборудованию декораций или переписке ролей, если мы не успевали сами, а иногда заменяли суфлера в будке или следили за выходами артистов. Непосредственного участия в постановках им принимать не разрешали.

Степан Ковылкин запомнился мне ужасно белобрысым, даже брови и ресницы выделялись по сравнению с другими людьми. И как будто ничем не примечательный парень, но если посмотреть на него во время русской пляски — не забудешь. Помню, он плясал с кем-то, как говорят, на пару, где эта пара танцоров, соревнуясь между собой, старается превзойти один другого в разнообразии и совершенстве разных колен. У партнера его все получалось резко, отрывисто и однообразно, а у товарища Ковылкина наоборот. Помню, как ему аплодировали и вызывали на бис. Какая специальность у

него, образование, не знаю, но помню, что был он хорошим столяром и от всего коллектива сделал сестрам-учительницам подарок — хорошую этажерку.

Произошел с ним такой случай. Работал он у кого-то в Горбово. Осенью, возвращаясь домой по первому снегу, подкатился и упал, а у него была с собой стамеска в кармане, и при падении он себя ранил. Рана оказалась с левой стороны недалеко от сердца. Когда Ковылкин вернулся домой и рассказал товарищам о случившейся с ним беде, при виде раны и крови они не на шутку встревожились и кто-то из них пришел к нам за йодом и бинтами. Мы сразу же пошли — Александр, Николай и я. Я в таких случаях не терялась и первую помощь всегда могла оказать, были зонд, пинцет и необходимые лекарства. Когда мы зашли к ним, меня поразила тишина, все разговаривали полушепотом, даже лампа была немного увернута. Эта тишина и мрак почему-то надолго запомнились мне. Степан лежал на койке под одеялом, и даже лицо почему-то прикрыто полотенцем. Я вначале испугалась, подумала, неужели кончается? В это время товарищ Копель добавил свет в лампе и тихо сказал Ковылкину: «Степа, сейчас мы тебе сделаем перевязку. Мария Иннокентьевна принесла бинты и йод, а если понадобится, Ион Антонович предлагает лошадь, мы отвезем тебя в Чечуйск в больницу».

Рана оказалась неглубокой, болей при вдохе и выдохе не было. Я его спросила, может, кружится голова или тошнит. Товарищ Ковылкин сказал, что нет, «но вначале, — говорит, — здорово я напугался, когда почувствовал, как по телу побежала кровь, и подумал, неужели и умереть придется здесь, вдали от Родины и родных». Чувствовалось, как все переживали за него, но обошлось все хорошо. По-видимому, до некоторой степени предохранила ватная фуфайка и прочая одежда. Удар был сильный, вся одежда оказалась прорезанной.

После революции, во время становления советской власти от товарища Ковылкина мы получили несколько телеграмм из Министерства путей сообщения, кажется, заверенных кем-то или печатью, — вызывали на работу Александра и брата Николая с предоставлением бесплатного проезда. В последней телеграмме было указано: «по мере надобности вам будет предоставлен отдельный вагон». Возможно, он мог рекомендовать их как хороших и честных работников, на которых можно положиться. По-моему, со стороны братьев Дмитриевых была допущена большая ошибка, что не поехали. Помехой всему — большая семья за плечами, трое только стариков, а, по их понятиям, где родился, там и умирать

должен. Дома в этот период, о котором я пишу, старшим находился Александр. Не так просто было оторваться от хозяйства. На сестер рассчитывать было нельзя.

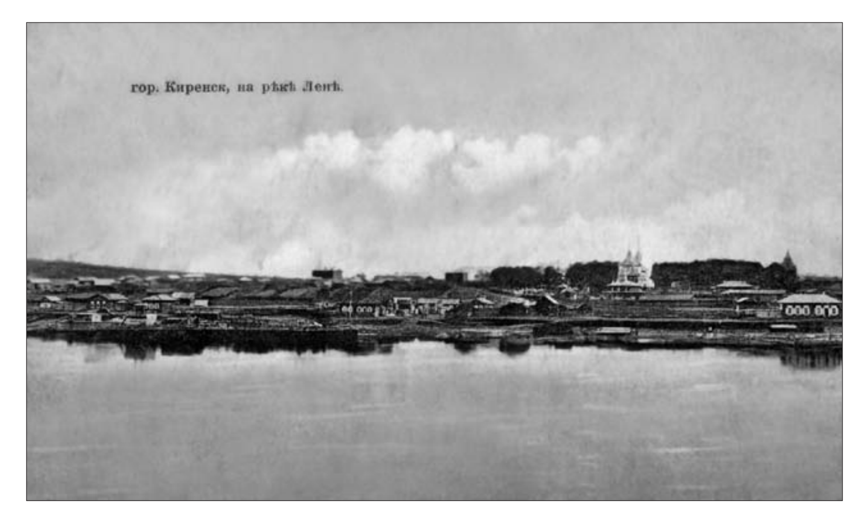
В 1904–1905 годах, в период стачечного движения, если кто открыто не принимал участие в революционной работе, то сочувствующих, конечно, было много. Я помню даже двух молодых священников, которые в этот период закончили Иркутскую духовную семинарию, — по-моему, они сами были не прочь попеть революционные песни. Особенно отец Никита, в большинстве называли его Никита Григорьевич, родина его — Горбово. Наш дед считал его за «греховодника», потому что тот уговорил его как-то спеть старинные песни в Чистый понедельник, первый день Великого поста. Мы были даже рады, что дед наш распелся, это с ним никогда не случалось. И если он нас когда попрекал, что «храм божий забыли», мы ему напоминали о его грехе. Он, конечно, оправдывался: «Сомустил, — говорит, — этот греховодник, не я и пел-то, а три рюмки выпитого вина».

Самый веселый священник был отец Григорий Комиссаренко. До Чечуйска он работал в Ичёре. Я невольно делаю сравнение с более пожилыми священниками, которых знала по Знаменке. Приход был большой, обслуживали его два священника, и оба по бабушке (матери отца), бывшей Грозиной, приходились мне родственниками. Один священник как пастырь особенно оберегал население от пагубного влияния ссыльных. Этот священник стал наговаривать отцу, что я непочтительна и даже груба, что все это происходит потому, что я дружу со ссыльнополитическими и нахожусь под их дурным влиянием.

Кого я запомнила из учителей, и кто где работал.

В 1906 году в Банщиково была очень молодая учительница, закончившая Киренскую прогимназию, Лидия Григорьевна. Знаю о ней, что она была сирота, воспитывалась у какой-то Орловой, а через год или два вышла замуж за ее сына, Михаила Орлова. С ним я познакомилась в Киренске на открытии катка с оркестром. Лидия Григорьевна целиком посвятила себя искусству. В Киренске профессионального театра не было, а в кружке самодеятельности она считалась одной из лучших артисток.

Евл[ампия] Федоровна Горнакова, Евдокия Ивановна Амосова, Мария Павловна Коваленко — из молодых учителей. Они были близко знакомы, часто бывали у нас, особенно в период зимних каникул, делились между собой опытом работы (я и до сего времени с некоторыми

Город Киренск. Дореволюционная открытка

переписываюсь). Возглавляла их как опытная Любовь Степановна.

Из учителей с передовыми взглядами могу назвать Илью Григорьевича Киселёва. Вначале он работал в Горбово, а потом в Бодайбо вместе с Зоей Степановной и Степаном Евдокимовичем Лыхиным. В Чечуйской школе — молодые учителя, муж и жена Щекатуровы, только что со скамьи. Товарищи ссыльные в шутку их называли «Коляш и Валяшь» — это означало Николай и Валентина, — и держались с ними по-товарищески, по-видимому, между ними была установлена тесная связь.

В Банщиковской школе в 1908 году работал учителем Александр Алексеевич Кузнецов. В школе с ним жила его мать, уже пожилая женщина, но очень необщительная. Раньше, когда сын учился, они жили будто бы в Алымовке (Лужки), у нее была и дочь, говорили, очень красивая.

Кузнецов жил в смежной хате через теплое крыльцо с Иваном Ивановичем Инешиным. Со слов деда Афанасия, жены их были сестрами и по своей родословной происходили как будто из татар.

О Кузнецове хочу написать более подробно. Среди учителей он выделялся и внешним видом, был развитой, большой книголюб, имел и выписывал книги и пособия по школьному делу. Имел тесную связь со ссыльными и с нашей семьей, был в курсе всех событий, считался женихом старшей сестры, Анны Степановны. Любил поспорить и пошутить. Он

и Любовь Степановна часто в разговоре употребляли иностранные слова. Как-то Зоя в шутку положила на стол словарь иностранных слов и сказала: «Я буду во время вашей беседы заглядывать в него». На шутки Кузнецов не обижался, и с ним можно было быть откровенным. Он знал, что нам иногда попадает от деда Афанасия за ссыльнополитических товарищей, и поэтому предлагал, чтобы собирались у него в школе, которая стояла на окраине села. Так мы иногда и делали, но чаще всего собирались у нас.

Как-то произошел такой случай. В село Чечуйское в конце лета с партией прибыло несколько человек новых ссыльных, среди них, по наружности и акценту, грузин (фамилию его забыла). Когда кто-то из товарищей познакомил его с сестрами Дмитриевыми, он высказал желание познакомиться поближе и сказал: «Слышал о вас и о вашем гостеприимстве много хорошего», пообещав в скором времени прийти за книгами. А незадолго перед этим наш дед Афанасий так на нас осерчал, что пообещал: «Вы доведете меня со своими друзьями, я возьму да и выгоню их». Мы знали, если дома Александр и Николай, он этого не сделает. А они оба в один день уехали, один в Киренск, другой на остров Еловый. И как на грех, не раньше и не позже пришел вновь приехавший грузин к нам в гости, и такой довольный. Ждал, говорит, посылку: «Не хотэл идти к вам без гостынца, — говорит с акцентом, — принес вам кусок брынза — свой, домашный». С осторожностью положил брынзу на стол, чувствовалось, как дороги для него были гостинцы из дома. Его внимание привлекли наши растения — хорошие цветы, две пальмы, туя, кипарис и другие. Это, можно сказать, все наше богатство. Он пришел в восторг и сказал: «Я у вас увидел как будто кусочек родины». Нужно было видеть его, чтобы понять его состояние. До чего соскучился человек по родным местам.

Положение наше было незавидным, сидели как на иголках, поглядывая на дверь. Неудобно, человек пришел в первый раз. Остальные товарищи знали старика и не обижались. Мы между собой договорились — если зайдет дед, старшая, Анна, пойдет к нему навстречу и скажет: «Крестный! Пойдем, я тебе что-то скажу», чтобы отвлечь его. А выбор пал на Нюту потому, что дед к ней относился только с уважением и называл ее «Анна» за ее степенность, Любу обычно — «береза» или «палысня», Зою — «кастрига», почему, не знаю, а в общей сложности всех — «скрипочные головки», это, кажется, за прически, за гребенки.

Мне поручили пригласить Александра Алексеевича Куз-

Мария Иннокентьевна Дмитриева и Анна Степановна Кузнецова (урожденная Дмитриева)

нецова и предупредить его о возможной беде, чтобы он помог нам выйти из этого положения — пригласил бы всех нас и товарища к себе.

Гостя приняли мы неплохо. В столовой накрыли стол, закуска своя: без рыбы не жили, а тем более летом, яйца, творог, сметана и овощи, а кроме всего, были уже свои арбузы и дыни и по-сибирски «чай за самоваром». Наш знакомый не переставал удивляться, ему не верилось, что где-то в глуши, почти на Севере — и вдруг свои доморощенные арбузы, дыни. И людей представлял увидеть здесь не такими. Сибиряки некоторым представлялись наподобие дикарей.

С приходом Александра Алексеевича разговор оживился. Между прочим, не было случая, чтобы на столе когда-нибудь была бутылка вина или водки. Александр Алексеевич после беседы и чаепития стал приглашать к себе, предлагал посмотреть книги, но наш новый товарищ категорически отказался: «Зачем, товарищ, идти к вам, когда так хорошо здесь?» И добавил: «Если в ближайшие дни не отправят куда подальше, то я приду не один еще раз, а сейчас мне надо спешить, я договорился с товарищами, что приду к перевозу не позднее 11 часов». В это время подошли еще двое товарищей, Копель с Козловским, и мы всей компанией пошли провожать его до Чугуевой.

Не раз вспоминали потом этот случай. А нашего знакомого и еще несколько человек с партией отправили на Север, со слов нашего деда, Афанасия Степановича, у которого на это была большая память. Он знал все, как вниз по Лене, так и обратно: кто на ком женился, и кто за кого вышел замуж и куда.

Кузнецов после женитьбы с Анной Степановной уехали в Киренск, там он, кажется, работал инспектором училищ, имели детей, сына и дочь. Потом переехали в Бодайбо, назначение было на Артемовский прииск, где он работал преподавателем в старших классах. Временно жили у родственников, Амосовых.

Сердцу, говорят, не укажешь — Кузнецов влюбился в двоюродную сестру жены, Лиду Амосову, оставил семью без всяких средств к существованию, а годы были трудные. Ее счастье — хорошо шила, на это и жила. Кузнецов не помогал, она из самолюбия не хотела взыскивать через суд на воспитание детей, решила вырастить сама. И вырастила, и неплохих. По тому времени, при тех взглядах на жизнь и брак это была небольшая трагедия.

Мать Лиды — Дарья Степановна, родная сестра Степана Степановича. Как близкие родственники часто бывали друг у друга семьями. Часто она с детьми приезжала гостить в Банщиково, чаще дети одни, уже подростками, а Лида и в зимние школьные каникулы. Она была интересная девушка, но какая-то эксцентричная или дикая, иногда позволяла себе такое сказать, что взрослые краснели. Рано приучилась курить, тогда как женщины вообще не курили, а будучи студенткой, она была уже кокаинистка. Несмотря на то что у матери характер жесткий, я бы сказала, властный, Лида еще подростком вышла из повиновения и, наоборот, подчинила себе мать и отца. Иван Павлович Амосов был исключительно мягкий и добрый по характеру человек, он и жена пользовались авторитетом и уважением среди знакомых и родных. У Ивана Павловича и его сестры Марии Павловны родных, собственно, не было, остались они круглыми сиротами в детстве. Когда-то давно их родители ехали на Бодайбинские прииски. На эти прииски люди ехали издалека и отовсюду. От эпидемии где-то в дороге они скончались, а сирот взяли на воспитание Дмитриевы Коришневские (это не единичный случай в деревне). Иван Павлович работал у них чуть ли не до конца своей дней, занимал большую и ответственную должность заведующего резиденцией и пристанью. Возможно, в его обязанность входила работа и по обеспечению продук-

тами всех рабочих, занятых во время плавания небольшого буксирно-пассажирского парохода «Николай» братьев Дмитриевых (Коришневских).

Лида по окончании Ленинградского педагогического института была назначена в город Бодайбо. После учительской конференции, проходившей в Бодайбо, в семье Кузнецовых начался разлад. В письме, которое прочитала Анна Степановна, муж ее пишет Лиде, что он на грани жизни и смерти, положение его — хоть под поезд, выхода нет, как порвать с семьей? После этого она мужу ничего не сказала, а когда нашла пачку писем, адресованных Кузнецову от Лиды, решила вызвать брата Лиды, студента (учился в Томске, геолог). Это абсолютная противоположность сестре — серьезный, скромный юноша, а впоследствии своим трудом и знаниями занял профессорский пост и остался таким же простым и скромным на всю жизнь. Он пообещал переговорить с сестрой, а потом сообщил, что ничего из этого не получилось, посоветовал приехать самой Нюте.

Если бы на месте Лидии была другая девушка или женщина, то Анна Степановна отнеслась к этому по-другому, пожалуй, даже спокойно, она была гордая. Но простить все это сродной сестре она не могла и решила поговорить с тетей Дашей. Та, по-видимому, ждала объяснения и первая сказала: «Я, Нюта, знаю все, но что я могу сделать, ты знаешь Лидию, какая она». И принесла, по-видимому, заранее приготовленный узел детских поношенных вещей Кеши и Лиды и стала передавать со словами: «Возьми это, Нюта, Пете и Аде все это может пригодиться». Если бы все это было предложено в другое время и при других обстоятельствах, Анна Степановна, возможно, и не обиделась на это, а так оказался еще один удар по больному месту. Нюта на это тете Даше сказала: «Мало вы меня знаете, если думаете отделаться старыми вещами, я даром вам его уступаю, если ваша дочь не нашла для себя подходящей пары, только прокляну ее на свежей могиле отца» (Иван Павлович перед этой историей трагически погиб, его разнесла лошадь). С Дарьей Степановной сделалось плохо, а Анна Степановна вышла из этого дома, потеряв последнюю надежду.

Александр Кузнецов и Лидия Амосова по характеру, мне казалось, — совершенно разные люди, и никто не думал, что этот брак будет продолжительным. Встречи с ними избегали как мы, так и они. Жили и работали они в Иркутске, у них росли свои дети, Олег и Светлана.

Петр, от первого брака, рос серьезный и способный малый, особенно по математике, так что в старших классах имел

Петр (второй слева) и Ариадна (первая справа) Кузнецовы с двоюродными сестрами Риммой (вторая справа) и Татьяной Дмитриевыми (детьми Марии Иннокентьевны)

уроки по подготовке учеников. Для матери это была большая поддержка и гордость за сына. И дочь Ариадна — тоже неплохая была, интересная, я бы сказала, красивая. Окончила техникум.

Петя по окончании средней школы поехал в Иркутск, чтобы поступить в педагогический институт. Перед отъездом предварительно договорился с матерью о своей встрече с отцом, которого не видел лет 12–13, и пообещал написать ей об этом. Первые письма от сына мать переслала нам, потому что их судьба была для нас небезразлична. В своем же письме нам она пишет, как, недосыпая ночей за работой, старалась сделать все необходимое для сына, чтобы перед отцом он не выглядел плохо, хуже других.

Отец не ожидал встретить сына, который перерос его, и эта встреча была неожиданной для него. Адреса Петя не имел, только знал, в каком институте работает. Шел, конечно, не без волнения. В институте отца не было, решил подождать его. Когда зашел, узнал его по фотографии, пошел навстречу, извинился и спросил:

— У вас есть знакомые Кузнецовы?

— Да нет, кажется, нету, — ответил отец, немного смутившись.

Петя на это сказал:

— А вы подумайте, может быть, вспомните?

Вот только тогда до Кузнецова дошло, что перед ним стоит его уже взрослый сын. Петя пишет, как он побледнел, задрожали от волнения губы и сказал:

— Так неужели это ты, сын мой, Петя! А я думал, ты еще подросток — пацан.

Разговаривать был неудобно, пишет Петя. Договорились с ним встретиться в парке. Переговорили о многом, и отец сказал, было бы лучше, если по-старому жили бы все вместе.

Александр Алексеевич не был красивым, но было что-то, что привлекало внимание многих к нему, — мягкий и добрый по характеру человек. Эта черта передалась и сыну Петру, и по наружности тоже похож сын на отца.

Александр Алексеевич Кузнецов, между прочим, сын поляка Франца, высланного в Сибирь, по-видимому, за восстание в когда-то порабощенной Польше. По окончании срока Франц вернулся домой в родную Польшу, а жена его, мать Александра, в Сибири вышла вторично за Кузнецова (эта фамилия по Лене распространенная). Меня заинтересовало стихотворение Светланы Кузнецовой (это дочь Александра Кузнецова от второго брака, поэтесса). Стихотворение это было помещено в первом сборнике ее стихов на первой странице[38]. Но я прочитала его, когда была у родственников, невнимательно, и, чтобы уточнить, я попросила племянника, Петю Кузнецова, того, о котором я здесь немного пишу, чтобы он мне прислал стихи.

Над Витимом угрюмым,
Над таежною далью
Встали русские думы
Моей бабушки Дарьи.

(Это бабушка Дарья — сестра Степана Степановича. Она и сестра ее Александра Степановна учились взрослыми по букварю. Она была не по знаниям развитая и мудрая женщина. Пользовалась среди родственников и знакомых авторитетом.)

Встали русским весельем,
Встали русской тревогой
Над Сибирью весенней,
Над моею дорогой.

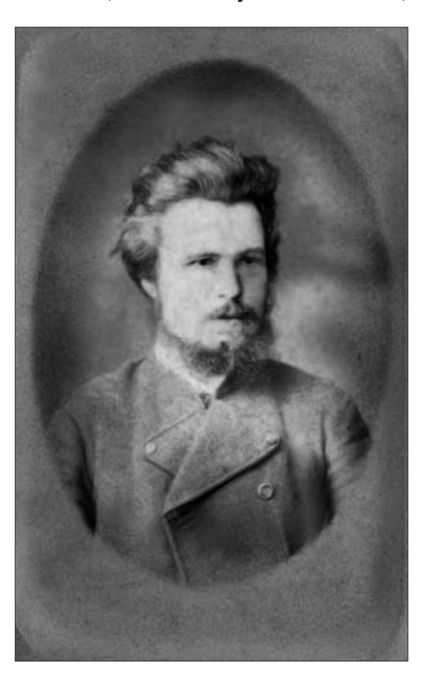
[38] Кузнецова С. Прогалины. — М., 1962. — С. 5–6.

Золотистые лица.
Солнца сонного сгустки...
Это в вены стучится
Кровь Анисьи, тунгуски.

(Это мать Александра Кузнецова, жена поляка Франца в Сибири, но на чистокровную тунгуску она не походила. Возможно, отец или мать были инородцы. Я ее хорошо помню.)

И уводит надолго
Вечна новая новь,
Кровь поляка седого
И татарская кровь.

В этих словах, связанных рифмой, Светлана говорит о родном деде Франце. Не без основания упомянута и «татарская кровь», но для меня это загадка, которую я хотела бы знать. Возможно, это по линии Дмитриевых Степановских, поскольку неизвестно, кто мать Степана Степановича и Дарьи Степановны. Или со стороны жены Степана Степановича, Марии Алексеевны, потому что из семьи никто не знает ни дедушку, ни бабушку[39].

Степан Степанович Дмитриев

Степан Степанович был малограмотный, а его жена, брат Афанасий и сестра Раиса были совсем неграмотные. Школы в Банщиково и поблизости еще не было, учили «азбуку» на дому, где придется и, возможно, у малограмотного человека, который в трудную минуту не забывал применять наказание розгами. По рассказам старейших людей, розги заготовляли сами учащиеся, и для экзекуции была специальная скамейка.

Многие родители и потом, когда была построена школа церковно-приходская или от Министерства просвещения, не находили нужным отдавать

[39] См. примеч. 19 и 20 на с. 27.

Любовь Степановна Дмитриева

детей в школу, особенно девочек, так как от них была большая помощь матери при доме, в первую очередь в качестве няньки, а главное, считали, что вся грамотность от учебы сводится только к тому — научатся писать любовные письма. Вот из-за таких предрассудков многие остались неграмотные, как темные, на всю жизнь. А весной некоторые родители брали сыновей из школы — нужны были «бороноволоки»[40]. По этой причине многие не заканчивали и начальную школу, а высшее учебное заведение рядовому крестьянину до 1905 года было малодостижимо.

Степан Степанович понимал необходимость образования. Все дети его, восемь человек, закончили начальную школу в селе Банщиково, за исключением старшей, Анны, которая училась всего год, возможно, по той же причине, что нужна была помощница дома. Сыновья Александр, Петр и Николай после начальной школы доучивались в Киренском городском трехклассном училище. По окончании городского училища специальности они

Курсистки Александра Прокопьевна Кокоулина и Любовь Степановна Дмитриева. 1910-е гг.

[40] Бороноволок — боронующий пашню; погонщик, правящий лошадью при бороньбе. Обычно бороноволоками были мальчики лет 10–12, негодные еще для другой работы.

никакой не имели. Какая была плата за учебу, не знаю, учились на своих харчах, то есть все продукты завозили из дому и, возможно, за квартиру тоже платили продуктами, которые имели от своего сельского хозяйства. На этом их образование и закончилось.

Александра Прокопьевна Кокоулина. 1910-е гг.

Благодаря установившемуся общению со ссыльнополитическими, среди которых были культурные люди и с высшим образованием, в семье возрос интерес к учебе, много читали, выписывали книги: «Вестник самообразования», классиков и другие. Это расширило общий кругозор, давало и знание жизни.

Любовь и младшая, Вера, окончили в Киренске прогимназию, с приготовительным она имела четыре класса и давала права на звание учителя. Любовь Степановна в начальной школе проработала три года, из них два в Подкаменке и один год в Горбово. При своей настойчивости сумела осуществить свою заветную мечту: в 1908 году она поехала в Петербург и поступила на фребелевские пятигодичные курсы по дошкольному воспитанию[41], которому она придавала большое значение. В этом ей и младшему Ивану оказал большую поддержку и материальную помощь брат Николай. Ваня поступил, в Петербурге же, в электротехнический институт имени императора Александра III.

Перед отъездом в Петербург Любовь Степановна заручилась несколькими адресами через ссыльнополитических товарищей, проживавших в селе Банщиково, а один из ссыльных, Дмитрий Степанович Страхов, отправил с ней письмо,

[41] Педагогические курсы, существовавшие в России при фребелевских обществах, которые ставили своей целью распространение системы немецкого педагога, теоретика дошкольного воспитания Фридриха Фребеля (1782–1852). Наиболее известными были Петербургские фребелевские курсы, имевшие опорный детский сад для педагогической практики. После революции 1917 г. они были преобразованы в Институт дошкольного образования.

Солидные студенты, как гвардейцы. Жили по пушкинской поговорке: «Усы да борода (говорили раньше) — молодцу похвала» (один похож чем-то на А.П. Чехова)
(подпись к фото — М.И. Дмитриевой)

адресованное «Моталину». По-видимому, этот человек среди студентов имел большой авторитет. Страхов до ссылки — студент четвертого курса пединститута. В этом письме он, по-видимому, дал хорошую характеристику Любовь Степановне, как человеку, на которого можно положиться во всем. За годы учебы в Петербурге Любовь Степановна также была связана с революционно настроенным студенчеством. Вспоминая, она говорила, что они устраивали передачи для политических заключенных, шили для них одежду, а однажды она даже отдала свой паспорт, когда кому-то устраивался побег из тюрьмы.

Много у нее сохранилось фотографий за студенческие годы. О революционном настроении студентов можно судить хотя бы по такой надписи на обороте фотографии:

Кто, жизни путь свершая,
В борьбе суровой не устал,
В ком горит, не угасая,
Святая вера в идеал!

И подпись: «Сибирячке от кавказинки». Невольно хочется добавить к этому такие слова:

Нелегка будет ваша дорога,
Но не погибнет ваш труд.
Знамя чести и истины строгой
Только сильные в бурю несут.

Учиться было трудно, как и многие курсистки, Любовь Степановна занималась частными уроками. Была как-то гувернанткой или воспитательницей в семье Л.Н. Толстого. Студенческих общежитий, как и стипендий, не было. Снимали «углы», жили на чердаках, к их услугам по объявлениям сдавались недорого «меблированные комнаты». В такой вот комнате, по-видимому, и жили две студентки-подруги с берегов далекой Лены — А. Кокоулина и Л. Дмитриева.

Как было тяжело получить образование в такие годы, как 1905 и позднее! Даже сами слова — «инженеры», «студенты» — звучали тогда по-другому. А. Кокоулина и Л. Дмитриева были первыми девушками на Лене, не считая Матрену Степановну Дмитриеву Коришневских, которая тоже получила образование.

Люба еще до поездки в Петербург, когда училась четыре года в Киренской прогимназии, жила на квартире у Кокоулиных, у протоиерея отца Прокопия. В этот период они и подружились с Александрой Прокопьевной. Однако ни высокий

Когда-то в Киренске можно было встретить
и таких вот «наездников»
(подпись к фото — М.И. Дмитриевой)

Любовь Степановна Горнакова (урожденная Дмитриева)

духовный сан отца, ни домашняя обстановка не помешали его дочери вырасти революционно настроенной девушкой, с передовыми взглядами. Возможно, в этом какую-то роль сыграла дружба с Любовь Степановной, у которой братья, Александр и Петр, считались «неблагонадежными» и находились под надзором полиции.

Я в своих воспоминаниях хочу сохранить эту фотографию, запечатлевшую «моды» того времени. По распустившимся деревьям можно судить, что наступило в полном разгаре лето, а все на этом снимке в длинных, тяжелых платьях и, по всей вероятности, еще на подкладке и с длинными рукавами. В дамском седле — Александра Прокопьевна Кокоулина, кто за «жокея», не знаю. Лошади, возможно, Скретневых или Александра Ивановича Тирских. Снимок, кажется, сделан на даче Скретневых. Около Александры Прокопьевны стоит Анна Константиновна Кокоулина, учительница, двоюродная сестра. Отец ее был инспектором народных училищ, он приходился братом протоиерею Кокоулину, а протоиерей Кокоулин приходился близким родственником Дмитриевым Коришневским. Он был женат на сестре Семена Никифоровича, Татьяне Никифоровне[42]. Детей у них было семь-восемь человек, все получили высшее образование за исключением Константина Прокопьевича, который по желанию отца окончил духовую семинарию. С религией его, пожалуй, связывала только ряса. Он считался человеком большого ума, всесторонне развитым, имел рукописные труды и большую библиотеку[43].

Вторая сестра Семена Никифоровича была замужем, в Киренске же, за Косыгиным[44]. Детей у них было трое, стар-

---

[42] См. примеч. 22 на с. 29.

[43] О К.П. Кокоулине (1875–1938) см.: Нератова Л. Священник и учитель // Земля Иркутская. — 2002. — № 3 (20). — С. 74–75.

[44] См. примеч. 23 на с. 29.

ший, кажется Никифор, получил высшее образование, а Владимир и сестра Надежда долго жили в Киренске, почти до 1930 года. (Я снова отвлекаюсь и ухожу от начатой темы.)

По окончании курсов, получив диплом, Любовь Степановна не могла применить своих знаний, потому что не только в Киренске, а вряд ли в Иркутске были сады и детские ясли. Поэтому Любовь Степановна снова работает в начальных школах, и только после Октябрьской социалистической революции, с приходом советской власти, под ее руководством был открыт первый детский сад в городе Киренске. По семейным обстоятельствам переехала в город Иркутск (в 1930-х годах). Работала в одной из больших начальных школ и в школе умственно отсталых детей. Любовь Степановна более 40 лет проработала педагогом. Считалась одним из лучших педагогов Иркутска.

Муж ее, Федор Алексеевич Горнаков, проработал на реке Лене в пароходстве 50 лет, Любовь Степановна — в школе чуть не до 70. Сейчас ей за 80, а она все еще живая и быстрая, с молодыми глазами, несмотря на неурядицы дома, в семье.

Сестра младшая, Вера, после Киренской прогимназии

Федор Алексеевич Горнаков (во втором ряду крайний справа) в группе ленских водников

окончила в Иркутске частную гимназию Григорьевой и тоже стала учительницей, работала вначале в Чечуйской школе, потом в селе Курейском, в Бодайбо и на Артёмовском прииске до 1924 года. Тоже была на хорошем счету как педагог, и ее так же вспоминали уже взрослые ученики, как и старших сестер. Но по характеру она была совершенно другая — необщительная, замкнутая и, я бы сказала, немного странная. Даже в своей семье жила обособленно, никогда не разделяла никакой труд, тогда как Зоя и Люба были первыми помощниками. Обычно все наши учительницы свой отпуск использовали дома. Прежде всего, не было такой возможности, как сейчас — экскурсии, поездки не только по своей стране, но и заграничные. Наши отпуска проводили дома, в семье, и разделяли труд со всей семьей. Вера была на особом положении. Вместо того чтобы летом поработать на воздухе, на солнце, мы другой раз приходим с работы, а она говорит: «Я еще не завтракала, вечером долго читала, а потом спала до 12». У нее получалось, день превращала в ночь, а ночь в день. У Веры была большая дружба, и может, даже любовь, с товарищем Копелем. Он тоже при помощи братьев эмигрировал.

Зоя Степановна Дмитриева

В итоге у Веры обнаружился туберкулез, от школьной работы ее отстранили, и она доживала свой короткий век у сестры Анны Степановны в Бодайбо. Умерла, кажется, в 1927–1928[45] году.

Сестра Зоя Степановна уже в двадцатилетнем возрасте твердо решила стать общественно полез-

---

[45] В другом месте своих воспоминаний Мария Иннокентьевна указывает иную дату — 1933 г. В соответствии со справкой, выданной управлением ЗАГС Иркутской области, Вера Степановна Дмитриева умерла в г. Бодайбо 25 февраля 1936 г.

ным человеком и усиленно взялась за учебу. В этом большую роль сыграли агитация, связь и дружба со ссыльнополитическими товарищами. Занимался с ней на дому Николай Лаврентьевич Мартынов. Благодаря ему Зоя Степановна подготовилась и через два года успешно сдала в Киренске экзамен экстерном на звание учительницы. За это время и Вера закончила в Иркутске гимназию, таким образом, в семье оказалось три учительницы, свои, из местного населения. По тому времени это было немаловажное событие. Все их помыслы и цель жизни сосредоточились на этой полезной и нужной просвещенческой работе, которой они посвятили себя, отказавшись (кроме Любовь Степановны) от личной жизни при возможности хотя бы выйти замуж, а ведь это была когда-то общая участь и удел всех девушек.

Зоя Степановна Дмитриева

Они часто совещались и советовались друг с другом, как им улучшить свою работу в школе, выписывали книги и пособия, а также встречались и делились опытом с учителями из соседних школ. Они и работу свою и школьников любили как-то по-особому. Не помню случая, когда бы они говорили об отстающих или трудных детях, — для них они были все одинаково хороши. Может, потому, что и дети учились с большой охотой и желанием и не было таких хулиганов, как сейчас. Ведь у большинства из них родители были неграмотными, которые не могли даже расписаться сами. Так что малограмотный человек в семье, пусть даже подросток, что-то значил.

Зоя первые два-три года работала в деревне Вишняковой. Кроме школы проводила работу с населением. После родительских собраний читала что-нибудь родителям или устраивала беседы, и по характеру она была исключительно добрая и отзывчивая. Они объединились с населением села

Сестры Анна, Зоя и Любовь Дмитриевы (четвертая — неизвестная)

Петропавловска и общими силами поставили несколько спектаклей. Запомнилась мне драма «Мирская вдова». На сцене — зыбка на очипе и маленький грудной ребенок. Для этого использовали Риммину большую целлулоидную куклу, которую некоторые зрители приняли за настоящего ребенка. Эта постановка понравилась всему нашему драмкружку. Хороший и дружный у нас был коллектив. О вине и выпивке и разговора не было никогда, «о пол-литре на двоих» никто и не слышал.

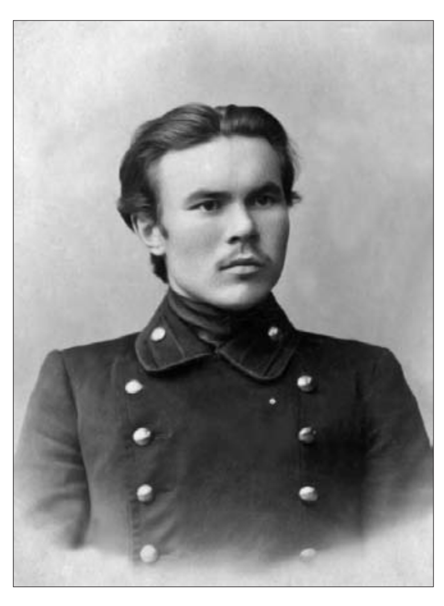
Зоя была замечательный человек и нравилась Страхову, вернее, он ее любил. Как он ее уговаривал выйти замуж и просил меня убедить ее, что все будет хорошо: «работы мы оба не боимся, а будет возможность, будем продолжать учебу вместе». У Зои от меня секретов не было. Но что поделаешь — сердцу, говорят, не укажешь.

После Вишняковой Зоя Степановна работала в школе города Бодайбо, умерла в 1921 году. Из нее вышла прекрасная учительница, память о которой долгие годы жила в народе.

Хорошо у Некрасова сказано: «Сейте разумное, вечное, сейте! Спасибо вам скажет сердечное русский народ!». Учительницы Дмитриевы пользовались большой любовью и авторитетом, как со стороны школьников, так и родителей. Даже сейчас, когда одной из учительниц, Любови Степановне, идет девятый десяток лет, ученики ее все еще отзываются о ней с большой теплотой. Даже одна из племянниц после того, как получила возможность и знания стать педагогом, сказала:

«Я хочу быть такой же учительницей, какими были мои тети».

Из четырех сыновей Степана Степановича младшему, Ивану, в жизни посчастливилось. После окончания в Киренске городского училища он поступил в Якутское реальное, учился хорошо и закончил его чуть ли не за три года. По совету одного преподавателя Ивана отправили в Петербург в электротехнический институт. Он получил высшее образование. Из братьев Иван Степанович имел большой служебный стаж работы. В 1920 году он работал в лаборатории дальневосточного института в городе Владивостоке. Потом по распоряжению отдела кадров ВСНХ[46] был переведен в Москву в трест «Стальмост». Кроме работы в тресте преподавал сварку в высшем инженерно-техническом училище[47]. После реорганизации училища в инженерскую академию РКК был мобилизован и оставлен преподавателем в академии. На строительстве канала имени Москвы был ответственным консультантом по сварке, на Волгострое — начальником главной сварочной конторы. Позднее приказом народного комиссара внутренних дел был назначен начальником главной монтажно-сварочной конторы Главгидростроя в Москве. С первых дней Великой Отечественной войны принимал участие в оборонительных работах. В 1943 году — подводная резка и сварка металлов. С 1950 года работал ученым секретарем ВНИТО[48] сварщиков. Иван Степанович имеет звание доцента и ученую степень кандидата технических работ. Сейчас пенсионер, живет в Москве, ведет общественную работу.

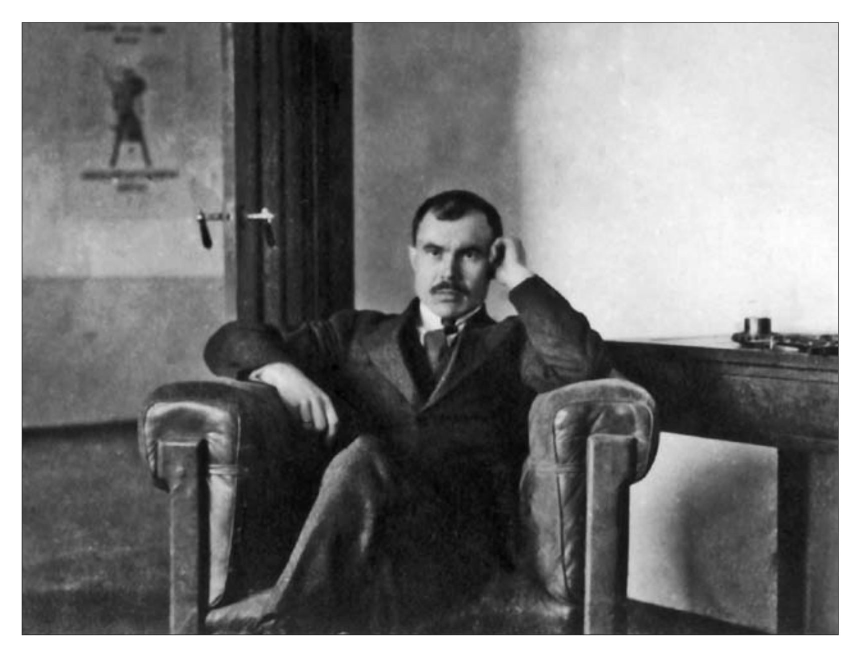
Иван Степанович Дмитриев

Петр по окончании городского училища некоторое вре-

[46] Владивостокский совет народного хозяйства.

[47] По всей видимости, имеется в виду Московское высшее техническое училище имени Н.Э. Баумана.

[48] Всесоюзное научное инженерно-техническое общество.

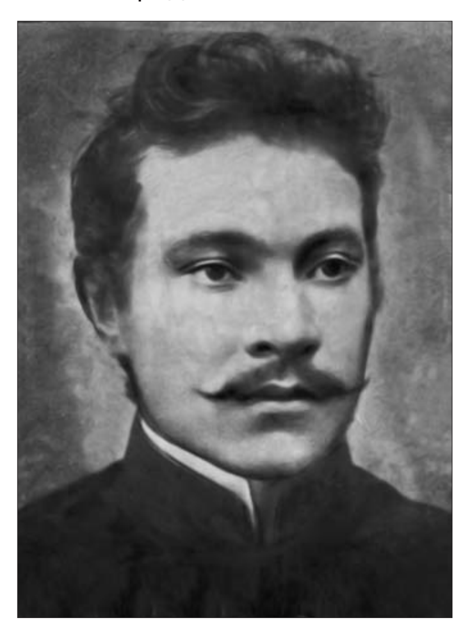
Иван Степанович Дмитриев

мя жил дома, помогал семье в хозяйстве, но у него было большое желание учиться, и его в семье считали, пожалуй, самым способным. У него был хороший слух, он играл на нескольких музыкальных инструментах, больше всего ему нравилась скрипка, играл на гитаре, балалайке, гармонике, а потом отец сделал ему подарок — хорошую фисгармонию. Петр был мастер-самоучка, исправлял часы, швейные машины и сельскохозяйственные, хотя в то время их было не так много, и даже занялся ювелирным делом. В семье решили, чтобы Петр пошел работать в пароходство масленщиком. Он быстро изучил паровую машину, и его повысили в должности, стал работать помощником машиниста, а поскольку семья Степановских была с передовыми взглядами, Петр и тут не замедлил восстановить связь с ссыльными, которых на Лене было много. Он использовал свое положение и машинное отделение на пароходе, которое всегда было забито дровами и давало возможность укрыться беглецу, бежавшему из Сибири. Петр перевозил нелегальную литературу и служил как бы связным.

В конечном счете он попал в число «неблагонадежных». Обыски в машинном отделении не давали никаких результа-

тов, то есть улик против него и его деятельности не было, но полиция потребовала увольнения Петра с работы. Попытки получить новую, в другом месте, заканчивались отказами. Некоторое время он жил дома, и с братом Николаем и младшим, Иваном, организовали подпольную типографию: при помощи гектографа стали печатать прокламации для распространения. Сестра Любовь принимала в этом большое участие.

Отца это вольнодумство, возможно, не устраивало, и между ними могли быть неприятности. Чтобы покончить с этой неопределенностью и не причинять беспокойства семье, Петр уехал из дому в неизвестном направлении и неожиданно для всех. Это было в 1904 году. Вся семья, а особенно мать, были обеспокоены этим. Розыски Петра по ближайшим деревням и в городе Иркутске ни к чему не привели. Подавали даже телеграммы в Бодайбо и в Мухтую, где жили сестры Степана Степановича, в надежде, что, может, он уехал к ним. Только через год узнала семья, что он находится в Благовещенске-на-Амуре, работает в мастерской по ремонту музыкальных инструментов, часов и ювелирной работе (делал кольца со вставками из камней, цепочки к часам). По настоянию родителей и всей семьи Петр вернулся домой. Если бы он знал, что по возвращении вскоре погибнет от руки предателя, то было бы лучше не возвращаться в отчий дом.

Петр Степанович Дмитриев

Отъезд Петра совпал с призывом Александра в армию во время Русско-японской войны. Служил он рядовым в городе Иркутске. Конец войны совпал с подъемом революционного движения в 1905 году. Александр состоял членом стачечного комитета, вел пропаганду среди военных частей, призывал их переходить на сторону народа и вместе бороться за свободу и независимость. Со слов брата Николая, будто бы военная часть, в которой служил Александр, рас-

Александр Степанович Дмитриев

формировала два полка, чтобы предотвратить катастрофу и кровопролитие во время демонстраций и стачек в Иркутске в 1905–1906 годах. Позднее, после подавления стачки, он заочно царским судом был осужден к шести годам каторги.

Вернувшись домой, Александр снова устанавливает тесную связь с ссыльнополитическими и ведет с ними согласованную работу по распространению среди населения нелегальной литературы, которую он привез из Иркутска. Большую часть прокламаций, мелких брошюр они печатали на гектографе и направляли через своих же людей в первую очередь на Бодайбинские золотопромышленные прииски, а также распространяли среди рабочих пароходства по затонам.

На одном из секретных совещаний ссыльнополитических (это было до мобилизации на Русско-японскую войну) Александру было предложено выставить свою кандидатуру на выборах волостного старшины, и Александр был избран им. Следствием такой договоренности было снабжение ссыльных паспортами, которые приобретались при содействии волостного писаря В. Орлова, в то время революционно настроенного и сочувствовавшего. Благодаря этому многие ссыльные при помощи братьев Дмитриевых имели возможность бежать из ссылки. Перечисляю несколько фамилий — Копель, Особа, Мита, Страхов, Черкасский, Мартынов, Роговин и другие.

Многие ссыльные с поддельными паспортами и вымышленными именами уезжали на Бодайбинские золотопромышленные прииски, выдавали себя за вновь прибывших рабочих, свободно устраивались на работу, а осенью после расчета вместе с другими рабочими возвращались на «большую землю».

Никакой переписки с бежавшими ссыльными производить было нельзя по соображениям конспирации. Такая связь могла быть обнаружена властями, и организация побегов была бы уничтожена, но несмотря на это, мы все же получили несколько писем. Одно от товарища Саверкина, сбежавшего на Ленские прииски. Он прислал нам пять фотографий, запечатлевших расстрел ленских рабочих в 1912 году. В письме товарищ Саверкин особо подчеркнул, что их агитационная работа среди рабочих не прошла бесследно.

Пусть все это вместе взятое — капля в море, но какая-то крупица труда вложена и нами в большое общее дело.

После объявления конституции[49] в 1905 году Александр был единогласно избран делегатом от нашей волости в уездное собрание. Члены уездного собрания избрали его делегатом в губернское собрание, которое состоялось в городе Иркутске. Положение резко изменилось, и от конституции со свободой слова, совести и печати ничего не осталось. Конституция была вынужденной и дала возможность правительству выиграть время и успокоить народ. Кроме этого, такая обстановка помогла правительству выявить в первую очередь главарей и зачинщиков.

На съезде делегатов Александр пробыл недолго, кое-кто ему напомнил о его участии в стачечном движении, и ему пришлось уехать домой раньше. У нас дома долго хранилась большая фотография в раме под стеклом участников этого съезда. В числе делегатов от Киренского уезда — Александр Дмитриев, от Манзурки я запомнила Грозина, от Верхоленского уезда — Зуева и от Балаганска или Нижнеудинска — Трубачеева.

Если и до этого вся агитационная и политическая работа велась в «подполье», со всей строгостью конспирации, то после возможного ареста Александра она еще больше содержалась в тайне. Но революционная пропаганда продолжалась, и они со своим гектографом уезжали на пашню за четыре километра. Связь, посредством которой они получали нелегальную литературу, временно пришлось прекратить, чтобы те из товарищей ссыльных, которые принимали в этом активное участие, не пострадали. А то могли бы им дать дополнительный срок и отправить подальше на север.

[49] По всей видимости, речь идет о Высочайшем манифесте 17 октября 1905 г., в котором говорилось о даровании народу «незыблемых основ гражданской свободы»: неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний, союзов и т. п.

Нужно отдать должное местному населению, которое всегда хорошо относилось к нашей семье, а также к ссыльно-политическим товарищам и вообще к начатой пропагандистской работе. Особенно активно проявило себя оно в период, когда скрывался Александр. Это я хочу особо подчеркнуть. Значит, народ уже разбирался в сложившейся обстановке и знал, кого им следует защищать и от кого, а иначе не стали бы предупреждать нас об опасности, если она угрожала.

Преждевременная смерть Петра тоже была связана с периодом, когда Александру пришлось скрываться от преследования местных властей. В курсе этого дела был урядник, который работал в селе Чечуйском, по имени Конон Перфильевич, по фамилии Рубцов или Вострецов (точно не помню). В 1905–1906 году как урядник он являлся помощником пристава, а изредка их навещал жандармский ротмистр из города Киренска. В один из таких приездов пристав и жандарм дали поручение «за вознаграждение» Василию Дмитриеву выследить Александра. По-видимому, он и раньше работал в качестве «шпиона» и вел негласное наблюдение за ссыльнополитическими, которых в уезде с 1905 года стало значительно больше. Вот об этой-то сделке Василия и сообщил Дмитриевым урядник, от которого мы меньше всего ожидали такого отношения к себе. Зато убедились в пошлости и подлости наемного убийцы, который иногда просиживал по дватри часа на кустах черемухи возле старого дома или у кого на крыше из соседних домов в надежде скараулить Александра и выдать. А урядник, Конон Перфильевич, как блюститель общественного порядка и охраны государственного строя, поступил наоборот и даже оказал содействие Александру Дмитриеву. И только благодаря этому уряднику Александру удалось избежать ареста и высылки. Как это произошло и при каких обстоятельствах?

В это время в Иркутске в числе других участников стачечного движения заочно был осужден и Александр Дмитриев сроком на шесть лет «каторжных работ». Когда в Киренске следственные органы получили решение Иркутского окружного суда о розыске и аресте Дмитриева, то и в этом случае нашелся «сочувствующий» и в ночь зимой, в стужу, приехал из Киренска за 50 километров, чтобы предупредить Дмитриева об аресте. Только благодаря ему успели убрать гектограф и нелегальную литературу, а Александра не застали дома. Кто же был этот добрый человек, имя которого долго сохранялось в тайне? Работал ли он в полиции или был участником политической деятельности? Позднее я, конечно, могла бы

узнать что-то о нем, но я не думала, что когда-нибудь буду писать свои воспоминания.

На семейном совете было принято решение отвезти Александра на Тунгуску в отдаленное охотничье зимовьё. Быстро собрали все самое необходимое: одежду, продукты, охотничьи принадлежности. Чтобы не пострадал еще кто из семьи, нужно было срочно убрать все в надежное и заранее подготовленное место — у Ивана Логиновича под «опечек» (под русскую печь). Иван Логинович жил одиноко с женой, был он слепой, ходил с палочкой и высоко поднятой головой, умудренный жизненным опытом и богатой памятью.

Буквально за час до ареста, даже меньше, они успели уехать. Брат Николай повез его под видом больного, укутанного в постель. Александра нужно было перевести по Бобошинской дороге через хребет (водораздел между Леной и Тунгуской) в Шитиково. Через Чечуйск ехать было небезопасно. Наши беглецы не успели доехать до сворота на Бобошинскую дорогу, как повстречались с подводой, на которой урядник сам вез к нам жандарма, и тоже укутанного, только от мороза. Зимой дорога узкая, как колея, а по сторонам глубокий снег, поэтому при встрече очень трудно объехать друг друга, получается маленькая задержка. В этот момент Николай и урядник, которые хорошо знали друг друга, сразу же догадались — кто, кого и куда везет. Конон Перфильевич только глазом моргнул Николаю: ваше, дескать, счастье, что успели «ноги убрать». Нужно же было такому случиться. Значит, были и среди полиции сознательные и добрые люди.

Со слов наших, когда те приехали на квартиру, урядник услужливо снял с жандарма шинель с огромным меховым воротником и повесил, а за его спиной показал ему фигу или кулак. Говорили, что это был такой выразительный жест, без слов было ясно торжество урядника над «всемогущим» жандармом — ловко, мол, я тебе помог, чем мог. Но во время обыска держался по всем правилам, спрашивал про Александра и выискивал что-нибудь подозрительное. Вся эта история осталась тайной, и Конона Перфильевича никто ничем не выдал.

Вот так и началась у Александра жизнь на нелегальном положении под вечным страхом. Нужно было бояться людей, а в его положении еще и зверей... Люди для него были опаснее, но не все. Был случай, его встретила знакомая женщина, она растерялась и испугалась не меньше Александра, но дала слово, что не выдаст его, и слово сдержала по-честному.

Остаток первой зимы он, как бродяга, проскитался по

тайге вековой, где как придется, а с приближением весны один из жителей села Банщиково, Петр Егорович Зарукин, по просьбе отца, Степана Степановича (за вознаграждение, конечно) согласился разделить участь Александра под видом, будто бы уехал на Ленские золотопромышленные прииски. Сохранялось это также в большой тайне, чтобы он не пострадал как соучастник. Знала только его жена, Александра Романовна. Пожалуй, они и умерли, не раскрыв этой тайны.

Одному бродить по тайге небезопасно, можно встретиться и с «хозяином леса», а бурый сибирский медведь считался злым.

На мой взгляд, было бы лучше, если бы Александра так же обеспечили документами и паспортом, как некоторых товарищей ссыльных, и он мог бы где-то устроиться, жить и работать. А в таком положении могли привлечь семью за укрывательство. На это не согласился отец, и все жили некоторое время под страхом.

С приходом весны Александру и Петру Егоровичу пришлось перекочевать с Тунгуски на правый берег Лены, чтобы быть поближе к дому. Брату Николаю было не так легко поддерживать с ними связь и передавать продукты, а летом, как говорят, каждый кустик ночевать пустит.

Весной Зоя и Николай Лаврентьевич вернулись из Киренска. Одна, без Николая Лаврентьевича, она не решалась ехать сдавать экзамены, говорила: «Боюсь провалиться», а сдала на «хорошо». На будущий год получит права народной учительницы.

В июне 1906 года, после 20-го, Степан Степанович, Зоя и сын Николай едут в Бодайбо, где должен состояться брак Николая (со мной). По приезде, как всегда, остановились у родственников Амосовых, Ивана Павловича и Дарьи Степановны (сестра Степана Степановича). Они должны были договориться о дне свадьбы с невестой и ее родственниками, у которых она жила. А оказалось, что еще до свадьбы в присутствии священника нужно оформить обряд помолвки с обручальными кольцами и объявить нас женихом и невестой.

30 июня на имя Степана Степановича пришла срочная телеграмма, сообщали о трагической смерти Петра. Было не до свадьбы. Степан Степанович и Зоя выехали на похороны. Смерть Петра вызвала большое возмущение среди населения. Провожать его в последний путь пришли и из соседних деревень.

Произошло это в Петров день, 29 июня, в день его именин, который стал его последним днем. В это время вся семья

Мария Иннокентьевна и Николай Степанович Дмитриевы

оказалась в разъезде. Трое были в Бодайбо, мать, Мария Алексеевна, и Катя, жена Александра, уехали в Беренгилову (это родина мамы). Сестра Любовь договорилась с Петром еще с вечера, что утром верхом на лошади поедет в Подкаменку в свою школу и заберет часть прокламаций и еще какой-то литературы для передачи кому-то из знакомых. Я почему-то думаю, что если вся семья была бы дома, это могло не случиться.

Петр с товарищами решили устроить маевку. В таких случаях обычно собирались на Дунае — это было излюбленное место для всех. Вообще-то это на берегу красавицы Лены, а поэтическое название «Дунай» осталось со старины, очевидно, от первых предков, которые когда-то поселились в этих краях. Местность эта, по-видимому, чем-то напоминала им родные места, так же как и живописное место поблизости от Банщиково, которое называлось Грицко.

К этой компании холостых ребят без приглашения подошел и Василий, по прозвищу Кустарь. Он уже был женат, имел детей. Возможно, и здесь хотел извлечь какую пользу для себя, проверить, что это за маевка, не будет ли какой агитации тут? Присутствие его было нежелательно всем, поэтому Петр решил сказать Василию, открыто и при всех: «Шпионам, здесь места нет». Может, поймет и задумается над своим положением. На замечание Петра Василий как будто не обратил внимания. Тогда Аверкий, товарищ Петра, сказал: «Брось Василий, это грязное дело, если есть у тебя совесть. Все равно не разбогатеешь. Лучше быть бедным, да честным». А кто-то из ребят добавил: «Чем подлецом».

Василий впервые, но заслуженно получил оскорбление,

нанесенное ему публично, он повернулся и пошел прочь. Аверкий остановил его, сказав: «Подумай над этим, Василий, ты восстанавливаешь всех против себя. Может, мы зайдем к тебе с Петром и поговорим с тобой об этом по-хорошему, пока ребята договариваются насчет хаты, где будут танцы, да приглашают девушек?» Клуба тогда еще не было, а складчиной платили целковый за вечер. Музыканты, как всегда, — Аверкий и Петр.

В этот праздничный день перед сенокосной порой молодежь, да и все население любили и умели повеселиться. Все знали, что до глубокой осени, до Покрова, передышки в работе не будет, за исключением Ильина дня. В деревне пьянки, драк не наблюдалось, особых происшествий также. И никто не думал, что Василий ушел, затаив злобу, что он способен на самое страшное преступление — убийство. По существу, там, на маевке, ему никто ничего плохого не сделал. В худшем случае могла бы завязаться драка, а его никто даже не обругал, только при всех назвали шпионом и подлецом.

Василий и жил неплохо, имел все самое необходимое и два дома. Тот, что в улицу, на углу, он сдавал в аренду еврею-торговцу Болотовскому, а дом в конце большого двора занимал сам. Обычно в деревне не только ворота и калитки, но даже двери в дом на ночь редко кто залаживал на запор, а он, по-видимому, как пришел с берега, заложил калитку (а еще был белый день) и ждал их прихода с ружьем на крыльце своего дома.

Аверкий говорил, что они не стали стучаться в калитку, когда обнаружили, что она на заложке, а решили просто перелезть через заплот. Петр только перекинул одну ногу и не успел спрыгнуть во двор, как раздался выстрел с крыльца. Петр, смертельно раненный, упал, но не во двор, а на улицу. Я считаю это веским доказательством того, что на Василия никто не нападал, и того, что он убил Петра не в целях самозащиты. По-видимому, полиция еще при заключении этой грязной сделки в какой-то мере гарантировала ему: «Ты в случае чего не церемонься с ними, в ответе не будешь». Иначе чем объяснить это убийство?

На выстрел сбежался народ. Случай, можно сказать, на весь уезд единственный. При поднятии трупа присутствовал «десяцкий» — это своего рода блюститель порядка, и в присутствии понятых и народа был произведен обыск у убитого Петра и Аверкия. Никакого оружия, ни огнестрельного, ни ножа, при них обнаружено не было, а также при проверке всех остальных товарищей, которые прибежали к месту про-

исшествия. Пьяных не оказалось. Все это было оформлено и занесено в протокол.

«Умер от кровоизлияния внутрь» — такую справку дал фельдшер Чечуйской больницы на второй день. Суд — выездная сессия Иркутского суда — должен был состояться осенью в Киренске.

До поездки в Бодайбо по инициативе отца братья Николай, Петр и младший Иван почти закончили зимнюю квартиру для Александра, оставалась небольшая часть «внутренней отделки» — так в шутку они говорили. Содержать это жилье нужно было с большой осторожностью и предусмотрительностью, чтобы чем-нибудь не вызвать подозрения, тем более, что через наш двор все жители деревни ходили как через улицу. Работать можно было только ночью, тщательно проверив, не сидит ли где в засаде «шпион». Нужно было поднять по чердачной лестнице необходимые материалы — доски, кошму и прочее — для заделка «лба» под крышей чердака, чтобы он сочетался и по цвету с противоположным, а иначе новая, вторая заделка будет выделяться и может выдать.

На семейном совете решили об этом убежище Александру пока не говорить, до семейной встречи в лесу во время сенокосной поры. За это время Александр и Петр Егорович перекочевали в гольцы, чтобы быть поближе к острову Еловому. Они знали о предстоящей встрече, но на всякий случай имели с собой немного муки, если никто не придет к ним с передачей.

Остров Еловый — в 20 километрах вниз по Лене от Банщиково. В этом месте от знаменитого Чембаловского утеса река Лена идет на два русла, между которыми с потоками образовался огромный остров. Русло с правой стороны — судоходное. Чембаловский утес когда-то представлял большую опасность. Русло Лены в этом месте благодаря крутому повороту забивалось льдом, получался, как говорили, «затор», и тогда разбушевавшаяся Лена — могучая сибирская река — начинала топить селения, да так, что сносила дома. Особенно страдали от наводнений Подъельник и Кондрашина, которые впоследствии переехали на новые, неопасные места. Сейчас лед у Чембаловского утеса еще до ледохода взрывается. А в старое время люди с тревогой ждали и караулили ледоход по реке Лене, чтобы не застала беда врасплох. Жители деревень собирались на берегу, разжигали костры, пели песни и пекли «яблочки» — картошку.

На остров Еловый ежегодно во время сенокосной поры народ собирался со всех ближайших деревень, все имели

там свои сенокосные участки. Жить там приходилось, если была хорошая погода, три-четыре недели. Молодое поколение тоже с большой охотой принимало участие в этой работе. Начинали с копновозчиков — пять-шесть лет, а потом, как становились постарше, и зароды вершили. Там было даже как-то по-особому весело, вечером после работы можно было где-то услышать звуки гармошки и балалайки, песни, ленские частушки и пляску. Молодежи не спится, а кто постарше — дров наготовят, у костра посидят, о делах своих поговорят.

Перед покосом сборов да хлопот было — как на ярмарку собирались. Нужно было побольше наготовить про запас, для себя и «беглецов», сухарей из пшеничных булочек, сдобренных молоком, которые большой семьей наполовину уничтожались еще дома, уж больно были душистые и хрустящие. (У меня навсегда остался вкус пшеничных калачей, испеченных на поду русской печи.) Кроме этого готовили «квасники» из настоящей солодовой муки и специально для кваса имели лагун с двойным дном и втулкой (вроде пробки), а сбоку внизу — кран. Такой квас считался на покосе за роскошь, и хранился он в погребе, который находился под навесом, чтобы не нагревался солнцем.

Чембалов утес сегодня. 2007 г.

Река Лена

Чтобы не возить молоко из дому, брали с собой даже корову, которая от обильного корма молока давала намного больше. Однажды эта корова чуть не утопила маму, ездившую на покос уже за повара, а иногда порыбачить по старой привычке или просто подышать свежим воздухом. Наше зимовьё стояло на берегу Лены, и в этом была вся прелесть окружающего вида: вправо от острова — Чембаловский утес-великан, а у подножья его широким потоком несла свои воды Лена. Особенно хороши были сумерки, когда шли пароходы, освещенные электрическим светом, и в виде приветствия можно было услышать гудок парохода. Большинство капитанов, лоцманов и матросов были жителями Лены, а иногда и родственниками, так что гудок был чем-то вроде салюта.

Случай, который когда-то произошел с переправой на остров, должен остаться памятным для всех, кто присутствовал при этом. Как-то переезжали в большом и перегруженном шитике. Завели и поставили корову, которая не раз уже перевозилась так, но почему-то на глубоком и быстром месте она выпрыгнула из лодки и вытащила за собой маму. Вначале думали, что мама хотела удержать ее за веревку, и стали кричать ей: «Брось веревку». А оказалось, что у мамы ноги запутались в веревке, корова плывет и тащит ее за собой.

Все это произошло в какое-то мгновение. Хотели приблизиться к ним в лодке, чтобы вытащить маму, а лодку сносит, и все так страшно закричали, особенно ребята, что корову, по-видимому, напугали, и она повернула обратно к берегу, а мама обессилела и пошла уже ко дну. Когда на берегу пришла в себя, показывая на корову, сказала: «Вот она, погибель-то моя, чаяла ли я смерть такую принять?»

В полном разгаре шла горячая пора на покосе, особенно в погожие дни: кто сено ворошит, кто в копны сгребает, а юные копновщики лихо мчатся верхом на лошадях, подбадривая их ногами в бока, и зароды растут как дома. Зато деревни все в эту пору пустели, и в них наступала какая-то необычная тишина, особенно под вечер. Да еще соседка соседке расскажет какие-нибудь страшные случаи про беглых, бежавших из заключения, и поэтому все женщины накрепко начинали залаживать двери на ночь.

Случай, о котором я хочу написать, — невыдуманный, и произошел он не в этот период, а позже. У нас в старой кухне, которой из-за экономии дров мы уже не пользовались, поселилась семья из местных же жителей — Григорий Кузьмич Дмитриев с женой, Пелагеей Алекс. Грицкой. Детей у них не было, а жила сирота, племянница Поли, которую за маленький рост звали все Нюткой. Относились к ней они хорошо. Вскоре эта Нюра подарила им и внучку, и мне в экстренном и безвыходном положении даже пришлось принять роды.

Григорий Кузьмич задумал поехать на Ленские прииски и с женой договорился так: если ему там понравится и будут хорошие условия для работы, он ей сообщит, а она должна будет все продать и выехать к нему. Такое письмо Пелагея Алекс. получила в начале сенокоса, нашлись покупатели, приехавшие из Бодайбо, на корову и нетель, а остальное — лошадь, овец, кабана — продала кому-то из местных жителей. В общем, Поля свои дела закончила быстро и удачно, осталось ей съездить в Алексеевку на кожзавод и получить там сданные на выделку кожи. Я в это время находилась одна с маленькой Ниной и Олегом. Днем за работой отсутствие семьи я не ощущала, а вот с приходом вечера появлялся какой-то невольный страх, что я одна на весь большой дом, а на этот раз еще и за Нюрку беспокоилась и спросила, как она будет ночевать одна, не побоится ли? Она сказала, что к ней пришла двоюродная сестренка.

Ночью меня разбудили сильный стук в дверь и испуганный голос Нюры: «Откройте скорее!» Девчонки буквально

напугали меня своим видом: плачут, трясутся, в одних рубашонках, да на руках еще маленький спящий ребенок, Вивка. Вначале ничего не могу понять, что случилось, потом уж только разобралась, что будто бы их напугали «беглые» — застучались к ним в окно. Девчонки подумали, что тетя Поля, а когда подняли занавеску у окна, то увидели, что там стоят три мужика в фуражках, лица завешены, и требуют чтобы приготовили им хлеба и деньги: «Сейчас, — говорят, — мы к вам зайдем». «Я, — говорит Нюрка, — схватила Вивку и побежала к вам, а деньги не захватила, тетя Поля положила их в шкафчик, где посуда, за тарелки». Нюрка горькими слезами плачет и зовет меня идти к ним за деньгами, а меня, глядя на них, тоже дрожь подхватила, и не только идти к ним, я дверь-то боюсь открыть и говорю: «Пойдем, я открою окно в улицу, а ты перелезь и беги к Жарниковым, зови хоть деда Константина Ивановича». Это единственный, кажется, старик на всю улицу, который ушел от сына Никиты и жил у Жарниковых. Не могла Нюра ни достучаться, ни дозваться, а я ее жду у окна и на всякий случай зарядила двуствольное ружье. Она бежит обратно, ноги заплетаются, падает, думаю, как бы от испуга не хватил ее припадок. С ружьем-то я стала смелее: «Идем, — говорю Нюрке, — на улицу, я буду стрелять, если они у вас — убегут, а ты беги скорее за деньгами».

Я дошла до подвала, чтобы мне было видно крыльцо их дома, если побежит кто, и сделала один за другим два выстрела, а моя героиня побежала, чтобы взять деньги. Меня удивили настойчивость и мужество этой по существу-то почти девочки, что она смогла побороть чувство страха, чтобы сохранить трудовые деньги дядя Гриши и тети Поли. После всей этой истории я девочек уложила у себя спать, одела их потеплее, и они моментально уснули, как будто не было этих тревог и волнений. Зато мой сон пропал до утра, все передумала, кто же эти выдуманные кем-то и когда-то беглые, которых боятся до сего времени. Может быть, и Нюре вся эта история приснилась во сне.

Утром только узнали, кто же были эти «беглые». Инициаторами этого дела оказались Мар[ия] Фом[ина], Вера Ионовна и Лиза Степ[ановна] Зарукина. Их вызвали в поссовет, где было уже известно, кого и как они пугали и что дошло даже до стрельбы, а могло бы кончиться и хуже. Нашу соседку Матрену Ильиничну так напугали, что она заболела. Председатель поссовета сделал им выговор с предупреждением. Вот так, наверное, иногда и пугали, а у страха, говорят, глаза велики, всегда видят дальше и больше.

Сенокосная пора наполовину подходила к концу. Не так много оставалось до праздника, Ильина дня, и до нашей встречи в лесу. Этот день мы выбрали не случайно. В то время не только глубоко верующие, но и все население считало за большой грех не только работать в Ильин день, а даже за ягодами в лес идти. Недаром изображали на иконах этого пророка, мчавшегося по облакам на огненной колеснице, а у лошадей из ноздрей пламя летит, как тут не будешь бояться.

Этот день редко проходил без грозы. Я объясняла так, что перед этим в большинстве стоит сильная жара, воздух накаливается до предела, а потом получается что-то вроде разрядки. Нас беспокоило, не пошел бы проливной дождь, тогда план наш мог бы сорваться. А маленький нам не страшен, потому что в деревне раньше мы только в плохую погоду и могли сходить в лес за ягодами и грибами.

Всех ягодников собралось шесть-семь человек — Катя, Николай, я, Нюта, Зоя и младший Иван. Любы и Веры, кажется, не было. Мы с вечера уложили в котомки все, что нам нужно, но большую часть — для передачи «беглецам» из боязни, чтобы это кто не обнаружил, — оставили до утра. Утром, чуть свет, переехали в лодке на правый берег Лены и по тропинке шеренгой друг за другом отправились в тайгу.

Я не найду слов, как описать это утро. С восходом солнца в лесу всегда хорошо, а это утро казалось каким-то особенным: и птицы пели, кажется, лучше, и солнышко светило светлее и ярче, и чем дальше шли, таинственнее казался лес со множеством извилистых тропинок, протоптанных когда-то скотом. Особенно резким показался аромат хвойного леса, багульника и мха после пряного, пьянящего запаха свежескошенной травы на покосе, и мне навсегда запомнилась эта сказочная красота нашей сибирской тайги.

Шли распадками через валежник, переходили горные ручьи, утоляя жажду холодной водой и устраивая отдых на 10–15 минут. Наконец вышли на более ровное и светлое место с вековыми соснами и сплошным ковром брусничника: ягод, как говорят, лопатой греби, но она еще не созрела — розовая, раньше брали бруснику только спелую — темную. Тут и черника, и голубица, глаза разбегаются, а мы все шли и шли, не останавливаясь, схватишь где только горсть ягод, чтобы съесть.

Наконец наш вожатый остановился, осмотрелся, по-видимому, дошли до заранее замеченного им места, где должна состояться наша встреча. Мы невольно все насторожились. Николай сделал два выстрела, а через промежуток,

пока перезарядил ружье, третий выстрел. На него сразу же последовал выстрел, как бы ответ. Все вздохнули с облегчением и в этом направлении пошли на сближение, стараясь разговаривать громко с друг другом, чтобы знал Александр, что идут свои.

Только радость этой встречи была омрачена трагической и безвременной смертью брата Петра, о которой Николай сообщил Александру еще до нашей встречи. Без слов понятно, как трудно Александру пережить это горе одному в тайге, отчасти считая себя виноватым, поэтому подробности мы передавать не стали. Передали приветы от наших старичков, сообщили новости, которые могли его интересовать, передали книги и несколько номеров газет, журнала «Вокруг света», а главное, сообщили ему о его новой квартире. После всего, как обычно в лесу или поле, сели все кружком, ноги под себя, и принялись за еду, да с таким аппетитом, как будто не ели давно. Все свое, домашнее, да вкусное — пироги да шаньги и все прочее. Александр с Петром Егоровичем к нашему приходу набрали котелок и чайник черники, которую мы стали есть прямо горстями. Она так даже вкуснее.

А потом уже все спешили брать ягоду. Быстрее всех брали Николай и Александр, Катя и Зоя — они брали «гребками», остальные не умели. В общей сложности набрали так много, что пришлось задуматься, как нам вынести ягоду — такое расстояние — из этой тайги. В конце концов, как ни хороша встреча, а расставаться надо. На прощание присели еще на минутку, Александр и Петр Егорович, попрощавшись со всеми, пошли своей дорогой. Александр несколько раз обернулся, помахал нам рукой. А бор такой чистый, мы постояли еще, смотрели им вслед, пока они не скрылись из виду.

По возвращении с покоса в семье решили, что Александру нужно переселиться на зимнюю квартиру, чтобы не тратить время в страду на передачи продуктов и свидания, когда дорог каждый час (в деревне говорят: «летний час год кормит»), а тем более необходимо было вернуться домой Петру Егоровичу. О том, где он был, так никто и не узнал. Также ничего не знали про Александра даже такие близкие родственники, как дядя Николай, младший брат Степана Степановича, который жил с нами в одной ограде. Все считали, что Александр где-то на востоке.

Жилье на зиму было почти готово, а утеплять его кошмой, решили, что Александр будет сам. Смогу ли я передать, как выглядела эта конспиративная квартира на чердаке, которой впоследствии пришлось пользоваться не только Алексан-

дру. Там же долгое время хранили и нелегальную литературу. Для этого сооружения с большой осторожностью нужно было поднять на чердак много досок, вернее, тонкого теса, чтобы заделать две боковые стенки между уличной и второй, вновь заделанной под балкой. На планках между двух стенок были прибиты доски — это койка. В углу напротив, также на планках и одной ножке — столик и на стенке полочка под книги. Для выхода — одна доска в потолке на шарнирах и складная лестница.

Благодаря такому устройству Александр прожил две зимы под общей с нами крышей. Хорошо, что в семье были все взрослые, а если бы были дети, то сохранить эту тайну было бы значительно труднее. Правда, в нашей семье жил мальчик-сирота, Ваня Кузнецов, которого когда-то взяла жена Александра, Катя. Детей у них не было, но и этого они с Александром не усыновили, а просто взяли из жалости. Мать его умерла, отец сошел с ума и тоже вскоре умер. В 1906 году меня попросили сходить с Ваней, чтобы он мог проститься с отцом. Кто-то из соседей делал ему гроб, а покойник лежал на скамейке, покрытый саваном. Он весь был усыпан вшами — белыми, большими. Я так напугалась, что было не до прощания, и увела Ванюшку домой.

У Вани хороши были только кудри и большие глаза, но они были какие-то тупые и ничего не выражали. Со слов мамы, когда его взяли, с трудом привели его в порядок: кудри его превратились в войлок, а вшей — как в муравейнике. Катя заботливо нашила ему всего, и наш Ваня преобразился в другого мальчика. Его любили и никто не обижал, но он поражал всех своей глупостью. Все думали, что это пройдет со временем. Что сохранилось у Вани в памяти о том, когда жил с отцом: «Мы никогда не мылись, у нас ничего не было, если забежит чужой поросенок, тятя его убьет, потом бросит с шерстью на угли (возможно и с кишками), и мы едим. — И добавит: — Вкусно». (Тогда, по-видимому, у них с отцом был праздник.)

О нем можно рассказывать целые истории. Когда в 1906 году я пришла в эту семью, Ване было восемь-девять лет, а он долго не мог запомнить, как меня зовут. Поэтому, когда садились обедать или пить чай и его кто-нибудь спрашивал, показывая на меня: «Как ее зовут?», у него был один ответ: «Не знаю». Я решила помочь ему, но не сообразила, как это лучше сделать. Главное, хотела, чтобы запомнил первую букву — «М», с которой начинается мое имя. Показала на муху и спросила: «Кто это?» Он, не задумываясь, ответил: «Муха!» «А меня, — произнесла я раздельно, — зовут Ма-ня. Му-ха — Ма-

ня». Он повторил за мной. «Когда, — говорю, — забудешь, посмотри на муху и вспомнишь».

За обедом я хотела продемонстрировать Ванины успехи при всех. Когда я спросила, как меня зовут, Ваня посмотрел на меня, улыбнулся и, к моему удивлению, ответил громко: «Муха!» (насмешил только всех).

В школу он ходил три года, и дома ему помогали, но он не запомнил ни одной буквы и не знал счета даже и потом, взрослым. Если спросишь: «Что Ваня сегодня в школе делал?», скажет: «Палочки писал (или крючки)». На этом и закончилась его учеба, потому что учитель, Александр Алексеевич Кузнецов, попросил взять из школы как дефективного ребенка: «Не могу за три года научить считать до трех», и привел такой пример: «У мальчика Вани была одна конфетка, ему дали еще две, сколько стало конфет у Вани?» Он принял это на свой счет, обиделся и сказал: «Что ты меня дразнишь?» А ребята, говорит учитель, всей школой над этим смеются.

Когда же создалось такое положение в доме, он мог выдать Александра, ставился вопрос о его изоляции. Отказываться от него никто не думал, он не был ни надоедливым, ни шумливым. С первых дней, как его взяли, Ваня жил в комнате Кати и Александра, к ним, конечно, и привязался больше, чем к другим, а поэтому не соглашался на переселение в старую кухню к деду Афанасию. Да и это кое-кому могло даже броситься в глаза. Хорошо то, что период этот совпал с поездкой в Иркутск Веры и Кати (жены Александра). Вера поехала поступать в гимназию, она была нерешительной и необщительной, а Катя должна была помочь ей устроиться на частной квартире, если почему-либо будет нельзя у Малковых — это были хорошие знакомые по Лене. Вера и гимназию закончила, живя у них. Катя же поехала, чтобы посоветоваться с врачами насчет своей бездетности. Александр нашел, что такая поездка будет полезна: «Будут считать, что поехала ко мне на свидание». Так оно и было. Часть денег на дорогу дала Кате мать ее, Анна Николаевна.

Степан Степанович новый дом строил на большую семью, имея четырех сыновей и четырех дочерей и, конечно, с расчетом на будущих внуков. Кроме этого в семье еще были старые брат и сестра, и в случае раздела семьи — могли бы использовать старый дом. Новый дом старикам не принес ничего хорошего, кроме горя да неприятностей. Не дожил Степан Степанович и до внуков, которых так ждал.

Внешний вид дома украшали резные наличники окон,

Дом Дмитриевых после перевозки его в Киренск

и были резные, как кружева, карнизы под крышей. Все это было сделано благодаря золотым рукам местных умельцев, Михайлова и Исакова. Позднее, с перевозкой в Киренск, от замечательной резьбы ничего не осталось, исчез и балкон.

Дом был построен без расчета на сибирские морозы: высокие потолки и большие проемы окон. Зимой, в стужу, холодная квартира давала себя чувствовать. Возможно, до штукатурки дом был плохо проконопачен, и температура редко доходила до плюс десяти, а под лестницей, где вначале устроили умывальник, иногда замерзала вода. Печи-голландки не помогали, спасала только железная печь, которую ставили в столовой, и мы в свободное от работы время, как тараканы, собирались все около нее. У меня в памяти навсегда сохранилась тепло этой железной печки. Позднее, в 20-е годы, за отсутствием керосина и свечей в этой же комнате, в углу, Николай устроил камелек, у которого мы и проводили за разной работой или за чтением длинные зимние вечера в надежде на хорошее будущее.

В нашем доме хорошо было летом спасаться от жары, но мы на это мало имели свободного время. Зимой, чтобы сохранить и не заморозить цветы, которых было у нас много (дом и цветы — это все наше богатство), чтобы сберечь их, мы с наступлением холодов окна закрывали на ставни и, для прочности, на болты, а по надобности можно было за-

крепить и «чеками». При переселении Александра домой это тоже в какой-то мере предохраняло бы от опасности, но до наступления холодов пока воздержались пользоваться ставнями, чтобы это кому тоже не бросилось в глаза. Тем более «предатель-шпион» все еще находился на свободе в ожидании суда и не терял, по-видимому, надежды найти и выдать Александра. Решение суда по делу убитого Петра ждали все, и многие даже спорили о сроках наказания убийце.

Александр изредка спускался через «люк» в комнату сестер, чтобы побыть немного вместе. Приводил в порядок свою домашнюю библиотеку. О том, что он находился дома, из ссыльных товарищей знал только Николай Лаврентьевич Мартынов. Он имел тесную связь с комитетом РСДРП, которая временно была прервана. Мартынов получал нелегальную литературу и, кроме этого, необходимые вещи для конспирации во время побегов. Иногда Александр с Николаем Лаврентьевичем садились за шахматную доску, сыграть хотя бы одну партию, если удастся.

Все это было связано с риском и действовало на нервы

Семья Дмитриевых возле своего дома в селе Банщиково. За столом сидят Афанасий Степанович, Мария Алексеевна и две сестры Степана Степановича Дмитриева. Перед столом — Зоя Степановна и Мария Иннокентьевна (справа) со своими детьми Риммой, Татьяной и Марией. Около 1912 г.

всем, нужны были разные условности, пароль, а кто-нибудь из семьи обязательно на случай дежурил внизу, чтобы предупредить и дать знать вовремя. Раз произошел такой случай. Дома почему-то не оказалось никого. Мама за чем-то ушла в старую кухню, а там в окно она увидела, что к нам идет Парасковья Егоровна Акулова. Мама тотчас же пошла в надежде увидеть Парасковью Егоровну в маленькой кухне, ее там не оказалось, не было ее и внизу в комнатах, мама быстро поднялась наверх. А у Александра была привычка: хотя бы издали смотреть в окно балкона на родные поля и улицу. При этом он обычно делал так: заложит обе руки за спину и, как-то вытянувшись всем корпусом вперед, смотрит в окно и как будто замрет в тоске по воле. Он даже не обратил внимания на приход Парасковьи Егоровны, думал, что свои. Парасковья Егоровна, увидев его, от неожиданности растерялась, а мать в испуге упала перед ней на колени и стала ее умолять, чтобы она не выдала сына. Парасковья Егоровна со слезами на глазах поклялась, заверила мать, что сохранит эту тайну, и помогла встать ей на ноги.

Александр после этого медленно подошел к Парасковье Егоровне со своей всегда простой и в то же время хорошей и подкупающей улыбкой, крепко, крепко пожал ей руку, сказал: «Так я надеюсь на вас, Парасковья Егоровна, что всё это останется тайной, между нами». Такой встречей встревожены были все, ждали обыска, тем более знали ее за болтливую женщину, от которой обычно шли все новости. Одно время муж ее, Иван Германович Акулов, сам боялся ареста, потому что принимал участие в распространении нелегальной литературы и даже, если нужно было срочно, помогал печатать на гектографе, когда уезжали на заимку. Он работал у братьев Дмитриевых, зимой за бухгалтера, а летом «резидентом» на Витимской пристани во время разгрузки карбазов и погрузки на баржи. Это было одно из бойких и многолюдных мест по Лене, дававшее возможность заняться такой пропагандой среди рабочих.

Александр в свое время был душой общества. Никто так хорошо и просто не умел организовать досуг. Особенно памятной осталась знаменитая кадриль «Монстр» (так я запомнила). В этой кадрили преимущество имели дамы, и к танцу мужчин приглашали они. Дирижировал Александр «по-французски». От простой кадрили в пять фигур она отличалась дополнительными и разнообразными фигурами до десяти: делали корзинку, ширинку, шен, а иногда и метелицу. И сейчас еще некоторые фигуры можно встретить на экране в кино. Кроме этого, танцевали три-четыре польки — простую

польку и польку-«мазурку», подыкатр и подгиспань и польку-«бабочку», стремительную и в то же время плавную лезгинку, и чардаш — медленный и красивый танец. Кроме кадрили был танец «лансье», тоже медленный, с поклонами, — это был замечательный танец.

Я помню, в каком-то фильме один из участников сказал по поводу танцев: «Какой красивый был танец лансье и почему-то несправедливо забыт». Не скрою, мне было даже приятно услышать такое мнение о танце, который много лет тому назад был распространен у нас так же, как когда-то среди богатых французский язык.

Танец лансье в Сибирь завезли, по-видимому, ссыльнополитические, в числе которых было много поляков (я запомнила этот танец еще по Знаменке). Всем известно, что ссыльные, живя в ссылке в Сибири, старались привить населению не только политические взгляды и убеждения, но и какую-то культуру. По поводу этого мне хочется описать один случай. Когда-то проездом по Лене в большие морозы везли В.Г. Короленко в далекую ссылку. Чтобы отдохнуть немного от дороги, он на ночь задержался в деревне Мухтуе. Молодежь узнала об этом и пригласила на танцы — «вечёрку». А один паренек даже пригласил Короленко на «визави» к танцу лансье (это значит быть партнером напротив). А назавтра этот же паренек повез его дальше как ямщик. Короленко его, конечно, узнал, удивился и сказал: «Да у вас тут настоящий Париж! Сегодня ты рабочий, а назавтра можешь стать президентом». После этого за Мухтуей долго держалось название «Париж».

Первое место в танцах занимал, конечно, вальс. На моем веку их было три. Первый — головокружительный, в быстром темпе — перемежался таким же стремительным галопом. Запомнила его по Знаменке, где главным танцором был Кафель, зять Рейфисова. Вскоре этот вальс сменил вальс в «три па» — по счету раз, два, три чуть скользящим шагом и с едва заметным приседанием. В нем есть что-то из мазурки, некоторые танцевали его с фигурами. Если смотрели фильм «Война и мир», бал у Ростовых, где танцует Наташа с Волконским, — это тот самый вальс и с теми же фигурами. Венский вальс появился позднее, а сейчас, кажется (к сожалению), и этот исчез. Я думаю, многие помнят фильм «Олеко Дундич» — играл Бранко Плеш[50]. Публика, затаив дыхание, смотрит его

[50] Популярный югославский актер театра и кино, игравший также и в совместном советско-югославском фильме «Олеко Дундич» (1958).

игру и «сказочный вальс», на который можно было смотреть без конца.

Наконец начинает устанавливаться санный путь по реке Лене, именуемый «распутицей». Таких распутиц было две, весной и осенью. Благодаря тому, что река Лена в большинстве течет между высоких гор и утесов, получается бездорожица, и ленский край надолго становится отрезанным от большого мира — ни писем, ни газет. Особенно было трудно тем, кто интересовался жизнью, а в первую очередь ссыльным, у которых было все там, позади — родные, друзья и товарищи.

В общей сложности за два периода это длилось почти три месяца. Осенью ждали, когда «мороз-воевода» на красавице Лене построит мосты, а весной — когда эта же Лена с разрушительной силой уничтожит эти мосты и жители Лены снова услышат первые гудки парохода и будут им рады, как прилетевшие ласточки весне. Даже после того, как в 1928–1929 году открылась воздушная трасса, положение мало в чем изменилось. Специальных площадок для посадки самолета не было, самолет мог спуститься только на воду или лед.

А эта осень особенно была длинной и скучной. Не было сообщения от Кати, будет-нет у нее возможность приехать домой первой дорогой, а от Вани, который учился в Якутске в реальном училище, письмо могло прийти только в декабре или январе. Мы все ждали повестку в суд, переживали и беспокоились за отца, уж очень он плохо себя чувствовал. Наконец нам кто-то сообщил, что в Киренск прибыла сессия Иркутского суда, и вскоре вручены были повестки, к сожалению, всего только две: потерпевшему отцу — Степану Степановичу, и убийце — Василию Дмитриеву. Не было повесток ни одному свидетелю по этому делу, которых опрашивали во время следствия и выставленных отцом при заявлении. Эти свидетели могли подтвердить, что со стороны Петра не было такой вины, которая бы вынудила убийцу стрелять. Свидетелей же со стороны убийцы, которые могли бы подтвердить какую-то вину Петра, вообще не было.

С отцом на суд поехали Зоя и я. Где, в каком здании состоялся суд, не помню, а народу было много. В то время такое преступление, как убийство человека, было редким явлением. После того, как объявили: «Суд идет, просим встать», сразу же, по тону и по взглядам судьи и прокурора, почувствовалась враждебность и непримиримость к крамольной семье Степана Степановича. В адрес отца не раз было сказано, что у него

один сын за свою революционную деятельность в 1905 году был осужден к шести годам, сбежал и в настоящее время скрывается, и вся его семья не внушает доверия и находится под надзором полиции. Все это как-то особо подчеркивалось на суде, как будто в назидание кому-то, чтобы в будущем знали, что ждет их и какой может быть исход и последствия. А убийцу усиленно защищали, что как будто у него не было другого выхода, как стрелять, а как и при каких обстоятельствах это произошло, в целях ли самозащиты, в запальчивости или во время драки, об этом даже и не говорили, хотя отец не раз пробовал задать такой вопрос, но ему не давали высказаться. Даже когда кто-то из присутствующих в зале суда стал рассказывать, как это произошло и при каких обстоятельствах, и доказывать, что выстрел был преднамеренный, как убийство из-за угла, ему предложили выйти из зала суда. «Суд убийцу оправдывает».

После несправедливого и одностороннего суда мы вернулись домой как убитые. Где искать правду? У кого? Если бы Петр позволил себе что-нибудь лишнее и вынудил Василия на это, мы сами бы не стали его защищать.

Суд оправдал, но народ в составе десяти окрестных селений не простил убийцу и не согласился с решением суда. Это вызвало только гнев и возмущение среди населения, которое вынесло свой приговор, почти что смертельный: о выселении преступника за пределы уезда в 24 часа, или ему устроят «самосуд» и отвечать за это никто не будет. Такой закон когда-то существовал. После такого решения убийца, спасая свою шкуру, зимой ночью, не дожидаясь дневного света, сбежал в неизвестном направлении. Вернулся в родное село через 35 лет незадолго до смерти, больным и дряхлым стариком. Доживал одиноко, отшельником и никому не нужным, даже время как будто не сняло с него его вины. А массовое выступление десяти селений можно считать за вызов, брошенный на несправедливое решение суда. Это имело большое значение как протест, и выразилось как демонстрация.

Не раз односельчане проявляли себя по отношению к нашей семье с хорошей стороны, и мы еще раз убедились в преданности этих людей, которые не подведут и не оставят в беде.

В Киренске после суда я и Зоя посоветовали отцу сходить в больницу. На прием пошли они с Зоей. Мы и до этого знали о его страшной болезни, но все еще на что-то надеялись. Врач сказал, что нужно было раньше заняться лечением, и все же посоветовал на лето съездить на Кавказ, в Кис-

ловодск. Отец не соглашался на такую поездку из-за плохого здоровья, а главное, из-за недостатка средств: «Нужно, — говорит, — помогать ребятам, Ване да Вере, которые учатся». А главное, он, по-видимому, не надеялся на хороший исход лечения. Наконец его убедили тем, что у Веры тоже плохое здоровье и чем ей ехать домой на лето, пусть едет с ним и будет от нее какая-то помощь. Пришло письмо из Бодайбо от сестры, Дарьи Степановны, которая тоже настаивала на поездке, и что они с Иваном Павловичем не откажут в денежной помощи. После этого отец согласился и написал в Иркутск Вере и Анастасии Михайловне[51] Малковой — это хорошая знакомая еще по Лене, у которой Вера жила на квартире. Малкова ответила, что по состоянию здоровья ей самой рекомендуют поехать в Кисловодск, и она отправится с ними. В этом отношении с поездкой складывалась все как нельзя лучше. Не имей, говорят, сто рублей, а имей сто друзей. Наконец с лечением вопрос разрешился, тяжело было смотреть, когда близкий человек так страдает.

Зоя грызет все науку. У старшей дочери, Анны, рано проявились способности к шитью, а при большой семье труд ее был незаменим. Кроме своей работы, чтобы заработать, брала и заказы. Впоследствии Нюта стала неплохой портнихой, и это дало ей возможность вырастить сына и дочь без материальной помощи со стороны отца (мужа).

Люба по-прежнему занимается в школе в селе Подкаменка, которая расположена у подножья высокой «каменной» горы с левой стороны по течению реки Лены. Поэтому, наверно, и получила название — Подкаменка. Когда-то это живописное место украшала церковь, напротив стояла церковно-приходская школа, которая состояла из одного класса и помещения для учителя. Люба была энергичной, общительной и с увлечением отдавалась работе, любила своих учеников и пользовалась с их стороны заслуженным уважением. Несмотря на свою молодость, была человеком с передовыми взглядами и участницей в революционной работе, которую организовали братья Александр и Петр. Любовь Степановна вместе с братьями принимала участие в организации побегов политических ссыльных, а также в сборе денежных средств, которые были необходимы.

Почтовый тракт проходил мимо школы. Иногда зимой, заслышав звон колокольчиков, она выбегала на дорогу в на-

[51] В другом месте воспоминаний Мария Иннокентьевна упоминает ее как Анастасию Павловну.

дежде увидеть «глубокие кибитки», обтянутые кошмой, в каких обычно везли ссыльных на Север, в Якутский край. Она не упускала случая, если у нее была возможность, хоть чем-то оказать им помощь — деньгами или продуктами, — и прямо на ходу бросала в кошевку. Эта была маленькая материальная помощь в их трудной дороге, а главное, моральная поддержка, что и здесь, на далекой Лене, они не одиноки, у них есть друзья.

Любовь Степановна была участницей по распространению нелегальной литературы, в большинстве революционных листовок, которые печатались на гектографе. Для их распространения среди населения иногда использовала престольные праздники, в такие дни собирался народ из окрестных деревень (пользовалась сутолокой и шумом). По поручению Александра из отобранной им литературы она устраивала чтения среди крестьян деревень Салтыковой, Козловой и Половинки (в настоящее время это Алымовка, в честь расстрелянного командира партизанского отряда товарища Алымова). В школе среди учеников проводила беседы на революционные темы, читала стихи Некрасова, устраивала прогулки в лес и там разучивала с ними запрещенные революционные песни, а однажды, выстроив детей в колонну, с песней «Отречемся от старого мира» прошла с ними по деревне. На вечерах в школе показывала «живые картины» — это были сцены из басен Крылова или составленные ею самою небольшие композиции с участием учеников. Тема их часто была подозрительной, революционной по своему содержанию и недопустимая в то время, направленная против самодержавия. Одна такая «картина» изображала виселицу с приговоренным к смертной казни. Была сделана виселица, повешенный в белом халате с ног до головы, как в саване, и палач. Другая показывала узника, томящегося за решеткой. Картины освещались бенгальским огнем и производили большое впечатление.

Во время школьных каникул Люба пригласила нас на свой вечер. Мы договорились, что приедем со своим ужином на розвальнях с колокольчиками. Такая поездка почему-то всегда доставляла удовольствие. Я, Нюта и Николай поехали пораньше, чтобы помочь кое-что и установить «виселицу». Зоя должна была приехать с Николаем Лаврентьевичем и Страховым, но к ним пришли товарищи и их поездка не состоялась. Кроме нас, приехали Федор Алексеевич Горнаков из Подъельника (Федор Алексеевич считался женихом Любовь Степановны) с учителем Ильей Григорьевичем Киселёвым, а из Никулиной — Никита Кузнецов (двоюродный брат

Любовь Степановна Дмитриева (слева) (справа — Кокоулина?)

Федора Алексеевича). После выступления школьники много пели во главе с Любовью Степановной, а мы в качестве зрителей им аплодировали. После угощения и подарков ребята разошлись по домам, а мы организовали небольшой ужин и, как всегда, без всяких «напитков», но было очень весело. Помню, во время какой-то игры ушибли Любу, и здорово, но все быстро прошло, и снова было всем весело, хотя хора хорошего без Зои и Мартынова не состоялось. У Зои голос был не сильный, но какой-то задушевный и приятный, и пела она с большим чувством, особенно старинные русские песни, такие как «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан» или «Лучинушка, что не ясно горит».

Каждую субботу на воскресенье кто-нибудь ездил за Любой в Подкаменку, иногда Катя, у нее там жили родные отец и мать. Помню, как-то хорошим февральским днем поехала я. Наши знали, что я не особенно смелый наездник, сказали, что запрягут такую лошадь, которая довезет меня сама, куда нужно. Я всегда боялась встречных подвод, а особенно почтовых, перед которыми все обязаны сворачивать и давать дорогу. Дорога была через старый Подъельник, мы с Любой возвращались обратно и кучерила уже она. Когда мы проезжали Подъельник, в логу нас обогнали несколько почтовых подвод, запряженных по паре «цугом» или «гусем» (так, по-

жалуй, ездили по Лене только зимой, ввиду узкой дороги), а в таких вот глубоких кошевках, обитых кошмой, везли только ссыльных на Север. Нам с Любой представлялась возможность устроить им передачу, если мы успеем доехать до дому раньше их и собрать, что надо, пока им перепрягают лошадей на Горбовской почтовой станции, от нас это полтора-два километра. Для этого нужно только не отстать от партии.

Люба вообще умела управлять лошадью, а на этот раз она даже встала в кошевке на ноги. Одной рукой натянула вожжи, а концом вожжей в другой руке стала ухарски помахивать над лошадью. Так три-четыре километра мы ехали, не отставая от почтовых, в то же время знали хорошо, что за это нам попадет от дяди Афанасия. Он очень любил и берег лошадей и завсякопросто лошадь не даст, а если и разрешит, то обязательно скажет: «Смотрите, чтобы долго не ездить, да лошадь чтобы не упарилась, сухая пришла». А потом пойдет и проверит, прощупает под хомутом и седелкой.

На этот раз мы решили, будь что будет, да Любе и не впервые попадет за быструю езду. За это дядя Афанасий звал ее «шальной» и ставил всегда в пример Нюту и Зою, а особенно Нюту, говорил: «Все делает тихо, не торопясь, как эти балалайки». Но плохой руганью он никогда не ругался.

В Горбово, на наше счастье, пока им меняли лошадей, пассажиры, по-видимому, немного задержались — заказали, по всей вероятности, себе «самоварчик», в дороге для них это единственное удовольствие, которое они могли доставить себе. И мы тем временем успели сделать то, что нам нужно. Дома, кроме всего, нашлись даже мороженые пельмени и немного денег, и у Любы с получки были с собой. В общем, собрали полную корзину.

Хорошо, что трактовая дорога минует наше Банщиково, от моста около деревни она проложена полем и выходит прямо к церкви. Церковь в поле особенно хорошо выглядела летом среди разросшихся тополей, пихты и желтой акации. Вот это служебное и священное место мы не раз использовали, когда было нам нужно. В деревне на виду у всех мы бы не смогли сделать такую передачу. Пришли мы минут за 20–30, даже раньше. Чтобы не обратить на себя внимания с такой большой корзиной, мы зашли в церковную ограду и встали за церковь, чтобы с дороги нас было не видно, а когда услышали звон приближающихся колокольчиков, вышли поближе к дороге, как будто куда-то идем. Пропустили первые три упряжки, а на последней весь закутанный ехал, по-видимому, сопровождающий партии. Нужно было спешить, не терять

ни минуты, иначе будет поздно. Мы приблизились совсем к дороге и подняли руки. Спасибо ямщику, он на одно мгновение задержал лошадей, и мы смогли передать корзину и даже письмо с лучшими пожеланиями в их дальней дороге, пожелали им бодрого и доброго настроения и быстрейшего возвращения в родные края.

Когда мы с Любой вернулись домой, наши ждали нас с нетерпением, беспокоились — благополучно ли у нас все сошло, как передали и т. д. А у нас настроение было праздничное, мы так были рады своему, пусть маленькому, вниманию, которое мы проявили к людям, заброшенным судьбой в наши суровые и отдаленные края за их идеи и пропаганду.

Позднее, через какое-то время, из Якутии мы получили от ехавших в то время товарищей письмо, письмо это было за несколькими подписями. Они горячо благодарили за такое внимание к ним со стороны местного населения, что было для них большой неожиданностью. И действительно, почти на полном ходу, как будто с неба, в кошевку свалилась огромная корзина с продуктами. Далее пишут: «Нам после этого стало на душе теплее, даже несмотря на ваши трескучие сибирские морозы, а о вас за дорогу до следующей станции мы узнали

Банщиковская Скорбященская церковь. 1913 г.

более подробно от нашего ямщика». Шлют приветы и лучшие пожелания (такое письмо нам следовало бы сохранить).

Вскоре после этого был произведен обыск и у нас, и в Подкаменке у Любовь Степановны, но ничего предосудительного обнаружено не было. С Любовь Степановны взяли подписку о невыезде, а вскоре после этого ее арестовали. Одновременно с ней арестовали двух учителей, Василия Белоусова и Сергеева, он работал в Бочкарёвской школе, а Белоусов — в Киренской[52].

В Киренской тюрьме Любовь Степановна находилась месяца два-три. Арестована была по доносу. По-видимому, все вместе взятое и послужило поводом к аресту, но за неимением улик Любовь Степановна была освобождена и находилась под негласным надзором.

Дома пока все без изменений, и Люба по-прежнему работает в Подкаменской школе, только после суда, на котором семью Степановских особенно упрекали в неблагонадежности, ссыльные товарищи из соседних деревень заходить к нам стали значительно реже, чтобы не навлекать лишнего подозрения.

Александр много уделяет время книгам. Часто с Николаем Лаврентьевичем засиживается до поздней ночи за чтением «Капитала» Карла Маркса. Вдвоем эту книгу читать было удобнее — спорили, разъясняли друг другу. Я запомнила, что эта книга была большая и недоступная всем за отсутствием знаний, и если ее давали кому, то с большой осторожностью. В то время, пожалуй, мало кто верил в осуществление идей Маркса и Энгельса, но революцию, по-моему, считали неизбежной.

Николай Лаврентьевич и Александр ждут с нетерпением приезда его сестры, Анны Лаврентьевны. По-видимому, она должна им что-то привезти.

---

[52] Об этих арестах писалось в иркутской газете «Сибирское обозрение» (1906, 14 июня): «Киренск. 17 февраля текущего года по постановлению киренского уездного исправника были арестованы Яшин, Курчанинов, Кокоулина; через несколько дней были еще арестованы несколько человек, которые впоследствии освобождены. В данное время находится под стражею в Киренской тюрьме девять человек, обвиняемых якобы в политической неблагонадежности: В.Ф. Яшин, Н.С. Курчанинов, К.Ф. Кизинский, И.О. Чернявский, Б.А. Шульц; учителя: Г.М. Винокуров, М.В. Сергеев, В.В. Белоусов и Л.С. Дмитриева. С 17 февраля просидели они до приезда жандармского офицера Коха из Иркутска, который допросил 31 марта Шульца, а в 1-х числах апреля Курчанинова, Яшина и Кизинского. С того времени прошло полтора месяца, никакой надежды на ускорение дела не видно, а гг. Кох и Фабрициев разъезжают себе по уезду, разыскивая «крамолу», которой не существует. <…>»

У Николая Лаврентьевича дружба к Зое перешла в любовь, он делает ей предложение стать его женой. Я знала об этом, у Зои от меня секретов не было. При желании она могла бы выйти замуж за Мартынова или за Дмитрия Степановича Страхова. Она их уважала и ценила. Они выделялись среди ссыльных своей простотой и сердечностью, а поэтому вся наша семья относилась к ним по-родственному. Но сердцу, говорят, не укажешь — Зоя считалась невестой другого, Алексея Григорьевича из семьи Дмитриевых Коришневских. Он не был плохим человеком, на мой взгляд, был развитой, начитанный, имел представительную наружность, работал капитаном на пароходе «Николай» братьев Дмитриевых, но он находился под влиянием родственников, в основном многочисленных тетушек. Дяди, братья отца, как и его отец, умерли намного раньше своих жен, за исключением Митрофана Никифоровича. Все они предосудительно относились к семейству Степана Степановича за их вольнодумство и политику и считали, что Зоя Степановна для них «не с того дерева яблоко», что им нужна хорошая хозяйка, а не «учителка».

Зою больше всего возмутило, что он скрыл о своем намерении жениться на другой девушке, которая приходилась ей двоюродной сестрой, по фамилии Авдеева. Она часто приезжала из Мухтуи и гостила у них месяцами в Банщиково. Это была дочь Александры Степановны (Степана Степановича сестра). У Алексея Григорьевича не хватило мужества рассказать обо всем Зое, она узнала об этом случайно, из телеграммы, которую получила на почте на его имя. Почтальонов при почтовом отделении не было, корреспонденцию и газеты выдавали для передачи надежным людям. Содержание телеграммы было такое: «Ваше предложение принимаем, приезжайте оформление брака».

Для Зои это было как гром в ясный день, целая драма. Она так тяжело переживала, хотела покончить жизнь самоубийством или облить его кислотой. Но одумалась, взяла себя в руки, а чтобы справиться с горем, в этом помогла ей учеба. Когда молодые вернулись домой, в Банщиково, устроили свадебный вечер по пригласительным билетам. Получила приглашение и наша семья. Отец, мать, Нюта и Люба не пошли, но нам, Николаю, мне и Кате, предложили сходить. О том, что задумала Люба, мы и не знали, а она с присущей ей смелостью решила Алексею отомстить за Зою. В разгар вечера она пришла к их дому и через кого-то вызвала его на улицу. Алексей, не подозревая ничего, вышел, даже обрадовался ей и сказал: «Люба! А ты почему не заходишь в дом?» Она на это ответила:

«Я не поздравить тебя шла, а расплатиться за Зою». После этого назвала его подлецом и, ударив со всей силой по лицу, ушла. Алексей, конечно, не ожидал такого позора, но, возможно, весь свой свадебный вечер чувствовал, как горела щека от пощечины, которую ему преподнесла смелая и решительная девушка — сестра незаслуженно обиженной им Зои.

Счастье Алексея было не вечным. Через несколько лет его жена тайно сбежала с красавцем, тоже капитаном парохода, оставив мужа и троих детей (чуть-чуть как не по роману Л.Н. Толстого). В то время это было большое, небывалое событие на весь Киренский уезд. Для мужа не было тайной, что жена полюбила другого, он знал обо всем, но ничем не выдал сложившихся отношений между ними, и никто в семье об этом даже не знал. Он надеялся, что жена одумается, что материнское чувство будет сильнее и победит эту любовь, которая со временем у нее, может, пройдет. А для Зои это было лучшей расплатой за все, и она была этому рада.

Потом Алексей Григорьевич просил Зою Степановну, зная ее хороший характер, простить его, забыть обо всем и стать его женой, а детям заменить ушедшую мать. Такое предложение после всего произошедшего Зоя приняла как еще одно оскорбление. Она в это время уже получила звание народной учительницы и приобрела в деревне Вишняковой, где работала, всеобщий авторитет, любовь и уважение как со стороны учеников, так и населения.

Зоя смирилась со своим положением, и все ее мысли сосредоточились на том, чтобы хорошо подготовиться, сдать экзамены, стать на собственные ноги, чтобы быть не иждивенкой, как большинство девушек в ее положении, а общественно полезным человеком. Мечты ее не разошлись с делом, такая она и была. На ошибках, говорят, учатся, но на ее пути встретился еще один подлец (педагог), а сердцу говорят, не укажешь. На этот раз за свою ошибку она поплатилась жизнью. В 1920[53] году Зои не стало, а матери — еще один удар.

В семье все обеспокоены здоровьем отца. Еще осенью, когда мы ездили в Киренск на суд, уговорили его сходить в больницу к врачу. Выехать на Кавказ отец должен весной, первым пароходом Коришневских «Николай».

Отец собирается в дальнюю дорогу, как на крутую гору. Собирается без всякого желания, а как по необходимости, потому, говорит, что написал Вере, чтобы ждала его. У него

[53] В другом месте воспоминаний указывается 1921 г. Точную дату смерти Зои Степановны Дмитриевой установить не удалось.

как будто было предчувствие, что он не вернется больше в свой родной дом, а кроме всего его беспокоила судьба Александра: чем все это кончится и как он выйдет из создавшегося положения.

Как всегда перед дальней дорогой, присели ненадолго, на глаза у всех навернулись слезы. Мать не забыла по старой традиции положить на стол ковригу черного хлеба и солонку с солью, так в старину провожали и встречали родных и близких людей. После минутного молчания кто-то из старейших, мать или дядя Афанасий, сказал: «Ну, в добрый час, дай Бог счастливого пути!» В это время никто не подумал, что с отцом все прощались навсегда.

Дмитриевских пароход «Николай» обычно после традиционного молебна выходит с первым рейсом, который он делает весной по многоводной Лене до Жигалово за первым грузом для рабочих на Ленско-Бодайбинские прииски. Когда-то Степан Степанович у Коришневских работал служащим около 30 лет, а поэтому ему и его семье предоставлялся бесплатный проезд на их пароходе.

Пользовались этим пароходом и услугами гостеприимных хозяев и ссыльные, кому удавалось сбежать или куда съездить. Об этом писала мне в своем письме дочь ссыльнополитического Александра Таратуты, который эмигрировал в Париж, писала и Степанида Семеновна Ковалёва. Вообще-то я бы сказала, что большая часть жителей Лены, да и не только Лены, пользовалась услугами этого парохода и его хозяев. Многие ехали не платными пассажирами, по билету как обычно, а «гостями». Поэтому хозяева «Николая», сколько бы груза ни перевозил их пароход, в конечном счете всегда были в долгу. Даже и тут, на пароходе, чувствовались домашняя обстановка и ленское гостеприимство, о котором вспоминали многие, в том числе такие, как прославленный и многим известный «адмирал ленского флота» Горовацкий[54]. Он не забыл, живя в Москве, до глубокой старости ленское гостеприимство и хлебосольство, вспоминал и знаменитую поваршу-старушку, Татьяну Петровну, что вкуснее приготовленной

---

[54] Наум Самойлович Горовацкий (1881–1975) — известный ленский водник, начавший свою трудовую деятельность в 1895 г. в пароходстве Н.Е. Глотова. С 1914 г. он командовал пароходом «Лена», в 1923–1929 гг. возглавлял Якутское пароходство, позже был главным диспетчером Ленского речного пароходства, одним из первых преподавателей Якутского речного техникума. С 1947 г. по Лене ходил названный в его честь буксирно-пассажирский пароход «Н. Горовацкий». Автор воспоминаний «Страницы минувшего: 60 навигаций на Лене» (Якутск, 1968. — 128 с.).

ею еды он не находил ни на одном пароходе. Совершенно неграмотная, но прославилась на всю Лену умением хорошо, вкусно и разнообразно готовить. Вспоминали добрым словом Татьяну Петровну вся команда парохода и матросы, которые говорили, что она была как мать родная для всех.

К особенностям характера населения Лены, как пишет В.А. Вдовин, автор книги о городе Киренске, относятся гостеприимство, редкое трудолюбие и ряд других положительных качеств. Пишет, что русский писатель-классик И.А. Гончаров, возвращаясь в 1854 году по Лене из своего кругосветного плавания, не мог нахвалиться расторопностью и радушием, с какими принимали его совершенно незнакомые люди[55]. В своем произведении «Фрегат Паллада» Гончаров пишет об этом. Так что можно считать, что наше ленское гостеприимство вошло в историю, и если я иногда упоминаю об этом — не преувеличиваю.

На днях узнали не совсем приятную новость: урядника Конона Перфильевича, на которого, зная его, можно было надеяться, что не выдаст и не подведет, перевели куда-то в другое место, а вместо него приехал из Мухтуи другой урядник, Грозин. А новая метла, говорят, всегда чисто метет. Неизвестно, как он себя поведет по отношению к ссыльным и к нашей семье. Конон Перфильевич не был формалистом и смотрел на все сквозь пальцы, до поры до времени, конечно.

Во всяком случае, теперь нужно быть всегда начеку. Александр, как он делал раньше, хотел вскоре за льдом уплыть ночью в лодке на острова порыбачить, но в данное время не решился. За десять месяцев извелся в своей конуре — без света, без воздуха и без солнца. Нервничал, что из семьи выбыло два работника, что вся работа и забота свалилась на плечи Николая. Хотя у нас и жил подсобный рабочий, а делалось все сообща, общими силами. Работы хватало, перед посевной буквально заматывала заготовка дров, и так без конца, одна работа погоняла другую.

Особенно страдал Александр в период весенней охоты и рыбалки. Он со всей страстностью заядлого рыбака-любителя отдавался этому делу. Кроме невода были и другие снасти: сети, фитили, ряж-трехстенка, поплавная сеть для ночного лова рыбы. Ловить рыбу удочкой Александр не признавал, говорил, тратить только время зря.

Помню, как-то Александр предложил мне поехать на ры-

[55] Вдовин В.А. Киренск и Киренский район. — Иркутск, 1959. — С. 40.

балку в ночь с поплавной сетью. На носу лодки закрепляется фонарь с прожектором, от которого луч распространяется далеко по реке, и мне это казалось сказочно красиво (заряжался этот фонарь карбидом). Но когда сеть зацепилась за что-то, течением лодку сносит, Александру нужно было по тетиве, перебирая ее руками, добраться до сети, где ее что-то держало. В этот момент я так напугалась, мне казалось, что лодку нашу перевернет, волны захлестывают, получился какой-то шум, но все обошлось хорошо, и мы вернулись с рыбой, только больше на такую рыбалку ехать я не решалась.

Зоя сдала экзамены на «хорошо» и вернулась из Киренска, кажется, уже с назначением в Вишнякову. Вернулся из Якутска и Ваня, который тоже не отставал в работе от других, а брался за дело с каким-то особым задором и увлекал других. Запомнился случай, когда он студентом приехал домой в каникулы. Был какой-то праздник в разгар полевых работ, имевший отношение к лошадям, когда после церковной службы служили молебен у реки, после чего купали и обливали лошадей водой («водосвятие»). Погода стояла замечательная, и мы по намеченному плану должны были жаткой сжать полоску пшеницы. А дядя Афанасий рассердился на нас, что мы, «греховодники», не даем покою ни себе, ни лошадям, что все равно проку в такой день от нашей работы не будет, и ни на какие уговоры не хотел нам дать лошадей на работу. На него никто не обижался, мы только старались сделать больше и лучше и в тот день работали, как говорят, «с огоньком», шутили, смеялись, а Ваня вызывал всех на соревнование по завязке снопов, бегали чуть не наперегонки от снопа к снопу. Когда же вечером мы вернулись с работы и дядя Афанасий узнал, сколько мы сделали, он не поверил и пошел рано утром проверить, не оставили ли мы половину колосьев на полосе. За этим он строго следил, да и все раньше гнались за каждым колоском. (Невольно мне вспомнилось время другое — это было в тяжелом 30-м году, когда голод заставил людей после небрежной уборки идти собирать не свои колоски, которыми были усеяны поля, и сердце до боли сжалось.)

Наконец Николай Лаврентьевич встретил свою сестру, Анну Лаврентьевну, или Аню, как мы ее звали. Она очаровала всех своей простотой и какой-то русской удалью, быстро со всеми освоилась, а с Зоей они стали друзьями. Анна Лаврентьевна в шутку говорила: «Поехала посмотреть Сибирь и своего „поселенца“, хочу привести в порядок его и его вещи, требующие ремонта». Цель ее приезда, во всяком случае, была другая, не зря ее так ждал брат. Он жил на

квартире один у Фелисады Игнатьевны Зарукиной, занимал большую комнату, и сестра по-хозяйски навела ему порядок и создала какой-то уют. У нее был приятный и сильный голос, особенно выделявшийся в хоре. Ее любимая песня — «Имел бы я златые горы и реки, полные вина». Потом, когда по радио пела Русланова эту песню, я вспоминала Аню Мартынову — даже в голосе и манере петь было большое сходство.

Анна Лаврентьевна по просьбе брата привезла для Александра на случай конспирации седой парик и седую бороду с усами, «самокрасящие гребенки» (по надобности можно было быстро превратиться в рыжего или из светло-русого в черного) и искусственный нос вместе с очками. Когда Николай Лаврентьевич принес эти вещи, дома внизу я была одна, и он предложил пока об этом никому не говорить, кроме Александра, чтобы этот маскарад вначале проверить на своих домашних. «Интересно, — говорит, — какое впечатление произведет на них Александр?»

Я ждала случая, когда мне представится возможность передать это один на один, чтобы не выдать секрета. Александр этот план тоже одобрил и решил посмотреть на себя в зеркало. Остался доволен и сказал: «Старик из меня получился солидный и красивый». Я поразилась его сходству с отцом, но ничего не сказала. А когда Александр надел очки с искусственным носом, принял другую позу и как-то по-особенному раскланялся со мной, он преобразился в совершенно другого человека, по-моему, смахивал даже на жулика и уморил со смеху. Позднее, когда приходилось видеть Райкина на экране, я вспоминала перевоплощения Александра.

В разгар сенокосной поры, 18 июля 1907 года, мы получили от Малковой из Кисловодска телеграмму такого содержания: «Степан Степанович после операции тяжелом состоянии». Все, конечно, встревожились за него и переживали, но была еще надежда, что перенесет операцию и поправится, а пока решили нашим на покос об этом не сообщать.

Назавтра я и Зоя пошли в Чечуйск на почту, подали телеграмму Малковой: «Все обеспокоены здоровьем папы надеемся благополучный исход». Когда мы с Зоей только вышли с почты, повстречались с вновь приехавшим урядником — молодым и интересным парнем в очках, щеголевато одетым в новую форму. Он любезно раскланялся и отрекомендовался, назвав свою фамилию — Грозин, и, обращаясь ко мне, сказал: «Я прихожусь Вам родственником, у Вас ведь была бабушка Грозина?» Я удивилась этому, едва ли кто в Банщиково

за 800 километров от Знаменки знал о моей бабушке, а тем более за 1800 километров в Мухтуе, где он раньше работал. Я ему сказала: «Да, была, но это было так давно, и я ее не знала даже». А урядник продолжал настаивать на родстве, сказал, что он хотел бы познакомиться с нами поближе, а сестренка его хочет у нас погостить.

Мы с Зоей от неожиданности даже растерялись и почему-то не спросили, как именно я ему прихожусь родственницей, и кто из нас первый дал согласие на приезд его сестры, я не помню. Когда пришли домой, мы не знали, как сказать Александру об этой «гостье». Вот уж поистине, как говорят, на всякого мудреца у нас еще довольно простоты. (Мне в то время было 18–19 лет, Зоя значительно старше.)

Числа 19–20-го получили ответ на телеграмму: «Степан Степанович 18-го скончался после операции прошу дать указания насчет погребения подробно письмом». Малкова, возможно, думала, что прах Степана Степановича будет перевезен на его родину, в оцинкованном гробу, как это было у Коришневских при погребении Григория Никифоровича и Марии Никифоровны, которые умерли не дома и их в оцинкованных гробах привезли на захоронение. (Интересно, эти гробы и посейчас лежат в земле.)

Малковой на телеграмму ответили, что для перевозки возможности не имеем, перевели деньги на похороны и просили на ее усмотрение сделать все, что для этого нужно. Позже получили от нее письмо такого содержания. Здоровье Степана Степановича с каждым днем ухудшалось, он ослаб и обессилел от голода, наступала полная непроходимость пищи от сужения пищевода. Хирург предложил ему операцию, и Степан Степанович согласился на нее. «Когда я вам подала первую телеграмму, — пишет она, — он уже скончался, чтобы не напугать, я решила вначале предупредить вас об этом». Анастасия Павловна написала подробно, как и на каком кладбище он похоронен, и прислала большую фотографию: Степан Степанович лежит в хорошем парчовом гробу, около него сидит убитая горем Вера.

Когда Александр узнал о нашей встрече с урядником и о том, что должна приехать к нам «гостить» его сестра, он нас за это, конечно, не похвалил. «Хорошо, — говорит, — если все обойдется благополучно и это до некоторой степени отвлечет внимание полиции от нашего дома. А если она обнаружит меня и место, где я нахожусь, и может кончиться так, что еще кто-нибудь пострадает за это? Не зря же новый урядник решил использовать в качестве „шпионки“ свою сестру,

поэтому нужно быть крайне бдительными во время приезда этой гостьи».

Возможно, Конона Перфильевича перевели в другое место как «нерадивого» урядника, от которого мало пользы, а за ссыльными и за людьми, которые на подозрении, нужен зоркий глаз и нюх, как у ищейки. Грозин до Чечуйска работал урядником в Мухтуе, где жила наша родственница, тетя Саша. К ней приезжала гостить из Банщиково старшая ее сестра, Раиса Степановна, где и познакомилась с семьей, а вернее, с матерью этого Грозина. По наружности, говорит, она похожа немного на якутку, у нее была «амирячка» — это нервное заболевание было распространенным среди инородцев. Можно было предполагать, что между тетушкой и Грозиными был разговор насчет родственников в нашей семье, и Раиса Степановна могла сказать, что одна сноха — из Знаменки, дочь Иннокентия Ивановича Серебренникова. Но о том, что бабушка моя — бывшая до замужества Грозина, она могла, пожалуй, и не знать. Со слов Александры Степановны (тети Саши), Грозин еще в Мухтуе знал о создавшемся у нас в семье положении: что старший сын осужден за участие в революционной работе, бежал и скрывается и что его разыскивают.

Мы до сих пор еще не продемонстрировали вещи для конспирации, которые привезла Анна Лаврентьевна. После сообщения о смерти отца было не до этого, поэтому решили оставить до начала страды, когда вся семья будет в сборе, вернувшись вечером с работы. Днем, когда мы были одни, Александр надел отцовский старый пиджак, парик, усы и бороду, и я опять подумала — копия отца, но почему-то ему ничего не сказала. Мы договорились с ним так: когда вечером наши сядут за стол ужинать, он в это время постучит в дверь на терраске, а я должна выйти на этот стук и спросить громко: «Кто там?» После этого быстро вернуться и сказать: «К нам пришел кто-то чужой». Так мы и сделали.

Катя (жена Александра) стремительно выскочила из-за стола, чтобы предупредить Александра об опасности, и, в дверях чуть не столкнувшись с ним, убежала наверх. Александр вошел в кухню и, по возможности изменив голос, сказал: «Добрый вечер!» Никто на его приветствие не ответил, как-то разом все замолчали, а дядю Афанасия затрясло, как в лихорадке. Он с трудом встал с табуретки и, обращаясь к Александру, сказал: «Неужели это ты, Степан, явился к нам?» — и произнес какую-то фразу как заклинание, чтобы ему не «мерещилось» (поскольку брат умер недавно и не дома).

Александр быстро снял парик, бороду и сам расстроился, что шутка получилась неуместная и расстроила всех. Зато появилась уверенность, что действительно его трудно узнать в этом маскараде.

Грозин не замедлил отправить к нам в гости свою сестру, которую мы радушно встретили. Этой девушке было 15 лет, звали Шурой — хорошенькая, с тонкими и правильными чертами лица, красивыми и выразительными глазами с длинными ресницами. Глядя на нее («такого ангела»), не хотелось думать о ней плохо, хотя ее присутствие в нашем доме невольно чувствовалось с утра до вечера и, прежде всего, осложняло уход за Александром. Нам нужно было быть все время начеку, как бы он не чихнул там, не кашлянул или неосторожным движением не выдал себя. За судьбу Александра с приездом такой гостьи переживали все.

Это было в самый разгар полевых работ, мне с ребенком приходилось оставаться дома и справляться со всей домашней работой. Мама и Катя, жена Александра, тоже предпочитали работать в поле, чем делать столько дел дома. По существу, дом был пустой, и эта девушка была предоставлена сама себе, интересовалась как будто книгами. У меня столько дел, а тут надо следить еще за ней, чтобы она надолго не задерживалась наверху, и я под каким-нибудь предлогом звала ее вниз. В таких случаях, спасибо, выручала тетушка Раиса. Она, когда было нужно, прибегала к хитрости — притворялась глухой и, как все глухие, говорила громко, переспрашивала раза по два. Это служило сигналом Александру, что в доме есть посторонние. В общем, были свои условности на все. Шура была предупреждена о «глухоте» тетки, ей советовали говорить с ней громко, и сами, чтобы не показалось ей подозрительным, разговаривали так же. Интересно и смешно было наблюдать со стороны, как при разговоре они кричали друг другу. Наверное, и Александр, слушая их беседу, тоже про себя смеялся. Тетушка вообще была чудная, любила пошутить и иногда не отдавала отчета в своих действиях.

Прожила эта «гостья» у нас дней пять-шесть, а через неделю закончилась и уборка хлеба. Сестры-учительницы уехали в Киренск на конференцию, а остальные члены семьи уплыли на остров Еловый порыбачить, в том числе мама и Катя. С Катей Александр договорился, что он тоже в ночь уплывет в лодке с ружьем и устроится где-нибудь на Малом острове между протокой, может, ему удастся поохотиться на уток, а ее просил принести ему свежей рыбы. Александру

было необходимо побыть на свежем воздухе, он любил эту осеннюю пору после бабьего лета.

Через несколько дней после того, как наши все уехали на рыбалку, я рано, как всегда, часа в четыре-пять утра затопила русскую печь. В это время зашел крестьянин из деревни Подъельник. Я его знала, он был у нас весной по случаю тяжелого ожога дочери. Ко мне обращались за помощью не только жители Банщиково, но и из соседних деревень. Я так вначале и подумала, что пришел человек в такой ранний час за советом или помощью, а он поздоровался и осторожно спросил, одна ли я тут нахожусь, нет ли посторонних? Помню, в знак подтверждения я кивнула ему головой, а на душе у самой стало уже неспокойно, но старалась ничем не выдать себя.

Он рассказал, что приехал по поручению своих односельчан-соседей уведомить нас, что поздно вечером к ним в Подъельник приехали верхами на лошадях по хребтовой дороге урядник Грозин и жандарм. Остановились на земской квартире, хозяева случайно услышали их разговор, из которого узнали, что они едут к нам с обыском. «Меня как ближнего соседа попросили уведомить вас. У нас в деревне, — сказал он, — все еще спали, когда я поехал». Я от всей души поблагодарила этого человека (фамилию забыла) и тех соседей за ту заботу, какую они проявили, и он, попрощавшись, уехал. Что же побудило этих добрых людей, чтобы утром рано, чуть свет, предупредить нас об опасности? Я думаю, не простое любопытство, зная, как дорог для крестьянина в деревне каждый час. Это было не первое предупреждение об опасности со стороны населения. Народ понимал, разбирался и доверял Дмитриевым, и защищали нас как только могли. Доехать до нас и обратно — 10–11 километров, да пока на Горбовской почтовой станции дозовется ямщиков, чтобы перевезли его в шитике с лошадью. Он мог бы задержаться из-за переправы и не успел бы сообщить нам, тогда этот обыск был бы большой для нас неожиданностью.

После этого сообщения сразу можно было догадаться, что такая экстренная поездка по хребтовой дороге была вызвана чем-то особенно важным. Они могли бы ехать пароходом, которые ходили по расписанию, без замедления, а по служебной надобности тем более любой пароход берет пассажиров. Я объясняла это тем, что они хотели приехать никем не замеченные, а утром неожиданно нагрянуть к нам с обыском. Но план им не удался, как и предыдущий, о котором я уже писала.

Если бы мы не были предупреждены, я не знаю, чем могло бы это кончиться, потому что иногда утром, когда мы

передавали Александру еду, он спускался вниз и оставался ненадолго в комнате сестер, а когда нагрянула бы к нам полиция, мы не успели бы ему сообщить. Себя я постаралась, как говорят, взять в руки, чтобы не выдать своего волнения. Александр в это время еще спал, нужно было срочно ему посигналить, можно ножкой стула о пол, а лучше пододвинуть письменный стол и с него посошком, который всегда стоит у печки в углу, постучать в потолочину. Он быстро, как по тревоге, приоткрыл свой люк, и я сообщила ему о возможном обыске, а может, и аресте. Он, немного волнуясь, сказал: «Если меня обнаружила эта „гостья“, то меня сразу же арестуют, а если нет, то обойдется только обыском», и попросил меня посмотреть, нет ли чего подозрительного на столе, не оставил ли он какой вещи. Еду Александру и другие вещи иногда передавали так: он спускал шнур, к которому привязывали сумку, и он быстро задергивал ее к себе. Таким образом я снабдила его продуктами на весь день и в шутку сказала: «Сиди и не дыши». Это означало — не выдай себя ничем.

Нас дома всего три человека — я, дядя Афанасий и тетушка Раиса. На Афанасия Степановича эти обыски действовали ужасно, во-первых, он очень переживал, а кроме всего он считал их за большой позор и говорил, что мы прославились как преступники какие на всю Лену. А тетушке было как будто безразлично, когда узнала, она спокойно сказала: «Я буду заниматься уборкой». Молодым во время страды не было времени на это.

В 9 часов утра они уже явились: урядник Грозин, мой «родственник», который боялся на меня даже взглянуть, жандармский ротмистр с видом и наружностью императора, только не Николая II, и с ними трое понятых из местного населения. Я запомнила Аркадия Грицких, красивого и рослого моряка, только что вернувшегося со службы, и Евстигнея Васильевича Зарина.

Первый вопрос, с которым жандарм обратился ко мне: «Где помещаются сестры-учительницы Дмитриевы? Я должен произвести у них обыск». Я сказала, что они помещаются наверху — в мезонине, но дома сейчас их нет, они в Киренске на учительской конференции. «Хорошо, — любезно сказал он, — вы будете присутствовать при обыске. Предупреждаю вас, что во время обыска выходить из комнаты и вообще из дома нельзя». Хотела сказать: «Не первый раз, порядок знаю».

Не торопясь, поднимаются все наверх, я завершаю шествие. В комнате, которую занимали сестры, особенного ничего

и не было. У них стояли старый письменный стол, комод, этажерка с книгами, гардероб да три кровати. Две из них были железные, на которые вместо сеток клали доски, а одна — деревянная допотопная раскладушка. На ней спала Вера, когда была дома.

При входе в комнату жандарм окинул все своим высокомерным и величественным взглядом, почему-то остановил его на раскладушке и, указывая на нее рукой, обратился к уряднику: «Приступите к обыску». Тем же жестом и тоном приказа обратился и к понятым, рукой указывая на кровати и остальные вещи. Прошелся по комнате два-три раза, посмотрел стоявшие на комоде фотографии в рамках и сел к столу так, чтобы было видно, как производится обыск. Понятые просматривали все, но по одному только разу, а урядник старался все над одной периной, мял ее и переворачивал с боку на бок так, что даже вспотел. И жандарм уже не раз спросил его, нашел или нет он что? Грозин даже смутился под суровым взглядом жандарма и попросил у меня ножницы, чтобы распороть перину. Тут уж и жандармский ротмистр возмутился, сказав: «Да вы думаете что-нибудь? Ведь вы всё перо растрясете по квартире. Это не иголка, ищите, вы должны найти так».

Я не могу понять, в чем дело, но определенно ищут что-то в этой перине. Может, действительно эта гостья обнаружила что-то подозрительное там, но, по-видимому, уже убрали. Потом вспомнила, что эта перина была короче раскладушки. Чтобы заполнить пустоту, долаживали шубой, которая была в наволочке, и я подумала: «Не там ли лежит то, что они ищут?»

У раскладушки нет спинки, как у кровати, и когда урядник второпях сбросил на пол одеяло с подушкой и стал сразу же переворачивать и прощупывать перину, то эта подушка, в которой лежала шуба, на наше счастье, сама по себе свалилась в общую кучу одеял и подушек, которые оказались поблизости. Таким образом она осталась незамеченной и непроверенной, как будто сама судьба шла навстречу.

Я сидела, затаив дыхание, как на иголках, нервы мои сдали, начала волноваться, не стали бы снова разворачивать и перетрясать все. Боялась даже поднять глаза кверху, мне казалось, что я обязательно взгляну на ту потолочину, за которой скрывается Александр, и выдам его. Мне казалось, если посмотреть внимательно, она должна выделяться по цвету: Александр, когда поднимался по складной лестнице, приподнимал ее головой.

Время показалось мне бесконечно длинным, а мысли

разные лезли в голову одна другой хуже. Вдруг, подумала я, его подхватит там кашель, как удержаться от него? Перерыли и растрясли все, что можно трясти, прощупывали шпагой за наличниками и даже некоторые щели (дом был еще не оштукатурен), а урядник все еще не отходил от раскладушки и был как будто чем-то смущен.

Наконец закончился обыск, который не дал им ничего, кроме огорчений. Зато у меня на душе было что-то вроде праздника, рада была за Александра, что самая страшная беда его миновала. Оформили протокол, меня заставили расписаться в том, что при обыске были изъяты такие-то книги. Я запомнила только одну — «Женщина и социализм» Бебеля. Навели нам ужасный беспорядок и ушли.

Я не пришла еще в себя, как снова произошла история, которая, возможно, покажется даже маловероятной. Эта же тетушка, Раиса Степановна, которая временами была глухой, на этот раз хотела, по-видимому, обыск превратить в шутку. У нее на балконе стояло ведро с водой, а в нем большая, металлическая помпа, которой мы обычно опрыскивали и обмывали цветы и окна. Помпа, должно быть, была уже набрана водой. Когда вся эта группа в составе пяти человек вышла от нас, мы с Раисой Степановной вышли на балкон. Я, кажется, хотела посмотреть, по какой улице они пойдут, или просто хотела после всего оказаться на свежем воздухе. Вышли они на нашу улицу, а когда проходили под балконом, тетка быстро взяла помпу и спустила воду на жандарма и урядника и помпой же еще в воздухе воинственно погрозила, сказав при этом: «Вот вам за все, греховодники».

Я в ужас пришла от этого, стояла тут же, но не ожидала от нее такого поступка. Могли бы приписать и мне, а потом доказывай, чья эта выдумка. Жандарм пришел в бешенство, грозился привлечь к уголовной ответственности за оскорбление при исполнении служебных обязанностей. Если бы не заступились понятые и урядник, кто знает, чем бы это кончилось. По-видимому, они его с трудом уговорили, что эта старуха сумасшедшая. С какой брезгливостью он стряхивал воду с себя, положение его было действительно не из красивых, и, пожалуй, в истории при обысках — это единственный случай.

Даже на земской квартире он не мог успокоиться, да спасибо, хозяева сказали, что старуха эта одно время находилась в доме «умалишенных».

Жандарму и Грозину кроме этого было из-за чего расстроиться. Урядник, наверное, хотел выслужиться и рассчи-

тывал на повышение, а в результате они даже оказались в смешном положении. А с тетушки нашей как с гуся вода, она даже чувствовала себя каким-то героем. Я после обыска не пришла в себя, а она еще мне печали добавила.

Когда после их ухода я посмотрела на беспорядок, какой они учинили нам, не знала, за что мне вначале браться. Казалось, что нет у меня больше сил что-нибудь делать. Тут только я почувствовала ужасную слабость и вспомнила, что я еще ничего не ела, но при виде этого хаоса собрала последние силы и принялась за уборку. Почему-то начала с этой же раскладушки, поправила перинку и, как бы не доверяя им, я ее еще раз прощупала. А самой не терпелось узнать, нет ли чего в этой наволочке, у которой застежка была не на пуговицах, а по старинке завязывалась вязками, и то не на все. Когда я подняла ее с полу и даже не встряхнула, из нее без всякого труда выпал большой сверток, завязанный в ситцевый головной платок. Я обомлела от страха, как только он не выпал раньше, когда свалилась на пол эта подушка? Там оказалась нелегальная литература — в основном мелкие брошюры для распространения с лозунгами: «В борьбе обретешь ты право свое!» и «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Меня крайне удивило, почему это находится дома и в таком месте, а не у Александра, как обычно. Вот это, наверное, и обнаружила наша «гостья», которая оказалась шпионкой, подосланной в наш дом. Но, по-видимому, она не сумела точно передать брату, где лежит, или он сам перепутал. Не зря же он старался все около этого места.

Не теряя минуты, я должна была убрать это в надежное место, а Александру обо всем рассказать придется позднее, пока только сообщила: «Не волнуйся, всё в порядке». Мне все казалось, что они снова вернутся и будет еще обыск.

Поздно, часов в 12, я передала Александру все подробности обыска и эту литературу, которую они так искали и из-за которой мы столько пережили. Оказывается, Александр и сам не знал, что она находилась дома, он передал все это сестрам, а они должны были отдать кому-то из ссыльных для пересылки в Бодайбо или Якутск.

Александр по характеру — мягкий, выдержанный, никогда не сердился и не ругался, но на этот раз, если бы сестры были дома, им наверняка попало бы от него за небрежное отношение к делу. Говорит: «Хорошо, что обошлось все благополучно, а если бы обнаружили при обыске столько запрещенной литературы, да еще в присутствии жандарма, не миновать бы им высылки. Этого было бы достаточно. Высылают

же людей без всяких улик, а только по подозрению, а потом устанавливают за ними полицейский надзор».

Для меня этот обыск остался памятным на всю жизнь. Хочу описать одну нашу с Николаем Степановичем встречу. Было это далеко на Севере, в Якутске. Как-то в разговоре с одним человеком, по фамилии Барамыгин (при встрече через 40 лет мы, все убеленные уже сединой, конечно, друг друга бы не узнали, если бы не взрослые сыновья, его и наш, которые были друзьями), он мне говорит: «Я же работал в ваших краях, в Чечуйской почтовой конторе, знал хорошо вашу семью и многих других». А я никак не могу его вспомнить и спрашиваю: «В каком году это было?» «Год, — сказал Барамыгин, — я точно не помню, а было это, когда вы при обыске у вас облили водой нашего чечуйского урядника и жандарма». Я удивилась, что человек до сего времени помнит это происшествие, а наш знакомый говорит: «Вы знаете, не только мы, молодежь, в восторге были от такого поступка, но и многие жители, и сколько разговоров было по этому поводу! Скажите, как это вам удалось сделать, и без всяких последствий для себя?» Барамыгин почему-то был уверен, что этот «душ» устроила я.

Тут мы с Николаем Степановичем рассказали, как это было, что виной всему — старенькая тетка, и что мы на все угрозы жандарма привлечь нас к ответственности отделались только испугом. Вспоминая эту историю, мы все от души посмеялись, хотя тогда было не до смеха. Барамыгин почему-то спросил: «А если бы сейчас произошел такой случай, что бы вам было за это?» «Я и сама думала об этом, — сказала я, — и боюсь даже представить, чем бы могла кончиться эта история». Товарищ Барамыгин сказал: «Так, как сейчас оберегает себя советская власть, вы бы так легко, конечно, не отделались за оскорбление при исполнении служебных обязанностей».

После этого обыска Александр выглядел как после тяжелой болезни. «Столько, — говорит, — пережил и передумал, пока рылись в квартире и перетрясали все, а время, как назло, тянулось мучительно медленно, и сердце так билось, что я его как будто бы слышал. Если обнаружат меня, не оставят и сестер, Зою и Любу, а возможно, и Николая как соучастника укрывательства, поскольку семья находится под негласным надзором полиции. Вся надежда в моем положении на амнистию, а когда и по какому случаю она будет, неизвестно».

Хорошо, что в это время не было дома матери, Александр знал, как болезненно она все переживает, беспокоясь

за его судьбу. Жена не разделяла его взглядов и убеждений, а, наоборот, требовала от него, чтобы он выбросил вредную «политику» из головы и занялся бы делом. Это его, конечно, огорчало.

Поездка Александра на остров и встреча с Катей, как они договорились еще до обыска, состоялась. В этих случаях его выручали очки с искусственным носом: если еще слегка подогнать хорошим гримом, то его трудно узнать, а поздно вечером тем более. Уезжал он обычно ночью, когда все добрые люди спят, лодку прятал в тальниках на дальнем острове, через протоку, но побаивался, не угнал бы кто, тогда его положение будет не из легких — как перебраться с острова на правый берег Лены. Для ночлега ему годился стог сена, он некурящий. Главное для Александра — пожить на Еловом денька три, побыть на свежем воздухе и, если удастся, на рассвете с наступлением дня убить несколько уток. А утиная похлебка — кто ел, знает: нет ей цены.

В эту поездку Александр решил встретиться с дядей Николаем, который уехал с рыбаками. Дядя, родной брат отца, жил в отделе, но в одной ограде, однако ни он, ни его жена, тетя Груня, не знали, что Александр живет с нами под одной крышей. Они, да и все в деревне, считали, что Александр где-то на востоке, живет на нелегальном положении. Александр подумал, что дядя старый и больной и если умрет, не придется повидать его и проводить в последний путь.

Со слов Александра, интересная у них произошла встреча. Пришлось, говорил он, немного обождать, пока рыбаки с неводом отплывут подальше. Дядя участия в рыбалке по нездоровью уже не принимал, поэтому наверняка будет один в зимовье. Так размышляя, шел Александр по большому острову. Сколько хороших и отрадных воспоминаний с детства было связано с островом Еловым! Еще издали он разглядел свое родное зимовьё: дымок шел из трубы. Дядя Николай, по всей вероятности, сидит за кружкой горячего чая. А полевой чай, да если на таганке, с дымком, — вкуснее домашнего. Как было бы хорошо посидеть с ним, поговорить по душам, а поговорить за два года разлуки было о чем.

«Если мне открыться, — думал Александр, — не ухудшит ли это мое и без того плохое положение? Интересно, узнает он меня или нет и за кого меня примет? — Это, пожалуй, больше всего его интересовало. — Не могли же все домашние меня узнать, когда я явился к ним стариком, в седом парике, с седой бородой. А как я их тогда напугал, крестный чуть не упал». При этом воспоминании Александру стало не

по себе, но настолько было сильно желание увидеть старого дядю, что Александр не стал больше раздумывать. Посмотрелся в свое маленькое зеркальце, как он выглядит в этом «наряде», нашел, что неплохо, только лицом немного бледноват для красного носа. «Зато сойду за пьяницу», — подумал он.

Зашел Александр в зимовьё без предупреждения, так как дверь была чуть приоткрыта. Перешагнув порог, перекрестился и сказал:

— Здорово, дед! Шел я мимо, вижу, дымок валит из трубы, а утренник сегодня холодный, можно малость погреться?

— Здорово! — сказал дед, но немножко сурово. — Пришел, так садись, гостем будешь. Сказывай, каким ветром занесло тебя в наши края?

«Не узнает, — подумал Александр, — не признаёт даже за здешнего, должно быть, хорош я».

Ему захотелось продлить свидание с дядей, посмотреть, что будет дальше, и он начинает сочинять:

— Да вот, понимаешь ли, дед, что получилось со мной в дороге. Ехал я на пароходе после расчета с приисков, ну, известно, приискатели — народ задиристый, всегда задаются. Подобралась у нас компания, началась выпивка, картежная игра, а за картами мы с одним жуликом, который меня обчистил, поругались, да драку учинили и меня с барахлишком, как будто зачинщика, вывезли с парохода на берег. Столкнул вот лодчонку в деревне, а куда податься — и сам не знаю.

— Сейчас, — ответил ему дед, — рабочие руки нужны везде, ты в любой деревне работу найдешь. Платой тебя не обидят и сыт будешь, а весной опять вали на прииски за заработками.

После этого Александр его спросил:

— А пока, дед, можно мне в вашем зимовейке пожить денька два-три?

Александр сказал это своим голосом, почти не изменив его. Дед слушает, а узнать не может. «Неужели, — думает Александр, — за два года разлуки дядя забыл мой голос, или я настолько мог его изменить?» В этом какую-то роль сыграла его врожденная способность, как любителя-артиста, быстро перевоплощаться. Как в шутку мы говорили, из «юноши в рассвете лет» по надобности мог стать «дряхлым стариком». Александр хотел, чтобы дядя Николай сам узнал его, а тот сидит, слушает, будто книгу читает, изредка из-под очков посматривая на него, потом говорит:

— Здесь, браток, по всему острову зимовья, в которых и печки устроены, а дров-то здесь не занимать, в тальниках хламу полно, топи сколько хошь, а если у тебя нет хлеба, я дам. У нас вот-вот приедут с рыбалки рыбаки мокрые, сушить всё будут, на двор на ночь вынести — не просохнет, а в зимовье такая духота, да и женским может не понравиться, что я тебя пригласил.

Дядя Николай, по-видимому, хотел его как «беглого бродягу» задобрить и добавил:

— Ты, браток, посиди. Я принесу воды да такой тебя ухой угощу, пальчики оближешь, ну и на дорожку еще тебе рыбы дам.

Дядя встал и каким-то своим привычным движением подтянул брюки, по-военному одернул рубашку, — высокий, стройный. Александр им залюбовался. Если бы не седина, он выглядел бы моложе своих лет (все Степановские поседели молодыми, но не было лысых). Дядя надел телогрейку, взял ведро и вышел из зимовья, красавица Лена почти рядом.

Александр был в восторге от встречи с дядей, он не ожидал такого результата. «А здорово получилось», — улыбаясь, подумал он. Сейчас наступил удобный момент раскрыться. До этого, во время разговора с дядей, у Александра не поднимались руки сбросить этот «маскарад». Когда дядя вышел из зимовья, Александр снял стежонку в заплатах, которая, должно быть, выдавала его за беглого, очки с носом положил в специальный футляр и почему-то заволновался больше, чем вначале. Он знал, что у дяди были сердечные приступы, поэтому боялся за него. Раза два прошелся по зимовью и, по привычке заложив руки за спину, встал к печке, как будто бы греется.

В первое мгновение, когда дядя зашел, Александру показалось, что тот в испуге пошатнулся и повалился. Он бросился к нему, поставил ведро с водой на пол, довел его до скамьи. Дядя Николай с трудом пришел в себя и сказал:

— Да ты что, Саня, друг мой, с неба свалился, что ли? Да откуда ты взялся? Я вначале подумал, что мне это померещилось.

После этого Александр крепко обнял дядю, и трижды, по русскому обычаю, они поцеловали друг друга.

— Ловко ты, племянничек, меня разыграл! Откровенно скажу, боялся тебя, думал, вот какой бродяга-жулик привязался ко мне, не спер бы что.

И, как бы не доверяя своим глазам, осмотрел «опального» племянника с ног до головы, снова обнял как сына род-

ного после долгой разлуки (детей своих у них не было). На глаза у дяди навернулись слезы.

— Смотрю я на тебя, Саня, и глазам не верю, родного племянника за жулика принял и от приюта в своем зимовье отказал.

Александру пришлось успокаивать дядю, что ничего страшного не произошло и он на него не в обиде, а наоборот, рад, что дядя его не узнал. Это дает ему возможность пользоваться по надобности такими вещами. После этого, когда дядя Николай пришел в себя, Александр рассказал ему, как он вскоре после смерти отца напугал всех своих домашних, явившись к ним вечером в седом парике, с седой бородой, да еще в отцовском старом пиджаке.

С интересом и любопытством слушал его дядя:

— Откуда же у тебя, Саня, такие вещи?

Александр ему объяснил, что существует, нелегально конечно, комитет РСДРП, который и обеспечивает по надобности политических работников такими вещами для конспирации во время побегов, кроме этого деньгами, а также паспортами. Дядя Николай хотя и плохо разбирался в политике, но всегда с интересом слушал, когда племянники что-нибудь ему объясняли. Особенно интересовался декабристами, переживал за них и говорил: «Им-то что нужно было? Имели все — богатство, славу, чины и сами же шли супротив себя, рубили дерево под собой».

— Скажи мне, Саня, сбудутся ли когда ваши мечты и желания?

— А как же, — сказал Александр, — иначе партия не вела бы такую упорную борьбу за свободу, раскрепощение и независимость. Сейчас народ не запугаешь ни тюрьмой, ни ссылкой, ни даже виселицей. Декабристы первые показали пример, на смену им придут другие и будут бороться до победного конца.

Они не замечали, как за разговором шло время и давно закипела вода для ухи. Дядя Николай спохватился, сказал:

— Соловья, брат, баснями не кормят. Ты, Саня, чисти картошку, а я принесу рыбу вечерней добычи, сварим уху лучше, чем у Демьяна была. Да на случай, пожалуй, дверь заложу, неровен час, не зашел бы кто врасплох. Хотя в деревне еще работы полно, но охотники об эту пору наведываются и сюда.

Дядя принес в берестяном чумане рыбу свежую и на подбор — средней величины ленки и сиги. У Александра глаза разгорелись, глядя на рыбу. Он же был главный рыбак

в семье, прекрасно знал места, расположенные поблизости, знал, где закинуть тоню и на какую рыбу, по-моему, знал даже, где какие задевы. Страсть к рыбалке у Дмитриевых была из поколения в поколение. И сейчас какое было для него удовольствие хотя бы подержать в руках эту свежую серебристую и еще упругую рыбу. Дядя Николай это заметил и сказал:

— Сразу видать рыбака, налюбоваться не можешь. А душа-то, чай, болит по рыбке да по воле и тянет тебя на Еловый?

С какой охотой взялся Александр за приготовление ухи, а дядя принес с улицы чуть не оглоблю, привязал ее поперек за скобу двери и, засмеявшись, сказал:

— Вот тебе и заложка. А если бы у меня была силушка, как раньше, я любую дверь на запоре одним рывком срывал с крючьев.

Пока варилась уха, дядя с племянником вспоминали, что не было ему равных по силе. Только он мог гнуть подковы или «отбить» кулаком зауголок высунувшегося бревна в срубе бани или риги, считался лучшим борцом. Был он высок ростом, крепкого сложения, его одного по канату несколько человек не могли перетянуть за черту — так когда-то в старину мерились силой. Он же был лучшим стрелком и лучшим городошником. Александр вспомнил, что когда-то они восхищались дядей и его сказочно-богатырской силой и хотели быть похожими на него.

— Не завидуй, Саня! — сказал ему дядя. — Может, и сердце-то поэтому стало больным. А знаешь, как хорошо на меня действует в это время поездка на Еловый. Воздух-то какой чистый, прозрачный, не надышишься, да плюс к этому хорошая, свежая рыба. (Говорили, что у дяди закрывался клапан на сердце. Когда ему было плохо, он вставал поближе спиной к стене, но не вплотную, руки закидывал на затылок: закрепит крепко на пальцы, вытянется во весь рост, а голову наклонит назад, на скрепленные руки. По-видимому, это облегчало ему вдох и выдох.)

Запах сварившейся ухи напоминал, что пора за трапезу. Уха действительно получилась на славу, а к ней хорошо выпеченный хлеб — ржаная коврига. Ели, не могли нахвалиться и удивлялись аппетиту.

О многом они переговорили в этот день, вспомнили покойного, ни за что пострадавшего Петра, но дядя Николай при разговоре поступил тактично и не спросил племянника, где же он находился в это время. У Александра на всякий

случай был приготовлен ответ, но обошлось без этого. А о том, что на днях дома был произведен обыск в присутствии жандарма, урядника и трех понятых, Александр рассказал. Дядя при этом даже побледнел и спросил:

— А как же ты?

Александр не дал ему договорить, улыбнувшись, сказал:

— Как видишь, все обошлось хорошо, только Марии пришлось пережить много, но она не растерялась и держала себя молодцом, а вот тетушка Раиса со своим чудачеством подвела, об этом тебе дома лучше расскажут. Хорошо, что не было дома матери.

— Да, — сказал дядя, — вот ее-то мне и жаль, вечную труженицу. Разве ей легко было пережить смерть Петра, да и сейчас живет под страхом. Ты не думай, Саня, что я упрекаю тебя. Я знаю, что так нужно — жизнь требует этого, не сидеть же сложа руки и ждать у моря погоды.

Александра тронуло сочувствие дяди, он поблагодарил его и сказал:

— Как ни хорошо с тобой, а мне пора уходить.

— Подожди, друг! Задержу тебя ненадолго. Расскажи, пожалуйста, что за взрывы были в июне месяце — как из больших орудий? Народ с ума свели, некоторые думали — конец света.

— Вообще-то странное явление, — ответил Александр. — В газетах писали, что метеорит, а метеоритов, как известно, у нас падает много, но они не сопровождаются такими взрывами. Я очевидцем этого явления не был, а только слышал эти взрывы, и что меня поразило: обычно сильная гроза подходит издали, вначале слышны слабые раскаты грома, а с приближением все увеличиваются. Тут же так трахнул сразу, что как будто стены дома задрожали. А со слов наших, была совершенно ясная и безоблачная погода. В это время Николай с плотником рубили баню, а Мария подошла к ним за щепками для плиты. Они стояли, разговаривали, и совершенно неожиданно раздались огромной силы взрывы прямо за хребтом напротив нас, где Тунгуска, тут водораздел всего 30 километров. Первые два один за другим, через маленький промежуток времени — третий и более сильный. Может, какой след был на небе, но они не видели, потому что вверх в это время не смотрели.

— Да, — сказал дядя. — Ваши из дома все выскочили напуганные, и мы тоже. Стекла в окнах задребезжали, народ всполошился, пошли разные слухи, а я все жду, не заедет ли кто с Тунгуски, может, расскажет какие подробности об этой истории.

— Если бы я не был в таком положении, — сказал Александр, — мы бы с кем из ссыльных ребят организовали поездку по Тунгуске в лодке до Преображенки или Ербогачёна, чтобы собрать какие-нибудь сведения об этом у населения — кто, где и что слышал или видел летящий метеорит. Николаю отлучиться от хозяйства нельзя, а зимой будут выезжать с Тунгуски по первой дороге, кто с кладью, кто по делу, нужно не упускать случая и спрашивать. (Прошло более полвека с тех пор, а «Тунгусское чудо» осталось загадкой и до сих пор интересует людей.)

При прощании у дяди Николая на глаза навернулись слезы. Он крепко обнял опального племянника и сказал:

— Ты не бойся, Саня, родной мой! О тебе я не проговорюсь ни с кем и не выдам тебя, а если умру, не поминай меня лихом.

Александр как всегда быстро, по-военному, оделся, и дядя не успел даже рассмотреть, как он снова превратился в другого человека и от племянника ничего не осталось. Приближались уже сумерки, день прошел, как пролетел, и Александр снова с ружьем за плечами, которое он на время прятал в кустах, пошел одиноко в конец острова, чтобы там в стогу сена спрятаться от посторонних и любопытных глаз. Дядя Николай долго еще стоял у зимовья, пока племянник не скрылся из виду, и не раз, может, смахнул слезу, навернувшуюся ему на глаза.

После нового 1910 года заговорили о долгожданной амнистии. Когда об этом событии мы узнали официально, встал вопрос, как открыться Александру, чтобы вновь не попасть под суд, как беглецу. Эта амнистия распространялась на всех участников революционного 1905 года. Большая часть из них были арестованы и высланы в отдаленные места, многие эмигрировали, а многие жили на нелегальном положении, но революционно-пропагандистскую работу не оставляли. Властям в той обстановке выявлять таких лиц было значительно труднее, поэтому решили, что после амнистии объявятся сами и будут числиться в списках за «третьим отделением» как неблагонадежные.

Александр при его положении в то время мог пользоваться только гектографом для печатания прокламаций и мелких брошюр. Участниками по распространению были сестры, кто-то из учителей и один из товарищей ссыльных, Николай Мартынов, который был в курсе всех наших дел и событий. Он имел тесную связь с комитетом РСДРП и каким-то образом, а скорее всего с вновь прибывшими

ссыльными, получал нужную политическую литературу, часть которой тоже хранилась у Александра. Поэтому Мартынов и Александр во чтобы то ни стало хотели сохранить его конспиративную «квартиру» на случай, поскольку она за два с половиной года никем не была обнаружена, а когда-нибудь по надобности так же может укрыть беглеца. Поэтому необходимо было отвлечь внимание полиции от нашего дома. Если явиться с повинной в Киренске, начнут допытывать, расспрашивать — где находился это время и прочее, а сочинять и врать надо умеючи, потому что будут наводить справки. Это может затянуться надолго, а его пока, до выяснения, посадят в тюрьму и еще могут осудить за побег как каторжника. Поэтому на семейном совете с участием товарища Мартынова решили, что Александру лучше явиться в отделение иркутской полиции. Там, конечно, тоже посадят, но выяснят на месте все значительно быстрее на основании сохранившихся материалов за революционный 1905 год. По приезде домой после освобождения нужно говорить, что был на востоке, а где именно — это не обязательно.

Не зря пословица говорит: «Ум хорошо, а два лучше». Но как доехать неузнанным до Усть-Кута или Марковой, когда многие его знают лично? Александра выручил брат его жены из Подкаменки, Василий Иннокентьевич. Вот только я точно не знаю, поехал ли он в Иркутск по своему делу или как родственник хотел помочь зятю выйти из создавшегося положения.

После договоренности с Василием Иннокентьевичем начались сборы, приготовления для зимней дороги, вплоть до крытой повозки. Это было, кажется, в половине февраля 1910 года. Вспоминаю, что у нас в тот поздний вечер перед отъездом было как-то особенно тихо и напряженно. К отъезду было приготовлено все, пришел крестный — глава семьи, принес закрытую рушником ковригу черного хлеба и солонку с солью и поставил в столовой на стол. Все молча присели вокруг большого стола.

После минутного молчания при словах матери, сказанных сыну: «Ну, в добрый час, сын мой родной!», все поднялись и стали прощаться. Александр еще раз обнял мать, которая не могла больше удержаться от слез. Чтобы успокоить ее, он сказал: «Ты не беспокойся, родная! Все будет хорошо!» После этого зашел на минутку в свою комнату, чтобы надеть очки с искусственным носом, зимнюю шубу с мерлушковым воротником и шапку-ушанку. Раньше в этих очках он вызывал

у всех смех, а сейчас в нем было что-то другое, да и нам всем было не до смеха.

По договоренности с Василием Иннокентьевичем Николай должен был довезти Александра до них, а дальше Василий Иннокентьевич своих лошадей сменит в Бочкарёвой или Ворониной у дружка, и таким образом минуют Алексеевку, Змеинову и Киренск, а от Марковой поедут как обычные пассажиры от станка до станка.

Из Банщиково выехали поздно, около 12 часов, на паре лошадей, запряженных цугом. Николай — на облучке за ямщика. В Подкаменке они с Василием Иннокентьевичем быстро перепрягли лошадей, а Николай сразу же своих лошадей запряг в розвальни и уехал обратно. Александр даже не выходил из повозки, чтобы не попасть на глаза сварливой теще. (Да она, возможно, и не знала об этом.)

Обычно после отъезда кого-нибудь из членов семьи в доме чувствуется какая-то пустота, а на этот раз после отъезда Александра все вздохнули свободно, с облегчением: сколько можно жить под страхом и каждого бояться. А сейчас тем более — в семейной жизни Александра и Кати произошло целое событие, они ждали ребенка. С кем такое случалось, поймет. Прошло семь лет, как они поженились, а детей не было. Мы с его младшим братом Николаем женились позднее на три-четыре года, а имели двоих детей, которых они и вся большая семья очень любили. (Римма родилась в октябре 1907 года, Таня — в сентябре 1909 года. Римма росла очень развитой и смышленой девочкой, к двум годам она разговаривала как взрослая, ее даже все товарищи ссыльные любили, которые бывали у нас. Римму часто кто-нибудь из золовок или Катя забирали наверх, чтобы она спела дяде Сане новую песню или рассказала стихотворение, а плясала так, что всех уморит со смеху. Но последнее время Александр стал и ее опасаться. «Вдруг, — говорит, — спросит: „Где дядя Саня?“ Или запросится ко мне наверх».)

Естественно, что чувство отцовства и материнства росло все сильнее. Когда в семье узнали о приближающемся пополнении семьи, все разделяли с ними эту радость, особенно бабушка и даже дед Афанасий, который заботливо предупреждал Катю: «Не бегай ты, заполошная, быстро-то». У Кати была небольшая врожденная косолапость ног, она иногда могла запнуться о собственные ноги и упасть на ровном месте.

Смущал всех один вопрос: фактически мужа в это время

дома не было. Но Катя на это смотрела по-другому и даже как будто бравировала этим: «Пусть думают, что я будто бы без мужа „нагуляла“». А может, у нее другие были соображения на этот случай.

Для меня за тот период два случая остались памятными надолго — происшествие с обыском и приключение с побегом ссыльнополитического. Побег был организован с участием нашей семьи.

Село Чечуйское, в котором находилось волостное правление, почтовое отделение, урядник и пристав, служило пересыльным пунктом для ссыльнополитических. Некоторых отправляли дальше на север — кого на Тунгуску, а кого по уезду. Сестры-учительницы Зоя и Люба часто встречались с товарищами, с которыми была установлена деловая связь. Ссыльные стали просить сестер помочь одному вновь прибывшему товарищу скрыться. Обстановка требовала немедленного действия, чтобы не попасть в такой район, откуда будет трудно совершить побег, и сестры, не согласовав вопроса с братьями, тут же разработали план побега. Местные товарищи ночью переплавят беглеца через реку Лену и высадят недалеко от Чугуевой, а там до Банщиково остается три-четыре километра. В поле около Банщиково на красивом месте стоит церковь, которую видно издалека, до этого места он дойдет один. Его встретит один из братьев, а чтобы не произошла ошибка, он должен сказать пароль.

Сестры из Чечуйска вернулись поздно, часов в 12, все уже спали, сообщили Николаю, поскольку избегали говорить об этом Александру при жене, он узнал уже утром. Николай встретил бежавшего как договорились, провел его в дом никем не замеченным и поместил в тайник на чердаке. Сестры-учительницы снабдили его всем необходимым.

А назавтра утром дед Афанасий (ему понадобилась в хозяйстве кошма) залез на чердак с ограды и решил это убежище разобрать, полагая, что времени прошло больше года и надобность в нем миновала. Дед стал топором отбивать доски, отвернул кошму и из любопытства хотел посмотреть, что из себя представляло жилище, которым так долго пользовался Александр. Можно представить их ужас и испуг. Один испугался от неожиданности, увидев там постороннего человека, а наш подопечный еще от побега не пришел в себя, как услышал шаги на чердаке (за стеной). Сразу же, говорит, насторожился, а когда кто-то стал отворачивать топором доски, подумал: «Ну, пропал я». «Смотрю, — рассказывал он

дальше, — в углу в отверстие выбитой доски сунулась седая, как лунь, голова человека, который моим присутствием напуган не меньше меня».

Мы в это время сидели все за столом, завтракали. Дед зашел, на нем лица нет, с трудом мог выговорить: «Ох вы супостаты, нехристи! Что вы делаете, сами проситесь в тюрьму, кого вы там еще прячете?» Наши, конечно, догадались, что дед слазил туда, раз топор в руках, и сказали: «Крестный, об этом ты должен молчать». Он кивком головы показал как бы наверх и сказал: «Да меня уж и он просил об этом», махнул рукой и ушел, не стал даже завтракать.

В период 1908–1909 годов вся семья Степана Степановича за исключением жены Александра жила дружно, спаянно, никогда никаких ни ссор, ни скандалов, а о драках, какие сейчас происходят у некоторых, и понятия никто ни имел. Одна только Катя жила обособленно.

Катя — дочь черкеса, когда-то высланного в Сибирь, но не политическому делу. Для того чтобы ему жениться, по закону того времени он должен был принять православную веру. При крещении крестным отцом был приглашен Семен Никифорович Дмитриев, житель села Банщиково. Имя взрослому крестнику дали Иннокентий, а отчество и фамилию по крестному отцу — Семенович Дмитриев. Каким я его запомнила — высокий благообразный старик со следами былой красоты, по характеру исключительно мягкий и добрый человек.

Таких, как Иннокентий Семенович, которых ссылали на поселение за какую-то провинность, обычно называли поселенцами. Жил такой же в Чугуевой и по крестному отцу, Митрофану Никифоровичу (брат Семена Никифоровича), назывался Василий Митрофанович. В деревне их в большинстве звали «черкесами», и Катю иногда звали черкешенкой. В Киренске, помню, жил Каустов, армянин. В.Я. Шишков упоминает его в своем романе «Угрюм-река». При встрече на этой реке с проводником Прохора Громова Фарковым, сводя старые счеты, дело дошло у них до драки. Были в Сибири и переселенцы, которые добровольно переселялись на новые места.

Мать Кати — из деревни Чугуевой, совершенно неграмотная женщина, но своенравная и властная, как из пушкинской сказки «О рыбаке и рыбке». Еще до выхода Кати замуж за Александра ее семья, а особенно мать, Анна Николаевна, была настроена против «вольнодумного» зятя и всей, как она говорила, «баламутной» семьи, которые занимаются не тем,

чем надо. Особенно они были недовольны Любовь Степановной, учительствовавшей в селе Подкаменка, где жила семья Кати, и, возможно, не без их участия по доносу она была арестована и находилась под стражей в Киренской тюрьме. Может, этот позор, как они говорили, «образумит» семью и Степановские возьмутся за дело. Но не помогло и это, а потому Анна Николаевна и остальные члены семьи — отец и брат Кати, Василий — не поддерживали с нами родственных отношений. С 1903 по 1912 год, пока Екатерина жила в семье, мать всего один раз перешагнула порог нашего дома. В деревне по тому времени это уже ненормально.

Мать Кати долго не давала согласия на их брак. Но при сложившихся обстоятельствах невеста заявила, если родители не согласятся, она опозорит их — сбежит и тайно повенчается с Александром. По-видимому, брак был по большой любви.

Помню, у Александра была любимая песня:

Очи черные, очи жгучие!
Как люблю я Вас!
Как боюсь я Вас!
Знать, в недобрый час
Я увидел Вас.

И как бы в подтверждение этому добавлял: «Моя лампада зажжена нерукотворною рукой».

Впоследствии они женили сына Василия на младшей дочери Семена Никифоровича, Анфисе Семеновне. О том, как жила их невестка, знали немногие. Как говорили по старинке, они сор из избы не выносили. Дети Анфисы Семеновны, может быть, помнят, какая тяжелая жизнь выпала на долю их матери. Она без разрешения «мамаши» не имела права поставить на стол сахар или заварить свежего чая даже в том случае, если к ней приезжали родственники.

В молодости Катя была красивой, походила на отца, но по характеру — копия мать, поэтому она и в нашей семье ни с кем не сошлась. Ей все казалось странным в нашей семье, что свекор и свекровь не вмешиваются в дела своих детей и никто ничего не учитывает, а потому в этой семье никогда ничего и не будет. У отца в Подкаменке Екатерина заведовала лавкой, в которой была полной хозяйкой. У нас же в семье она применения не нашла. Да и по своим характерам, взглядам Александр и Екатерина были совершенно разные люди, она не была ему товарищем в жизни. Была даже против нашей самодеятельности и нашего драмкружка. Катя по

любому поводу уходила или уезжала домой к матери, а Александр привозил ее обратно.

После того как Александр был амнистирован, жена особенно настойчиво потребовала заняться делом — открыть лавку. В Банщиково и без этого было три лавки: у Матвея Болотовского, у Андронита Инешина и у Иосифа Гутмана. В нашей семье никто не проявлял коммерческих способностей и желания заняться этим, кроме того, нужны были деньги. Уступив ее желанию, решили открыть с той мыслью, что это в какой-то мере отвлечет внимание полиции от нашего дома. Но нужно это дело поставить так, чтобы товар и продукты были дешевле, чем в других лавках. Если купить в кредит в Киренске у Черных, то от этого лучше не будет. Для этого было нужно поехать в Иркутск.

Кстати, Александру нужно было по своим делам, а я поехала по болезни и, кроме всего, нужно было помочь жене одного ссыльнополитического, которая ехала к мужу в Сибирь в ссылку. Пожалуй, торговая фирма Второвых была единственной на губернию, они имели возможность закупать все необходимые товары непосредственно с фабрик и заводов. Имели целую сеть магазинов кроме знаменитого Пассажа Второва, который украшал в Иркутске Ивановскую площадь, а не так далеко от него — огромное здание с вывеской «Оптовая торговля».

Помню из рассказов Александра, какое он произвел впечатление в этой конторе. Одет он был, откровенно скажу, неважно — простая дорожная шуба с большим запахом, воротник из серой мерлушки. Первый разговор о кредите не дал положительных результатов. Он решил использовать пословицу, что в большинстве встречают «по одежке», для этого купил недорогую доху, которая, к сожалению, года через два развалилась, но в данный момент сыграла какую-то роль. Ему любезно предложили стул или кресло, и вопрос о кредите разрешился. Подробностей я не знаю.

Я по болезни осталась в Иркутске, жила у родственников по моей матери, учительницы Дмитриевой. Выехала обратно с трудом почти через четыре месяца. Не могла найти попутчика до Киренска. Справлялась в ближайшей гостинице, в каком-то «Подворье» (попросту, наверное, постоялый двор), просматривала объявления в газете. Если попутчики и были, то до Якутска или Бодайбо. Наконец нашла в «По-дворье». Попутчиком моим оказался Ильин. Я знала, что в Киренске у Ильина и Самарина какая-то «Компания» или, как говорят, общее дело. Самарин имел паро-

ход, Ильин — магазин. Дело не в этом, меня удивила скупость, какую я увидела там, где я меньше всего ожидала. Раньше было принято во время проезда по тракту давать ямщику «на чай» по возможности, кто сколько может. Я предложила, что этот расход мы также можем поделить на двоих, он категорически отказался от этого. И, по-видимому, отказывал себе даже в самом необходимом — еде. За дорогу от Иркутска до Киренска, шесть-семь дней, у него не было ничего кроме ковриги черного хлеба и лука, тогда как в Иркутске можно было купить любой колбасы, икры и прочего. Я невольно подумала: «А как же дома, в семье, и семья как будто большая?» Вот так люди умели жить и копить деньги.

О том, что было куплено Александром в Иркутске у Второва, на каких условиях и как доставлялось до места, не знаю. Я приехала в марте по последней дороге. Первое, что мне показалось странным, — в лавку к Кате, которую ей устроили в старом доме (он был еще не сломан), из семьи почти никто не заходил. Она поставила дело так, как было у нее дома: все записывала и говорила, что у нее должно быть все на учете. Может, это и нужно было при такой большой семье. Но у нее это проявлялось как-то по-особому. Прежде всего недоверие ко всем, связанное со скупостью, особенно когда стала замечать, что исчезают деньги, такие как «тройки» и пятирублевые банкноты, а мелочь, как она говорила, не считала и не убирала. По этому поводу она спрашивала всех и не один раз — может быть, кто-то брал, а ее не предупреждал? Всем эта история была неприятна. Спрашивали и Ванюшку, которого она пристроила около себя с первых же дней своей торговли, чтобы было, говорит, ей веселее и по каким-то другим надобностям. Зная ее мать, я даже так думала, что Катя его приучила следить за всеми, чтобы кто не взял без ее разрешения.

Кто бы мог подумать, что при его глупости, не имея понятия и счета в деньгах, он займется воровством и что есть такие подлые люди, которые могут пользоваться этим. Сколько веревочка, говорят, ни вьется, конец найдется. Вначале Екатерина Иннокентьевна да и мы так думали: «Куда ему деньги, что он с ними будет делать?» Но, по-видимому, сообразил же, что когда у Кати покупатели, она занята, не заметит, а он в это время сбегает к Андрониту Инешину или Болотовскому. На этот раз не было покупателей в лавке, он стащил две «тройки» и исчез. Екатерина закрыла двери и пошла его разыскивать. Дома его не оказалось, вышла на

улицу, а он бежит уже из лавки Болотовского. В кармане у Вани за шесть рублей оказалась плитка шоколада, которая стоила всего 18–20 копеек. Во что же обошлась эта роскошь Дмитриевым?

Когда спросили Ванюшку: «Давно ты таскаешь деньги?», — ответил: «Все время. Сначала таскал „кругленькие беленькие“, на „черные“ (монеты) дед Матвей (Болотовский) ничего не давал. Потом дед показал мне бумажку и велел таскать такие, а если, говорит, дома об этом скажешь, я нарву тебе уши».

После этого его спросили: «Сколько ты утащил сегодня?» Ваня показал два пальца — это означало две «тройки».

— А сколько же тебе дал дед шоколаду?

— Штуку, — ответил Ваня.

Кто-то ему сказал:

— Зачем же ты, Ваня, это делал, когда дома в своей лавке есть конфеты?

— Я не люблю такие, — сказал он, — они духовым мылом пахнут (это означало туалетным, была простая дешевая карамель).

Его не только не наказали, по-моему, даже не ругали — сами виноваты, а в первую очередь Екатерина Иннокентьевна со своим большим опытом.

Торговая лавка Степановских (просуществовала она года два) если и принесла какую-то пользу, то только не нам, а тем, кому она была невыгодна и в первую очередь, конечно, Матвею Болотовскому и Андрониту Инешину. Поэтому, чтобы причинить какой-то ущерб, они не побрезговали даже брать краденое, используя для этого «полоумного подростка», который не знал счета до трех, и сторожа Абдула. Абдул был взят на эту работу по предложению Екатерины Иннокентьевны: «Чтобы душа, — говорит, — была спокойна». Ему было лет 55, выглядел плохо, говорил и соображал также, а главная его слабость — вино. Сторож Абдул не столь сторожил, сколько тащил. Дед Афанасий не раз говорил: «К чему он вам, было бы хоть что стеречь, — только трата денег, да пьет, а на что пьет?»

Я не знаю, сколько было вначале товара. Когда я приехала, то, кроме того, что в лавке, небольшая часть лежала в углу амбара, где хранилось зерно для посева и для проветривания были сделаны два окна. Они не были заделаны ни скобой, ни решеткой. Наши хозяева не подумали о том, что там свободно может пролазить человек. Обнаружил это дед Афанасий. Зачем-то зашел и увидел Абдулову тюбетейку на полу под окном. Принес ее и спрашивает: «Как она могла там

очутиться?» А Абдул на рассвете пришел пьяный и «гологоловый». У наших, по-видимому, была какая-то возможность проверить по «остаткам». Тут только обнаружили, что Абдул давно занимается кражей.

Абдула рассчитали без шума и скандала. На работу устроиться он нигде не мог, уехал в Киренск. Это произошло летом, а осенью по первой дороге он вернулся в Банщиково, совпало это с праздником. Александр встретил его, ради праздника дал ему три рубля и пригласил еще зайти. Его как гостя усадили за стол. Такого отношения он не ожидал и заплакал, да так, как будто пережил большое горе. Говорит с акцентом: «Плохо», что ему было бы легче, если бы мы «Абдулку наругали», что он не «сэнил» добрых людей, «я у вас сахар „головой“ таскал» (такая голова была на 30 фунтов), «кускам ситца, мыла».

— А кому?

— Жид Матвей да Андронитка. А мне давали за это гроши, да водка. А кчера (вчера) зашел к ним попросить опохмелиться, так мне казали, денег нету, проваливай по добру, — и к этому Абдул добавил: — саксем стыд нету таких людей. А когда Абдулка таскал головам сахар да кускам ситца, Абдулка был карош, любой час ночи двери были открыты, а сейчас...

После этого Абдул ничего не сказал, а вздохнул и головой покачал. Помню, всем почему-то его стало жаль, несмотря на все плохое, что он сделал.

Хочу немного написать о тех порядках, какие существовали в нашем быту. Невесток, или снох, как их называли, приспосабливали к хозяйству. До смерти Петра хозяйством занималась мать (свекровь), а невестки были подсобными помощницами. Этот период совпал с моим первым годом замужества, мне было всего 17–18 лет, а Катя значительно старше, она вышла за Александра 20 лет. Работу по хозяйству вели понедельно, вставать нужно было рано даже зимой, а летом — с восходом солнца, а то и до восхода, чтобы к завтраку и на обед было готово все, чтобы не отстать и со всеми успеть на полевые работы во время уборки урожая, а до этого — чистка и прополка сорняков на полях и огородах, дел не пересчитать. В деревне в то время одна работа погоняла другую, так что всю не переделать. Если и жила когда помощница, невестки должны были вставать раньше нее.

Старая кухня находилась в конце большой ограды, в ней огромная русская печь, на которой беспрерывно сушилось зерно на мельницу для помола. За этим следил дед, воро-

шить его нужно было несколько раз в день, а он и ночью не поленится и слазит на гобчик. Мама говорила, что в старину русская печь иногда заменяла им баню, и она своих первых детей мыла в ней. На всю жизнь осталась в памяти эта кухня. Одну-две квашни в день нужно было выпечь. В печь за раз входило четыре больших листа пшеничных ленских шанег или пирогов с картошкой или капустой, а когда и с черникой. После них обычно садили булки, ковриги или ярушники из ячменной муки и ставили чугунки на обед и ужин по надобности.

Помню, я долго не могла приспособиться к опольной чашке — в ней опалывали ржаные ковриги или ярушики. Нужно было как-то по-жонглерски подкидывать чашку с тестом в воздухе, чтобы оно поворачивалось и закруглялось в определенную форму, а у меня по неопытности иногда тесто мимо чашки на пол падало. Зато выкатывать, выхлапывать руками любую булочку я могла виртуозно.

Два раза в неделю ставили в печь огромную «корчагу» на квас (другого кваса не признавали) и сусло из солодовой муки. Сусло — это своего рода лакомство, как патока. Из него делали компот с сушеной черемухой и смородиной, зимой из этого сусла взбивали крем, а если добавить сбитых сливок, то получится замечательный пломбир.

В обязанность того, кто вел стряпную неделю, входило, чтобы к утреннему чаю на столе стоял кипящий самовар, а кипятили его в маленькой кухне при доме и бегали утром из той кухни в эту то за посудой какой, то еще за чем. За самоваром иногда досмотрит мама, она любила посидеть за ним, когда он шумит да кипит. Мама говорила: «Из чайника — чай не чай. Пока я жива, кипятите самоварчик». И мы не ленились, кипятили и пили. Бывало, в 20-е годы не только сахару, а чаю не было заварить, обходились брусничником да чагой, а кипящий самовар три-четыре раза в день в свои определенные часы стоял на столе. Сейчас же о самоваре пишут и говорят как о музейной редкости, так же как и о «русской тройке».

Кроме всего, меня страшно угнетала темнота среди населения, с которой приходилось сталкиваться, и я болела душой за все, что видела, и старалась по возможности помочь и объяснить неграмотным и неопытным женщинам. Хотя я и сама малограмотная, но помню, когда училась в школе, лечебники, которые были у матери, для меня были интересными книгами, а потом я уже имела сама несколько книг по медицине, чтобы можно было оказать первую помощь боль-

ному. Книги по детским болезням были с иллюстрациями, даже указывалось, как помочь ребенку, если он неправильно произносит буквы, или показывался прием одного профессора при коклюше, который он советовал применять во время приступа кашля.

Прислушивалась я и к народной медицине. Еще до замужества, живя в 1905–1906 годах у родственников в Бодайбо, я встречалась с маминой сестрой, Степанидой Семеновной Ковалёвой. Я заинтересовалась домашними средствами, которыми тетя пользовалась и которые впоследствии пригодились и мне, — от малярии, от катара желудка, от ожогов и ревматизма и другого. Первым моим пациентом был рабочий-конюх. Дядя, Иван Семенович Дмитриев, у которого я жила, по договору был почтосодержателем. От Витима до Бодайбо было устроено десять станций с разными пристройками для жилья ямщиков и конюшен для лошадей. Несколько конюхов в зимний период жили в Бодайбо в общежитии барачного типа. Среди них один-два были семейные, и их жены за вознаграждение обслуживали весь коллектив: готовили еду, стирали, чинили и шили.

Однажды через одну из таких женщин, которых обычно они называли «мамками», я узнала, что у них в бараке есть тяжелобольной, от которого нет покоя всем — стонет день и ночь, ломит ему кости. Я по этому случаю обратилась к дяде, рассказала, в чем дело, и спросила: «Почему не принимаете никаких мер?» Дядя на это мне ответил, что его увозили в больницу, но он будто бы не выдержал лечения и из больницы ушел. Мне пришла мысль использовать рецепт тети Степы от ревматизма. Я выпросила у дяди спирту, приготовила мазь и попросила, чтобы для него истопили две бани и кто-нибудь его сводил туда (сам он ходил уже плохо), чтобы его там вымыли, прогрели и натерли мазью, которую я приготовила.

После первой же процедуры пришла эта женщина из барака и сказала: «Спасибо тебе, спокой хоть увидели, проспал всю ночь». А то кто-то насоветовал ему клин клином вышибать, то есть простуду выживать простудой. Для этого в кадочку с холодной водой сыпали снег, и в эту шугу он по колено ставил ноги. Вначале они у него онемеют, будто затихнут, а потом кричит да стонет от боли. Через два-три дня больной сам пришел поблагодарить меня. Когда я увидела, что он, взрослый мужчина, делает попытку поклониться мне в ноги, я растерялась, пыталась остановить его, а он, стоя на

коленях, сказал: «Пока жив буду, буду помнить и благодарить тебя».

Такая благодарность для меня была высшей наградой, и мне до боли было обидно, что я не могла и не имела возможности учиться, а могла бы приносить какую-то пользу. Поэтому появилось большое желание хоть чем-то помогать людям. Эта мысль и потом не покидала меня, и я по возможности делала все, чтобы быть чем-то полезной.

Эту мазь с таким же успехом я применяла много раз. Заболела как-то соседка, Домна Семеновна Черкашина, даже по дому ходила на костылях. Муж ее возил в Чечуйскую и в Киренскую городскую больницу, а лучше ей не было. С трудом нашли спирту, чтобы сделать мазь, и после двух процедур она не только оставила костыли, а, на удивление всем соседям, не отставала в работе.

Хочу описать еще один случай, с учителем Ильей Григорьевичем Киселёвым. Несколько лет он страдал этим недугом в тяжелой форме, был на нескольких курортах. Однажды, ожидая пароход, мы встретились с ним на одной почтовой станции. Как старые знакомые разговорились, и я спросила его, как он себя чувствует. «Плохо», — ответил он. Я ему предложила мое испытанное средство. Он усмехнулся — курорты, говорит, не помогли, но рецепт все же записал. Года через два я его встретила в Киренске, в конторе «Комсеверопуть», а работал он, кажется, в Ербогачёне председателем горисполкома. Илья Григорьевич приветливо встретил меня, пожал руку и сказал: «Спасибо, Мария Иннокентьевна, с вашей легкой руки я избавился от болезни».

Наш район по Лене, где деревня от деревни располагались на расстоянии пяти–восьми километров, находился в лучших условиях: поблизости город, больница с одним врачом, а позднее был еще платный врач по вызовам, хотя больные чаще умирали, но не вызывали. Была больница в Чечуйске, недалеко от нашего Банщиково. В ней за 25 лет не было врача, обслуживал военный фельдшер, который сыпной тиф принимал за краснуху. Люди кругом умирают, а он все уверяет, что это краснуха. Это было в 1919 году.

Может, действительно у меня была легкая рука, или люди в меня верили — обращались ко мне в любое время со своими недугами. И я считаю, что мои консультации среди женщин, если их можно так назвать, сыграли какую-то роль.

Опишу, как относились молодые, неопытные и неграмотные матери, а также бабушки к новорожденным детям и подросткам. О чистоте и говорить не приходится, в большинстве случаев ребенок лежал в грязной люльке (зыбке), завернут во что попало и во рту если не тряпка с нажеванным хлебом, то коровий натуральный рог с коровьей же соской, отрезанной от вымени. Обычно старая бабка изо рта подливала в рог молоко, считая, что таким образом она подогревает молоко. Когда же начинали прикармливать ребенка тюрей или кашей, мать или бабка вначале сами брали еду в рот, еще пережевывали, а потом выкладывали на свой грязный палец и толкали в рот ребенку, считая, что ложечкой рот ребенку можно повредить.

Я не видела этого раньше, поэтому пришла в ужас и объяснила, как только могла, о вреде такого ухода за ребенком. Говорила о микробах, которых мы не видим простым глазам, а они, как в муравейнике, живут и размножаются в этом рожке и соске, разбухшей и раскисшей. Они объясняли просто: так, дескать, со старины заведено, да и где набрать стеклянных бутылочек и резиновых сосок. После этого я стала запасать на случай бутылочки и резиновые соски и раздавать молодым матерям.

Также благодаря моим разъяснениям не стали водить роженицу сразу же после родов в жарко натопленную баню вместе с младенцем.

Были случаи, мне и роды приходилось принимать. Обычно я не соглашалась, знала, что буду в ответе за неблагополучный исход, а все равно уговорят, упросят. На мое счастье, всегда обходилось хорошо. Однажды приходит знакомая, Харитина Степановна, она вдова, жила одиноко с незамужней дочкой, умоляет меня из милости сходить к ним. Говорит, Евдокия родила, уже вторые сутки, а послед задержался. Что мне делать, рассудок говорит одно — не могу и не имею право, а совесть подсказывает — как не помочь человеку в беде, хотя бы полезным советом для профилактики. Скрепя сердце иду, беру с собой самое необходимое. Я поразилась тому, что увидела. Больная лежит за печкой на узенькой скамейке, неубранная, на грязных тряпках и, в довершение ко всему, к пуповине привязан грязный чирок (обувь) с соломенной стелькой. А больную уже лихорадит. Я спрашиваю бабку, которая принимала роды, указывая на чирок: «Зачем вы это сделали?» Она спокойно ответила: «Чтобы пуповина в нутро не ушла». Да так привязала крепко, с трудом освободили. «Почему ро-

женица до сих пор лежит немытая?» — спрашиваю ее. Она ответила по старинке: «Роженку треложить нельзя, пока не освободится от места».

Мне стоило большого труда привести ее в порядок, после чего уложили ее на чистую постель, а чтобы спасти ее, выход был один — немедленно отвезти в Киренск к врачу. Я попросила мать, чтобы позвала племянника Аверкия Феофановича, уговорила его, упросила отвезти ее в больницу. Там сделали все необходимое, и больная поправилась. Впоследствии с ней повторилась такая же история, а меня в это время в Банщиково не было, ей никто не помог, так она и скончалась. Вот какие были дикие обычаи в старину, всего не запишешь, была бы целая книга.

Много раз ко мне обращались за помощью с тяжелыми ожогами, которые, как известно, трудно поддаются лечению. Сейчас для такого больного требуются кожа, кровь, схожая по группе больного. При моем лечении большие ожоги заживали сравнительно быстро и, главное, без единой коросты. Сейчас прошло много лет, и еще один мой больной благодарит за «спасение» его жизни.

Опишу культурно-просветительную работу, которая проводилась в Банщиково нашей семьей и другими жителями деревни. Односельчане с большой охотой взялись за самодеятельность, чтобы по-культурному использовать осенние и зимние длинные вечера. Такое общение для всех нас имело большое воспитательное значение, поэтому о нашей работе на селе я хочу написать более подробно.

Первые спектакли мы ставили в школе — «Женитьба», «Не так живи, как хочется», «На пороге к делу» и другие. На первое время были простая бревенчатая изба и горница, сделаны щиты двухсторонние и дешевенький занавес. На каждую постановку требовалось разрешение от полиции. При заявлении на постановку необходимо было указать пьесу, имена и фамилии тех, кто участвует в ней, сообщить, в чью пользу пойдут собранные средства, а также после каждой постановки — написать отчет. Кроме того, не разрешалось принимать никакого участия ссыльным.

В пьесе Островского «Не так живи, как хочется» я играла роль Даши и попала даже на страницы газеты «Восточное обозрение», где писали, что в селе Банщиково Киренского уезда силами местных жителей поставлен спектакль по пьесе Островского «Не так живи, как хочется». Спектакль, пишут, прошел с большим успехом, играли все хорошо, «а особенно

хороша была в роли Даши М.И. Дмитриева». Эта была моя первая драматическая роль. До сих пор жалею, что не сохранила этот номер газеты[56].

Перед нами встал вопрос о приобретении своего «Народного дома» (в школе тесно да и неудобно), а поскольку такого названия еще не существовало, то назывался он, кажется, «клубом». На вырученные от постановок и часть пожертвованных денег купили в центре деревни дом. Второй дом с перевозкой купили в Горбово и поставили с таким расчетом от первого, чтобы между ними разместить публику — десять рядов, и даже выкроили маленькую галерку. Стульев не было, обходились скамьями, которые были с небольшим возвышением. Боковые пустые стены «партера» были хорошо заделаны, и все здание заканчивалось общей крышей. В доме, который был перевезен, размещалась комната для чтения, где оборудовали небольшую библиотеку, иногда был буфет, вернее, чай с булочками, как премия бесплатная к билету.

После постановок устраивали танцы, интересные игры. На разные выдумки были мастера Александр Дмитриев, я и другие не отставали, потому публики было много, и многие ехали издалека. Все отдавали свой досуг с охотой, но не помню, чтобы кто из нашего драмкружка приходил на репетицию пьяный или выпивший. Сезон открывался осенью, когда заканчивалась вся работа по хозяйству.

Деревня от деревни расположены близко, желающих много, но у многих было затруднение с деньгами. Драмкружок принял решение проводить генеральную репетицию как спектакль — в костюмах, полном гриме и соответствующей

---

[56] Упоминаемая автором заметка о спектакле была опубликована в газете «Сибирь» 30 ноября 1911 г. В ней сообщалось: «С. Петропавловское, Киренского уезда. 13 ноября в соседнем селе Банщиковском, Подкаменской волости, любителями сценического искусства был поставлен в пользу местного училища платный спектакль. Поставили „Не так живи, как хочется“, драму в 3 действиях Островского.

Все любители артисты умело провели свои роли. Хороша была в роли Даши М.И. Дмитриева. Недурен был в роли Васи г. Дранишников. Содержательница постоялого двора — Дауркина, Афимья — П.Н. Дмитриева и остальные любители содействовали успеху спектакля.

Спектакль привлек много публики и дал полный сбор. После спектакля, как водится, начались танцы.

Деревенский театр у нас постепенно завоевывает симпатии публики. В конце ноября готовится к постановке в с. Чечуйском „Жена с того света“, а на святках в с. Петропавловском предполагается поставить при участии деревенской молодежи „Не в свои сани не садись“ Островского».

обстановке на сцене, но бесплатно. Молодежь и старики собирались как на праздник.

Нашелся среди Дмитриевых и свой художник. Было сделано несколько декораций: от простой бревенчатой избы до лучшей в деревне (то есть побеленной и под обои), был фасад приличного дома, веранда, лес и прочее. Не знаю, чего было больше у нас — смелости или отсутствия ответственности за правильное понимание постановки, но публика принимала нас хорошо, переживала происходящее на сцене, вплоть до того, что многие не могли удержать своих слез. Среди артистов хочется отметить Александра Степановича Дмитриева, Петра Степановича Дмитриева (Коришневский), Аверкия Феофановича Инешина, Иннокентия Петровича и Иннокентия Васильевича Жарниковых, Агафью Егоровну Зарукину (Агаша), Пелагею Николаевну, Степана Константиновича, Николая Дмитриевича Дмитриева (Щукиных), да всех не перечислить.

Были поставлены спектакли «На бойком месте», «Не в свои сани не садись» и другие пьесы А.Н. Островского, драма «Вторая молодость» (эта вещь шла на сцене в больших городах), «Власть тьмы» Л.Н. Толстого, «Дети Ванюшина», «Каторжник», «Слепая любовь», «Тяжкая доля» и прочие. На последнюю вещь нам пришлось пригласить артиста-любителя из села Петропавловска, за 35 километров от Банщиково, псаломщика по фамилии Переверзев. У него был замечательный голос, баритон, подошел он и по наружности, и ростом. Я о нем думала, что со временем, может, будет знаменит, как Шаляпин.

Один раз пришлось подать телеграмму в Иркутск на имя генерал-губернатора, в которой просили разрешение на участие ссыльнополитического в спектакле «Без вины виноватые». Мы думали, если в Киренске недооценили нашу работу, то, может быть, в Иркутске поймут.

Речь идет о ссыльном по фамилии Особа. Нам почему-то странной казалась его фамилия, и жил он как-то обособленно, редко встречался с товарищами, всегда грустный, но красивые у него были глаза и вся его внешность. Оживлялся он, лишь когда говорил о театре. У нас к этому времени был уже неплохой драмкружок. С участием товарища Особы стали готовить пьесу Островского «Без вины виноватые». Он репетировал Незнамова. Нужно было видеть, чтобы понять его состояние. Он как будто ожил. Исчезла отчужденность, появилась уверенность, и нас заверил, что дадут разрешение на постановку с его участием, как профессионала, тем более в такой глуши, где силами местного населения могут

ставить такие вещи. По-видимому, и товарищ Особа счел нашу игру неплохой, если сам изъявил желание принять участие в пьесе.

Чтобы не подводить под неприятность наш драмкружок, а тем более товарища Особу, в заявлении указали о нем и просили дать разрешение на его участие. Из Киренска получили отказ в категорической форме. На этом не успокоились, подали телеграмму в Иркутск на имя генерал-губернатора, и от него получили такой же ответ. Отказ этот восприняли болезненно все, а товарищ Особа тем более, даже не стал заходить на репетиции. Снова подчеркнутая обида, замкнутость. К тому же товарищи говорили, что у него туберкулез, приобретенный в тюрьме. Вскоре он уехал. Вот небольшая история одного из товарищей ссыльных, отбывавших ссылку в наших краях.

Наш драмкружок соревновался с чечуйским кружком, организованным позднее нашего (им руководил Бочаров, начальник почтовой конторы)[57]. У нас всегда и народу было больше на постановках, и сборы выше, и сам по себе коллектив спаянный и дружный. Поэтому когда коллективы посещали друг друга, мы приезжали к ним организованно, сразу на нескольких подводах, а они — всяк по себе. Билеты покупали накануне на два-три ряда, чтобы быть всем вместе.

Та памятная поездка совпала с Масленицей, а потому настроение у нас у всех было хорошее, праздничное. Здания у них не было, ставили в школе. Не знаю по каким соображениям, но возможно, не без умысла, чтобы проверить «кое-кого» и подчеркнуть перед нами свои «патриотические

---

[57] В газете «Сибирь» 31 марта 1911 г. был помещена небольшая заметка, сообщавшая о постановках спектаклей в селениях Чечуйском и Банщиковском: «С. Чечуйское, Киренского уезда. Местными любителями дан был спектакль. Поставлены были сразу три чеховских водевиля: „Жених“, „Трагик поневоле“ и „Юбилей“. Сошел спектакль хорошо и живо. Играли для любителей весьма недурно, настолько недурно, что лучшего и ожидать было трудно. Накануне спектакля на генеральной репетиции, устроенной при полной обстановке, присутствовало бесплатно много местных крестьян, которые остались, насколько можно было заметить, очень довольны развлечением. Несколько дней спустя поставлена была „Женитьба“ Гоголя в с. Баньщикове. Но там спектакль сошел менее гладко, хотя и привлек массу публики. Вообще, нужно заметить, что местная интеллигенция употребляет немало усилий и принимает все доступные ей меры, чтобы всколыхнуть стоячее болото глухой, мертвой обывательщины и дать народу доступные и разумные развлечения. Остается только пожелать ей полного успеха на этом пути и сказать ей искренное спасибо за то, что она делает!»

чувства», когда открыли занавес, хор артистов и несколько человек-чечуйцев исполнили гимн «Боже, царя храни». Мы не ожидали такого выступления, и как-то получилось, что «демонстративно» не встали. А те из публики, кто встал, видя нас, сидящих в первых рядах, тоже сели, и получилось, что к концу исполнения гимна почти все сидели. Такая демонстрация могла закончиться серьезными последствиями, и в первую очередь для нашей семьи. Позднее пристав вызвал на допрос Александра и еще нескольких лиц. При обвинении они ссылались на то, что многие не встали. «Это не отговорка, — сказал пристав, — и не оправдание, что кто-то не встал, а вы должны были встать первыми и показать пример другим». Вся эта история была неприятна не только для нас, но и для властей, поэтому дело постарались замять. После этого чечуйский драмкружок поставил еще два спектакля и прекратил свою деятельность. Но нашим после той истории неудобно было к ним ехать.

Во время Первой империалистической войны наш драматический кружок принимал деятельное участие в помощи Красному Кресту. На вырученные от спектаклей деньги покупали бельевой материал и общими силами шили белье. На фронт отправляли кроме белья варежки, чулки, платки, кисеты с махоркой. Желающих помочь было много. Когда наш кружок обратился к населению с предложением организовать беспроигрышную лотерею, поступило много предметов своего изделия: выпиливали из дерева рамки, полочки, шкатулки и были даже работы по трафарету красками.

Как сложилась дальнейшая судьба Александра Дмитриева? Я уже писала о первой жене Александра, Кате, но хочу еще раз подчеркнуть их взаимоотношения между собой и со всей многочисленной семьей. Свекровь была исключительно хорошим человеком и золовки неплохие, а было их четыре. В шутку они называли себя «золовки-колотовки, воду мутят, а мужу жену бить велят». А на самом деле было все наоборот, никогда никаких ссор, скандалов, за исключением Кати. Она одна была чем-то недовольна, ее мучила ревность, ей все казалось, что Александр мало уделяет ей внимания. Я не помню, чтобы в свободное время она взяла книгу в руки (мало чем интересовалась), а обычно шила, перешивала, гладила. Редко проходила неделя-две, чтобы она не отсиживалась в своей комнате как затворница, а Александр, подчеркивая свою бесхарактерность, приносил ей в комнату завтраки, обеды. У нее все это вошло в привычку, а в нашей семье на это смотрели так: милые бранятся — только тешатся. Иногда

она уезжала или уходила к своим родным в Подкаменку, это от нас 12 километров.

Последний раз Катя уехала, но Александр за ней не поехал. Она хотела повлиять на него, написала письмо, чтобы он приехал за ней или пусть пошлет ее вещи. Он так и сделал. По-моему, на него оказала влияние его двоюродная сестра, Александра Дмитриевна. Она была энергичная, смелая и смотрела на жизнь с современными по тому времени взглядами, они всегда и во всем находили общий язык с Александром. Так и разошлись, как говорят, как в море корабли. А когда-то, помню, он говорил: «Моя лампада зажжена нерукотворною рукою».

Старинная пословица, «если бы знать, где упасть — соломки бы постелил». Я так думаю: не дала бы я согласия, хотя почти против своего желания это делала, хотела помочь одной женщине выйти из тяжелого положения, сложившегося в их семье, тогда, возможно, и не закончилась бы такой трагедией жизнь Александра. Женщина эта, Устиния Алексеевна, — банщиковская, а когда-то жила в Бодайбо, работала кухаркой. Выходила замуж, но неудачно, осталась без мужа и растила дочку, потом выехала в родное село и снова вышла замуж, за вдовца В. Конст[антиновича], тоже Дмитриева, который имел от первого брака пять человек детей. Сын и дочь, старшие, уже работали и жили отдельно, а от второго брака родились еще две девочки. В семье шел разлад из-за ее первой дочери, Нади. Всем казалось, в том числе и отчиму, что эта Надя на особом положении, что мать ей даст и поспать подольше, и покормит ее получше.

Пришла как-то Устиния Алексеевна к нам в конце страды, вся в слезах, не может слова выговорить, умоляет нас взять ее Надю к себе, вроде как в няни. Платы, говорит, за нее никакой не надо, в вашей семье ей плохо не будет, а у меня за нее душа будет спокойна — мне, говорит, надоели скандалы. Кто мог знать, что будут такие последствия? Как говорят, не из тучи гром. Я Устинии Алексеевне сказала, что мне няня сейчас не нужна — Пана[58] уже подрос, да и Наде не интересна эта работа, и кроме всего, нужно спросить маму, согласится ли она? А мама пожалела Устинию Алексеевну и сказала, что не разорит Надя нас, но бесплатно мы не согласны, будем платить что положено — подарки и обувь, а потом, может, устроите Надю, как вам будет

[58] Сын Марии Иннокентьевны Степан, 1912 года рождения.

лучше. На этом и решили, а через час Надя с узелочком пришла к нам.

Мы ее и до этого знали, она иногда приходила за образчиками для рукоделия или просила меня что-нибудь скроить или показать, как сшить. Может, поэтому она быстро со всеми освоилась, привыкли и мы к ней. Любила почитать или послушать, когда читали бабушке вслух. По внешнему виду — привлекательная, всегда аккуратная, хорошие глаза, ресницы и брови. Из подростка как-то быстро превратилась в девушку. Во всякое дело с охотой вникала, всему научилась, но все это мы делали с ней вместе. Матери так же аккуратно платили деньги, но не шесть рублей как вначале, а восемь.

Один раз пришла ее мать, как мне показалось, чем-то недовольная, и сказала, что за эту цену она не согласна: «Если будете платить 15 рублей, как получают повара на пароходах, тогда Надюшка пусть живет у вас». Я на это ответила: «Нам повара не нужно, утром к русской печке я встаю сама, а остальную работу мы делаем с ней вместе. Вот, как видите, даже пол моем обе (мы мыли полы в это время), а я бы могла этого не делать. Надю мы не держим, устраивайте, как вам лучше».

Я ушла, мать и дочь остались вдвоем, а когда я вернулась, Устинии Алексеевны уже не было. Надя плакала и говорила, что ей трудно уйти от нас, что она привыкла, как к родным. Я этому не удивилась, не первый случай, и до нее кто жил у нас — всегда расставались как родные. Я ценю это хорошее чувство в людях. И сейчас, где бы я ни жила, у меня всегда остаются друзья.

Не прошло после этого случая года, Александр объявил своей матери и ее, что они полюбили друг друга на всю жизнь, и получил на этот брак согласие. Что поделать, если «любви все возрасты покорны»? Должно быть, эти крылатые слова будут жить во все времена. Так и тут произошло, несмотря на разницу лет. Он, конечно, не был старым, а, наоборот, выглядел в то время моложе своих лет. Так прожили ни много и ни мало девять лет, детей не было, племянников любили, особенно Кешу. Вместе работать, вместе рыбачить. Почему же закончилось все это такой трагедией?!

У Нади была задушевная подруга Васса, это дочка Ивана Ивановича и Соломониды Акимовны, уж очень скромная. Старшие их четыре дочери были замужем, две из них жили в Киренске: одна за капитаном парохода, а вторая, Анна Ивановна, — за начальником почтового отделения. Васса иногда ездила к ним погостить и там познакомилась с Григорием

Кухарским, работал он на телеграфе. Он сделал ей предложение и просил стать его женой. Родители ее и сестры дали согласие на этот брак и стали готовиться к свадьбе.

В назначенный день приехал жених. На девичник была приглашена и Надя как близкая ее подруга, а свадебный вечер отводили у Кухарских в Киренске. Поехали туда с родственниками, как свадебный поезд, на нескольких подводах, наверное, в конце февраля. Помню как сейчас Надю, она такая восторженная, со вкусом оделась, что шло ей больше, и обратилась с вопросом: «Ну, как, хорошо?» Александр посмотрел на нее с улыбкой, довольный ее видом, и сказал: «Смотри, Надюшка, как бы жених в тебя не влюбился». Она улыбнулась с присущим женщине кокетством и ушла. Но почему-то мне эта фраза, сказанная Александром, показалась роковой.

Назавтра Надя, довольная, рассказывала, как прошел хорошо и весело вечер, что «жених уделял внимание больше мне, чем своей невесте». Я подумала так: Надя умела петь и плясать русскую с задором, а Васса уж очень застенчивая, не в сестер и не похожа на родителей. Они в компании были незаменимые, первые запевалы, хотя много в селе было людей с хорошими голосами. Отпраздновали свадьбу в конце февраля, а весной Васса писала, что ее брак — большая, непоправимая ошибка, и ко всему еще беременность, если она от нее избавится, им лучше всего разойтись. А кончилось неудачным абортом, и она скончалась. Все это произошло быстро и неожиданно, ее гроб привезли в большом баркасе в Банщиково на похороны. Для всей семьи это была большая утрата, сколько было пролито слез, пришлось хоронить самую младшую из детей, и так неожиданно.

Надя во время похорон там помогала, но не чувствовалось, чтобы она переживала неожиданную смерть своей подруги. Кухарский же, в высшей степени негодяй, по-моему, тут же, на похоронах трагически скончавшейся молодой жены, объяснился в любви ее подруге Наде. Между ними завязалась переписка, был обсужден план «побега» (не ухода, как обычно сейчас делают, а именно побега) и как это лучше осуществить. Слухи эти дошли и до нас, знала об этом и бабушка, не знал только муж. За все прожитые девять лет я не помню между ними ссоры, а также и с остальными членами семьи, хотя как-то незадолго перед ее отъездом был такой случай.

У мамы в прирубе (кладовка) лежала свернутая рулоном вытканная ею дорожка. Надя без разрешения взяла ее и по-

ставила в свой гардероб, а также новую, только что сделанную перину. На мой вопрос, почему не на кровать, она ответила, пусть лежит тут до нового года. За дорожку мама обиделась: «Я ведь, — говорит, — еще живая, могла бы спросить», и взяла ее обратно. После этого Надя устроила скандал: «Если бы, — говорит, — взяла Мария, все было бы хорошо». Александр, по-видимому, хотел ее поддержать, а чем-то досадить мне и Николаю. Мы были в комнате, Александр подошел и вызывающе спросил: «А ты знаешь, что Мария собиралась уехать с К.?» «Да, знаю, — ответил Николай, — слышал это от них лично и даже давал согласие на это, если бы это принесло счастье ей. Но она этого не сделала». На этом и закончился разговор. Они рассчитывали посеять между нами разлад, но я не услышала и слова упрека, а Александра это даже удивило, что Николай отнесся к этому спокойно. Я ценила и ценю в характере Николая эту черту.

В начале декабря 1925 года были самые короткие и морозные дни. Николай работал в интегральном товариществе, Александр дома по хозяйству. В такие дни подвозка сена с острова Елового за 20 километров была трудноватой. Чтобы успеть за день вернуться вовремя к вечеру, выезжали из дому, часов не было, но, надо полагать, часа в три ночи. Помогал сосед со своей лошадью, а в следующую поездку так же Александр помогал ему.

Мы с Надей хозяйничали по заведенному порядку: если ее неделя скотная, моя — стряпная, и так чередовались. Эта поездка за сеном совпала с ее стряпной неделей, значит, ей и готовить с вечера завтрак посытнее и чтобы взять с собой — там перекусить.

В назначенный день поездка не состоялась — заболел его спарщик, И. Жарников, отложили на завтра. За обедом Александр сказал: «Однако я после обеда прилягу отдохнуть. Надюшка мне не дала уснуть, все бегала да будила, боялась, что просплю». А она, не смутившись, сказала: «Беспокоилась, подогревала тебе завтрак, — и добавила, — может, с холодным еще наездишься».

Не знаю, кто обратил на это внимание, а я поняла, в чей огород она бросила камешек. У меня от этого даже защемило сердце, значит, она накануне отъезда. Как к этому отнесется Александр? А может, смирится и учтет — все же он ее намного старше. Как всегда, меня мучила вечная моя бессонница, но потом уснула, и ни я, ни мама, ни Николай, никто не слышал — когда, в какое время Александр уехал. Наверное, вскоре после этого и она уехала в противоположную сторону,

к Кухарскому. Вот, думаю, почему она предыдущую ночь не спала и не давала уснуть Александру. Сборы, побег, да ямщика, с которым они с матерью договорились, нужно было предупредить, что поездка не состоялась.

Утром, когда я проснулась, меня поразила тишина, а обычно, моя комната рядом с кухней, через стенку все слышно. Я взяла спички, дверь в их комнату открыта, койка заправлена, но подушка одна. Пошла в кухню, зажгла лампу — никого. Русская печь и плита протопились давно, не осталось даже уголька. Я в дом, слышу, плачет мама, она тоже почему-то зашла к ним в комнату — Надиного ничего нет. «Буди, — говорит, — хоть Колю». «А что я теперь смогу сделать, — сказал он, — она, может, половину пути проехала». Все же, может, было лучше Александра предупредить об этом, но она могла сказать: «Это они нашу жизнь хотят расстроить и обвинить нас».

Я растерялась, не знала, за что браться, что делать. Старшие дети учились, дома их не было, но как-то справилась, одну работу за другой все сделала и даже полы везде помыла. Мы еще не обедали, это обычно в 12 часов, а возчики вернулись с сеном, а обычно только в три-четыре вечера, значит, она отправила Александра с полночи.

Помню, Кеша испуганный прибежал ко мне в комнату со слезами: «Мама, дядя Саня приехал». Следом за ним и он заходит, положил тулуп и быстро прошел в свою комнату, потом к маме и спросил: «А где Надюшка? Почему ты плачешь, мама?» Она с трудом сказала: «Да ведь Надя-то уехала к Кухарскому». Он не поверил и даже зло сказал: «Не может этого быть, пойду спрошу ее мать». А что могла сказать мать — заплакала: «Я, — говорит, — ни сном ни духом ничего не знаю», а сама ее провожала. Вернулся домой, заложил дверь в свою комнату, дал волю своему горю и слезам, плакал как по покойнику, а Кеша плакал у дверей, рыдая, просился к нему в комнату.

Прошло три дня, а Александра никто не видел, за это время передумали все. А он получил от нее письмо через того же ямщика, в котором она пишет, что совершила большую ошибку, что Григорий ужасно грубый, уговорил ее приехать к нему, наобещал всего, а не заплатил даже за подводу ямщику, с которым она договорилась за 25 рублей, иначе он не соглашался везти ее (что могла быть за ними погоня и чем бы кончилось все, неизвестно). Ясно, почему Григорий не согласился платить 25 рублей, когда это стоило всего пять рублей.

После такого письма Александр повеселел, как будто вернулся к прежней жизни. К этому письму он делает приписку брату Николаю, просит 25 рублей, чтобы уплатить Михаилу Егоровичу, который воровски увез его же жену к любовнику. Получается какой-то абсурд.

Его советчицей в делах была тетушка Груня. Надя вызывает его на свидание в Киренск, встретились они у его сестры Любовь Степановны. С ее слов, Надя так обрадовалась приезду мужа, что даже обняла лошадь Карьку, нашу доморощенную. Отъезд свой объяснила тем, что надоело жить в деревне. И действительно, нужно было раньше начать жизнь по-другому, у них появился какой-то план на будущее.

Александр написал письмо брату Ивану Степановичу во Владивосток о своей трагедии, если можно так выразиться, с просьбой помочь выйти из этого положения. Брат дал согласие на приезд и перевел деньги на дорогу. Начались сборы и подготовка плана к побегу, как лучше его осуществить. Отмечалась у работников почты и телеграфа какая-то дата или просто коллективный вечер, Кухарскому в 12 ночи нужно было идти на дежурство, а Александр приехал за день, вернее, днем до этого вечера. Остановился не у сестры, Любовь Степановны, а у двоюродной сестры, тоже учительницы, жила она у Полоя, адрес ее Кухарскому не был известен. Надя к этому времени сумела перетащить все свои вещи за исключением крупных, таких как перина, подушки, одеяло.

Александр в деревне Ворониной договорился со знакомым и надежным человеком насчет лошадей, с ним и подъехал к квартире часов в 11 вечера, лошадей в сбруе поставили в конюшню, чтоб потом завести только в оглобли.

Позднее с этим человеком я встретилась на Севере, в Якутске, в 1945 году, у Заболотских. Он был там уже большим человеком. Кеша Заболотский предложил ему рассказать об этой поездке, и он немножко со смешком рассказал: «Много я перевозил пассажиров, а такой случай был впервые: муж перехитрил любовника и украл жену обратно. На мой взгляд, она даже не стоила того, — прибежала взволнованная, в сопровождении знакомых, истерическим голосом, даже здравствуйте никому не сказала, кричит: „Где у вас лошади? Еще ничего не готово, а за мной может быть погоня“. Александр Степанович ее успокоил: „Все готово, через десять минут будем в дороге“. Просили только погонять лошадей». Кто присутствовал, высказали свое мнение, что от такого человека, как Александр Степанович, не ожидали такого поступка, и

удивлялись такой безумной любви, а в конце, может, поруганная честь заговорила, и решил разом покончить, чтоб не мучила совесть его — за поступки жены.

На этом вечере почтовиков после ужина Кухарский подошел к Дементию Ивановичу, он был начальником почтового отделения, и к жене его, Анне Ивановне, сестре умершей жены Кухарского, и просил Надю проводить до дома. Они его заверили, что проводят, а на самом деле они знали, куда нужно было ее проводить. А у Нади, по-видимому, от успехов закружилась голова, можно сказать, свадебное путешествие за семь с лишним тысяч километров, тем более что она дальше Киренска нигде не была.

Вскоре после их отъезда до нас дошли такие слухи, будто бы Кухарский получал с дороги от нее телеграммы: «Еду, скучаю, не могу забыть». Мы думали, может, болтают люди зря, а потом Александр это подтвердил, как и то, что подавал эти телеграммы сам. В этом он признался тете Аграфене, когда она его об этом спросила.

Дорога неблизкая, мне пришлось для них заготовить продуктов, пельменей и прочего. Уехали они, по-моему, в половине февраля, а в начале марта Николай по работе интегрального товарищества был в Иркутске. Незадолго до его отъезда в обратный путь получил от брата Ивана Степановича из Владивостока телеграмму такого содержания: «Надя повторила побег Кухарским препятствуй их встрече Иркутске».

По расчетам Николая, Александр должен бы уже приехать, а прошло три дня, прежде чем он явился, и на вопрос брата: «Где твои вещи?» — сказал: «Я приехал уже как три дня, устроился с Надюшкой на квартире». От такой неожиданности Николай даже не знал, что ему сказать, только подумал: «Куда еще хуже-то этого», и спросил: «Что думаете предпринять дальше?» Александр сказал: «Я думаю вернуться домой, а Надя хочет поступить на курсы кройки и шитья, а потом приедет ко мне».

Если хорошо разобраться, на мой взгляд, как можно вернуться обратно, где все тебя знают, где все будет напоминать о твоем позоре? Брату Николаю нужно было настоять, чтобы Александр и она оба устраивались в Иркутске, это единственный выход из их положения. Хотя гарантии нет, как поведет себя Надя.

Что же произошло за это время во Владивостоке? По-видимому, и Кухарский, безумно влюбившись в Надю, поехал по последней зимней дороге или первым пароходом за своей возлюбленной, преодолев такое расстояние по тому времени.

История — хоть на экран, в кино. Жил, наверное, в гостинице, где они встречались, она немного приобщилась к городу и опять сумела вещи, какие еще у нее были, перетаскать. И абсолютно никто ничего не заметил. В семье Ивана Степановича в определенные дни ходили в баню, братья Александр и Иван только что вернулись, с ними в прихожей встретилась Надя в пальто, шляпке, в руках сумка и сказала, что тоже идет в баню. Иван Степанович ее предупредил: «Мы будем тебя, Надя, ждать обедать» — у них уж был такой порядок. А они с Кухарским, может, и это учли, пусть, мол, ждут тебя, а в это время отходит поезд, и мы будем в дороге.

Ждали ее возвращения час, полтора, а ее все нет. Тогда Александр Степанович, наученный горьким опытом, посмотрел ее вещи — их не оказалось. Он, конечно, растерялся, был ли он возмущен ее поступком, было ли это удобно перед родственниками, которые ему говорили, что нужно иметь в конце-то концов какое-то самолюбие, что она до этого оправдывала свой поступок тем, что не хочет жить в деревне, а сейчас еще ухудшила положение, и без того плохое.

Назавтра от нее телеграмма такого содержания: «Еду Григорием чувствую непреодолимое отвращение прости вернусь твоя Надя». Брат Иван Степанович и жена его Александра Алекс. взяли с него слово, что он не будет ей отвечать, что нужно покончить с этим. Он с ними согласился. Пришла еще одна телеграмма и следом третья: «Если не выедешь Иркутск кончу жизнь самоубийством».

Александр стал просить брата, чтобы тот дал денег на выезд домой, что к городу ему трудно привыкнуть, что любит свою мать и будет помогать брату растить большую семью. И еще дал слово с Надей в Иркутске не встречаться. Вот поэтому-то Иван Степанович и подал такую телеграмму брату. Где, у кого они жили в Иркутске, а деньги нужны на каждый день, и Александр еще раз обратился за помощью к брату, чтоб деньги перевел на Николая, а получил такой ответ: «Надины капризы стоят дорого денег нет».

Николай уже собирался в обратный путь и обеспечить деньгами тоже не мог: если купить на семью обуви по одной паре — сколько нужно, а из подотчетных денег никто не брал, как бы ни было трудно.

Когда Николай Степанович поехал в командировку в Иркутск, поселковый Совет дал справку, что за отсутствием в семье трудоспособных и учитывая работу Н.С. Дмитриева, ему разрешается взять в семью постороннего человека. К нам перешел жить Власий Васильевич, он ходил по людям от

одного к другому, у него был единственный сын — пьяница и скандалист. О Власии Васильевиче у нас у всех сохранилась хорошая память, хороший он был человек и рыбак заядлый, в любое время, не зная устали, готов был ехать на рыбалку. Иногда во время уборки хлеба, а работали допоздна, он часов в пять с неизменной трубочкой во рту скажет: «Иннокентьевна, однако должна быть рыба, поедем своей семьей, тони три-четыре закинем?» Быстро ставим суслоны — и домой, забираем невод, все необходимое — и на матушку Лену. Заходим до конца острова и тоня за тоней — к Дунаю, а время позволит да рыба заманит, протянем и до Бобошихи. Вкуснее ленской рыбы нет, и не было ухи вкуснее, чем у костра на берегу.

Незаметно пробежало время после приезда Николая Степановича. Подошла сенокосная пора, и он хотел просить отпуск на несколько дней, чтобы помочь скосить хоть часть покоса. Ночью мы и не слышали, как приехал Александр, двери обычно не залаживались. Он приплыл в лодке один из Качуга, ехать пассажиром на пароходе было не на что. А Надя, говорит, приедет потом и привезет его вещи.

Настроение у него бодрое, и сразу же начались сборы на покос всей семьей, помощников хоть отбавляй. Моя забота — приготовить им хлеб, сухари да еще из солода квасники. Без кваса на покосе не жили, был там погреб. Так что в самую жару не так хотели есть, как пить. Олега не отпускаю, ему всего пять лет, толку-то от него сколько? А хлеб на него возить надо, а он плачет и ходит за дядей Саней по пятам: «Я там буду помогать копны возить». Дядя его успокаивает: «Поедешь, поедешь, нам два копновозчика нужно». Распределили: Кеша на Игреньке, эта лошадь с норовом, а Олег на Карьке. А Карька часто привозил его не к зароду, а к зимовью или куда захочет.

Сенокосная пора стояла как по заказу — сухая, без дождя, так что справились с этой работой быстрее, чем когда-либо раньше. Приехали бодрые, загоревшие, ребята как воробьи набросились на большую грядку с горохом и кажется, уничтожили разом все. А потом все друг за другом перелезли с сарая на крышу двухэтажного амбара Александра Степановича, который выходил в огород, за черемухой, а она была необыкновенно крупная, кисти большие. Я удивлялась, как никто из ребят не упал с этой крыши. После всего — деревенская баня и ужин за семейным столом. Дымится горячая картошка, уплетают с хрустом свежепросольные огурцы, аппетит у всех — позавидовать можно. Только Александру, по-ви-

димому, было не до еды. Он быстро вышел из-за стола. Как потом мы узнали, до него дошли не совсем приятные слухи. Сообщила ему об этом тетушка Аграфена, а она узнала от Елизаветы Серафимовны, которая приехала из Киренска. Кухарский на этом же пароходе опять встречал свою Надю. Мы об этом еще ничего не знали. После такого сообщения Александру было не до еды и не до сна, утром его дома не оказалось, ночью он ушел и, по-видимому, принял решение покончить с этим раз и навсегда. А мы вначале думали, может, он ушел в Чечуйск на почту, ждет от нее какое сообщение до востребования.

Пошли уже вторые сутки, а его все нет. Мама, и без этого пережившая много, заболела совсем, и все мы с минуты на минуту ждали страшного сообщения. Мне запомнился этот день навсегда. За столом во время обеда все сидели молча и никто почти не ел, как в обычное время. Николай как всегда поспешил на работу, а через несколько минут слышу его шаги обратно по тротуарчику, который был проложен через ограду. Я подумала, сейчас он сообщит что-то страшное, только бы не сказал это сразу при всех. Но он внешне ничем не выдал себя, только сказал: «Я забыл выпить квасу». А квас всегда стоял на столе. Когда стал брать кружку, незаметно положил около моей тарелки маленькую бумажку, сложенную вчетверо.

У меня на коленях сидела Нина, прихварывала, и я, както загораживаясь ею, смогла развернуть эту бумажку и прочитала: «Александр Степанович убил Надю и покончил жизнь самоубийством». Это сообщил по прямому проводу тот же Дементий Иванович, начальник Киренского почтового отделения, который не так давно провожал их в дальнюю дорогу, во Владивосток. По его просьбе это сообщение передала нам жена начальника Чечуйского почтового отделения, которая не посчиталась с тем, что нужно пройти в передний путь и обратно 16 километров, зашла с этим страшным сообщением к Николаю Степановичу на работу, а он принес эту маленькую бумажку нам. Разлетелась страшная весть о смерти Александра, как по радио. Односельчане сочувствовали, переживали это горе с нами, а легко ли матери, на нее страшно было смотреть в это время. «Кому я сделала плохое, — говорила она, — за что Бог посылает мне такие испытания?» Он не посчитался даже с матерью, хотя и знал, что мог ее убить этим. Что удивительно, Надю никто не пожалел, а Александра Степановича, наоборот, жалели все, что она своими побегами то к одному, то к другому довела его до этой трагедии. Кто-то готовил могилу, кто-то поехал

с Николаем Степановичем в лодке в Киренск помочь привести гроб.

В Киренске, как выяснилось потом, Александр не зашел ни к знакомым, ни к родственникам. На Александра Степановича в это время обратил внимание баржевой, или шкипер баржи, которая стояла у берега напротив дома Кухарского. Нужно же быть такому совпадению, этот баржевой чуть ли не с военной службы, а может, с Усть-Кутского фронта в отряде партизан, точно не помню, знал Александра Дмитриева. Он потом, при поднятии трупа, дал показания милиции, что он его узнал и обратил внимание, что Дмитриев волнуется, то, говорит, фуражку снимет, то наденет, то подойдет к дому напротив, то обратно к реке.

Показания со слов Кухарского: Дмитриев вызвал Надю через сестру Кухарского на берег. Он и сам хотел идти вместе с ней, а Надя его отговорила: «Ты не ходи, а наблюдай в окно». Возможно, Александр убил бы и его.

Из показаний баржевого: Дмитриев пошел навстречу женщине, взял ее за руку левой рукой, правая его рука была в кармане, стал ей что-то говорить, а она, по-видимому, с ним не соглашалась и отрицательно покачивала головой. Тогда Александр Степанович, не выпуская ее руки, выстрелил ей в висок, она упала, а он, откинув полу пиджака, приложил дуло к сердцу. Выстрел был глухой и смертельный, а она еще немного жила и крикнула: «Гриша, спаси меня». Ее доставили в больницу, но спасти было нельзя.

Милиция при поднятии трупа из кармана Дмитриева взяла ее фото и телеграммы, которые она ему посылала во Владивосток. Милиция и без того всю эту историю уже знала, обвинила ее и оценила по достоинству такими словами: «Собаке собачья смерть, а человека сгубила».

Обычно всякое происшествие привлекало к себе любопытных, и на этот раз, как нам передавали, после этих выстрелов все проходящие мимо люди и из соседних домов считали своим долгом подойти к трупам, посочувствовать и все жалели, что она довела его до такого своими поступками.

Я, конечно, не верю, что судьба их такая, что это было неизбежно. Нужно было Александру после первого ее ухода смириться с этим, учесть свой возраст, а время, говорят, — лучший лекарь.

Годы Первой мировой войны — 1914-й, 1915-й, а особенно 1916-й, были бесконечно тяжелыми и длинными, которым, казалось, не будет конца. Но никто не забывал о том, что

там, на фронте, проливается кровь, гибнут под пулями врага наши солдаты. Чувствовался во всем и везде недостаток, жизнь как будто замерла и остановилась на месте, все ждали с нетерпением конца войны. Даже наш драмкружок как-то сам по себе прекратил свою работу, все было не мило, а раньше прерывались только на время полевых работ.

Я хорошо запомнила ночь на 2 марта 1917 года. Первого (14 по новому стилю) был день Евдокии Каплюшницы. Это означало начало весны, начинались капели с крыш. В этот день обычно мы были на именинах у родственницы, Евдокии Степановны, а на этот раз из-за тяжелой детской эпидемии, скарлатины, почти никто никуда не ходил. Была большая смертность, у некоторых умерло по два ребенка, а у Капидоновских, в семье с двумя взрослыми, за год умерло шесть человек.

Я эту ночь просидела без сна у постели тяжело больной Тани. Чтобы сохранить остальных детей, мне с ней пришлось переместиться наверх к тетушке Раисе (на зиму дверь в большую комнату, где летом жили сестры, заделывали).

Раньше скарлатина проходила в очень тяжелой форме. Прививок не делали, и не было хороших лекарств. Эту болезнь боялись так же, как и оспу — осложнение за осложнением, — а у Тани кроме всего еще и дифтерит, температура под 40 градусов. Сошла с шелушением не только кожа, но и ногти с пальцев рук и ног. Таня и сама это помнит хорошо. Врач говорил, что она выжила только благодаря правильному уходу. Я в таких случаях не терялась и принимала меры, какие могла. Прежде всего, чтобы не разлеталась шелушившаяся кожа и не растаскивалась на ногах, под кроваткой лежал половичок, смоченный в сулеме, и такой же на лестничной площадке. Тут же, спускаясь вниз, я надевала другое платье. Может, благодаря этому первые десять дней удалось сохранить остальных детей.

Такая же эпидемия была в 1908 году, а эта, в 1917-м, была последней тяжелой скарлатиной. С приходом советской власти многие болезни отступили, и скарлатина благодаря прививкам и пенициллину не стала такой опасной.

Вот поэтому-то я и запомнила эту ночь. Днем 1 марта в нашем селе Банщиково еще никто не знал о «событиях, которые потрясли мир». А глубокой ночью, когда казалось, что вся деревня спит, я услышала пение, катался кто-то на лошадях, как на Масленице, с колокольцами. Я подумала, что, может, гуляют у какой-нибудь Евдокии на именинах.

Семья в это время у нас была небольшая, а во время

болезни, когда тетя Груня разрешила протопить ее дом (сама она жила у племянницы), чтобы не подвергать опасности остальных, Александр Степанович с женой и ребятами перешли в ее дом. Так что в то время мы были изолированы друг от друга и почти не имели общения.

Меня интересует, кто, какой счастливец первым сообщил эту новость? Возможно, из Чечуйска по телеграфу, а возможно, кто-то ночью приехал из Киренска, потому что днем еще никто не знал, что у нас произошла революция, что царский трон, который держался столетиями, рухнул. Многие ради этого лишились жизни, отбывали ссылку и каторгу. Я в тот момент не могла ни с кем разделить эту радость, мне хотелось крикнуть от счастья во весь голос, куда-то идти, кого-то поздравить, и я заплакала. Бывают такие слезы от радости.

Кто-то из братьев зашел на лестничную площадку и сообщил, что произошло, и то тихо, вполголоса, чтобы не разбудить больную. Не спалось даже старому деду Афанасию, пришел чуть свет, не поленился подняться по лестнице и сказал: «Мария, ты слышала, как народ-то в деревне гулял, катались как на Масляной? Это на радостях. Говорят, царь-то с ума сошел — рехнулся, сам будто бы, по доброй воле отрекся. Война, говорят, довела его до этого». И решил, что все это, может, к лучшему и к добру. Раньше, бывало, ругал за «вольнодумство», что идем «супротив царя и веры», а сейчас даже он с какой-то восторженной радостью сообщил об этом событии.

В 1917 году во время становления советской власти в селе Банщиково Киренского уезда Николай Дмитриев был выбран населением в члены местного Совета. Я не берусь описывать работу Дмитриева. В первую очередь он должен был выполнять задания, поставленные перед ним партией и правительством. На почве этого с теми, кому была невыгодна эта власть, возникли неприятности. (Такое было не только в Банщиково, а повсеместно.) Это была небольшая кучка людей, которая жила надеждой на возвращение «старой» власти. Они организовались и ждали момента, но, зная авторитет Дмитриевых и как к ним относится население, открыто не выступали до момента, пока не почувствовали другую почву под ногами. Это такие, как Афанасий Алексеевич Дмитриев Капидоновский, его друг и приятель по выпивке Николай Васильевич Дмитриев Коришневский, Андронит Инешин и подобные им в других деревнях. Был еще такой Михаил Кованец, не знаю, настоящая это его фамилия или прозвище. Население его недолюбливало, некоторые крестьяне звали его Мишка

Кованец, а кто даже «Иуда-христопродавец». Надо полагать, что он тоже работал шпионом. После Октябрьской революции распродал свое хозяйство и уехал в Киренск. Василий Иннокентьевич Дмитриев по прозвищу Черкес тоже принимал участие в этом и позже как будто участвовал в обстреле пароходов, которые шли в город Киренск с отрядом партизан на подкрепление гарнизона. Из семьи Коришневских такие, как Алексей Григорьевич, который работал капитаном на своем пароходе «Николай», по-моему, не мог писать доносов, поскольку сам иногда оказывал содействие ссыльным, предоставляя им возможность бесплатного проезда на своем пароходе.

В августе 1918 года с приходом на Лену карательного отряда атамана Красильникова Николай Дмитриев был арестован. Из Киренска специально для его ареста приехал на катере Илья Николаевич Бобряков с конвоем в несколько человек. Город Киренск был объявлен на военном положении. При заключении в тюрьму Дмитриев был зверски избит. Особенно старался при этом прапорщик Савинский (как будто учитель) — расправлялся с ним как с человеком, с которым наконец пришлось встретиться и рассчитаться за все прошлое и за его участие в становлении советской власти.

Как погибли товарищи Галат и Леонов в это время, многие знают[59]. В это же время часть жителей Киренска и некоторое начальство устроили в честь такого события богатый гостеприимный банкет для атамана Красильникова и всей его своры. Их чествовали как освободителей от «красной заразы». На этом банкете поднимались бокалы с шипучим вином, сдобренные рукоплесканиями и русским «ура». Во время банкета за столом атаман Красильников занимал первое место и чувствовал себя хозяином положения. Рядом с ним занимала место дама (фамилию не пишу), а по другую сторону Красильникова — ее муж, главный инженер, которому в тот момент временно была передана вся власть или он был ответственным лицом по устройству этого праздника.

Эта дама, которая должна была занимать во время банкета Красильникова, между прочим, была очень интересная женщина и когда-то была близкой подругой Любови Дмитриевой, сестры заключенного Дмитриева. Она хотела использовать свое близкое соседство за столом с Красильниковым,

[59] Председатель Киренского уездного революционного комитета Максим Лукич Галат (1883–1918) и его помощник Гавриил Сергеевич Леонов (1894–1918) были расстреляны в ограде Киренской тюрьмы 8 июля 1918 г.

умело и ловко кокетничала с ним и, между прочим упомянув об арестованном Дмитриеве, спросила: «Правда ли, что ему угрожает такая же опасность, как Галату и Леонову?» В случае подтверждения этого она как будто хотела отказаться от следующего бокала шампанского и не пить за «освободителей». Атаман Красильников на это ответил, что Дмитриева должны были расстрелять после Галата и Леонова, «но, к нашему огорчению, мы сейчас имеем распоряжение о прекращении репрессий» (возможно, этот документ сохранился). Красильников к этому добавил, что он не ручается за жизнь Дмитриева и они могут сделать «это» по дороге в Иркутск.

Вскоре после этого Дмитриев был отправлен в Иркутск с большой партией арестованных партизан, которые шли на подкрепление Киренскому гарнизону на двух буксирных пароходах под командованием Рыдзинского, Стояновича и Алымова. Но атаман Красильников с отрядом белогвардейцев уже занял город, и пароходы не дошли несколько километров, по ним был открыт пулеметный огонь из нескольких засад в районе Подкаменки, Подъельника и выше, где нашли удобные места для укрытия этих засад. Из-за плохой связи и сообщения для многих жителей эта стрельба была неожиданностью. Они в испуге собирали стариков, жен, детей и скот и ехали за несколько километров от Лены в более безопасные места.

Один из этих пароходов как будто наскочил на мель. Арестованного Алымова вскоре привезли под усиленной охраной в деревню Половинку и в назидание всем расстреляли в присутствии всех жителей деревни. Силой заставляли население идти смотреть это страшное зрелище.

В 1920–1921 году с восстановлением советской власти по инициативе Н. Дмитриева был заказан памятник Алымову. При открытии памятника присутствовали члены ревкома товарищи Никольский, Дмитриев и другие. Был согласован с населением вопрос о переименовании деревни Половинки на Алымовку. В честь погибшего Алымова один из жителей деревни Половинки по фамилии Горнаков, по прозвищу Медведь, пожелал присвоить старшему сыну фамилию Алымова. (По своим убеждениям и по работе он пользовался авторитетом, но попал в немилость, женился не на той девушке, между прочим, она была учительница, М. Рапацкая.)

В Иркутской колчаковской тюрьме Дмитриев находился около года. По настоянию и при денежной помощи сестер Зои и Любовь Степановны я поехала в Иркутск, чтобы оказать ему какую-то поддержку в тюрьме. Сама я имела возможность прожить это время у родственников. Эта поездка

для меня была не из радостных. Дома остались дети, самому младшему — год, и бедная старая безропотная мать. Хорошо, что Александр и жена его Надя дали согласие на эту поездку. Одна я, возможно, и не решилась бы на нее при тех условиях.

Почтово-пассажирские пароходы ходили регулярно, по два рейса в неделю, но не в определенные дни и часы. В то время сесть на пароход была целая проблема, поэтому я хочу описать эту поездку и немного написать о моей родственнице по матери, Матрене Степановне Дмитриевой, которая много сделала для меня, да и не только для меня.

Все еще разгружался Киренск, пароходы были заняты перевозкой белогвардейских отрядов Красильникова, и кроме этого ехали с Бодайбинских приисков после расчета рабочие. Ни в Горбово, на станции, ни в Чечуйске пассажиров не брали. Выход оставался один — добираться до Киренска в лодке. На мое счастье, из-за этого же в Банщиково задержалась Матрена Степановна, она ежегодно приезжала на время летних школьных каникул с племянницами, которые учились и жили с ней в Иркутске. В то время они уже опаздывали к началу занятий.

Кроме нас были еще пассажиры. В Горбово на станции ямщики тянуть лодку лошадьми не согласились потому, что некованые лошади, и предложили везти нас по хребтовой дороге в таратайках, которые приспособлены только для верховой езды. В таратайках обычно возят навоз на пашню, они имеют внизу овально-полукруглую форму, а для быстрой разгрузки навоза приспособлены так, что могут сразу же перевернуться кверху дном. При таком устройстве легко можно оказаться под таратайкой.

Утром рано нас в большом шитике перевезли на правый берег Лены, в других шитиках — лошадей и таратайки. Таким необычным показался этот способ передвижения. Стали укладывать свои вещи, а самим проще было бы идти пешком. Ямщики предупредили: где будет получше дорога, поедут быстрее. Кто сел на лошадь, подражая амазонке, кто в таратайку. Я не забуду выражения лица у Матрены Степановны, когда она села на доску, лежавшую поперек этого экипажа. Передвигаясь то вперед, то обратно, рискуя упасть под ноги лошади, крепко взялась руками за бока таратайки и сказала: «Я много лет приезжаю в отпуск на Лену, но таким способом обратно я еще не выезжала». Она обладала каким-то врожденным юмором, как и брат ее, Петр Степанович (Коришневских), и эта маленькая фраза, сказанная ею, вызвала у всех смех.

В общем, до Киренска приключений было много. В Киренске с помощью Ивана Алек. Верхотурова купили билеты до Усть-Кута, дальше до Жигаловой добирались в лодке. Я и Матрена Степановна пошли по деревне искать подводу до Иркутска. На почтовые рассчитывать было нельзя, да их и не было, а проезд большой, ехали в основном сейчас рабочие с приисков целыми транспортами.

Условия крестьянина, который согласился везти нас, четырех человек (я, Матрена Степановна и две ее племянницы-студентки, ямщик пятый; у всех понемногу багажа и продуктов), такие: лошадь его пойдет как с «кладью», а по два человека могут садиться по очереди отдыхать. Расстояние от Жигаловой до Иркутска километров 300–400.

Особенно запомнилась последняя остановка, Хомутово, и знаменитые «веселые горы». Это было удобное место для разбоя и грабежей, и многие лишились здесь своей жизни. По обычаю убитые на том же месте предавались земле и на могилы ставились кресты, которые и сейчас напоминают проезжему о когда-то случившейся трагедии. В 1918 году таких крестов стояло там немало, а нам по дороге рассказывали страшные случаи. Писали об этом и в газетах, что по Ленско-Качугскому тракту в лесу скрываются хорошо вооруженные бандиты, нападают и останавливают по дороге около «веселых гор» целые транспорты. Некоторые из них в масках, берут заложников, пытают, бьют, пока не отдадут деньги или золото. Мы, конечно, тоже боялись, взять у нас хотя и нечего, а напугать могут. Но оказывается, еще за несколько дней до нас военные охранники облавой прочесали весь лес в этом районе и ликвидировали банды, но патрули долго еще охраняли этот тракт. Даже пока мы ехали, встретили не один.

В общем-то мы с Матреной Степановной прошагали эти 300 километров, как по этапу. Меня удивило за эту дорогу невнимание племянниц, ни одна не сказала: «Теночка (так называли они тетю), садитесь вы, а мы пойдем пешком», — а ей было 56 лет. Со мной они могли не считаться, но с тетушкой после того, что она для них сделала и делает... У Матрены Степановны своей семьи не было, замуж она не выходила, она целиком посвятила себя просвещенческой школьной работе и семье брата Петра Степановича, у которого было девять человек детей. Только благодаря ей они могли окончить среднее и получить высшее образование. Матрена Степановна была исключительный человек — добрая, внимательная ко всем. Она дала возможность выучиться не только своим племянницам — Дусе Амосовой, Паше Дауркиной, но и моей

сестре Лёле, которую она тоже взяла на свое иждивение, чтобы не повторилось страшной истории, как с Крешой, бросившейся в 15 лет в прорубь из-за того, что не имела возможности учиться. Она же была первой учительницей в Банщиковской школе, и братья Дмитриевы пошли учиться к ней, как теперь говорят, «первый раз в первый класс».

Запомнилась мне трогательная встреча в 1946 году проездом в Горький с ее бывшим учеником (Николай Степанович), которому было под 70, а ей 80 с лишним. Сколько воспоминаний о прошлом, о молодости и о прожитой, хотя и тяжелой, но не бесследной жизни. Вспоминала Матрена Степановна, как когда-то она за участие в революционных кружках, за маевки тоже не раз сидела в тюрьме, вспоминала неспокойный 1905 год, стачечное движение, забастовки.

В общем, она прожила интересную и содержательную жизнь. Была знакома с профессорами, ценившими ее ум и большие знания и доверявшими ей своих «отстающих детей», с которыми у себя на дому она занималась до глубокой старости. И несмотря на свой преклонный возраст, еще сумела разыскать двух внучек, которые потерялись во время войны на Кавказе, где мать Елена Петровна, ее племянница, работала учительницей и была угнана в Германию; отец погиб в первые месяцы войны. Матрена Степановна долго разыскивала, писала, куда только могла, и все же нашла их в разных приютах. Они для нее были дороже всех, дала и им возможность выучиться и получить аттестаты.

Матрена Степановна не была безразлична как к моей судьбе, так и к судьбе моей дочери Риммы, у которой произошла страшная трагедия во время культа. Муж ее после суда, на котором ему предложили «разойтись» с ней, зашел в тир и застрелился. Матрена Степановна сообщила нам об этом телеграммой, позднее подробно письмом.

В 1921 году у нее же временно жила Зоя Степановна, которая оказалась в тяжелом положении и за свою ошибку поплатилась жизнью. В общем, двери ее дома были гостеприимно открыты для всех «ленских», а для Дмитриевых тем более.

Дмитриев находился в Иркутской тюрьме. В то время эта огромная тюрьма за Ушаковкой была переполнена до отказа. Свирепствовали голод, разруха и тиф, который буквально косил население, а в первую очередь тюрьму. К тифу еще присоединилась «испанка» — новый вид гриппа, от которого, по статистике, погибло людей чуть ли не больше, чем за войну. Раз в неделю в определенные дни я имела воз-

можность передавать Николаю Степановичу продукты и пару чистого белья и принимать от него грязное, которое должна была продезинфицировать или облить для безопасности кипятком. Весь этот период при той обстановке представляется мне сейчас как тяжелый сон, многое забыла и не могу восстановить. Помню, что по приезде в Иркутск я обратилась к товарищу Яковлеву, называли его, кажется, «комиссар»[60]. Впечатление он произвел хорошее — внимательный и вежливый, высокий, светло-русый, с правильными чертами лица, в очках. (Он, по-моему, когда-то отбывал ссылку на Лене.) Из его слов я поняла, что тюрьма после выяснения степени виновности или преступности заключенных постепенно будет разгружаться.

Он же или кто другой, не помню, дал разрешение на право свидания с заключенным Дмитриевым, от чего осталось ужасно тяжелое впечатление. Свидание через две решетки, между которыми ходит конвой, в течение пяти или десяти минут. Всех, с той и другой стороны решеток, человек 40 или более и все в один голос, враз хотят что-то сказать или спросить, а получается невообразимый сплошной крик и рев. Вначале, когда я услышала это еще издали, приняла за шум большой драки. Многие матери и жены плачут, ничего не слышно, ничего не поймешь и не сразу найдешь в этом строю людей в грязных лохмотьях, кого тебе нужно. Казалось, что в этих лохмотьях заедают их вши, а тиф и испанка делали свое дело и разгружали тюрьму. В глазах у всех один только ужас и страх за будущее. Среди арестованных особенно плохо выглядели «каландаришвильцы». Позднее, при ликвидации белогвардейских банд командир партизанского отряда Каландаришвили погиб на Севере. Памятник ему установлен в 30 километрах ниже города Якутска у подножья высокой горы, по течению с правой стороны.

Первое тюремное свидание осталось для меня памятным на всю жизнь. Когда я вернулась домой, рассказала Матрене Степановне, что при такой обстановке ни я, ни Николай Степанович из нашего разговора ничего не поняли и не расслышали. При виде меня от неожиданности на его лице изобразились испуг, радость и удивление. А я вообще говорить громко не могу и не умею, только больше расстроилась после такого свидания.

[60] Павел Дмитриевич Яковлев (1891–1925) — с 13 июля 1918 г. иркутский губернский комиссар. См. о нем: Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. — М., 2005. — С. 25, 81.

Матрена Степановна посоветовала мне сходить к врачу, которого в шутку называла «наш штатный» — все Дмитриевы по приезде в Иркутск обращались к нему. Врач пожилой, очень внимательный, я ему рассказала о своем положении, что не могу громко кричать и плохо слышу. Спасибо, этот врач дал мне справку, что ввиду плохого здоровья Дмитриевой необходимо давать свидания через одну решетку. Он вообще выслушал меня внимательно и сразу же назначил лечение. Вид у меня был как после тяжелой болезни.

В Иркутске в это время было много интервентов, в основном японцев и чехов. Особенно мне запомнились японцы, когда маршем проходили по улицам города Иркутска, — все как по одной мерке, не выше и не ниже, и все как будто на одно лицо. Почему-то мне казалось, что к русским женщинам они относились непочтительно, с презрением. Запомнился такой случай. Мимоходом в строю, поравнявшись с какой-то женщиной, японский солдат сделал ей какой-то жест рукой, сказав при этом: «Кис-кис». Я удивилась и спросила женщину, что это значит? Она объяснила, что они многим нашим женщинам так говорят из-за плохого поведения их с чехами.

Благодаря медицинской справке из трудного для меня положения я вышла и аккуратно, какая бы погода ни была, ходила за Ушаковку в тюрьму в дни передач и свиданий. Тюремная обстановка действовала угнетающе, я все время боялась и ждала, чтобы не сказали: «Такой-то выбыл». Здание тюрьмы было до того грязно и мрачно, да при такой массе народа, как только я сама не заболела и домой заразу не занесла?

В этот период, когда я проходила на свидания, меня иногда вызывали в тюремную контору по поводу каких-либо справок или я сама заходила справиться. Дело Дмитриева переходило по каким-то инстанциям, а подходил, кажется, к концу февраль. Мне дали направление в Контрольную палату, там указан был адрес. С этой бумажкой я обратилась к секретарю, а он мне указал номер кабинета, где за несколькими столами сидели работники Контрольной палаты. Помню, я все обращалась не по назначению. Наконец смогла передать направление кому следовало.

В этом кабинете я почувствовала другую обстановку. Мне не было страшно, как обычно в тюрьме или тюремной конторе. Когда этот человек открыл папку, чтобы ознакомиться с делом Дмитриева, он почему-то улыбнулся и, обращаясь к другим сослуживцам, сказал: «Какое совпадение, — сказал он, — я когда-то бывал в тех краях по реке Лене. Я работал

тогда агрономом, был и в селе Банщиково». Меня это заинтересовало, пожалуй, больше, чем присутствующих. «Народ там, — говорит он, — более развитой, чем в других селениях, душевный, гостеприимный, как у нас на Кавказе (и по наружности, и по акценту он был нерусский) — обязательно зарежут барашка, чтобы угостить гостя шашлыком. Остановился я на земской квартире в этом вот Банщиково. Заходит пожилой человек, знакомится и просит проехать вместе с ним по полям, чтобы я дал советы насчет земли, удобрения и какие культуры зерновых более пригодны при тех условиях. После чего любезно предложил свои услуги и лошадь, запряженную в линейку. Я отчасти такому случаю был доволен и воспользовался его предложением. На обратном пути этот дед не завез меня на земскую квартиру, а пригласил на „чашку чаю“ в свой дом (раньше так было принято приглашать, и любили посидеть за самоваром). Что меня удивило — большой, хорошо оштукатуренный дом, а в нем много цветов, фикусы, пальмы и другие растения, причем украшают их хорошо сделанные чучела птиц. Я поинтересовался и спросил, чья это работа? Хозяин ответил, что когда-то проездом у них жил из-за ледохода по реке Лене инженер-геолог Шишков[61], а потом с Тунгуски и прислал им эти чучела, как подарок, в знак благодарности».

Все, кто находился в комнате, слушали его с интересом, а я особенно, поскольку это почти моя родина, на которой я оставила пятерых ребят для того, чтобы вернуть и сохранить им отца. А дед, о котором шел разговор, — Митрофан Никифорович Дмитриев.

После своих воспоминаний о служебной поездке по нашему краю этот человек познакомил меня с положением дела Дмитриева. Он сказал, что не так давно по запросу главного прокурора губернии дело Дмитриева передано в прокуратуру, и дал мне адрес, чтобы я могла справиться там. Я почувствовала какой-то сдвиг, и на душе стало веселее.

По возвращении домой я передала Матрене Степановне то, что услышала в Контрольной палате со всеми подробностями: и о дедушке Митрофане, и что особо было подчеркнуто наше ленское гостеприимство, и что дело Николая Степановича запросил главный прокурор. Матрена Степановна сказала, что, возможно, скоро все разрешится в ту или другую сторону — освободят совсем или вышлют куда-то, — и сделала

[61] Вячеслав Яковлевич Шишков (1873–1945) — русский писатель, автор романа «Угрюм-река» и других художественных произведений.

В доме Дмитриевых

мне предложение (только я не так поняла его): чтобы скорее добиться результата, чтобы дело где не залежалось долго, может, нужно дать что-то. Она-то имела в виду секретаря, а я поняла, что прокурору. А для меня это целая проблема, я не так богата и хотя согласна отдать последнее, но, главное, как это сделать, не имея об этом представления.

Я почему-то боялась встречи с прокурором, он представлялся мне что-то вроде грозы, а получилось наоборот. Прокурор произвел на меня очень хорошее впечатление. На вид ему было лет 40, высокий, плотный мужчина с небольшой окладистой бородой. Когда узнал, по какому я делу, он сказал: «Вы пришли кстати, Дмитриев освобождается на поруки по просьбе киренского уездного судьи Никольского». Вот только когда я вздохнула свободно, но не могла выразить своего чувства. А деньги держу в руке и не знаю, что с ними делать. Прокурор в это время на бланке пишет телеграмму. Я хотела незаметно протянуть руку к столу, чтобы положить деньги. Он, по-видимому, заметил мое намерение и сказал, но не грубо: «Зачем это? Телеграмму вы будете подавать сами, там и уплатите за нее». Тут только я поняла, что ошиблась, и этого делать было не нужно. А прокурор как будто понял или сделал вид такой, что я хотела уплатить за телеграмму. В общем, все обошлось хорошо.

Когда я рассказала об этом Матрене Степановне, как

мучилась с деньгами, не зная, как их передать, она прямо-таки ахнула и сказала, что я не так ее поняла, что она имела в виду секретаря, и стала объяснять мне, что такое прокурор, а тем более главный: «Он мог бы тебя привлечь за оскорбление».

Мне нужно было с этой телеграммой вначале прийти домой и переписать с нее копию для себя, а я от радости не сообразила этого сделать и пошла на телеграф. Но, думаю, поскольку у прокурора была такая переписка с Никольским насчет Дмитриева, то должны бы сохраниться какие-то документы. Товарищ Никольский как будто знал, что с приходом советской власти они с Дмитриевым будут выбраны в ревкомитет и будут строить и налаживать жизнь по-новому.

На этом закончились пока мои заботы и хлопоты, на свидании я коротко сообщила Николаю, что сейчас нужно набраться терпения и ждать, а также предупредила его о своем отъезде в Верхнеудинск к сестре[62]. Матрене Степановне я оставила деньги на передачу Николаю Степановичу и мой адрес в Верхнеудинске, чтобы подать телеграмму в случае, если он освободится из тюрьмы.

В Верхнеудинске обстановка была тяжелая, в Чите — Семенов, соседство не совсем приятное, и тут проявляли себя так, что многие боялись куда-нибудь пойти. Кстати, опишу интересный случай. Знакомые пригласили меня пойти с ними в театр, а муж сестры, Станислав Петрович, предупредил: «Если почему-либо сложится не совсем хорошая обстановка (многие семеновцы вели себя дерзко и вызывающее), то лучше всего возвращайтесь домой». Во время антракта в фойе театра произошло следующее. Сразу, один за одним, последовало три выстрела. Некоторые дамы попадали в обморок, та, которую привели в чувство, уверяла, что определенно стреляли в нее, а убили другую.

Мы после этой истории сразу же поехали домой. Назавтра только мы узнали, что причиной всему были японские спички. Эти спички маленькие и тоненькие, с желтой серной голов-кой, если положить две-три спички на пол и умеючи шаркнуть ногой, получается настоящий выстрел. Вот до чего были напуганы люди в то тревожное для всех время.

С японскими спичками произошел интересный случай в Иркутске в этот же период, как в произведении Льва Николаевича Толстого «Плоды просвещения», поэтому я хочу о

---

[62] По-видимому, к Людмиле Иннокентьевне, ее фамилия по мужу неизвестна.

нем написать. В большой интеллигентной семье, которая по жене брата[63] приходилась мне родственниками, среди взрослых было три студента. В то время еще некоторые верили в общение с «духами», а молодежь умело и ловко это использовала, так что одна из членов семьи боялась спать одна в комнате, а они не замедлили распустить слухи про свои «чудеса». Я, конечно, тоже этим заинтересовалась. Кроме меня были приглашены еще три человека. После этого вечера они, оказывается, хотели устраивать платные «сеансы».

Сели за большой круглый стол, каждый положил свои руки на столешницу, выключили свет. Стол начал слегка покачиваться и стукать, нам переводят как по азбуке Морзе (а в ней никто не разбирается). В общем «сатана» просит затемнить окна, соблюдать тишину, а сомневающихся просит удалиться. После этого включили свет, кто-то из молодежи принес из комнаты хозяйки, Елены Николаевны, два одеяла, завесили ими окна и снова выключили свет. «Сатана» настойчиво требует сомневающихся удалиться, так объясняют нам. Я, по-моему, оказалась единственной сомневающейся, но не подаю виду, хочу посмотреть, что будет дальше. Как будто загудела непогода и обдало ветром, стали падать и перелетать какие-то вещи, в темноте залетала масса огней, от которых распространяется маленький дымок и даже запах. Я обратила внимание на это и на то, что в этот момент слышно, как падают на пол спички. «Сатана» как будто предлагает включить свет и посмотреть, что делается в комнате Елены Николаевны. Все убежали, а я тем временем собрала с полу необожженные японские спички и положила в карман. В комнате, куда до этого кто-то ходил за одеялами, чтобы завесить окна, на полу оказались вазы, статуэтки, шляпа и муфта. Все ахают и охают, ругают «сатану» и снова садятся за стол, выключив свет.

Теперь уж я начинаю проверять эти спички, прямо в кармане потерла головки, подняла руку, и в темноте замелькали такие же огоньки. Я решила пока молчать и ждать, что будет дальше, чтобы разоблачить эту «шайку». А со мной рядом сидит сестра, Александра Николаевна, которая боится, сидит и дрожит от страха. Нам объясняют, что «сатана» просит включить свет, а на столе будто бы появится вещь, которую Шура потеряла два года назад. На столе оказалась обыкновенная ручная с колесиками точилка для ножей. Ей все удивились,

[63] Скорее всего, имеются в виду Иван Иннокентьевич Серебренников и его жена Александра Николаевна.

и сама Шура говорит: «Ищу ее второй год». На мой взгляд, она где-то завалилась, а молодежь это использовала. Только меня удивило, почему «сатана» или «дух, невидимый глазом» обращается с Александрой Николаевной запанибрата, называет ее Шурой. Беру и это на заметку, и прочие фокусы.

Под конец дошли до того, что все перепугались, женщины, как обычно, больше всех, говорят: «Сатана летает». В это время и ветер, и огни, и по лицу чем-то пушистым задевают. Я стала ловить рукой и поймала, когда включили свет, оказалась обыкновенная искусственная коса. А они все еще спорят, что это хвост «сатаны». Показала им и спички, которые собрала на полу, попросила выключить свет и продемонстрировала перед всеми. На меня они, конечно, все обиделись, а моей невестке, Александре Николаевне, стало неудобно за своих племянников и брата, который окончил лесной институт, а сама она консерваторию, что они хотели брать плату с посетителей.

Через месяц я вернулась в Иркутск, а через несколько дней освободился и Николай Степанович. Нужно было спешить домой, а чтобы сократить путь, ехали как-то через реку Куленгу от ямщика к ямщику или, как говорят, «от дружка к дружку». Перед тем как заехать к кому, спрашивали, нет ли больных тифом. Почтовых по Якутско-Ленскому тракту в то время, по-моему, не было, да и средств на это тоже не было, а на одной лошади не полагалось везти двоих. По Лене добирались с трудом, по последней дороге, на последние деньги.

Домой подали телеграмму, чтобы Александр Степанович выехал в Киренск навстречу. А приехал Власий Васильевич на паре лошадей в разнопряжку. От него мы узнали, что Александр приехать не мог, тяжело болен наш самый младший, Кеша, которому, когда я уезжала, было меньше года. Власий Васильевич сказал, что телеграммой из Киренска вызывали врача. Я не могу передать, какое у нас с отцом было состояние. Были бы крылья, полетели, чтобы увидеть сына живым. Поехали на «фонаре», чтобы доехать как можно быстрее. На нем мы действительно как летели.

Когда выехали из Киренска, часов не было, но в окнах у всех горел уже свет. А когда проезжали Подкаменку и Горбово, во многих окнах еще был огонь. Дома нас ждали с нетерпением. Старики от пережитого горя, а особенно мать, встретили нас со слезами. Александр Степанович на руках носил тяжело больного Кешу. До чего хорош он был в эту минуту, наш мальчик, его кудрявая головка склонилась на

плечо к дяде, чувствовалась между ними большая любовь. Нас он не признал, посмотрел и отвернулся. Смотрю на него и не верю, что опасность миновала, а было двухстороннее воспаление легких.

Слов не найду выразить благодарность всем, а особенно Александру Степановичу и жене его Наде, за всю их заботу, какую они проявили к нашей семье в трудную для нас минуту. Нет, говорят, ничего сильнее материнского чувства, и сколько бы детей ни было, а самый малый кажется всех лучше. Так и на этот раз получилось. Нужно было смириться с тем, что он забыл нас, пусть бы остался за сына у Александра с Надей. Об этом надо было нам написать раньше и написать в письме, чтобы приучили его называть их «мама» и «папа».

Когда я узнала, как они оба переживали и плакали, расставаясь с Кешей, мне до глубины души их было жаль. Я уговаривала и успокаивала их, что он так же по-прежнему будет с ними, но все это не то. Правда, рос он больше около них и за столом место занимал между дядей и тетей, если кто другой займет, он обязательно скажет: «Это мое место». И считал, что все хорошо делает только дядя Саня. Когда уехала от Александра жена, он плакал о ней как о покойнице, это горе разделяли все, а Кеша особенно. И так же тяжело, не по-детски, пережил он смерть дяди Сани. У гроба, рыдая, говорил: «Ой, дядя, дядя, что ты наделал?» Долго старались при нем не говорить об Александре Степановиче. Он и потом, спустя много времени после похорон, если кто заговорит об этом происшествии — заплачет и уйдет.

Это к делу не относится, но не могу не описать такой случай. Мы приехали часов в 12 ночи или в час, а утром, часов в восемь, к нам уже приехал знакомый из Горбово по фамилии Исаков (Жарниковых родня). В первую очередь Исаков поздравил нас с благополучным возвращением: «В деревне, — говорит, — все были рады, как узнали, что вы едете домой. Мы, Мария Иннокентьевна, ждем не дождемся вас и не раз вспоминали, вот и сегодня с утра я приехал за вами — брат у меня заболел, и тяжело, а сейчас как будто помешался, стал заговариваться, вроде как не в своем уме».

После такого сообщения мне стало ясно — тиф, высокая температура, бред. Я высказала свое предположение и спросила: «Не заметили ли у больного сыпи?» Исаков подтвердил, что сыпь есть. Вот когда дошла эта эпидемия до нас. Я ему сказала, что в этом случае бессильна чем-либо помочь, что эта болезнь опасная и заразная, нужно вызвать Корелина

Михаила Григорьевича (военный фельдшер). Он должен установить точный диагноз и принять срочно какие-то меры.

После этого прошло полтора или два месяца, и уже много было смертных случаев, а Корелин все меня уверял, что это «краснуха». И у кого? У взрослых! Люди теряют сознание, когда дети болеют краснухой почти без температуры. В результате от этой «краснухи» в ближайших только деревнях из-за плохих знаний и небрежности фельдшера умерло 150 человек. В одном Банщиково умерло сколько (кого запомнила: Петр Егорович Зарукин, Яков Тимофеевич Попов в старом конце, у Грицких из двух семей четыре-пять человек, у Черкашиных брат Митрофан Михайлович). А за Первую империалистическую войну из Банщиково погиб один только человек, Михаил Семенович Черкашин, работал в школе учителем. Вот какая была смертность по сравнению с войной. По-настоящему Корелина нужно было привлечь к уголовной ответственности, а ему все сошло так. Заразные бараки открыли с приходом советской власти после Февральской революции, а тиф пока делал свое дело. Население с недоверием относилось к такому фельдшеру, и поэтому больные больше обращались ко мне.

Позднее, в 1935 году, Корелин работал в Витиме в больнице водников. Мне по делу пришлось обратиться к нему, а он прихварывал и с температурой. На свой взгляд, по признакам, говорю ему: «Не тиф ли у вас?», а он уверяет, что дизентерия. Я не верю — дизентерия в декабре? А через три дня выяснилось, что у него действительно сыпняк. С трудом его спас Николай Михайлович Яковлев.

Наш район в этом отношении считался лучшим, а были такие, где на расстоянии 200 и более километров не было никакой медицинской помощи. Взять хотя бы такой случай, и не где-нибудь в глуши, в деревне, а под Москвой. У моих родственников, Кузнецовых, тяжело болел ребенок (Танюша). Родители и бабушка были в отчаянии. После даже лечащий врач удивилась, когда увидела ее дня через три. Другая бы из любопытства спросила, как и чем ее лечили? А родители и сейчас это помнят и не забывают.

В некоторых случаях я советовалась с нашим популярным врачом, хирургом Василием Дмитриевичем Стреловым. Он в шутку иногда говорил, что когда больные из наших ближайших деревень к нему обращались, вначале обязательно скажут: «Был и у Марии Иннокентьевны, а она направила к вам». При этом Стрелов, улыбаясь, добавлял: «А диагноз-то ставите правильный».

Замечательный он был человек и врач. Я как-то его спросила: «Скажите, Василий Дмитриевич, в чем секрет вашего лечения? О вас такие отзывы!» Он ответил: «Может быть, хорошая улыбка, мягкое обращение и создают хорошее настроение у моих больных». Жаль такого человека, умер в рассвете лет.

На семейном совете решили, что Николаю нужно устроиться на работу в Киренске, так как старшие дети пойдут учиться в четвертый-пятый классы. И кроме этого, при сложившейся обстановке, после доносов, ареста и тюрьмы не совсем безопасно оставаться в Банщиково. Можно ожидать всего. Были случаи, люди платили жизнью за свою работу во время становления советской власти. Правда, авторитет Дмитриева не пострадал от побоев и унижения, которыми его награждали в тюрьме, а, наоборот, я считаю, вырос, и все население за исключением немногих относилось к нему так же хорошо.

За время отсутствия Николая дома работы накопилось — непочатый край. Александр по хозяйству не так опытен, как говорят, лишнего гвоздика не забьет. В свободное время его страсть — рыбалка и охота на уток. Урывками ухитрялся вязать волосяные сети (из-за недостатка ниток). Работа трудоемкая, волос с волосом надо скрутить вначале. Николай же был столяр и плотник, сапожник и шорник (по сбруе) и славился как лучший охотник на медведей. На его счету убитых медведей было больше, чем у других. Он потом и внукам рассказывал, как бесконечную сказку, про свою охоту на медведей. Так что по возвращении домой он не знал, за что ему взяться. А тут подошел «дроворуб». И сейчас еще страшно вспомнить, сколько нужно было заготовить дров на наш «отчий дом». С баней и двумя кухнями — девять печей да две железные печки.

В старой кухне жил дед Афанасий, который в дом переходить не соглашался, чтобы в нем не «замерзнуть». И действительно, как только мы жили? Утром встанешь — «вспышки летят». Зато ребята все закалились, и ни один из семерых не болел ангиной и вообще не были очень хворые.

Как решили, так и сделали. Квартиру в Киренске нашли у Иннокентия Ил. Кожова. Меня с семьей перевезли дней за десять до начала школьных занятий, а вскоре на лодке приехал и Николай Степанович, привез все необходимое и продукты. Нужно было устраивать домашние дела на новой квартире. Однако вскоре его арестовывают снова.

Во время этого ареста вся семья сидела за столом, обе-

дала. Заходит военный, без стука и предупреждения, в сопровождении двух конвоиров, предъявил Дмитриеву ордер на арест. Все это было так неожиданно и страшно. Только Дмитриев без всякой растерянности вышел из-за стола и стал одеваться, а я подумала про него, что он, возможно, и на расстрел пошел бы так же спокойно. В это время я не заметила, как старший сын, которому было лет шесть-семь, подбежал вплотную к офицеру и с плачем, подняв обе руки со сжатыми кулачками, грозился на военного: «Зачем вы опять берете нашего папу? Когда я выросту большой, я вам покажу». Это подействовало даже на одного из конвоиров, у которого на глазах появились слезы, а дома жене он рассказал об этой тяжелой сцене при аресте и что ему стоило большого труда сдержать слезы. (Фамилия конвоира Морген, а жена его врач, Наталия Борисовна Кельнер. Это она мне потом рассказала.)

Я оказалась в ужасном, худшем положении, чем дома. Что делать, как жить дальше? Беспокоилась за мать, как она, бедная, переживет это известие? Когда и чем все кончится? Вскоре приехал Александр узнать подробности ареста, успокаивал, что на время родов в Киренск к нам приедет Надя, жена его, «а пока ты поддерживай связь с Николаем и делай ему передачи, а продукты по надобности будем подвозить».

После второго ареста Дмитриев находился в Киренской, тоже переполненной, тюрьме до декабря 1919 года. В этот период еще большая часть нашей страны была занята белогвардейцами и интервентами, но ожидали падения временного правительства Колчака в Сибири. Судьба Дмитриева и в тюрьме не давала стоявшим у власти покоя, они решили любым путем убрать его с дороги, а почва из-под ног у них уже уходила.

Утром того памятного дня без всякой на то причины старший надзиратель по тюрьме объявил Дмитриеву, что он срочно переводится в одиночную камеру. Дмитриев понял их замысел и наотрез отказался выполнять такое решение. Заключенные по камере поддержали его в этом и сказали, что сейчас, если бы они и хотели что с Дмитриевым сделать, «мы не позволим вам это». План этот у них сорвался. Заключенные имели организованную связь с населением, имели представление о событиях и ждали с часу на час освобождения тюрьмы.

Тюрьма была освобождена при участии рабочих с затонов и местного населения, а Дмитриев уже был избран пред-

седателем Киренского ревкомитета, членами — Никольский[64] (судья) и товарищ Алексеев (врач). Имелись документы из центра, подтверждавшие их назначение. Трудно было выразить словами и оценить то доверие, которое было оказано им в данный момент народом. Вся власть сосредоточилась в руках этих людей: Дмитриева, Никольского и Алексеева. Это доверие они оправдали с честью.

Из тюрьмы домой Дмитриев пришел часов в пять вечера, число не помню. Пришли они вместе с Никольским, наскоро сообщили мне события того дня, как все это произошло, сказали, что их ждет большая и ответственная работа. Я все это отлично понимала, но так много пережила за это время как жена и мать, которая ждала шестого ребенка, и возражала, доказывала, что при такой обстановке, когда на востоке и Крайнем Севере (в Якутии) еще белогвардейцы и интервенты, неизвестно, что будет завтра... Им было не до меня. Они говорили, что сейчас-то и нужны люди, чтобы суметь поставить все на свое место и правильно, а если понадобится, то оказать сопротивление, где нужно. «А махать кулаками после драки может и дурак», — сказал товарищ Никольский. Пожалуй, так оно и было в некоторых случаях, а кто-то не щадил своей жизни.

Дмитриев наспех помылся, переоделся, и они оба отказались даже от еды. Для них в это время были дороги даже минуты.

Дмитриев со всей присущей ему энергией взялся за установление и укрепление советской власти (но перегибов каких-либо не было). Он был принят в партию без стажа. В конце января 1920 года мирная жизнь вновь была нарушена. По Илимскому тракту к Усть-Куту двигались многочисленные отряды белогвардейцев под командованием генералов Галкина, Первухина, Сахарова[65] и с ними в основном офицерский состав, были даже с семьями. Целью их было прорваться и уйти на восток, чтобы там успеть соединиться с отрядами белогвардейцев. План их был разбит.

Дмитриеву как военкому[66] нужно было в короткий срок

---

[64] Здесь неточность. 18 декабря 1919 г. был образован Киренский уездный ревком (исполком), председателем которого стал В.Г. Никольский, Н.С. Дмитриев был избран его членом. См.: Борьба за власть Советов в Приленском крае (1918–1921). — Иркутск, 1987. — С. 16, 146.

[65] Неточность. Через Усть-Кут двигались отряды генерал-майоров Н.Т. Сукина, Н.А. Галкина и А.П. Перхурова.

[66] Тогда еще члену Киренского ревкома. Судя по архивной справке, выданной 18 февраля 1981 г. партархивом Иркутского обкома КПСС и сохранившейся в семье Дмитриевых, уездным военным комиссаром (военкомом) Н.С. Дмитриев был назначен 1 апреля 1920 г.

мобилизовать население и создать партизанские отряды. В этом как старый солдат большую помощь оказал брат Александр. Он срочно явился в военкомат с отрядом партизан от Подкаменской волости. При помощи красноармейцев и партизан удалось задержать и обезоружить отряд белогвардейцев под командованием нескольких генералов. Усть-Кутский фронт был ликвидирован.

В то тревожное и смутное время — власть менялась, то красные, то белые — среди населения царили растерянность и недоверие. Дмитриевым, Никольским и остальными товарищами была проделана большая работа по реорганизации всего, а также по обеспечению и снабжению всем необходимым. А при тех недостатках, какие существовали в то время, это было очень сложно. Кроме того, среди белогвардейцев свирепствовал тиф, они большую часть своих отрядов потеряли во время отступления. Поэтому нужно было срочно организовать санобработку всех пленных и применять прочие меры, чтобы приостановить эпидемию. Нужен был во всем и везде хозяйский глаз, а усть-кутский народ боевой — не зевали, их прельщали обозы лошадей и транспорт. Пароходы по Лене из-за мелководья, кроме первых рейсов по весне, доходили только до Усть-Кута, а остальное время перевозкой пассажиров занимались местные жители, перевозили на крытых шитиках с помощью лошадиной силы. По ликвидации Усть-Кутского фронта некоторые из местных жителей занялись хищениями. Кто-то даже ухитрился завести и спрятать лошадь в подвале, для этого приспособили сколоченные плахи с прибитыми к ним перекладинами, чтобы безопаснее спустить и вывести лошадь. Кто-то угнал и спрятал лошадей на заимке. Все это было быстро обнаружено и ликвидировано.

В период становления советской власти и потом еще какое-то время строго судили за спиртные напитки, чуть ли не до расстрела (сейчас об этом законе многие и не знают), поэтому вина боялись как огня. Николай Степанович и потом считал за позор для себя купить пол-литра водки, несмотря на свою тяжелую жизнь и на все несправедливости по отношению к нему. Другой бы упал духом, запился.

И даже много лет спустя многие, с кем работал Дмитриев, по-видимому, не верили, что Дмитриев совсем не пьет. Как-то заходят знакомые, с которыми по работе он часто встречался, — председатель райисполкома, председатель райпотребсоюза и еще кто-то. Я поставила чай и закуску, а они, оказывается, принесли с собой выпивку, извинились и сказали, что они просто хотели выпить с Николаем Степановичем, не веря тому, что он

будто бы не пьет совсем. Мне было даже неудобно, как они его просили выпить «за компанию», а он им говорит: «Пусть выпьет жена за меня». В отношении честности и порядочности с него можно было брать пример.

За время работы Дмитриева в военкомате было несколько ревизий из области, после которых давали хорошую характеристику о нем и отзывы о его работе. Если это не уничтожено, то сохранились какие-то документы в архивах, так же как и о том, что Дмитриев не получал военного пайка по карточкам на семью, а только на себя, чтобы ему не приписали какой-нибудь расчет или корыстную цель его работы. Я на себя и семью получала в сельпо на общем положении. Просить его, я знала, бесполезно.

Даже Иван Яковлевич Строд[67], «таежный Чапаев», который проездом из Якутска несколько дней жил у нас, говорил Николаю Степановичу, что это ни к чему. О Строде сохранилась хорошая и светлая память. При Колчаке он тоже длительное время находился в Иркутской тюрьме, так что им с Дмитриевым было что вспомнить и о чем поговорить.

В 1922 году[68], в сентябре, с очередной ревизией в Киренск приехал товарищ Черемных. Так же как и раньше, дал хороший отзыв и особо подчеркнул, что это один из лучших военкоматов, проверенных им по области. Из Киренска ему нужно было еще поехать в Бодайбо, где он тоже должен произвести ревизию, но, по его расчетам, из-за ранних заморозков он не сможет вернуться в Иркутск водным путем. Поэтому он эту работу поручил провести Дмитриеву или по его усмотрению может выехать его заместитель Степан Евдокимович Лыхин.

Товарищ Черемных в разговоре между прочим сказал: «Ждите, Дмитриев, гостей, скоро к вам явятся представители из Чека», и стал рассказывать, что творят они по дороге: «Уму непостижимо — сплошные аресты, в Качуге и Верхоленске тюрем не хватало, садили в амбары и подвалы».

---

[67] Ян Янович (Иван Яковлевич) Строд (1894–1938) — активный деятель Гражданской войны в Сибири, соратник Н.А. Каландаришвили. Автор двух книг воспоминаний: «В тайге» (М.; Л., 1928. — 126 с.) и «В Якутской тайге» (М.; Л., 1930. — 227 с.). В 1937 г. был репрессирован.

[68] Год указан неверно. Описываемый ниже арест Николая Степановича Дмитриева произошел в ночь с 4 на 5 октября 1920 г., а реабилитирован он был в ноябре 1921 г. См.: Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО), ф. 153, оп. 1, д. 51, л. 85–88 об., 173–173 об.; д. 56, л. 16; а также: Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. — М., 2005. — С. 276.

Дмитриев поручил поехать в Бодайбо Лыхину. В тот же день или назавтра приехали работники Чека — несколько человек во главе с Кондаранцевым и Оберфельдом.

Дмитриев в перерыве пришел на обед и говорит: «Как резко похолодало, утром стала подмерзать земля. Хорошо, что Черемных сам не поехал в Бодайбо». Меня беспокоило, что у ребят обувь разваливается, и я сказала ему: «Сможешь ли, хотя бы вечером (выходных у него не было), заняться починкой?» Он попросил меня все ему подготовить: «Я приду и займусь этим делом». Просидел он за починкой до часу ночи или больше. Кому он открыл дверь и кто приходил, я не знаю. Мне Дмитриев сказал, что его вызывают на «совещание», переоделся и попросил заложить за ним дверь. Я не придала этому никакого значения, и до того он часто задерживался на работе или вызывали на совещания. Сколько времени прошло после того, как он ушел, не знаю, я уснула. Снова стук. Я думала, вернулся Николай Степанович, спросила: «Кто?» Отвечает кто-то: «Откройте, Вам записка от Дмитриева». Зашел человек, выше среднего роста, в очках, светло-русый, назвал свою фамилию — Оберфельд (сама фамилия не внушала доверия). В записке Дмитриев писал, чтобы я выдала ключи от военкомата, а Оберфельд попросил расписаться и указать, сколько я выдала ключей. Я сразу же вспомнила про товарища Черемных, который предупреждал Дмитриева о деятельности губчека во время их следования по дороге от Иркутска, но в то время не верилось, что есть еще у нас такие люди. (Если бы товарищ Черемных оказался жив в настоящее время, мог бы все это подтвердить и дать какие-то сведения о работе Дмитриева. По фамилии он из Нижнеилимска.)

Дом, в который мы переехали от Кожовых, стоял на углу соборной площади, недалеко от военкомата и исполкома. В этом же доме жил и Лыхин с сестрой-учительницей, Варварой Евдокимовной. Сейчас она пенсионерка, по мужу Рябушкина, живет в настоящее время в Ангарске. Она может подтвердить все это и многое рассказать о жизни Дмитриева[69].

После того как ушел Оберфельд, мне было уже не до сна, почему-то стало страшно. На улице шумно, доносится топот ног по примерзшей земле возле дома, может потому, что он на углу. Я пошла в комнату к Варваре Евдокимовне. Оказывается, она тоже не спит и спрашивает меня: «Кто так поздно стучался в двери и почему на улице шумно, не пожар

[69] Варвара Евдокимовна Рябушкина, урожденная Лыхина, умерла в г. Ангарске Иркутской области 21 марта 1980 г.

ли где?» Я ей рассказала, что вызвали Дмитриева на совещание, а потом пришли за ключами от военкомата. Оказывается, повторилась та же история, как в Качуге и Верхоленске. Всю ночь шли аресты, тюрьма и кирпичные здания бывшего винзавода были переполнены, город объявлен на «военном положении». (Невольно хочется привести небольшое сравнение. Когда-то, в 1905 году, в Иркутске во время стачечного движения, в период всеобщей забастовки напуганный генерал-губернатор обратился к царю Николаю II за помощью, прося у него разрешения на объявление военного положения в городе. Значит, это просто так не делалось. А Кондаранцев, возможно, получил за это еще вознаграждение.)

Утром рано пришли с обыском — Оберфельд и трое военных. Оберфельд потребовал выдать оружие, пулеметы и прочее. (Можно было принять его за ненормального.) Я ему сказала, что у Дмитриева ничего нет, кроме нагана, на который он имеет разрешение, но к нему нет даже патронов, кроме тех, что в обойме. Дмитриев, говорю, считает, что в настоящее время ему некого бояться и не от кого защищаться. А они настойчиво требовали выдать оружие, держались дерзко, искали везде и основательно.

Я вспомнила обыски, которые были у нас еще до революции. В основном искали нелегальную литературу и Александра, который за участие в стачечном движении был осужден и скрылся. Их тогда беспокоила судьба Дмитриевых с их передовыми взглядами на жизнь и убеждениями.

По рассказам Дмитриева, Кондаранцев там, где они заседали, встретил его пощечиной со

Варвара Евдокимовна Рябушкина (справа)

Варвара Евдокимовна Рябушкина (справа) с сестрой Агриппиной Евдокимовной Лыхиной

словами: «Так вот ты какой!» И замахнулся еще, по-видимому, намерен был бить. Но Дмитриев отстранил его руку и сказал: «Я не позволю вам бить себя, кто вам дал право такое?» Кондаранцев после этого так освирепел, топал в исступлении ногами, бил себя кулаком в грудь: «Это мы, — говорит, — сумели предотвратить катастрофу, задуманную тобой, подлецом».

А Дмитриев час тому назад занимался починкой обуви и не подозревал о «катастрофе», какую они ему готовили. Я человек простой и малограмотный, но не допустила бы такой грубой и непоправимой ошибки, какую допустили эти работники из Чека. Разве по-товарищески кто из них не мог прийти к Дмитриеву, чтобы поближе узнать, убедиться в чем-то, прежде чем принимать такое решение? Буквально за три-четыре дня до этого Дмитриев и Лыхин пользовались доверием и авторитетом. Лыхина, который ехал в Бодайбо, чтобы произвести ревизию в военкомате, арестовали в Витиме. Везли обратно на пароходе, как какого преступника, под строгим конвоем, пытали, подставляя наган ко лбу. Пишу это со слов капитана того парохода по фамилии Калинин, вспоминавшего это уже в преклонном возрасте, который хорошо знал как свою сибирскую реку Лену, так и многих жителей Лены, в том числе Дмитриевых и Лыхиных.

Я и Любовь Степановна (сестра) делали попытку хотя бы узнать, в чем дело? Какая причина ареста? Нам не давали возможности высказаться, гнали нас. Мне даже сейчас стыдно за них и неудобно об этом писать. Я такого обращения не встречала в Иркутске в период колчаковщины. В заключение сказали, что Дмитриева давно надо повесить на первой осине, что ждут только Лыхина, чтобы рассчитаться с ними обоими.

Накануне перед приходом парохода нам дали разрешение на свидание на несколько минут, по-видимому попрощаться, и предупредили, чтобы не было лишних разговоров. Человек, который сопровождал нас и присутствовал на свидании, обращался с нами чуть ли не хуже всех. Мы с Любовь Степановной взяли младших детей, Кешу и Олега, боялись, что старшие могут расплакаться при свидании с отцом. Когда привели арестованного Дмитриева, он вначале не мог сказать ничего. Сел, закрыл лицо руками и заплакал. Я понимала его состояние, незаслуженную обиду и оскорбления, которые ему пришлось пережить за последние дни. Знала (когда-то он говорил), что готов пожертвовать жизнью за советскую власть, но, конечно, не при такой обстановке.

Мне нужно было бы воздержаться и не причинять ему боли еще, а я умышленно в присутствии конвоира и сопровождающего нас сказала Дмитриеву: «Когда ты был арестован и сидел в тюрьме при Колчаке „за укрепление и восстановление советской власти“, ты знал, за что ты сидел, а сейчас за что?»

Ночь перед приходом парохода я провела без сна, а утром рано, чуть свет, кто-то из старших детей спрашивает: «Мама, ты слышала два выстрела? Может, убили уже нашего папу?» Много лет прошло, а до сих пор такое не забуду.

Утром часов в десять пришел пароход. Мы с сестрой Лыхина ждали его и боялись, боялись даже выйти из дома. Оказывается, на этом же пароходе под видом пассажирки приехала знакомая Лыхиных специально, чтобы сообщить Варваре Евдокимовне, что Степан Евдокимович Лыхин сбежал с парохода.

Подробности мы узнали позднее от капитана парохода Калинина. Он был возмущен, как и многие, поступками чекистов и не верил в клевету, которую они распространили про них об измене советской власти. Калинин хорошо знал ту и другую семью, его сын был близким другом и товарищем младшему брату Николая, Ивану: вместе учились, вместе закончили институт. Калинин организует и принимает участие в

побеге Лыхина. Как-то сумел передать ему записку, в которой пишет, что ведет пароход с таким расчетом, чтобы из-за туманов подогнать остановку у села Петропавловского: «Если у вас будет возможность, бегите».

Калинин знал, что в трех-четырех километрах от Петропавловского находится деревня Лыхина, где живут его родные, которые окажут ему помощь. Этот побег тоже был своего рода сенсацией. Некоторые могли думать, что действительно была какая-то вина с их стороны. Лыхина усиленно разыскивали облавой по лесу, особенно в том районе, где он сбежал. До сестры дошли слухи, что дома, в семье — обыски, требуют выдать Лыхина, город все еще на военном положении.

Вскоре после этого Кондаранцева и Оберфельда «отозвали» в область (меня до сих пор интересует судьба этих людей). Дмитриев был освобожден, появилась статья в местной газете. Его реабилитировали, восстановили в партии, направляли на работу, при желании мог поехать в область. В исполкоме товарищ Карпович сказал: «Нет такой работы, которую бы мы тебе, Дмитриев, не доверили».

Из Киренска после этого мы уехали в деревню, от всего Николай Степанович отказался. Когда переехали в Банщиково, были еще телеграммы с вызовами. Вызывали и в Подкаменский волисполком и шутя или серьезно ему говорили: «Отправим тебя под конвоем». Прав был Дмитриев или нет в данном случае, что не поехал? Судить не берусь, но после всего, что произошло, иначе поступить было нельзя. Во что же обошлась эта затея Кондаранцева по пути их следования, и чем он это все объяснял?

У Лыхина сложилось положение такое. Вины за ним, так же как и за Дмитриевым, никакой не оказалось, кроме того, что сбежал из-под ареста, а за это, он считал, его будут судить. При такой обстановке, какая была, можно было ожидать всего. Поэтому Лыхин скрывался месяцев семь-восемь. Я знаю все подробности, как и при каких обстоятельствах. Помню, как он, пробираясь лесом, пришел ночью к нам, обросший бородой, курчавой и черной, как у Фиделя Кастро, и сам наружностью был похож на кубинца. Лыхин — из большой трудолюбивой семьи, в которой одно время насчитывалось 27 человек. По специальности учитель, как и его сестра, по матери — близкие родственники Дмитриевых[70], а потому у Дмитриевых от них секретов никаких было, они были посвящены во все.

---

[70] Матери Николая Степановича Дмитриева и Степана Евдокимовича Лыхина были родными сестрами (урожденные Горбуновы из д. Беренгиловой).

Степан Евдокимович Лыхин с женой Евдокией Ивановной. Новосибирск, 1926 г.

В Бодайбо Лыхин работал в одной школе с сестрой Дмитриевых, Зоей Степановной, считался лучшим педагогом с передовыми взглядами на жизнь. Хорошо не помню, кажется, в конце Первой империалистической войны был призван в армию. Дмитриев считал Лыхина хорошим и честным работником, на которого можно было положиться во всем.

Кто был в Киренске начальником милиции в то время, я не помню, но только жизнь Дмитриева кому-то не давала покоя. Тот план не удался, придумали новый. Это произошло вскоре после того, как переехали в Банщиково, и началось, как я говорю, «хождение по мукам». Приехал уполномоченный Бочкарёв (фамилия ленская) с ордером на арест. Какие нужно было иметь нервы, чтобы все это переживать? Я на всякий случай спросила: «Что нужно взять Дмитриеву с собой?» Он ответил: «Пока ничего». Мы подумали, может, для какой справки. Через несколько дней Дмитриев возвращается и опять же в сопровождении Бочкарёва. Приехали ночью, и Дмитриев снова «под конвоем». Вся семья перепугалась, на мать страшно было смотреть. Как я просила, умоляла Бочкарёва сказать, в чем дело, куда и зачем он везет Дмитриева. «Даже если бы я и знал, — сказал он, — я не имею права вам говорить». Спрашиваю Дмитриева, он говорит: «Сам ни-

чего не знаю, обвинений никаких не предъявили, везут на Север».

Слухи о Синеглазове до нас уже дошли, писали и в местной газете о его зверствах, во время пыток скончался Ин. Березовский и другие. Возможно, некоторые старожилы в Витиме и далее по Лене помнят еще его. Этот карательный отряд действовал по Лене между Витимом и Олёкмой. Это тоже что-то похожее на приемы Кондаранцева. Со слов Дмитриева, по дороге Бочкарёв сказал ему: «Везу тебя, Дмитриев, на мыло к Синеглазову», и тут же подтвердил слухи о его зверствах. Дмитриеву стало ясно: любой ценой и каким угодно способом, лишь бы уничтожить, убрать с дороги.

Я думаю, только благодаря выдержке и мужеству, какими он обладал, можно было это все перенести. Дмитриева, по его рассказам, не довезли до Синеглазова одну или две станции. Они повстречались на остановке с человеком по фамилии Альперович, который, как выяснилось потом в разговоре, ехал из Якутска для расследования дел Синеглазова и, возможно, других банд, ему подобных в Якутской республике, включая Витим. Когда Альперович показал свои документы Бочкарёву и спросил, кого он везет и куда, и потребовал документы насчет арестованного, Дмитриев говорил, что Боч-

Подкаменское кредитное сельскохозяйственное товарищество. 1920-е гг. В белой рубашке у окна сидит Н.С. Дмитриев

карёв очень смутился и сказал, что никаких документов при сопровождении арестованного нет — «отправили в распоряжение Синеглазова». Альперович был возмущен и сказал, что вместо того, чтобы проявить какую-то борьбу с бандитами, они еще поощряют их, подсылают людей для пыток. И приказал Бочкарёву с Дмитриевым вернуться обратно, узнав при этом некоторые подробности о нем. Я считаю, что только благодаря Альперовичу Дмитриев остался жив.

Дмитриев про него говорил, что он совсем еще молодой, но, по-видимому, с большими полномочиями. Возможно, работал с Иваном Яковлевичем Стродом, он ведь тоже вел борьбу по «ликвидации банд». У меня до сих пор желание узнать что-нибудь об этом человеке, которому мы, можно сказать, обязаны жизнью Николая Степановича.

В 1930–1931 году в Киренске работал начальником милиции Головин. Он, по-видимому, был человеком дальновидным и, возможно, более справедливым. Как-то во время разговора с Дмитриевым он сказал: «Я много знаю и слышал о вашей семье и о вашем большом авторитете — может, в этом и вся причина?» Они провели за откровенной беседой не один час. Дмитриев говорил, что Головин выслушал его с большим вниманием и сказал: «Если хорошо разобраться во всем, то ваши имена и проделанная работа — это был первый вклад в общее дело, пусть даже небольшой, но все это должно бы остаться памятным навсегда».

Продолжаю описывать «хождение по мукам». Чем же кончилась хорошая, плодотворная работа Дмитриева? Цель и задача интегрального товарищества, в котором он стал работать, в первую очередь — обеспечить население сельскохозяйственными машинами, племенным скотом и всем необходимым, что требовалось для населения, которое состояло в большинстве из охотников. Товарищество проводило все заготовки: пушнины (белка и прочее), сельскохозяйственных продуктов (овощи), а также сена и овса для снабжения Бодайбинских золотопромышленных приисков, Алдана и отчасти Якутии. Товарищество это объединяло 14–15 деревень по реке Лене и на протяжении 500 километров по Тунгуске от Подволошиной до Ербогачёна. Все товарищества объединялись в Приленский союз. Подкаменское интегральное товарищество считалось одним из лучших. Все расчеты по заготовкам и поставкам производились через союз, который стал задерживать выдачу денег, ссылаясь на то, что все остальные товарищества маломощные (у них то дефицит, то растрата), которые якобы союз должен поддержать в первую очередь.

Главным инструктором был Гомзяков. «Ни дна ему, ни покрышки» — такая поговорка была у него. Хотела бы особо подчеркнуть эту личность, была ли у него душа? Если и была, то самая подлая.

Приближался сезон охоты, перед выходом в лес по договорам товарищество обязано выдать охотникам денежный аванс, а в наличии денег нет. На просьбу Дмитриева в союз выдать хотя бы часть задолженности, какую они имели за ними, Гомзяков ответил так: «Дмитриев, вы, может быть, как-нибудь вывернетесь, займете у кого?» «Кто же нам даст такую сумму? — говорит Дмитриев. — Могу только заключить договора на какое-то количество пушнины с заготовленной пушнины и полученный аванс по договору выдать охотникам». При этом Дмитриев добавил: «К этому вынуждаете вы нас. Не беспокойтесь, свои обязательства перед союзом по сдаче пушнины выполним полностью».

Срочно после этого Гомзяков приехал с требованием расторгнуть договоры с работниками. В перерыве на обед пришли они вместе. Дмитриев доказывал, что расторгнуть договоры он не может, так как деньги выдал охотникам. Дословно передаю последние слова Гомзякова, при этом он постучал еще кулаком по столу: «Ну, Дмитриев, ты долго будешь помнить меня», и ушел. Я мужа спросила: «Что это, угроза?» Он ответил: «Я же преступления никакого не сделал». Между прочим, на суде об этом договоре и не говорили. Но не прошла мимо нас угроза Гомзякова.

Обычно выборы проходили ежегодно. На этот раз Дмитриеву предстояла поездка в Иркутск по работе. Перед отъездом ему объявили: с работы снят, отдается под суд, и дают распоряжение об аресте. Придумано неплохо — изоляция перед выборами. Через неделю съехались уполномоченные на выборы. Разрешалось присутствовать посторонним, и я как человек заинтересованный пошла. Меня удивило: до этого выборы проходили ежегодно, но никогда не присутствовал представитель из милиции. На этот раз собрание возглавлял сам Шпицер. После формальностей председательствующий обратился с просьбой приступить к делу. Все уполномоченные заговорили разом и возбужденно: «Мы должны знать, на каком основании арестован Дмитриев. Мы его выбирали на эту работу и видели его совместную работу с членами правления. Знаем Дмитриева как честного человека во всех отношениях. Требуем, чтобы Дмитриев сам перед нами отчитался».

Шпицеру от этих слов, по-моему, стало жарко. Показы-

вая пальцем то на одного, то на другого, спрашивал: «Ваша фамилия? Ваша фамилия?» Никто, конечно, не называл своей фамилии, а разом все замолчали.

До суда Дмитриев на короткое время был освобожден. Защитник был Боровский, судья — Луцин из Киренска, суд проходил в селе Чечуйском в течение двух дней как показательный. Свидетелей со стороны Дмитриева — 18 человек, против — два, Гомзяков и Милюков. О договоре по заготпушнине и не говорили. Также не было предъявлено ни одного существенного обвинения, переливали, как говорят, из пустого в порожнее: что когда-то у Дмитриева при доставке груза не хватило несколько килограммов муки и 16 сепараторных резинок и что когда-то кто-то откатил плуг, чтобы ему взять первому, и т. д.

Защитник сказал, что сколько слепому ни доказывали, что белый цвет не черный, не могли доказать — он был слепой. Так, по-видимому, и на этом суде. «Вы закрываете глаза на все хорошее, за что же, наконец, получили премию на всесоюзном конкурсе? Говорите о нескольких килограммах муки, якобы недоставленной. — Защитник продолжает, приводит цифры, сколько при доставке было муки. — В этом случае естественная трата, какая полагается при этом грузе, выразится в пудах. А сепараторные резинки нужны Дмитриеву? Зачем? Просто недоложили на складе».

Многим в наше время может показаться этот суд маловероятным. Вынесли приговор: два года тюремного заключения. В довершение всего, когда после суда пришли на квартиру сельского судьи Бронникова, судья Луцин в присутствии жены Бронникова, защитника Боровского, еще одного человека (фамилии не знаю) сказал: «Да, сегодня пришлось осудить совершенно невинного человека».

Когда мы вернулись домой после этой плохо разыгранной комедии, защитник от откровенности судьи Луцина, потирая руки, как от какого удовольствия, говорил: «Обязательно возьму справку, при кассации она сыграет большую роль. Луцин задерживаться не будет, уедет, а я для этой справки проживу лишний день». Так он и сделал. Поехал через день в Чечуйск, справку подписали Бронников, Боровский и третий, кто присутствовал при этом. Но не помогло и это, не прошла мимо нас угроза Гомзякова. Может, эта справка при деле и не была.

На этом дело не закончилось, «хождение по мукам» продолжается. Население было возмущено таким судом и вынесенным приговором: за четыре года упорного труда воз-

наградить тюремным заключением и вдобавок еще подтвердить, что осудили ни за что. Только в угоду и по просьбе Гомзякова, слов не найду для такого подлеца.

Еще из жизни вычеркнуто два года. Большими они мне показались и тяжелыми. Когда-то говорили, лучше оправдывать девять виновных, чем осудить совсем невинного. За год до суда старший брат Николая Степановича, Александр, покончил жизнь самоубийством[71]. Говорят, свет не без добрых людей, прожили. В этот период среди бедняков и середняков проводились собрания по выявлению кулаков. В список на лишение прав гражданства наша семья не была включена. Население к нам относилось всегда хорошо, учитывая дореволюционное прошлое, а также жизнь, поведение во время становления советской власти, взять хотя бы ликвидацию белогвардейских банд в Усть-Куте.

Вообще-то это мое было желание, я предлагала мужу устроиться на работу в Киренске, чтобы дети могли учиться и жить с нами. Может, ему трудно было на это решиться, имея большую семью, да и отец незадолго до смерти говорил, что всю заботу обо всех возлагает на него, Николая. В семье в то время еще было трое стариков. Дядя Афанасий и тетка Раиса Степановна умерли в 1924–26 годах. Мать умерла в 1931–32 году[72]. Дом, когда-то построенный отцом на большую семью (к 1905 году семья Дмитриевых состояла из 14 человек взрослых), был очень холодный, замучили нас одни дрова. Позже его купило для перевозки в Киренск пароходство. Я предлагала продать, была бы возможность на эти деньги одеть ребят, купить самое необходимое. Отец, то есть Николай Степанович, да и все-то мы не износили приличного костюма или пальто, а сейчас все одеваются хорошо, не отличишь рабочего от инженера. Мать не соглашалась на продажу дома, плакала. Отец, дескать, старался, строил для вас, а вы разрушить хотите. Как с ней не считаться? Вообще-то мать была хорошим человеком, исключительно добрым, дети ее и я в том числе (сноха), все ее уважали. Была неграмотная, «что темная», — говорила она. С ней я прожила 24 года, это четверть века — немало. Мы не только чтобы скандалить, а грубого слова друг другу не сказали.

---

[71] По всей видимости, это произошло в 1925 г.

[72] По справкам, выданным управлением ЗАГС Иркутской области, Афанасий Степанович Дмитриев умер 14 марта 1921 г., Мария Алексеевна Дмитриева — 10 апреля 1942 г. Дату смерти Раисы Степановны Дмитриевой выяснить не удалось.

Дочь закончила техникум, отца не было. Когда я отправляла ее на работу, у меня не нашлось и пяти рублей ей на дорогу, и на этот раз как-то не оказалось даже хлеба[73].

Приближался срок освобождения мужа из тюрьмы. Управляющий пароходством предложил через Ф.А. Горнакова (старшего диспетчера, мужа сестры) работу в отъезд, на Север. Нужен работник по заготовке дров для пароходства по реке Лене до Алдана. Николай Степанович посоветовался с сестрой, они решили, что, пожалуй, будет лучше уехать, как говорят, с глаз долой. О своем решении Николай Степанович предупредил меня письмом, что задержится дома дня три. Я приготовила на дорогу все необходимое. Знала, что население, соседи ждут его возвращения из тюрьмы (при тюрьме он работал бухгалтером), будут возмущаться, сочувствовать, я не хотела этого, меньше разговоров, дела все равно не поправить. Он занялся починкой обуви и сбруи. Никто почти не знал, что он был дома. У нас появилась надежда на лучшее будущее, и печаль, как гора какая, с плеч свалилась. Не боялась я работы и недостатков во всем, меня жизнь не баловала с детства. Сколько можно жить в таком напряженном состоянии? Эту трагедию переживали с нами и дети.

Через три дня проводили мы нашего отца в далекий путь. Думаю, было бы только здоровье, при помощи ребят справлюсь с работой. Хочу только спокойной жизни, я устала. Отдохнуть не пришлось, через четыре дня после его отъезда получаю телеграмму от знакомых из Витима (300 километров от нас) такого содержания: «По распоряжению Шпицера Дмитриев арестован». Это сообщение было для меня, как гром в ясный день. Я не могу объяснить состояние, но казалось, как будто почва уходит из-под ног. Кто-то у нас был посторонний, я попросила: «Купите, пожалуйста, водки, я больше не могу». Мать едва живая свалилась в постель, дети плачут вместе с нами. Как пережить эти невзгоды, где взять силы. Одумалась, слезами горю не поможешь и не зальешь это горе вином.

Мне сказали, что Шпицер — в нашем Банщиковском поссовете. Я пошла, обращаюсь к нему с вопросом: «Скажите, товарищ Шпицер, на каком основании и по какой причине вы арестовали Дмитриева в Витиме?» Шпицер от удивления, по-моему, даже подскочил: «А вы откуда это знаете? Кто вам

---

[73] Речь идет о дочери Татьяне, которая после окончания Киренского педагогического училища отправилась учительствовать в Казачинско-Ленский район Иркутской области.

сказал?» Я ответила: «Я имею телеграмму, а подписи нет». Шпицер, улыбаясь, мне говорит: «Вы всем-то не верьте, а вообще-то сегодня-завтра он будет здесь».

Откровенно говоря, можно не поверить, не то сказка это, не то быль.

На этот раз Дмитриев приехал без конвоя, освободили временно под расписку, должен явиться в милицию сам. Сколько можно издеваться, нашли причину, предъявили обвинение: «Почему не устроился на работу в Киренске или в районе? Почему в отъезд и в концессию?» Это Шпицер подчеркнул особо. «Я-то тут при чем? — ответил Дмитриев. — Договоры заключались нашим правительством с концессионерами в Москве на какую-то долю иностранного капитала, а рабочая сила остается наша. Как в пароходстве, так и на золотопромышленных приисках работают тысячи людей, я такой же свободный гражданин, как и все, и подпиской о невыезде не был ограничен».

Я считаю, это была пытка своего рода, а Дмитриев продолжал трудиться и так же честно относиться к своему делу. А разве мало у нас людей, и среди них даже партийных, которые делают растраты, хищения, злоупотребления и живут годами безнаказанно, а иногда получают повышения по должности? Об этом пишут в газетах и таких судят, а количество их не уменьшается. А тут получается без вины виноват во всем.

Нужно и Шпицеру из положения выйти, обратился к Дмитриеву: «Работники здесь нужны до зарезу, устраивайтесь в городе или районе». После этой истории Дмитриев устроился на работу в «Комсеверопуть» прорабом на Корелинском участке по лесозаготовкам. Я с семьей живу в Банщиково третий год. Через несколько месяцев его направляют на работу в Преображенку по той же реке Тунгуске, открыть новый участок лесозаготовок. Домой заехал дня на два, в первых числах января[74]. Стал просить мать, чтобы она согласилась на мою поездку с ним месяца на два, сказав при этом: «Пусть хоть раз в жизни отдохнет, и я третий год оторван от семьи». Младших из ребят, Олега и Нину, берем с собой, чтобы бабушке не было трудно. Она расстроилась, плакала и говорила сыну: «Как мы тут будем жить без Мани (то есть без меня, снохи)? С ней, когда и тебя, Коля, нет дома, никакая работа не стоит, все делается». Все же он ее уговорил, что сейчас большой работы нет, а к посевной я должна вернуться — в

[74] По всей видимости, 1929 г.

конце февраля или половине марта. Старший сын почти всю землю перепахал под зябь с осени. Чтобы весной обработать, нужно только культивировать.

Собрались наспех в течение двух дней, и, когда уезжали из родного дома, у нас и мысли не было такой, что покидаем навсегда эти места, где прожили много лет. Сколько было слез при расставании у бабушки с внучкой Ниной, последней и ее любимой. Позднее, когда бабушка в Киренске была уже при смерти, с какой нежностью и лаской обнимала ее внучка: «Бабушка, ты не умирай».

За период с 1929 по 1931 год от Преображенки остались хорошие воспоминания. Население относилось к нам так же хорошо, как и в Банщиково. Среди них много было партийных, в то время как по Лене почти не было. К работе относились по-серьезному, и молодежь на смену росла неплохая. В тот период, когда мы жили там, не наблюдала пьянок, хулиганства. Заканчивая среднюю школу, большинство оставалось в колхозах, может, потому, что пути сообщения были трудные, за летний период всего в один рейс против течения отправлялся большой шитик под крышей, на котором те, кому крайне необходимо, старались выехать. Тянули этот шитик бечевой посменно два-три человека из тех же пассажиров по найму. Деньги взимались с остальных пассажиров. Если кому нужно было срочно выехать, ехали верхом на лошади. Но там такой «гнус», как называли мошку, комара, овода, что лошади на ходу падали, изнемогая от него. Помню, зацвела черемуха, много-много (там ее не ломают и не уничтожают, как по Лене), и столько на нас налетело этого гнуса, пришлось убегать. Сейчас там ходят катера, возможно, и самолеты, асфальтированная дорога от Подволошино до Чечуйска. Я с Ниной выехала раньше вот таким путем. На всех пассажиров в Подволошино, чтобы уложить вещи, было запряжено много лошадей в таратайки двухколесные, в которых обыкновенно возят навоз, а сами шли пешком или по очереди садились верхами на лошадей. В таратайке и не усидишь, дорога — пни да корни, наша раз перевернулась вверх колесами. Некоторые ехали на Лену первый раз и не только им, но и мне, когда выехали на Чечуйское поле, как на материк, сразу бросились в глаза простор и величавая сибирская река.

В Преображенке женщины приходили ко мне завсякопросто в любое время, а особенно по выходным. Просили меня кто что-нибудь раскроить, посоветоваться насчет шитья, овощей — по уходу за ними и посадке, и что можно из них приготовить. Тогда среди них не только помидоры, но и огурцы еще неко-

торые не ели. И немудрено, со слов нашего деда Афанасия и по рассказам мамы, когда она пришла в семью Степановских, то по Тунгуске картошку и вообще овощи еще не садили. Основное питание — мясо, рыба, дичь разная, боровой птицы было вволю. Свиней когда-то раньше, до колхозов, тоже не держали — брезговали. Грибы не собирали, не жарили и не солили. А картошка была роскошью, и называли ее не иначе, как «яблочки». Мама говорила: «Пока родственники вернутся из Киренска, мы напекем в русской печке картошки, мешка два-три, для них это были лучшие гостинцы». Сейчас как будто и не верится, а было это не так давно. Помню, когда в 1929 году мы жили в Преображенке, разную мелочь там и тогда не садили, даже огурцы мало кто ел, а помидоры тем более.

Между прочим, в фондах Илимской воеводской канцелярии хранились документы, что картошка завезена в Сибирь в 1767 году[75]. Один раз она замерзла в пути следования, а один раз посаженные «яблоки» весной затопила водой и они погибли. Прошло всего 147 лет, не так уж много времени, и не верится, что ее когда-то не было. Картофель пробил себе широкую дорогу и заменил, особенно в тяжелые годы, все — хлеб, мясо и прочее.

Я удивлялась энергии Николая Степановича: целый день на работе по участкам, в разъезде, а с вечера до часу ночи по своим конторским делам за бухгалтерией. Точность, порядок во всем. Требовательный был к себе и к тем, кто с ним работал. Имел большие суммы подотчетных денег. Говорил: «Буду ходить в рваных брюках, но не позволю взять казенного. Если моя совесть чиста, я любому могу, если он нечестный, сказать, что он вор».

В интегральном товариществе после Николая Степановича работал Серафим Березовский (прозвище Сара). Тоже — пара Гомзякову, хороший подлец. Каким-то образом Березовский сагитировал нашего сына Степана: «Что ты будешь делать с этим хозяйством? Продавай, мы купим ваш дом и что в нем есть за 1800 рублей». Эта сделка Березовского обернулась для нас трагедией. Все наше богатство и заключалось в отцовском доме. А Березовский, наверно, хотел поправить дела товарищества, которые совсем развалил, и решил, что если все это перепродать, будет какая-то прибыль.

Сын — еще малолеток и, по закону, не имел от отца и бабушки никакой доверенности на продажу дома и имущества.

---

[75] См.: Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. — Иркутск, 1957. — Т. 2. — С. 230.

Степан Николаевич Дмитриев

Со стороны Березовского это уже подлая сделка. По договору он выдал сыну 150 рублей как задаток, остальные — в указанные сроки. План был предусмотрен заранее, в этом деле Березовскому помогли Карпович и Аксаментов, председатель райисполкома, может, даже за бутылкой водки. Создали какую-то «тройку», и якобы эта «тройка» и лишила Дмитриева и семью права голоса[76]. Председатель Банщиковского краснознаменного колхоза И.М. Черкашин возмущен был таким поступком Березовского и прочих. Вот какие могут делать дела люди без совести и чести.

Когда до Дмитриева дошли эти слухи, он из Преображенки по делу поехал в Киренск. Зашел в исполком к Карповичу, спросил: «Как же это так получилось? Я считаю, все это незаконно. Причем я на ответственной работе, принимаю участие в совещаниях и в партийных собраниях, мне просто неудобно, вам нужно приказом снять меня и с работы». На это Карпович ответил: «Ты, Николай Степанович, не волнуйся, продолжай работать, как работал. Мы тебе доверяем любую работу». От этого сердцу легче не стало, жили как негры среди белых людей. Упрекнуть мог каждый, кому только не лень.

Бабушку увезла в Киренск к ее дочери, Любовь Степа-

[76] В ходе заседания «Киренской районной тройки по проведению массовой операции выселения кулачества по Киренскому району» от 16 июля 1931 г. Н.С. Дмитриев был лишен избирательных прав. Протоколом постановили: Дмитриева Николая Степановича «выслать» (ГАИО, ф. р-1566, оп. 2, д. 1, л. 14 об.). В «Списке кулаков Киренского района» от 19 сентября 1931 г. было отмечено, что Н.С. Дмитриев «выслан на Тунгуску» (там же, л. 116).

Иннокентий Николаевич Дмитриев

новне, внучка (наша дочь) Маруся, она устроилась машинисткой в райисполкоме. Оставался сын Кеша, которого отец забрал с собой. Степан после продажи дома остальное все сдал в колхоз: лошадь, две коровы, сельскохозяйственный инвентарь, молотилку и прочее. Сам пошел рабочим по ремонту линий, затем работал монтером. Позже он был участником Финской войны и Отечественной, имел четыре ранения. Окончил на Севере трехгодичный автотехникум за год. В 1945 году поступил в Москве в машиностроительный институт, в то же время работал. Институт закончил с отличием и посейчас работает в Москве. Я как мать его люблю и ценю в нем эту целеустремленность. Везде и во всем чувствуется его честное отношение к труду и людям.

Второй сын, Иннокентий, погиб в Отечественную войну. Последний красноармейский «треугольничек» получили, где он пишет: «Москву проезжаю третий раз. После трехмесячных боев нас направили в тыл, как на отдых, а отдыхать не время, укрепляем рубежи. Еду со свежими силами на врага, зимы как сибиряк не боюсь, а фашисты свою подвижность потеряют. Везут так быстро, что в Москве не смог спустить письмо». Штамп стоит — «Пахомово». Это все, что осталось от моего родного сына. На всю жизнь запомнила адрес полевой почты: 586-й гвардейский стрелковый полк, 8-я рота, 8-й батальон[77].

---

[77] Иннокентий Николаевич Дмитриев, рядовой, погиб 28 октября 1942 г. (Память. — Иркутск, 1990. — Ч. 2. — С. 11).

<…>[78]

Вообще я хочу написать, что из себя представлял Усть-Кут в 1937–1939 году и что такое «пробка» — это удовольствие я испытала на себе. Мы ехали с дочерью Ниной и просидели там 12 дней, хотели даже возвращаться обратно. Два дебаркадера от двух пароходств были заполнены народом до отказу и берег пассажирами — кто под палатками, кто просто под открытым небом. Народу скопилось тьма, пароходы с пассажирами прибывают вновь — из Бодайбо, из Якутска. При посадке ничего не разберешь. Применяется только физическая сила. Мужики не разбирают, кто больной, слабый или женщины, — сталкивают с трапа в воду. Со стороны страшно было смотреть на такую посадку.

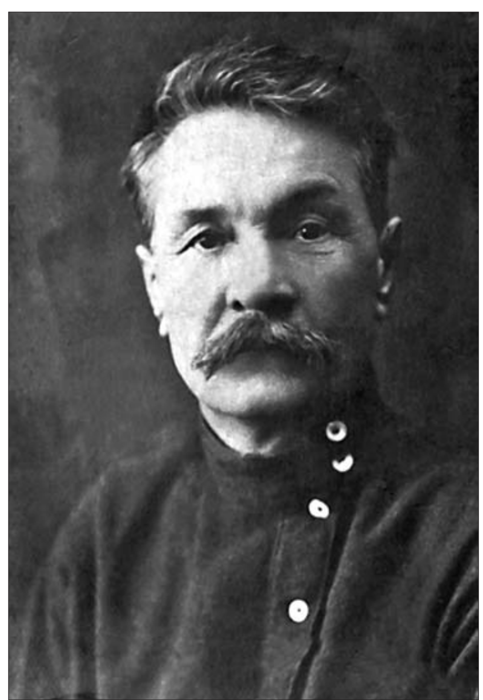
Мы с Ниной решили перетащиться на другой дебаркадер. Я обсказала о своем положении заведующему дебаркадера, а в это время подошел знакомый и во время разговора спросил, где Николай Степанович. После этого зав. дебаркадером спросил: «А кто вы будете Николаю Дмитриеву?» Я сказала, что жена. К моему удивлению, он хорошо знал Дмитриевых, того и другого брата (по Усть-Кутскому фронту), сказал, что поможет и все устроит. Нет слов выразить, как мы были благодарны ему.

На барже, которую подведут, сказал он, шкипером работает женщина, а муж ее — баржевым. Как только подвели баржу кормой к дебаркадеру, трап еще не дали. Человек этот с ними переговорил, и нам помогли перейти и перенести вещи. Как тут не скажешь, что свет не без добрых людей! Устроили нас в своей каюте, а муж поместился где-то в другом месте. Даже отказались от денег, которые мы предлагали.

Такая же картина наблюдалась каждый год на Витимской пристани.

По приему и отправке вербованных рабочих на последнем пункте — Витим — работал по совместительству начальник «Лензолотопродснаба» Бабин. Получал за этот труд 500 рублей. Отзывы о Бабине были не совсем лестные, как среди сослуживцев, рабочих, так и среди местного населения. Но

[78] Здесь в тексте воспоминаний пропуск, поскольку по крайней мере одна из тетрадок Марии Иннокентьевны не сохранилась. По всей видимости, в 1931 г. семья Дмитриевых из Преображенки выехала в Киренск и вскоре переехала в с. Витим. Н.С. Дмитриев работал в сплавной конторе, там же ему предложили возглавить работу по перевозке вербованных рабочих до г. Бодайбо, на золотые прииски. В 1937 г. Н.С. Дмитриев был обвинен в нарушении условий перевозки рабочих и снова отдан под суд.

Николай Степанович Дмитриев

рабочие боялись высказывать критику по отношению к нему. Говорили: «Непоздоровится нам после этого». Вроде так и получилось с Николаем Степановичем. В июне месяце, как-то вернувшись домой после работы, после приветствия, шутя, сделал рукой под козырек, обратился ко мне: «Поздравь, жена, с повышением, вот телеграмма мне, и есть Бабину. Назначаюсь по совместительству на работу по приему и отправке вербованных рабочих с окладом 200 или 300 (не помню) рублей». Не обрадовалась я и не поздравила, как сердцем чувствовала, только сказала: «Ты ведь хорошо знаешь Бабина, какой он есть». Николай Степанович удивился и сказал: «По работе у нас ничего общего с ним нет, он — по снабжению, а я должен принять рабочую силу, выдать им суточные и проездные и, если есть возможность, обеспечить жильем» — и добавил, что просил Бабина о разрешении обращаться к нему за советом.

В обязанность Дмитриева входило принять рабочих по прибытии на карбазах в Витим, выдать им суточные, обеспечить по возможности жильем и выдать проездные до Бодайбо. В этот период от эпидемии кори, которую везли вербованные рабочие еще с места жительства, умерло несколько детей. А при чем тут Дмитриев, который не имел никакого отношения к этому во время своей работы? Тем более что на этой работе он был всего 18 дней, а целые десятки лет везли так рабочих, не создавая лучших условий, и десятки лет сидел народ на берегу, кто под палатками, кто просто под открытым небом. Чтобы оправдать себя и успокоить недовольных рабочих, устраивается суд, и главным виновником во всем оказался Дмитриев.

На суде Дмитриев высказался, какая была от него польза и помощь. По прибытии рабочих в Витим принимать их нужно от старшего по бригаде и в порядке очереди отправлять, вернее, перевозить на пароходах, а если нет пассажирских барж, по договору указано — перевозить на грузовых, полуоборудованных (то есть сделано укрытие брезентами, установлены очаги для приготовления пищи и кипятка).

Николай Степанович принял от Бабина все в ужасном виде. Две баржи белились неизвестно когда, стекла повыбиты, а Бабин вместо советов и помощи приказал вытаскать все рамы из окон, а из печек все дверки и даже в бане краны из чанов, объясняя это тем, якобы одно делалось одной организацией, а другое — другой. Проще сказать, вставлял спицы в колеса, а еще партийный. Дмитриеву пришлось обратиться куда следует. Просил срочно разрешения на постройку летних бараков — не разрешили. Телеграммы эти тоже зачитывались во время суда.

Многие рабочие ехали с семьями и с места везли эпидемию кори, а корь — это такая инфекция, с которой трудно бороться, а тем более остановить. На суде врач высказался, показывая на каменные стены здания: «Даже это не преграда для инфекции, и корь изоляции не подлежит».

За дорогу, когда еще плыли на карбазах, и по справкам, которые были взяты в поселковых Советах, детей умерло за весь их путь много. Когда защитник встречался со своими подзащитными, они ему говорили, что поскольку им предъявлено обвинение за четырех детей, которые умерли на пароходе, то просили защитника огласить эту справку. Он наотрез отказался, якобы ввиду большого недовольства рабочих он этого сделать не может.

Начальником пристани был Семен Филиппович Данилин (брат писателя Павла Филипповича Нилина[79]), старшим диспетчером — Митрофан Николаевич Марков, который ездил на специализацию на десять месяцев, вернулся и утром перед посадкой заступил на работу. При посадке присутствовали старшие от рабочих, а также комиссия в составе парторга Бабиной (жена Бабина) и врача Яковлева. На обращение этих лиц к рабочим — может, кто недоволен чем или есть какие

[79] П.Ф. Нилин (1908–1981) — русский советский писатель. Родился в Иркутске, с 1929 г. жил в Москве. Автор сценария художественного фильма «Большая жизнь», за который был удостоен Сталинской премии (1941), романа «Поездка в Москву» (1954), повестей «Жестокость», «Испытательный срок» (обе — 1956), «Через кладбище» (1962) и других произведений.

просьбы (просят высказать рабочих свои претензии), — ответили, что нет ни у кого. Этот документ, подтвержденный парторгом, тоже зачитывается на суде. Судила выездная сессия Иркутского областного суда, и опять суд показательный и длился два дня в Бодайбо.

По договору, какой был заключен в Москве на перевозку рабочих, они не нарушили ничего. Если рабочие эти замотались за дорогу, при чем тут последние два-три дня, когда они, можно сказать, рвались скорее доехать до места?

Жена С.Ф. Данилина работала учительницей в средней школе, получила телеграмму (копия мне) такого содержания: «Необходимо кому-то приехать нужно обеспечить защитой». Мария Ивановна, жена Данилина, из-за школьной работы не могла, стала просить меня: «Придется вам поехать, деньги я вам дам и договорюсь сегодня насчет самолета», и все устроила. Мне в это время нездоровилось, чувствовала себя плохо. Нужно было усилие, чтобы взять себя в руки, но я поехала. В этот момент я так была занята своими мыслями и своим безысходным горем, что не чувствовала ни подъема, ни спуска самолета, и через два часа я была уже у сына Иннокентия. Так он плакал — за что мучают отца? Назавтра я пошла в прокуратуру, познакомилась с защитником (по фамилиям никого и не помню, сколько я им платила, это тоже был бесполезный труд и только трата денег).

Обвиняемые говорили хорошо и держались также хорошо на суде, я была довольна этим. Когда выступал Бабин, это среди присутствующей публики вызывало смех. А народу было очень много, как в кинотеатре. Как он чувствовал себя в это время, не знаю.

Утром до начала суда я по делу зашла в кабинет защитника, у меня была уверенность, что Бабин выступает в качестве свидетеля, поскольку он еще в Витиме давал свои показания, где он не пожалел красок для обвиняемых, а особенно для Дмитриева. Я спросила защитника, будет ли присутствовать на суде Бабин. Он спросил: «А разве он здесь?» Я подтвердила, что он на днях прибыл самолетом в Бодайбо, и тут поняла, что, может, я оказала медвежью услугу. Защитник тут же, при мне, позвонил в контору «Лензолото» и попросил Бабина явиться на суд.

«Суд идет» — просят встать. Народу — полный клуб. Зачитывается обвинение и прочие формальности. «Обвиняемые создали для рабочих ужасные условия. В дороге из-за этого умерло четверо детей». Защитник обращается к врачу: «Что представляет собой корь и как она протекает?» Ответ врача: «Корь имеет скрытый период от 12 до 14 дней, а дети эти

были больны задолго до посадки. От кори не предохранят даже вот такие стены, и эта болезнь изоляции не подлежит». В течение двух дней еще несколько раз будут возвращаться к этому вопросу. Почему же они умалчивают о том, что было в дороге и какие были условия в пути в течение двух–трех недель, а тут за два-три дня все свалили с больных или дурных голов на здоровые?

Почему не перевозили на пассажирских баржах? Зачитываются договоры, заключенные на перевозку рабочих в Москве: до Иркутска — по железной дороге, от Иркутска до Качуга — на грузовых машинах, от Качуга по реке Лене — на карбазах поверх груза, как дополнительно, а от Витима доставляет Ленгоспароходство, за неимением пассажирских барж, на грузовых полуоборудованных, то есть под укрытием брезентов. Председатель суда: «Почему же вы их не переделали на пассажирские баржи?» Данилин отвечает на это: «Об этом должны были позаботиться там, где нужно, в центре. Это не так просто, а если бы мы сами занялись этим, без разрешения на то, то у нас на берегу столько скопилось бы народу, да еще под открытым небом, что мы не смогли бы перевезти их и до осени. Мы считаем, что этот последний переезд, два с половиной дня, не такой тяжелый, как две-три недели на карбазах, и считаем, по договору мы ничего не нарушили».

Защитник обратился к Бабину: «Скажите, кто работал до Дмитриева на этой работе?» Бабин ответил: «Что-то я не помню, кто работал». Слово просит Дмитриев: «Товарищ Бабин, разве вы забыли, что это вы работали? (Смех.) А также телеграмму, где я назначен на эту работу, а вам предлагалось передать дела мне?» Защитник: «Сколько вы получали за эту работу?» Бабин, не задумываясь, ответил: «Я так работал бесплатно и даже когда заступил Дмитриев на работу. Я то одному рабочему, то другому дам пятерку, десятку».

Защитник на это хорошо сказал: «Что же, выходит, работали вы за красивые глаза? У нас есть сведения, что получали по совместительству 500 рублей, а вы говорите, ничего не получали. (Опять смех.) Вы показания даете противоположные. Я сейчас зачитаю показания свидетельницы Бабиной (жены), может, она вам сродни: „Такого-то числа присутствовала при посадке рабочих, жен и детей, устроили на пароходы. Мы, кто присутствовал при этом, обратились с вопросом, если кто чем недоволен или имеют какие претензии, пусть выскажутся. Никто не предъявил никаких претензий“. Такому свидетелю, — сказал защитник, — мы не можем не доверять, поскольку Бабина является парторгом». Защитник продолжает: «Вы ска-

зали, когда Дмитриев уже принял от вас работу, и вы из любезности безвозмездно раздавали деньги рабочим, хотели это особо подчеркнуть, будто Дмитриев не выдавал вовремя денег. Поэтому Дмитриев задал вопрос: „Была ли такая жалоба со стороны рабочих?“ Мы этим сами интересовались и опрашивали рабочих. Никто не подтвердил, и в деле такого заявления нет. Вы Дмитриеву во всем хотели помешать. Был такой случай, к баракам везли воду, вы дали распоряжение и на дороге выпрягли из водовозки лошадь». (Смех.)

После этого стали просить слово то Данилин, то Марков. Подчеркнули работу Бабина в прошлом и его недостатки по этой работе. Бабин отвечал невпопад, путался, вызывал смех. Кто-то из присутствующих крикнул два раза: «Дмитриев тут совершенно не виноват».

Первый день суда, дело приближалось к вечеру. Чтобы спасти Бабина из положения, в каком он очутился, объявили перерыв до утра по техническим неполадкам, из-за света. Думаю, что и Бабин догадался, почему объявили перерыв. Мне была предоставлена возможность передать подсудимым продукты, об этом меня заранее предупредил защитник. Мы с Кешей купили достаточно всякой еды, чтобы они поели досыта.

Утром перед началом суда Данилин встал, представительный, стройный мужчина с приятным лицом, слегка улыбаясь. Попросил разрешения высказаться: «Скажите, пожалуйста, для чего был вызван свидетель Бабин? Если смешить публику, то я ему тоже поаплодирую». При этом сделал руками и жест такой же. Я меньше всего этого ожидала, мне понравилось. А Бабин, я думаю, на второй день находился среди публики. Что можно сказать про такой суд?

Прокурор в обвинительной речи требовал по отношению к Дмитриеву высшей меры наказания — «расстрел». Пронзил меня этим словом, как выстрелом. Если бы человек был действительно виноват. После совещания вынесли приговор: десять лет Дмитриеву (это только сказать легко, так можно обращаться только с пешками на шахматной доске), Маркову — пять, Данилину — четыре. Рабочие были возмущены, говорили: «Нашли на ком отыграться». И я еще раз убедилась: суд этот — только формальность в данном случае, чтобы успокоить рабочих, свалить, как говорят, с больной головы на здоровую. Всё (наказание и сроки) было предрешено заранее для подсудимых. Фактически, как и по делу интегрального товарищества, у Дмитриева не было вины, за что бы можно было осудить. Так и в этой «комедии».

[1964–1969 гг.]

П.И. Лыхин

Жизнь и думы, всего понемногу

По моим понятиям, население по реке Лене, коренное, до времен ермаковских походов, было эвенки (тунгусы) и якуты. С освоением Западной Сибири народ смелел и все далее стал проникать в Восточную Сибирь на свободные от оседлого населения земли, богатые промыслом пушного зверя, богатые рыбой реки и озерные водоемы. Люди уходили подальше от жилых мест России. Кто-то чувствовал за собой вину и неминуемую расплату за нее, кто-то искал свободных мест на земле от податей, независимости, самостоятельности. Нужда искала выход, свободы действия. Одни бежали на Дон, другие в Сибирь. Когда смотришь по телевидению на народные танцы (пляски) донцев, то находишь много общего с пляской жителей реки Лены, те же и песни, разница лишь в тональности их исполнения. Слова почти каждой песни одни и те же. Значит ли это, что жители Дона и по реке Лене — выходцы из одних и тех же мест центра России?

Земли и тайга по Сибири были богаты всюду нетронутым, непуганым зверем, птицей, везде на разработанных участках земли росли хлеб и разные овощи, необходимые для питания человека, были и сенокосные угодья для домашних животных. Крестьянин, осевший крепко на земле, имел под руками все необходимое для жизни. Почти в каждом хозяйстве были овцы, которые давали и шерсть для пряжи, и шкуры для шуб, и мясо. В каждом доме имелись и веретено, прялки для кручения нитки из шерсти, и кудели из обработанных на мялках стеблей конопли. В каждом хозяйстве были кросна (ткацкие станки), на них хозяйка ткала по надобности и тонкое нижнее белье, и полотна для верхней одежды или чисто из кудели конопли, или пополам с ниткой из шерсти. Называлось такое полотно сукманное, из него шилась верхняя одежда. В каждом среднем хозяйстве были одна-две лошади, две-три рогатых скотины, пускали на зиму двух-трех поросят, куры как обязательное.

Естественно, все это благополучие появлялось не сразу. Представьте себе долгий путь тяжелых переходов людей от одного русла реки до другого по непроторенным местам среди сплошной тайги, болот, озер и речек. Легче всего было проникнуть на среднее течение рек с юга на долбленках — легких лодках, выдолбленных из одного большого ствола дерева

(осины или тополя). На края их бортов добавляли нашивы из досок. Такие лодки были легкими и удобными для перетаскивания их с русла одной речки на другую по непроходимым местам тайги и болот. Или шли пешим ходом таежники, держа направление на истоки речек, по которым сплывали до реки Лены и здесь уже останавливались на необжитых, полюбившихся взору местах берега реки. И как всякое начало поспешно строилось зимовьё, чтобы выжить в лютые морозы зимы. Обосновавшись, люди искали своим промыслом питание, и перводоступным для них были рыба водоемов и мясо диких лесных обитателей (лось, олень, медведь). Добытую пушнину употребляли для шитья унтов, шапок, рукавиц (мохнаток), дох (доха — это верхняя одежда, сшитая из выделанных шкур, только мехом наружу). Для отопления поначалу шел сухостой (лес, подсохший на корню), в то же время надо было делать запас дров и на будущее. Для этого обычно ранней весною валили сырой лес, распиливали его на чурки, кололи (мельчили их напополам и более), складывали поленницами поначалу вблизи зимовья, в дальнейшем, с обжитостью и обзаведением тягловой силой (олени и лошади) заготовка дров производилась уже вдали от дома, а на разделанных, корчеванных от пней участках земли садили овощи, сеяли хлеб. Лена заселялась вначале по верховью ее течения, на ее притоках с человеком появлялись и лошадь, и рогатый скот, свиньи, овцы, куры. Оленей для перевозки грузов российский поселенец мог позаимствовать у эвенка во время его стоянки возле русских поселенцев. Зачастую русские сходились в браке с эвенкийками или искали девушек на стороне русских поселений, ранее их обоснованных. Так человек Руси продвигался по реке Лене на север и селился на облюбованных им местах побережья реки. В возникшие поселения стали наезжать купцы и мелкие торговцы, приплавляя по открытой воде все необходимое для жизни человека (хлеб, сахар, соль, железо и железные изделия, керосин, пряности и другое), взамен получали пушнину.

Одному человеку в необжитой тайге было трудно выжить, поэтому вольные люди не уходили далеко от других, ранее обжитых мест, пользуясь возможностью общаться с людьми, и при острой необходимости просили помощи в устройстве своего дома — людской помощи и в тягловой силе. Возле одного жителя со временем обстраивались другие, появлялись поселки, деревни. Выбирался староста для решения общих дел. Деревни постепенно переходили в подчинение волости в смысле административного деления. Все свои хозяйственные

вопросы жители деревень решали сходкой, которую обычно возглавлял избранный ими староста. В больших деревнях появлялись служители веры христовой с их проповедями морали, службой по праздникам, крещением детей, обрядами по связыванию семейных браков и другим.

Каждый поселенец вел свое хозяйство по собственному разумению, кто на что способен, но, как правило, отведя трудовое лето, люди стремились в лес на добычу пушнины, на ловлю рыбы весною по открывшейся воде ото льда на плесах горных речек, которые вскрывались раньше русла реки Лены. Бывали ранние заморозки: угроза еще не созревшему посеву хлеба, каждый хозяин своего поля выходил спасать всходы, разводя костры с наветренной стороны своего поля, дымовая завеса предохраняла поле от холодного дуновения ночного заморозка.

Для предосторожности одной или двумя рядом стоящими деревнями строился семенной общественный амбар, куда ссыпалось семенное зерно, от общества выделялся человек для охраны его, сушки, проветривания. Полиция в деревнях не водилась, воровство порицалось, и оно, как правило, было редкостью. Вора судило само общество, поэтому люди не закрывались на несколько запоров, повешенный на дверь замок, скорее, был просто предупреждением для непрошеного гостя, что хозяев дома нет, значит, вход воспрещен. Люди знали друг друга, бесчестье порицалось, и обесчещенному человеку становилось тесно, неудобно жить среди односельчан, и он, как правило, уезжал на сторону.

Порядок был и в тайге. При дровозаготовке срезались только нужные деревья, сучья подбирались в кучи и сжигались ранней весной еще при наличии в тайге снега. Охотничьи участки оставались из года в год за тем хозяином, который срубил на этом участке свое зимовьё. Пашня считалась общественным угодьем и в каких-то отдельных случаях делилась с помощью приезжего из волости землемера. Так же и сенокосные угодья, за исключением тех земель, которые расчищались от леса самим хозяином под посевную площадь или сенокосные деляны.

Конечно, жизнь не была для всех равной, да и когда она была одинаково хороша? Тот, кто трудился в полную силу, обеспечивал себя на жизнь всем необходимым, у того же, у кого была большая семья и мало рабочих рук, те перебивались. Неодинаково было и состояние здоровья каждого. Медицина, лекарства нужные были недосягаемы простому народу, выживали люди с крепким здоровьем. Работы (на-

чиная с ранней весны до поздней осени) было предостаточно, нужно было все успеть сделать вовремя. Посеять, сжать, скосить, убрать картофель с поля, бывало, копали его из-под снега при раннем осеннем снегопаде, после молотили хлеб, поначалу вручную, молотилами (к длинному крепкому деревянному стержню прикреплялся на крепком эластичном кожаном лоскуте обрубыш деревца длиной не более 60–70 сантиметров, толщиной, в диаметре, 5–6 сантиметров, обычно березовый). Раскладывали снопы колосьями один против другого на чистом, политом водою поле закрытого сверху и со сторон от снега гумна, люди брали эти цепы-молотила и били привязанными обрубками по колосьям, выбивая зерно из колоса, после солому убирали в сторону, а зерно перелопачивали, отделяя его от мякины, или провеивали его на ветру, переваливая его из посуды на холстину, ветром относило мякину, ссыпалось чистое зерно; оставалось зерно отвезти на мельницу и смолоть его или на муку помельче, или покрупнее на крупу. Так было до появления молотилок, веялок, сортировок.

После этого большинство селян уходило в тайгу на охотничий промысел по малому снегу. При глубоком снеге собаке было трудно рыскать по лесу за зверем, она быстро утомлялась и большая часть охотников верталась из тайги домой. Заядлые же охотники оставались еще в лесу и ловили белку, горностая, хорька, соболя плашками и кулёмками с приманкой в них: для белки — грибы, для других зверьков приманкой служили кусочки рыбы, мяса или тушки птицы, в основном рябчиков. Плашка — это две половины расколотой чурки, кулёма же — это огороженная со всех сторон частица земли, обычно возле толстого дерева, спереди с открытой части кулёмы или плашки ставилась насторожка — расколотая тонкая пластинка, связанная от падения длинной палочкой-язычком. Зверек, спустив язычок, обрушивает на себя верх (плаха или бревно), и его придавливает в ловушке.

Так продолжается промысел до февраля месяца, в феврале начинается линька зверьков, и промысел прекращается. Зато по уплотненному снегу охотник на камасных лыжах ходит, выслеживает крупного зверя — лося, оленя, если сумеет, бьет его из ружья скрадом, в другом случае гонит его по глубокому снегу, настигает и убивает пулей из охотничьего ружья. Особенно в последнем случае промысел идет по насту (наст — это подтаявший днем, а ночью замерзший коркой льда снег, который удерживает собаку и охотника, но режет ноги лося, и тот, обессилев, сбавляет ход, допускает к себе

собаку и охотника на выстрел). В это же время вскрываются местами горные речки, и на плесах, очищенных ото льда, люди неводами и сетями начинают промысел речной рыбы до поздней весны. По очищенной ото льда речке на лодках и плотах охотник-рыбак выплывает на русло реки Лены и по заберегам, а иногда и по очищенной ото льда воде благополучно добирается до дома, чтобы начать все сначала: весенняя заготовка дров, вспашка земли, посев зерна, посадка картофеля, сенокошение, жатва, обмолот и снова в лес на охоту, рыбалку.

Другие же не уходят на весенний лов рыбы, побродив по мелкому снегу с собакой, возвращаются домой и не спеша справляют свои домашние работы, как-то: подвозка дров на санях из леса, подвозка сена для домашней скотины. В это время крестьянин отдыхает, набирает силу и жирок. Такова была в основном жизнь жителя реки Лены. Отдельные люди, в основном из многосемейных, уходили летом в наем рабочими на карбаза (плоскодонное судно шириной до 8–10 метров, длиной примерно 15–20 метров, открытое сверху, с бортами из плах той же толщины, что и дно, из пиленых пластин толщиною 10–12 сантиметров). Домой возвращались поздней осенью, некоторые столярничали, катали валенки, а наиболее предприимчивые люди подряжались на перевозку грузов гужевым транспортом по зимней дороге, для чего выезжали до Омска, Томска, Иркутска, закупали лошадей, нанимали лошадных крестьян вместе с их лошадьми и везли груз на Бодайбинские золотые прииски, где, сдав груз, продавали лошадей, сбрую, сани с большой прибылью и возвращались домой, чтобы, проведя летние полевые работы, снова идти брать подряд с наступлением холодов по установившейся зимней дороге.

В конце 1880-х — начале 1900-х годов владельцы Бодайбинских приисков, предприниматели России пустили множество пароходов по реке Лене, и молодежь деревень стала уходить наниматься на работу в речной транспорт матросами, кочегарами. Пора расслоения людей деревни на крестьян и производственников.

Мое рождение было в годы революции: в 1919 году, июне месяце, 16-го числа[80] в деревне Лыхинской Киренского

[80] Так записано в паспорте Петра Ивановича Лыхина. По записи же в метрической книге Петропавловской Спасской церкви, он родился 25 и крещен 29 июня 1919 г. (Архив управления ЗАГС администрации Иркутской области, метрическая книга Петропавловской Спасской церкви 1919 г., л. 165 об.—166).

Семья Дмитрия Михайловича Тараканова. Первый ряд (слева направо): невестка Анисья Степановна (жена сына Григория), жена Дарья Алексеевна с внуком Ираклием, Дмитрий Михайлович, невестка Анастасия Федоровна (жена сына Николая), сын Прокопий. Второй ряд: сын Герасим, дочери Варвара и Харитина, работник (приемный сын?) Михаил. Село Сполошинское, 1904 или 1905 г.

уезда. Уклад жизни людей деревни был все тем же прежним, векового уклада жизни сибиряка.

Моя мама, Харитина Дмитриевна, была из семьи делового — зажиточного крестьянина, Дмитрия Михайловича Тараканова, имеющего своих шесть человек детей и одного приемыша. Женился он на местной жительнице, Дарье Алексеевне[81], женщине добропорядочной, с отзывчивой душой, хозяйственной, умной, бережливой. Семья Таракановых ни в чем нужды не знала. Я по детству помню, мы с мамой ездили к ним в деревню Сполошино в гости, где был большой, на две половины старый дом, большой скотный двор. Большая семья, трех братьев со своими детьми. Помню и то, как двоюродный мой брат, Николай Прокопьевич, стравил меня бороться с парнем крупнее меня и я не успел одуматься, как

[81] Урожденная Баракова из д. Кондрашинской Киренского уезда.

оказался на лопатках. Было мне совестно за эту борьбу и обидно за брата. Хоть всеми все это сразу забылось, а мой стыд вот уже 70 с лишним лет все не забывается.

В одну темную ночь семья узнала, что к ним во двор забрался вор. Четыре брата кинулись за ним в погоню, вор перескочил через забор и притаился. Когда первый из братьев, Григорий Дмитриевич, перепрыгнул вслед за вором через огород, вор пырнул его ножом в живот. Подоспевшие братья избили вора и отдали его в руки волостного правосудия, а брата повезли вверх по реке на лодке в больницу города Киренска. Или врачи были неопытные, или за два-три дня получилось заражение крови, Григорий Дмитриевич скончался. Остались у него жена Анисья и два сына, Ираклий и Павел, мои двоюродные братья по маминой родове.

Одна из двух дочерей Дмитрия Михайловича, Варвара, вышла замуж за Егора Ивановича Кобелева, проживавшего в деревне Захаровой, — человека нажитливого, делового, но крестьянской чести. Мама же, Харитина Дмитриевна, задержалась в девушках, отказывала женихам, и о ней стали судачить в селе, навязывались с вопросами к ее отцу, на что он отвечал: «Дело ее», — и раз добавил: «Работой пеган, недорого дан». Эти слова отца ее оскорбили, и на сватовство моего отца, Ивана Егоровича Лыхина, она дала согласие на замужество, невзирая на бедность хозяйства отца. Как бы ответила своему отцу на равнодушное отношение к ней, родному человеку его семьи. Обида и горячность опустили ее из обеспеченной семьи в нищету семьи отца. Отец не был ограниченным умом человеком, но все его усилия были сосредоточены на развитии своего единоличного крестьянского хозяйства. Пределом его желаний был свой жилой дом,

Егор (Георгий) Иванович Кобелев с женой Варварой Дмитриевной (справа) и Харитиной Дмитриевной Лыхиной

скотный двор с пристройками для хранения урожая и инвентаря. Это по тем временам вполне обеспечивало потребность семьи продуктами питания, одеждой. Деревня стояла вдали от города и производственных участков, что лишало возможности сбыта сельскохозяйственных продуктов или обмена их на необходимые товары в городе. Зато изобилием продуктов питания для своих нужд каждый крестьянин мог гордиться.

Были в нашей семье и беды. Пропала лошадь — выручили из беды мамины родственники, отец и братья Таракановы, выделили из своего общего семейного хозяйства для отца и моей матери лошадь. В другой раз был неурожай зерновых у отца, и опять братья и отец Таракановы привезли моей матери и отцу мешок посевного зерна. И снова в семье моего отца и матери воцарилось материальное равновесие до годов коллективизации.

В 1929 году всех жителей деревни согнали в коммуну, из которой толку не вышло. Распустили. Дали возможность организоваться в артели по родственным принципам — и мужики зажили. Деревня загудела песнями, плясками, гармонными переборами. Но правительство страны Советов на этом не успокоилось. Стали насильно сгонять в колхозы. Заметались мужики: кто-то построил плоты и уплыл со всем скарбом и животными в Якутск, кто-то подался в Бодайбо и на Бодайбинские прииски, кто — в ближайшие речные пароходства.

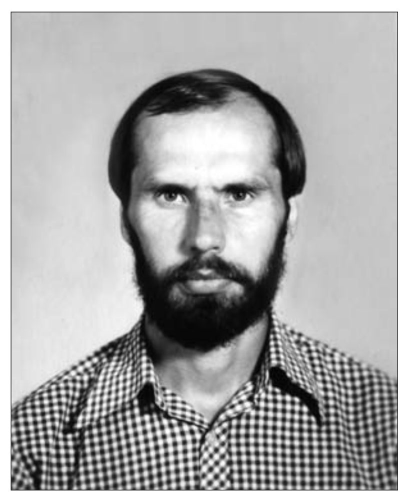
Харитина Дмитриевна Лыхина (слева) и Варвара Дмитриевна Кобелева

Вольные люди Сибири не хотели терпеть насилия, а распаханная земля в гектарах целиком осталась за колхозом, и с нее государство (в лице местных партийных, районных руководителей) по-прежнему исчисляло налоговые обязательства в центнерах, тоннах госпоставки зерна. Дошло до того, что в деревне из 30 дворов осталось всего семь, а из людей — одни немощные старики и старухи, а обязательства по госпоставке все висели за деревней в прежних размерах.

В 1913 году Россия не знала куда деть зерно и продавала его за границу, что делается в России сегодня, рассказывать никому не надо. Где же виновники этих перемен? Оказывается, оправдание у лживых и бестолковых руководителей, как всегда, нашлось: земля в России стала «нерентабельной», а ее руководители и по-прежнему остаются «рентабельными»? Еще никак не избавимся от революционеров-рационализаторов-насильников, держатся у власти все те же шайки незнаек и их вновь испеченные отпрыски. Правление передается от имущего господина страны к сыну — слишком разрослась стая «волков».

Еще о маме (Харитине Дмитриевне Таракановой, позже, после замужества, Лыхиной) — была она великой труженицей еще с детства, в своей трудовой семье, так дожила труженицей до самой глубокой старости. Выходя замуж, она принесла приданого два кованых сундука — расшитой готовой одежды, добротного материала, постельных принадлежностей, верхней одежды. Всего на двух крестьянских возах, а что дал отец? У него был лишь один солдатский фанерный чемоданчик. Всю совместную семейную жизнь с отцом она покрывала, обшивала всю семью из своего приданого. По старой дозамужней привычке на день рождения в своей семье она пекла рыбный пирог. Ее отец, братья были и хлеборобами, и рыбаками, и звероловами.

Жизнь прожита в бесконечном труде. В старости ходила под углом 45 градусов, клюкою. В 95 лет от роду умерла. Так и не видела никакой отрады в жизни. Один бесконечный труд. Хозяйкой же она была отменной. Всегда у нее было чем приветить заезжего гостя, отцу не приходилось краснеть. Для хорошего человека она кроме закуски находила и припрятанную на такой случай бутылочку настойки. Приятно было наблюдать, как гости расслабляются от такого внимания. За опрятность, чистоту в доме и достойное, человеческое отношение к приезжему ставили моих родителей в пример даже по всему Киренскому району. Говорили: «Лучше квартиры Ивана Егоровича Лыхина по всему району не найти». Эта заслужен-

Юрий Петрович Лыхин, 1986 г.

ная похвала моим родителям и была единственным вознаграждением за бесконечный труд хозяйки дома. Хоть и небогато, но прожита жизнь с честью и достоинством. Вечная память тебе, Харитина Дмитриевна, прожила ты жизнь неброско, но с высоким достоинством. В благодарном труде и заботах и состояло деревенское счастье мамы.

Вчера, глядя на тебя, Юрий Петрович, в фас, я, к своей радости, заметил в твоем облике большое сходство с обликом твоего прадеда по маме, Дмитрия Михайловича. Тот же овал лица, та же бородка. Родственники по маме ближе моему сердцу, чем родственники по отцу. Они трудолюбивее, честнее, скромнее в быту, добропорядочнее, поэтому твоя наследственная схожесть с прадедом порадовала меня, а еще упорство твое в достижении тобою намеченной цели — это тоже говорит о наследственности и схожести и родственности по маминой родословности. Трудовое поприще у тебя незавидное в выражении денежной отдачи, но будем надеяться на лучшее. «Не пропадет наш скорбный труд и дум высокое стремленье».

Прадед мой по отцу был Иван Зиновьевич Лыхин. Родился он примерно в середине 1850-х годов[82]. Прадед был незаурядной силы, по рассказам, кулаком сбивал с ног лошадь. В народе прозвали его Утёсом. Однажды в драке он кулаком убил человека, за убийство его, правда, не посадили в тюрьму, но предупредили, что в случае повторения драки с убийством посадят. На больших плотах, карбазах раньше обычно правили гре́бями. Гре́би спереди, греби сзади карбаза. Гребь — это отесанное под большое весло шести-семиметровое бревно со вставленными в ее верхний конец палками длиной до 20–30 сантиметров, толщиной 4–5 сантиметров. По спору Иван Зиновьевич надевал на руку рукавицу и кулаком сбивал за один

[82] В соответствии с записью в метрической книге Петропавловской Спасской церкви Иван Зиновьевич Лыхин родился 7 ноября 1822 г. (ГАИО, ф. 50, оп. 1, д. 2844, л. 46).

Иван Егорович Лыхин (в центре; слева — Сукнев? справа — Романов?). 1910-е гг.

удар все семь спиц (обычное число спиц на греби). К земле он, по-видимому, не был привязан, чувствовал себя вольным человеком и летом нанимался к купцам рабочим по сплаву грузов на карбазах, паузках до тех пор, пока подрядчик не отговорил его: «Ты что, Иван Зиновьевич, весь хлеб у меня хочешь заработать, вон сколько хорошей земли по берегам Лены, чисти чистки от леса, и будет у тебя свой хлеб». Пристыженный прадед вместе с сородичами взялся за вырубку леса, корчевку пней, жгли лес на месте вырубки, сеяли хлеб, чистки оставались за хозяином навечно.

Сын его, Егор Иванович, наплодил большую семью, но здоровьем не был в отца, часто прихварывал и умер где-то 68 лет[83]. Отец мой был старшим в семье, и 11 лет его отдали в работники, шесть лет он батрачил в соседней деревне. В 17 лет пошел наниматься на пароход. С ростом он задерживался, сперва его не хотели брать матросом, ведь там требовалась мужская сила, чтобы носить на носилках дрова на пару со взрослыми, сильными парнями, но капитан смилостивился, принял его со смехом: «Ну ладно, надуем тебе бычий пузырь, и будешь ходить, им баб по пузам бить». Однако за старание, недетскую силу и смекалку капитан полюбил его и, выделив среди других, поставил его

[83] Егор Иванович Лыхин родился 1 апреля 1857 г. (ГАИО, ф. 50, оп. 3, д. 791, л. 241 об.—242) и умер «от чахотки» 6 апреля 1917 г. (Архив управления ЗАГС администрации Иркутской области, метрическая книга Петропавловской Спасской церкви 1917 г., л. 51 об.—52) в возрасте 60 лет.

штурвальным — работа и почетнее, и легче. Отец стал мужать, появилась силенка, и товарищам по работе он уже себя в обиду не давал.

Ходил матросом на этом же пароходе молодой энергичный парень-татарин, любил подраться, то одного побьет, то другого, команда боялась его, и по отдельности не смели ему противостоять. Отец раз и высказался: «И что вы поддаетесь этому малайке, напал бы он на меня, я бы ему не сдал». Отцовская похвальба была передана татарину, и однажды во время сна отца он подошел к нему и спящего ударил кулаком по голове. Отец был оглушен, но, придя в себя, сцепился в борьбе с татарином, свалил его и, плача, бил, бил того с остервенением так, что тот перестал сопротивляться. Опозорившийся удалец-татарин ушел от стыда с парохода. В таких случаях говорят: «Молодец против овец, против молодца — сам овца».

Матросы затаили злобу на капитана за то, что он поставил рулевым не из них кого-нибудь, старых матросов, а молодого, еще мало ходившего на пароходе отца, и решили капитана побить. Оставив около Бодайбо в затоне пароход до весны, команда вместе с капитаном на баркасе стала сплывать по реке Витим до пристани села Витима. Плыли уже с шугою, вместе со льдом. И тут капитан говорит отцу, что его хотят побить за то, что он поставил рулевым отца, а не из старых матросов. Отец посадил капитана на нос баркаса, а сам обратился за помощью к своему товарищу Барахтенко, сказав, что матросы хотят побить его и капитана, на что тот воскликнул: «Тебя побить, пусть-ко попробуют!» Поперек баркаса были уложены сиденья из досок так, что на последнем перед капитаном уселись отец и Барахтенко. Подогревая себя спиртом и обещанием поддержки друг другу, матросы с кормы начали надвигаться на капитана. Барахтенко, по словам отца, был и ловок, и силен, имел немалый опыт в кулачном бою, стал подзадоривать матросов: «А ну-ка, ну-ка, кто смелый, подходи», и как кто из матросов только высунется вперед к их сиденью, они с отцом опрокидывают передних, те падают на задних. А Барахтенко все подзуживает противников: «Ну, что же вы спасовали? Подходи». На баркасе могли встать только двое рядом, и матросы не могли навалиться на двоих защитников всей ватагой, а потому лезли на отца и Барахтенко по одному, по два, и отец с Барахтенко легко отбивали их. А Барахтенко все подзуживал: «Ну, еще кто хочет, еще кто хочет?», и как только из матросов кто сунется вперед, кулаки Барахтенко с быстротой молнии били по морде противника с

такой силой, что кожа лопалась у людей на лице со звуком «пчих, пчих», и отступал противник, наклонялся над водой и забортной речной водой смывал с лица кровь. В конце концов не осталось желающих продолжать драку, все с окровавленными лицами обтирались платочками, рукавами, смывали кровь с лица в забортной ледяной воде Витима. После этой защиты на следующий навигационный год капитан прежде всего стал чествовать своим вниманием отца, его товарища Барахтенко, утвердив их в роли штурвальных на все последующее время плавания.

Земляки на службе (слева направо): Иван Егорович Лыхин, Николай Константинович Тараканов (с. Петропавловское), Харитон Иннокентьевич Горбунов (д. Беренгиловская), Дмитрий Григорьевич Березовский (д. Березовская). Чита, 1916 г.

В 1916 году отца призвали в армию. Служил он в Чите. В годы революции оставался в Читинском гарнизоне. На мой вопрос, участвовал ли он в Гражданской войне, ответил, что нет. Говорил, что один раз их гарнизон обстреляли, но они ответным огнем отогнали противника.

Отец вошел в свою полную силу и побеждал в вольной борьбе всех в своей роте, в другой роте верховодил в вольной борьбе ловкий борец, некий Юрлагин. Их стравили на борьбу, отец говорил: «Как ни пытался меня бросить на землю Юрлагин, а упадем мы с ним вместе и, побарахтавшись, я снова оказываюсь вверху на нем». Однажды солдаты предупредили, что Юрлагин похвалился угробить отца. Подвыпив, напал на отца на бетонированной площади двора. Отец

поднял Юрлагина на руках и хотел его опрокинуть набок, но Юрлагин растопырил ноги, принял отцовский силовой нажим на одну ногу, при этом от сильного удара о бетон нога Юрлагина была поломана вдребезги, разлетелась пяточная кость. После этого отцу было запрещено бороться.

После отбытия воинской службы отец вернулся домой в свою семью уже повзрослевших братьев и сестры. Как обычно, повзрослевшие дети заводили свои семьи, отделялись, приобретая у отходящих из деревни людей избы, обзаводились домашним скотом и утварью. Мне было года четыре, когда отец купил себе небольшой бревенчатый дом, состоящий из кухни и общей прихожей, разделенных заборкой и русской печью, на которой я обычно лечился после остывания — простуды.

Помню, как после перевозки овец с острова на материковый берег, набродившись в холодной воде, я остыл. Поднялась температура, мне постелили на горячем своде печи кошмовый потник и укрыли шубой, было горячо снизу и душно под шубой, температуру сбивали дополнительно брусничным морсом. На другой день мне стало легче и стало скучно лежать одному на печи. Я попросил позвать соседа (через улицу), Ваньку Хохлушина, он на год меня помоложе, но парнишка шустрый. Мама позвала, подала нам на печь чекушку настойки, мы выпили и пошло веселье. Ванька был выдумщик на небылицы, я же пересказывал отцовские сказки, народные были, а может, и выдумки. В детстве все услышанное от взрослых воспринималось всерьез, за правду.

Назавтра Ванька снова навестил меня, я уже поправился, в избе было тепло, и мы играли в хозяйство. Разные обрезки, обрубки дерева у нас были в зависимости от величины то лошадьми, то коровами, то другими мелкими домашними животными. Самой же веселой потехой было у нас «катание валенок», то есть мы садились близко один против другого с валенком в руках, носком кверху, пяткой вниз, руками брались за голенище. По команде один из нас ложился на спину, ногами стараясь достать пол через голову, как бы стараясь перевернуться через голову, попа оказывалась наверху. Противник ударял пяткой валенка по подставленной попке и, в свою очередь, ложился на спину и задирал ноги вверх, тогда другой, в свою очередь, восстанавливал свое сидячее положение, ударял противника своим валенком по заду. У Ваньки штанишки были прорезаны снизу, не как у всех — ширинка брюк впереди на пуговице. Когда он задирал ноги вверх, в разрез брюк у него вываливалось все «хозяйство» наружу.

Наблюдая за ним, гости, находившиеся в это время в нашем доме, вместе с моими родителями покатывались от смеха. Ваньку же это не смущало. Дело привычное.

После «катания валенок» мы боролись «по-цыгански», то есть ложились рядом на спину один против другого так, что его голова приходилась возле моей попы, моя возле его, по команде оба подымали свои правые ноги вверх, сцепляли их при опускании вниз и старались опрокинуть один другого через голову — с лежачего положения на спине на живот. Здесь верх брал тот, кто быстрее подымет и опустит свою ногу на ногу противника, не успевшего своей ногой перейти положение верхней точки. Может, он был помоложе, послабее, оттого я его опрокидывал через голову чаще, и у него пропадало удовольствие от этой игры.

Днем нас, ровесников, сходилось до десятка, и мы играли в нашей ограде в «медведя». У отца ограда всегда была чисто убрана от снега, в длину она составляла метров 20, в ширину от восьми и более. В середине становился один из нас и ловил ребят, перебегавших с одного конца ограды на другой. Кого поймает, тот тоже становился медведем, и они вдвоем ловили остальных. Я был на год постарше многих из них, и ловили они меня только всей оравой.

Сегодня 13/III — 94 г., праздник по-старому — встреча весны с зимою. Для зимы это второй по значимости праздник после Рождества. Новый год в деревнях не праздновали, не отмечали, по-моему, его вбирало в себя празднество Рождества. Масленицу же отмечали шумно, весело, жители к ней заранее в душе готовились, а уж яств всевозможных приготавливалось обилие. Благо было вволю своего молока, мяса, соленостей. Мама с утра была в хлопотах, обычно на праздник бывали гости из родственников. Отец выносил из амбара начищенную, сверкающую позолотой блях и подвесок из желтой меди сбрую, запрягал умную, смирную лошадь Игреньку в кошевку, чтобы покатать меня по улицам деревни. Молодежь же верхом на лошадях устраивала бега. Жители деревни с душою воспринимали обряды Масленицы, женщины наготавливали обилие блинов, топили масло, стряпали пироги со всевозможной начинкой. Все, и женщины, и мужчины, забывались в веселье, у всех было повышенное, праздничное, торжественное настроение. Из соседней деревни Беренгиловой Иннокентий Кириллович Лыхин обряжал свою пегую лошадь: передние ноги в холщовые штаны, на задние надевал свои полосатые кальсоны, с колокольцами на дуге гонял по деревне, размахивая вожжами, стоя в кошевé. Каж-

дый старался быть на виду, первым. У отца для выезда были и нарядная сбруя, и выездная дуга, расписанная красками, с обязательными колокольцами на ней. Всем было приятно показаться на людях в лучшем виде. Все были торжественно настроены, ведь такой праздник бывал один раз в году. Натешившись, играли на улице, к вечеру собирались по избам, все были рады гостям.

Я помню такой день. К нам пришел дядя по отцу, Никита Егорович Лыхин, со своим другом Василием Николаевичем Лыхиным. Отец позвал соседа-кузнеца, Егора Павловича Гладких, который устроился за столом с дядей. Подвыпив, дяде захотелось показать свою силу, он вроде полюбовно просил руку кузнеца и сжимал ее своей рукой, как клещами. Кузнец просто стонал и просил отпустить его руку. Дядя временно отпускал руку кузнеца, потом снова принимался за свою затею. Вмешался отец и сел между кузнецом и дядей Никитой, тем защитив соседа-кузнеца от изгальства опьяневшего брата. Дядя Никита рассердился, вышел из-за стола и дернул за изголовок деревянную кровать, на которой я спал, кровать развалилась, и я вместе с досками, постелью оказался на полу. Тогда отец посадил меня на печь, взял своего брата, как ребенка, за шею и под коленки, согнул его калачиком, вытащил на улицу и бросил в сугроб снега, сам зашел в сени и закрыл задвижкой дверь. В ответ на это дядя стал стучаться в сенную дверь и в сердцах так ударил ногой в дверь, что поломал доску. В избу его все-таки не пустили, тогда он стал чиркать спички и толкать их в зауголок сеней, имея в виду, что там есть мох, говоря: «Я подожгу брата». К счастью, пожара не случилось.

В другой раз здоровенный молодой парень предложил дяде Никите потянуться пальцами. Дядя так стиснул палец парня, что у того лопнула кожа на пальце, и он запросил отпустить его палец, сказав: «Ой, ой, Никита Егорович, пальчик-то лопнул». Какова же была сила отца, который как ребенка скрутил разошедшегося в злобе дядю и выбросил на улицу?

Обычно на всех гулянках в нашем доме (а они были нечастые, только по случаю праздника и наезда гостей, родственников), подвыпив, гости обязательно заводили старинные песни, такие как «Догорай, моя лучинушка, догорю с тобой и я», «Пойду я в лес, там заблужуся, пускай доищутся меня, пойду я в море утоплюся, пускай несет меня волна», «Хороша я, хороша, да плохо одета, никто замуж не берет девчонку за это» и другие душевные песни, отражающие жизнь и переживания человека. И действительность, и мотив исполнения

песен меня расстраивали, и обычно, лежа на кровати или русской печи, я плакал. Подходили мама или отец, спрашивали, почему я плачу? Я говорил: «Жалко».

В те годы жизнь представлялась мне по сказкам. Сказки рассказывал обычно отец, он был памятлив, все услышанное он хорошо запоминал, но передавал в своем воображении происходящего. Начинал обычно так: «Как-то в тридевятом царстве, тридесятом государстве жил-был...» и т. д. Мне было не совсем ясно, где это есть такое царство, но я часто задумывался и рисовал в своем воображении, как бы я мог пойти на восход солнца, перейти много хребтов и речек, где нашел бы хорошее место для жизни с красивой рекой, лугами и сосновым бором, в котором бы с товарищем срубил сруб (зимовьё), стал бы охотиться и рыбачить. Дальше мое воображение не шло, во сне я видел рыбные горные речки, но почему-то рыба живая мне редко виделась, а все больше мертвая, вероятно потому, что рыбу я видел только уже выловленную и привезенную рыбаками мертвою.

В летний период нам, детям, было полное раздолье. Купались до посинения в реке Лене, до которой было неблизко, примерно 800 метров. Разведем костер, погреемся — и снова в воду. Один раз сосед Котька Тетерин (сейчас он Константин Георгиевич Тетерин) отплыл метров примерно 10–15 от берега, попал в водоворот, где вода крутилась, как в воронке, и не может преодолеть течение, тянет его на дно воронки, стал взывать о помощи. Я отозвался на его вопли, поплыл к нему со словами: «Хватайся за мои ноги», но в это время подошел Евсей Парфёнович Лыхин поить лошадь, опередил меня, забрел по грудь, ухватил Котьку за руку и вытащил из воды на берег. Только уж позже я опамятовался: ухватился бы Котька за меня и утащил бы с собою под воду.

В другой раз мы в своей мальчишеской компании, также в большую воду, купались в Верхней Курье (хочу заметить, в нормальную воду река входит в свои берега, вода светлеет и дно просматривается, так что случайно не оступишься в глубокую яму или под береговой обрыв). С нами было двое братьев Романовых, Васька и Митька. Последний оступился под яр, ушел с головой в воду, потом всплыл и стал барахтаться в воде. Забегал брат его Васька по берегу, кричит: «Ребята, Митька тонет», тоже обратился за помощью ко мне, но я, вспомнив прошлый случай с Котькой, не решился снова пытать свое счастье. Тогда Васька бросился на помощь брату сам, подплыл к Митьке, тот ухватился ему за шею, выпучил свои глаза и чуть не потопил Ваську вместе с собою. Хорошо,

что берег был близок, они оба осели на дно близ нас, и мы помогли им выбраться на сушу. Сколько мне было лет в ту детскую пору, когда приобретал жизненный опыт? Наверное, не больше семи-восьми лет.

В жизни много испытаний у каждого. Вот и мое детство изобиловало ими. В первые годы коллективизации мы, дети, обрезали лук в колхозном огороде. Я подошел к сидящей на мешке с обрезанным луком Васке, дочери Евгения Михайловича Лыхина, человека сволочного натурой, завистника, клеветника, самого активного комбедовца, человека больного туберкулезом, а потом в дополнение к своей натуре злобного на всех за их благополучие. Вот на таких советская власть и обретала свой успех в обирании крестьян, закабалении их в рабских условиях колхозной жизни, при которой с крестьян можно взять все, а взамен ничего не давать. Так вот подошел я к его дочери, взял обеими руками за плечи и в шутку стал ее тянуть на себя. В ответ эта дрянь, не оглядываясь, ножом махнула в мою сторону и концом его проткнула веко моего глаза, на миллиметр не достав яблока глаза. Глаз бы вытек. Таково их проклятое собачье отродье Щёголевух[84]. Из их же родни одна дочь Семена Степановича, тоже Щёголевух, в ссоре горящей лучиной проткнула глаз своей малолетней сестре, у которой после этого настрогало бельмо на глазу. Окривела. На этот раз бог миловал меня, не вытек глаз.

Все мужики осенью, числа примерно 16–20 октября, уходили в лес на промысел пушного зверя. Там и отдых душевный от летней уборочной страды, там и промысел, там при случае и геройство при встрече с крупным, опасным для жизни охотника зверем (медведем) или возможность добыть рыбы по горным речкам, или добыть мясо крупного зверя — лося, оленя, и все это в содействии со своим лучшим помощником — доброй чуткой собакой. Была, естественно, и у меня врожденная любовь к собакам. Прикармливал я любую приблудную собаку, в таких случаях садили ее на цепь и объявляли через свой поселковый Совет о содержании этой собаки. Если находился хозяин, он уплачивал по закону прокорм и забирал свою собаку. Так, во время покоса (стогоме-

[84] Имеется в виду так называемая уличная фамилия. Уличные фамилии образовывались в крестьянских селениях для различения людей, носивших одну и ту же фамилию. Так, среди населявших д. Лыхинскую жителей были Лыхины Ванчиковых, Евдокимовских, Евсеевских, Егоровых, Ерасовых, Семеновских, Фановских, Щёголевых. Все они являлись членами одного рода, появившегося на р. Лене в XVII в.

тания) у озера Плеханово я прикормил супом, оставшимся от обеда мужиков — метальщиков сена, большого пестрого зверового пса, назвал его по окраске Пестрей, привел домой и привязал на цепь. Утром, взяв краюшку хлеба, со словами: «Пестря, Пестря. На, на...» — приблизился к нему и протянул хлеб, но он, крупный кобель, обозленный неволей, вдруг прыгнул на меня, щелкнул зубами возле моего горла, содрав при этом кожу на моей шее. Отдернула его назад цепь, да и я инстинктивно при его прыжке отпрянул (отклонил свое туловище назад). Вот и здесь бог миловал, не допустил моей невинной гибели. Зато какая была радость общаться со своими родными собаками в поисках следа и обнаружения дичи с их помощью — глухаря, белки, горностая, хорька и т. д.

Осенью во время белкования отец уходил с собакой в лес, а я занимался промыслом горностая. По первой пороше и при умеренных морозах я уходил в огороженные остожья (места, где между вкопанными одним концом в землю жердями складывался по осени хлеб в снопах, высотой до четырех-пяти-шести метров) или к огороженным стогам сена, где водились мыши, а за ними охотились горностаи и хорьки. Там я и ставил свои ловушки (сколоченные из дощечек четырехугольники с закрепленными с внутренней стороны волосяными петлями), в которых нередко находил запутавшихся и замерзших горностаев. Хорьков же ловить не приходилось, они обрывали насаженные силки и уходили, но для меня и горностаи были добычей, малый вклад в общее дело охоты отца и старшего брата. Какова же была моя радость, когда к отцовской добыче отоваривалась в сельпо и моя. Я — помощник в семье! Семья — это единое целое. Вот и я так хотел создать воистую семью, но где она? Выросли дети, каждый со своими принципами, каждый сам по себе. А старики признаются только тогда, когда в них есть необходимость, когда из них можно извлечь какую-то пользу.

Единственный брат, Николай, был старше меня на пять лет и дразнил меня как умел, зовя «пиралькой» до тех пор, пока не доводил до озлобления. Я хватал что попадалось под руки и пытался его ударить, но он успевал надеть шапку, убегал на улицу, заглядывал с улицы в окно, смеялся, зубоскаля, продолжая дразнить меня. Переждав, пока утихнет мой гнев, он являлся в дом и грелся у железной печки как ни в чем не бывало. Я не был злопамятен, да и дела отвлекали меня, нужно было помочь маме в чем-либо. Утром, пока подымалось тесто в квашне, я толок картофель, варенный для свиней, пек лепешки в русской печи для отца и брата, которые собирались на работу, кормил кур или подметал веником пол на кухне и избе.

Николай Иванович Лыхин (справа) с братом Петром (посередине) и Ксенофонтом Ивановичем Тетериным. Прииск Апрельский (Бодайбинский район Иркутской области), 1930-е гг.

Подходило тепло, родители с братом уходили в дроворуб — весенняя заготовка дров начиналась в апреле. В мае уже подсыхала земля на возвышенностях, и мы с братом вывозили навоз на свои поля в таратайках. Он всегда ездил на Ворончике, горячем коне среднего роста, я — на Игреньке, смирной, умной лошади. Навоз набрасывал отец, мы с братом по силам помогали ему.

Летом родители с братом страдовали, уезжали на пашню за семь-восемь километров. Пахали, боронили, пололи хлеб от сорняков, руками выбирая сорную траву из посева зерновых, пока они еще не набрали колосьев, потом жали серпами и везли на телегах снопы, укладывали в свои клади возле дома. Приезжали домой обычно потемну, поздно ночью. Я же целый день хозяйствовал, то занимался коровой, поил ее в полдень, перевязывал на не тронутую скотиной подросшую траву, приводил вечером ее домой, приводил теленка из телятника, кормил свиней, кур, собирал по гнездам яйца, подметал в избе и вечером закрывал ставни у окон избы, залазил на диван под божницу в углу избы, ждал родителей и откровенно боялся, вздрагивал при каждом стуке ставен, скрипе их, шорохе, и все ждал, что вот откроется западня подпола на кухне и оттуда выйдет кто-нибудь, и как я рад был появлению своих родителей в доме и брата, все страхи забывались, а ночью снова тревожные

сновидения, связанные с непонятной силой, тянущей меня к западне, в незакрытые щели ее, или обязательно она находилась плохо прикрытой, а из подпола должно было что-то появиться страшное, колдовское.

В то время еще не установился порядок, были слухи про месть, кражи, бандитизм после отхода белых в Якутию. Все это наводило страх на людей старшего поколения, а дети перенимали страхи от них. Верили в запуки, колдовские силы и счастливых людей. Однажды ранней весной дядя Никита пригласил отца и другого их брата, Николая, на рыбалку неводом. Я, в то время лет пяти, в темноте прибежал к ним через километровое поле, где все лога и ямы были заполнены снеговой водой и еще не растаявшим снегом. Они закинули тоню на лодке — вывозят невод подальше от берега и, выбрасывая его в реку, постепенно закругляют его, тянут на бечеве к берегу. Все, что попадает в этот круг, подбирается неводом к берегу, попадает в мотню (мешкового вида придаток в середине невода) и вытягивается на берег. В эту ночь им повезло, по мутной воде после прошедшего реколома они вытащили в мотне большого тайменя. На суше он порвал невод, заскользил по откосу берега к воде. Три здоровых мужика не могли его удержать, он выскальзывал из-под них и неуклонно приближался к воде. Тогда отец велел братьям отойти в сторону и, подсунув под тайменя руки, стал раз за разом откидывать его повыше на берег подальше от воды. Подоспевшие братья забили его обухом топора по голове. Делили рыбу в нашей избе, я помню, таймень лежал на курятнике в два метра длиной, голова его свесилась с одного конца курятника, хвост — с другого конца. Вот какая водилась рыба в реке Лене.

Я стал считаться фартовым. Уже летом, не сговариваясь, они снова пригласили меня на неводьбу. Усевшись в лодку, я отмерил в ней длину в два опруга (поперечные основы лодки, к которым пришиваются доски дна и бортов шитика) примерно в полтора метра и говорю: «Вот такую рыбу нам поймать». И впрямь в этой тоне неводщики притянули красную рыбу в эту длину — осетра. Тут уж дядя Никита и впрямь уверовал в мой фарт и стал часто приглашать меня на рыбалку. В следующий раз он снова посадил меня в лодку и говорит: «Ну, Пётра, какую рыбу на этот раз поймаем?» Я развел руки в стороны, говорю: «Вот такую», но тоня пришла пустая. Невзирая на неудачу, дядя Никита все же не потерял доверия в мой фарт и брал меня на неводьбу в другие разы (невод был лично его принадлежностью).

Смелости и смекалки дяде Никите было не занимать. Он рыбачил там, где прочие рыбаки бросать невод опасались — большая быстрая вода, отсутствие чистых береговых мест прибора, короткие тони на быстрой воде. Раз по большой весенней воде мы кинули тоню на Захаровском острове, пытаясь с его изголовья, чистого от кустов, прибрать невод до кустов тальника, но быстрая вода протащила нас, и прибор невода пришлось делать на крутоярье среди кустов. В приборе невода забегали большие быстрые рыбы, две мы все-таки вытащили на берег, а одна ушла — кусты подняли невод в этой тоне.

В другой раз мы бережничали с дедом Иваном Андреевичем[85] и двоюродной сестрой Таисьей. Мы с Таей держали невод на береговом кляче (бечеве), и подхватившая сильная вода, потянувшая за собою невод, чуть не потопила нас, затащив по грудь в воду. Бросать кляч даже нельзя было и подумать, могло утащить невод и даже потопить дядю, державшего второй конец невода. Плывя на лодке, к нам подоспел Иван Андреевич, втроем мы справились с неводом и получили добрый улов крупной рыбы, хотя, видно по бойкости, таймень все же выскользнул из тони и убежал в реку. Помешали нависшие над водой береговые кусты тальника. После этой тони мы перешли на противоположный берег Захаровского острова и бросили тоню с того же изголовья в сторону протоки, где вода шла с еще большим напором и быстротой. Снова, едва мы успели сделать прибор до кустов, в приборе невода заметалась рыба, и хоть дядя поднял верхнюю тетиву невода, сиги, как молнии, перескакивали через невод и уходили. Еще ни разу я не видал такой быстрой рыбы. Все же в приборе задержались два или три сига, и какие красавцы: шириной примерно 30 сантиметров, длиной около 50, толщина не более 5–6 сантиметров. Фантазия, не рыба.

Отец в молодости ходил на пароходе, бывал в авариях, остыл, спасая тонущее судно, и с тех пор страдал глухотой, поэтому боялся воды, из-за чего не стремился к рыбалке, говоря: «Жопу не мочу и рыбы не хочу». Конечно, это было лукавством, так как приготовленную еду из рыбы он благосклонно принимал, аппетитно кушая. Отказываясь от рыбной ловли, отец лишал и себя самого, и всю свою семью разнообразия в питании, да получается, и денежного достатка, так как рыбу можно было бы и продать, а на вырученные деньги отовариться чем-то в магазине.

[85] По всей видимости, фамилия Ивана Андреевича тоже была Лыхин.

По детству я рыбачил только удочкой с леской, привязанной к удилищу, ловил в соседнем с деревней озере карасей и на реке выкидушкой мелкую, несортовую рыбу — ельца, сорогу, окуня; позже ставил сеть в том же озере, в которую изредка попадали окуни, щуки, караси. Особенно меня удивил озерный окунь, отъевшийся за лето озерными гольянами, — запеченный в пироге, он был жирный, с отменным вкусом, ароматом. Пирог из окуня, добытого в реке, не имел того вкуса. И уже взрослым я ходил на Захаровскую речку километра за четыре от деревни, там ловил хариуса на искусственную мушку, сделанную из пера и разноцветных ниток. Эта рыбалка была примечательна тем, что хариус хватал крючок почти на глазах, но до того он отчаянно боролся, уже поднятый на крючке в воздух, что часто срывался с крючка в воду и уходил.

Поздней осенью с первыми заберегами на реке и курьях у ребятишек было любимое занятие глушить рыбу. Мы заранее готовили топоры или посильные нашим силам кувалды и ранним утром гурьбой отправлялись на реку. Увидев рыбу на мелководье подо льдом, били обухом по льду напротив головы рыбы. Треск льда глушил рыбу, и она всплывала, тут уж поскорее раздалбливай лед и лови руками оглушенную рыбу, иначе она очухается и уйдет. В основном это были небольшие налимы и мелкие рыбешки — елец, сорога и прочее.

Во время подвижки льда, когда какое-либо плёсо крепкого, не поддавшегося разложению льда застревало среди островов или в основном русле реки, упиралось одной стороной в берег материка, другою в берег острова, на это плёсо громоздился остальной плывущий лед, получалась огромная плотная ледяная пробка, спиравшая воду реки, и та в силу закона свободы выходила из русла, затопляла все низины берега, оставляла за собою мелкие льдины на полях, рыбу в низинах лугов, озер, оврагов. Помню, в детстве вместе со сверстниками мы бегали ловить рыбу просто руками в бороздах пашен, через которые скатывалась с полей разгулявшаяся вода в низины лугов, озер, а через них и в само русло реки Лены. Подставим руки под отходящую воду в борозды, канавки, а в них тычется мордами мелкая рыбешка, по инстинкту сохранявшая свою жизнь и благополучие. В другой раз меня поразил целый табун озерных гольянов прямо у нас в ограде, в расположении летней поварни и среди хозяйственного инвентаря, хранившегося под завозней.

Настоящего рыбака из меня не получилось, зато я вознаграждал себя охотой с ружьем и с малых лет без добычи не

приходил домой. Если не удавалось убить утку, я заходил в лес и хоть одного-двух рябков, да добывал. В этом я прежде всего видел помощь родителям в пропитании и в то же время в перемене пищи. Дичина не всегда у нас гостила на столе, а вкус ее был привлекателен и новизной, и вкусовыми качествами, вне всякого сравнения со вкусом домашней утки. Теперь, в свои 74 года, жалко бить и рябков, и уток, какие еще прилетают на Лену весною, да и без меня им не дают покоя люди малого и среднего возраста. Отучили птицу гнездиться близ селений, гуси даже, по-видимому, маршрут свой изменили, по крайней мере, они не пролетают как прежде своим прежним путем вдоль русла Лены весною с юга на север, а осенью в обратный путь на юг. Может статься, что их численность поубавилась в связи с повсеместным истреблением огнестрельным оружием. Бывало же, осенью гусей, вспугнутых на Севере ранними заморозками, в среднем течении реки Лены останавливало вернувшееся на время тепло, и они задерживались в пути, кормились на крестьянских посевах хлеба до холодов. Почти каждый имеющий ружье добывал их на этом перелете. Я же во времена перелета водоплавающей птицы заболевал охотничьей страстью, не шла на ум учеба в школе, а позже в техникуме на тот период, когда они длинной вереницей в небе тянули на север или осенью возвращались с гнездовий на юг. Во время их перелета у меня тоже возникало желание куда-то двигаться, отлет на юг водоплавающей дичи наводил на меня тоску одиночества, в душе я чувствовал какое-то опустошение.

Отец мой не был настоящим охотником, возможно, этому мешала глухота, приобретенная как следствие простуд в молодости, но собак охотничьих держал, приобретал и ружья. Первое, что попалось в мои руки, это ружье под названием «турка» — шомпольное ружье, заряжавшееся со ствола. Сперва насыпали порох, прикрыв его комочком из потрёпок пакли, насыпали дробь, надевался на стволик бойка капсюль, поднятый на взвод курок спускался на него, разбивал селитру, огонь от капсюля поджигал порох в стволе, получался выстрел. Ствол ружья, кузнечной ковки, сверху был граненый — восьмигранный, стенки толстые, отверстие же ствола разве чуть больше ствола мелкокалиберной винтовки «ТОЗ». Были частые случаи: то боек вылетал, то разлетались осколки капсюля, разбитого курком, и под действием пороховых газов, то сам казенник вырывался из резьбы ствола, и калечили руки, глаза охотника или даже убивали стрелявшего из этого оружия человека. Вот с таким-то ружьем я и стал охотиться на перелетную и боровую дичь.

Была весна, у нас были гости, в изрядной дали от берега на разливе весенней воды сели утки. Я схватил эту турку и побежал, а дальше пополз по пашне на выстрел к уткам. За мною увязался пожилой чахоточный мужик Евгений, тоже с горящими глазами, и шептал мне в спину: «Спаряй, спаряй». Я в то время не знал, как это спарять, а утки (их было две) не сплывались, и, подгоняемый шепотом мужика, я прицелился и выстрелил в промежуток между ними... Прицел был верен, дробь упала на воду между уток, не задев их, они благополучно вспорхнули и улетели. Долго я был в досаде на Евгения за его совет. А по существу-то совет был дельным, нужно было подождать, когда они сплывутся рядом (бок к боку), но когда ждать этого, я видел, что они отплывают все дальше от меня в разлив водоема. Это было первое мое крещение.

Позже отец мне разрешил брать уже патронное ружье — «бердану». Ружье было не из плохих, я стал приносить домой уток. Заело и отца, он не выдержал, и мы с ним договорились утром пойти пострелять уток. В осеннюю охоту на уток надо было вставать примерно в три утра. Самое крепкое время сна. Я попросил отца разбудить меня, но он ушел один. Проснувшись, я спросил маму: «А где папа?», мама говорит: «Ушел с ружьем, тебя пожалел будить». Я быстро оделся, схватил берданку, выскочил за околицу деревни и увидел вдали в поле идущего в сторону озера Плеханово охотника. Был ли то отец или кто другой, раздумывать не стал: раз меня опередили, то всех уток человек спугнет и я приду на пустое место. Я повернул в противоположную, северную сторону поля, там тоже были озера, ямы, наполненные водой, и по реке — залив, называемый Нижней Курьей; вверх по реке такой же залив составляла Верхняя Курья. Было еще довольно рано, туман окутывал просторы воды и земли. Осторожно подкравшись к курье, я приметил спящих уток. Выстрелом я оставил на воде двух кряковых уток, одна была бита намертво, вторая, трепыхаясь, немного отплыла от берега, ее вынесло в текущую струю воды Лены и, к сожалению, унесло водою. Лодки у меня не было, и я попустился ею. Пока я раздумывал, как достать оставшуюся утку, к ней внезапно присели чирки. Вторым за утро выстрелом я взял еще пару уток и с этим вернулся домой. Отец уже сидел за столом, завтракал, увидев мою добычу, похвалил меня. Рассказывал, что на подходе к озеру Плеханово над ним низко пролетел большой табун уток, он присел, но они, увидев его, поднялись выше и улетели. На мой вопрос, почему же не стрелял влет, ответил: «Я думал, они сядут на озеро». Дело ясное,

Нижняя Курья. 2007 г.

влет дичь он не привык стрелять. Обскакал я его. Больше он со мною не соревновался.

Однажды осенью, в сентябре, мы копали картофель на косогорчике за школой в 600–700 метрах от болотистого нижнего конца Беренгиловского озера. Это было извершение озера семи километров длиною, оно переходило в отдельные озерки, заросшие осокой и камышом, покрытые мхом в основной своей части, утки высиживали в них птенцов и кормились до осени, не каждый мог пробраться в сердце этого болота. На болоте беспрерывно слышались выстрелы, мое сердце кипело, по выстрелам я судил о наличии дичи на болоте. Наконец мы выкопали всю картошку, и я опрометью побежал домой за ружьем. Не добежав до изгороди (огорода), увидел стайку крупных уток, летевшую в мою сторону. Я присел возле городьбы, и как только утки налетели на меня, встал, чем напугал их, они круто повернули в сторону, притом сгрудились друг с другом, и мой выстрел не пропал даром. Одна кряква упала возле меня. Взял ее за шею, перелез изгородь и направился к молодым беренгиловским охотникам, которые при виде меня поднялись из укрытий со словами: «Что, убил?», говорю: «Вот, убил». В ответ завистливое, стыдливое молчание. Они же целый вечер бухатили, вероятно, мешая один другому.

В другой раз лыхинская молодежь, до десятка человек, расположилась в обширном скрадке на северном конце того же болота, заметно обмелевшего к осени. Увидев летящих в нашу сторону уток, все прятались в скрадок. Перед закатом на водную гладь перед скрадком приземлился чирок, два выстрела слились в один звук, два охотника кинулись к убитой дичи. Добыча оказалась у сильного и расторопливого, другой пустился в спор, но кто добровольно уступит поднятую добычу? Уже стало темнеть, на светлом фоне неба появился селезень (кряква) с намерением сесть в нашем конце болота. Все снова укрылись в скрадке, я же взял его на прицел, и только он долетел до тени от хребта, выстрелил вслед и услышал шлепок о воду упавшей недалеко от скрадка утки. Таким образом, мне снова «повезло», как говорили в деревне. В результате — две убитых утки на десяток страстных молодых охотников. Признаюсь, я далеко не был снайпером и не в каждом положении мог сбить летящую дичь, но другие и этого не могли и стреляли только сидячую.

В то время перелетной дичи было много в нашей местности. Основной крестьянской массе населения в весенне-летнюю пору было не до охоты, люди с раннего утра до позднего вечера работали на полях, для сна выкраивалось в сутки от силы четыре–шесть часов, а молодежи еще нужно было избрать время на встречу с любимой девушкой, а девушке — с парнем. Поэтому утром оторваться от сна молодежи было трудно: «Сон всего милее». Доходило до курьезов, шлепков, таскания за волосы, раздоров. Был слух — один молодой парень даже ложил в постель рядом с собой ружье, угрожая пристрелить того, кто потревожит его сон. Меня же ничего не держало, я как по часам вставал утром в назначенное время еще потемну, обычно часа в три утра, или точно в три, или на пять минут опережая или запаздывая. Не всегда охота у меня была удачной и приятной. Иной раз ползешь по сырому от холодной утренней росы пологому берегу к водоему на виду у уток, те издали пристально наблюдают и, не подпустив на верный выстрел, улетают. Один раз мои поползновения все же удались. Река обмелела, Верхняя Курья пересохла, остались по ее руслу неглубокие с каменистым дном водяные плесы глубиною не более 40–50 сантиметров. На одном из них мне издали удалось высмотреть отдыхающих ранним осенним утром уток. Берег был пологий, открытый взгляду, но кое-где кучками росли мелкие кустики тальника, в других местах щетинилась поросль травы с устойчивым, высыхающим к осени стеблем. За этими укрытиями по холодной ро-

систой траве мне удалось подкрасться к стае незамеченным и выстрелом оставить на луже двух кряковых уток. Лететь они не могли, но ныряли и плавали (под легко просматриваемой чистой водой лужи) отчаянно. Наконец поняв, что от меня в воде не спастись, попытались спрятаться в зарослях тальника на берегу. Там я их достал. Утки были старые, крупные, общим весом двух тушек более веса гуся дикого, которого мне удалось чуть позже убить. Я забыл и мокрую одежду, добыча была для меня невиданной.

Страсти молодого охотника большие, поле лугов и пашенных земель взору открытое, и если табун уток или гусей, плывя над ним, снижался где-то вдали над водоемами реки или озер и больше не взлетал над горизонтом, можно было с уверенностью думать, что они там где-то приводнились. И вот через трех-четырех-, а возможно и пятикилометровое пространство этого необозримого лугового простора с ружьем в руке я бегу к месту их посадки, заодно оглядывая озера, мелкие, заросшие осокой озерки по логам в надежде увидеть сидящую на них плавающую дичь. В этот раз в сторону Беренгиловского озера (оно тянется возле хребта, левого по течению Лены берега, по луговине) пролетела большая стая гусей-гуменников и снизилась с видимого горизонта над ним. Добыча была крупная, заманчивая (раньше мне не приходилось убивать гуся). Немедленно я кинулся из одного конца поля в другой в сторону их посадки. По крадущимся в том же направлении охотникам я приблизительно определил место посадки гусей на озере (за скрывавшим их островком осоки), напрямик выскочил к берегу озера и выстрелом из взлетевшей из-за осоки стаи влет выбил одного гуся, перебив ему дробью крыло. С помощью оказавшейся поблизости лодки я догнал ныряющего, уходящего от меня по воде и под водой гуся, добил его. Хоть добыча была внушительная, но в сравнении с весом описанных мною чуть выше двух кряковых крупных старых уток была легче, и вкус гусиного мяса (может быть, непривычный) мне не показался приятным.

Особенно примечательна была весенняя охота, в мае и начале июня, в период брачных спариваний перелетной дичи. В уединенных местах, вдали от человека или на солнечной стороне берега реки, всюду слышались призывные крики разных пород уток (крякание, керкание, кликание, клохтание, чистый тонкий протяжный свист и другое). Все выражали радость по поводу прихода весны, тепла, солнца, желанных встреч с единородцами. Каждый силился привлечь к себе желанного спутника или спутницу в этой брачной весне,

все были в праздничном оперении, наряде. Правда, наряд самочки всегда был скромнее, проще: серенькое нарядное серебристое у породы свиязей платьице, или темно-бордовое у чирков, клоктунов, или светло-желтое у кряковых уток, серенькое у шилохвостей, а вот весеннего наряда у гоголя, чернетей я не приметил, они, вероятно, не задерживались в верховьях Лены на пути к гнездованию на Дальнем Севере, в тундре возле моря. Осенью я убивал их в черно-белом наряде. Зато какими нарядными кавалерами выглядели весною селезни породы крякв: и кудряшки налепят себе на хвосты, и яркие темно-зеленые, вперемежку со светлыми строчками одеяния на крыльях, темно-зеленая головка — все это одеяние прикрывает светло-коричневое платье самой тушки. За ними стараются не отстать в наряде чирки разных пород, клоктуны, шилохвости, но все эти наряды затмевает наряд самца утки породы свиязь. Он царь в своей горделивой посадке на воде, а потому его платье самое нарядное, горит на солнце, словно золотая парча. А свист его, призывный, сочный, громкий, заглушает все птичьи переборы.

Плыли они по весеннему разливу реки Лены в одиночестве со своей подругой, его громкий свист привлек мое внимание, и в азарте молодого охотника — убить (достать выстрелом птицу) — почему-то пожалел красавца самца, выцелил и убил самочку, а достать добычу не смог. До сих пор не могу простить себе этого бесцельного охотничьего азарта. Возможно, для самца жизнь его подруги была дороже своей жизни. Не помню, взлетел ли самец или так и уплыл рядом со своей не взлетевшей после выстрела самочкой.

Звериный инстинкт охотника глушит все проявления человеческой жалости, совести, справедливости. Потому-то он редко бывает возвышен душой; он глух к красоте природы, к жизни ее живых существ, ее проявлений к наполнению разнообразия на земле, воде. Но виноват ли простой человек в своей жестокости, разве он не такой же зверь на воле, который если не убьет посильного себе, никому не сделавшего зла, ни в чем не погрешившего в жизни травоядного животного, то не выживет сам. Ни о чем не думает в это время плотоядный хищник: ни о красоте природы, ни о праве жизни на земле любого живого существа, никакой жалости к чужой жизни не испытывает. Его желудок требует пищи, и все его мысли сосредоточены на еде. Не то же ли испытывает человек в своих житейских невзгодах?

В один из таких весенних разливов Лены рано утром с ружьем пришел я на упомянутое ранее болото. Все оно было

покрыто водою, только в середине его зеленел островок весенней травы. Вот вокруг этого островка и сгрудились утки многих пород на безопасном расстоянии появления человека или какого-либо зверя. Я прокрался до угла городьбы — огорода, состоящего из вбитых в землю заостренных кольев, перевитых тальниковыми прутьями и уложенного по ним тонкомерного леса (жердей). Ближе ползти по открытому месту от городьбы к воде было бессмысленно, утки бы, естественно, насторожились и поднялись бы на крыло и улетели или отплыли бы подальше от берега за островок. Весенний птичий базар был в самом разгаре. Всюду слышались клики, керканье, крякание, шипение, свист, клоктание... В это время из-за восточного хребта (правого берега Лены) поднялся огромный диск солнца, в медно-красном мареве, ровно большой начищенный красной меди пятак, и своим светом озарил весь видимый простор, озолотил зелень островка, только вода оставалась черной. За свои 70 с лишним лет жизни единственный раз мне пришлось видеть это чудо природы. Совместно с радостным приветствием этого замечательного явления разноголосого птичьего базара я забыл об охотничьем желании, был увлечен всеобщим приветствием утра, радостью бытия всего живого вокруг, гвалтом птиц, красотой природы под медным сиянием солнца и царящим миром.

И вот в этой красоте природы и очарования птичьего гомона — брачных песен — с противоположной стороны разлива в направлении к птицам выплыла лодка со стоящим во весь рост охотником, неким Николаем Платоновичем (Горбуновым), молчаливым, туповатым на вид человеком. Естественно, все живое всполошилось, утки поднялись на крыло и стали прощальными кругами парить над местом своего утреннего базара. Одна стая клоктунов направилась в мою сторону, при ее приближении я резко встал с ружьем, чем напугал их, птицы застопорили полет в развороте, создав из себя плотную массу в воздухе. От моего выстрела три птицы упали на берег недалеко от воды. Двух я выловил на подвернувшейся лодке, а третья, перелетая с места на место, увела меня на пашню и там где-то скрылась среди неровностей вспаханного поля.

Я очень жалел позже, что не мог запечатлеть красоту позолоченной природы фотоснимком, а голоса птичьего базара — на магнитофонной пленке. Какую памятную картину я мог бы потом воспроизвести, незабываемую для себя и к радости любого чувствующего красоту природы простого человека. Многим ли за свою жизнь, тем более из постоянных жителей города, приходилось видеть и слышать подобное?

В другой раз я близко наблюдал и слушал весенний птичий гомон солнечным утром около левого берега реки Лены, заросшего тальником. Сколько отрадной радости проявляли водоплавающие птицы в этот период знакомства и спаривания для будущего своего утиного потомства! И здесь я в своем охотничьем желании невольно распугал утиную свадьбу, убив выстрелом кряковую утку. Раньше был азарт охотника, подстрекаемый славой, а в то же время промыслом пропитания, свежиной, так как в летний период свежего мяса у крестьянина обычно не бывает, если оно есть у кого, то или в соленом виде, или вяленом. Копчения у сибиряков обычно не было, в этом не было необходимости. Вялилось же обычно наружное сало со снятой шкурой и нарезанное пластами, которое вначале просаливалось (втиралась в него соль) и вывешивалось в амбаре или кладовой на продуваемых ветром местах.

Добыча свежей дичи обновляла меню домашнего стола и считалась престижной среди населения деревни. Но в конечном счете много ли значит одна убитая утка по сравнению с той прелестью созерцания и восприятия слухом весенней прелести, подчеркнутой живыми существами окружающей нас сибирской природы?! Ведь с каким нетерпением ждешь весны с ее преобразованием в красках, запахах, с гомонящими в перелете гусиными, журавлиными, лебедиными и, хотя и молчаливыми, но красочными в своем быстром полете утиными стаями. Да что говорить, даже воробьиный весенний сбор ранним солнечным утром с громким чириканием, спариванием и соперничеством за самочку умиротворяет чувства слуха и обозрения живой природы в момент ее радостного восприятия, наступления весеннего ожидания тепла и солнца, и все это ради пополнения поколения своего рода, племени. Такого ощущения среди отягощенного вечными заботами о еде и укрытии среди людей не наблюдаешь. И как жаль, что пережитым впечатлением от этих базаров я доступно не могу поделиться с людьми, и никто другой не довел до сознания простого человека, как надо относиться к девственной природе, беречь ее, жить с ней в мире и ладу. Ведь без нее человек как в вонючей тюремной яме, не имеет ни радости, ни забвения.

Еще немного про себя и про свою охоту с ружьем. Нередко до поздней осени оставались одиночные утки, отставшие по каким-то причинам от улетевшей на юг своей стаи. Каждая отдельная порода уток держится своими стаями. Только весною они слетаются кое-где в одно место и создают своими голосами разнообразную гармонию звуков. Осенью их перелет проходит молча. Перед отлетом после линьки

они откармливаются по местам своего пребывания и хорошо идут на манок. Между рекою Леной и хребтом с левой ее стороны в нашем месте лежит равнина с логами, озерами. В вечернее время звук манка-крякуши разносится во все стороны до километра, а может, и дальше, так что и с болота, и с реки звук манка птица отчетливо слышит и спешит примкнуть к слышимому голосу. Однажды вышел я с ружьем посидеть в засидке на озеро Перевузье — это два соседних озера, соединенных узким коротким перешейком, похожих на рыбный пузырь. Засел на берегу южного конца озера среди высокой осоки под навесом ветвей тальника. Воздух был теплый, разреженный, природа просто дышала ароматом прелых листьев, шелестом осоки, кряканьем уток, кваканьем лягушек с картавым горловым хрипением, похожим на кряканье уток, так что было трудно разобрать, где крякает утка, а где хрипло квакает лягушка. Достал из кармана утиный манок и присоединил его манящий звук к звенящим звукам уток и лягуш из болота. Вскоре услышал свистящие звуки крыльев, приближающихся ко мне со стороны болота, и чтобы не обнаружить себя, я временно прекратил кряканье. Пролетая над озером, а затем и надо мною в кустах, утки вопросительно прокрякали: «Кря, кря?», вроде спрашивали: «Где ты? Где ты?» По их удалению от меня я снова закрякал манком и вскоре опять услышал приближающийся свист крыльев возвращающихся уток, и, снова не увидев сородича, они, пролетая надо мною, прокрякали: «Кря, кря, кря» — «Где ты, где ты, где ты?» Я промолчал, чтоб не выдать себя, но они засекли все-таки голос моего манка и, сделав круг, шлепнулись на воду возле осоки рядом с моей засидкой. Было уже темно, я чувствовал их близость, но через осоку разглядеть их не мог, нельзя было пошевелиться, чтобы не вспугнуть их, а они беззаботно шелестели клювами, выискивая в озерной тине для себя пищу. Темнело еще больше, наконец, в дальнем конце озера села крупная утка и быстро, темной тушкой по серебристой ряби поверхности озера, поплыла в направлении береговой осоки. Наспех выцелив, я выстрелил по ней, когда она уже входила в осоку, и промазал. Мой неожиданный выстрел испугал моих чирков, они молча вспорхнули с воды у меня под носом и улетели. Выходит, что и птицы говорят на своем языке, есть у них и сигнал тревоги, и удовольствия, и брачные песни, и перекличка, вполне понятные для них.

Поздней осенью я шел по знакомым местам: озерам, отдельным промывам, ямам. В летнюю пору они полны водою, к осени основная масса воды высыхала, в оставшейся на дне

разрасталась темно-зеленая перегнивающая масса тины, в ней-то и кормились осиротевшие утки. К таким ямам я тихо крался, нагнувшись, чтоб не обнаружить себя раньше времени, потом брал ружье на изготовку, упирая приклад в плечо, правым глазом смотрел через прорезь рамки на мушку и в таком порядке вставал над ямою, готовый выстрелить по любой живой цели, попавшейся на глаза. В один из таких подходов на мушку ружья мне попался чирок, я немедленно выстрелил по нему, и вдруг из ямы вылетела крупная кряковая утка и упала в траву недалеко от обрывистого берега ямы. К ней бросилась моя собака, а вслед из ямы невредимый вылетел тот чирок, в которого я целился, и стал соколом виться над упавшей в траву кряквой и подоспевшей собакой. Три раза он кидался к своему другу по несчастью, которым завладела уже собака, и, видя бесцельность, улетел. Я был ошеломлен случившимся, беззаветной преданностью чирка в дружбе с кряковой уткой и не подумал в него стрелять. По-видимому, они сидели рядом, селезень кряковой утки также имел оперение темно-зеленого цвета, и я его не разглядел среди тины, промазав в чирка, случайно попал в селезня.

В другой раз, также поздней осенью, я снова наведался с ружьем к этой яме и убил чирка. С первого взгляда он удивил меня округлой формой, чирок так отъелся на хлебных полях, болотах, что напоминал ощипанный от перьев колобок. А когда мама его сварила, суп из него был наваристый, жирный, вкусный, с пряным свежим запахом осенней природы, трав, лесов, чистого, не загаженного химией воздуха. Невозможно сравнить вкус дикой утки, нагулявшей жир на жнивье осыпавшихся хлебов и разнообразии природной пищи, с вкусом домашней, откормленной для убоя утки. То же можно сказать о вкусе мяса домашней курицы, кормящейся на приволье вокруг дома и двора разнообразной пищей, и курицы, живущей в неволе, а также вкусе яиц от нее. Позже, живя на Украине, я это вполне осознал. Иной раз возьмешь в магазине курицу, упитанную на вид, жирную, а сваришь ее и через силу съешь, не говоря уже о бульоне от нее, который без сожаления выливаешь в помойное ведро. Чем их кормят?

В реках и речках, русле реки Лены водится разная рыба — и крупная, и мелкая, и вкусом она разнится. В рыбацких артелях, бригадах в котел закладывают рыбу разных видов и находят нужный вкус ухи. Я не был на настоящей рыбалке, добывал рыбешку какого-нибудь одного сорта, и то в небольшом количестве обычно. Мама запекала ее в тесте, и получался какой-никакой рыбный пирог. Однажды мы, одно-

фамильные двоюродные братья, всю ночь рыбачили неводом. Улов был небольшой, рассвет нас захватил на острове Зырянов в семи-восьми километрах от дома. Была у нас краюшка хлеба, соль, по берегу реки нарвали дикого лука, сварили в двух котелках уху. В одном чисто из небольших сигов, в другом была рыба неразбор: ельцы, сороги. Начали уху из сигов, которая была до того вкусной, ароматной, я еще такой никогда не пробовал. Мигом закончив с ней, перешли к ухе из ельцов и сорог. Эта уха была не в пример безвкусная, отпало всякое желание употреблять ее после сиговой. Но вот в другой раз я решил угостить ухой из сига (выловленного нами неводом в той же реке Лене) своих родителей. Накрошили картофеля, принесли воды из колодца, накрошили репчатого лука. Сварили, стали кушать, а ожидаемого вкуса-то и не получилось. Так и не могу понять, в чем же секрет?

Однажды осенью по шуге, река еще не встала, мы, выйдя с охотничьего промысла, завтракали в семье рыбаков выловленными в тот же день ельцами. Хозяйка выпотрошила их, уложила брюшками на чугунную сковороду плотно боками одного к другому, круто посолила их спинки миллиметровым слоем соли и поставила жариться в русскую печь. Вытащив сковороду из печи и убрав не растворившуюся, запекшуюся общим слоем соль, она поставила сковороду на стол. И представьте, те же ельцы, что и я добывал когда-то, до того были, на удивление, вкусны, что я бы, наверное, один половину съел. Рыба, закрытая коркой соли, испеклась в собственном соку. Известно всем, что ельцы костистые, а тут, стоило взять рыбку за голову, все кости выходили из тельца на общей основе позвоночника, в теле рыбки не оставалось ни одной косточки. А каков был вкус — свежий, пряный, соли рыба впитала в себя столько, сколько нужно было для нужного вкуса.

Ко всему надо иметь навык. Из всякой рыбы можно иметь приятное кушанье. На что костистый карась, и тот, начиненный кашей, умело запеченный на сковороде в русской печи, также был до удивления и вкусным, и желанным. Кости его, и мелкие, и крупные, под воздействием жары сверху и снизу прожаривались, а начинка приобретала приятный вкус. Другие прожаривали его на печи без начинки с обоих боков, и в этом виде вкус карася был превосходным. В ухе же карась сохранял все свои мелкие и крупные кости, и возиться с ними было нудно, неприятно. Годами позже, на Западной Украине, работая в магазине рабочим, я купил небольшого золотистого карпа и запек его в тесте в виде рыбного пирога и вопреки ожиданиям был удивлен приятным его вкусом. В

другой раз я взял тоже такой же величины карпа серебристого, спек из него тот же рыбный пирог, а вкуса прежнего не получил. Карп не нагулял жира, и ожидаемого вкуса не получилось. Десяток лет спустя, уже будучи в Литве, я снова купил карпа, довольно крупного, и снова не оценил его достоинства, правда, хозяйка жарила его в постном масле. Но, видно, в семье карповых есть разновидности, литовские карпы имели другой вид против карпов, выловленных в водоемах юго-западной Украины, отличаясь и видом, и цветом.

Память воскрешает все, что связано с острыми ощущениями в прошлом, особенно ощущения, связанные с чувством природы, окружающего мира животных и растений. Наша деревня стояла на косогорчике за озером, в километре от реки Лены, естественно, и жизненные ощущения детства связываются прежде всего с ним, с озером, и зимою, и летом. В весенний ледоход в узких местах большие участки крепкого еще льда упирались своими краями в берега материка и островов, спирали воду, и ее уровень в верховье подымался на несколько метров. Заливало все низменное пространство, снимало с низких мест дома, постройки, бани, все, что можно было поднять и унести с собою. Вначале наша деревня называлась Беренгиловой и стояла на высоком берегу Лены возле верхней протоки. В 1915 году во время ледохода при заторе льда между островом Захаровым и левым материковым берегом Лены вода настолько поднялась, что смыла несколько домов и построек даже с такого высокого берега. Мимо проносило все, что она могла снять выше по течению в посильных ее разливу деревнях. Рассказывают, что на крышах домов, построек проносило и живность — петухов, которые горланили, вероятно, с перепуга или по привычке, отмечая время суток, кудахтали куры.

Жители стали переселяться на другие, более безопасные места по долине подальше от реки. Так, одни переселились на возвышенность возле семикилометрового озера рядом с хребтом левого берега Лены и оставили за собою прежнее название деревни Беренгиловой, произошедшее, по-видимому, от фамилии первого поселенца старой деревни[86]. Другие, по фамилии в большей части Лыхины, поселились на возвы-

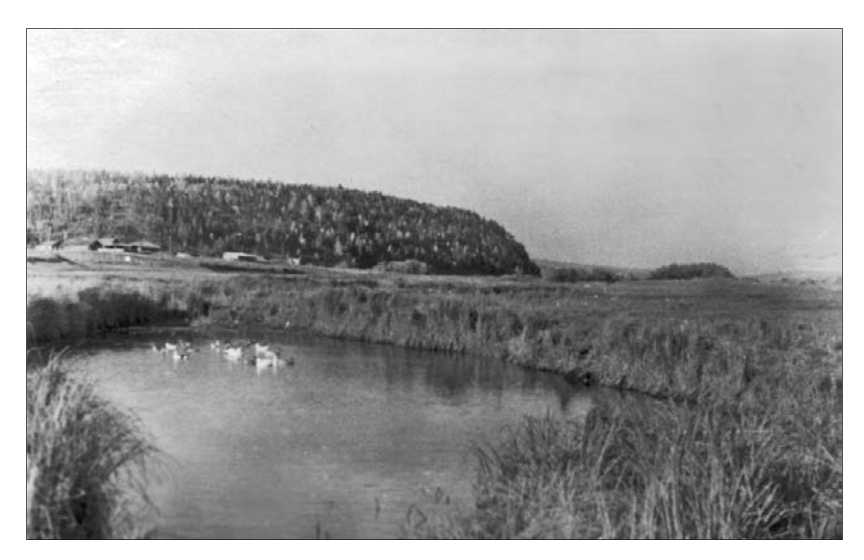
[86] Первопоселенцем деревни был Гаврилко Михайлов Берендило, посаженный в пашню на р. Лене в 1648 г. По его прозвищу, превратившемуся у потомков в фамилию, деревня первоначально именовалась Берендиловской, в XIX в. ее название видоизменилось в Беренгиловскую, а в советское время она стала называться Беренгиловой.

шенности за небольшим озером ниже по течению Лены в одном километре от Беренгиловой и назвали свою деревню Лыхиной[87]. Но весенняя вода во время ледохода или паводковая вода (вода от тающего снега на хребтах при дружном установившемся тепле в начале лета) все же затопляла низкие окраины деревни. Уже не раз пуганные водою жители спасались на берегу левого хребта Лены, переплавляли на лодках все, что можно было уберечь от воды (имущество, скот). После спада воды снова возвращались в свои дворы, дома, и жизнь продолжалась до следующего года — будущего наводнения. Вода пугала, разоряла крестьян и в то же время оставляла в озерах, ямах разнообразную рыбу. Мне помнится, как у нас в ограде в задержавшейся воде было много мелкой рыбы, а при спаде воды мы бежали на мелкие ручьи отходящей воды на косогорах, опускали руки в ручей и на ощупь выбрасывали на сухое место тыкавшуюся в руки рыбу. В основном же почти каждый разлив реки отсиживались всем семейством на хребте левого берега Лены, в другие разы мужчины отвозили женщин и детей с постелью и теплой одеждой на упомянутый хребет, скот и доброе имущество перепоручали соседям — жителям деревни, которые свои постройки выстроили на высоких местах косогора. До них, как обычно, вода не доходила или подходила только своим краем разлива. Вспоминаю такие переселения на хребет левого берега реки и цыганскую жизнь там среди леса, костров и приятного свежего хвойного воздуха. Взрослые занимались своим делом, мы, детвора, гоняли бурундуков, со страхом взирая на обширную водную гладь, покрывавшую все пространство на два километра шириной от одного до другого хребта реки Лены.

Удивляюсь положению жителей деревни Беренгиловой. Не помню, чтобы они по примеру людей деревни Лыхиной спасались при наводнении на левом берегу Лены, хотя деревня стояла возле болота, на низком его берегу. Это время запомнилось мне и как страшное, и в то же время как наполненное новизной, романтикой, удивлением могуществом природы.

Теперь русло Лены углубили землеройные машины, леса по берегам повырубали, заторы льда бомбят с самолетов, случаи затопления низин русла Лены прекратились, да и многих деревень не осталось и в помине. Старики вымерли, мо-

[87] Разделение д. Беренгиловской на две — Беренгиловскую и Лыхинскую — произошло в середине XIX в. После наводнения 1915 г. из старой деревни выехали последние жители, и она перестала существовать.

Озеро у деревни Лыхиной. 1953 г.

лодежь поразъехалась или перебралась в соседние деревни, которые еще уцелели от деятельности советской власти на местах. Земли, ранее засеваемые крестьянами, по словам руководителей райкомов-обкомов, стали называться «нерентабельными» и процентов на 30 позаросли снова хвойным лесом, а оставшиеся сенокосные и пашенные луга частью засевались зерновыми культурами, частью ушли под летний выпас рогатого скота. До этого же скот пасся в лесу и по долине речки Захаровки, на низменных местах оконечности болота или на привязи в отведенном для этого месте между рекою и деревней. Если ранее для меня то была родина, теперь все поражает бесхозяйственностью, запущенностью, мертвой природой. В озерах не стало не только рыбы, не услышишь и кваканья лягушек, безмерное высеивание химических удобрений убило все живое в них. Речная вода не стала выходить из берегов и тем самым перестала обновлять жизнь в озерах.

Зимою люди деревни брали еще нетолстый лед в озере и вставляли в окна стаек, хлевов. В это время мы боялись ходить по льду, опасаясь не замерзших под снегом прорубей. Позже на льду прорубали отверстие диаметром 10–20 сантиметров, устанавливали на дно озера жердь и, дав ей обмерзнуть, увязаться со льдом, ставили на верхний конец ее деревянное колесо от телеги, укрепляли на нем длинную жердь, к концу

которой привязывались санки, между пальцев обода колеса и ступицы влаживали стяги и, нажимая на них, крутили колесо вокруг своей оси, длинный конец укрепленной жерди тоже вращался по кругу, волоча за собою санки и человека на них. Эта ледяная карусель при сильном нажиме на стяги давала большую центробежную скорость, так что не каждый улегшийся на санки человек удерживался на них, руки не выдерживали центробежной силы, человек летел, катился далеко в сторону по льду, оторвавшись от санок. Скорость вращения санок была до того велика, что дух захватывало от встречного воздуха. Эту ледяную карусель вначале испробывала взрослая молодежь, натешившись, оставляла нам, ребятишкам. Со временем снег покрывал лед и катание прекращалось.

Зимою рогатый скот и лошадей поили в специальной проруби, обделав ее бруствером изо льда, наморозив на край проруби снег, облив его водой из той же проруби, чтобы скот не мог нечаянно соскользнуть в прорубь. В середине зимы и в конце ее к поверхности воды в проруби собиралась масса мелкой рыбы подышать кислородом. У детей младшего возраста возникало кошачье желание поймать ее решетом, но так как прорубь была узкой, решето, имеющее диаметр около полметра, нельзя было опустить прямо дном вниз и вытащить обратно, так и оставалось наше желание нереализованным. Зато мы чувствовали живое в воде, были рядом с природой.

Озеро Лыхинское. 2000 г.

Взрослые же во время зимы продалбливали в толстом, до метра, льду два отверстия, между ними продалбливали канаву и гнали лопатами воду из одной проруби в другую через эту канаву. Рыба (в основном карась) идет к открытой воде подышать кислородом, течение воды подхватывало карасей и гнало их вдоль по канаве до следующей проруби, в которой устанавливалась сетка, пропускающая воду, но задерживающая рыбу.

Поздней весною карась в массовом порядке идет к берегу на зелень. Особенно он скапливается по полной воде в заливах, где водою залило молодую растущую луговую траву. Тогда обрезками неводной дели от устья залива к вершине его мы тянули снасть и вылавливали карася по ведру-два за одну тоню.

Летом во время цветения черемухи и цветения водорослей озера карась хорошо идет на дождевого червя, тогда-то мы, малыши, каждый со своей удочкой буквально обсаживали берега озера. Это самое лучшее проведение свободного времени. На озере к чистому природному воздуху примешивается аромат цветущей черемухи, какой-то успокаивающий запах цветущих водорослей, наполнивших своими мельчайшими частицами всю глубину озерной воды, вода приобретает от них зеленый цвет. Теплые лучи летнего солнца ласково пригревают нас в парном воздухе испаряющейся воды озера, хочется подремать или развалиться на траве и уснуть, однако настороженный организм рыбака не позволяет нежиться, глаза зорко следят за поплавком. Наживу часто снимает мелкий озерный гольян, он же вводит и в заблуждение рыбака, ставя или таская поплавок по воде. Улов обычно небольшой, но мы и тем довольны. В том же виде и рыбалка у реки, но там чаще мы ловили рыбу выкидушками, и как приятно бывало на душе, когда, берясь за береговой конец шнура выкидушки, угадываешь клев или подергивание на крючке рыбы. В теплые солнечные летние дни возле воды не ощущаешь жары, чистый, напоенный цветущими растениями воздух, парной от испарений, приятно убаюкивает, настраивает сонное состояние. Охотно верю людям, отдыхающим от шума, утомления, нервного напряжения рабочего дня, которые проводят свой отдых возле водоемов с нехитрыми рыболовными снастями. В это время в лесу душно, надоедает гнус, там или жарко, или мокро от прошедшего дождя. Вот и тянет человека на цветущие луга, насыщенные ароматом распустившихся цветов всевозможных видов рядом с руслом реки. Видные

люди города[88] со всею семьею на моторных лодках спускались вниз или подымались вверх по реке, выбирая полюбившиеся им места для отдыха среди сельских лугов, покупая продукты питания у крестьян на звонкий рубль, живя на природе обособленными семьями вдали от городского газа, шума, толкотни, отдыхая всей душой, набираясь сил для новой работы на предприятиях, производствах в постоянном напряжении нервов до будущего лета, а не кочуя на прославленные рекламой курортные общеизвестные места юга. Если сравнить организм человека с организмом лошади, по самочувствию последней можно понять, какое воздействие на организм оказывают покой, самостоятельность бытия, ничем не загаженная, не потревоженная девственная природа. Забитая тяжелым трудом лошадь за месяц отдыха становится неузнаваемой, весь вид ее показывает здоровье и силу.

Я уже говорил, пароходство в 20-х годах по Лене еще не было в расцвете сил. Отдельные старенькие пароходы едва тащились вверх по реке, на одно-полуторакилометровом перекате с небольшой баржонкой на буксире они шлепали своими плицами на колесах с обоих бортов судна больше десяти часов. Иногда, вглядываясь на ориентиры по берегу, нельзя было понять, то ли они подаются вперед, то ли стоят на одном месте, а иной раз и сплывают назад, чтобы начать новый рывок для преодоления переката ближе к берегу, где струя воды не столь сильна, как на фарватере. Названия пароходов были «Тайга», «Октябренок», «Королонец»... Бывало, с вечера такой пароход подходил к Беренгиловскому перекату и до позднего утра бился, чтобы преодолеть его. Колеса бухтили по воде: «Бух, бух, бух...», кочегары потели в кочегарке, подбрасывая дрова в топку, нагоняя пар в цилиндры машины парохода, потом спускали отработанный пар, и все начиналось сначала. В ночной тишине слышалось бухание плиц по воде и шипение спускаемого пара, а машина словно выговаривала: «Сейчас дойду, сейчас дойду», и снова: «Бух, бух, бух...», и снова выпускаемый пар выдыхивал: «Пыш, пыш, пыш...», и снова слышалось: «Сейчас дойду, сейчас дойду», и так всю темную ночь, и только поздним утром жители деревни в своих повседневных заботах забывали про пароход, а он наконец преодолевал перекат и скрывался из виду.

Первые самолеты, четырехкрылой системы Поликарпо-

[88] Здесь имеется в виду г. Бодайбо на р. Витим, в котором Петр Иванович жил со своей семьей с 1963 по 1974 г.

ва, появились в конце 1920-х годов, летели то низко вдоль русла реки Лены, то, спрямляя путь, на высоте до одного километра, тогда их звук терялся в шуме мычащих, лающих и кудахтающих животных и птиц. Это было невидалью для жителей деревни, в то время еще верили по сказкам в змеев, колдунов, в нечистую силу. Глухая старушка пришла домой и стала выкладывать виденные новости своему старику, по слабости здоровья сидевшему в этот раз дома. Рассказывает: «Ой, Перфилий, что я сегодня видела: летит высоко большая птица, и крыльями не машет, и не кричит, так и улетела на север, ни разу не взмахнув крыльями».

Я же первый самолет увидел на реке, рыбача рыбу удочкой. Самолет летел низко над водой, и мне показалось, он направлялся прямо на меня. Я, бросив удочку на берегу, кинулся в рядом растущие кусты тальника и упал лицом в траву, замерев от страха, поднялся только тогда, когда не стало слышно рокота мотора и самолет скрылся за поворотом реки и деревьев. Дома я впервые услышал о появлении в наших местах самолетов.

Летчики забавлялись испугом людей, летали над полями на низкой высоте, пугая животных и людей. Если это было во время жатвы, люди кидались в нескошенную жниву или прятали голову в установленных на пашне суслонах, оставляя все остальное на виду. Постепенно и человек, и животные привыкли к самолету, и их уже не пугал шум мотора и вид невиданной до сих пор железной птицы.

В 30-х годах XX столетия по реке стали ходить мощные пароходы, а позже и дизелеходы, которые стали передвигаться быстрее раз в пять-шесть и, более того, были мощнее в своей тягловой силе. Зато былая чистая вода реки стала отпугивать людей своими нечистотами, и люди, живущие рядом с рекою, употребляли для питья воду, снова добывая ее из-под земли: или рыли колодцы, или пробивали трубы с отверстиями на нижнем конце их до водоносного подпочвенного слоя. Чем и характерен нынешний период освоения природы человеком.

Особенно загадочными для меня были, да, признаться, остались и сейчас, дальние просторы тайги, ведь я так и не научился пользоваться компасом и хуже того ориентировался в пасмурные дни, когда нельзя определить, в какой стороне находится солнце. Даже в ближней тайге взрослые люди теряют ориентиры. Однажды мама с отцом ходили за грибами, уже смеркалось, надо было спешить выйти на дорогу или хотя бы на знакомые места. Отец упорно тянул в глубь леса,

мама пыталась удержать его и идти в обратном направлении, к чему отец не желал прислушиваться. Когда им навстречу попался домашний скот — коровы, идущие с выпаса на ночь в свои дворы, только тогда отец внял уговорам мамы: «Ты смотри, ведь коровы спешат с пастбища домой, в деревню». Ходя с нагнутой головой и глазами в землю в розыске грибов, очень просто закружиться и потерять ориентиры, особенно когда надвигаются на лес сумерки — первые предвестники ночи.

В детском возрасте со взрослым парнем, Фонкой (Ксенофонтом) Хохлушиным, мы ушли в середине сентября в тайгу за 30 километров от реки на сбор кедровых шишек — они уже шли с дерева при ударе по нему деревянным кием на длинной рукояти, от встряски дерева при ударе по нему кием с веток опадали шишки. Ночь была темная и длинная. Мы разожгли костер и жарили кедровые шишки, орехи были спелые, сочные, вкусные, кажется, никогда не насытишься ими. Собаки, набегавшись за день, одни крепко спали, другие только дремали, чутко поводя ушами на посторонние шорохи и треск ломаемых сучьев под ногами гуляющего невдалеке от нас зверя. Моя собака по кличке Север вскакивала, отбегала от костра метров на 15–20 и громко облаивала притихшую тайгу. Немного схожий окраской шерсти здоровенный кобель в это время, лежа на боку, взвизгивал и дергался всеми четырьмя лапами, имитируя бег, во сне. Конечно, и он понимал опасность от близко ходящего зверя, но сон, слабое сердце его выдавали трусость и лень. Днем, обходя свой табор, мы обнаружили небольшие островерхие пирамиды из свежевысосанной скорлупы орехов и кожуры ореховых шишек высотою до 25–30 сантиметров. Это хозяин тайги ночью собирал шишки и лакомился свежими орехами, набирая жир для зимней спячки. Ночь была и тревожной для нас, и в то же время пряной от кедрового запаха и сырого тепла.

Мое детство протекало, как и у большинства детей моих лет, безоблачно. Лето я трудился в огороде, помогая маме в поливе огородных культур, прополке сорняков на грядках, пытался вместе со взрослыми жать хлеб серпом, помню, даже срезал себе кожу на пальце, копали все вместе картошку, а вот окучивали картофель только мы с мамой вдвоем. Дня четыре, не разгибаясь, с утра до вечера тяпали картофель, огребая его землею, каждый куст отдельно со всех сторон. Иной раз полоски были нарезаны не широкие, но длинные, снизу подымались на косогор и далее вновь спускались в низину. В первый день, увидев, сколько предстоит работы, я

с невольной тоской восклицал: «Уй-юй-юй, сколько ее надо окучивать», на что мама обычно говорила: «Ничего, глаза страшат, а руки делают». И впрямь, день за днем на душе становилось все веселее, обработанная постать деляны все увеличивалась, а необработанной становилось все меньше и меньше, наконец огребали последние кусты картофеля, разогнувшись, удовлетворенно оглядывали проделанную работу и с веселым чувством на душе брали тяпки на плечо, направлялись домой. Накапывали по 60 и более мешков. Было чем кормить свиней, резали курам, корове. На моей же совести была и уборка лука с огорода, обрезка ботвы его и корневищ. В таком виде он хранился на полатях за русской печью до весны, отсюда же брался для еды и готовился для посадки весною на землю гряд. От постоянной работы в сырой земле мои руки были все в цыпках.

Мое усердие в труде отмечали и соседи, некоторые с молчаливым одобрением, другие с шутками, говоря: «Петька, ты кто, мальчик или девочка, дай-ка я пощупаю». Я убегал от шутниц, залазил на заборы и куда придется. Раз я сидел на крыше амбара и, зажав листок подснежника между ладоней, свиристел, пуская на него струю воздуха изо рта. Напротив была кузница, где работали кузнец Егор Павлович Гладких и его молотобоец, без рода молодой парень по имени Сережка. Видно, они были в добром настроении, и кузнец решил подшутить надо мною, говорит: «Посвисти, посвисти, вот я тебя каленой палкой», при этом показывает мне палку с обуглившимся в красном свете концом. Я отвечаю: «А я убегу». «Куда ты убежишь? Ну-ка, Сережка, беги, убери от амбара лестницу». И я запел — расплакался. Из избы на крыльцо выскочил отец, тревожно спрашивает: «Ты что, Петя? Кто тебя обидел?», а я сквозь слезы отвечаю: «Да кузнецы, каленой палкой».

Лучшим же другом мне был пожилой мужчина, Ксенофонт Иванович Лыхин, живший через дом от нас. Его каменка в черной бане была выложена из чистого камня, и при нагреве он не давал горечи. У нас же при нагреве каменки из уложенного камня в печь выделялся сернистый газ, и он ел глаза. Мне это было неприятно. Узнав об этом, Ксенофонт Иванович, идя в свою баню мимо нашего дома, кричал под окном: «Пётра, в баню». Мама меня наскоро собирала — белье, мыло, таз, и я бегом поспешал за Ксенофонтом Ивановичем, по-дружески щебеча, моясь на полу его бани. Я не выдерживал жары и обычно мылся или на полу, или на низкой скамейке, поставленной на пол.

Нет давно Ксенофонта Ивановича, обычно сердитого на других ребят моей рощи, а ко мне он относился со всем своим открытым, добрым сердцем, и я, теперь уже сам старик, все вспоминаю его в мыслях с благодарностью за его привязанность и доброе отношение ко мне. Когда в 1930 году в деревне организовался колхоз, он был поставлен старшим над нами, ребятишками-бороновальщиками. Мне он доверял бороновать на мой разум. Обычно надо было боронить в две бороны, то есть проехать по одному месту вперед и назад, я же на рыхлой, крупнозернистой земле пашни боронил в одну борону, и он, удивленный быстротой моей работы, спросил: «Ты в две бороны боронил или в одну?» Я осмелился соврать, сказал «в две». Он, возможно, и не поверил, но промолчал, а девчат, делающих огрехи, то есть допускающих небороненные места, ругал и кидал в них комками. Они старались, стегая лошадь, поскорее уехать от него, но он бегом догонял их и кидал им в спины комки земли.

Этот случай я описываю при бороновании земли на Пепелище, так люди называли то место, где когда-то стояла первая наша деревня, Беренгилова. Земля там была разработана добросовестно жителями деревни под свои огороды и долгое время оставалась пушистой, удобренной, урожайной. Роясь в земле, я находил там и бабки от коровьих ног, и битки от лосиных ног, а однажды нашел кремневое копье с отломанной рукояткой длиною до 20 сантиметров, шириною 7–8 сантиметров, острое с обеих сторон, как кинжал. Мама в благодарность за сделанные из бересты туески подарила этот кремневый предмет Иннокентию Семеновичу Тетерину, который пользовался им по старинке как орудием добывания огня. Ударяя кремнем по камню с острыми углами, он выбивал искру, от которой загорался высушенный лоскут трута (березового гриба — нароста на березах в виде лошадиного копыта), им он поджигал стружку, нарезанную ножом из сухого смолистого дерева, вот и огонь. Найденное мною кремневое копье говорило о наличии в наших местах кремня и умении жителей пользоваться им в свое время в качестве ножей, копий, насадок на стрелы, что свидетельствовало о том, что и наши предки пользовались им, пока не вытеснило кремень железо из обихода человека.

В школу я пошел в восемь полных лет. Школа была рассчитана на обучение детей до трех классов, для учебы в четвертом классе надо было ехать в деревню Алымовку за 40 километров от дома, там я окончил четвертый класс вместе со своими сверстниками из нашей деревни. Однаж-

ды река еще не очистилась ото льда, и мы отправились домой по посиневшему льду одни, без взрослого человека. Благополучно добрались до деревни Вишняковой, тут уже начались знакомые места, очистившиеся от снега. Мы с помощью нашедшихся на льду жердей перебрались через полую воду заберега на материковый берег, посидели на сухом яру вишняковского берега и вдруг заметили, что лед двинулся по воде — начался ледоход. Как нас отпустили, никто не отговорил от похода по поднявшемуся льду, чреватого своими подопрелостями и возможностью ледохода? Если бы он захватил нас на поверхности льда, навряд ли бы кто уцелел. А в то время мы даже не подумали об этом, мы были уже на сухом берегу и с любопытством смотрели на сдвинувшийся с места весенний ледоход. И впрямь, малому да глупому легче живется.

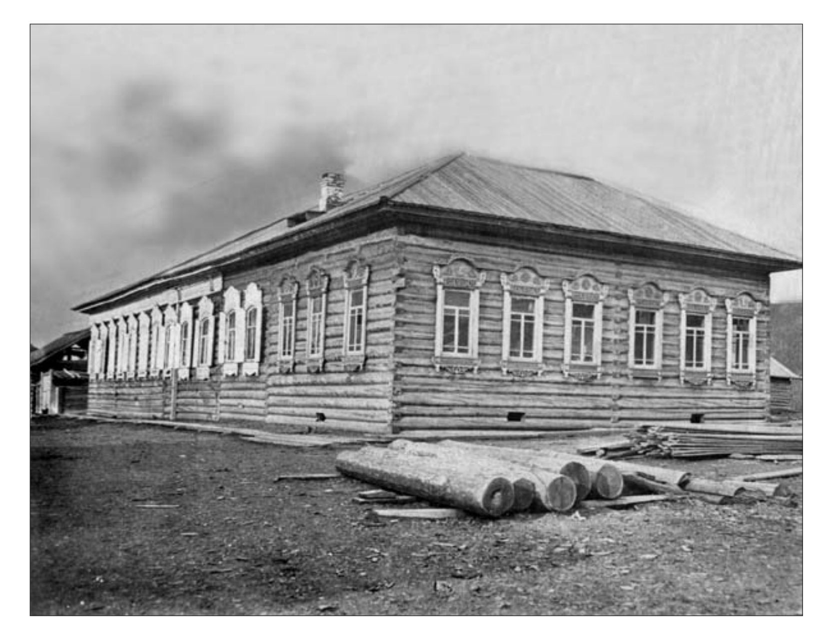
На следующий год в селе Петропавловск открылась семилетняя школа, и там я доучивался последние три года, живя или на квартире, или бегая домой ежедневно четыре километра туда и обратно.

После раздела общего хозяйства братья отца определились по трем домам. Помню, играя в прятушки в старом доме дяди Никиты, я, открыв дверь в подпол, оступился и упал на землю подпола, опрокинув при падении горшок с березовым дегтем, выпачкавшись в нем. И впредь, когда у меня замечали на верхушке головы черное пятно волос, объяснял, что это пятно от дегтя, пока уже взрослым не понял, что то пятно черных волос — от рода, как будто кто пальцем ткнул.

В этот же период помню, как, нагнувшись ко мне, бабушка Марина (мать моего отца) спрашивала меня: «Петя, когда я умру, тебе жалко меня будет?» Я отвечал «жалко», хотя и не чувствовал к ней никакой любви, а когда она действительно умерла[89], у меня не запечатлелось в памяти никаких чувств.

В период раздела семьи в хозяйстве было две собаки. Мне нравилась бусая собака, серьезная и умная, в то же время брату, на пять лет старше меня, наоборот, нравилась собака по имени Кольчик, веселая, игручая. Нам дали право выбора взять одну из собак в хозяйство отца, брат настоял на своем, и нам достался Кольчик. Он оказался бестолковым щенком, для охоты в лесу был непригоден, я его даже не припоминаю, зато Буска остался в моей памяти до сих дней.

[89] По справке, выданной архивом Киренского отдела ЗАГС, Марина Ивановна Лыхина скончалась 10 июля 1926 г.

Школа в селе Петропавловске. Между 1936 и 1945 гг. Передняя часть школы — перевезенный из деревни Лыхиной дом раскулаченного Михаила Евдокимовича Лыхина

Этот был на редкость хорошей промысловой собакой, люди из зависти отравили его на привязи во дворе.

Лошадь бурая, которую привел в свой двор отец, вскоре подохла, и наша семья оказалась в бедственном положении: не было тягловой силы, не было семян пшеницы для посева. То и другое нам дал (подарил) дядя Николай Дмитриевич Тараканов, родной брат мамы, со словами: «У вас растут дети», дал, конечно, по своей природной доброте. Жил он и умер в Иркутске, перед смертью приезжал в деревню, имел желание на совместное житье в нашем доме с моими родителями, но отец промолчал. Не изъявил согласия. Позже в оправдание себе сказал маме: «Если бы Николай остался жить в нашем доме, то я бы не стал хозяином в собственном доме». Дядя Николай Дмитриевич был, несомненно, и умней, и дальновидней отца моего. Но что сделаешь, такова природа вещей. Каждому свое «я» ближе, дороже себе.

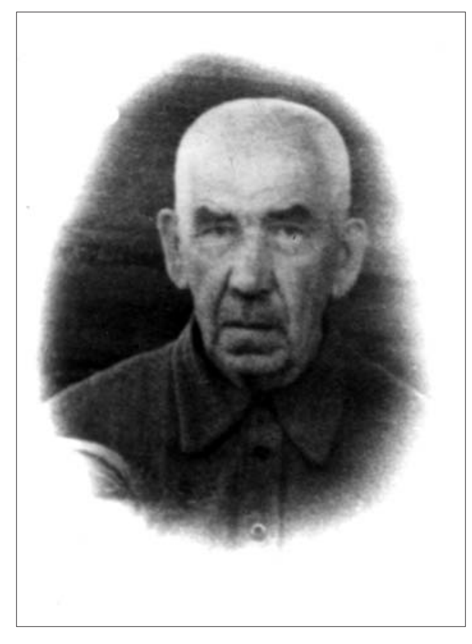
Подаренную дядей лошадь звали Карькой, я ее смутно помню — плотная, невысокого роста лошадь. Бурка же был высоким, нескладным, костистым конем. Куда девался Карь-

ка, я не помню, но вскоре у нас появилась молодая горячая черная лошадь по кличке Ворончик, а за нею отец купил умную спокойную игренюю лошадь, ее стали звать Игренькой. С ней у меня связаны отрадные воспоминания детства. Наша с братом любовь к лошадям разделилась, как и прежде, при дележе собак. Однажды летом они с Ворончиком кормились возле кормушки, а я топтался босиком возле Игреньки, поглаживая его руками по груди, шее. Вдруг он переступил передними ногами и копытом правой передней ноги наступил мне на большой палец ноги, вдавив его в теплый, сырой навоз. Я ойкнул — испугался, он моментально поднял наступившую на мой палец ногу. Какая понятливость, чуткость. Другой раз мы повели лошадей на привязь, а может, просто отпустить хотели их на волю, за озеро, на подросшую зазеленевшую траву на лугу. Брат на Ворончике поскакал галопом, за ним непрытко поскакал и Игренька. Я сперва от его прыжков скатился ему на шею, а потом, не удержавшись, полетел на землю под копыта лошади. Игренька на всем скаку перепрыгнул через меня передними ногами и остановился, я оказался у него под животом. И так он стоял, пока я не справился, не вылез из-под него и не стал звать брата, чтобы он подсадил меня на спину лошади. До чего же умная была лошадь!

Бывало, лошади гуляют на лугу против нашей деревни метрах в 800, мама выйдет с тазом овса за бани на краю деревни, подбрасывает в тазу овес и кличет лошадей по имени:

Николай Дмитриевич Тараканов (слева). Справа — Таленков? 1910-е гг.

Николай Дмитриевич Тараканов. 1950-е гг.

«Тпрю, Игренька, тпрю, Ворончик». Лошади подымут головы, миг постоят и махом кидаются к своему двору, где мама оставляет им таз с овсом. Однажды, зазвав их таким образом во двор, она пожалела им овса, вместе с тазом заскочила в сени и закрыла дверь. Игренька смирился с обманом и направился к яслям, а Ворончик в обиде повернулся задом к закрытой двери сеней и стал вылягивать в их сторону. Я в это время закрыл ворота двора. Мне было обидно и стыдно перед лошадьми за обман. На обмане не построишь настоящей дружбы, с кем бы ты ни общался.

В 1929 году в деревне создали коммуну, всех коров и лошадей свели в один двор. Началась неразбериха, люди семьями строили плоты и отплывали вместе с домашними животными вниз по Лене до Якутска. Коммуна скоро разбежалась, и люди по семейным, родственным признакам организовались в артели по уборке сена с лугов, молотьбе хлеба, выкупив для этого совместными усилиями сельскохозяйственные машины; тогда еще правительство давало крестьянам товар и орудия производства в рассрочку. Деревни воспрянули духом, артельный труд дал возможность быстро приобрести и освоить технику, вовремя управиться со страдными работами.

Через год роздыха снова стали насильно загонять людей в колхоз. За неизбежностью расставания с нажитым люди начали резать, продавать свой скот. В такой период отец продал нашего общего любимца Игреньку, но зачем-то купил на торгах «кулацкого» хозяйства кобылицу, которую вместе с Ворончиком свел на колхозный двор. Какие были отношения людей к колхозному достоянию, всем известно. Поначалу была у людей какая-то надежда выжить, но постепенно народ охладевал к труду, и только боязнь попасть под звание «вра-

га народа» еще держала пожилых людей по своим домам, мирила их с наглой обираловкой. Но молодежь, раз ушедши учиться в средние и высшие учебные заведения и получив специальность, как правило, уже не возвращалась в деревню. Пришедшие из армии молодые парни также уходили из деревни на производства. Оставшаяся в деревне молодежь первая взбунтовалась, не получая должной отдачи от общего труда; начались беспричинная пьянка, тяга к воровству, безответственность.

В конце 1930-х и начале 1940-х годов по деревням от менингита погибло много лошадей, колхозники едва управлялись со страдой. Люди пожилого возраста знали, что такое страда, что значит вовремя убрать хлеб, скосить и уложить в стога сено, убрать до снега картофель, и без понуканий спешили ранним утром на работу исполнить свой крестьянский долг. Да и трудодень был не на последнем месте, ведь на него по осени, после сдачи хлеба государству получали зерно для личного пропитания, сено для скота. В деревне оставались только малые дети и старушки, присматривающие за ними. Государственные деятели умело расслоили мужиков, натравив их один на другого. Самые неимущие, беднейшие (как активисты — опора советской власти) решали судьбы людей, подводя всех преуспевающих ранее мужиков под раскулачивание. Раскулаченные семьи вывозились по Лене на Север, расселялись на пустырях берегов рек Витим, Лена, Вилюй и других, где или вливались в производственные предприятия, или создавали подсобные хозяйства для производства сельскохозяйственной продукции.

Самое лучшее время для крестьянина было в период организации артелей. Все, от мала до старого, работали с большим воодушевлением на полях по уборке сена, жатве колосовых и их обмолоту. Картофель же каждая семья (на своих отведенных участках) убирала собственными силами.

Я еще был мал, лет десяти, не забуду, с каким усердием мы своей артелью убирали подсохшую траву вручную. Сперва ворошили скошенную траву, переворачивали пласты ее, ставили на ребро, чтобы солнце и ветер поскорее осушили ее от влаги, потом сгребали в валы, копнили и свозили к зародам — стогам, где привыкшие к тяжелому труду мужчины умело складывали ее, навешивали вешала́ (связанные верхушками кусты тальника), чем предохраняли сложенное сено от сноса порывистым, сильным ветром, приходящим вместе с грозой, дождем.

Труд был привычен, непыльный, пахло душистой увяда-

ющей травой, отдающей последним ароматом цветов, жара не мешала. Метальщики обливались пóтом, то и дело прикладывались к сосудам с прохладным напитком — квасом, запасенным заранее заботливыми хозяйками. Все работали, спешили, ведь могло прийти ненастье, и если не сгноит сено совсем, то приведет его в малопригодность. На стреже поля не оставляли ни одной травинки, все поздней порой трудового дня с удовлетворением вдыхали запах такой травы — сухой, зеленой, душистой. Ее с большим удовольствием ел весь домашний скот, и даже куры летом рылись в трухе от сена на поветях, стайках, в местах хранения сена на скотном дворе. Все были рады, воодушевлены, а труд на сенокосе почитался за праздник, не одно сознание обеспеченности приводило людей в доброе настроение, сама природа — солнечная, теплая, душистый, чистый, напоенный кислородом воздух. Работали воодушевленно, с шутками, ласковым вниманием к пособникам — детишкам-копновозам. Из уложенных рядов травы мужчины, а порой и женщины делали копны, посильные вывозу волоком на лошадях по чистому, некочковатому полю. Подъезжал копновоз верхом на лошади, объезжал копну кругом, при этом веревка, привязанная к одному гужу хомута, обволакивала копну петлею, человеку, в большинстве случаев женщине, оставалось только привязать веревку вторым ее концом к другому гужу, и, чтобы веревка не проскользнула под копною, середку ее чуть обматывали сеном, и в таком виде возчик вез ее к стогу. В случае если сено нужно было стоговать на пересеченной местности с наличием высоких кочек, из прутьев с поперечной основой из крепкого дерева, к которой пристегивались постромки, идущие через петли в шлее от гужей хомута, делали волокуши.

Сеноуборка — это была и тяжелая работа (косьба травы вручную, косами), и тому, кто имел хорошую сталистую косу и умел ею владеть, косьба вручную приносила приятное удовольствие. Отец умел косить, имел хорошую длинную косу (литовку), в его сильных руках она забирала под себя много встречной травы, и он погонял впереди идущих косцов покриком: «Э-эй… береги пятки». Слабые косцы пропускали его вперед, не поддавался ему разве только один косец, Лавр Николаевич Лыхин. У него была недлинная коса, хорошей стали, и косил он умело, брал вперед небольшой прокос, но взмахивал косой легко и быстро.

Все бывшие на памяти мужики ушли из жизни, каждый разделив участь по-своему. Запомнился мне в особенности Лавр Николаевич, отец моего сверстника Васьки Лыхина, уме-

нием играть на гармони-тальянке. Уже в бытность колхоза, в первой фазе его развития, крестьяне-колхозники по заведенной привычке праздновали окончание полевых работ, приурочивая это событие вначале к старым праздникам, позже уже к советским: к 7 Ноября, 1 Мая. Шли компаниями (считай жителями почти всей деревни) из одной избы в другую, где заранее была приготовлена и выпивка, и всевозможная закуска, за день переходили из дома в дом, где напивались допьяна, наедались досыта, были и песни, и пляски, и так за день бывали, гостили в трех-четырех домах. Лавр Николаевич норовил зазвать к себе на дню уже последним, поздним вечером в надежде, что люди за день насытились, напились, устали и ему будет легче напоить, накормить гостей, но оправдывались ли его надежды: люди быстро пьянели, быстро трезвели, а есть могли без перерыва. Памятны проводимые вечера у Лавра Николаевича тем, что он мастерски умел занять гостей своей умелой игрой на тальянке, особенно угождая этим женщинам. Обычная его песня, в то время модная, это про жизнь женщины, ее бесправие, заботы, начиналась она так: «Располоску Маша жала, золоты снопы вязала, молодая, э-эх, молодая... И сама себе не знала, что ее, мол, доля злая, доля злая... Вот как пьяный муж напьется, подойдет, да развернется, в ухо хватит, э-эх, в ухо хватит...» и т. д. Или заведет мастерски на гармони мотив песни другой: «В полном разгаре страда деревенская. Баба бежит, распустилися косыньки, надо ребенка качать. Доля ты доля, долюшка женская, вряд ли труднее сыскать». Не помню уже слов, но что бы он ни исполнял на гармони — всех воодушевляло, подымало, сближало, и обычно, уходя с вечера, женщины усердно благодарили хозяина за его мастерство насладить слух собравшихся. Гуляние обычно продолжалось в том же духе дня три-четыре.

Я всегда был в отъезде из деревни: то учился, то работал на производстве. Ушли памятные лица людей в прошлое, и даже не верится, что были отдельные крепкие мужицкие хозяйства с их трудолюбивыми хозяевами. Деревня по привычке еще обстраивалась, появлялись, сверкая белизной, то новые избы, то амбары, завозни, хлевы и другое, но вспугнула людей коммуна, призадумался народ. Тогда правители пошли на попятую, дали людям возможность добровольно организовываться в артели; интегральное товарищество давало в рассрочку товар крестьянам, и люди приостановили было побег из деревни. Люди почувствовали под ногами твердую почву, на лицах крестьян можно было прочесть довольство, надежду

на свое лучшее будущее, молодежь шумела на улицах: игра на гармони, песни, пляски, отводили вечёрки или в школе, или в избах отдельных крестьян, позже убрали пожарный инвентарь из пожарного помещения, сделали сцену, сиденья для посетителей, ставили пьесы, выступали самодеятельные хоровые кружки из ребят и девушек.

Были, конечно, и драки: делили девушек, пробовали свои силы, показывали молодечество, в основном обычно между парнями из деревень Беренгиловой и Лыхиной. В Беренгиловой заводилой был Антошка — плечистый детина высокого роста, чувствовавший в себе силу. С нашей деревни выступал против него мой далекий родственник, Иван Васильевич, невысокого роста, плотно скроенный, с курчавыми волосами на крупной голове, против Антошки он выглядел мелковатым. Антошка приходил обычно подвыпившим, и когда против него выступал столь мелкий противник с нашей деревни, Антошка угрожающе рычал: «Бога мать... Убью» — и делал убийственный удар в голову Ивана. Но противник успевал поднырнуть под кулак Антошки и, выпрямившись, снизу ударял Антошку в челюсть или в ухо по ходу инерции его движения за своим кулаком. Антошка падал под смех наблюдающих за дракой парней, вставал на ноги и с новой угрозой наступал на неказистого противника, пока их не разводили парни, наблюдавшие за поединком.

В 1930–1931 годах началась новая волна насилия, загоняли людей в колхозы: кто не шел добровольно, налагали на него в двойном размере сельскохозяйственный налог, если не помогало, налагали в тройном, четверном размере, вплоть до угрозы высылки из деревни и конфискации всего имущества строптивого. Тут уж люди одни мирились с неизбежностью, шли в колхоз, другие бросали свои дома, постройки и сплывали с оставшимся хозяйством и шмотками в Якутск, уходили на ближайшие производства. В этот же период проводилось раскулачивание. Основой для раскулачивания было имущество зажиточных крестьян: машины, скот, хлеб.

Отец мой выходец из бедняцкой семьи, сам с 11 лет батрачил в соседней деревне, а с появлением на Лене пароходов ходил на них вначале матросом, потом штурвальным. Никогда в жизни не пользовался наемным трудом. Попал в число кулаков только лишь из-за того, что в его закромах было изрядное количество зерна, уродившегося в том году на нови, брошенной бывшими хозяевами из-за того, что эти поля подряд два года затапливала весенняя вода (половодье). За основу же взяли ничем не подтвержденные, голо-

словные слова его бывшего по молодости недруга, чахоточного Евгения Лыхина. На совете активистов он сказал: «Иван моих девок эксплуатировал». Государству нужен был хлеб, и его необходимо было взять у крестьян любым путем, чтобы страна жила и работала. А было это и впрямь, на Пасху мама болела, лежала в кровати, я по малости лет находился при ней дома. Пришла соседка, жена Евгения, спрашивает: «Ты что, Харитина, болеешь?» Мама говорит: «Ой, Антонида, все сердце изболело, завтра Христов день — Пасха, а у меня пол не мыт в избе». Антонида говорит: «Да я пришлю своих девок, они помоют». Изба у нас была семь на шесть метров. Четвертую часть ее занимала огромная русская печь, пол, как и у многих крестьян, не был крашен. Прибежали три девушки, где ножом, где голиком (обтертый от листьев веник или небольшая метла из березовых прутьев) поскребли, протерли мокрый пол и, высушив его тряпками, ушли. Снова пришла Антонида, мама стала благодарить ее и спрашивает, чем с ней расплатиться за оказанную услугу, та говорит: «Если можно, дай муки», на что мать без слов встала и нагребла ей таз муки. Вот это легло за основу «эксплуатации».

Вскоре брат собрал свидетельства бедняков про жизнь отца, поехал в райком партии Киренска, и название «кулацкое хозяйство» в отношении отца было снято — отменено, все восстановилось, кроме выгребенного и увезенного хлеба. С оставшимся хозяйством отец был принят в колхоз, руководителем — председателем которого стал этот самый нужный по времени активист Евгений. Бывало, назначит он всех колхозников работать в поле, а сам берет мешок и идет, собирает в колхозном огороде огурцы, помидоры и тащит себе домой. На замечание старушек, сидевших с малыми детьми дома: «Ты что же, Евгений, колхозные овощи воруешь?» — отвечал: «А, теперь все наше». Вскоре его все-таки сняли с председателей за самоуправство. Он по милости чахотки недолго протянул, семья после смерти матери, его жены, разбежалась по производствам, дочери повыходили замуж, уехали с мужьями. Остался дом неплохой, на высоком месте, где не заливало его водою в самые большие весенние паводки. В нем устроили для молодежи «Народный дом», там же ставили и кинопередвижки. Год от году население деревни все уменьшалось: одни умирали, другие разбегались по производствам, наконец, из 30 дворов осталось пять домов со старыми людьми, и те вскоре кто продал свои дома, кто, собрав последние силы, перевез свои постройки в село Петропавловск и там поставил их для нового жительства семьи. Не стало колхо-

за, не стало деревни, которая когда-то красовалась своими постройками, а люди — довольством, полнотой своей непривередливой жизни. Запросы крестьянина к жизни были невелики: была крыша над головой, рабочий, мясной и молочный скот — значит крестьянин сыт, обеспечен на жизнь. Брошенные сенокосные угодья пошли для летнего выпаса рогатого скота, пашни частью позаросли лесом, частью также отошли под выгон. Довело партийное руководство района крестьян до ручки, землепашенные поля и сенокосные луга с легкой руки правителей стали называться «нерентабельными».

В 1953 году шел проливной дождь 12 дней, а представители райкома ездили по деревням, нажимали на председателей колхозов, обязывали их косить траву, еще не выросшую в свой полный рост ввиду запоздалой весны. Заставил наш председатель, Александр Иннокентьевич Тетерин, своего дядю Александра Фановича Лыхина косить, свалил он траву на всей луговой площади под дождь и всю сгноил. В 1986 году, живя в Иркутске, разговорился я с одним дачником за микрорайоном Юбилейным, и тот, разоткровенничавшись, сказал, что и он жил в Киренске. Я спросил, где он и кем работал там, он ответил: «В райкоме партии». Я говорю: «Ох, и ругал я вас, не вас именно, а вашего брата, райкомовских работников». Спрашиваю: «Вы знали председателя колхоза деревни Лыхиной, Тетерина Александра Иннокентьевича?» «Да, — отвечает, — он при мне там работал». «А вы не припомните, как в 1953 году, в запоздалую дождливую весну, вы ездили по деревням и гнали людей косить в этот проливной долговременный период, основываясь на том, что надо выполнять план уборки травы, и ведь знаете, что вся скошенная в эту ненастную пору трава сгнила неубранной в поле?» Спрашиваю: «Вы для кого работали, для мужиков или государства?» Отвечает: «Было дело». Я вновь спрашиваю: «Так для кого же вы все-таки старались, для мужиков или государства?» Снова отвечает: «Было дело», повернулся и убежал от меня.

В годы Отечественной войны крестьянина, собравшего с поля колосья с зерном, за карман зерна судили и давали пять лет тюрьмы. Верю, стране надо было выжить, но что же оставалось крестьянину, почему же козлом отпущения всю жизнь оставался крестьянин? Для чего он жил, для кого трудился? Доходило до того, что не только сады, но и огороды из частного пользования хотели отнять в пользу государства. С 1930-х годов власти завели строгий учет на всю живность, которую содержал крестьянин в частной собственности. Налог на мо-

локо был настолько велик, что, кроме обрата[90], крестьянину ничего не оставалось. Налог на мясопоставку, яйца, заранее учитывали, сколько крестьянин должен сдать шкур в году. Все бы это еще ничего, завели два сбора зерновых, один — это государственная обязательная поставка хлеба, через неделю — десять дней приезжал представитель райкома партии, требовал столько же отдать государству зерна на добровольных началах. На собрании люди, напуганные беззакониями 38-го года, старались промолчать, тогда считалось, что возражений на добровольную сдачу хлеба государству по две копейки за один килограмм нет, а значит, народ согласен, так и заносили в протокол общего колхозного собрания.

В одно из таких собраний в нашей деревне только один старый колхозник горячо отстаивал хлеб, а было ему нужно отстаивать колхозное зерно, так как работал он сторожем свинарника, один его сын почил во время Отечественной войны, другой еще служил в армии, а на его содержании в 75 «соток»[91] за один рабочий день — семья в пять человек (дочь с грудным ребенком на руках и два внука, одного и двух лет от рода). Отец мой был в это время председателем колхоза, так же боялся вымолвить слово против, как и все прочие колхозники, а старый колхозник, Прокопий Михайлович Хохлушин, не поддержанный прочими, по-видимому, побоялся, что заберут его, как брата в 38-м году, объявят «врагом народа», и сгинет он, как многие селяне, забранные в 38-м году и пропавшие без вести. Решил лучше на себя самому руки наложить, ушел на место своей работы — свинарник, надел петлю себе на шею и повесился[92]. Но жизнь людей на этом не остановилась, после отдачи второго сбора зерна государству остатки разделили по трудодням — по 200 граммов на трудодень. Как же должен был жить вышеуказанный старый колхозник, когда на его 75 «соток» пришлось бы 150 граммов зерна на семью в пять человек? Бездарными правителями была поставлена задача изжить крестьянина как закоренелого собственника, всю землю передать совхозам и оставшимся колхозам, превратить крестьянина в наемного сельскохозяйственного рабочего. Как видите, ничего хорошего не получилось. Все разрушили, все развалили, а главное, уничтожили крестьянина как беззаветного труженика, понаде-

---

[90] Обрат — отход, получаемый после переработки молока.

[91] 75 «соток» — 0,75 трудодня.

[92] По справке, выданной архивом Киренского отдела ЗАГС, Прокопий Михайлович Хохлушин умер 12 февраля 1946 г.

лали пьяниц, тунеядцев, воров и добились: кто был ничем до революции, стал после нее поначалу активистом, потом дети их были приняты в комсомол, научившись трепаться, переходили в кандидаты, члены коммунистической партии, и им неважно было знать дело, важно было руководить, указывать, как жить другим, что делать. Если что получалось, их подымали по службе выше, а не получалось — сваливали вину на подчиненных или замалчивали свои неудачи, ни один из них не пострадал, так как они были рьяные прислужники-исполнители верхних — всесильных руководителей вплоть до центра. Вот было время бесчинств и насилий, вплоть до недавних лет, когда, хотя и в ином виде, в более благовидном, противников строя насильно помещали в психиатрические больницы на долгое или пожизненное время.

В 1990 году я жил в Литве, там также были еще колхозы, и после уборки урожая зерновых делили хлеб на иждивенца или пенсионера, неработающего колхозника, по тонне зерна на человека в год. Если же он еще работал и имел трудодни, то еще начисляли на трудодни вдвое больше, чем на пенсионный паек. 1000 килограммов разделить на 364 дня в году, получалось, что неработающему пенсионеру приходилось 2 килограмма 750 граммов в день. А у нас по Сибири с этими двойными поборами на трудодень работающего делили по 200 граммов, пусть у него хоть пять, хоть десять иждивенцев. Где же справедливость, где те законы, которые издавали для защиты советского человека? В 1938 году достаточно было сказать двум недругам на третьего честного человека любую небылицу, последнего забирали без суда и следствия. Возможно, потому-то в Литве и не опасались, стояли люди за свои права, не давали себя в обиду и жили при советской власти много лучше русского Ивана. Колхозники соответственно и относились к труду спустя рукава, в горячую пору страды набирали ящиками вино и пьянствовали в поле, махнув рукой на все колхозное. На замечания в упущении отвечали: «А, колхозное».

Как-то приехал я в родную деревню зимою, запрягли мы с дальним моим родственником крупную красивую лошадь-кобылицу в розвальни и поехали на луг за сеном — пайком отца по колхозному дележу на заработанные трудодни. Я обратил внимание на копыта лошади: они не обрабатывались, как прежде, кузнецом, не подковывались годами, копыта отросли величиной с большую тарелку, а спереди расчленялись и походили на копыта рогатого скота. Под копытами намерзли комья снега с талым навозом, и она ковыляла на них, как

на круглых железных мячах. Я заметил: «Что же вы допустили до такого?» Махнул Митька рукою: «А, колхозное». Когда это было, чтоб за лошадью был такой уход в частном единоличном хозяйстве?

Техника в самую горячую пору страды простаивала, причин для этого было много, людям нужно было время погулять, а потому машины просто временно выводились из строя и рабочие вроде бы имели полное основание поесть, попить, отдохнуть. Когда такое водилось в крестьянском хозяйстве? Человек понял, что сколько ни трудись, все равно государство заберет, сколько ему нужно, оставив крестьянину самое малое, только чтобы он мог жить и работать. Раньше, я помню, у Якова Семеновича Тетерина была белая лошадь, она всегда была упитанная, в 31 год, выпущенная на волю, бегала по улице, вылягивала, брыкала задом — задними копытами — прямо в воздух от чувства полноты жизни и вновь пускалась махом по улице и поскотине. Теперь в 12 лет лошади люди, добив ее тяжким трудом, не ухаживая за ней должно, говорят: «А, старая, на колбасу ее надо сдать». Я лично считаю, что, задавив всякую волю к труду, чувство достоинства, моральное сознание человека, сделав его поистине просто рабочей скотиной, наши уважаемые правители отбили у человека все доброе и в отношении к животному.

Раньше крестьянин начисто подбирал навоз в своем скотном дворе и вывозил его на свой огород, на отведенные ему обществом участки пахотной земли. Позже по указанию батюшки Хрущева поголовье скота стали содержать на той площади, которую обрабатывало общество крестьян, в десятки раз меньше, а навоз перестали вывозить на поля, заменив его химическими удобрениями. Навоз же доярки выбрасывали из скотного двора за пределы двора, где он в низинах скапливался в непроходимые навозные болота, так что в летнюю пору ко двору трудно было приблизиться, не увязнув в раскаленном навозе по развилки ног. И все это во славу народа, во славу партии и правительства.

До революции, в период ее и некоторое время после установления советской власти при заготовке дров для пароходства, для отопления помещений и строительства крестьяне валили нужный им лес под корень, сжигали только тонкие сучья, толстые использовали — перерубали и складывали в поленницы. Дерево бралось выборочным путем, тонкий молодой лес не трогали, и со временем он становился снова пригодным для рубки.

В советское время по обеим сторонам реки Лены на воз-

вышенности хребтов лес на десятки–сотни километров был вырублен просеками шириною до 10–15 метров для будущей дороги от Иркутска до Якутска. Лес лежал, гнил на месте много лет, и никому до этого не было дела. На лесосеках по заготовке деловой древесины деревья рубились на высоте роста человека. Ведь валили лес зимою, не утаптывали снег до земли, и, чтобы не затруднять себя, пилили, рубили, не наклоняясь, на уровне своей груди, в лучшем случае на уровне своего пояса, так что пни, как обезглавленные люди, стояли на месте побоища. Рубили всплошную, тонкомер — деревья диаметром до десяти сантиметров — вырубался и сжигался. На словах лесозаготовители обязаны были вырубленный участок засеять новым хвойным лесом. Все годы советской власти об этом говорили и ничего не делали. На мой взгляд, надо бы давно министра лесного хозяйства судить в назидание другим, но он неизменно руководил этим безобразием, огребал хорошую зарплату и жил себе припеваючи в нашем милом обществе запуганных, обездоленных людей. Сейчас, когда не стало единой партии коммунистов, появилась маленькая надежда, что в единоборстве различных партий за места в правительстве будут обвинения в разгильдяйстве таких руководителей страны, при поддержке здравомыслящих людей из народа они сметутся с насиженных мест, и, может, с помощью деловых людей нашей России, призванных сотрудничать с нами иностранных дельцов наконец-то будет наведен добрый порядок и на производствах, и в сельском хозяйстве. Но, спрашивается, за что люди страдали многие десятки лет, тряслись от страха, как бы их не объявили «врагами народа», не посадили в тюрьму, не загнали в лагеря заключения, не стали насильно лечить в психиатрических больницах до конца жизни?

Озлобился народ, с легкой душой идет на воровство, грабеж, душегубство, и милое наше правительство нажило себе новые проблемы в обществе. Не стало в деревне прежнего общества, не стало общественной выручки в беде одного крестьянина в постигшем его несчастье. Постарались правители, разобщили людей, натравили их одного на другого, не стало веры на слово, но выросли зависть, подозрительность, ненависть. В одном Карл Маркс был прав, сказав: «Бытие определяет сознание». Вот и определилось сознание человека России.

В 1936 году, окончив Петропавловскую семилетнюю школу, я поехал в Якутск и поступил на первый курс дорожно-строительного техникума. Стипендия была всего девять руб-

лей, а за обед в столовой брали шесть рублей (суп-бульон и кусочек граммов в 50 мяса), хлеб надо было покупать и приносить на обед свой. Хлеб черный, правда, стоил десять копеек килограмм, и этого килограмма должно было хватать на завтрак, обед и ужин, на хлеб уходили все последние три рубля. Но ведь кроме этого нужны были и мыло, и ученические принадлежности, и разное другое. От недоедания я ослаб, едва держали ноги. Свое белье стирал прямо в озере в летнюю пору. Как прожил зиму, я не помню, на другой год я перешел на учебу в техникум пушно-мехового хозяйства на планово-бухгалтерское отделение. Здесь стипендия была уже 20 рублей, трехразовое питание в столовой, на которое уходило 16 рублей. Питание было вполне сносное, сытное, разнообразное — в физкультурном зале, он же был приспособлен для театральной самодеятельности. Доступ на танцы был свободен для всех желающих. Танцевали под баян. Я любил танцевать, но водить не умел как следует, поэтому меня водили девушки из нашего техникума, я ходил у них за барышню, они — за кавалера. По-видимому, я чем-то привлекал их, если они липли ко мне. Правда, музыку и желание партнерши (ведущей меня девушки) я чувствовал великолепно, и им легко было со мною танцевать.

Одежонка на мне была слабенькая: триковые брюки, сшитые по-деревенски, и просто рубашка, засунутая под опушку брюк. Я, естественно, стыдился своей одежды и больше глядел на танцы из толпы нетанцующих ребят, чем танцевал сам.

Однажды на танцы пришли две сестры, я осмелился и пригласил старшую (она училась в школе еще) потанцевать танго, затем вальс, много раз извинялся за свою неловкость вождения и все же насмелился просить позволения проводить ее до дома после танцев. Любовь пришла внезапно, губы мои дрожали, и я не в силах был удержать их от прыгания. Понравился, видно, и я девушке, она милостиво разрешила ее проводить до дома. Молодежь после танцев быстро расхватала свою одежду, зал и коридор техникума были уже пустыми, когда я изволил появиться одетым. Я с сожалением подумал о своей задержке, своей нерасторопности, но делать было нечего и я вслед за уходящими с вечера людьми вышел за ворота ограды нашего техникума. С радостью и удивлением увидел я двух сестер, стоявших в одиночестве возле ворот, ожидая меня. Это была первая моя настоящая любовь; о чем мы говорили с девушкой в эту светлую мартовскую или апрельскую ночь, не помню, но все разговоры

были проникнуты взаимной приязнью, взаимным желанием так стоять, друг против друга, до бесконечности. Наконец, я пожалел ее, стоящую на морозе в одних туфельках и тонких вискозных чулках, и распрощался с нею, уговорившись в следующий раз, а может, день, встретиться с нею в Заложном клубе. Как получилось, что я не пришел туда в тот день? Ребята рассказывали мне, что она сидела там, скучающая, ни с кем не танцевала. Я, конечно, понял свою оплошность и решил, что она оскорбилась и больше не придет в Заложный клуб, но она была и во второй вечер, и в третий в том же скучающем состоянии, о чем мне докладывали ребята из нашей комнаты. Наконец, на четвертый вечер я пошел в кинотеатр, но она там уже не появилась. Я так переживал размолвку, так был влюблен в нее, что не выдержал однажды и пошел к ней в дом под видом агитатора или еще кого, не помню. Я застал ее дома, но она так безразлично на меня посмотрела, что я не в силах был говорить с ней о своих отношениях при ее родителях. После этого я долго не видел ее, не встречал, и однажды, повстречав ее в обществе девчат, с трепетом ки-

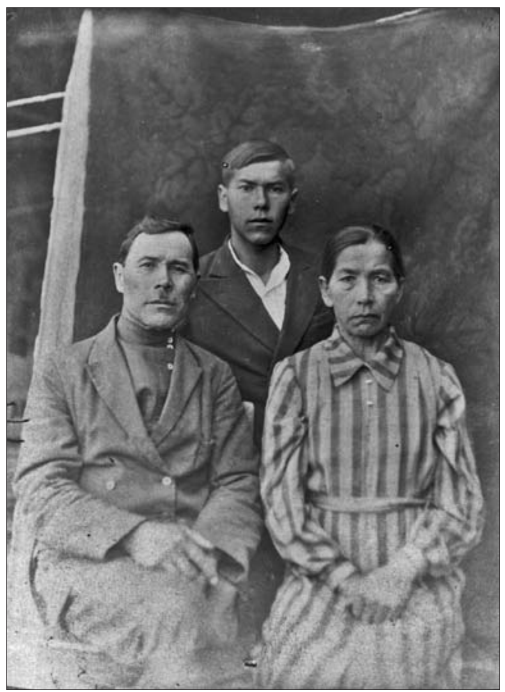

Петр Лыхин (во втором ряду, посередине) в Якутске, 1940 или 1941 г. (в первом ряду слева — Василий Колесников, посередине — Михаил Карелин)

нулся к ней через улицу, поздоровался, назвав по имени, но она, сказав: «Я вас не знаю», громко засмеялась, ей вторили подруги. Тут и я, обидевшись, в своей оскорбленной гордыне отошел от нее и долго ее не видел. За это время она вышла замуж, и когда при мобилизации ребят в армию в 1941 году, в первый год Отечественной войны, я увидел ее, провожающую со своими сестрами своего мужа на фронт, я поразился перемене: лицо ее было покрыто розовыми пятнами, всей той изумительной красоты и чистоты кожи лица как не бывало. Я подумал, куда же девалась ее красота, она была в состоянии или беременности, или послеродового положения. Больше я ее не встречал, самого через несколько месяцев также призвали в армию.

Два-три года, а может, и больше, мне так уже больше никто не нравился, и эта первая моя любовь оказалась последнею в жизни, что, конечно, очень плачевно. Была простая привязанность, и что-то нравилось в некоторых девушках, но со временем оказывалось, что это не любовь, и взаимного чувства у меня с девушкой не могло быть. Правда, было мимолетное влечение к одной девочке, она не была красавицей, но чувствовалась ее безграничная, чистая девичья тяга ко мне. За это она мне была мила и желанна, хотя ее семья, а особенно старшая сестра, были не в моем вкусе, и это настораживало меня. Хоть и мила была девочка, тянувшаяся ко мне, но отношение к ней у меня не было любовью. Вскоре она ушла из жизни из-за сердечной недостаточности, климат в Якутске тяжелый, и не каждый выживал там долгий период. После армии я снова был в Якутске, и мне сказали, что она любила меня до последних дней своей жизни, жаждала снова увидеть меня. Бедная, милая девочка. Добрая ей моя память, ее свежести, безвинности, чистоте отношений. Больше меня в жизни никто не интересовал из девушек, все были или просто серыми, или поношенными, или безнравственными, созданными и живущими в таком же обществе, как и они сами.

В годы Отечественной войны поначалу я был призван на всевобуч, там по знакомству мне некий Синьков сказал, что будет набор в школу летчиков, и когда пришла пора мобилизации ребят, нам объявили: «Кто желает остаться еще на месяц — походить на военную подготовку всевобуча, может остаться, после прохождения всевобуча отправим сразу на фронт». Я подумал: «Куда спешить, похожу еще на всевобуч, может, и в летную школу направят», а мои знакомые по техникуму, по деревне ребята Витька и Кешка Лыхины говорят: «Лучше уж сразу поехать, а то как проводы, так и слезы родственников».

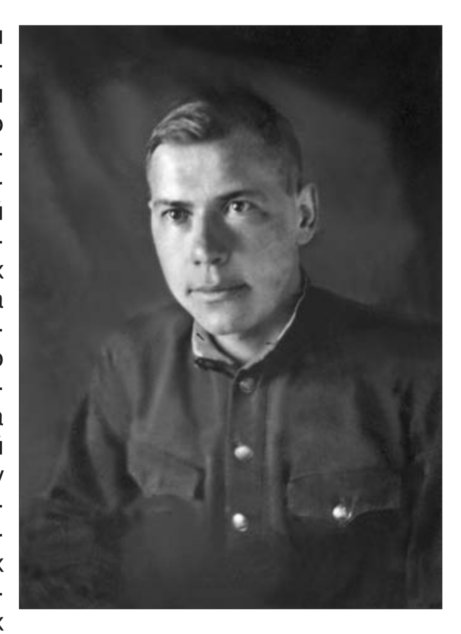

Петр Иванович с родителями, Иваном Егоровичем и Харитиной Дмитриевной Лыхиными. Середина 1940-х гг.

И вот через месяц я прошел призыв в школу летчиков, так нас ориентировали, на самом деле по прибытии в Иркутск нас определили в школу авиамехаников, где я проучился полтора года, а ребят, призываемых по мобилизации, сразу толкнули на прорыв блокады под Москвой, и из всех, кто вместе со мною тогда призывался, вернулся только один Витька Лыхин с ампутированными выше колен ногами. Так моя судьба сложилась благоприятно в тот раз, и я, окончив школу механиков, был направлен в школу летчиков в Хакасию, в город Черногорск в качестве наземного механика.

Служба в Бирмской авиационной школе летчиков вначале сложилась для меня не очень удачно. Кто-то из механиков или мотористов при монтаже мотора уронил специально, а может, по ошибке, гаечный ключ в водяной расширительный бачок, дело было зимою, холодный ветер, ночь, никто не заметил ключа в бачке, мотор опробовали, воду слили, а чтоб пробка в расширительном бачке не примерзала, ее положили рядом. Утром приехал главный инженер школы, лазая по самолету, заглянул в расширительный бачок, обнаружил там ключ и разнес меня на все сто: и разгильдяй, и прочее. Обошлось без наказания, а когда потребовались механики во второй эскадрилье, меня и мне подобных перепихнули на службу во вторую эскадрилью, где я своим старанием заслужил внимание летного, технического и начальствующего состава эскадрильи. Было явное вредительство: подбрасывали булыжники в фюзеляж, где проходили стропы рулей управления самолетом, была

резана обшивка миткалевая на фюзеляже моего самолета. Я вовремя это замечал и доводил до сведения своего офицера — техника-лейтенанта. В 1945 году по указу о демобилизации второй очереди меня демобилизовали, посадили нас — одних на студебеккер, а я попал на нашу старенькую автомашину-полуторку, которая всю дорогу парила, останавливалась, но все же дотянула нас до железнодорожной станции в Абакане. Я с ходу залез в вагон и до самой отправки поезда не выглядывал из вагона, а у некоторых ребят было желание погулять по Абакану, у некоторых — желание повидать знакомых девушек, они отстали от нашего поезда. Утром следующего дня пришел приказ в школу задержать демобилизацию механиков, и всех оставшихся вновь водворили на места по своим эскадрильям. Чувствовал я себя в эскадрилье хорошо, а вот в городе к нашему брату с малым воинским званием относились придирчиво, там уже вольно себя не чувствовал, эта обезличка человеческого достоинства меня угнетала, и потому я был несказанно рад, что вырвался из армии.

Петр Иванович Лыхин. Якутск, около 1946 г.

После окончания войны я вновь появился в Якутске, закончил курсы повышения квалификации старших бухгалтеров, был направлен на работу в Мухтуйское торговое общество кооператоров, но с работой не справился, стал психовать, и врач предложил мне оставить работу, взять расчет в конторе, что я и поспешил сделать. Приписался к почте и на лошадях выехал до села Витим. Лошади в годы войны и бескормицы были слабы, и мы, один спереди с пучком сена, другой сзади, манили ее кормом и подталкивали сзади дровни за пяло. Так по благоприятной весенней погоде мы добрались наконец до Пеледуя, оттуда я, передохнув недельку у дяди Николая, доехал до Витима и самолетом через город Киренск добрался (снова приписавшись к почте) до своих родителей,

Петр Иванович Лыхин. Киренск, около 1946 г.

по-прежнему живших в деревне Лыхиной.

В 1949 году приехал в деревню мой сверстник из нашей деревни, ходивший в то время матросом на китобазе «Слава». Во время учебы в Якутске я учился в техникуме, в дальнейшем переименованном из техникума пушно-мехового хозяйства в кооперативный, получал стипендию в 20 рублей, а Васька Березовский учился в техникуме речного хозяйства. Я по доброте своей ежемесячно помогал ему деньгами, а однажды, когда мы возвращались от знакомого нам еще по деревне кузнеца Егора Павловича Гладких, по дороге (по узкой тропинке в глубоком снегу), навстречу нам попали два подвыпивших парня-подонка — одного из них я знал по его воровским делам и грабежу. Как козлики, эти два Васьки сцепились на тропинке, Васька Березовский был выше своего противника, в длинном, ниже колен, ватном пальто, а его противник Васька Невидимов был искусней в драке. Поначалу он пытался ногами поразить моего товарища в паховое хозяйство, но толстое пальто смягчало удары. Не достигнув желаемой цели, Васька Невидимов ухватился моему товарищу за галстук и стал душить Березовского, как петлею. Я, отбив атаки второго парня, стал бить Ваську Невидимова по лицу, но он все равно не отпускал галстук. Наконец, потеряв сознание от моих кулаков, сперва повис на конце галстука, а потом в беспамятстве свалился моему товарищу в ноги. Собрался народ, и некоторые были готовы вмешаться в драку, тем более что спарщик Невидимова начал созывать народ криками: «Наших бьют», на что я сказал, уже обращаясь к толпе (как бы в оправдание): «Вот, сперва напали на нас, а теперь кричат, что их бьют». Толпа не стала принимать ничьей стороны, и мы с Васькой поспешили в общежитие его техникума.

Всем этим я снискал у Васьки и его родных внимание к

себе, и вот летом 1949 года он приехал в деревню и пригласил меня с собою в Одессу, чтобы устроить меня на работу в китобойную флотилию «Слава», где заработки были гораздо выше «материковых». В первый рейс «Славы» я не был готов к работе за рубежом: не были оформлены сведения о моих родственниках и о моем прошлом, к тому же я заболел воспалением легких, и врачи отстранили меня от работы в тропиках и Антарктиде. Разрешение же на работу за границей у меня было, и вскоре представился случай пойти в плавание на дизелеходе «Саратов» по международному судоходству на реке Дунай.

Дунайское течение пробило себе путь через горы Карпаты, размыло русло, сплошь усеянное валунами, остатками еще не разрушенных скал. На этом русле работал размалеванный в красную окраску пароход по поднятию караванов барж даже вместе с пароходами (дизелеходами) вверх по течению, работая одной своей машиной на лебедку, которая наматывала на себя трехкилометровый трос, закрепленный другим своим концом на берегу выше переката; вторая, задняя машина работала на колеса парохода. Таким образом он подымался по гребню воды переката сам и тянул за собою груз, расположенный на баржах, порою вместе с их дизелеходом, который тоже работал, и так тройной силой караван судов переходил через перекат.

Наш же дизелеход подымался по специально устроенному каналу, берега его были уложены

Николай Егорович Лыхин с женой Ольгой Феофановной

отесанным камнем, а может, железобетонными блоками. На материковом берегу этого канала была проложена железная дорога, и по ней ходил паровоз, он соединялся с дизелеходом «Саратов» канатом, и так, двойной силой, они преодолевали сильную струю воды в этом канале, таща за собою единственную груженую баржонку.

Спускаясь вниз по тому же каналу, наш дизелеход «Саратов» на сильных струях воды представлял собой небольшую игрушку, его кидало из бока в бок, как простую спичечную коробку в сильном течении ручья. Вода шла не ровно, а косыми гребнями волн от одного берега канала и вдоль его несколькими прядями. Ниже и выше переката река успокаивалась, шла ровно большими тихими плесами.

С декабря 1950 года по март 1951 года мы отстаивались в судоремонтном затоне города Комарно в Чехословакии. Вот где благодатный климат, за всю зиму только одно утро чуть подморозило выпавший накануне вечером дождик на прибрежной траве. На декоративных кустиках площади Комарно до 25 марта 1951 года держались прошлогодние лепестки и в то же время рядом с ними вновь распускались почки на тех же ветках кустарника. Комарно — небольшой городишко, но чистота и опрятность его крайне поражала взгляд. Тротуары, улицы в проезжей части были как вылизаны: ни одной соринки, ни одного опавшего листика, не говоря уже о брошенной спичке, окурке. Курящих людей я вообще не видел за все проведенные в городе четыре месяца.

В помещении бара по сторонам стояли квадратные столики, пятиградусное пиво приносила обслуживающая клиентов молоденькая девочка, безукоризненно одетая в чистое бордовое шерстяное платье с ослепительной белизны фартуком. Принеся на подносе кружки пива и сухие рассыпчатые соленые калачики (вроде наших небольших сушек), она делала книксен (приседала) со словами: «Просю». Такое обслуживание я встречал впервые, и мне было очень приятно, что меня принимали как человека. Пол был покрыт линолеумом, в зале играла скрипка, и танцующие пары без шума шаркания ногами кружились в вальсе. Даже наша братия, подчиняясь торжественной тишине, шикала друг на друга, не давая развязать громкий пьяный говор, обычный в нашем обществе.

В другой раз ребята затянули меня в бар, где пиво было отменно крепкое, где-то 12–16 градусов. В баре стояли каждый в отдельности с десяток-два столиков с круглыми столешницами на одного человека, с высокими длинными ножками, с высоким со спинкою стулом, где ноги сидящего недоставали

пола, а покоились на подножке стула (в виде нашего детского стульчика). За каждым столом сидел один человек, чисто одетый в парадный костюм из национального, отличного от других и цветом, и тканьем, полотна, вроде нашего деревенского, вытканного крестьянками полотна из шерстяной и холщовой нитки. Но в отличие от крестьянского полотна, полотно на костюмах всех сидящих за полными кружками пива было ткано в одинаковую клеточку, вроде мелких клеток шахматной доски, и нитки в этом полотне выглядели вовсе не кручеными нитками, а набранными из двух-трехмиллиметровых тесемок. Все сидящие сидели, развалясь как в кресле, без единого звука, то есть буквально отдыхали за кружкой пива.

Мы же с бегу подскочили к стойке буфетчика, с цыганским горготанием заказали по кружке пива, выпив, любители крепкого напитка заказали по второй, третьей кружке и, рассчитавшись, такой же шумной толпой выскочили на улицу. Я своей кружки не допил, показалось оно горьким, непонятным для не привыкшего к горькому напитку пива. Напротив, в первом баре я выпил, наверное, до пяти кружек освежающего пива, особенно после приема рассыпающегося во рту соленого сдобного калачика. За четыре месяца ни разу не встретился с грубостью обслуживающего персонала в барах, магазинах, вежливое обращение и со встречными незнакомыми людьми на улицах. Славяне разговаривали на русском языке, чехи понимали русский и изъяснялись с собственным акцентом.

С год-полтора до этого в Одессе я заметил черненькое пятно на переднем зубе и, по опыту зная, что оно увеличится со временем в своем размере, пошел в частную зубопротезную больницу, не имея никакого доверия к врачам государственной больницы с их «самопряхами»[93]. Подумал: «Врач-частник должен работать на свою честь, славу порядочного служителя своему искусству, долгу». Пятнышко на белом поле зуба было едва заметно, менее миллиметра. Вышла ко мне из-за занавески крупная молодая женщина, с крупной головой, со словами: «Что у вас?» Я говорю: «Запломбируйте, пожалуйста». Она громовым лошадиным голосом возражает: «Что? Его удалять надо». Растерялся я от такой наглости, встал и ушел, и вот через год-полтора, уже находясь в Чехословакии, увидел в зеркале я свой обезображенный зуб, отверстие черное разрослось на трех четвертях зуба с одной стороны, и резец чудом держался на одном-полутора

---

[93] Имеется в виду существовавший тогда ножной привод зубоврачебного сверла.

миллиметрах живой части зуба с противоположной стороны. Снова пришел я к частнику — зубопротезному врачу, чеху по национальности. У него в кабинете увидел невиданную по красоте и достоинству технику с множеством никелированных трубочек и спиральных рукавов с зеркалами в середине этого сооружения, с воронкой, в которую беспрерывно текла вода, и брошенная ватка, кровавый плевок мигом исчезали внутри машины и уходили далее в канализацию. Я сравнил эту машину с осьминогом. Обращаюсь к врачу со словами: «Удалите, пожалуйста, подверженный гниению зуб», а он отвечает чистым, тонким голосом с удивлением: «Что? Мы его сейчас подлечим, запломбируем, поставим короночку, и он еще у вас столько же проживет». В 1950 году мне был 31 год, а зуб, вылеченный и сохраненный чехом, до сих пор цел и, слава богу, не дает о себе знать. Сегодня март, 28 число, 1994 года.

Забегу немного вперед. В 1960-х годах заболело что-то у меня под десной, понятия о зубных болезнях я не имел и о лечении их тоже. Пошел я в Бодайбо к зубному «врачу» — скорее коновалу по сравнению с врачом. Он посмотрел — все зубы с виду целые, спрашивает: «Где болит?», показывает на одну щеку, на другую. Я показал на правую, снова спрашивает: «Верх, низ?», пощупал он покрасневшую десну, говорит: «Который зуб — этот, этот?», говорю: «Не знаю». Взял он щипцы, раз — и вырвал здоровый зуб и мигом его бросил в урну. Назавтра я снова с продолжающейся болью обратился, а рвать-то больше было нечего, кроме этого последнего зуба. Взял он снова те же щипцы и вырвал последний зуб и с торжеством показывает: на оболочке ткани, связывающей зуб с телом десны, — маленький желтый пупыречек, со словами: «Вот он у тебя бы всю жизнь болел». Был я, конечно, глуп, а он большой нахал, и он был приемлемым для всего населения города Бодайбо и района, нужным врачом. О чем все это говорит? О бытовой отсталости русского народа, о его бесправии и нахальстве руководящей верхушки, которая подбиралась по их самосознанию, по их приверженности к высшим и наплевательскому отношению к низшей прослойке народа. Наверх залазили, наздевывались нахал к нахалу, сволочь к сволочи, порядочному человеку среди них места не было.

После уже, в городе Геническе в 1970-х годах, я с тем же случаем болезни десны уже не против целого, а против пломбированного зуба обратился к зубному врачу. Посмотрели они в рентген, убедились — определились в заболевании

и посоветовали раз-два прижечь десну в месте боли йодом и полоскать отваром ромашки с шалфеем. Вот и все лечение. Воспалялась в этом месте десна за 20 лет еще раз, и снова прижег йодом и пополоскал ромашкой с шалфеем. А та сволочь из-за пустого нарывчика на десне вырвала у меня два совершенно здоровых зуба.

В 1988 году на спортивном стрельбище по летящим тарелкам я встретил бодайбинца одних со мною лет, сослуживца по работе в тресте «Лензолото». В его рту из всего арсенала был только один передний зуб, все остальное этим продолжавшим успешно работать описанным мною коновалом, называемым зубным врачом, было «успешно» удалено у моего знакомого. И ведь не дурак, и он работал на руководящей должности в тресте «Лензолото». Вот в каких условиях долгое время жил советский человек, одурманенный политикой, запуганный 38-м годом и последующим сплошным нахальством власть имущих.

В Чехословакии в Комарно на чистом от другой растительности пустыре я увидел невысокое темно-зеленое хвойное дерево, разросшееся на свободе в ширину так же широко почти, как и в высоту. Хвоя темно-зеленая, длинная, как у нашего кедра, кора дерева темно-коричневая. Подошел я, любопытствуя, ближе к нему, на земле валяются возле него обычные сосновые шишки, на стволе накипела сосновая смола, а когда я сколупнул верхний, бурый слой коры, под ним увидел обычную сосновую кору нашей сибирской сосны. Вот что значат южное солнце, теплый климат да и, по-видимому, плодородие почвы. По сравнению с этой южной сосной сосны в парке Якутска — больные, чахлые, с мелкой желтой хвоей с низу ствола от земли и чуть светло-зеленоватой на верху дерева. Как видите, от чувства жизни природы в Чехословакии и чувства жизни и достоинства человека там до жизни и достоинства человека нашего севера и самой природы существует огромная разница. Какой быт — такое и отношение.

Хочется добавить к впечатлениям, полученным за время пребывания в Чехословакии. Любопытства ради зашел я в столярный цех, находящийся на территории затона, где мы отстаивались, проводя профилактические работы на дизелеходе «Саратов». В столярном цехе были установлены два токарных станка по обработке древесины, их обслуживали два человека: токарь лет 50 и его помощник, молодой парень лет 18. Оба двигались замедленно, без резких бросков, как маятники. Токарь наблюдал за работой двух пущенных в

ход токарных станков, приглядывался, подправлял древесину на станке и, еще раз критически осмотрев обрабатываемую деталь, так же размеренно переходил к другому станку. В том же духе двигался по цеху, перенося груз или убирая цех от мусора, его молодой помощник — бродили, как тени, по цеху. Вскоре прогудел гудок, объявляя конец работы, они в том же неспешном духе подошли к стойлу, где находились их велосипеды, свободно стоящие в своих ячейках без цепей, замков (на случай кражи), сели на них и, едва шевеля ногами, выехали с территории завода. Наш пешеход, несомненно, далеко бы их оставил позади.

Ту же картину, в том же духе вскоре мне пришлось наблюдать при исполнении работы двумя мужчинами, работавшими на ремонте бетонных тротуаров, на заливке в них мелких выбоин. Не сразу поймешь, то ли они исполняют работу, то ли отдыхают. И еще бросалось в глаза: асфальт или бетон на проезжей части улицы настолько был ровным, чистым, гладким, словно его кто вылизал, не говоря уже о чистоте, порядке тротуара, который, если бы не десятисантиметровый подъем над уровнем проезжей части улицы, составлял бы единую бетонированную массу улицы.

На всей видимой площади скверов, улиц, тротуаров нельзя было увидеть ни пыли, ни мусора, ни опадающих с кустарника прошлогодних листиков. Правда, по улице редко проезжали машины, но и у нас, допустим в Киренске, Бодайбо, по улицам также можно было нечасто увидеть проезжающую машину, а сравнивать внешний вид скверов, тротуаров, не говоря о грязных грунтовых проезжих частях улиц, даже не приходится.

Летом 1951 года, возвращаясь в Советский Союз, мы оказались в день получения валюты в Румынии в городе Дробета-Турну-Северин, этот город стоит в нескольких километрах ниже Карпатского перевала. Захотелось мне выпить бутылку пива. Узнав, где находится ресторан, я побежал туда. Еще не доходя до него метров 30, услышал шум, гвалт, и чем ближе подходил к ресторану, тем больше он усиливался. Открыв дверь ресторана, я прежде всего был оглушен шумом, гвалтом посетителей — одни сновали между столами, другие навстречу друг другу по проходу, третьи спали на столах среди опрокинутых бутылок, стаканов, волосы мокли в лужах разлитого пива. Я скорее закрыл дверь и стал спрашивать, где еще можно бы было выпить рюмку вина или кружку пива, мне указали на помещение под названием «Кабак». Зашел я в него и очень удивился: стены, потолок, пол, столы — все

гляделось одним черным цветом, за стойкой стоял буфетчик в белой когда-то куртке, но в этот раз она была до того замызгана, загажена, что чисто белого цвета на ней не было видно. Возле стойки за столом сидел в замасленной рабочей одежде человечишко, в руках он держал бутылочку четырехгранную высотой пять-шесть сантиметров — хлебнет из нее глоток вина и трещит, балаболит без конца. Удивился я такой антисанитарии в немалом румынском городе, так и не попробовал ни пива, ни вина, вернулся на судно.

На причале городского берега стояла наша баржа с чугунными ромбовидными брусками, их разгружали сплошь одни женщины, босиком, взвалив на плечо брусок, тащили его на берег и складывали в штабель. На плечах их были грязного цвета рубища без рукавов, с подолом ниже колен. Такая нищета, грязь и убогость людей и общественных заведений меня крайне удивила против виденного в Чехословакии и даже против Венгрии, которая в то время не блестела особой культурой улиц Будапешта и ее людей. Три европейских страны, каждая со своим лицом.

Украинцы — нечестный, вороватый народ, кладовщиком у нас на судне был парторг — по должности тот же матрос. Жили дизелисты и матросы в двух кубриках, еда была скудной, в супу плавали отдельные блестки постного масла, гущи почти не бывало, одна баланда, а в это время жители второго кубрика, где жил кладовщик, объедались, как волки на дичине, с ними невозможно было дежурить, стоять вахту в помещении столовой — воняли, как козлы в стайке. Я обо всем этом доложил старшему помощнику капитана, а этот злополучный кладовщик (он тащил себе в каюту) одновременно сверх всякой нормы снабжал капитана. Подговорив своих помощников, он оговорил меня всем тем, что знал за собою и другими не дозволенного в политическом смысле, якобы я рассказываю про российские дела с самой плохой стороны. Его вранье было принято к сведению, и меня с заграничного плавания сняли. Во внутренних водах на одну нищую материковую зарплату я не захотел работать, рассчитался и снова оказался на родине, по дороге услышал, что на Ленских золотых приисках хорошая зарплата.

Осенью 1951 года мы с двоюродным братом Василием Лыхиным пошли в орешник, чтобы заработать себе на дорогу — оплату проезда и начало жизни на чужой стороне. Отправились в Бодайбо, он поступил на первый курс Бодайбинского горного техникума, а я с сестрою начальника отдела труда и зарплаты Светловского приискового управления Петра Рухля-

Двоюродные братья: Петр Иванович (справа) и Василий Никитич Лыхины. Бодайбо, начало 1950-х гг.

дьева поехал на прииск Светлый, где первое время работал нормировщиком, позже, при выделении разведочной партии из состава прииска, стал совмещать работу нормировщика с обязанностями старшего экономиста, а заодно вел работу по кадрам и исполнял обязанности служащего общего отдела. Там и поженился на уважаемой Елене Францевне. За одну зарплату, положенную по должности старшего экономиста, без премиальных, в общей сложности с надбавками за работу в районах, приравненных к Крайнему Северу, выплатой 50 процентов полевых и 100 процентов по договору получалось 400 рублей в месяц. В то время это были порядочные деньги, и я решил, что жене удобнее быть дома с детьми. К тому же на приисках ей по ее слабым знаниям русского языка[94], не имеющей никакой специальности, трудно было куда-то устроиться, тогда как народилось трое детей, держали корову, поросенка, кур. За всем нужен был уход. Обычно доброта — не обычное дело в наше время, и в народе говорят: «За доброту злом платят». Так сложилась и моя семейная жизнь. Только по исполнении сыну 16 лет, а младшей дочери десяти

[94] Елена Францевна (урожденная Elena Diržute) была ссыльной литовкой.

Елена Диржюте. Прииск Светлый, 1952–1954 гг.

лет жена вышла на работу, поначалу учеником продавца, а вскоре ее повысили до звания продавца в том же магазине. Дальнейшую жизнь семьи дети наши знают, и может, в их представлении наши нелады семейные с женой были по моей целиком вине, оправданий не ищу. У меня всегда было много работы на производстве, по хозяйству, всю нашу совместную жизнь мы имели свою избу с отдельной от соседей оградой и, как обязательное, огород, кур, к последним было и осталось до сих пор мое пристрастие. Мои правила были — честь и порядочность, и я даже в уме не хотел променять свое внимание к семье на какое-нибудь мимолетное знакомство с особами женского пола, но вследствие некоторых обстоятельств переживал нервное расстройство, тяжело чувствовал себя на работе в конторе, а еще тяжелее переносил совместное бытие с женой в одном доме, в одной постели. По сути, была атрофия, какая тут могла быть любовь, взаимность.

Пишу о своей жизни по просьбе сына, он уже взрослый человек, неглуп, на собственном опыте познал совместную семейную жизнь по первому браку. Все злоключения, всю мою жизнь за последние годы представляет по своему умозаключению, а потому не стану ему мешать в разборе и заключениях о нашей общей семейной жизни и частных отношениях каждого из нас.

Долгие годы мне вспоминаются порядки и люди, виденные в Чехословакии. Особенно когда сравниваешь с порядками России и других стран. В 1900-х годах была «столыповщина»,

возможно, и это сказалось на жизни крестьян Сибири, в частности в нашей деревне и других селениях по берегам Лены. Были во всем порядок, чистота во дворах, чистота на пашенных лугах от сорных трав, на сенокосных лугах вовремя подбирался хлам, нанесенный вешней полой водой, убирались с прошлого лета колья, вбитые в землю для привязи лошадей, в лесу не оставалось никаких следов от заготовки леса на строительство домов, амбаров и других хозяйственных построек, для дровяных заготовок лес брался на выбор, вся молодь леса не трогалась и вскоре взрослела и сама залечивала пустошь, произведенную человеком. Церковь же вела свою, моральную, сторону нравоучений человека, все позорящее человека ею осуждалось и по возможности исправлялось. По крайней мере, сдерживались распутство, воровство, грабеж, насилие. Во многом церкви помогало и само население, находя методы поддержания порядка. Было заведено, что парень с полюбившейся ему девушкой мог сойтись на совместную семейную жизнь только после трехлетнего совместного дружеского отношения. Естественно, были срывы, и таких девушек и их детей население порицало, считало незаконнорожденных ниже своего достоинства и при малейшем случае напоминало им об этом в оскорбительном тоне. Было развито большое гостеприимство, и в слу-

Петр Иванович и Елена Францевна Лыхины с детьми Юрой, Ниной и Ириной. Бодайбо, около 1964 г.

чае если ваш знакомый останавливался проездом на ночлег у другого своего знакомого, тем самым он наносил первому большую обиду, вплоть до невольного оскорбления его чести.

После революции, отрешения церкви от государства в 20-х годах все веками нажитые обычаи, церковные устои стали легко забываться, человек опустился в своем поведении до животного образа жизни, участились воровство, грабеж, распутство. У молодежи появилась ругань, «ё. твою бога мать», и это было модно, только старики придерживались своих прежних обычаев, в самые горячие моменты в сердцах ругались: «Ека мать, мару мать, рагу мать» и т. п.

Подневольный труд в колхозе в сочетании с обираловкой населения убил в людях всякую инициативу, желание трудиться по-прежнему, с раннего утра до поздней ночи. Не получая для жизни нормального дохода на трудодень, люди переключились на оставшееся свое частное хозяйство: кур, свиней, коров, овощи со своего огорода и картофель с нарезанных на каждую семью делян в общем колхозном поле. Мужик был нетребователен. Он не нуждался в легковых машинах, хороших, модных одеждах и подобном. Он все же был сыт, имел рабочую одежду, крышу над головой, где чувствовал себя в независимости. Значит, жить было еще можно. Но молодежь удержать в этой «сладкой» каторге невозможно. Старики вымерли, молодежь разбежалась, на этом кончили свое существование когда-то дышащие своим благополучием и чувством удовлетворения деревни.

Как и в любом другом обществе, взаимоусобная атмосфера между отдельными крестьянскими хозяйствами, конечно же, существовала. Одна на молодом удальстве — показать свое превосходство над другим силою и другими возможностями. Отец и Евгений Михайлович Лыхин, ставший при колхозе первым председателем его, в молодости противопоставляли друг другу силу. Делить им было тогда нечего, оба были из бедняцких семей. Жизнь их временно разъединила: отец с малолетства батрачил в зажиточном хозяйстве, после ходил на пароходе в качестве матроса, позже дослужился до штурвального. Уже поженившихся обоих жизнь сводила их в общих делах. Раньше почта содержалась обществом по найму: имея свою лошадь-две, вы нанимались на перевозку грузов, пассажиров в зимний период на расстояние в 30 километров от одного станка до другого, там сдавали почту и вновь вертались к своему станку в ожидании новых почтовых перевозок. Здесь-то от избытка сил и незанятости бывали и вольная борьба, и тяга на палках. Представьте: садились два

противника один против другого на пол, упирались ногами, брались за середину крепкой (на разлом) палки, клали ее себе на носки ног, то есть на середину между друг другом, и каждый тянул эту палку на себя. Тот, кто был покрепче, отрывал противника от пола и подымал или перетягивал его на свою сторону. Отец обычно в этой силовой борьбе побеждал.

У отца после аварии парохода поздней осенью, по шуге, от простуды часто болела голова, а у Евгения Михайловича голова была здоровая, крепкая, и сам он был детина, выше отца ростом, хвалился силой, а потому хулиганил. Подойдет, ударит неожиданно своей головой по голове другого человека и смеется от удовольствия, когда люди корежатся от боли. И правда, его голова была вроде чугунная. Ударил и отца моего, отец, поморщившись, предупредил: «Евгений, если ты еще раз меня ударишь, возьму тебя и задницей об нары (настил из досок, на котором, как на топчане, спали ямщики, что были на дежурстве) стукну». Евгений был крепкий мужчина, выше отца на голову, на предупреждение с усмешкой ответил: «Но...» и вскоре, изловчившись, снова стукнул отца в голову. Отец встал, смял Евгения, свел его под коленки с шеей и, раскачав эту «корчагу», ударил задницей по торцам досок нар. Евгений охнул и говорит: «Ох, ёп твой мать, я тебя сейчас поленом». Отец говорит: «Ну-ка попробуй, и придется это полено по тебе». Не посмел Евгений взять полено и свое любимое занятие прекратил.

В жизни им приходилось отстаивать свои права на приглянувшиеся пустоши по речке Захаровке под сенокосные угодья и пахотные поля после раскорчевки полос земли от кустарника и деревьев. И в этом отец не спустил, не дал Евгению верха над собою. И вот пришла советская власть. Евгений, многосемейный, больной чахоткой (туберкулезом), в то время числился бедняком, а беднякам отдавалось преимущество перед обеспеченными мужиками, через них государственные деятели выбивали у крестьян зерно, заработанное ими в поте лица, их ставили председателями Советов, колхозов, руководителями торговых предприятий и прочее, во всем им было и доверие, и поощрение. Вот и вспомнилось Евгению былое унижение, даже такое личное, когда его побеждали силой или не позволяли беспрекословно пользоваться всем, что бы его душа ни пожелала. Отомстил Евгений отцу: выгреб у него хлеб из амбара во время отсутствия отца (по найму перевозил на своих лошадях груз на Бодайбинские прииски), обвинив его перед сельсоветом в найме труда людей, то есть эксплуата-

Иван Егорович Лыхин

ции. Пока справедливость восторжествовала, а хлебто уже выгребли из закромов и увезли в пользу государства.

Пишу и удивляюсь силе отца. Он был одного со мною роста — 1 метр 74 сантиметра, только плотнее меня, сбитый, руки вдвое толще моих, с крепкой мускулатурой. Соответственно и стан, и ноги. Человек неимоверной, медвежьей силы. А с виду обычный мужчина среднего роста. Откуда сила?

На станке же дежурили мужики всяких физических возможностей. И всем хотелось помериться силой, ловкостью. Любителями бороться, как признано всеми, были люди из тунгусской и якутской национальностей, хотя приемами борьбы владели слабо. Вот схватились бороться русский с тунгусом, ростом вроде одинаковы, но русский был ловчее и обарывал соперника, а тунгуса все более и более разбирало желание справиться с противником. У тунгуса были длинные волосы, русский бросит его через себя, у тунгуса волосы как метелка мелькнут в воздухе, и хлоп головой о голый пол, шлеп о пол! Чешет тунгус ушибленное место и ругается: «Ох, так твою мать, как это ты меня оборол, я и не видал. Ну-ка, давай еще поборемся». Повторяется новый бросок, и снова веер мелькнувших волос в воздухе и стук головой о деревянный пол. Снова ругается тунгус: «Ох, так твою мать (хватаясь рукой за ушибленную голову), голова-то больно, и как ты меня оборол, я не увидел. Ну-ка, давай еще». Хотелось тунгусу одновременно и победить русского, и перенять опыт броска противника через себя.

Один маломощный мужичонка из русских также был большой любитель побороться, но обычно всегда оказывался под низом у противника. Однажды попался ему противник послабее его,

оборол он своего противника, прижал его спиною к полу и ерзает на его животе, приговаривая: «Ведь до сих пор не знал своей силы, теперь-то я знаю, как я силен». Это, конечно, ради шутки, довольного смеха окружавшей борцов компании мужиков.

В борьбе побеждает человек всесторонне развитой, с крепкой природной силой, а если к тому же обладает умением приемов борьбы, естественно, победа всегда достается такому. Отец же мой не был обучен всем приемам борьбы, его всегда выручала природная физическая сила.

Однажды, демобилизовавшись, они, бывшие солдаты, ехали вчетвером на короткой конной телеге, укрывшись от дождя дерюжкой, а пятый огромного роста демобилизованный солдат, украинец, не вместившийся с ними заодно на телеге, пытался содрать с них укрытие, чтобы и они наравне с ним мокли под дождем. Так доехали до станка, где меняют транспортную почтовую лошадиную силу, и там громила-украинец похвалился: «Если бы всерьез я захотел, то один бы управился с вами, всех бы один одолел». Дело было в помещении кабачка, бывшие солдаты, обогреваясь, немного подвыпили, отца заело: «А ну-ка, попробуй сперва справиться со мною», обхватил украинца поперек туловища, сжал в своих медвежьих объятьях и потянул похвалившегося солдата на

И.Е. Лыхин на реке Лене. 1953 г.

себя. Тот ухватился руками за крепкую кабацкую стойку, но руки его вдруг задрожали, ослабли, выпустил он из своих рук спасительную стойку и хлопнулся на пол. Таков был человек мой отец. Без сторонней похвальбы думаю, я и десятой доли в молодости не имел его силы, хотя в схватках с людьми битым за всю свою жизнь не был. Один факт, что отцу запретили бороться после того, как в борьбе он сломал противнику ногу: приподнял того и с силой опустил на бетонное покрытие земли возле солдатской казармы, раздробил ему пяточную кость ступни. Тогда он выступал борцом, защищающим честь своей роты. Где уж в таком случае мне равняться физическими достоинствами с отцом? Не завидую отцу, но горжусь им. Все прошло, был человек, мог бы выступать как борец за честь страны, но извелся, как и многие люди на житейских делах, где сила не была лишней. Богатырская сила, понятно, вещь внушительная, не напрасно есть поговорка: сила есть, ума не надо.

Но и ум не лишен: умные, воздержанные в эмоциях люди всегда остаются в выигрыше в глазах народа. Огромный верзила решил излить свою неприязнь к маломощному мужичонке в непристойных выражениях для слуха последнего и окружавших их людей. Раньше церковь призывала людей к порядочности, вежливости и к прочим людским допропорядочностям, и люди воздерживались в крайности эмоций. Позднее, когда церковь поломали, люди освободились от церковных заповедей. Стали свободными от запретов и первым словом стали упоминать «твою мать» и подобные тому выражения. Вот и начал поносить того матерными словами и непристойными именами: «Так твою мать, растак твою мать, и туда-то тебя, и сюда тебя...» Наконец выдохнулся, умолк. Окружившая их любопытная публика молча слушала непристойные выражения громилы и ждала, как поведет себя маленький человечишка, который тоже выслушивал покорно всю брань громилы в свой адрес. Когда громила выдохся во всех своих сквернословиях, умолк, мужичонка встрепенулся, стал низко кланяться громиле со словами: «Вот спасибо, вот спасибо вам, научили меня уму-разуму, покорно благодарю вас за науку». Окружающая толпа разразилась громким хохотом. Вышел мужичонка героем в глазах толпы, а громила — в неприглядном виде, в дураках. Опешил громила от непредвиденного оборота своих речей и поскорее смылся из толпы.

Что правда — то не у всех людей обострена эмоциональная выдержка одинаково, обычно сытый, максимально обеспеченный всем человек не изводится в крике, другое

дело голодный, раздраженный неудачами человек, тот поневоле проявляет себя в крике, несдержанности. Так и мужики в деревне — пообеспеченнее, поумнее не искали стычек, не проявляли себя в криках, они и так свое возьмут. Помню деревенские сходки (собрания) мужиков, особенно при дележе пашенных угодий и сенокосных участков земли. Соберутся где-нибудь на бревнах, кто-то сидит, а другие топчутся на ногах, толкутся, размахивают кулаками, крича и бранясь друг на друга. Наконец, выкричавшись, умолкают, расходятся. По совету наиболее зажиточной части крестьян, у которых обычно останавливался землемер, на следующие дни все сделается по божьей воле так, как надо. Против власти не попрешь. Женщины, как обычно, на таких сходках не присутствовали. Говорилось: у женщин волос долог, да ум короток, а если при необходимости и присутствовали, да разве перекричишь мужиков.

Забавами у детей и взрослых молодых парней зимой и летом были игра в бабки, летом игра в городки или в лапту, где один подбрасывал мяч перед партнером, тот бил по нему палкой, пока мяч летел, другие с одного конца поля бежали в другой и тем самым заставляли первых бить по мячу и подбрасывать мяч под удар палки до тех пор, пока кого-нибудь не «зашивали» (не попадали в кого-нибудь мячом), тогда на подброс мяча и удары по мячу палкой вставал игрок, задетый мячом, бегающий от одного конца в другой. В такой игре обычно всегда выделялся Фонка Хохлушин, умеющий увернуться от брошенного в него мяча с самого близкого расстояния: или вовремя отклонялся, или в момент броска мяча падал плашмя на землю. Другого такого ловкого игрока не было среди молодежи. А мячи вначале были своедельские, катанные из коровьей и конской шерсти, позже стали появляться купленные резиновые мячи, довольно мягкие, еще позднее появились черные мячи из толстой резины, такой мяч и летел от палки далеко, и приносил сильные болевые ощущения, вплоть до синяков.

В свободное время от работы в поле, в лесу молодежь деревни сходилась на улице в сухом месте играть в городки. Чертили мелом или просто проделывали борозды палкой — два квадрата в 20–30 метрах друг от друга. На передней черте того и другого квадратов строили из пяти городков фигуры разного вида, то в виде колбаски, то — столба, то — ворот, то — самовара и прочее... Играли или партия на партию, или один на один. У каждого игрока по две городошных палки, на половине расстояния между квадратами проведена черта

(парусало). Сперва первый игрок (или группа игроков), не переходя черты своего круга, кидал палки в кон (в выстроенные фигуры из городков) своего противника до тех пор, пока удачным попаданием не разбивал фигуру противника, притом необходимо, чтобы хоть один городок из кона был бы выбит за черту круга (квадрата), тогда остальные четыре городка игрок мог выбивать от парусала. Если игрок (группа игроков), перекидав свои палки, не выбил из круга (квадрата) все пять городков, тогда противник в свою очередь, собрав перекинутые в его сторону палки, от передней черты своего квадрата пытался выбить хоть один городок из кона противника за его пределы, а выбив хоть один или более городков за черту круга, остальные мог выбивать от парусала. Кто из игроков первым справлялся с выбиванием городков противника за пределы площади очерченного квадрата, тот выиграл. Победитель заставлял противника собирать городки и ставить вновь фигуры кона на первых чертах обоих квадратов. И если он справился с выбиванием городков противника из круга и у него (у них) осталась хоть одна или более палок на руках, в новой игре он снова первым начинал игру, при этом игроки менялись местами, то есть переходили на квадраты противника. Это как бы равняло их шансы в игре (причиной переходов игроков на круг противника могло быть неудобное расположение кругов на местности — один в низине, а другой на косогоре, бугорке, это значит, что с него легче катиться из круга сбитому палкой городку, он самопроизвольно катился за черту круга при слабом ударе его палкой). Палки делали по вкусу, поувесистее, разной длины, один конец палки застругивали для удобства обхвата ее рукой; городки вырезались из жердины длиною примерно 12–14 сантиметров, толщиною примерно от четырех и более сантиметров.

Вторая игра теми же палками и городком, который ставился на приподнятый конец доски, называлась «целовальник». В этой игре участвовали несколько игроков с одной стороны и один игрок — целовальник — с другой. При этом каждый игрок владел только лишь одной палкой. С назначенного расстояния он кидал палку, пытаясь выбить или просто сбить с установленного места городок, и пока целовальник бегал за ним и устанавливал его на назначенное место, игрок или несколько игроков, ранее бросивших в городок свои палки, пытались сбегать, подобрать палки. Тогда они вправе были снова пытаться сбить городок, и так повторялось до тех пор, пока целовальник не «застукает» подбирающего палку игрока на своем поле. Тогда целовальником становился «за-

стуканный» игрок, а целовальник уходил в партию игроков, бросающих в городок свои палки.

Плохо приходилось целовальнику, если расстояние от бросающих палки игроков до городка целовальника было малое (короткое). Меткие, сильные удары палками по городку заставляли его отлетать на далекое расстояние, а игроки за это время подбирали свои брошенные ранее палки и снова гоняли целовальника за выбитым с места городком. Так уставший целовальник, бывало, отказывался от игры, в таком случае его валили спиной на уложенные в ряд городошные палки и катали на них взад и вперед. Можно было, конечно, увеличить расстояние от черты до городка, тогда не каждый из кидавших палки игроков мог попасть в городок, и целовальник не был так утомлен, бегая за городком.

Игра в бабки (кости ног крупного животного, которые вываривались в процессе приготовления холодца). Также очерчивался «круг» (квадрат), на передней черте которого ставились в ряд бабки (вдоль передней черты очерченного квадрата) и наиболее крупной бабкой (залитой внутрь свинцом для веса) били с отведенного расстояния в кон бабок. Задача — выбить бабку из квадрата, хотя бы одну, тогда расстояние до черты с бабками уменьшалось в соответствии с уговоренностью игроков. Сколько бабок выбьет игрок, все они доставались ему законной добычей. Бабки продавались одним игроком другому за деньги, и игра продолжалась дальше. В эту игру можно было играть на земле, льду и на расчищенной от снега площадке в ограде какого-нибудь хозяина, вовремя очищающего ограду от падающего снега зимою. Бабка, которою били по кону, а потом по каждой отдельной бабке, находящейся в кругу черты, обычно выбиралась крупная, а для увесистости внутрь которой заливался свинец, — называлась «биток», «бита».

Воспоминания о своем детстве. Жесткая зимняя пора не пугала детей, ведь рядом было тепло дома от русской печи и печки железной — для скорого приготовления пищи, для обогрева, если приехал гость, если сами хозяева пришли с гумна, где молотили хлеб, если хозяин привез из леса дрова или для скота с лугов сено — во всем этом выручала железная печка в дополнение к теплу, идущему от русской печи.

Раньше женщины не носили брюк, короткие трусики, панталоны не закрывали даже колен, на работу в холодную пору женщины надевали шерстяные чулки, иногда до колен, иногда чуть выше колен. Вся остальная часть ноги от колена до развилки ног оставалась голой, доступной морозу, ведь

юбка при движении только создавала ветер, снимала тепло с неприкрытых мест ног. Поэтому-то, затопив железную печь, женщины, подняв подолы юбок, и крутились всеми сторонами тела возле пышущей жаром железной печи, и не скоро они перешли к привычке носить брюки, хотя бы для начала под юбкой.

Мы же, дети, активно резвились: или боролись, или играли «в медведя», вечером играли в прятки. Обычно убегали в доступные чужие скотные дворы, сараи и прочие сооружения, где чаяли получше запрятаться от ищущих нас остальных. Сперва искал один человек, найдя кого-нибудь из спрятавшихся, уже искали вдвоем, втроем и т. д., пока не находили последнего. В такой игре все бежали как можно быстрее, задыхались и, где-то спрятавшись, надыхивали, как паровозы: «Фу, фу, фу». По этому пыхтению ищущий в темноте отыскивал кого-то и вытаскивал его на свет для опознания. Я тоже бежал со всей своей возможной скоростью, но не залазил в общую кучу спрятавшихся, а останавливался где-то поблизости в одиночку, при этом делал четыре-пять глубоких выдохов и вдохов, тем самым и устанавливал дыхание, и тихо оставался в стороне от ищущих.

Днем на деревянных коньках, подбитых тонким железом, скользили по утрамбованной санями до половой твердости дороге улицы или гурьбою ходили кататься с хребта на санках, но они меня мало устраивали, а вот катание на голицах с более крутого правобережного хребта было делом любимым. Для уменьшения скорости при спуске с горы на голицах (голица — простая тонко струганная доска с заостренным и загнутым кверху носком, не подшитая камасом — шкурой оленя, лося, коня, снятой с нижней части ноги) мы садились верхом на комель сломанной елки, сосны и других деревьев так, чтобы их сучья бороздили по снегу и сдерживали скорость скольжения, и все равно скорость спуска была бешеной, снег вихрем крутился позади катящегося.

Любил я и в одиночку бродить на голицах по глубокому снегу в ближайшем к деревне лесу. Интересного для следопыта было много, тишина леса, таинственность его глухих лесных мест тянула меня, сулила что-то новое, необычное. Тропа ли заячья или след лисы, горностая, хорька, белки, рябчика, глухаря — все это при некоторой предприимчивости сулило удачу в промысле, добывать же по детству я мог лишь горноков[95] да одного-двух зайцев. Одним из зайцев,

[95] Горнок — горностай.

попавших в петлю, полакомилась лиса, я и ее хотел петлею поймать, да она оказалась умнее меня. Бродя по рыхлому глубокому снегу, я изрядно промерзал и, чтобы согреться, бормотал все слышанные молитвы, песни, частушки и вроде чувствовал себя теплее, и только выбравшись на торную санную дорогу, я припускался бежать на голицах и тут уже отогревался.

Один раз я вместе с голицами свалился в снеговую яму, вырытую и прикрытую сверху веточками и снегом специально решившими подшутить подростками. Я был один и изрядно струхнул, угодив в ловушку глубиной в два метра, а шириной чуть больше метра. Голицами выбил в стенах ямы приступки, по ним поднялся наверх. Шутка, конечно, для малыша меньшего роста могла оказаться серьезной для жизни.

Отец не был добрым промысловиком, не был им старший мой брат, и мы всю нашу бытность только раз имели настоящую хорошую промысловую собаку — кобеля из породы знаменитых вогульских лаек. Вышел из леса тунгус среди зимы, сдал пушнину скупщику и загулял. В это время у него ощенилась сука, один из щенят маленьким колобочком попал к моему брату. Еще шестимесячным он взял след и загнал в поленницу горностая, в дальнейшем в охоте на белку он затенил всех собак в деревне. Брат один убивал с ним по 40–45 белок, а бывалые охотники со своими хвалеными собаками вдвоем не убивали столько в день. Отец оглох, мы с братом разъехались в разные стороны, и эта единственная в нашей семье золотая собака зря сидела на цепи, охраняя нищее хозяйство отца. Звали мы его Севером, был он черно-белой масти. Обычно бродя с ним в лесу, я подсвистывал ему знакомым посвистом, и он, чувствуя меня, большими кругами вокруг двигался в том же направлении, куда шел и я.

Два года я отсутствовал и вот, сойдя с парохода на пристани села Петропавловского, отправился домой в деревню Лыхину. Дело было ранним утром, народ еще спал, а собаки, заслышав ночной стук полевых ворот деревни, почуяли чужого, и со всех дворов послышался собачий лай. Среди всех других собачьих голосов слышен был голос моего Севера. Я, не доходя до дома, метров за 300–400 подсвистнул ему знакомым посвистом, он замолчал, потом вместе с другими собаками снова стал лаять. Я снова подсвистнул возле дома, он снова замолчал. Обойдя свой двор с другой стороны, я стукнул калиткой, Север снова залаял, но после знакомого посвиста снова замолчал. Я зашел в ограду, окликнул его по имени, снова подсвистнул дважды и говорю ласково: «Север-

Дом Ивана Егоровича Лыхина в деревне Лыхиной. 1953 г.

ка, Северка, ты что, не узнал меня?» Он настороженно вытянулся в мою сторону, почуял знакомый запах своего человека, завизжал по-человечески: «Ай-яй-яй-яй», упал на спину и застыл с поднятыми ногами, как мертвый. Потом сердце его стало отходить, он с усилием перевернулся на бок, не сразу встал на ноги и с визгом попытался подпрыгнуть и лизнуть меня в лицо, но смог достать в первом прыжке только до колен, во второй, третий и в последующих прыжках он прыгал уже на уровне моего лица, положил мне передние лапы на плечи, взвизгивал и лизал меня в лицо. Так поразила его сердце нечаянная радость встречи со мною.

Открыв сенную дверь, я встретил выходящую из избы маму, которая с удивлением молвила: «Ай, Пётра». Вышел и отец из своей спальни, опущенный, потерянный, молча стал рассматривать меня, позже спросил, как я появился и откуда. Вот она, собачья дружба.

Постоянные промысловики-охотники умели отобрать для себя лучшего щенка из помета и сохраняли эту породу, скрещивая ее с тоже хорошими охотничьими собаками. Не помню точно, или в 1950-х, или в 1960-х годах был неурожай кедровых орехов, ягод, грибов. Голодные медведи, не набрав для зимней спячки достаточного количества жира, не ложились в берлогу и бродили по лесу в поисках пищи. Голод, холод,

снег доводили до отчаянной смелости, и они нападали на промысловиков-охотников, потеряв страх перед собакой и человеком. Наш деревенский молодой охотник пошел ставить ловушки на соболя, медведь-«ходун» скрал его из-за колоды и прыжками застиг не ожидающего беды охотника, съел его. Потеряв спарщика, второй охотник выскочил из леса в деревню и сообщил родственникам о его исчезновении. Собрались охотники с собаками, пошли в те места, где охотился и позже исчез охотник. Медведь не ушел с места своего удачного промысла на человека и с ревом выскочил навстречу приближающимся людям, но бывалые охотничьи собаки окружили его, задержали, а приблизившиеся охотники расстреляли его.

На второго охотника, бывалого промысловика, в ту же осень напал другой медведь-ходун, но преданная человеку собака до тех пор билась с медведем, пока охотник уже пятым выстрелом из нарезного ружья не прострелил медведю позвоночник. Оставив его, взял изувеченную собаку, унес ее в зимовьё на руках и сделал посильную операцию. Медведь вырвал ей глаз, порвал стегно задней лапы, а собака, истекая кровью, не видя одним глазом, все цеплялась за медведя, не допуская его к своему хозяину. Если увековечить память

Харитина Дмитриевна Лыхина во дворе своего дома с собакой Севером. 1953 г.

человека, этого охотника звали Василий Степанович Лыхин. Умер он обычной смертью, еще не старый, от изобилия выпитого вина. Опьяневший вдрызг человек валится на спину, у него случается отрыжка от изобилия пищи и водки в желудке, отрыгнутая пища, слизь попадают в дыхательное горло, человек задыхается. И все же этот человек был безусловно человечнее первого, задранного медведем. Он любил животных, животные оказывали любовь и взаимную привязанность к нему. Первый же охотник, по имени Рэм, был груб, жесток со своими собаками. Первую отличную лайку, идущую на любого зверя, застрелил в лесу только лишь за то, что она после удачной охоты на зверя (лося) на пинок хозяина огрызнулась на него, на пинок охотника ответила укусом за ногу, обутую в валенок. Осталась у него молодая собака, уже не той храбрости. Чуя близость медведя-ходуна, она не шла впереди хозяина, а тащилась сзади по его следам. Он пристрелил и эту. Вот ему и выпала смерть от зубов медведя по делам его.

С малых лет все животные в хозяйстве были для нас дороги, для меня лично забавой и утешением были собаки, но дружил я и с кошками, и они на мою любовь платили привязанностью и взаимной любовью. Мне тогда было лет девять-десять, а брату Николаю 14–15 лет. Лежали мы с кошкою на русской печи, к брату к нам в избу зашел высокого роста деревенский парень по прозвищу Монгол и стал навязываться к моему брату на борьбу. Было это около входных дверей и рядом с русской печью — кошка ощетинилась, встала на приплечек (обводная доска у русской печи, чтобы во сне не свалиться с печи, а также чтобы не осыпалось зерно с печи, когда его сушат, готовят в будущем к помолу на мельнице) и прыгнула к верзиле на грудь, уцепилась ему в одежду тремя лапами, а передней правой сперва ударила его по щеке, потом перехватилась лапами на одежде парня, ударила его дважды левой лапой как рукой с зажатыми в кулак когтями (не поцарапав его, как обычно царапают собак по их морде). Парень опешил: «Ой, что это она?», брезгливо и с испугом обеими руками спихнул кошку на пол, повернулся и вышел из дома. Больше он к нам не заходил. Вот, видите, даже кошка может вступиться за друга — человека. Вчера брат в письме вспоминал другой случай. Уже на улице та же кошка вступилась за меня и за брата и поцарапала другого парня, осилившего в борьбе брата и меня, тогда кошка снова вступилась за нас и заставила нашего противника отступить.

Мы жили сытно, а с приличной (городской моды) одеж-

дой у нас обстояло плохо: ни доброго костюма, ни обуви. Однако цель в жизни у меня с малых лет была простая: помочь родителям в их усилии выжить. Я пристрастился к охотничьему ружью и без добычи — птицы боровой и перелетной водоплавающей — домой не возвращался. Пользуясь примерами удачливых охотников, я также во всем пытался следовать за ними. Слышал, что зайцы по вечерам навещают посевы на Гари. Я взял мелкокалиберную винтовку и пошел на пашню, где заметны были набеги зайцев. Было еще довольно неплохо видно, как самый нетерпеливый из зайцев выскочил из леса и настороженно сделал столбик, сев на задние лапы на расстоянии от меня метрах в двадцати. Я прицелился ему в грудь и выстрелил, он упал, но быстро вскочил на ноги и пустился обратно в лес. Отбежав метров 30–40, он со всей своей скоростью врезался головой в дерево и, свалившись, забился в предсмертных судорогах. Я подобрал его и удивился тому, что немного крови было видно только на спине, на груди же крови ни капли не было видно. Было недоумение: как же так, я стрелял в грудь, а рана оказалась на спине? Только дома, сняв шкурку и начав потрошить тушу зайца, обнаружил, что пуля прошла насквозь его грудь, разворотила легкие, печень, сделав из всего этого кашицу, и он с такой раной еще бежал как ни в чем не бывало, пока, стукнувшись о дерево, не лишился сознания. А до этих пор я только и слышал, что зайцы очень хлипкие к ранению, от одной дробины, попавшей в них, оставались на месте. Представьте себе на месте зайца медведя, смертельно раненного в грудь. В таких случаях он кидается на охотника и часто смертельно калечит его, прежде чем примет свою смерть.

С мелкокалиберной винтовкой я удачно охотился и на водоплавающую дичь, и на глухарей по весне во время их токования, и осенью с собакой. Однажды мы с братом вышли вечером на поле между хребтом и деревней. Обернувшись, я увидел плывущего (почти не машущего крыльями) вдоль хребта глухаря, вскоре приземлившегося на вершине высокого дерева. Сказав брату, чтобы он известил меня криком, если глухарь снимется с этого дерева и улетит, я бросился в лес, держа направление примерно на то дерево, где уселся глухарь. Я долго скрадывал, вблизи каждое пятое–десятое дерево казалось высоким, а глухаря нигде не было видно, но и брат не подавал голоса, поэтому я продлил поиски и наконец заметил сухое высокое дерево и на его вершине сидевшего глухаря. Поставив рамку прицела на 100 метров, я выстрелил и вроде приметил, как глухарь наклонил голову на

звук просвистевшей пули. Я переставил рамку прицела или на 130, или 150 метров и вторым выстрелом точно поразил его. Так было не раз, я стрелял, не рассчитав расстояния, после выстрела пуля летела или ниже глухаря, или выше, и он, реагируя на ее свист, или опускал голову вниз на звук, или подымал ее кверху. Реагируя на его поведение, я переставлял прицел и вторым выстрелом обязательно снимал его с дерева с дальнего расстояния, что я не смог бы сделать, стреляя из дробового ружья.

Однажды осенью в Глубокой пади, на ее вершине горячий, азартный на дичь Север прихватил на земле глухаря. Кинувшись к нему, вспугнул его, тот полетел в сторону пади, вниз по склону ее. Я был ошеломлен звуком, раздавшимся со стороны пади: «Топ!! Топ!! Топ!!», с промежутками в две-три секунды шел из пади громкий, оглушительный топот, как будто бежало какое-то огромное допотопное животное. Звуки удалялись, хлопанье крыльев становилось все приглушеннее, и наконец все смолкло, только тогда я пришел в себя и услышал невдалеке редкий спокойный лай другой моей собаки. Осторожно приблизившись к месту лая, я увидел на высоком дереве сидящего второго глухаря. Пока не было Севера, убежавшего за первым глухарем (он обычно азартно облаивал, кидаясь на дерево и царапая его, отпугивал птицу), я поспешил выстрелить из мелкокалиберной винтовки и промазал. Поскорее перезарядив винтовку и поставив рамку прицела на другое расстояние в соответствии с поведением птицы, вторым выстрелом я снял ее с дерева, точно угодив посередине тушки. На спине у меня был двухведерный рюкзак, сложив голову птицы к ногам ее, я кое-как втолкнул птицу в рюкзак. Взвесил дома на безмене, птица оказалась весом ровно в восемь килограммов. Какой же величины был вспугнутый собакой глухарь и угнанный ею в Глубокую падь, если хлопанья крыльев второго глухаря, взлетевшего на высокое дерево, я вообще не слышал?

Глубокая падь — это низина, узкая, в ширину метров 30–50, с высокими боковыми крутыми увалами хребтов. Звук в ней, конечно, усиливался, но редкий взмах крыльев с глухими их ударами по воздуху говорил о несомненно огромных размерах птицы. Охотники утверждали, что глухари в приленской тайге бывали до 16 килограммов, позже я где-то в справочнике нашел тому подтверждение. А в бодайбинской тайге я убивал глухаря только на три килограмма и в справочнике находил подтверждение, что горный глухарь бывает не больше пяти килограммов.

В таком же духе свидетельствовал справочник о величине распространенного в Сибири по рекам и речкам хариуса. В ленских притоках рыбаки добывали хариуса весом не более 600–800 граммов, в то время как байкальский хариус, а он же мигрировал по реке Ангаре, — весом в несколько килограммов. Величине животных и рыбы, достигающих больших размеров, можно было только дивиться. Так, где-то в 1940–1950-х годах мои родственники по отцу, а именно двоюродная сестра с мужем, связали свой невод с неводом другого рыбака деревни Лыхиной и этим достигающим 150 метров неводом хватили ранее недосягаемую яму под Беренгиловским перекатом и выловили ленков необычной величины и цвета кожи. Это были глубоководные, а потому темные в отличие от обычных, светлой окраски, речечных и речных ленков и величиной раз в десять больше обычных ленков. Ранее мне не приходилось видеть ничего подобного. В другое время осенью по осевшей воде два рыбака охватили эту яму сплавной трехрядной сетью и выловили много рыбы, ранее не тревожимой никем. Но разразился ураганный ветер с грозою, лодку их перевернуло. Один рыбак, уцепившись мертвой хваткой утопающего в перевернутую лодку, течением и ветром был выброшен на косу ниже Петропавловска, протащенный рекою на расстояние четырех километров, другого же рыбака так и не нашли. Как видите, бывает крупная рыба и в реке Лене. Увидев выловленных ленков на столе перед их разделкой, я удивился их толщине — это были как обрубки довольно толстого ствола дерева длиною около метра.

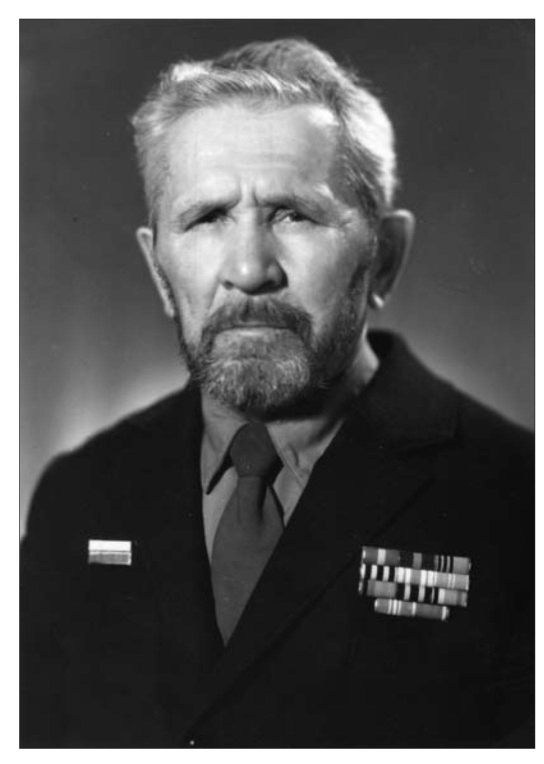
То же со зверем. Уже где-то после Отечественной войны в лесу за четыре-пять километров от деревни на пастбище медведь задрал молодых жеребят по году-второму от дня их рождения. Бывалый пожилой охотник Александр Фанович Лыхин со своим сыном Иннокентием, моим двоюродным братом Василием Никитичем Лыхиным и его дальним родственником Дмитрием Михайловичем, тоже Лыхиным, пошли на место побоища лошадей. Сгородили засидки (сиденья на верху деревьев, обычно на перекинутых с одного ствола на другой жердях) и на них стали ждать медведя (обычно он появлялся к своей добыче на вторые-третьи сутки, после того, как добыча подкиснет). Василий с Дмитрием из осторожности устроили свое сиденье повыше, на двух рядом стоявших осинах, а Александр Фанович по привычной своей беспечности сделал засидку на высоте двух-трех метров от земли на разлапистом кусте старой черемухи. Была лунная ночь, Кешка беспечно задремал, доверчиво отдавшись на опыт отца, и

вот на освещенной луной поляне возник силуэт огромного зверя, брату он показался ростом с лося. Все оторопели. Даже Александр Фанович сплоховал. Громким шепотом будит задремавшего сына: «Кешка, Кешка, медведь, медведь». Услышал это медведь, развернулся на задних лапах, бросился с громким всплеском в речку и, перебравшись через нее, скрылся в лесу. Такой зверь, раненный, вполне бы в ярости сбросил охотников с куста черемухи, и не миновать бы им беды. По-видимому, это и воздержало и старого, и молодых неопытных охотников, и не один из них так и не выстрелил в зверя. Вот такие бывают дела. Караулить сели, а стрелять «постеснялись».

Отец мой после военной службы в 1918 году принес домой боевую винтовку, брал ее в лес в надежде убить дикое копытное животное (лося, оленя), а увидел за буреломом спину идущего мимо него огромного медведя, по-видимому, поопасился выстрелить, тем более преследовать медведя по оставленному им на снеге следу, да и собака хваленая (по пушному зверю) тоже перетрусила, прижалась к ногам отца. Укор ли это отцу? Боюсь судить. Как бы я поступил на его месте?

С медведем шутки плохи. Александр Фанович в свое время ходил на охоту с молодыми парнями Лыхиными, родовы Евдокимовских, — ребята деловые, спокойные в домашнем хозяйстве, в рыбной ловле на весновке по речке Чечуй. Но вот встретившись с разъяренным медведем, наверное, растерялись: собаки подняли из берлоги медведицу с медвежатами, она, защищаясь, принялась гоняться за людьми и собаками. Молодежь предметно или беспредметно разрядила свои ружья с пулями по мечущейся между деревьями медведице, не нанеся ей ощутимого вреда. Только один Александр Фанович не растерялся, выждал, когда медведица бежала за собаками мимо него, выстрелил одновременно из обоих стволов по ее хребту, перебил ей позвоночник и, естественно, парализовал ее движения. В то время ружья были шомпольные, для последующего выстрела охотнику снова надо было проделать медленную зарядку ружья: насыпать в ствол порох, запыжить его потрёпками (потрёпки — нерасчесанная кудель из конопляного волокна), после этого опустить в ствол пулю и снова запыжить потрёпками, поставить на боек казенника мизерный боевой пистон, и только тогда он в состоянии будет вновь стрелять, а что в это время будет делать зверь?

Был и такой случай: окружили охотники берлогу, лают собаки, охотники палят из ружей-«турок» (ружья первых выпус-

Герасим Георгиевич Кобелев. 1986 г.

ков с тяжелым кованым граненым стволом), а медведь притаился и не выходит из берлоги. В то время появились ружья тоже шомпольные, как все прочие виды ружей, только крупнокалиберные. Вот один из промысловиков говорит: «Дай-ка я в него пальну». С опаской люди прорубили над медведем верх его земляной берлоги, протолкнул охотник ствол своего крупнокалиберного дробовика и ахнул громким выстрелом по медведю, пробив его защитный жировой слой и достав пулей до живого мяса. Выскочил медведь из берлоги и стал гоняться за людьми и собаками. Пули попадали в медведя, но убойной силы не имели, застревали в толстом слое жира. А медведь с выбитым пулей одним глазом все старался выместить свой гнев на людях и собаках. Встанет на дыбы и одним глазом выглядывает своих обидчиков. Более 20 выстрелов сделали по нему охотники, пока не добили его. Говорят, что пули застревали в огромной толще его подкожного жира и не причиняли вреда его жизни.

Следующий случай произошел уже при советской власти в деревне Банщиковой. Забил медведь по осени колхозного племенного быка и улегся около него по своим медвежьим правилам, остужая трепещущее мясо, только потом он пожирает свою добычу. Узнали в деревне о медвежьей проказе, собрал председатель колхоза людей с ружьями уже нового образца (берданы, разломные одноствольные и двуствольные ружья, заряжающиеся уже заранее приготовленными патронами). Взяли собаки медведя в кольцо, лают, теребят его

за шкуру, постреляли и охотники в медведя, а он не шевелится. Осмелели охотники, председатель заявляет: «Да он уже мертв», первым подошел к медведю, тот как вскочит, подхватил человека на передние лапы, приподнял его и стал им жонглировать, не давая возможности прочим охотникам стрелять в него. Убили наконец его, председателя же увезли срочно в Киренск. Более 70 ран зубами и когтями наделал медведь председателю.

Приходилось обкладывать медведя в берлоге и моему брату Николаю совместно с дядей по отцу Николаем Егоровичем и другим беренгиловским охотником, Петром Степановичем Горбуновым, который обнаружил берлогу, но, побоявшись брать медведя в одиночку, позвал брата и дядю на подмогу. Отоптавшись возле берлоги в глубоком снегу, они застяжили устье, бросив одновременно три длинных дерева с укороченными под ежа сучьями, чтобы затруднить выход медведю из берлоги. По-видимому, забили устье слабо, медведь сперва заревел в берлоге, по словам брата, так громко, что, казалось, земля задрожала под ногами, а потом рывком выкинулся из берлоги. Из трех выстрелов одним ему была перебита нижняя челюсть, и он, озверев, стал гоняться за окружившими его поначалу собаками. Собаки разбежались, медведь удалился в лес — осиротели наши герои-охотники. С тем и вернулись в зимовьё. Кто из них, куда стрелял — одному богу известно. Долго молодежь смеялась над моим братом: «Колька попал в пень вместо медведя». Медведя же перехватили другие промысловики, по горячему следу догнали и добили его с помощью добрых охотничьих собак-медвежатниц.

Рассказывал про охоту на медведя и мой двоюродный брат Герасим Георгиевич Кобелев. Однажды охотник-одиночка вышел из тайги и сообщил в селе Петропавловске своим родственникам о найденной берлоге. На охоту собрались быстро: сам председатель колхоза, Александр Тараканов, бухгалтер этого же колхоза, мой двоюродный брат, Герасим Георгиевич Кобелев, и еще два-три человека. Дойдя до зимовья по месту предстоящей охоты, герои наделали пуль, зарядили ими патроны с увеличенным зарядом пороха, смазали спуско-ударные механизмы ружей маслом, вынесли их в сенцы на мороз и весело поужинали, конечно же, с водкой. Утром позавтракали, взяли ружья на плечи, ножи по охотничьим правилам — всегда на поясе ремня, заложены в ножны, топор вложен в специальную железную скобу, прикрепленную концами к ременному поясу, на этом же ремне прикреплен патронташ с заряженными патронами со свинцовыми пулями. Настроение боевое, та-

кая команда молодых боевых людей с добрым огнестрельным оружием. По дороге вырубили они объемистые бревнышки, сантиметров 15–20 толщины, метра 2–2,5 длины, подошли к устью берлоги и по очереди метнули эти бревна к медведю в берлогу. Сами с ружьями встали напротив устья берлоги. Собак не взяли из-за глубокого снега. Потревоженный непрошеными деревянными гостинцами медведь с трудом выбрался из берлоги, мельком оглядел окруживших его охотников, подошел к председателю (тот был похрабрее всех своих спарщиков и стоял прямо против устья берлоги), поднялся на дыбы, дохнул вонью председателю в лицо, рванул когтями рукав телогрейки председателя, оторвав его, опустился на все четыре лапы, еще раз прощально взглянул на окруживших его охотников и махом убежал от них в лес. Что же делали охотники? Они поднимали курки своих ружей, надавливали на спусковые крючки, но выстрелов не получалось. Курки с тихим шелестом опускались на бойки, те, в свою очередь, осторожно прикасались к пистонам патронов, так никто и не выстрелил. Была смазка для ружей зимняя (жидкая, незамерзающая), а была летняя. Недоучли горе-охотники этого, смазали ружья летней смазкой, которая застыла на морозе и сковала движение пружин, курков ружей, те и ходили в руках охотников шёпотом. С чем пришли герои-охотники в лес, с тем и вернулись назад. Вернулись восвояси без всяких потерь в живой силе.

Случаев промысла на медведя знаю много, но в основном понаслышке. Самому промышлять медведя не приходилось. Такой я «липовый» охотник.

Немного из сказки: подружилась Лиса с Медведем и все ему докладывала, где что услышит. Хорошо ей жилось с Медведем. Медведь как хозяин леса немного разбойничал, бил скот, нечаянно забредший в его владения, не разбираясь в том, кому принадлежит эта несчастная скотина, богатому или бедному. Богатый еще стерпит, скота у него много, а у бедного одна-единственная рогатая скотинка, задерет Медведь ее, как жить, чем кормиться с малыми детишками? А Медведь не раздумывает, собирает дань и с богатых, и с нищих. Стали возмущаться крестьяне, грозиться, надо, мол, покончить с этим разбойником, до каких пор, мол, будем терпеть. Лиса все это передает Медведю.

Вот говорит раз своему другу: «Мишенька, на тебя идут мужики с ружьями, с собаками...» Медведь отвечает: «Это моя закуска». И снова дерет несчастную скотину, по неосведомленности забредшую в его лес. Забеспокоились мужики, стали собираться с собаками, с ружьями всей деревней на

Медведя, а Лиса, прослышав про угрозу, опять докладывает Медведю: «Мишенька, на тебя вся деревня собралась выйти с ружьями, с собаками». А Медведь снова отвечает: «Это моя закуска», и преспокойненько перешел на выгон скота в соседней деревне, а там по привычке снова принялся потрошить крестьянский скот.

Снарядились войной на Медведя два родных брата-охотника с двумя одногнездными собаками, Лиса снова докладывает Медведю: «Мишенька, идут на тебя с ружьями два родных брата с двумя одногнездными собаками». Затревожился Медведь, говорит: «Это моя смерть», и ушел в лес от греха подальше.

Не выдаст в беде родной брат родного брата, не сдадут в бою две одногнездные собаки.

Шли два спиртоноса, два татарина, два родных брата через тайгу со спиртом на продажу. Повстречался им на узкой лесной тропинке несговорчивый медведь. Загородил дорогу и скалит на них зубы, рычит. Выбрали они себе по увесистой дубинке (в лесу с топором любую дубинку, стяжок, можно вырубить). Подошли с двух сторон к медведю и стали его уговаривать этими стяжками...

Один из них позже рассказывает: «Я медведку ударил — медведка в штаны срал, медведка меня ударил — я в штаны срал, брат медведку ударил — медведка в штаны срал, медведка брата ударил — брат в штаны срал». Справились с грехом пополам два брата с медведкой. Уговорили бедолагу, хоть и пострадали в бою и сами немало. Двое не один. Один бы не справился. Я уже говорил: силен был отец, но и ему бы было не под силу биться с медведем дубинкою.

Долгое время люди деревни верили в чудеса, ворожбу, в колдовство, в нечистую силу. Если в темные ночи видели падающие звезды, говорили, что какая-то ангельская душа ушла из жизни. Если налетал вихрь, буран со снегопадом или дождем, говорили, что какая-то ведьма или колдун скончались. Про кометы с огненным хвостом позади утверждали, что это старая женщина-колдунья пролетела или что черт прилетел к подозреваемой ими в колдовстве женщине. И чем чаще летели, тем тверже было у жителей убеждение в свиданиях черта с их деревенской колдуньей. Если мужчине, а тем более женщине, приходилось блудить (терять верное направление к дому в незнакомом лесу), опять-таки в этом был виноват леший или черт — он отводил их глаза от знакомых мест. По умозаключению заблудившихся, бегает леший по лесу в красно-полосатых штанах, аукает в ответ на крики о

помощи, то откликается человеческим голосом, то хохочет, перебегая с места на место, хлопая в ладоши, заманивая еще дальше в глубь леса.

Также рассказывалось о домовых, особенно это происходило в лесных зимовьях. Вот одно дословное сказание. Пришел охотник в лесное зимовьё, протопил каменку, закрыл задвижку (обычно деревянная доска, передвигающаяся в пазах небольшого окошечка под потолком, через которое выходил дым из избушки при топке каменки; зимовья строились без вытяжных труб, «по-черному») и улегся спать. Вдруг задвижка вылетела из гнезда на пол зимовья, и послышался глухой голос: «Уходи!» Охотник поставил задвижку на место, встревоженный случившимся, и только закрыл глаза, как задвижка снова вылетела из пазов, вновь прозвучал голос: «Уходи!» Не выдержал охотник, схватил свою поняжку с поклажей и убежал из зимовья, дойдя в темноте до другого с ночевавшими там охотниками.

Обычно где бы ни устраивался кочующий человек, по поверью он должен был попроситься у домового: «Батюшка домовой, пусти меня переночевать», и так до трех раз, и тогда со спокойной совестью мог засыпать. Рассказывали, два охотника, захваченные темнотой в тайге, разложили костер, поужинали и стали устраиваться на ночлег у двух соседних сосен под кроной их ветвей. Один из них попросился: «Матушка сосна, пусти меня переночевать», второй, хватив современности, высмеял первого и также улегся спать. Ночью поднялась сильная буря. Сосна, под которой лег спать не спросившийся на ночлег охотник, говорит второй сосне: «Сестра, пойдем», а та отвечает: «Нет, не могу, я пустила человека на ночлег». Первая сосна не выдержала напора ветра, упала и задавила охотника, который не совершил принятого в народе таинства.

Сознание людей основывалось на житейском опыте, своем и знакомых людей. Не умея объяснить природные явления, свои ошибки, причины недомоганий, люди пытались объяснить все происходящее сверхъестественной силой, колдовством, знахарством, недоброжелательством. Люди поумнее, поопытнее пользовались этим: или по силам помогали людским немощам, или, наоборот, старались запугать, подчинить людей своему влиянию за вознаграждения разного достоинства. Их почитали или боялись, называя знахарями или ведьмами, колдунами, считая их людьми, имеющими природный дар творить добро и зло. От природных явлений старались заранее оградиться запретами. Например: если оправляется

собака, надо уставить на нее кукиш, притом отвернуть голову, чтобы не лицезреть факт, иначе можно получить болезнь глаз. Мужчина не должен оправляться (мочиться) против ветра — наживешь прыщи. Все то, что нельзя было объяснить, считалось загадочным, враждебным. А много ли знал непросвещенный человек того времени, чем он мог объяснять отдельные странные случаи в жизни?

В детстве был и со мною необъяснимый случай. Как-то светлым лунным вечером по первому осеннему снежку я, лет четырех, брат Николай, лет девяти, и соседский парень Фонка Хохлушин, ровесник брата, играли на косогоре переулка между двумя улицами. Вдруг от одной улицы в нашу сторону, на косогор, беззвучно стал надвигаться по светлому снегу какой-то темный круглый предмет. Снег под ним не скрипел, и ног не было видно, вроде шар, абсолютно круглый, диаметром примерно 45–60 сантиметров. Фонка схватил стяг (толстый березовый отрезок для перекатывания бревен в штабель) и кинул его в направлении надвигающегося на нас предмета, но тот не вздрогнул, не остановился, а продолжал надвигаться на нас на верх косогора. Тогда, испугавшись, мы кинулись по домам, я даже потерял сознание, и брат, скрывшись в избе, бросил меня в сенях, потом вышел отец и занес меня в избу. Долго мы все, очевидцы, искали истину, высказывая каждый свои догадки, кто говорил, собака бежала, кто — свинья, некоторые утверждали, что это катилась на нас Маруська (шальная девка), свернувшись комком, но так ни к чему определенному и не пришли. После я много лет вспоминал это событие и остановился во мнении на том, что была это всего лишь тень филина, плавно летящего (плывущего) по воздуху, иначе кто бы мог не испугаться брошенного в него стяга, это ведь не маленькая палочка.

Напичканный рассказами о чертях, колдовках, однажды я спал один в кладовке (пристрое к дому), видимо, неловко во сне прижал сонную артерию, мне стало тяжело дышать, как будто что-то давило мне на грудь, и в испуге погрезилось мне, будто на светлом фоне стен и потолка кладовки синими жилами скелета черт с такими же длинными руками, протянутыми ко мне, и синими чертами лица давил на меня — я вскрикнул, проснулся, перевернулся на бок, и «черт» исчез, и вся тяжесть, ощущаемая мною во сне, исчезла.

Всякая жизнь имеет свои оттенки, так и в деревне каждая семья жила, имела свои порядки. Как-то раз я усердно помогал маме, но по ошибке уронил висевшую клюку, та упала на

лопату, на которой стоял лист с шаньгами, все улеглось на пол кухни, я скорее тягу давать, но мама оказалась проворнее и на выходе из избы догнала меня и дала подзатыльник. Это было первое рукоприкладство родителей по отношению ко мне, я разобиделся, залез на двор и там запрятался на выметанной соломе. Отец разыскал меня и за руку привел домой, посадил за стол и велел мне есть, я, отказываясь, сел на спинку дивана, не ел, отец стал требовать: «Ешь, ешь», пришлось поесть.

Но вот другая жизнь. В соседнем доме с нами семья в семь человек Евгения Михайловича Лыхина сидела за столом. Хозяин семьи выдал каждому члену семьи по ломтю хлеба, некоторые, съев свой паек, потянулись за вторым ломтем, но под окриком: «Куда, мать твою... за вторым тянешься?» — вынуждены были остановиться.

Жили крестьяне в основном дружно между собою, несмотря на различие мнений, повадок, порядочности. Да и зачем нужны были беспричинные разногласия, злоба? Жил каждый сам по себе, как хотел, как умел. Люди пытались жить, несмотря на 38-й год, Отечественную войну. Оставшиеся в живых по-прежнему собирали вечера по случаю какого-нибудь праздника или просто от желания встряхнуться, повеселиться, не век же горевать и плакать, живая плоть требовала приятных увлечений. Женщины, оставшиеся без мужиков, наружно храня свою верность бывшим мужьям, зазывали в компанию веселых, игривых мужчин и, подпив, представляли из себя кобыл и жеребцов со всеми их повадками при сближении. Меня это смешило тогда, а вот сейчас раздумываю над этим, бедные людишки, одна им осталась воля — напиться и поиграть, кто для смеха, другие же, увлекшись, для обоюдного удовольствия.

В годы войны с Германией все взрослое население было мобилизовано в армию, в деревне остались подростки да женщины. И вот вместо ушедших 14–15-летние подростки взялись за хозяйство колхоза. Едва перетаскивая плуг на заворотах, они справлялись и с пахотой, и прочими работами. Следующий случай на пахоте я слышал от очевидцев, конечно, все случившееся также было грубой шуткой, как и вся жизнь. Васька Романов был послабже сверстников, на тяжелой работе в солнечном зное он изнемог и, схоронившись в тени кустов, уснул крепким мужицким сном. А покрепче здоровьем и ростом, полный по природе парень присел возле его носа и навалил добросовестно ему под нос содержимое своих кишок. Над прочухавшимся парнем все друж-

но потешались, особенно «шутник». Васька полез в драку на шутника Кольку, но тот, как бык, изловчившись, боднул его головой и опрокинул на спину, называется «взял на калган». Справившись, Васька снова пошел в наступление, а Колька, нагнувшись, снова попытался ударить в грудь Васьки головой, но тот, приноровившись, пнул Кольку большими, не по его росту, отцовскими ботинками в подставленную голову и взаимно опрокинул «шутника» на спину. На том и закончили свой турнир юные пахари. В этой грубой мужицкой жизни, естественно, лучше себя чувствовал тот, кто посильнее умом или, по крайней мере, физической силой.

Из мира деревенских шуток и забав. Я писал, как гоняли почту в дореволюционное время и в 1920-х годах. Зимою почту возили на лошадях по найму, станок определялся в 30 километрах, отвезет человек груз, людей до другого станка и возвращается снова на свой станок в ожидании своего череда. Было принято просить у проезжих господ на чай. Вот раз на станке дежурили два мужика, один из них пошел попросить у проезжающего на чай, говорит: «Ваша милость, пожалуйте на чай». Тот как зарычит, затопает ногами, схватил мужика за волосы, натаскал, смазал по загривку и выгнал из комнаты, отдельно отведенной для проезжающих. Мужик вышел раскрасневшийся, второй спрашивает: «Ну, что, дал?» «Дал, — говорит первый, — и тебе велел прийти». Второй одернул рубашку, пригладил волосы и тоже пошел просить на чай. Проезжающий и того надрал за волосы и пинком выгнал из комнаты. Вышел мужик побитый и говорит: «Так твою мать, ты зачем меня подвел?», а первый отвечает: «А что, мне одному, что ли, надо?» Так со смехом и помирились.

Моя мама вышла за отца из зажиточной семьи, долго хранились ее вещи — приданое к свадьбе — шубы меховые, пальто, юбки, платья шерстяные, белье разное. В двух больших окованных сундуках было доставлено приданое кроме постелей, теплых меховых шуб, покрытых тонким сукном, и другого объемистого добра. Отец же был из бедной семьи, за его душой ничего не было, кроме молодости и молодецкой силы, в чем ему бог не отказал. Жили они недружно. Отец похаживал на сторону, к овдовевшим и замужним чужим женщинам, на этой почве у них были ругань и недоброжелательство, вернее, это было в основном со стороны мамы, отец же в душе гордился своими прелюбодеяниями и все говаривал, что петух, мол, с десятком кур живет и со всеми умеет ладить.

Мама была великая хозяйка, но и отец старался быть на

виду. Лошади его всегда были упитанными, выездная сбруя нарядная, приятно было слышать, когда он с покриком на бешеном ходу цугом (одна лошадь впереди на постромке, другая, коренная, запряжена была), оглобли саней под раскрашенной дугой с навешанными на ней колокольцами, проезжал с почтой мимо дома. При всех его недостатках в семейной зависимости он не был лентяем и скоро выбился в середняки. В доме у нас всегда было чисто, в старой избе пол не был покрашен, но раз от разу отец привозил пихтовых хвоистых лап, выскобленный ножом и вытертый до белизны пол устилался пихтовыми лапами, ими же обивались рамки с карточками, были обложены иконы, стоящие в углу избы. В новой избе пол покрасили, мыть его не составляло труда, и он уже пихтою не покрывался, но зато по весне я приносил трехметровые деревца черемухи, березки, ольхи, пихты, листвянки и ставил их, эти трехметровые букеты, по углам избы в ведра с водою. В том и другом случае аромат пихтовой смолы с запахами распускающихся в листву почек на лиственных деревцах и хвои на лиственнице, разноцветных, спускающихся с цветущей ольхи витых сережек наполнял избу; воздух в избе, как в раю, был напоен всякими духами лесного аромата. Не зря районное начальство и врачи говорили, что чище квартиры Ивана Егоровича Лыхина в районе нет. Добрая слава всегда приятна каждому, но мы сами чувствовали в этом свое превосходство над другими жителями деревни.

Усилием отца и двор был забран завознями, постройками для хранения зерна и прочего скарба, инструмента, инвентаря, теплыми хлевами для свиней, коров, овец и лошадей. С прикрытием скота теплыми дворами на хозяйство было приятно смотреть и самому, и приезжему человеку. Такими же постройками старались обзаводиться и другие хозяева, и деревня в целом выглядела уютно, улаженной. Каждый двор говорил о достаточности, сулящей проезжему тепло, покой, сытность. Были и победнее хозяйства, много зависело от главы семьи, их жен и сподручных помощников — их детей. В дружной, работящей семье всегда можно было встретить привет, доброжелательство. Власть Советов уничтожила прежде всего добросовестное отношение к труду, люди бежали от неволи, хотя их всячески преследовали и даже за тысячи километров вертали под надзором милиционеров обратно в колхоз. Колхозникам, чтобы удержать их на месте, не выдавали паспортов. А как люди живали, при гулянках все тащилось на стол, молодецкие пляски, народные песни, может, иной раз не всегда складно, но с полной душой, так, что лампы

Иван Егорович Лыхин в своем доме с внуком Юрой, 1956 г.

Харитина Дмитриевна Лыхина с внуками (слева направо) Ириной, Ниной, Юрой у ворот своего дома. Справа от нее Василий Степанович Горбунов и Дмитрий Михайлович Лыхин. Первая половина 1960-х гг.

керосиновые тухли и мигали то сжимающимися, то вспыхивающими от голосов огоньками. Куда все девалось? Одни убежали, другие поумирали, постройки исчезли с глаз, поля зарастают новой порослью хвойных деревьев и кустарником. Расправились коммунисты с деревнями и их жителями.

Почти каждое хозяйство было полной чашей. Отсюда и оптимизм, и надежда на лучшее, а труд в радость. Главное же — свобода действий: каждый сам себе был хозяин. Жили в соседстве с законами и капризами природы. В ненастье, лютые морозы находили неотложную работу дома, в добрую погоду работали не жалея сил в лесу, на полях, гумне, в извозе. Плоды их труда были явью, а не в мечтах, ощутимы и на глаз, и на деле. Это радовало, вдохновляло, создавало уверенность в будущем, своем житейском благополучии. Люди знали, что никто не придет, не присвоит плоды их рук и стараний.

Тяжел был труд крестьянина в страдную пору, но обнадеживающий, необходимый, желанный. Хлеб был всему голова. При хлебе и сам сыт, и скот, а при случае и в обмен его можно пустить. Но вот объединились в колхоз, все и всё так же, по привычке, старались трудиться, а плодами их упорного труда стали распоряжаться другие, и потерялся в людях энтузиазм, опустились руки, потекла молодежь на твердые заработки. А работать крестьяне умели, никакая работа их не пугала, и вопреки всем правительственным запретам принимали руководители всяких организаций их на работу. Сперва выдавали справку о личности, через некоторое время оформляли паспорт как рабочему на их производстве. Оставшиеся в Лыхиной жители переселились в село Петропавловск, где были и школа десятиклассная, и сельсовет, и маслобойный завод, колхоз переименовался в совхоз молочно-зернового хозяйства.

На участке 20 километров вокруг Петропавловска было до коллективизации десять деревень, в каждой деревне примерно по 30 дворов, в каждом дворе на год пускали две-три рогатых скотины, другие имели и того более, три-пять и более, в зависимости от количества душ в семье, кроме того, была лошадь-две в каждом хозяйстве, кроме овец, свиней, кур и т. п. В одной деревне насчитывалось травоядных животных вместе с овцами 250–300 голов, а соответственно, в десяти деревнях — 2500–3000 голов. Теперь на всей этой площади опустевшей земли осталось только стадо рогатого скота в 150–200 голов. Лошадей уничтожили, овец уничтожили, количество рогатого скота резко сократилось. Навоз

еще пытались по привычке вывозить тракторами на пахотные земли, но этому мешали и разливы весенней воды, и дальние расстояния, и стали навоз из года в год вываливать за пределы скотного двора так, что в весеннюю или дождливую летнюю пору к нему без настила из досок было не пробиться — сплошное болото из навозной жижи. На поля же теперь высыпается без нормы химическое удобрение. В 1988 году, находясь в отпуске, я посетил поле на Гари. Там, где с незапамятных времен овес подымался на 50–60 сантиметров, я увидел овес-гигант, выше моего роста, так что я кое-как сориентировался в нужном себе направлении по верхушкам виденного мною из-за овса леса и вышел к дороге, ведущей через лес к речке Захаровке. Вышел на бывшие пахотные места речки и не узнал их: все заросло молодым хвойным лесом и пыреем высотою до пояса. Все, что было любовно разработано человеком когда-то, все вновь одичало.

Позавчера было Благовещение, все эти старые праздники чувствовались душою, все было распределено — труд, отдых, дань чувству веры. Все укладывалось в установленные из века в век постоянные рамки, человеку хватало времени потрудиться и с чувством отдохнуть. В такие старинные праздники крестьяне ждали к себе гостей. Гостей принимали с почетом, уважением, и гости сами старались быть корректными. Веселье было общим, были рады хозяева, были довольны гости. Пелись песни от всей души, под гармонь или частушки отец обязательно выходил плясать и плясал, легко выделывая ногами разные кренделя, а руки убрав за спину. Я всегда вспоминаю его молодым. В последние, 1970-е, годы старость подкралась и к нему, а с нею и многие физические недомогания, в основном его мучило болезненное состояние головы, тут и глухота полная, болезнь глаз и все прочие болячки, вызванные и охлаждением, и тяжелым трудом. Такова уж жизнь.

Я говорил, что до 1930-х годов в деревне все еще держалась молодежь, была основа жизни, домашние удобства, хлеб и прочее необходимое для жизни. Гармонисты будоражили людей, играли на гармони, пляски устраивали и на улице, и в домах, школе. Позднее молодежь разъехалась, в деревне уже не слышалось гармони, не стало припевок: «Ты, Подгорна, ты, Подгорна, ты широка улица, по тебе никто не ходит — ни петух, ни курица, если курица пойдет, то петух с ума сойдет». Не стало наигрыша и «барыни»: «Барыня пышна, за ворота вышла, села-посидела, чаю захотела, чая не на что купить, надо юбку заложить, юбка без опушки, рубашка

без станушки... Барыня, барыня, сударыня, барыня...» Парни и девки отбивали трепака под этот забористый мотив, по привычке и пожилые люди навеселе в компании молодели, тоже старались показать свою удаль. Без повода для выпивки люди считали зазорным для себя красоваться на людях пьяными. На две деревни только одна женщина пристрастилась к вину, и все на нее показывали пальцем: «Вон, вон она снова побежала в монополку за шкаликом». Такой был позор в рабочую пору выпивать, хотя у каждой доброй хозяйки на всякий случай стояла бутылочка настойки, и хозяин не смел и подумать распить ее втихомолку. Таков был порядок в трудовой деревне. Был да сплыл.

Для того чтобы описать простоту нравов, привычек порядочного поведения людей любого общества, надо побывать в нем, пожить, прочувствовать, иначе будет слагаться недоверие к сказанному, не получится настоящего чувства и поведения людей. Животные и птицы, как и люди, живут той же жизнью, так же чувствуют весну, брачную жизнь, и у них кроме позывных к браку проходит сплошная рабочая жизнь. Найти себе пропитание, сохранить себя от хищного зверя или хищной птицы, отложить яйца в гнездо, прежде соорудив его для себя, высидеть яйца, потом сохранить потомство опять-таки от разного вида врагов. Все это надо видеть. Представьте себе перелетную птицу, ее зов, опасные для жизни тысячекилометровые перелеты и снова устройство гнезда, любовные игры, высиживание потомства, а потом, учитывая приближение холодов, дальний путь на юг, и снова опасности от разных врагов в полете, да и на месте, где будут проводить лето. Та же участь любой сельской жизни, та же и боровой птицы, и зверя. Как-то в апреле, ранним тихим солнечным утром я шел до дома Василия Никитича Лыхина в городе Бодайбо. Большая масса воробьев сгрудилась на одном развесистом кусте черемухи, создав целый гомон птичьих голосов в живом передвижении с ветки на ветку. Такова была их радость от приближения весны, а может, это была сама любовь или начало ее. Шум крылышек, порхание, чириканье, чиканье — чем не тот же птичий базар слетевшихся в одно место уток. В весеннюю пору они еще держатся стаями, но это же и начало любовных игр. И разве можно утверждать, что это единственный их праздник. Я слышал веселую перекличку разных утиных голосов, собравшихся на уединенном озере вдали от людей перед отлетом на юг после смены своего оперения (линьки). Во время линьки перелетная птица уединяется в тихие, безопасные от врагов

места, и дней 10–15 их голоса не услышишь, словно вымерли все. Мне приходилось в лесу, в неглубоком озере обнаружить с помощью Севера такого линялого селезня. Взлететь он не мог и спасался от собаки только в воде и под водой, стараясь обмануть собаку и вынырнуть где-либо в траве, скрыться бегством в другое безопасное место.

И разве у людей не бывает праздников на душе кроме общепринятых церковью и государством? Народы Севера, живущие общинным строем, убив крупного зверя или изловив много рыбы, чувствуют возвышенное настроение, наедаются до опьянения, они счастливы, радостны, забыты все переживания, голодовки, мучения в их нелегкой жизни. А разве у крестьянина не радость, если отелится корова, ожеребится кобылица или даст свой приплод овца, свинья и даже выводок цыплят курица — все это сулит семье прибавление в хозяйстве или разнообразие в еде. Возьмите простой рядовой воскресный день. Если хозяйка напечет пирогов, шанег, горячего хлеба, калачей, булок, лепешек и подаст все это свежее, горячее, со сметаной или топленым маслом на стол семье, это ведь тоже праздничные чувства, созданные плодами своих рук. Тут и удовлетворение сделанным, и надежда на будущее благополучие семьи, и рост желания снова наращивать свое благополучие, не жалея трудов, своих сил.

Не будет этих достатков в семье, не будет и радости бытия, человек будет жить неуверенно, без всякой надежды на лучшее. Человеку, птице, зверю, чтобы выжить, сохранить свое потомство, надо трудиться, тогда он и счастье свое в этой жизни будет чувствовать твердое, надежное. Рассчитывать на счастье, которое вдруг свалится ему с неба, нельзя, такое счастье кратковременное, ненадежное. Может ли быть у человека праздничное настроение, если в самый большой общепринятый праздник могут зайти или приехать гости, а в семье нет возможности не только угостить человека водочкой, но и закусить нечем?

Весеннее природное чувство одинаково возвышает чувство человека, птицы, зверя, тут и на общение всех тянет, появляются надежды на улучшение быта, пропитания. Крестьянин жил среди природы и чувствовал ее обстоятельнее, чем горожанин. Радовались весеннему теплу козявки, букашки, черви, радовались, что пережили холода и под лучами солнца снова оживет природа и на их долю найдется достаточно пищи для продолжения жизни. С ними вместе радовались теплу и перемене пищи птицы, мелкие грызуны, поедающие первых, радовались весне и водоплавающие птицы, и рыба, и

крупные звери, и человек. С мала до великого. Это не то что холодная-голодная зима для волка, когда не все было ему доступно по глубокому снегу и мерзлой земле, из которой не выроешь желанную добычу для пищи. Всяк благословлял весну по-своему, все были один от другого зависимы.

Каждый крестьянин по весне старался очистить от навоза свои хлевы, стайки, скотные дворы. Все это вывозилось на пашню, создавая у крестьянина надежду на будущий свой урожай. Химию не знали, продукцию брали со своей земли чистую как для себя, так и для скота, а с тем и мясо, и молочные продукты были чисты, без нитратов. Вот вам и здоровье всеобщее для всего живого. В каждом ручейке, в каждой лыве, озере была всякая рыба, лягушки, а отсюда и птица охотно гнездилась на озерах. Сейчас из-за химии все водоемы стали мертвыми: ни рыбы, ни лягушек, ни рачков, букашек, ни птицы. Мертвые водоемы, а основной урожай этой химии в овощах, зерне, зеленке потребляется домашними животными, они выдают свою продукцию человеку, и тот обобществляет это все в своем желудке и хвалит бога, что пока сыт и жив.

Я вырос среди чистой природы с чистым, свежим воздухом и нигде себя так хорошо не чувствовал, как в Киренском районе с незагаженной фабриками, заводами атмосферой, с не отравленной химией и прочими сбросами от дизелеходов мазутов и отходов нефтепродуктов рекой Леной. Каждый сезон года приносил человеку и трудоемкие работы, заботы, и большое удовлетворение, достигнутое во всех хозяйственных начинаниях.

В верховьях Лены снегопад достигал уровня 80–90 сантиметров. Накатанная единственная связывающая селения дорога была узкой, не больше 1–1,2 метра шириною. Так что по правилам встречный проезжающий на лошади должен был сворачивать с торной дороги в сторону глубокого снега, и если ему не помогли люди, заставившие его уступить им путь, плохо приходилось возчику. Часто приходилось распрягать лошадь, выводить ее на дорогу и, с большими усилиями развернув сани, снова запрягать лошадь в оглобли и тянуть груженный до отказа воз из снежной ямы на твердый накат дороги. Легче было, если встречный проезжающий был с легкой поклажей в санях или же когда встречались в пути два встречных санных транспорта, здесь уже помогали один другому спутники, а иногда в тяжелый воз подстегивали и другую лошадь.

В конце марта, апреле на косогорах, где снег сметался

ветрами, появлялись полянки земли с прошлогодней травой. На них тут же располагались прилетевшие ранние весенние гости — жаворонки, и как было отрадно слышать первого весеннего певца, жаворонка, который вертикально поднимался вверх и, трепеща крыльями, стоял на одном месте, распевая свой гимн солнцу и весне. Чем же он питался, когда земля была еще мерзлая и все живое еще пряталось в глубине земли или засыпало до первого весеннего настоящего тепла? А жаворонок стрекотал в вышине, звал, звал скорее тепло весны. За ним вскоре появлялись утки на полыньях реки, коршун летел вслед за перелетной дичью, чуть позже его появлялись ястребы, сапсаны, соколы, и уже длинными вереницами тянули на Север косяки гусей, изредка журавлей, лебедей и табуны всех разновидностей утиных пород. Душа охотника-любителя не находила себе покоя. Древний зов куда-то передвигаться тянул в поля, залитые весеннею водою, озера, болота. И куда бы ни шел, везде наблюдал ожившую природу, речную воду, тянущую на себе груды и плесы льда, шуршание льдин, перекличку пролетной птицы, кое-где на косогорах уже зеленела трава, освежая вместе с распускающимися почками деревьев воздух своими запахами. Что может быть приятнее весны среди дикой природы? Разве мог городской человек видеть все совершающиеся превращения в природе, видеть оживающий мир моллюсков, жучков, стрекоз, бабочек, слышать песни птиц, радующихся наступлению тепла, изобилия в еде, готовящихся к любви, образованию супружеских пар и обзаведению семьей, сопряженных и с заботой, и радостью, и огорчениями, и бедами. И все-таки, несмотря на все невзгоды, не все вымерло на земле, не все истреблено алчностью человека. Но как навредил человек природе, уму непостижимо. Какой-то жадный до древесины степной человек вламывался в тайгу, валил всё, что попадалось под руку, и оставлял сотни гектаров умертвленного им леса гнить на земле, а то еще вдобавок поджигал тайгу своей неопытностью в разведении огня, с пренебрежением к правилам поведения человека в тайге.

«Кто был ничем и стал всем» изувечили природу, нарушили равновесие в ней, и даже своя родная природа не стала радовать глаз, и уж на что я всегда ощущал с душевным трепетом чистоту воздуха, а тут, побывав на родине в 1988 году, не почувствовал ничего знакомого, отрадного для души. В народе говорят: «Пусти свинью за стол, она и ноги на стол». Но была поговорка и такая: «Летний день год кормит». Оно и так, не убери урожай вовремя, выпадет зерно из перезревшего колоса и будешь сидеть голодным вместе с семьей, может

год, а может и два, пока не обеспечишься семенами для нового урожая. Вот почему крестьянин, не жалея сил, работал летом, не зная ни праздников, ни выходных дней, с раннего утра до поздней ночи. Несмотря на усталость, недосыпание, работа вовремя производилась, и человек чувствовал заслуженное удовлетворение и радость, и счастье, это и было стимулом жизни крестьянского труда. Время для отдыха хватало с избытком после уборки урожая. Получали отдых лошади, передышку хозяева. Зимою оставалось только присмотреть за скотом, вовремя подоить, покормить, попоить скот, приготовить еду и накормить семью три раза в день. Хозяйке, конечно, работы хватало, да и хозяин, если он здоров и не лентяй, без дела не сидел, всякое рукомесло славило хозяев, и они надежнее чувствовали себя в обществе, в жизни. Труд всему голова. Труд — это здоровье, радость, удовлетворение, покой, хороший сон и, наконец, счастье.

Как быстро проходит жизнь, кажется, недавно был полон сил, уверенности сделать для себя и семьи благополучие, это при наличии своего дома и приусадебного хозяйства. Но вот разменял «сучку на ключку», отошел от своего собственного хозяйства, потерял материальную поддержку с подсобного своего участка, для работы на предприятии устарел, сам оказался на побегушках, во всем зависимым от других, а имей я собственное хозяйство, дом, участок земли при доме, мог бы внести вклад в общий прожиточный минимум семьи.

Тот человек крепко стоит на ногах, который имеет под собою свой кусок земли, свое, хоть небольшое, хозяйство по его силам. Ведь так создана жизнь всего живого: пока жив, должен трудиться, в этом и состоит смысл жизни.

1/III — 96 г. По возможности решил продолжить описание людей, быта, нравов в те ушедшие годы детства, молодости.

По телевидению смотрел воспроизводство поголовья рыб (лосося) в Америке, на рыборазводящих заводах Аляски: выращивают из нерестовой икры мальков, выпускают их в море, и когда те подрастут, то по инстинкту ли или по интуиции снова возвращаются нереститься на эти же заводы, где появились на свет сами. Порадовался за предприимчивость, за успех американских ученых, а почему за них, а не за своих?

Утром внучка учила стихотворение: «На просторах родины чудесной». В детстве по сказкам старших («...за тридевя-

тым царством, тридесятым государством...») представлял это безбрежное море тайги, представлял как своеобразно населенный мир животных, птиц, изрезанный малыми и большими речками, богатыми рыбой и с малыми жилыми людскими поселениями, дружелюбно встречающими прибывших к ним в селение новых людей. Теперь явь всю чистоту мечтаний опровергла. В природу вторгся чуждый ей, грязный на дела человек, наследил, намусорил, набезобразничал и отвалил восвояси в свои белокаменные палаты. Плесневеют, гниют гигантские стволы леса, лежа на земле, разводят заразу, жучков, червяков, болезнетворные бактерии на голову еще не тронутого рукой человека леса. Натворил — ушел. Никто не одернет.

В прежней, дореволюционной России люди в страдное время трудились как муравьи, не зная роздыха, а обеспечив себя всем необходимым на будущее, давали себе право на отдых, находили время приятно отдохнуть, с милым радушием приветить гостей и выпить, поговорить, попеть песни, поплясать... Каждый сельский житель Восточной Сибири, если он не был инвалидом, лентяем или страдальцем физического недуга, чувствовал в жизни уверенность в собственном благополучии, и это вдохновляло, окрыляло его. Везде он был готов до предела выложиться — и в хозяйственных делах, и в разгуле по случаю праздников или хороших, любезных ему гостей. Обязательно бывал хорошо сервирован стол и выставлялась выпивка, обычно для наших холодов Сибири согревающая душу и тело водка. В душевной беседе люди обновлялись. Вспоминались песни, ноги просили волю движений. Но что за веселье без музыки, появлялась гармонь, под ее звуки и песни слаженней лились, и ноги ходили резвее:

Эх, сашки-канашки мои,
Расписалися бумажки мои,
Все бумаженьки новенькие,
Двадцатипятирублевенькие.

Плясал отец, плясали люди. Все готовы были показать свое умение, удаль...

Но вот дожили до обещанного Советами «светлого будущего» — куда все делось? Где азарт, удаль, песни, пляски, даже «одинокая гармонь» стыдится показываться на улице. Как-то спросил знакомую женщину, преподавателя литературы, приехавшую ко мне на юг, в город Геническ в гости: «Играет ли еще гармонь, поют ли песни молодые люди по

вечерам, ходя по улице?» Отвечает: «Да нет, напьется один дурак, ходит по улице, играет на гармони да поет». Ранее вся молодежь была умная, пела песни, плясала под забористые переборы гармони, гудела — дураков не было. Теперь, после многих реформ, перестроек, люди замолчали, а если что, так остались еще у людей брань, уныние, раздражение по всякому пустяку. Вот и все счастливое будущее людей России.

Вернусь еще раз к крестьянскому быту доколхозных времен. Люди деревни жили трудом, чем усерднее трудились, тем обеспеченнее себя чувствовали. Предприимчивые люди жили хорошо, в полной свободе действий и в большом достатке.

С проходом льда на освободившихся от снега возвышенностях начиналась весенняя посевная работа, ее для каждого было так много, что только поздней осенью человек мог с радостью вздохнуть: «Слава богу». Все сделано, закрома заполнены овощами, зерном, а нет, так уложены в клади до обмолота. Вволю потрудившийся человек чувствовал свою обеспеченность хотя бы до новой страды, до новой борьбы за жизнь, за существование себя и своей семьи. С изобилием добытых трудом продуктов питания в семье воцарялась радость за свое благополучие, рады были и зимним гостям, тем устилая путь к взаимным гощениям, особенно по праздничным дням — престольным праздникам, которые церковью определялись для каждой деревни свой. Живи, гуляй. Наслаждайся. Ты заслужил право на жизнь, на радость.

Радость в семье всеобщая, она перехлестывает через семейный край и витает над всей деревней. В деревне люди все были большие труженики. Бедствовали лишь те семьи, в которых хозяин был серьезно болен. В летний (теплый) период года люди выматывались на бесконечной физической работе, а потому, управившись со страдой, заслуженно расслаблялись, делали себе отдых, передышку, набирая силы для будущих весенне-летних трудов — основы своего благополучия, семейного счастья.

Осенний промысел не утомлял людей, наоборот, разнообразил жизнь, приносил бодрость, новые впечатления, отвлечение от постоянных крестьянских забот. Свобода действий, глухая тайга, одновременно манящая неизвестностью, обнадеживающая наличием промысловой дичи и настораживающая возможностью заблудиться, вынужденным ночлегом на морозе в снегу, а еще, не дай бог, если вы подмочили спички или потеряли их в погоне за зверем. Бывали случаи,

когда темная ночь настигала охотника вдали от зимовья, тогда он спешно искал глазами сухие деревья, рубил их и всю долгую ночь следил за горением костра, изредка засыпая. Мороз не давал заснуть крепко. Один бок пригревало теплом от костра, другой бок подмораживало — и все-таки охота бодрила, при удаче радовала, приносила богатые новые впечатления. «Охота пуще неволи».

После выхода на осенний промысел пушного зверя мужчины отдыхали. Вся работа зимою в основном состояла из подвоза сена с сенокосных угодий для домашнего скота, подвоза из леса с весны заготовленных и уложенных в лесу в поленницы дров, ремонта сбруи, рабочей одежды, инвентаря, но все это делалось не спеша — размеренно. Зимние месяцы длинные, до весны все успевали сделать. И у женщин выпадало время собираться по вечерам попеременно, то в одном, то в другом доме с рукодельем: пряли волокно, вязали, вышивали, а главное было за незатейливым делом просто поговорить, обменяться новостями, посмеяться, попеть хором и просто отвести душу от повседневных женских дел по своему домашнему хозяйству. Хозяйка дома выносила из погреба отлежавшиеся, сладкие от холода сырые картофель, брюкву, морковь. Все это поедалось с удовольствием и благодарностью. Хозяин дома, умеющий играть на гармони, балалайке, услаждал слух собравшихся музыкой. Иные гармонисты через музыкальный инструмент выкладывали всю удаль свою, через густые переборы — шум и гром. Деревня без гармониста — глухая тайга. А с гармонистом и жизнь становится целенаправленнее и полнее. Через музыку можно излить все свои душевные переживания: грусть, тоску, радость, гнев... Музыка — это сближение с людьми, это бальзам для духовного настроения. Однако не всем дано устроить свое благополучие любовью к музыке, иметь всенародно признанный талант. Остальным же необходимо трудиться, каждому на своем поприще. Слаженный, легко дающийся труд приносит и радость, и удовлетворение, и благополучие. Это тоже музыка. В желанном, поддающемся твоим усилиям труде тоже есть радость, подъем жизненного тонуса. Да и как не радоваться?! В деревне говорили: «Как потопаешь, так и полопаешь».

Я уже говорил о весенне-летнем периоде работы по обработке почвы, посева яровых, посадки овощей, прополки, окучивания, рыхления огородной почвы возле подрастающих овощей и так до уборки урожая зерновых и пло-

дово-овощных культур. Работа по обмолоту зерна из снопов обычно откладывалась до морозов. Жали созревшие хлеба в основном вручную — серпом. Жатку-сноповязалку на деревне из 30 дворов имела только одна семья Евдокимовских. В случае острой нужды, когда хлеб перезревал, мужики обращались к ним за помощью, что те делали безотказно. Такое однажды случилось и с моими родителями, за что по конец жизни родители были благодарны хозяину этой многочисленной семьи в 21 человек. Он, Михаил Евдокимович Лыхин, не был в то время ни помещиком, ни кулаком, а просто — умным, разворотливым мужиком. В зимнюю пору оставлял все свое хозяйство на руки семьи, а сам выезжал в Иркутск, в Омск, Томск, брал подряды по доставке продуктовых и технических грузов санным путем гужевым транспортом до Бодайбинских приисков, где народ занимался золотодобывающим промыслом. Отсюда у него имелись необходимые средства на закупки необходимых сельскохозяйственных машин.

По принятым в Сибири порядкам убранный урожай зерновых в снопах на телегах свозили в остожья и укладывали между установленными в парный ряд тонкомерными столбами так, чтобы падавший дождь скатывался с клади на землю, не проникая внутрь клади. Временно же в период жатвы зерновых сжатый хлеб хранился на пашнях в суслонах — четыре перевязанных вязками из соломы того же урожая снопа ставились головками на землю один против другого колосьями кверху, пятым снопом (раскрыв его вроде шляпы) укрывали снопы, получался вроде гриба суслон, не промокаемый дождем. В таком виде временно хранился хлеб на пашнях до сухой поры, когда его можно было бы свозить в остожья для укладки в клади.

Поздней осенью с наступлением холодов в гумна на специально выровненные земляные площадки, политые водой, ровно застывшие со временем на морозе, привозили из кладей снопы необмолоченного хлеба и специально изготовленными молотилами выбивали из уложенных снопов зерно. Солому убирали в сторону, зерно аккуратно сгребали и провеивали на ветру в ветреную погоду. Мякина уносилась прочь по ветру, зерно засыпали в приготовленные лари, засеки амбаров. Молотило — это две палки, одна, длиною до двух метров, — для рук, другая, искусно связанная с ней сыромятным ремнем, длиною до 75–80 сантиметров, под названием «било». Этими молотилами два человека с двух сторон уложенного на лед снопа пооче-

Михаил Евдокимович Лыхин с женой Христиной Ивановной

редно ударяли по лежачему снопу, выбивая из него зерно (тук-тук; тук-тук...).

Позже в деревнях (примерно в 1920-х годах) появились заводские молотилки с конным приводом, веялки с ручным приводом, что облегчило труд хлеборобов. Прежде, до молотьбы, естественно, до снега нужно было убрать овощи в огороде, выкопать картофель (в добрый урожай его накапывали до 100 мешков). Последней убиралась конóпля. С нею тоже было немало работы. Первое, из созревшей конопли брали семена, толкли собранные семена пестом деревянным в деревянной ступе, прочие стебли конопли вязали тонкими снопами и мочили их в озере Плеханово. Отмокшие в воде стебли ранней весною из-подо льда доставали баграми, сушили разостланные тонким слоем на солнце, и женщины обрабатывали их на деревянных мялках. Устройство мялки похоже на опасную бритву с ее ножом и остовом, если к ней приделать ножки. По сути, вырубалось с корнями некрупное дерево, устанавливалось на землю своими разошедшимися в стороны крепкими корневищами, в его стволе продалбливалась метровая щель, а в ней с помощью деревянного штыря закреплялся одним концом деревянный тесак (доска с вытесанной ручкой на другом конце). Посильные пучки

просохшей конопли клали поперек прорези в мялке, одной рукою тянули коноплю на себя, другою ритмично подымали тесак за ручку вверх и опускали на пучок конопли. Твердая верхняя кожура волокон под действием тесака крошилась и падала к ногам работающего, мягкие волокна, освобожденные, оставались в руках работающего. Позже их чесали щеткой, сделанной из жесткой свиной щетины, один конец которой обвязан шнуром для держания рукой, и таким образом, зажав левой рукой прядь волокна в кулак, правой сверху вниз водили щеткой вдоль по волокну, доводя волокна до абсолютной чистоты. Чисто обработанная прядь волокна откладывалась аккуратно отдельно. Из нее в свое время веретеном крутилась нить, годная для шитья иголкой, для тканья полотна на ткацком станке, из которого шили все виды домашней утвари: нижнее белье, верхнюю одежду, мешки, рукавицы, портянки — и это все из чистых волокон конопли. Из второго сорта волокон мужики вили веревки, также необходимые в хозяйстве крестьянина. Добавляя (также крученные домашним ручным способом) нити из чистой овечьей шерсти к нити из конопли, получали через ткацкий станок полотно, называемое «сукманным», принятое в народе за домашнее сукно — из этой ткани шились верхняя одежда, платье, брюки да и те же портянки, вязались чулки, рукавицы и другое. Таким образом крестьянин целиком обеспечивал себя необходимым полотном, веревками и другими хозяйственными принадлежностями.

Для тепла на зиму шились шубы, дохи, шапки, рукавицы-верхонки из самодельных выделанных шкур домашних и диких животных, из них же после дальнейшей обработки шилась обувь: для женщин — чирки, для мужчин — ичиги. Чирок укрывал от холода только ступню ноги, поверху кожи пришивался лоскут материала, в него продевали шнурок, и им обувь прикреплялась к ноге. Для мужчин пришивались к чирку кожаные голенища, а для промысла в лесу по снегу к чиркам пришивались «óпушни» вместо кожи или из холщового, или сукманного полотна, которые крепились на ноге или кожаными, или веревочными оборками. Опушни закрывали низ гач штанов и таким образом не допускали проникновения снега к голой коже ноги, к тому же чирки с полотняным опушнем были легче на ходу и не мешали ноге в ходу, голенища же из кожи на морозе грубели и мешали свободному движению ноги. Вниз в чирки и ичиги ложилась стелька из сухой травы для тепла, и шились носки из меховой шкурки пушного зверя.

В апреле месяце, как обычно, начиналась заготовка швырковых дров для русской печи и равно для железных печек, как подсобного отопления избы или скорой варки пищи по случаю. Обычно же пища (суп) ставилась в русскую печь после ежедневной топки ее в холодное время года или при необходимости состряпать (испечь) хлеб — в то же время ставились чугуны с картофелем для корма свиней. Русская печь — это главный очаг тепла в каждой крестьянской избе.

Сваленное дерево распиливалось ручной поперечной пилой на чурки длиною 0,75 метра, которые кололись (измельчались топором-колуном) на нужной толщины пластины. Приготовленные для хранения и сушки дрова укладывались в поленницы высотою до двух метров между стоящими деревьями. За лето дрова высыхали, зимою санным путем крестьянин доставлял их себе во двор. Каждая описанная мною работа как по писаному распорядку делалась своевременно, потому что на носу была другая работа, которая также требовала себе затраты физических сил и сроков ее исполнения. Ничего нельзя затягивать, ничего нельзя оставлять для исполнения на завтра. «Завтра, завтра, не сегодня — так ленивцы говорят».

По открывшейся от льда речке Чечуй рыбачили заездками, сетями, неводом и поздней весною, по полноводной реке на плотах, лодках-долбленках из целого ствола дерева (стружка́х) сплывали к реке Лене. По заберегам на бечеве тянули примерно 30 километров лодки с грузом до Среднего ручья, что на противоположном от деревни Лыхиной берегу реки Лены, и по вздувшемуся ледяному покрову волоком переправлялись на левый берег Лены к деревне Лыхиной к всеобщей радости встречавших их родственников и притомившихся в пути рыболовов-охотников. Всеобщей радости жителей деревни было через край. Каждый житель при желании мог или купить, или получить в подарок кусок мяса или свежесоленой рыбы. Говорить о собаках не приходилось, они тихо подходили к домашней челяди под ласковые слова и поглаживания их рукою. Они отрадно потрудились за этот промысел и чувствовали, что заслужили ласку: «Жирей-жирей до осени».

С приходом весеннего тепла каждый хозяин вновь изучал возможности на своей деляне (полосе) для выезда на нее с плугом. Надо вовремя, пока есть влага на земле, вспахать, заборонить, засеять зерно во влажную землю. В подросшей жниве каждая семья ходила, вручную вырывала сорную траву, берегла от холодного движения северных ветров, для чего

заранее, на случай, приготавливали сухие и мокрые дрова для дымокура (тепла), который поднимает стелющийся по земле холодный северный воздух.

За вспашкой, засевом земли хлебными злаками надо было вовремя вывезти навоз из хлевов, скотных дворов на пашню, вспахать, посадить картофель и огородные овощи, а тут наступали и луговые работы: косьба травы на сенокосных лугах. Эта страдная пора (по моей памяти) — самая приятная пора в крестьянском труде. Косьба травы, ее сушка, подвоз к зародам и метка травы в стога проходит в самый разгар лета, цветения травы. Насыщенный ароматом цветущих луговых цветов воздух пьянит, настраивает на радость жизни, воодушевляет, да и сама работа хоть и горячая, спешная из-за опасения дождливой погоды, могущей все испортить, сгноить траву или в валах, а еще хуже, при метке сырой ее, в стогах, — доставляет радость.

Много ли можно сказать о человеке-труженике? Вся его прелесть в труде, каков бы он ни был — чистый, грязный, легкий, тяжелый. Труженик обеспечивает благополучием себя, своих близких людей, имеет возможность пригреть, напоить, накормить других, нуждающихся в помощи, во внимании людей. Это и есть портрет труженика — красивее его, почетнее не бывает. «Никто не даст нам избавленья, ни бог, ни царь и ни герой — добьемся мы освобожденья своею собственной рукой».

Труд, конечно, надо разнообразить и делать приятное с полезным. Помню, обычно полосы с посаженной картошкой обрабатывать (огребать) приходилось маме и мне. Начнешь огребать кусты подросшего картофеля на одном конце полосы, а другого, за косогором, и не видать. Говорю: «Ой, как много, когда мы сможем ее огрести?» Мама отвечает поговоркой: «Глаза страшат, а руки делают». И действительно, работаешь день, другой, третий, на четвертый обретаешь надежду — сегодня должны закончить.

На копку картофеля выходили всей семьей. Одни копали, другие отвозили до дома, засыпали через проделанное специально для этого отверстие в полу в подпол, в земляной засек, обложенный со сторон от осыпающейся земли плахами, вроде сруба. Накапывали от 60 до 100 мешков, этого хватало и для себя, и скота. Корма хватало, соответственно и скота держали помногу. Например, мои родители на четырех человек семьи держали по три-четыре головы рогатого скота, три-четыре овцы, две лошади, три поросенка. Так большинство домохозяев, а многодетные и того больше.

Помню, по весне мама выпускает корову на близлежащие проталины в лугах с прошлогодней отавой травой, хлещет корову прутьями вербы по спине, приговаривая: «Верба крест, верба крест, не ходи, корова, в лес; не ходи, корова, в лес, там тебя медведь съест». А позже, когда вырастала трава, коров выпускали на поскотину, те места для свободно пасущегося скота обычно были выгорожены мужиками засекой (наваленными срубленными стволами деревьев на многие километры напротив каждой деревни). У каждой деревни свой выгон. Бывало, коровы задерживались на выгоне — ночевали там, тогда хозяйка коровы на заре кричала в трубу русской печи, звала корову по имени, приглашала домой. То ли доходил зов до коровы, то ли мошка, комары ей досаждали, но корова приходила на ночлег домой.

Благополучно приняв роды у отелившейся коровы, утром затем при трапезе мама ударяла слегка ложкой по моему лбу, приговаривая: «Бычок лягнул» или «Телочка лягнула».

Для всех женщин в деревне работы, конечно, хватало, то же и для моей мамы. Только через ее постоянный, упорный труд в семье водились малые деньги на первонеобходимые домашние расходы. По дешевке она продавала овощи, яйца от несушек в местную сельскую заготовительную кооперацию, получала гроши, которыми и держалась семья. С выхоженными ею овощами мы ездили в Якутск учиться с братом Николаем. Торговаться на базаре не умели, в основном лук расходился по дешевке, а деньги проедались на конфетах. Изобилие употребленной сладости сказывалось кариесом зубов. Тем более что следить за зубами не были приучены.

Вырастила мама ранние помидоры и один из покрасневших плодов взяла с собою в поле. Развернула свой узелок в обед на колхозном стане, увидели люди красный ранний плод помидора, пожаждовали из зависти. Одна говорит своему мужу: «Ай, Ашандра, я так бы и поела» (Ашандра — по-простонародному Александр), а тот отвечает, не задумываясь: «Хули, ибие мать, известно, кулаки». Пришла домой мама с обидой на людей.

Каждый коротает свой век как придется. Смяла и маму жизнь, сделала невольницей труда и нелюбимого мужа. Я, Петр, младший брат своего старшего и единственного родного брата Николая Ивановича, был признан в семье полезным, нужным помощником в работе по хозяйству. Брат и родители с утра до поздней ночи бывали в летне-осенний период в поле на уборке урожая. С утра я, помогая маме

Петр Иванович (справа) и Николай Иванович Лыхины. Якутск, 8 августа 1948 г.

на кухне, стряпал из готового теста, приготовленного заранее мамой для выпечки хлеба. Еще не протопилась печь, а я накладывал ложкой на горячую сковороду, смазанную маслом, колобочки теста и пек их внутри жарко натопленной русской печи. Отец и брат ждали по привычке горячие лепешки, сидя за столом. Я был доволен, что помогаю всем и делом, и приятно приготовленной, горячей пищей. Надолго запомнился мне этот вид: ждущие лепешки отец и мой брат за столом, и мама, оформлявшая тесто в форме калачей и булок, укладывавшая их на железные листы, чтобы те вытронулись — поднялись...

Вдруг в спешке я задел плохо подвешенную на брусе железную клюку, та упала на лопату деревянную, на которой в формах вытрагивалось тесто, и все это с грохотом свалилось на кухонный пол. Чуя неладное, я кинулся бежать из избы, но мама была проворнее, настигла меня в дверях и шлепнула по загорбку. Шлепок ладошкою не был болезненным, но меня разобрала обида, залез я на крышу двора, завалился на солому и с обидой притих, не отвечая на позывные отца, наконец, он нашел меня и привел в дом. Мир был воцарен.

Это был единственный шлепок по мне моих родителей за всю мою жизнь. Был я надежным помощником в делах хозяйства и на огороде, и по двору, и самой избе. Все мне с благодарностью и с большой надеждой на исполнение доверялось. За мой труд и соседи меня привечали добрым вниманием. Целенаправленный труд — основа жизни каждого. Никогда не жаловалась мама на беспросветный труд, на все тяготы жизни. Все принимала как должное. Утомлялась до невозможности, но приляжет на кровать на 20–30 минут и опять может трудиться до позднего вечера. Кто пожалеет, кто поможет? Что посеешь, то и пожнешь.

Прошлое сибирской деревни не забывается, тяжкий труд крестьянина — это его благосостояние, это благосостояние государства, это обеспеченная жизнь горожанина.

В ноябрьский забой домашнего скота туши не рубили по кусочкам, их целиком, выпотрошенные от внутренностей, ставили в холодных кладовых, амбарах, устанавливали на дыбы, на заднюю часть тела, и зимою по надобности пилили двуручной пилой или рубили по частям для употребления в пищу. Это примерно центнера два-три мяса на семью нужно было, а то и более. Давайте сравним, сколько съедает та же семья, допустим из трех-четырех человек, живущая в городе, в наше время за зиму или даже за год жизни? Не стоит и пыжиться, среднего достатка горожанин и половины сказанного не употребляет мяса, молочных продуктов. Зато живут красиво — смотрят телевизоры, ходят в театры. А чувства удовлетворения жизнью надо ли спрашивать? Где смех отрадный, где песни, пляски, подтверждающие высоту его эмоционального чувства, радости жизни? Верно, стало слышаться больше матюгов, но красит ли это жизнь человека?

Врать не умею и не хочу, если вдруг кому-либо захочется оспорить мои замечания о пройденной и настоящей жизни, дай ему бог, пусть докажет фактами. Говорят, сколько голов, столько и умов. В мое появление на свет в Сибири все еще продолжалась война за власть между представителями власть имущих и теми, кто был ничем, а хотел быть всем. Последних было больше, умело подогретое их честолюбивое желание вершить самим свою судьбу, получить (пресловутую) свободу действий дало им возможность сокрушить старый порядок. Краткое время безвластия быстро прошло, желание сбылось: «кто был ничем — стал всем». Основная же масса бойцов революции снова вернулась к своим привычным делам: крестьянин к земле, рабочий снова на свои рабочие места фабрик и заводов. Рабочий снова стал получать свой

прожиточный минимум, с которого не разбогатеешь и с голода не умрешь. Крестьянскую судьбу круто начали перестраивать на «лучший лад» для большей отдачи их труда на государство. Поначалу начали сгонять людей в коммуны. Насилие положительных результатов не дало. Распустили коммуны, дали народу временную передышку. Крестьяне воспрянули духом, как муравьи снова начали с отрадой трудиться на своих отводах — пашенных и сенокосных участках земли. Организовались в артели по родственным связям, что давало им возможность общими усилиями приобретать необходимые сельскохозяйственные машины в интегральном товариществе (впоследствии переименованном в сельпо — сельское потребительское общество). Это государственное послабление было организовано с умом. В деревнях появилась необходимая сельскохозяйственная техника. Снова стали «добровольно» загонять крестьян в колхозы. Кто отказывался вступать в колхозы, облагался непосильным налогом с угрозой, что если не выплатит этот налог, то конфискуют его хозяйство, а самого вышлют в отдаленные места ссылки.

Государству нужен был хлеб, и его брали любым возможным путем. Для этого организовывали сельских активистов из бедноты, оделяя их льготами по уплате налогов и бытовыми поблажками за их помощь по выколачиванию из имущих семей хлеба для государства. Появилось ходкое слово «кулак», «кулаки» — у имущих крестьян выгребали весь хлеб, конфисковывали хозяйство с передачей отобранного скота, техники, построек в колхозы, хлеб увозили в фонд государства. Появилась сельская пословица: «Кого-то жаль, жаль, жаль, кого-то нет, нет, нет, а государству хлеба дай, дай, дай».

По-разному реагировали крестьяне, одни в отчаянии поджигали свое хозяйство, резали скот, другие бросали все нажитое — скот, постройки, сооружали плоты и сплывали вниз по реке Лене в Якутск и в другие города (Киренск, Витим, Бодайбо, Олёкму). Что интересно, так это то, что, начав жить на новых местах, покинувшие деревню люди снова стали жить неодинаково. Одни, приобретя рабочую лошадь, жили частным трудом (подвозкой для горожан воды, дров), другие поступали на госпредприятия в качестве рабочих, мелких служащих и со временем вырастали в своих профессиях до главных бухгалтеров, заместителей начальников по хозяйственной части.

Все жили трудом, но по-прежнему не одинаково обеспеченными. Например, раскулаченный и высланный Михаил Евдокимович Лыхин на Воронцовском пустыре рядом с та-

кими же, как он, людьми организовал колхоз, выращивал на реке Витим арбузы и реализовывал их через Мамский продснаб населению, добился в своем колхозе миллионного достатка. Все это говорит о различных способностях людей строить свою и общественную жизнь при одинаковых условиях жизни, разрешенных властью государства. А обласканные властью активисты бедноты, комбедовцы с усердием выискивали все новых врагов советской власти, таящих запасы зерна в своих амбарах, кладовых, клевеща на этих «кулаков» как пользовавшихся наемным трудом, сводя с такими людьми свои личные счеты, неприязни, зарожденные еще в молодости, в холостой жизни. Они же и им подобные из мести и зависти подводили своих односельчан под марку «врагов народа», наконец, Отечественная война повывела последних трудоспособных мужиков в деревне. Повывелись и комбедовцы, а к оставшимся в живых старикам (рядовым колхозникам) из района, райкома партии по-прежнему все вновь и вновь наведывались уполномоченные по выколачиванию хлеба государству уже сверх обязательной государственной поставки. Напуганные 38-м годом люди не сопротивлялись, боялись, как бы им не приписали определение «врага народа». На колхозном собрании на требование добровольной сдачи хлеба государству отмалчивались, и это было знаком для уполномоченного как согласие на добровольную сдачу хлеба государству.

Дореволюционный крестьянин был свободен в своем выборе труда, в колхозное время он стал зависимым от партийных незнаек. Идет дождь, они ездят по деревням, давят на председателей колхозов: «Давай коси — выполняй взятые на себя обязательства перед правительством. Выполняй план». В результате полумесячного выпадения осадков вся скошенная трава сгнивает, лежа на земле. Отдельные председатели избегали незваного гостя из районного комитета партии, спасали траву, тогда эти партийные старатели едут в эти хозяйства, давят на председателя: «Давай делись собранным урожаем с соседом», со словами: «Сегодня ты собрал хороший урожай, а завтра, глядишь, он соберет больше твоего, и тебе придется просить помощи». Где тут протестовать самобытности, когда все идет под насилием, принуждением делать дела партийных незнаек — богов на крестьянском бытии. Результаты незамедлительно сказывались в делах, а боги? Да что им сделается, они по-прежнему живут. Куда от них денешься, у них хорошая взаимная выручка: «Ты мне — я тебе».

Естественно, при такой обстановке бесправия молодежь любыми путями бежала на производство, работала сперва по справкам личности, позже получали паспорта. По возможности некоторых сбежавших из колхоза возвращали в сопровождении милиции обратно, так, в Петропавловский колхоз вернули со стражем из милиции Ивана (Ваньку) Беспалова из Якутска, пригрозив ему, что если он повторит побег, то посадят его в тюрьму. От безвыходности парень застрелился. Я был свидетелем, когда милиционер вытащил волоком его из сеней дома пожилой жительницы села, Марии Таракановой, за ноги, сорвал с него рубашку и катал его в пыли ограды ногой, свидетельствуя места прострела груди дробью.

Вот так и вымерли деревни, образовались пустоши на их месте, а когда-то разделанные, раскорчеванные от леса посевные полосы земли снова заросли лесом. Бывшие сенокосные угодья, луга, пошли под летний выпас рогатого скота. С лошадьми с легкой руки Хрущёва расправились еще ранее. На расстоянии 20 километров по реке Лене стояло десять полнокровных деревень, гудящих от наплыва сил, достатка, вольности. По левой стороне были Верхняя и Нижняя деревни Вишняковы, Беренгилова, Лыхина, Захарова, Петропавловск, Сукнёва, Березовка, Орлова и на правой стороне Лены Сполошина. Теперь из десяти деревень осталась едва половина. Держалось в этих деревнях травоядных животных (лошади, коровы, овцы) где-то до двух тысяч голов, если не больше. Теперь, если не считать возрождения частного рогатого скота, на все эти сенокосные и пастбищные луга поголовье скота уменьшилось в несколько раз. Спасибо, хоть одумались наши верховные правители, сняли обязательные налоги молокосдачи с частных коров, и люди снова стали держать частную молочную рогатую скотину. «Кто был ничем» справились со своей задачей, опустошили деревню, выжили трудоспособный народ из нее, а поля запустили, засорили, заразили химией. И объявили землю, угодья «нерентабельными». Обычное явление, всякая дрянь находит себе оправдание новыми, не всем понятными словами. Веки веков земля по всей России была рентабельной, теперь, видите, она стала не кормилица, заражена ядохимикатами, вредными для здоровья скота и людей. За все 76 лет своей жизни я не слышал, чтоб в колхозах нашей Сибири делили хлеб не только по заработанным трудодням, но и с учетом распределения на иждивенцев — нетрудоспособных стариков, детей. А побывал в 1980-х годах в Литве, там по осени

собранный урожай зерна делили и на неработающих пенсионеров и малолетних детей по одной тонне зерна на душу, на заработанный же трудодень делили значительно больше этого. Вот она, советская власть по местам. Где можно, последнюю рубашку снимут, а где нельзя, показывают себя благодетелями.

В описываемое мною время коммунизации, коллективизации многоукладный порядок жителей деревни все еще был на высоте прочности давно заведенного порядка, как в частной жизни, так и общественной. Еще существовали золотое правило гостеприимства, великое трудолюбие, исполнение общественного порядка. С насильственным сгоном людей в колхозы все изменилось, особенно для молодежи. Старики еще справляли порядки по привычке, тянулись на общественную работу по уборке урожая, держали порядок на скотном дворе, по уходу за лошадьми — тягловой силой колхоза, соблюдали порядок на отведенных им лесных делянах по заготовке дров для отопления. Молодежь же, отчаявшись, на все порядки махнула рукой. Трудовой привычки они еще не приобрели, а сознание подсказывало: выкладываться из последних сил на колхозной работе нет никакого смысла, от тяжелой работы только грыжу наживешь, все изыскивали возможность убежать из колхоза в города, пароходство, на производственные работы, стройки. Выгонит бригадир людей в поле на сенокосные ли работы, работу по обработке земли или уборку урожая, а народ скинется по трешке и отправляет человека в магазин за водкой, и пьют на здоровье, не думая ни о доброй погоде, так нужной для своевременной уборки урожая, ни об исполнении своего долга. Появилась поговорка: «А — колхозное». Сколько ни сделали, все идет в пользу государства, а им лишь рабский труд за 200–300 граммов зерна и ни копейки деньгами на заработанный трудодень.

Пример пьянства подавала сама верхушка колхоза — председатель, бухгалтер, бригадир. Был такой Евгений Михайлович Лыхин, многосемейный, больной туберкулезом, а потому малоимущий житель деревни. По организации советской власти в деревнях бедной прослойке мужиков в деревне дали поощрение в выплате налогов, подняли значение их в оказании помощи государству, организовали из них комбеды, создали группы активистов по выколачиванию из середняков излишков зерна, доносчиков — кто что сказал против советской власти, активных помощников по раскулачиванию зажиточных мужиков. Они же свободно, по личной

мести могут оклеветать и простого мужика со средним достатком в его хозяйстве. При организации колхозов их ставили председателями колхозов, из них же организовывался деревенский актив. Все им было позволено: оговорить порядочного человека, раскулачить впоследствии, с помощью их же создавались пресловутые «враги народа». Сговорятся, подадут два голоса против третьего — всё, не станет на свете третьего, заберут, увезут в Киренск, и след простыл, не стало человека.

Так вернемся к тому деревенскому активисту, Е.М. Лыхину. Поставили его председателем колхоза — рано утром позвонит он в чугунную доску, вывешенную для слышимости на середине деревни Лыхиной, пройдет по улице, покашливая, подымет стуком палки в ставни заспавшихся колхозников, выгонит всех на работу в поле, а сам с мешками идет в колхозный огород, набирает в них овощи (огурцы, помидоры и др.) и тащит к себе домой. Дряхлые старушки, оставшиеся водиться дома с детьми, увидев, упрекают его: «Ты что же, Евгений, колхозное-то воруешь», а он в ответ: «А — теперь все наше». Умер Евгений, председателем колхоза стал его сын, Григорий Евгеньевич Лыхин. Колхозный хлебный амбар стал просто кормушкой для его семьи, колхозный скот стал частным владением — продаст коня проезжим цыганам и пьют с правлением колхоза (животновод, счетовод, бригадир). Убрали и его из председателей. Появились новые, похожие на первых, колхозные правители деревни Лыхиной, да однозначно правители колхозов и других деревень. Одним из них был Александр Иннокентьевич Тетерин. Выпроводят с бригадиром колхозников на работу, а сами ходят по дворам, ищут самогонку, бражку (двери закрывались задвижками и на худой конец просто подобием замочка, который открывался простым гвоздем). Приходит хозяин вечером с колхозной работы домой, а у него в избе гулянка в полном разгаре. Председатель, вроде виновника торжества, безвинно оговаривается: «А мы у тебя тут бражку раскопали» — вроде честь оказали колхознику. Случай этот был в доме престарелого, живущего вдвоем со старушкой из ссыльных, Ксенофонта Ивановича Лыхина.

В другой раз он же, Александр Иннокентьевич Тетерин (уже будучи председателем объединенного колхоза села Петропавловска), со своим бригадиром, Иннокентием Григорьевичем Верещагиным, пришли разгонять в рабочий день пьянку собравшихся колхозников в доме одного колхозного трак-

ториста из деревни Захаровой. Бригадир под защитой своего великовозрастного председателя подошел к столу и ударил кулаком в ухо хозяина дома, тот вскочил, взял ружье и встал с ним против выходящих из дома председателя и бригадира. Бригадир выпятил грудь со словами: «Ну, на, стреляй» и с прогремевшим выстрелом рухнул мертвым на дорогу[96]. Понаехали судьи, следователи, засудили колхозника за убийство человека, отправили в колонию для преступников на восемь лет, где последний и скончался. Сняли председателя с его занимаемой должности, поставили животноводом (ведь человек-то молодой, партийный, нельзя же такими бросаться), но и тут он не оправдал себя. Сняли с животноводов, поставили на работу простым конюхом, но через некоторое время пожалели, поставили его в должности директора леспромхоза.

Иннокентий Григорьевич Верещагин (справа) и Иван Прокопьевич Хохлушин. 1938 г.

А что колхозники? Старые повымерли, молодые правдою и неправдою убежали из колхоза, опустели деревни, не осталось на их месте ни кола ни двора. Триста–четыреста лет заселялись деревни, раскорчевывали деревья, сеяли зерно, косили траву. Жил мужик и кормил государство, пользуясь взамен совершенно немногим (керосин, соль, сахар, чай и необходимые металлоизделия, такие как ружья, топоры, чайники, котлы). Даже одежду справляли для себя

[96] Иннокентий Григорьевич Верещагин умер 4 января 1964 г. Похоронен на Петропавловском кладбище.

сами, ткали на своих кроснах. Впоследствии, с появлением в торгующих предприятиях (интегральные товарищества, сельпо) сатинов, ситца, трико на костюм, брюки, ткацкие станки вышли из моды, их роль в хозяйстве окончательно исчезла. Промышленность государства стала снабжать население страны всевозможными тканями, а что с укладами старины? Все стало быстро меняться. В лес, наш отрадный лес, стало неприятно заходить, повсюду валялись срубленные и не оприходованные деревья, на десятки–сотни километров в лесной пуще были проложены вырубленные просеки деревьев хвойной породы шириной до десяти метров, все лежало на земле, обросшее гнилью, грибковой плесенью, в то время как жителю деревни предлагали рубить новые деревья для отопления жилья по 40–50 тысяч рублей за кубометр. Кто в ответе за безобразие в лесном хозяйстве? Сельсовет? Горисполком? Райком партии? Обком партии? Министр лесного хозяйства? Как и прежде, виноватых нет — все правы. Так и по делам вымышленных «врагов народа», исчезнувших с глаз людских. В конце 1980-х годов под кирпичной кладкой в подвале бывшего помещения Киренской милиции обнаружили тела битых, колотых, стреляных людей, забранных в 1938 году и бесследно исчезнувших, — зверство! Это вполне бы можно было расследовать, найти виновных, кто-нибудь занялся этим? Нет, и не бывало. Живые целы и здоровы, мертвые не воскреснут. «Дорогой ты мой человек». Сколько красивых слов и безмерно гадкой действительности. Кому нужно расследовать дела коммунистов, когда те же коммунисты, притихшие до времени, перекрасившиеся в демократов, сидят по-прежнему на руководящих постах, правят все теми же бессловесными рабами, что были и ранее? Да и куда попрешь? Как допустить «раба» к власти? На что тогда УВД и прочие, оберегающие нас от самоправия, от справедливости и правды? Если правда восторжествует, куда же кривде деваться?

У философа «Карлы Марлы» в его болтовне одно было верным: «Бытие определяет сознание», а так как это бытие не красило дел советской власти, то они старались накрепко замкнуть границы с внешним миром и на воде, и на земле, и в воздухе. Привлекали к ответственности, штрафовали за прослушивание и разглашение услышанных через эфир или по человеческой молве сведений о лучшей жизни человека за границей или за разглашение нелепой советской правды. Все, что не славило дел советских комиссаров, все считалось злостным искажением советской действительности,

враньем, подстрекательством людей против советской власти. Помощниками у «заправил», как всегда, были милиция, которая «нас бережет», лже«газетная и книжная правда», иначе цензура другой правды не допустит, да мало того, еще и привлечет автора за якобы злостные измышления против советской власти. Какими только кличками не клеймили того, кто пытался донести правду до советского человека: «кулак», «подкулачник», «куркуль», «буржуй», «толстосум», «враг народа», «космополит», «болтун». Каких только мер воздействия к нему не применяли! 1938 год всем памятен, всем наука. Позже людей инакомыслящих просто отправляли в тюрьму или «лечили» в психиатрических лечебницах. Попробуй скажи что-либо против советской власти. Повторяюсь, во все органы власти ставили только своих приспешников, в том числе на директорские посты заводов, фабрик, транспорта, колхозов, совхозов, МТС и прочее ставился «сознательный — проверенный, с книжкой в красных корочках» человек — «свой человек». Есть у него призвание, талант для руководства организацией в порученных делах, нет, «иди, руководи, мы тебя поддержим». Вот и шло все через пень и колоду во всех отраслях хозяйства, вот и развал и в промышленности, и, в основном, в сельском хозяйстве. Отсюда и заросшие лесом хлебопашенные земли, вытаптывание, засорение сенокосных угодий, исчезновение деревень, которые раньше кормили людей, государство хлебом, мясом, овощами и питались сами, не отягощая государственных забот. За рубежом на выдающихся, талантливых людей заведен карточный учет — и их рекомендуют на руководящие посты, а у нас лишь бы был свой, идейно проверенный, с красной книжкой в кармане человек. «Кто был ничем, тот стал всем». Был у него развал в собственном частном хозяйстве, его за доносы, пособничество (у кого что можно было взять для нужд государства) поставили руководить крупным хозяйством, и вот результат: не было у него ничего в личном хозяйстве, назначили его управлять обобществленным хозяйством, он и обобществленное развалил. Кто был ничем, ничем и остался. Стояла свинья у простого корыта, ее поставили к корыту государственному, она и там по-свинячьи управилась. И поехало государство закупать продукты за границей. Куда ни поглядишь, везде развал, грязь, мусор. Никто никого не судит, не спрашивает, некогда нашим правителям заниматься порядком, главное — не отпугнуть хоть каких-то своих сторонников, не потерять насиженное или приобрести желанное, теплое место. Не подошло еще, видно, время

для наведения порядка в стране. Народ все стерпит, а не пожелает терпеть, так на что милиция, тюрьмы, лагеря и другие укрощающие «спесь» людскую возможности. Правителям все можно, доступно, «законно».

В последние годы ходила поговорка: слово — олово, молчание — золото. Выходит, если молча исполняешь все желания господина, значит, ты хороший раб. Ни воли, ни еды, ни житейских удобств не просит, только лишь работает подобно лошади. Не раб — одна радость и ликование. Извините, молодежь, одно раздражение выливает старик. «Бытие определяет сознание». Учились коммунисты болтать по «Карле Марле», а основы основ его учения так и не поняли, да и зачем им была его основа, были осведомители из подлых людишек, осодмиловцев[97], милиции, всякого рода партийных и имущих — руководящих госработников, которые по праву носили в своих карманах для раба огнестрельное оружие. И добились своего, основная масса людей, как бы ни бывало, как бы ни жилось, — работала, помалкивала.

Наверное, хватит злобного раздражения. Попробуем описать жизнь крестьянина приленских деревень в эти «цветущие» под властью коммунистов годы.

В 1920-х годах разбитые белые отряды (кадровые и ополченцы) по руслу реки Лены отступили на Север, в Якутию, надеясь на ее просторах вновь организоваться в большую армию в содействии с другими такими же разрозненными остатками отрядов приверженцев старого строя, старого режима бывшей царской власти. Но слишком велико было желание народа получить волю вольную, свободу желаний, действий, взять землю в свои руки, стать наверху над имущими, командовать ими, использовать их по своему усмотрению. А результат сами видите, одна разруха и насилие. Добивать отступившие в Якутск белые отряды ходил партизанский отряд во главе с Каландаришвили, но ему устроили засаду на одной из проток реки Лены и разбили. Позже вниз по Лене прошел красноармейский отряд во главе с командиром Иваном Стродом. В этом отряде бойцом служил мой дядя по отцу, Степан Егорович Лыхин. Были они и в окружении, были и на волоске от смерти, но с помощью других красных отрядов белые были разбиты. Местные тойоны (богатые якуты) затаились, остальные разбежались, разъехались по просторам страны России и за кордон, ушли

[97] Осодмил — Общество содействия милиции.

через границу в Маньчжурию, Китай, Туву, Монголию и далее, кто куда мог, в надежде еще вернуться, попытаться взять реванш.

В Якутии селения называют улусами — это несколько деревянных жилищ трапециедального вида, обставленных со всех сторон тонкомерными обрубками стволов деревьев, обмазанных с обеих сторон коровьим пометом напополам с соломой, крытых поверх бревенчатого наката толстым слоем земли. Дверной обычный вход, небольшие оконца, затянутые для тепла и света мочевыми пузырями рогатого скота. В этих строениях — хатонах — и защищались бойцы отряда Ивана Строда от белых и местных повстанцев-якутов. Якуты не были привычными к войне, к неприглядной кровавой смерти, шли на приступ с осторожностью, с боязнью, на команду белых офицеров «Ура, в атаку» гудели, лежа в укрытии за пнями, деревьями, валежинами: «Урю, урю, урю...», а подыматься и бежать на приступ по голому месту к хатонам не хотели.

Красноармейцы же отстреливались через бойницы, проделанные в стенах. У одной из них лежал дядя, отстреливался, кончились патроны, нужно было перезарядить винтовку, он отвалился от бойницы на момент, а когда обернулся и захотел снова занять свою бойницу, ему не уступил ее боец его отряда, пришлось искать другую бойницу. Якуты — хорошие стрелки, и доставали бойцов красного отряда даже через эти бойницы. Через короткое время дядя оглянулся — боец, занявший его бойницу, лежал уже мертвым.

Подоспели красные отряды на выручку отряду И. Строда. Белые бежали разрозненными мелкими кучками и поодиночке по Сибири-матушке, переодевались, перелицовывались, скрывались кто как мог. На том и завершилась война гражданская на берегах реки Лены.

В 1920-х годах советская власть со своими порядками не добралась еще до сибирского (приленского) крестьянина, и он жил — корчевал лес под пахотные земли и сенокосные участки, строился, пахал, сеял, жал хлеб, заготавливал сено на зиму, огораживал лесные участки под летние пастбища скоту, кормил живность для себя, ни на кого не рассчитывая. Знал: что посеешь — то пожнешь, и крепли крестьянские хозяйства, пестрела деревня новыми домами, заборами, дворами, сараями, двухстворчатыми воротами, амбарами, хвалилась приобретенной сельскохозяйственной техникой. Гудела по вечерам удалая молодежь, гуляя толпами по ули-

цам, звенели песни, частушки под выбивание ногами дроби умелыми плясунами. Вся деревня наполнена была звуками гармони, а то сразу двух в споре за признание звания первого гармониста, в красных уголках (помещение, отведенное в деревне для устройства вечёрок, танцев, показа сельской самодеятельности — пьесные постановки, хоровые выступления и т. д.). Жила деревня достатком в каждой здоровой семье, горела молодежь неиссякаемой удалью, жили все надеждой на лучшее, на дальнейшее благополучие. Был порядок в каждом отдельном хозяйстве, целиком во всей деревне, в общественных лесных угодьях, выгонах, сенокосных лугах, пашенных земельных участках. Кругом чувствовалась забота человека о себе самом и окружающем его природном мире.

«Играй, гармонь» по телевидению. Вечно мои глаза мокры от слез. Родная музыка, народные пляски, песни, не выдуманные посторонние, а родные, привычные, правдивые, отражающие жизнь и чувства человека.

В детстве, когда родители с гостями, подвыпив, пели эти народные песни, я, лежа на кровати, плакал. Было мне, наверное, года три от роду. Мама спрашивает: «Ты что, Петя, плачешь?», отвечаю: «Да жалко». Такие песни, как «Пойду я в море утоплюсь, пускай несет меня волна» или «Догорай, моя лучинушка, догорю с тобою я» и т. п. Теперь мне без малого 77 лет, а я все плачу, слушая гармонь, песни, глядя на русские удалые пляски, живые, родные, непридуманные, исполняемые со всей отрадной русской, открытой для мира душой.

21/IV – 96 г. Похоже, наконец, устанавливается теплая погода. Весна нынче затяжная. Раньше мужики вволю бы поработали в лесу на заготовке дров, успели бы привести в порядок сельскохозяйственный инвентарь, плуги, бороны, телеги, таратайки, лошадиную сбрую, навить веревки, сшить или привести в порядок свое рабочее обмундирование и прочее, прочее. Мало ли в хозяйстве забот, и все надо содержать в порядке, в первой готовности к делу, все сделать добротно, надежно, чтобы при случае использовать в деле без всякой задержки. Страдное время не терпит простоев.

Обо всем должен был подумать хозяин своевременно, иначе не заслужит он доброй славы хозяина, не будет авторитета среди сельчан, не минуют его ни колкие насмешки, ни добродушное подтрунивание, ни добрые советы, одинаково унижающие достоинство хозяина. Чтобы не быть хуже

других, все должно быть в порядке у мужика. Эти общие мерила достоинства человека и заставляли тянуться нерадивых селян за передовыми, лучшими хозяйствами. Они и старались не умалить своего достоинства перед другими. Ожидать субсидий, подачек со стороны было не от кого, хотя в отдельных больших делах деревенское общество на сходке решало помочь всем миром мужику, не требуя с него платы за помощь. Правда, после исполнения дела хозяин выставлял угощение, благодарил людей как мог. Все было заранее спланировано, учтено, приготовлено мужиком — он и работник, он и царь, он и бог в своем хозяйстве. Сумел вжиться в крестьянском труде, быте вначале, в дальнейшем остается только наращивать свой достаток, свое благополучие на честь себе и доброе внимание соседей. Вот такие-то крепкие единицы сельского труженика и составляли костяк зажиточной деревни, а последние, в свою очередь, — крепкий костяк царской России. Кормил крестьянин себя и всю Русь и хлебом, и мясом, и овощами, создавал сырье для заводов и фабрик, обеспечивал дровами речное пароходство. Трудовое кресть-янское лето проводил в поле от темна до темна, но зато, своевременно управившись с полевыми работами, с удовлетворением облегченно вздыхал, предчувствуя долгое зимнее безделье. Вся его работа зимой состояла прежде всего из следующего: обмолотить хлеб, приютить зерно в закромах, солому прибрать, сметать на сарае, дворе, замочить снопы конопли в озере. Основная же работа мужика заключалась в том, что по зимнему пути нужно было вывезти сено, дрова, с чем при желании можно было справиться за один-полтора-два месяца, в зависимости от наличия в хозяйстве лошадей. В остальном оставался все тот же уход за скотом, ежедневно дать всем корм, своевременно напоить его. Каждый хозяин держал охотничью промысловую собаку. В октябре по обыкновению мужики уходили в тайгу на промысел пушного зверя, в основном за белкою, так и говорилось: «ушел белочи́ть». Соболь был редкостью в то время.

Производство весенне-летних работ деревенского труженика — это основа его жизни, а плоды его труда обеспечивают государству спокойное существование и дерзание в других отраслях производства.

Работая с темна до темна на полевых своих работах, несмотря на тягость, недосыпание, мужик не сетовал на жизнь, не гневил бога, не ругался на царя-батюшку, на его порядки. Лишь бы не ломали его порядок жизни, не драли с него семь

шкур в порядке обложения налогами его хозяйства. Он сам выбрал себе этот нелегкий путь, врос в него, умел справиться с трудом, находил время на отдых после беспросветного страдного труда в летнее время. Труд его в страду был утомителен и приятен сознанием сделанного. Пословица: «Страдный день зиму кормит».

Как не радоваться после утомительного труда, когда ярко срабатывает сознание: «Слава богу, теперь я обеспечен хлебом или кормом для скотины, или вовремя убранными (до снега, морозов) овощами». Это уже не труд — обмолотить вручную цепами на залитом водою (по крепкому морозу) грунте в закрытом от снега и ветра току. Это уже не тягостный труд под жгучими лучами солнца. Это не спешка с уборкой вызревшего в колосьях зерна, тем более когда возникала угроза выпадания зерна из созревших колосьев. Это не спешка перед угрозой затяжного ненастья, когда убранный урожай может сгнить в суслонах или кладях, равно как и трава для скота — это хорошее, едкое сено, вовремя скошенное, высушенное, сметанная в стога трава. Значит, не пропал труд крестьянина, будет сыт сам, будет корм скоту. И как ему не радоваться, что бог помог ему вовремя справить страду, и забыты им все тяготы страдного времени, благодаря которым он с честью справился с намеченным, на душе у него праздник! Он обеспечен на всю холодную зиму, спокоен за свой скот. Все будут сыты, довольны. Поэтому-то труд на току по обмолоту зерна, его провеивание на ветерке, приборка в закрома, сушка зерна на русской печи, помол на ближайшей мельнице — все это уже без спешки, с полным сознанием, что время терпит. С удовлетворением в душе перебирает пальцами зерно или муку в закромах, тревожась за их целостность: не загорело ли, не стало ли преть зерно в глубине ларя, не согрелась ли мука в средине своей массы, вот и перемешивает он свои запасы, радуясь их наличию, своему обеспечению на далекое будущее, прикидывает в уме, на сколько хватит, выкраивает, будет ли излишек, без этого нельзя — как знать, какое будет здоровье самого, семьи, какая будет весна, тихая, холодная, в последнем случае еще не околосившийся хлеб может погубить морозом. Ой как пригодится тогда сохранившийся урожай прошедшего лета!

Была у мужика и тяжелая, утомляющая страда, была и радость жизни, жил он вольным соколом на лоне благодатной природы, чистой от осадков химии, благоуханной чистотой и запахами окружающих жилье трав, озер, болот, хвойного

леса, кустарниковых растений. Сам себе и царь, и бог, хозяин своего бытия, благополучия.

У каждого мужика была желанная мечта создать работящую семью. Чем больше рабочих рук в семье, тем легче, быстрее он справится с неотложными работами в поле, будет кого и оставить взамен себя при хозяйстве в случае, если придется отлучиться на сторонние заработки. Веселее, надежнее взирать на семью за столом, радостнее глядеть на воистую семью на работе. Хорошую, трудовую семью большая беда обходит стороной, хуже крестьянину-одиночке — никто его не порадует, не обнадежит. Унылый тяжкий труд без просвета тяжелым камнем давит на сознание.

Хлеб жали вручную серпами, связывали в снопы вязками из стеблей того же хлеба, ставили в суслоны. Обычно четыре снопа ставились на головки (колосьями вверх) на землю пашни, пятый сноп шапкою надевался сверх первых четырех, таким образом предохранял зерно от влаги.

Пахотную землю чередовали, один год или два засевали зерновыми культурами, в другой раз садили картофель или пускали под пар. Земля отдыхала, набирала силу и снова гожалась под посевные — зерновые культуры. В последние годы перед коллективизацией крестьянских хозяйств некоторые крестьяне обзавелись посевным горохом, тоже хорошая культура, обогащает почву азотом.

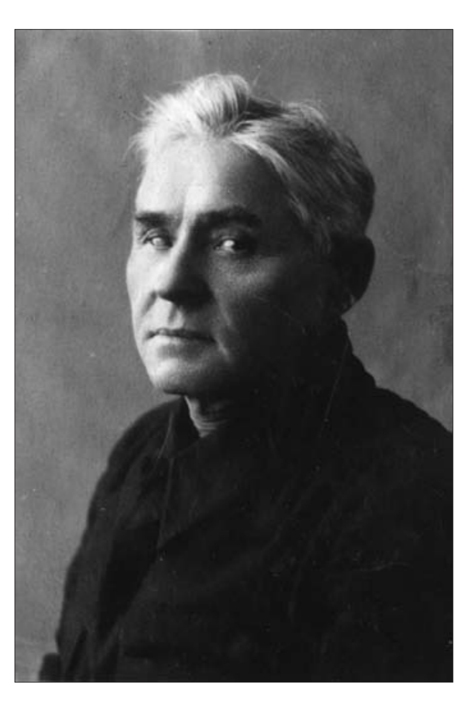
С ранней весны крестьянин ходит на свои (отведенные в разных местах пахотного поля) участки земли, следит за их готовностью принять зерно для проращивания. Надо, чтобы земля была в меру влажной, не слишком сырая, а хуже, если просохла, потеряла влагу, тогда зерно залежится в земле, поздно взойдет и может с недозрелым колосом попасть под первые осенние заморозки, и пропал труд крестьянина. Хорошо, если земли и посевного зерна у него достаточно, то выручит урожай на других участках, а нет, то беда — ни съедобного зерна на семью, ни посевного фонда для будущей весенней посевной. Вот и бродит хозяин от одного своего пахотного клина до другого. Все учтет, все вымерит и засеет зерно в самую пору в землю и будет позже продолжать ходить на пашню, наблюдать за всходами, радоваться, если они будут дружные, пропалывать сорную траву, беречь от возможных ранних заморозков, приготовит на всякий случай по краям своего клина кучи хвороста сухого вперемежку с сырым, чтобы погуще стлался дым над его пашней, продвигаемый попутным ветерком.

Возможное похолодание в ночное время определялось крестьянами по опыту прошлых лет. Особенно они бывают после ненастья. Тут уж вся деревня, как улей, встревоженно гудит, каждый заботливый хозяин ранним утром дежурит возле своего участка земли. Обычно для земель деревень Лыхиной и Беренгиловой было опасно течение холодного воздуха со стороны северо-запада, по руслу речки Мостовки. По какой-то причине и дождь обычно приходил на расположение деревни Лыхиной с этой стороны, и ранние заморозки также спускались на поля отсюда же. Погоду определяли по нажитому с годами опыту, а первым помощником у крестьянина был еловый барометр — это отрезок елового нетолстого ствола длиною с полметра с отходящим от него сучком тоже не длиннее 40–50 сантиметров. Такой барометр прибивался гвоздем к столбу или заплоту в недосягаемом для дождя месте, скрытый сверху крышей сарая, завозни и других подобных мест. В установившуюся добрую погоду сучок отчеркивался с одной стороны карандашом на столбе или стенке сарая и при любом наметившемся изменении погоды заранее показывал о наступающем вёдре или дожде или, другими словами, показывал наступление доброй или дождливой погоды.

У доброго хозяина все было (на любое время года) учтено, приготовлено: и инвентарь, и одежда, и обувь. У него в лексиконе не было слов «забыл», «не знал», «не думал» и прочих никчемных пустых слов. В горячее страдное время такому не думавшему незнайке никто не в силах помочь, у каждого свое горячее, спешное дело. Естественно, приходилось порой обращаться за помощью к справным хозяевам, имевшим в своем пользовании частную сельскохозяйственную технику. Они раньше других управлялись со своими страдными делами и не отказывали в помощи сельчанам своей техникой. Так было и с моим отцом. Не управился он с уборкой дружно поспевших зерновых хлебов вручную, зерно стало выпадать из перезрелого колоса. Обратился и он за помощью к справному соседу, который, к его чести и порядочности, не отказал ему, отправил своего сына на своих лошадях с жаткой-сноповязалкой, и убрали вовремя аварийный урожай отцовского хлеба. Родителям осталось только готовые снопы установить в суслоны. Урожай был спасен. И всю дальнейшую жизнь родители чествовали соседа с молчаливой благодарностью.

Был тот хозяин — наш сосед, Михаил Евдокимович Лыхин. Был он позже подведен под название «кулака» — рас-

кулачен, выслан со всем семейством в Воронцовку по реке Витим. Был слух: люди, высланные вместе с ним, на первых порах голодали, ели крапиву, лебеду, щавель и всю прочую съедобную траву, но через год-другой эти так называемые кулаки организовались в колхоз, обеспечились всем необходимым для жизни сами, стали давать большую отдачу государству, добились признания, почета и снова тот же Михаил Евдокимович завоевал себе славу даровитого хозяина и поехал на прием к самому Сталину[98].

Михаил Евдокимович Лыхин

Парадокс, да? Кулак — и поехал на прием к Сталину. У незнаек вся жизнь в парадоксах. Сами ничего не знают, ни к чему не приспособлены, а командовать ох как хочется! Оттого и развалили сельское хозяйство, исчезли жилые, с давних пор обетованные человеком деревни.

Не ладится и в производстве. В Иркутске работал на опытном заводе, прием готовых токарных деталей, браковщик ставит отметки: «качественно», «высококачественно», а за рубеж эти детали сбыть не могут — недоброкачественны. Лопаты, топоры при работе гнутся, сминаются. И все это «качественно», «высококачественно»!!

Пришла запоздалая весна 1996 года. Время берет свое. Все время было прохладно, и вот с 8 мая установилась нормальная теплая погода — распускаются тополевые почки, распустились почки вербы, полезли «душки»[99], цветы «лёгоч-

---

[98] Неточность. Во время Великой Отечественной войны колхоз-миллионер, председателем которого был М.Е. Лыхин, сделал отчисления на строительство танковой колонны, и в 1944 г. Михаилу Евдокимовичу пришла благодарственная телеграмма лично от Сталина. В то время это была большая награда.

[99] Душки́ — незабудки.

ницы» (по-сибирски называют «могильники»), медуница мягчайшая, поздняя трава и другое.

Уклад жизни в деревне во время полевых работ вы знаете, разница лишь в том, что раньше мужики работали не по часам, а сколько надо. На всякую погоду находилась нужная работа, все заранее нужно было продумать, приготовить, и как необходимая, и на всякий случай, про запас.

Страда есть страда, со временем не считались. Зато какой праздник чувствовал народ в душе, когда все было убрано с поля в скирды, закрома, подполы! Все было заготовлено впрок на холодную длинную зиму и с обязательным переходящим остатком на случай неурожая будущим летом — переходящий остаток муки, зерна, и съедобного, и семенного. Каждый домовитый крестьянин обязательно должен был иметь свое. Сделал дело — гуляй смело.

Уход за домашним скотом во дворе не считался трудом. Сам ешь и скотину накорми-напои. Зато есть у мужика и молоко, и мясо, и овощи, и грибы засоленные, и ягоды. Есть на чем и выехать на люди. Есть и простая рабочая упряжь, есть и выездная, смазанная дегтем, с начищенными углем древесным медными безделицами, безделушками на сбруе. Есть и выездные крашеные дуги, легкие санки или забористая выездная кошева.

Как-то я выразился в разговоре о крестьянине тех времен: «Мужик чувствовал себя соколом», но современные люди (молодые) посмотрели на меня с недоумением — они-то знают современного мужика, которого, как загнанную худую кобылу, гонят по прихоти начальства, не спрашивая его желания, здоровья... Труд подневольный, рабский. Хорошо, если начальник в душе — человек, если он в чем-то разбирается.

При «Советах» обычно, чтобы поправить сельское хозяйство, отправляли в деревню слесарей, станочников, людей из рабочей прослойки, показавших себя на производстве исполнительными, трудолюбивыми, умеренно принимавшими горячительные напитки, членов коммунистической партии со стажем. Называли их тогда поначалу «двадцатипятитысячниками», потом «пятидесятитысячниками» — придут такие «тысячники», проедят тысячи, выдюжат — не выдюжат отведенный им срок в деревне и бесследно смываются. Земле нужен рачительный хозяин, а не «божьи посланцы», которые не могли отличить зерно ржи от зерна ячменя. А что они понимали в земле? Когда ее обрабатывать, когда убирать

урожай, на какую землю что сеять, что садить? Всюду ходила поговорка: «Не умеешь — научим, не хочешь — заставим». Рабский, подневольный труд и у простых коренных мужиков отбивал охоту трудиться. О результате такого хозяйствования не надо и говорить. Все налицо. Были деревни, жили, трудились в них добровольцы-крестьяне. Где деревни 1920–1930-х годов, куда подевалось население их? Кто кормит государство хлебом, мясом, молоком, овощами, снабжает шерстью, кожсырьем???

Я назвал мужика соколом и, надеюсь, не ошибся. В какой-то мере мужик был свободным организмом единой природы. Все ему было доступно: и труд, и отдых, и дерзания в промысле на земле, воде, в лесу, не выходя из рамок закона. Оброки, подати, налоги? Да когда их не было для человека? Из века в век сильный брал у слабого, и все жили, благодарили бога за возможность жить на земле как им захочется. Кто не мечтает о свободном труде, о свободе действий? Ведь и птица-сокол тоже трудится, пусть труд его разбойничий, но и ему не всегда приходит удача, и ему приходят разные невзгоды, голод, переживания. Не поработаешь — не поешь.

Нарушили закон природы коммунисты-экспериментаторы, по сути незнайки, нарушили многовековой уклад жизни крестьянина, развалили что было, напакостили и отступились. Себе в оправдание придумали много красивых слов: «нерентабельная земля», «нерентабельное хозяйство». Они — господа, у них в карманах красные книжки, они, коммунисты, неподсудны, им все можно, им все сойдет с рук.

Считаю, что фермерство в России укрепится, а это и есть свободный дух приленского крестьянина, который и селился на приленских берегах свободным человеком, и обстраивался, обживался на месте с чувством достоинства, самоуважения, надеясь в основном на свою силу, трудолюбие. Только в крайних случаях обращался такой новосел к обществу коренного населения. Селились пришельцы и побогаче, которые обстраивались в жилых местах не без помощи местных жителей, расплачивались в основном по уговору полюбовному, выставляя людям и водку, и хорошую закуску, в отдельных случаях прининимали людей за деньги. Главное, нужно было понравиться обществу, быть равным с ним, своим человеком. О податях государству не думали. Это само собою, знали, без этого нигде не обходится.

В дальнейшем такой новосел рассматривался обществом по его трудолюбию, честности, бескорыстности, уму и достатку. Каждый чувствовал себя свободным человеком в этом необъятном мире природы лесов, водоемов. Разрабатывай низины, свободные от вековых лесов, а нет, так, облюбовав участки, корчуй деревья, распахивай землю, сей зерновые или технические культуры (конопля), сади овощи, богатей, никто перечить не будет. А встанешь на ноги своим честным трудом, «выйдешь в люди», только умножишь к себе и своей семье уважение. Будешь в почете равным другим хозяевам, и не будут люди гнушаться породниться с тобою, наоборот, заранее присмотрят у тебя дочь взять за своего сына или свою дочь выдать замуж за твоего сына. Это-то заслуженное уважение и подстегивало нерадивых семьянинов в труде на своей земле, в отхожем промысле после уборки урожая. Большое дело — жить в чести и уважении среди селян.

Водкой не увлекались, знали, что любитель выпить и сам себя пропьет. Но для «дорогого» гостя хозяйка непременно найдет настоечку, порадует душу приезжего и обогреет. И будут вестись задушевные разговоры весь остаток дня и долгую ночь. В страду гостей не ждали, всем было некогда. Жила пословица: «Летний день год кормит». Зато отстрадовавшись, гостю были безмерно рады. Ходила и такая пословица: «Был у друга, пил воду вместо меда».

Во всем старались быть на высоте, очень нежелательно было выглядеть в чем-то хуже другого, потому-то и тянулись в труде, в досуге, в удали, песнях, плясках — «не подгадить». Отсюда и рождались герои. В кровь въедались человеку честь и порядочность. Отсюда и давало общество положительных людей, в сельской местности все были видны друг другу, как на ладони. Плохая слава, как ржавчина, съест и тебя, и твоих детей. Будет укор и порицание священнослужителя в церкви, будут кривые улыбки, едкие слова и насмешки. Потеряет авторитет человек в обществе, и нет ему иного пути, как бросить свое насиженное место и отправиться на сторону в рабочие промыслы — там народ сбродный, много и хороших, и плохих, там не осудят строго, стерпят, кому-либо да подойдешь по душе и снова обретешь к себе уважение, если постараешься.

А какая была отрада у мужиков после уборки урожая, по первоснежью с охотничьими собаками побывать на промысле пушного зверя в тайге! Они — как пернатые птицы, в задоре справляющие весенние брачные торжества в кликах,

кряканье, свисте, чирикании. Да, да, это последнее относится к сборищу воробьев в начале теплой, солнечной весны — оживленное чирикание, беспрестанное перепархивание с ветки на ветку кустарников и деревьев, потасовки, драки, все хотят жить, показать себя героем, обратить на себя внимание подруги. У крестьянина наступление весны — пора серьезная, торжественная, деловая, тут не до чирикания, не до удали, не до свадеб. Зато этот весенний период торжества они устраивали на отходе в тайгу, жили в основном в зимовьях, заранее срубленных на своих охотничьих, ими же облюбованных местах. Никто тайгу не мерил, не делил, всем хватало места и в тайге, и на водоемах, только не ленись, трудись!

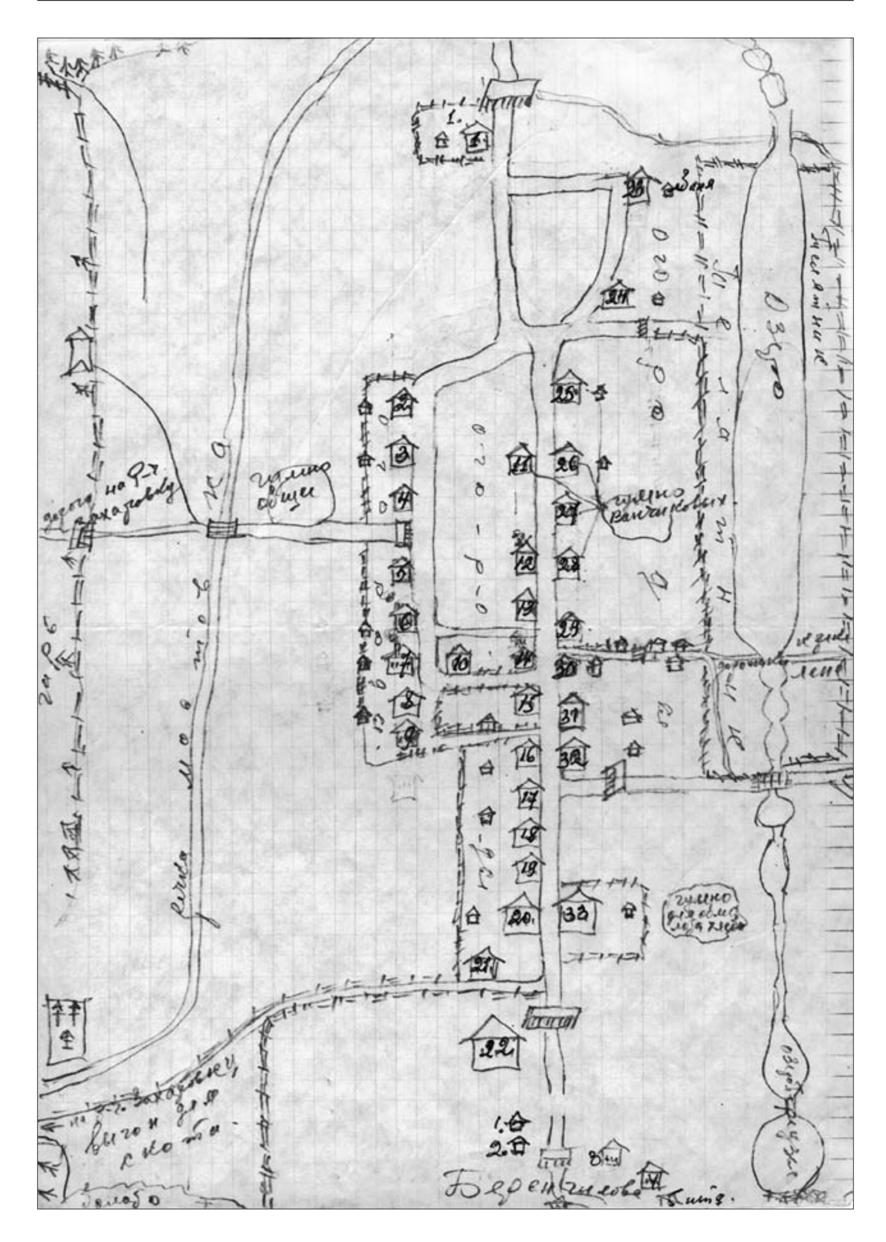
День осенний — короткий, побродит такой охотник по лесу — и в зимовьё, на долгую ночь вместе с другими, и ведут они бесконечные беседы, как будто век не виделись. Здесь и смех, и шутки, и анекдоты. То же токовище пернатых, только не так организовано и по случаю. Вот и поохотились (кому что бог послал), и отдохнули на свежем лесном воздухе, и душу повеселили.

Пишу и думаю, основной упор делаю на свободного хозяина земли в родной, свободной от чужепришельцев природе с их законами, с правами рабства на местное население, при которых и стал вольный хлебопашец «не хозяином тайги, а хозяйкой», по сути рабом.

Посадили в милицейскую кутузку якута и армянина, они заспорили, кто хозяин тайги? Якут говорит: «Я», а армянин оспаривает якута: «Я хозяин тайги». Спорили, спорили, подрались, потом утихли. Наутро милиционер спрашивает: «Ну, кто из вас хозяин тайги?» Якут отвечает: «Он, он хозяин тайги. Я — хозяйка».

Вот этому подобно и с нашими мужиками случилось, и с их деревнями, уделами, и со всей нашей Леной-рекой. Плохой удел, но не единичный, похоже, вся страна пострадала за «правду». Поковеркали «незнайки-экспериментаторы» жизнь людям, развалили отлаженное сельское хозяйство и «заслуженные» ушли на покой. Не подвластные суду, народному порицанию, как же — это представители советской власти. Попробуй против них слово сказать.

3/VII — 96 г. Выбор президента. Много старых и молодых колбасников, хлебоедов, лентяев, скамеечников желали выбрать Зюганова. Сознаться, я думал все пропало, но, слава богу, жива Россия, разум победил брюхо (восторжествовал). Подальше от сволочей коммунистов. Сыты ими.

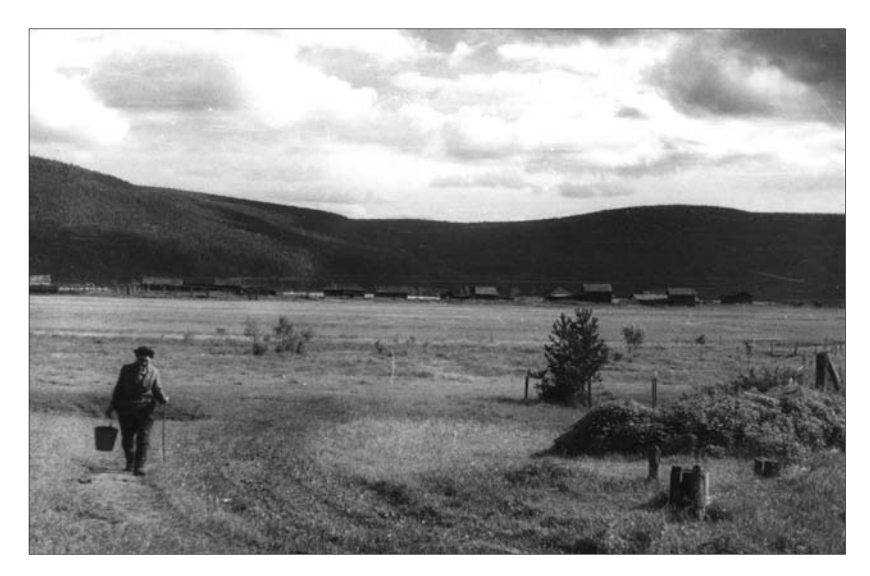

Деревня Лыхина по состоянию на 1925–1930 гг.
Рисунок П.И. Лыхина

1. Дом Никиты Егоровича Лыхина (Семёновух)
2. Дом Матрены Минеевны Пласкеевой (Минеевских)
3. Дом Степана Гавриловича Казака
4. Дом Михаила Васильевича Лыхина (Митька Семёновух)
5. Дом Василия Кондратьевича Тетерина («Атошто»)
6. Дом Василия Семеновича Лыхина (дедушка Василий Семёновух)
7. Дом Трофима Федоровича Березовского (Коновух)
8. Дом Прокопия Михайловича Хохлушина (Коновух)
9. Дом Осипа Федоровича Березовского (Коновух)
10. Дом Николая Егоровича Лыхина (Семёновух — старый отцовский дом)
11. Дом Петра Иннокентьевича Лыхина (Ерасовух)
12. Дом Василия Николаевича Лыхина (Ванчиковых)
13. Дом Егора Ивановича Черных (Домненых)
14. Дом Егора Семеновича Тетерина (Митрофановух, Костя Тетерин)
15. Дом Евгения Михайловича Лыхина (Щёголюх)
16. Дом Семена Степановича Лыхина (Щёголюх)
17. Дом Евсея Парфёновича Лыхина (Егоровух)
18. Дом Лавра Николаевича Лыхина (Егоровух)
19. Дом Иннокентия Николаевича Лыхина (Егоровух)
20. Дом Якова Семеновича Тетерина (Митрофановух)
21. Дом Николая Семеновича Тетерина (Митрофановух)
22. Школа для лыхинских и беренгиловских
23. Дом Александра Фановича Лыхина (Фановских)
24. Дом Касьяна Черных (Фоменых)
25. Дом Семена Иннокентьевича Лыхина (Ерасовух)
26. Дом Андрея Евдокимовича Лыхина (Евдокимовских)
27. Дом Степана Васильевича Лыхина (Ванчиковых, Васька Кривошея)
28. Дом Михаила Евдокимовича Лыхина (Евдокимовских)
29. Дом Ксенофонта Ивановича Лыхина (Щёголевух — «дикий барин»)
30. Дом Ивана Егоровича Лыхина (Семёновух)
31. Дом Егора Павловича Гладких (кузнец)
32. Дом Андрея Михайловича Лыхина (Щёголевых, Андрей-Жижа)
33. Дом Иннокентия Семеновича Тетерина (Митрофановых — «Знаешь-знаешь, знаешь-понимаешь!»

От Лыхиной до Беренгиловой один километр.

В деревне Лыхиной было 30 с небольшим дворов. Хочется рассказать про жизнь каждой семьи, наиболее ярко вырисовывающейся на фоне всего общества. Это бы улучшило понятие о жизни деревни и каждого ее жителя, ведь без жизни людей жизнь деревни — безликая. Начну с южного конца деревни. Там выгороженный ход на поскотину за пределы пахотных земель на Гари (раскорчеванные от леса, корней пахотные земли), за ними просторы леса и в трех-четырех километрах от деревни низина речки Захаровки с травой, съедобной для скота. За этим проходом, уже на территории поля, была выстроена «пожарная» (где хранился пожарный инвентарь — пожарная ручная машина, ведра, багры и др.). Впоследствии, в 1920–1930-х годах, молодежь использовала ее в качестве клуба, где по вечерам были и танцы, и пляски, и игры, и выступления одаренных природою деревенских певцов, и концерты из гармони и балалайки, разыгрывались театральные представления. За нею в 30 метрах в сторону деревни Беренгиловой была в 1920 году выстроена школа, рассчитанная на начальное, трехлетнее обучение детей. Для продолжения учебы в четвертом классе надо было ехать в деревню Алымовку, там вначале было семилетнее обучение, а позже десятиклассное, но через год-другой в селе Петро-

Деревня Лыхина. На переднем плане Иван Егорович Лыхин. 1971 г.

Школа в деревне Лыхиной. 1953 г.

павловск открылась семилетка, а позже также и десятилетнее обучение детей.

В школе детей на учебу принимали по исполнении им восьми лет. Вот пошли мои сверстники записываться, одного спрашивают: «Как твоя фамилия, имя, отчество?» Он как из ружья отвечает: «Хохлушин Иван Прокопьевич Михайлович», то есть по отцу Прокопьевич, а по дедушке — Михайлович. Спрашивают его брата двоюродного: «А твоя фамилия, имя, отчество?», и этот не растерялся, отвечает: «Березовский Василий Осипович Викторович», тот уже по отцу и по старшему брату отрекомендовался.

Дети в первый класс приходили нормально в восьмилетнем возрасте, но были подростки и 10, 12, 13, 14, 15 лет. Великовозрастные детины. Среди них учился и Василий Степанович Лыхин — «Кривошея». Кривошеим он стал после повреждения упавшим ометом снега шейного позвонка, а может, и просто мускулатуры. Держал он голову так, как ему было удобно — безболезненно, да так и заросло. В школе он верховодил, прижимал беренгиловских ребят, хотя и из них было немало в его возрасте. Бывало, выйдем на перемену в коридор, он всех сгонит со скамей, а нас, малышей, посадит вместе с ногами на скамьи и никому не позволяет садиться, кроме нас.

В 1927–1930 годах учительницей на все три класса учащихся была женщина по имени Фекла Ивановна по фамилии, кажется, Красноштанова. Ходила она между рядами столов учащихся в повязанном на грудь пуховом сером полушалке с концами, завязанными за спиной, с тонкой длинной деревянной линейкой, которой щелкала по плечам, по голове хулиганивших на уроке учеников-переростков или тупых, сидевших второй, третий год в одном классе. Ребята позволяли себе заигрывать с учительницей. Другой вольности у детей не проявлялось, были дисциплинированны. Хулиганство порицалось всюду.

После Феклы Ивановны учителями к нам приехали две молоденьких девушки, Лиза и Валя. Лиза по фамилии Рукавишникова, у Вали фамилия была Черкашина (из деревни Банщиковой). Обе молодые, энергичные, деятельные. Организовали среди нашей молодежи кружки хоровые, театральные, выступления местных музыкальных молодых людей, кружок Осоавиахима по изучению и стрельбе из мелкокалиберной винтовки. Учительницы постоянно пахли приятными духами, а может, просто одеколоном, в то время мне было не под силу разобраться в этом, но запах приятный всегда отличал их от деревенской молодежи.

Они недолго работали в деревенской школе, может, год-два, но что приятно, лет примерно через 40–50 на палубе ленского пассажирского парохода кудрявая пожилая женщина обращается ко мне с вопросом: «Ваша фамилия Лыхин? Вы с деревни Лыхиной? Вы помните меня?» Э́то была Валя Черкашина, ее естественные кудрявые волосы, еще в молодости выделявшие ее, так и остались кудрявыми. Поговорили мы немного официально. Я никогда не был джентльменом, а ей, вероятно, не представляло большого интереса разговаривать со мною. Мне сейчас 77 лет, ей пусть на десяток лет больше. Жива ли она и они обе с Лизой, те милые молодые девушки в далекие времена?

Начал я повествование с верхнего конца деревни (по течению реки). На самом ее краю стояла изба Николая (по прозвищу Монгол). Он давно уехал из деревни, а яма, вырытая под полом избы, все еще не зарытая, всем напоминала о былом. На этом освободившемся высоком (против других) месте жители устроили круговую качель – карусель. Поставили (зарыли в землю) обструганное гладкое бревно высотою шесть–восемь метров, на верхнем конце в середине обреза был вбит железный костыль, на него надет был железный хомут с загнутыми концами (крючьями) на четыре стороны, на них надевались одним концом веревки, в нижнем конце (петле) веревки устраивался

человек, и так четыре человека разбегались по кругу на веревках вокруг столба, отрывались по инерции от земли и летали на вытянутых веревках один за другим по воздуху. Опустившийся на землю снова делал разбег по земле, вытянутой веревкой тянул за собою крюк и крутил его за собою, одновременно кружа других людей, сидящих на остальных трех веревках.

Рядом на этой возвышенности стоял дом Якова Семеновича Тетерина, человека горячего по натуре, крутого на дела, домовитого хозяина, большого любителя дворовых животных. Особенно глаз поражали его упитанные — крутобокие лошади. По детству помню его белую лошадь. Ей был уже 31 год, а она выскочит из ограды на улицу и ну вылягивать как жеребенок, носится галопом по улице на своем конце, изредка исчезая в проулке, ведущем на поскотину.

Следующие его лошади были одна золотистой масти среднего роста и другая темно-гнедая или, вернее, темно-каряя. Обе лошади были также упитанные, горячие, послушные воле хозяина. На одной из них, темно-карей, поджарого телосложения, он гонялся с веревкой в руках за своим неродным сыном, 15-летним подростком, в поле. Звали его Колькой (наследство, оставленное латышами во время их похода за белыми войсками генерала Пепеляева, отступавшими вниз по реке Лене). Колька понял, что отчим догонит его на лошади, перелез через жердевую изгородь (огород) телятника. Отчим разогнался на коне и перескочил через городьбу, тогда Колька обратно перелез через городьбу в сторону поля. Отчим снова повторил разбег и перескочил за Колькой на лошади. Так повторилось несколько раз. Наконец отчим поостыл немного в гневе, да и понял, наверное, что и самому ему небезопасно это перепрыгивание через городьбу, может погубить и лошадь, и себе найти увечье. Так и спасся Колька от гнева отчима. Вскоре он исчез из дома навсегда, и не было о нем ни слуху ни духу.

Яков крестьянствовал, как и все в деревне. Осенью с братом родным своим, Иннокентием, жившим рядом с ним через улицу, и братом своей жены Парасковьи Васильевны, Степаном Васильевичем Лыхиным, ходил на осенний промысел за пушным зверем, а в марте месяце по чуднице (узкая тропинка для пешехода, зачастую отмеченная памятными затесинами на деревьях, чтобы не заблудиться в тайге) уходили на камасных лыжах с нартами и необходимыми снастями для рыбной ловли и охоты на речку Чечуй. Там охотились по насту за лосями, оленями, брали (в обнаруженных случайно берлогах) медведей, а чуть образуются плесы на речке от льда, принимались за рыбную ловлю. Там же строили себе

лодки — выдалбливали, вырубали, выжигали калеными камнями сердцевину векового тополя, борта разводили и укрепляли опругами, получались легкие, послушные шесту, веслу быстроходные деревянные суденышки, в которых сплывали по открывшейся весенней воде речки до русла реки Лены и по заберегам, по сохранившемуся еще льду переходили Лену на свой берег своей деревни. В отдельных случаях груз (мясо убитых животных, рыба) сплавляли по воде речки Чечуя до русла Лены на плотах, а уж по Лене весь груз тянули бечевами на лодках-долбленках. Ох, лодки-то были — лучше дюралек, не надо никакого подвесного мотора. Через заломы их легко можно было перенести на руках, а на быстрине они послушно продвигались и от шеста, и от весла.

В 1930 году во время обобществления скота золотистую невысокую, но плотную лошадь Якова назвали Мишкой, а темнокарюю (на которой он гонялся за своим пасынком) — Налётом.

Было чем вспомнить дела тружеников-крестьян, было чем вспомнить их ухоженных животных — лошадей, чего не скажешь, к сожалению, о рогатой скотине. Корм ее в основном был мякина, солома с примесью сена (травы луговой), не у всех было вволю травяных лугов, хотя и лезли вдаль на низины таежных речек, делали чистки, чтобы разработать или под пашню, или хотя бы под луга. По возможности огораживали свои участки (чистки) от вольно пасущегося общественного скота.

Жаль, очень жаль ушедшую налаженную крестьянскую жизнь, самих тружеников-крестьян, незабываемой красоты, гордости и изящества их лошадей. Все поломано, разграблено, оплевано, выжито из самого понятия бытия со стертыми с лица земли деревенскими постройками, с заросшими, веками расчищаемыми людьми пашенными землями. «Кому это надо?» — «Никому не надо!» — «Кому это нужно?» — «Никому не нужно», — так сейчас каламбурят по телевидению.

Прошу извинить, возвращаюсь к Якову Семеновичу Тетерину. Кроме известного нам его пасынка Кольки были у него свои родные дети, четыре человека. Старший сын Михаил, 1918 года рождения, его сестра Марина, годом или двумя моложе его, Витька — хулиганистый мальчишка, а может, удалой — бесшабашный. Например, Яков Тетерин, крутой нравом, горячий отец, разойдется в избе, все притихнут по углам, а Витька залезет на полати и кричит оттуда: «Яшка мудями брякат». Или сошлись раз посереди улицы, между своими домами два брата, Яков и Иннокентий, с ними старший сын Иннокентия, Иван, — в сапогах «с запасом» (большого размера). Среди них Витька терся и попался под сапог (без-

размерный) своего сродного брата Ивана. Стало ему и больно, и досадно, на что среагировал: «Ёп пай мать, со своими хапогами». В школе он сидел вместе с тихим, спокойным, смышленым пареньком — младшим сыном Лавра Николаевича Лыхина (из третьего дома по порядку от Якова). Витька в своем необузданном характере крутится на уроке, шалит, а спросит его учительница о пройденном материале, он все знает не хуже тихого Володьки. Говорит на улице Володьке: «Володька, хули нам учиться, мы и так все знаем!»

У старшего, Михаила, были способности к музыке. Каким-то путем они с отцом раздобыли самоучитель игры на балалайке, и позже он стал удивлять население деревни исполнением незнакомых мелодий — опер и других произведений. В 16 лет он отправился в Качуг, поступил на работу на складах, но заболел там и умер. Мать его, Параскева Васильевна, поехала на место последней службы сына Михаила, забрала его одежду, постель и привезла домой. Вскоре заболели Марина и Витька, и тоже оба умерли. Сохранилась последняя, младшая дочь Липа. Повзрослела она, окончила Киренское педагогическое училище, вышла замуж. Из всей немалой семьи в доме снова остались жить Яков и его жена Парасковья. Примирились с постигшей их судьбой. Впоследствии Яков все повторял: «Помрет Парасковья, все хозяйство подожгу и в огонь брошусь». Однако ушла Парасковья незаметно из жизни, осиротел Яков и не бросился в огонь своего «сгорающего» хозяйства. Метался между своим домом и домом вышедшей замуж к тому времени дочери Липы, да так и угас в Киренском стационаре-больнице от болезни сердца.

Ничто не вечно. Сгорел и Яков со своим крутым нравом. Вскоре ушел из жизни и великий труженик его родной брат, Иннокентий Семенович.

По молодости Иннокентий Семенович ходил на весновку на речку Чечуй вместе с другим своим братом, Федором Семеновичем. Раз по какой-то мелочи не поладили они между собою, и вот, идя (толкаясь) на шестах в вертлявой лодке-стружке по бурному течению речки Чечуй, Иннокентий подвернул лодкой так, что Федор свалился в воду, а сам как ни в чем не бывало тихонько толкает лодку против течения и приговаривает барахтающемуся Федору: «Бог с тобою, бог с тобою», но, наконец, смилостивился, подал конец лодки под руки Федора и вытащил того на берег речки. Осерчал Федор, пошел в лес, свалил сухостойное дерево и, вырубив из него огромный кряж, взвалил на плечо и притащил к зимовью. Вот, мол, какая у меня сила, будь со мною поосторожней. Молча пошел

и Иннокентий в лес, вырубил кряж из дерева еще здоровее прежнего, и на том сделали молчаливое согласие на мир.

Солнце уже крепко пригрело, на крутом склоне снег вовсе исчез, пошел Иннокентий за дровами в лес и увидел берлогу, из любопытства заглянул внутрь, а там на него светятся горящие глаза зверя, кинулся он вниз по откосу к зимовью с криком: «Федор, медведь!» Схватили они топоры и кинулись к берлоге, молодая медведица испугалась двух великанов, бегущих к ней, оставила берлогу с медвежатами на растерзание двуногим громилам и удалилась в лес. Медвежат они позже принесли в деревню. Я видел их — как маленькие собачата. Рассказывает Иннокентий: «И вот па-а, я так испугался (обычно медведица свирепо защищает свое потомство), как кинулся бежать к зимовью, позже пытался проследить, как я бежал, и вот как ни разбегусь, ни прыгну от следа к следу, никак не могу выпрыгнуть, вроде ветром меня несло».

Сколько правдивых рассказов промысловиков, без выдумки, со смехом над самим собою, без всякого стыда. Да и до стыда ли — безоружный против медведя.

Ушел Федор по молодости из крестьянства на производство, и забыли люди про него. Иннокентий же состарился в деревне. Была у него, наверное, язва желудка, а он по-на-

Похороны Иннокентия Семеновича Тетерина. 7 сентября 1953 г.

Похороны Иннокентия Семеновича Тетерина.
7 сентября 1953 г.

родному всё говорил: «татар», то есть катар желудка. Позже болезнь перешла в рак, а он по привычке все тянулся к посильному труду. До последних дней своей жизни выходил на колхозную работу. Невестка придерживает его: «Куда ты собрался едва жив?», а он в ответ: «Да я хоть колоски пособираю». На том и закончилась его неугомонная жизнь труженика. «Я славно пожил, я видел небо...»

Ушел незаметно и его старший сын Иван (с большими «хапогами»). Умерла и его (ранее пышнотелая) жена. Младший брат Ивана, Василий, с ранних юношеских лет стал комсоргом, да так и врос в партию коммунистов, став членом ее. Говорят, он еще жив, живет в Нижнеилимске. Туда же перебрался самый младший в семье их брат, Александр Иннокентьевич, известный своими делами людям Петропавловска и Лыхиной. Был у Иннокентия и еще сын, тоже Иван. Всю жизнь работал на речном транспорте, в последней должности был вроде механиком самоходки. Жил на стороне, изредка приезжая в деревню. Была у Иннокентия и дочь Елизавета. Жизнь ее не была постоянной — удачной. Замужем не держалась. Молодость прошла разномастно, а старость — обычное для всех явление. Последнее время проживала в Якутске.

Было крепко поставлено хозяйство Иннокентия Семеновича Тетерина. Была и семья из сыновей-богатырей — надежда

любого крестьянина (в раннее время). Все ушло, как сквозь пальцы провалилось, не оставив после себя следа, заслуженной славы. Остался в доброй памяти лишь сам великий труженик — надежда крестьянского быта, благополучия — Иннокентий Семенович Тетерин. Жена его, Екатерина Афанасьевна (высокая, тощая), говорила нараспев, в гневе на свою дочь Елизавету (в то время она дружила с моим братом Николаем, а Екатерине, да, наверное, и ее мужу, Иннокентию, это не нравилось), встретив ее с моим братом на улице, она говорила: «Капкан поставлю, попадешь, не будешь», но разве удержишь молодость в ее порывах. Ушла и Екатерина из жизни рано, да жива ли теперь ее дочь Елизавета? Ничто не стоит на месте.

За избой Якова Семеновича Тетерина по веретью (возвышенности) стояли избы братьев Лыхиных, Иннокентия Николаевича и Лавра Николаевича. Отец их в моей памяти не сохранился. В 1920-х годах каждый из братьев выстроил для своей семьи новую избу. У ближайшего из них по соседству с Яковом, Иннокентия Николаевича, была семья из четырех человек: он с женой, дочь Екатерина и позднее появился сын, по росту — великан, по уму — недалек. Но каждому свое. Не буду грешить. Сам — ни то ни се, как говорят, ни рыба ни мясо.

Хочу подчеркнуть, что каждому крестьянину (частнику, фермеру и прочим современным труженикам крестьянского бытия) самое необходимое — это тягловая сила. В мое время ею были лошади. Если у крестьянина было две лошади, он чувствовал себя спокойно. Поехал в лес, за одну ездку в день сразу привез два воза, а не один, то же за сеном и прочее, прочее. А у Иннокентия Николаевича Лыхина была одна лошадка, чалая. Каждый раз по дороге попадался ни кто другой, а этот спешащий по делам Иннокентий Николаевич на своем чалом убористом коньке, когда другие сельчане на глаза показывались реже — съездят раз, привезут на двух лошадях необходимое и снова управляются по дому в домашних неотложных делах.

Таким был и хозяин третьего сверху дома, его брат Лавр Николаевич Лыхин. Семья его состояла из десяти человек. Две лошади (как у каждого другого порядочного хозяина) были упитанны, и, как обычно, одна спокойная, валовая, другая погорячей (для легковых разъездов), саврасая. При обобществлении скота в колхозное хозяйство валовую по масти наименовали Стальной, другую, помоложе, погорячей, назвали Ванькой. То ли по имени одного из сыновей Лавра Николаевича, удалого молодого парня Ивана, то ли по самому поведению лошади.

В то время (1910–1920–1930-е годы) молодежь из деревень уходила на заработок в пароходство (матросами, кочегарами, а далее, если выслужатся, штурвальными, машинистами). К зиме собирались домой, в свои семьи, дома. Деревня гудела молодыми голосами, плясками, звуками гармони. У Лавра Николаевича особенно славилась исполнением песен старшая дочь, Вера Лавровна. Позже она выбрала себе в мужья парня из соседней деревни Беренгиловой, Федора Горбунова, и с ним переехала на жительство в Алексеевский затон, где он работал в пароходстве. За ней вторая дочь, Марина Лавровна, тоже выбрала в мужья парня из Беренгиловой, Петра Емельянова, хотя и грозилась на него за ухаживание. За этой тихой, видной девушкой ухаживали и наши лыхинские парни, но взаимная тяга этих молодых восторжествовала, и они создали свою семью.

Младшая дочь Лавра Николаевича, Анна, была ранней спелости, пошла по рукам, пока на ней не поженился Василий Степанович Лыхин по прозвищу Кривошея, вечный рыбак и охотник. Умерла она в Петропавловске.

Старший из сыновей Лавра Николаевича, Павел, пошел в пароходство и, видно, своим тихим, покладистым нравом

Павел Лаврович Лыхин с женой Павлой Александровной и детьми Юрием (на заднем плане) и Евгением. Якутск, 1942 или 1943 г.

пришелся по душе пароходному начальству города Якутска, там остался работать в конторе Якутской пароходной пристани, проработал там всю свою трудовую жизнь, создал семью из шести человек — он, жена и четыре сына. В 1970-х годах вместе с семьей он переехал в Ростов-на-Дону в свою кооперативную квартиру.

Скромный и удалой в своем физическом природном развитии Иван Лаврович в годы Великой Отечественной войны бесследно исчез, наверняка, как и многие другие сибиряки, был брошен в 1942 году на прорыв под Москвой, на том и почил.

Василий Лаврович, тихий парень, отслужил в годы Отечественной войны, вернулся домой, поженился на девушке из деревни Вишняковой, уехал в Якутск к брату Павлу, там работал кладовщиком, там и умер примерно в 1971–1972 году. За ним Иннокентий Лаврович, высокий, крепко сложенный, физически развитой парень, женился на беренгиловской девушке, Нине Степановне Горбуновой, вел необузданный образ жизни, завел, в свою очередь, большую семью, погиб от удара копытом лошади. В отличие от других сыновей Лавра Николаевича, он рос безудержным, вне всяких условностей жизни. Допустим, я брезговал брать в руки лягушку, как многие другие дети деревни, он же брал ее за ноги, разрывал на части и бросал. Мелкую рыбешку брал в руки, выдавливал пальцами из нее кишки и еще живую, трепещущую, съедал. Уже взрослым парнем весною в сучьях возле лесной дороги увидел он сидящую на гнезде копалуху (глухарку), сбегал домой за ружьем и впритим[100] пристрелил ее, тем же выстрелом разбив при этом запаренные (уже не съедобные) яйца. Ходит, хвалится по деревне. Я спросил, вкусная ли была дичина. Ответил: «Да нет, одна кожа да кости». Мы тоже ее видели с братом Николаем сидящей на гнезде, постарались ее не вспугнуть, обошли гнездо подальше, зная, что парящую птицу не бьют. Вот его беспредельность в поступках и подвела. А было это так. Поехала молодежь деревни Лыхиной по зимнему пути на вечёрку в село Петропавловск. Лошадь, на которой ехал Иннокентий, отставала от первой, и он стал усердно настегивать ее по зад-ней части палкой, палка обломилась, стала короткой, тогда Иннокентий вытянулся за головки саней, еще раз попотчевал лошадь палкой и получил взаимно лошадиный удар копытом по лбу. Четыре дня заслуженно промучился Иннокентий, мечась в бреду, и отдал богу душу.

[100] Впритим — здесь, в упор.

Вскоре из армии вернулся последний сын Лавра Николаевича, Владимир, уехал в Якутск к брату Василию. Его судьбы я не знаю. В прошлом тихий, незаметный, ничем не выделяющийся человек, наверное, таким и остался до конца жизни.

Вот и кончил большесемейную жизнь Лавра Николаевича и Акулины Андреевны Лыхиных и их дочерей-сыновей. Стерлась с лица земли и их деревенская постройка, как и все соседние постройки жителей деревни Лыхиной, как и вся Лыхина.

Это в его доме — доме Лавра Николаевича — когда-то по порядку, заведенному в деревне, собирались женщины на посиделки со своими ручными работами (вязаньем, пряжей нити из шерсти овечьей или волокон конопли). Не рукоделье было основой сборищ в долгую холодную зимнюю пору, но живое общение, желание поговорить, попеть, а если есть возможность, послушать музыку и потанцевать. Вот на таком сходе я и слушал ребенком умелое исполнение Лавра Николаевича на гармони-тальянке:

Располоску Маша жала,
Золоты снопы вязала — молодая.
Эх, молодая!..

Я сказать себе не смела,
Что, мол, бабье дело — доля злая.
Эх, доля злая!..

Если пьяный муж напьется,
Подойдет да развернется, в ухо хватит.
Эх, в ухо хватит!..

Играл он мастерски — заслушаешься. Гармонь в его руках словно выговаривала каждое слово, тихо, словно бы повествуя о житье-бытье женщин деревни. Хоть плачь.

Акулина Андреевна была тихая, спокойная, неглупая женщина. Я не слышал в их большой многодетной семье ни споров, ни криков, ни пререканий. Все шло по раз заведенному порядку. Жили не богато и не бедно. Все были сыты, одеты, пользовались авторитетом селян своей и соседних деревень.

В этой большой семье не прижился лишь брат Акулины Андреевны, Иван Андреевич, тоже положительный, скромный, работящий пожилой человек, хорошего поведения, опрятно одетый, ругань его по случаю была: «Рагу мать». Воспользовавшись моментом, его переманил к себе в семью мой дядя,

Никита Егорович, и, к его чести, в семье с Иваном Андреевичем считались как со своим кровным человеком, искусно пользуясь его трудом и советами по делам в хозяйстве. Условно поставив его в ранг старшего, умного, деятельного хозяина, дядя, получив свободу от хозяйских дел, ушел работать служащим в «Заготзерно».

Как-то раз мы с сыном Лавра Николаевича и Акулины Андреевны, Василием, вместе с другими парнями, девчатами собирались на вечёрку в Вишнякову. Сидевшая возле открытого окна Акулина Андреевна спрашивает: «Ребята, хотите выпить бражки?» Васька говорит: «Давай». Она налила в подвале по белому конфорному[101] стакану браги и подала нам. Боже, какая это была прелесть — прохладная, вкусная, в меру сладкая, в меру насыщенная хмелем брага. С непривычки мы запьянели, а вкус браги и приятность ее вместе с доброжелательством хозяйки до сих пор свежи в благодарной памяти о былом, о добрых людях, о добрых отношениях. Только мама моя умела из ничего сделать такую приятную брагу. Сахар приобрести было и негде, и не на что.

Четвертым сверху по ряду на веретье стоял дом Евсея Парфёновича Лыхина. Он как-то приходился родней двум вышеописанным братьям Лавру и Иннокентию Николаевичам[102]. Все они назывались «Егоровух», по-видимому, по какому-то единому их предку, Егору[103].

Хозяйство Евсея было поставлено справно — изба, двор, завозня (где хранятся сани, телеги, таратайки, бороны, хомуты, сбруя и прочее), крытая желобняком и огороженная с трех сторон забором в столбах (в пазах столбов) — заплотником. Лошадей Евсея я не помню почему-то, какие, какой масти? Было у них с женой Ариной двое детей. Сын, Григорий Евсеевич, с ранних лет ушел на работу в контору интегрального товарищества счетоводом, позже стал работать с повышением по должности, в качестве бухгалтера, в Петропавловском сельпо, еще позже уехал в Киренск, там работал уже главным бухгалтером торгующей организации. Человек уравновешенный, умный.

Отец его, Евсей, тоже не ругался матерно, его поговорка была в душевном неравновесии «Мару мать». Жену его,

---

[101] Конфорный — фарфоровый или, точнее, фаянсовый.

[102] Евсей Парфёнович был троюродным братом Л.Н. и И.Н. Лыхиных.

[103] Предком этой линии рода, от которого пошла уличная фамилия «Егоровух», был Егор Петров Лыхин, родившийся 23 апреля 1797 г. (ГАИО, ф. 50, оп. 3, д. 223, л. 545) и умерший 9 августа 1841 г. (ГАИО, ф. 50, оп. 3, д. 593, л. 32 об.).

Арину, как-то мало помню, в основном понаслышке. Часто она теряла сознание, ее посчитают умершей, положат на стол, а она по прошествии некоторого времени отходит, встает. Было в народе мнение, что она «прикидывается». Как бы то ни было, вскоре она окончательно отошла на тот свет. Старик Евсей Парфёнович был горяч, видно, подводили нервы, а потому был забывчив. Курил всегда трубку. Сунет ее в левый угол рта, шапку нахлобучит на правое ухо и бегает по избе, ищет: «Арина, где моя трубка?»

На могиле Евсея Парфёновича Лыхина. Кладбище деревни Лыхиной, 2000 г.

Евсей Парфёнович всегда был возбужденным, его громкий голос по всему его хозяйству был слышен (и дома, и во дворе). Осенью при забое свиней на мясо вырвалась недорезанная свинья из рук своего мучителя и стала бегать по закрытой ограде. За нею с проклятьями Евсей, кричит: «Мару мать, Арина, тащи стяг» (стяг — это увесистый березовый коротыш сантиметров пять-шесть толщиной до двух примерно метров длиной, потребный при работе с тяжелыми бревнами и прочими тяжестями в роли рычага). С таким стягом настиг свинью, ударил по заду, животное осело, тут и прирезал он ее.

Вскоре и он за женою Ариной ушел из жизни. Была у них еще дочь Христина, которая вышла замуж в деревню Беренгилову за Михаила Исецкого. Дочь ее, тоже Христина, живет в Петропавловске.

Во время коллективизации Григорий Евсеевич так и продолжал работать в Петропавловском сельпо в качестве бухгалтера, там он первый из селян купил двухколесный ве-

лосипед и долго укрощал его, натыкаясь на заборы, дома, бревна, штабелями устилавшие стороны улиц. И улица была широкой, и встречного транспорта или пешеходов на улице не было, нет, велосипед закуражится, «закусит удила» и несет его непременно или в грязь, или на стороне лежащие бревна. Но Григорий Евсеевич был упрям и все-таки укротил эту двуногую скотину. Освоил езду на нем и ездил на работу ежедневно в Петропавловск, примерно четыре километра.

Жена его Зоя Александровна, пышнотелая женщина, числилась колхозницей. Детей у них было четыре человека: одна девочка и трое парней. Дочь окончила Киренское педагогическое училище и где-то в одной из деревень работала учителем. Сын, Иннокентий, за годы Отечественной войны вырос в военном чине до полковника. За ним был сын Валерий, слаборазвитый умственно, утонул в озере. Самый младший, Геннадий, стал работать в пароходстве.

Зоя Александровна, создав четырех детей, умерла от самоаборта. Крестьянская жизнь многодетной женщины была до предела насыщена домашними заботами, да еще работа в поле на уборке колхозного урожая. Как и все крутилась, нер-вничала Зоя. В это время у них квартировала учительница, тоже Зоя, с пятилетней своей дочерью, привыкшей получать от матери все, что захочет. Крутится хозяйка дома Зоя утром по дому: и у печи, и со скотиной (подоить, накормить, отводить на выгон, в телятник, накормить кур), и детей одеть, накормить, а тут еще сторонний ребенок досаждает: «Тетя, я есть хочу, тетя, я есть хочу». Не вытерпела Зоя, схватила солидную деревенскую булку хлеба, крынку сметаны поставила перед ребенком учительницы на стол и прикрикнула: «На ешь, ёп твою мать, все съешь!» Пришла учительница домой, а ее ребенок сидит за столом, ест и плачет. Спрашивает ее мать: «Ты что плачешь?», отвечает: «Да, тетя велела всё съесть, а у меня уже брюшко болит». В это время хозяйка Зоя уже была в поле, на колхозной работе.

Вот так кончилась жизнь и в четвертом доме с верхнего края деревни. Григорий Евсеевич уехал в Киренск, там снова поженился, тоже на Зое, и жил с нею до конца ее жизни. После Григорий Евсеевич (долгожитель) переехал куда-то в один из городов запада нашей страны, там вроде пока и живет, наверное, в семье сына Иннокентия, так я думаю. Был он тихим, всегда спокойным, тактичным человеком.

Следующий дом по веретью, по улице сверху вниз — пятистенный дом Ксенофонта Ивановича, отца всем известного (в свое время) капитана парохода, Ивана Ксенофонтовича Лыхина, ударника коммунистического труда. Был Ксенофонт Иванович

горяч по натуре, но справедлив душою. Правда, были у него, на мой взгляд, непростительные выходки. Жил он в достатке по-деревенски, то есть сытно, одет, обут — что еще надо? Жена, тихая, послушная женщина, рожала каждый год, но дети во младенчестве умирали. Выжили лишь старшая дочь Шура, сын Иван и моя сверстница (1919 года рождения) младшая дочь Фёкла, с которою мы вместе учились в Алымовской семиклассной школе. Отвозили нас туда, за 40 километров, по очереди: то мой отец, то Ксенофонт Иванович. Почему-то вспоминаю эти поездки только в зимнюю пору, нас в розвальнях, одетых в шубы, укрытых одеялами, сеном. Обогреваться заезжали к знакомым наших родителей то в деревне Чугуевой, то в деревне Горбовой. И еще помню, как бежали мы с нею и другими школьниками, одиннадцатилетние, весною, в начале мая после учебы по ноздреватому, изъеденному весенними дождями и солнцем льду, поднявшемуся в середине русла реки горбом, с открытыми ото льда заберегами с проточной водой. В деревне Вишняковой сошли со льда вброд на берег и сели отдохнуть, обогреться на солнышке, подсушить портки, и в это время началась подвижка льда, начался весенний ледоход. Испытание.

Шура уехала в Якутск к дяде по матери, позже туда же уехала Феклуша. Иван Ксенофонтович с ранних юношеских пор ушел в пароходство матросом, дослужился до капитана. Работал в управлении пароходства в Киренске. Человек сметливый, отчаянно рискованный — там, где другие капитаны боялись из предосторожности вести караваны барж, он, взвесив «за» и «против», безболезненно проводил свои караваны, сокращая время на доставку грузов по назначению, чем прославил себя как лучшего капитана по всей реке Лене.

Брат рассказывал, что в детстве Иван Ксенофонтович рос озорным парнишкой. На обиды отвечал по достоинству. На такие моменты надевал отцовские сапоги с узким (острым) носком. Закусит нижнюю губу и старается пнуть противника носком сапога. Защита и нападение были на высоте, никто не желал с ним связываться в драке.

Позже жена Ксенофонта Ивановича умерла. Несладкая у нее была жизнь. Однажды она даже ушла от Ксенофонта Ивановича. А по тогдашним правилам (утвержденным законом и церковью) муж имел право вернуть жену со стыдом и позором назад, вымазав ей лицо сажей, а на шею надев конский хомут, так гнать ее через всю деревню назад домой. Этими-то правилами и воспользовался Ксенофонт Иванович, укрощая строптивость своей жены.

Его гостеприимный дом запомнился мне с детства. В нем

мы спасались с мамой от разлива весенних паводков во время подвижки льда по Лене и дружного весеннего снеготаяния в хребтах. Сытое, теплое, надежное убежище в самое страшное природное бедствие для людей, живущих на низких — доступных воде и льду местах поселений. Уносило вниз по реке дома, хозяйственные постройки, заборы, стога сена, соломы. В это время свиней, овец, кур, собак и прочих хозяева домов, построенных на низких местах, затаскивали на стайки, хлева дворов, окруженных вкопанными лиственничными столбами, рогатый скот и лошадей уводили на левый, высокий берег долины реки Лены. Иногда вместе с ними пережидали там наводнение и люди. Грозовое, страшное время, но приятно вспоминается свободой передвижения по опушке леса, кострами, охотой за бурундуками. Считайте, без этого неполные были бы воспоминания о детстве.

Оставшись в одиночестве, Ксенофонт Иванович обменялся избами с живущим напротив (через дорогу) многосемейным Семеном Степановичем Лыхиным. Женился вновь на ссыльной, по национальности молдаванке, с тем и ушли оба из жизни в период уже колхозной жизни. Это у него председатель колхоза (предварительно отправив в поле на колхозную работу хозяина и хозяйку) бражничал вместе с бригадиром и приезжими райкомовскими эмиссарами — инструкторами.

Иван Ксенофонтович и Николай Иванович Лыхины. Киренск, 1976 г.

Это ему после прихода вечером с колхозного поля рапортовал председатель колхоза, Александр Иннокентьевич Тетерин: «А мы у тебя тут бражку обнаружили». Вот такова истина рабской жизни колхозного крестьянина в то прошлое время. Полная обезличка достоинства человека, его прав на собственность.

И Ксенофонт Иванович, и Семен Степанович, и Евгений Михайлович — все они назывались «Щёголевых». Почему у них была такая «родословная», пояснить не могу. Возможно, это была местная кличка их давнего родственника — предка. Упомянутый Семен Степанович был в трезвом состоянии тихим, безобидным человеком. Всё про себя посмеивался. Его многодетная пышная, крепкая костью, широкобедрая жена, Екатерина Леонтьевна, успешно народила мужу шесть детей и уже в зрелом возрасте все еще не потеряла своей женской привлекательности, соблазняла неженатых парней-перерост-ков. Такою лакомой связью, по слухам, она пообщалась с младшим из двух Иванов, Иваном Иннокентьевичем Тетериным. В ответ на это Семен Степанович, подвыпив, взял ружье и пошел в семью обидчика его достоинства. Тихо приоткрыл двери и, выставив ружье, стал целиться в четырех братьев и отца, Иннокентия Семеновича, переводя ствол с одного на другого. Каким-то образом им удалось вырвать ружье из рук незадачливого Семена Степановича и, надавав ему тумаков, выпроводить на улицу. С тем и ушел Семен, дважды обиженный судьбою. И поделом: с сильным не борись, с богатым не судись.

Пришел как-то в деревню Лыхину беренгиловский мужик Поликарп Колесников, погостил у сестры, живущей на нижнем конце деревни, и, вертаясь к себе домой, заглянул ненароком на веселые голоса, раздающиеся из избы Ксенофонта Ивановича Лыхина, родственника Семена Степановича. Там же бражничал их сосед по строению, Евсей Парфёнович Лыхин. Непрошеный гость Поликарп раскуражился и, будучи помоложе, чувствуя в себе силу, пустился в пререкания, а потом и в драку с подгулявшими соседями. И как ни был силен Поликарп, вынудили его старики-мужики капитулировать из избы, а потом и из деревни Лыхиной, в свою рядом стоящую деревню Беренгилову. Позже Евсей Парфёнович хвалился: «Я ему, мару мать, как поддал под девятое ребро», а Семен Степанович, схватив с приплечья русской печи гусиное крыло (им подметают цело и устье печи русской от пепла), бегал с ним вокруг дерущихся с криком: «Ша! Ша! Запорю!» Позже было что вспомнить, похвалиться, вволю посмеяться.

В колхозный двор привел Ксенофонт Иванович свою одинокую серую кобылку, Семен Степанович тоже кобылу темно-

карей масти — пугливую, видно, дурного нрава. Были как-то раз лыхинские мужики в Петропавловске: Семен Степанович верхом на своей кобыле, Михаил Васильевич Лыхин (отец Дмитрия Михайловича Лыхина), а с ними Прокопий Михайлович Хохлушин. Лошади у него не было, так он припросился сесть на лошадь Михаила Васильевича по кличке Потеряев (верхом вдвоем на одной лошади). Заспорили, кто кого обгонит? И Потеряев с двумя седоками обогнал кобылицу Дуру Семена Степановича. А тут и причина снова выпить за счет проигравшего. Надо заметить, выпивка среди мужиков не была частой. Так, по случаю или по какой-либо другой уважительной причине. Некогда было распивать, у каждого свои хозяйственные заботы.

Жила деревня делом, весельем, песнями и плясками под гармонь. Всего было вдоволь по желанию и вволю. Теперь от былого удовольствия осталась лишь одна водка. Подвыпив, Семен Степанович вечером отправлялся на молодежную вечёрку и там, присев в уголок, наблюдал за веселившейся молодежью и под такт игравшей гармони и перестук девичьих каблуков по полу неизменно подпевал:

Эх, сыпь, не подгадь,
Чтобы юбку не порвать,
Если юбочку порвешь,
На вечёрку не пойдешь.

Эх, сыпь, не подгадь...

Время, болезни, нелегкая жизнь всех заставили присягнуть владычице темноты — смерти. Ушла из жизни привлекательная для мужских глаз Екатерина Леонтьевна, тихо скончался и Семен Степанович[104], уже в селе Петропавловск.

Разбрелись дети Семена Степановича по производствам районов, области и страны. Девчата повыходили замуж, из всех только одна Анна Семеновна задержалась в селе Петропавловск, выйдя замуж за колхозника, позже бригадира, собутыльника председателя колхоза Александра Иннокентьевича Тетерина — Иннокентия Григорьевича Верещагина, позже застреленного колхозником за рукоприкладство.

Дошли до третьего представителя «Щёголевух», главного «героя» послереволюционных перемен в деревне (раскулачивания), первого колхозного председателя и первой сволочи на

[104] Семен Степанович Лыхин умер 5 августа 1966 г. Похоронен на Петропавловском кладбище.

деревне. Это он, будучи председателем колхоза, выгнав людей на работу в поле, опоражнивал колхозные огороды от урожаев огурцов, помидоров, мешками таскал домой для своей семьи, говоря: «А, теперь все наше». Это он (сводя свои личные счеты), приписывая односельчанам эксплуатацию, выгребал хлеб из закромов хозяина, а самого хозяина подводил под раскулачивание. Это он был первым обвинителем деревенских жителей (вкупе с другими, ему подобными) в антисоветчине в 1938 году. Больной туберкулезом, жадный, завистливый до чужого добра, волею попустителей калечил жизнь односельчан. Было у него пять детей: четыре девушки и один парень. Девчата разбрелись по свету, две из них вели достойную жизнь тружениц, две других по совместительству пустились в распутство. Сын был убит во время Отечественной войны. Жена тихо ушла из жизни, сам подох от болезни. Удивительно, что еще порядочно времени скрипел на этом свете, проклинаемый односельчанами.

В хозяйстве его были завидной породистости кобылица, подаренная ему зажиточной замужней сестрой, и высокоудойная корова. Все было, все ушло вместе с хозяевами. Утрата одних людей вспоминается с горестью, а других — с проклятьями, недобрыми пожеланиями ему на этом и том свете. Честь и порядочность превыше всего в любое время.

Следующим домом (сверху на низ) по веретью был дом Егора Семеновича Тетерина — родного брата Якову и Иннокентию Семеновичам Тетериным. Жил он вроде не хуже других, в достатке. Помню, у них была одноглазая гнедая кобылка, купленная у цыган, слабосильная, помучился Егор с ней. Во время коллективизации в 1930 году продал он свое хозяйство (дом, постройки, скот), пошел в сельскую торговлю в деревне Березовской, в десяти километрах от деревни Лыхиной (на родине своей жены). Торговал недолго, вероятно, мал был заработок — уехал в город Бодайбо, стал работать в коммунальном хозяйстве города возчиком, по крестьянской привычке работы на лошади. Во время летнего отпуска на сенокосных лугах на реке Витим заготовил сено, сделал плот, приплавил на нем сено до Бодайбо, переживал, как бы не украли сено, не спал, караулил, днем на лошади перевез сено в свой двор, сходил в баню, лег и умер. Так выкладываются в работе коренные мужики Сибири.

Было у него трое детей: две дочери и сын. Старшая, Вера, была одногодка мне. Помню, как мы играли у них в ограде, прыгая с края двора на солому, сметанную в прилежащем ко двору огороде. Сын, Костя, был на год меня моложе, мы не дружили с ним, хоть и заходили поиграть иногда один

к другому. Был парнишка завистлив и жаден, таким остался до старости. В Бодайбо мой дом был рядом с его. Правдой, неправдой присваивал он мои вещи без всякой совести, отговариваясь: «Да я Алешке (мальчику двух-трех лет) велел отнести тебе — отдать». Бог с ним.

Вера, старшая сестра, неудачно выйдя замуж, жила с дочерью в Бодайбо (у нее-то я и купил дом в 1963 году), затем уехала в Иркутск в свою кооперативную квартиру. Жива, кажется, и сейчас. Любит выпить. Младшая сестра живет в Молдавии, в Кишинёве.

Купил дом Егора Семеновича Прокопий Михайлович Хохлушин. Его постоянная поговорка была «право, право...»: «Право, та собака не берет (старый след лося в снегу в тайге), другая не берет, мой Эльзанка понюхал — убежал к едрене матери», то есть принял правильное решение — куда ушел лось, вскоре залаял, к нему присоединились другие собаки, не дали удалиться лосю, прибежали охотники, забили зверя.

Ранее, до колхоза, жил Прокопий в своей постройке в третьем ряду деревни в сторону северо-запада (со стороны речки Мостовки), в противоположной стороне от русла реки Лены. Имел единственный в деревне вроде двухэтажного дом, правда, второй этаж был неполноценной высоты против первого и скорее был вроде показательного (зажиточности хозяина), чем удобного для жизни. И дом был еще добрый, правда, двор для домашнего скота стоял напротив дома в низине и потому часто подтапливался дождевою водою или водой растаявшего и стекшего во двор снега. Возможно, это и заставило Прокопия купить недорого дом на веретье в середине деревни у отъехавшего из деревни Егора Семеновича Тетерина.

Курил Прокопий всегда трубку, с нею и заснул летом на сеновале своего двора. Загорелось сено, потом двор, рядом стоявший амбар Домненских (хозяин — Егор Иванович Черных), пришел народ на помощь, дом отстояли от огня, двор и амбар сгорели. Жил у них на квартире до конца дней своих горбатый, чужой деревне человек, имевший, видно, немалые деньги. Звали его Афоней Грошевым (Горбач). В то время сахар и доброкачественные сушки были в деревне редким лакомством, а он всегда сидел около кипящего самовара с блюдечком в руках (в котором в то время было принято пить чай; оно и впрямь удобно, чай в блюдце быстрее остывал), пил вприкуску с кулачком сахара, или с сушками, или с печеньем. Возможно, он и снабдил Прокопия Хохлушина деньгами на покупку дома. Чувствовал себя Афоня не как зависимый квартирант, а вроде как нужный семье Прокопия человек.

Прокопий был некрупного роста, горячий — хара́ктерный мужик. Держал крупную гнедую кобылицу, которая перед коллективизацией принесла ему рослого жеребенка, назвали его Васькой, и сколько было радости и надежды в семье Прокопия на держание второй лошади в хозяйстве, но пришла коллективизация — и увели в общий колхозный двор у Прокопия его гнедуху и желанного, так лелеемого семьей жеребца Ваську, которого для племени мужики забраковали, выложили и дали ему кличку за его высокий рост Наводчик. Вскоре по Киренскому району на лошадей пришла болезнь менингит, вроде так ее называли, и вымерли все ранее мною упомянутые обобществленные мишки, налеты, чалки, ваньки, стальные, дуры, чайки и прочие колхозные лошади. Уцелели чудом единицы, в том числе племенной жеребец игреней масти, крупный, по кличке тоже Васька. Обычно он содержался в отдельной стайке на другом конце колхозного двора и вечно бушевал, раскачивая забор, сложенный тонкомерным круглым лесом, заложенным в глубокие продольные пазы лиственничных толстых столбов, врытых в землю на полтора метра глубиной. Увидит, что из ворот колхозного конного двора ведут кобылицу — и ну бушевать, раскачивать могучей грудью упомянутый забор. После выпада лошадей запрягли в сельскохозяйственные машины и жеребца Ваську. Сперва он старался порвать запряженного с ним в пару коня зубами или лягнуть, но тяжкий повседневный труд укоротил его пыл, и стал он, как все прочие колхозные лошади, спокойного, унылого нрава. Помню, в хлебоуборочную пору был он запряжен в пару с другой лошадью в жатку. Стоит, повесил голову, в это время колхозник подъехал к жатке на кобылице... Приподнял чуть голову жеребец Васька, чуть шевельнул хвостом сперва в одну сторону, потом в другую и снова склонил голову к земле. Не до тебя, мол. Вот так и вольного мужика запрягли в колхозное ярмо, да так его и затаскали.

Прокопий Михайлович Хохлушин[105] был горяч натурой, и о нем можно кое-что лестное написать. Он повесился в свинарнике в 1940-х годах, когда инструкторы райкома партии насильно, под молчаливое «согласие» колхозников забрали последний хлеб у мужиков в деревне Лыхиной. Оставили по 200 граммов на трудодень, иждивенцы не в счет, на них ничего не давали, а у него была семья пять человек, работал он один, сторожем на свинарнике, и получал по 75 «соток». После того как колхозники из боязни не поддержали его на собрании, не выдержал горя-

[105] См. с. 261 и примеч. 92.

чий Прокопий Михайлович насилия и безропотности сельчан, пошел в свинарник и там задавился. Разговор шел о добровольной сдаче хлеба государству в том же объеме, что ранее сдали государству госпоставку. Наглый грабеж! Помнили люди 38-й год, боялись слово сказать в защиту себя. Вот и молчали. Инструктор заключил: раз молчат, значит, согласны отдать добровольно хлеб государству. Подписали протокол секретарь собрания, председатель и он, инструктор райкома партии.

Была в довоенную пору у Прокопия Хохлушина семья из шести человек: из двух дочерей, Варвары и Елизаветы, и двух парней, Ксенофонта и Ивана. Жена Настасья Григорьевна — щупленькая, простая незадачливая крестьянка невысокого роста, хлопотунья, ласковая для всех, успевала и по хозяйству, и с детьми, и угодить мужу. Запомнилось ее своеобразное коверкание старых и новых (в то время) слов. Например, сметана по ее выходила «метанка», телеграмма — по ее «килиграма», коммуна — «кануна». Дети все были невысокого роста, как и их родители. Трое из них унаследовали отцовскую приземистую фигуру, лишь один фигурой был похож на материнскую родню. Звали его Ксенофонт (или просто Фонка), хорошо скроенный, невысок ростом, но ловкий в борьбе, в товарищеских играх. Бывало, при игре в лапту встретят его на середине между двумя парусалами игроки противной команды, хотят ушить его мячом, а он из-под удара увернется или упадет пластом на землю. А в борьбе со своим зятем (детиной в два метра ростом) или перебросит его через себя, или обманет движением, в результате снова оказывается наверху. Был он удачливым охотником и на перелетную дичь. Бывало, сойдется со всей деревни человек десять, придут к болоту и ждут в одном месте, когда к ним спустится возле скрадка утка, а он забирается (одним ему известным путем) на середину болота, станет под ветки дерева и лупит пролетную над ним птицу влет. В результате идет с добычей мимо притихшей неудачливой кучи охотников героем дня. Сопутствовала ему удача и в рыбной ловле или крючками с насадкой на них рыбки (живца), или лучом с острогою. В общем, человек был на все руки, ловкий, озорной, сметливый. В годы войны был слух, что он сбежал из госпиталя босой в мороз. Его поймали — и все, суд короткий — «дезертир».

Старшая сестра, Варвара, уехала в Бодайбо, там вышла замуж, завела семью в три человека детей, приехала в Лыхину с мужем, с которым вошли в колхоз рядовыми колхозниками, прожили до 1961 года, вышли из колхоза, уехали в Якутск, и там умер сперва муж, Геннадий Иннокентьевич, чуть

позже — сама Варвара. Ее сестра, Елизавета Прокопьевна, тоже выезжала из деревни, тоже нажила трех детей, муж ее бросил, и она вернулась в деревню, где и выросли ее дети. По ликвидации деревни Лыхиной перебралась на жительство в село Петропавловск. Как-нибудь прожила свою вдовью жизнь, немного пережила дни кончины сестры Варвары и тоже ушла из жизни[106].

Младший, Иван Прокопьевич, вернулся живым с фронта Великой Отечественной войны, вырастил свою многочисленную семью совместно с неизменно любимой женой Катей. До войны она жила в деревне Сукнёвой, это в восьми километрах от Лыхиной. Он отрабатывал свой трудовой колхозной жизни день, бежал к ней на свидание в Сукнёву, а к утречку снова вертался в Лыхину и выходил на колхозную работу вместе с другими колхозниками. Любовь — не тетка. Дети выросли, переженились, повыходили замуж, а Иван со своим горячим отцовским характером до конца трудился в колхозе, бегал, выпивал, ругался. Умер от тромбофлебита, дотянул до гангрены ног — в деревне это просто ведь, медобслуживание на самом низком уровне, да и не привык мужик по мелочам обращаться к сельской медицине, которая, всем известно, зачастую была не на высоте своей профессиональной значимости. Так уходили люди деревни раньше, так, пожалуй, и до сих пор, и где тут и с кого спрашивать, когда и в городе не часто встретишь профессиональное медобслуживание на высоком уровне. Дай бог, хоть как-нибудь помогут. Отсталая, грубая, «немытая Россия». «Всё с топора». Вот и закатилась слава, память о личности, его удали, чаянии, надеждах. На всем поставлен советский крест. «Умер Максим и хрен с ним». «Слава самоотверженному труду» раба живого, а умер — и никакой ему памяти.

Сводные братья Прокопия, Осип и Трофим Березовские, — мужчины крупные, широкоплечие, спокойного, уравновешенного нрава, жили в 1920–1930-х годах в третьем порядке деревни Лыхиной, один слева от избы Прокопия, другой справа. Избы их стояли тоже на веретье, так что разливы весенней воды их не тревожили. Осип Федорович и его пухлотелая жена Анна Васильевна имели шесть детей: четыре парня и две девушки. Уже будучи в колхозе, старший сын, Виктор, поженился на девушке с Алексеевского затона, вошел в ее семью и стал работать в торговой сети, вырос до директора продснаба, а там его жизнь и память о нем в нашей деревне заглохла.

[106] Елизавета Прокопьевна Хохлушина умерла 4 марта 1989 г. Похоронена на Петропавловском кладбище.

Иван Прокопьевич и Екатерина Федоровна Хохлушины

Александр, полнотелый детина (строением тела в мать), большим умом не отличался, в годы молодости грубо, неумело старался завладеть вниманием девушек, грозился побить их ухажеров, но они все же предпочитали дружить с другими, а не с ним. Когда купался в Лене вместе с другими взрослыми ребятами, то, глядя на его почти полностью ушедшее тело в воду и ленивые взмахи рук над водой, я всегда недоумевал, почему он при своей одутловатости так оседает в воду, казалось, вода должна его выталкивать наверх. Другие парни плыли легко и весело, и тела их почти полностью держались над водой. (К сожалению, сам я тоже не был отборным пловцом — ни быстроты подвижки, ни свободного держания тела над водой. Мое самолюбие страдало от этого, глядя на других. Ко всему нужен навык.) По слухам, во время службы в Читинском гарнизоне, во время Великой Отечественной войны повстречал Александр по пути девочку, отобрал у нее бутылку подсолнечного масла и тут же выпил ее. Умер вскоре от заворота кишок или от поноса. В годы войны тыл был на полуголодном пайке. Так и ушел из памяти людей Александр Березовский.

Старшая их сестра, Парасковья, уехала после войны в Одессу к младшему своему брату Василию (ходившему в то время матросом на китобазе «Слава»), тоже стала работать на одном из китобойцев «Славы», поваром, там вышла замуж, там и почила уже в свои пенсионные годы. Как человек была скромной, порядочной.

Ее сестра Фрося в 16 лет вышла замуж за Василия Ивановича Кобелева из деревни Захаровой — ласкового, пленительного паренька, но долго не прожила с ним в совместной жизни, пошла в пароходство поварихой, да так и прожила в одиночестве до старости. Выйдя на пенсию, уехала в Одессу к сестре, там и скончалась.

Пятым в семье был Георгий Осипович, бравый парень. Жил в деревне Лыхиной, работал бригадиром, сошелся в семейной жизни с учительницей Клавдией Лаврентьевной, наплодил кучу детей, и по выходе жены на пенсию они уехали в Одессу. Там устроились на жизнь в колхозе, где он продолжал бригадирствовать, жена продавала на рынке в Одессе сельскохозяйственные продукты своего и колхозного достояния, которые приносил (привозил) муж с работы по старому правилу: «Теперь все наше». Ничего зазорного, надо «уметь жить».

Младший, Василий Осипович, с войны 1941–1945 годов служил во флоте, демобилизовавшись, устроился матросом на китобойной флотилии «Слава», позже заочно закончил морской техникум по специальности судового механика и так до пенсионного возраста и работал на китобазе «Слава». Жена его (моя двоюродная сестра по матери), врач по специальности, с дочерью и сыном жила все эти годы вместе с ним в Одессе. Живы ли они теперь, неизвестно[107].

Родной брат Осипа, Трофим Федорович Березовский, ладно скроенный мужчина, спокойный, выдержанный, жил с правой стороны по веретью от своего сводного брата Прокопия. Имел одну лошадь в необходимом крестьянском хозяйстве, жил в достатке (сыт, одет) с женою Дорой — длинной (ростом на уровне великана-мужа), тощей, приветливой женщиной. Своих детей у них не было, и вот для забавы Дора зазывала нас, ребятишек, к себе, ставила на пол таз, полный воды, бросала на плоское дно его мелкие монеты ценою в одну, две, три копейки и ставила условие: «Ну, ребята, кто достанет со дна таза зубами монету, тому она и достанется». Мы ныряли в таз

[107] Василий Иосифович (Осипович) Березовский скончался 3 февраля 2002 г. Его жена, Анна Георгиевна (урожденная Кобелева, 1924 года рождения), по-прежнему живет в Одессе.

Георгий Иосифович (Осипович) и Клавдия Лаврентьевна Березовские

головой, но ухватить малую монету не так-то было просто, не хватало воздуха, и тогда в тот же таз за тою же монетой нырял очередной. Или заставляла нас бороться по-цыгански, ногами, опрокидывая один другого через голову.

По смерти родителей Неволиных по уговору с обществом взяли Трофим с Дорой осиротевших детей Неволиных к себе. Старшего звали Михаилом, хорошо играл на гармони, он поженился и ушел в пароходство. Сестра его, Мария, была озорной девицей в раннем возрасте, почему-то в школе и деревне Лыхиной ее называли Самопряхой. Тесно ей стало в деревне, уехала она в Бодайбо и там, по слухам, была зарезана.

Как-то три брата, Осип и Трофим, крепкие телосложением, высокие ростом, и их сводный брат Прокопий, подпив по случаю в избе Трофима, начали хвалиться своими моральными и физическими возможностями. Трофим стал рассказывать, как он один напугал целую шайку хулиганов, пытавшихся ограбить товар на карбазе, который он сопровождал. Он поднял гребь (это бревно, отесанное с одного конца на две стороны, наподобие лопаты, для греби и правления карбазом, эта гребь — до десяти метров), встал на карбазе во весь свой богатырский рост, поднял над головой гребь и

громовым голосом пугнул банду: «Я вас, так вашу мать...», и хулиганье спасовало.

У сводного их брата этих возможностей не было, но он был горяч и храбр, не выдержав похвальбы своих сводных братьев-великанов, он развернулся и хлопнул кулаком по плешивой голове Трофима. Тот в гневе всплыл, как медведь на дыбы: «Ты што, Прошка, так твою мать?» Жена Трофима, Дора, стала унимать мужа, приговаривая: «Троня, Троня, да он же против тебя теленочек», на что Трофим возразил: «А я что для него, бык, что ли?» Прокопий же, испугавшись гнева брата-великана, заюлил перед ним со словами: «Право, братка, а ты меня лонись[108] тоже ладно ляпнул». На этом и успокоились.

Трофима по навету забрали в 1938 году. Евгений Лыхин, этот самый сволочной в деревне человек, в паре еще с каким-то гаденышем оговорил его в агитации против советской власти. Так было заведено: если двое выступят с обличением кого-то третьего, того без суда и следствия забирала милиция — и конец ему. Остались Осип и Прокопий на колхозной гулянке в честь поднятия в деревне колокола (звонницы) — будить по утрам колхозников, в обед оповещать работающих об обеденном перерыве, вечером — об окончании дневного труда на полевых работах. Для таких колхозных гулянок заранее варилась брага. Вот на такой гулянке Осип угощал колхозников бражкой, разнося в бутыли по рядам сидевших за столом людей, а Прокопий, уже захмелевший, все приговаривал: «Ты, брат, угощай, да меня не забывай», но, видно, не сладили они в уговоре на угощении, сцепились драться, и Прокопию бы досталось туго, завалил его могучий брат, но подоспели мужики, разняли их. Ходит Прокопий, жалуется мужикам: «Право, он меня всегда бьет...»

Забрали Трофима в 1938 году, за ним Осип ушел из жизни, а Прокопий, защищая колхозный хлеб, круто поговорил на собрании с уполномоченным райкома партии, пошел на дежурство в свинарник и там повесился. Вот таков удел был мужиков того времени.

Когда умерла Дора, я не уследил. Многие жители деревни ушли из жизни в мое отсутствие в деревне, я то уезжал учиться в Якутск, то там же работал, потом армия в годы войны и снова жительство и работа на Бодайбинских приисках до 1974 года. За это время деревня опустела: кто умер, кое-кто из оставшихся в живых переехал в село Петропав-

[108] Лони́сь — в прошлом году.

ловск. Сама деревня исчезла с лица земли. Не осталось, как говорят, ни кола ни двора, колодцы зарыты, земля распахана. Та же участь постигла деревню Беренгилову и другие.

По соседству с домом Трофима Федоровича стоял дом дедушки, нашего дальнего родственника, Василия Семеновича Лыхина. И если Трофим Федорович был человеком двухметрового роста и жена его, Дора, была высокой, тонкого сложения в талии, то Василий Семенович был невысокого роста, приземистый, плотного телосложения и жена его, Евдокия Михайловна, родная сестра Прокопия Михайловича Хохлушина, была низенькой, круглой, как бочонок, энергичной по природе женщиной.

Так вот, поругались один раз две соседки по хозяйству из-за забравшейся в соседский огород чужой курицы, встав одна на свое крыльцо, другая на свое. С малого до великого, коря друг друга мелочными случаями в их соседских отношениях, разгорячились, разошлись, стали укорять, унижать друг друга разными недостатками их быта, наконец, горячая Евдокия Михайловна говорит: «Что вы со своим Трофимом шлёп да шлёп, а вот мы с моим Василием щёлк да щёлк». Задрала смущенная Дора от такого навета подол своей длинной юбки, повернулась обнаженным задом (в ту пору женщины трусов или панталон не носили) к низенькой Евдокии и шлепнула себя по заднице со словами: «Вот тебе что». На это полнотелая коротышка Евдокия мигом подняла перед подола своей юбки и, выпятив свой тугой округлый живот, шлепнула себя ладонью по оголенной срамнице: «Вот — тебе». Наконец, из домов вышли их мужья, увели своих расходившихся супруг внутрь своих изб.

В сущности, обе были чистоплотные, добропорядочные, большие труженицы, хорошие семьянинки. И мужья их были хорошими хозяевами, порядочными семьянинами. Трофим держал одну лошадь, но всегда справную, упитанную, а Василий Семенович — две, тоже справных, резвых лошади, одну золотистой масти, другую сиреневого цвета. Справные лошади — гордость хозяина.

У Василия Семеновича детей своих было двое. Сын Иван, такой же плотный, невысокого роста, как и его отец, удалый (как и его сродный брат по матери Фонка — Ксенофонт Прокопьевич). У Ивана была крупная голова с кудрявой шевелюрой, головного убора он не носил ни летом, ни зимой. Горячая кровь была у Ивана, а удалью с ним не было равных в деревне. Обычно молодежь с деревни Беренгиловой со своим удалым, богатырского роста молодым

парнем Антоном (Антошкой) приходила вечерами в нашу деревню Лыхину, подвыпивши, и задирала наших парней на состязание в любительском кулачном бое. Против богатыря Антона обычно выступал наш невысокого роста, плотного телосложения Иван. От словесной перебранки начинали размахивать кулаками, попирали друг друга плечами, и, наконец, начинал Антон: «Убью, бога мать!» Подымет свой пудовый кулак, развернет плечо и с силой опускает кулак плечевым ударом в воображаемое лицо противника, но Иван моментально приседает под рукою Антона и, выпрямившись тугой пружиной, тычет кулаком в пошатнувшегося от собственных усилий Антона — в затылок или в скулу вдогонку его инерции. Антон теряет равновесие и падает. Конфуз перед своими соратниками еще больше ярит Антона, он снова пытается сбить Ивана своим пудовым кулаком — события повторяются. Тут в бой вмешивается молодежь обеих деревень, бойцов разводят. Иван — герой!

Был у Ивана хороший голос, выступал в хоровом кружке деревни, плясун, а вот девушку так и не выбрал себе в жены, уехал на север Якутии и уже там, в пожилом возрасте, сошелся в семейной жизни с себе подобной пожилой женщиной. Помирать вернулся на родину. Вот и вся его, человека горячей натуры, жизнь на этом закончилась.

Его родная сестра, Анисья Васильевна, вышла замуж в зажиточную семью деревни за выдержанного, тихого парня Николая Андреевича Лыхина. В годы раскулачивания всю семью их выслали в Воронцовку, где раскулаченные и сосланные семьи «кулаков» организовались в колхоз и зажили обычной жизнью крестьян Советского Союза.

Старики, Василий Семенович и Евдокия Михайловна, жили в своем доме, пока были здоровье и сила, а потом уехали в Воронцовку к своей замужней дочери Анисье. Где и почили. Василий, не в пример своей горячей жене Авдотье, был спокойного умеренного нрава, не сквернословил, безропотно жил, работал на конном дворе конюхом. Здоровье сдавало, непереваривание пищи приводило к скоплению газов в кишечнике, и потехи ради ребятишек он, бывало, ляжет на нары конного двора, громко спустит газ и велит ребятишкам поджигать. В вечерней темноте газ горел фиолетовым пламенем над его холщовыми штанами.

В 1930 году, когда после роспуска коммуны образовались из крестьян по родственным признакам артели, люди воспрянули духом, надеждой, что все образуется и снова можно будет жить привычной крестьянской жизнью, вольно трудиться,

быть себе хозяином. Был слышен и смех, и шутки. В один из добрых солнечных дней наша артель стоговала сено на острове Зырянов. Василию Семеновичу поручили варить обед, все прочие пошли работать: женщины гребли траву ручными граблями, накладывали ее на волокуши или копнили, дети, могущие управлять лошадьми, возили сено в копнах или наложенное на волокуши к зародам, мужики метали подвезенное сено в зарод (в стог). Погода стояла ненадежная, надо было спешить с меткой сена, поэтому дорожили рабочим временем... Скорее, скорее убрать сухую траву в стога, не дать замочить ее возможным дождем. Время идет, зароды растут, дети без передышки подвозят сено на волокушах или в копнах к зародам, работа на загляденье, спорится, а Василий Семенович все колдует возле котла с варевом. Но вот мужики вспомнили — пора бы и пообедать. Кричат: «Ну, как там у тебя с обедом, Василий Семенович?», а тот односложно отвечает: «Кипит, кипит». Мужики миролюбиво поторапливают: «Ну, давай, давай». Прошел час-другой, опять кричат: «Ну, как, готов обед?», Василий Семенович отвечает все в том же духе: «Кипит, кипит». Опять работает народ, некогда разговаривать, сено идет и идет к зародам... Уже солнце перевалило на вторую половину дня, пора бы уж и паужнать, а они еще и не обедали... снова кричат от зародов: «Ну, как там у тебя с обедом, Василий Семенович?», тот по-прежнему отвечает: «Кипит, кипит». Не выдержали метальщики сена, главные на этой работе люди, заругались: «Какого черта ты, старый пень, за целый день супа сварить не можешь, растуды твою мать!» Дело сделано, сено в основном убрано в зароды, погода осталась сухой, солнечной, до вечера все управится, можно не тянуть больше с едой, захохотал повар со словами: «Ну, идите, ешьте». Поняли люди вынужденную шутку, обрадовались, тоже захохотали и пошли гурьбой к поварне. Настроение у всех поднялось, а наваристый суп мигом утихомирил изголодавшиеся желудки. И, главное, дело сделано, до вечера зароды завершатся, сено на них укрепится вешала́ми и приставленными к их лбам жердями от сильных порывов ветра. Скот не останется зимою без корма.

В то-то время и были в деревне и песни, и разудалые пляски, гудела деревня, жила... Смотрю картину по телевидению о временах раскулачивания, ссылки, притеснений, плачу вместе с героями фильма. Не жадничай, не завидуй, не теряй своего человеческого достоинства. Пойми самого себя, пойми добрые начинания других. Без добросовестного труда ты не нужен ни самому себе, ни государству, ни простому

человеку. Если знаешь истину, вразуми другого. Повторяю, в деревне проходимцы, злоумышленники, воры, грабители (до времен революции) не держались. Правила жизни для всех были одинаковы: трудись, живи, радуйся жизни, не открывай рот на чужое.

Сам Василий Семенович был плотно скроен, невысокого роста, тихого, спокойного нрава человек. Жил семьей в четыре человека обеспеченно по крестьянским понятиям. Держал в холе двух боевых лошадей, рогатый молочный скот, овец, свиней, как водится у всех жителей деревни, собаку, хотя охотиться на пушного зверя не ходил. Мясо же диких животных (оленей, лосей) было привлекательно своим вкусом, ароматом, легким усвоением пищеварительным аппаратом человека. Оно употреблялось вместе со свиным мясом, салом в котлетах, пельменях. Вкус очень приятный, вот домоседы-мужики и жаждали мясо лесных копытных животных. Предложил один промысловик, Иннокентий Семенович, домоседу Василию Семеновичу помочь вывезти из леса убитого им лося на охотничьих нартах (длинные сани 2–2,5 метра длиною и 0,4–0,5 метра шириной так, чтобы их полозья могли скользить по проделанной охотничьей лыжне или охотничьей тропе, проделанной ногами охотника в снегу). Договорились, что за помощь охотник уплатит Василию Семеновичу мясом.

Шли (везли нарты с мясом) они весь короткий осенний день, естественно, устали. На верхотине приленского хребта, уже на грани спуска с хребта к реке Лене по горному распадку ручья Тангаласов сели отдохнуть. Умаявшийся с непривычки Василий Семенович спрашивает охотника: «Иннокентий, еще далеко?» А тот отвечает: «У-у-у, па-а (па-а — укороченное произношение слова «паря»), еще столько же». Приуныл Василий Семенович, бросил в сердцах: «А ну его к такой-то матери вместе с мясом, больше не пойду!» Засмеялся Иннокентий — шутка удалась. До деревни осталось рукой подать, один-полтора километра.

За домом Василия Семеновича, этого спокойного, уверенного в себе великого труженика, жил Михаил Васильевич Лыхин с женой Федосьей Лавровной. У них было трое детей: Дмитрий (впоследствии спился, стал называть себя: «Я — Маленков», да так его до сих пор и кличут), дочь Люба и дочь Нина. Это у него была добрая лошадь по кличке Потеряев (пугливая) и вторая, чалая лошаденка, бойкая, небольшой силы. Во время коллективизации колхоз всё принял и всё отрыгнул (во время заболевания лошадей менингитом — общая

Охотники из деревни Лыхиной на реке Лене. Слева направо: Павел Егорович Черных, Петр Иванович Лыхин, Иван Егорович Лыхин. 1953 г.

привязь, сбруя — заражались одна от другой). В годы войны Михаил Васильевич служил под Читой, до фронта недотянул, умер от дизентерии. Дочери уехали в Якутск, повыходили замуж. Мать, Федосья Лавровна, с сыном Дмитрием переехали в Петропавловск. Мать там и почила. Дмитрия земля носит до сих дней[109]. К чести его, он все-таки перевез добротный дом Ивана Перфильевича Тетерина, без сожаления оставившего в 1930-х годах свою постройку колхозу, лишь бы убраться подобру-поздорову из деревни от коллективизации.

Иван Перфильевич Тетерин в молодости в лесу по оплошности разрубил коленную чашечку своей левой ноги, рана заросла, но нога в колене больше не сгибалась. Так и получил прозвище — Иван Хромой. Подвыпивши, часто бахвалился: «Я коммунист с 1917 года. У нас был лозунг: „Бей жидов, спасай Россию!“». В Якутске он купил домишко, лошадь, занимался частным снабжением горожан дровами, водой, зимою — льдом с русла реки Лены (для воды). Водились деньги, и от избытка их делал себе передышку в труде. Месяцами пил,

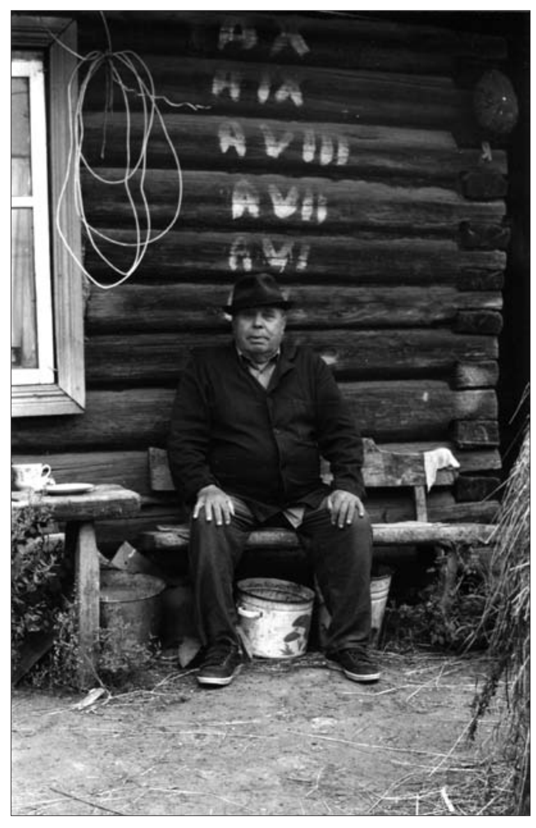
[109] Дмитрий Михайлович Лыхин умер 28 декабря 2003 г. Похоронен на Петропавловском кладбище.

доводил себя до безобразного состояния, до белой горячки, постоянно чувствовал присутствие в избе дразнящих его чертей. Брал полотенце и ковылял по избе, стараясь поймать чертенка со словами: «Я сейчас тебя свяжу». Отпаивала его и приводила в порядок жена Таисья Николаевна, наливая ему на похмелье воду с малой толикой спирта. Приходил в себя, оживал Иван и снова начинал трудиться. И так повторялось до конца жизни. Избушку свою (полуземлянку) достроил прирубом, постоянно держал квартирантов числом четыре-пять человек. Это было его подспорье в заработке, а впоследствии стало основным доходом на жизнь.

Приемный сын Ксенофонт перед Отечественной войной 1941–1945 годов ушел из дома, да так и канул в неизвестности. Дочь Екатерина по любви сошлась с добрым беренгиловским парнем Иосифом (Осипом, братом упомянутого дебошира-драчуна Антона, который часто заявлялся в Лыхину, вызывал Осипа на улице на драку, разойдясь по улице метров на 20–30, кидали с ругательствами друг в друга березовыми стягами). Впоследствии они уехали из Якутска на один из притоков реки Алдан, там обжились, создав добрую, любящую семью, какое-то число детей. Впоследствии Таисья Николаевна оставила (продала) свою постройку и перешла на совместную жизнь к своей одинокой племяннице по сестре,

Федосья Лавровна Лыхина. Деревня Лыхина, около 1960 г.

Дмитрий Михайлович Лыхин. Село Петропавловск, 2000 г.

Анисье, там и окончилась ее жизнь.

Рядом с постройкой Ивана Перфильевича по третьему ряду деревни Лыхиной стояла постройка Степана Гавриловича Казака (такова его фамилия). Отца его убили во время службы в Петропавловском интегральном товариществе. Ворам помешал живой свидетель в грабеже. А старик был своеобразен — сидел на коне прямо, шапку казацкую неизменно носил залихватски, склонив ее набок. Степан имел справное хозяйство: добрый пятистенный дом, добрую надворную постройку. Детей было четверо: два сына и две дочери. Старший сын, Дмитрий, уехал в Якутию, поженился на якутке, завел детей. Старшая за ним дочь, Нюта, была обстоятельной, красивой, скромницей — для всей молодежи желанной обольстительницей, для одних как невеста, для других как желанная подруга. Когда семья Казака уезжала из деревни, вернее, спарившись с соседом, Иваном Перфильевичем, построив плот, забрав живность — свиней, коров, кур и багаж, сплыла вниз по реке Лене до Якутска, с ними уплыли и младшие дети Степана, Михаил и Лида. Конфеты в деревне были редким угощением для детей, и когда Михаил просил мать дать ему их, она отсылала его на улицу, говоря: «Проси у боженьки». Пока он выходил и, став на колени, протягивал руки к небу: «Боже, дай ныки (конфеты-подушечки)», мать доставала из тайника конфетку и дава-

ла вернувшемуся в дом сыну, так что он терял веру в бога. Лида, младшая дочь Степана, уродилась лицом и фигурой в отца: кривоногая, неуклюжая, но тоже порывистая, неунывающая. На охоте в лесу, греясь возле костра одним боком, а другим подмерзая от стужи, смешил Степан своих спарщиков по охоте, ночлегу на снегу, вспоминая свою мягкотелую, привлекательную, добросердечную жену, говоря: «Твою мать, крутимся здесь как паршивые собаки, а дома баба под одеялом п-ш-ш, п-ш-ш».

Ушли из жизни и Степан, и жена не в большой бедности и не в великом достатке, как и большинство людей рабочей прослойки в Советском Союзе. А в деревне до коллективизации он числился справным хозяином, был в почете у общества. Дом его и двор с постройками отвели для содержания колхозных лошадей, дежуривших конюхов, колхозной разнарядки, заодно и собраний. Там же нашли себе уют и бездомные ссыльные. Молодой парень Габидулин, которого пожалели сердобольные женщины деревни, вылечив от изнурявшего его сильного поноса, а позже и подкормив парня кто чем смог, но он долго не зажился и ушел из деревни в неизвестность, как и ранее неизвестно как появился в ней. Дольше зажился пожилой ссыльный Рудаков, очень неприятный, прилипчивый со своими ухмылками, всегда открытым ртом и крупными желтыми лошадиными зубами. Видно, ему некуда было возвращаться, он так и остался в деревне, работая конюхом, тут и ночуя как на постоянной квартире. Когда выпьет, откроет рот, вытянет к вам шею, лицо, выставит свои лошадиные зубы и с поганой ухмылкой повторяет: «Милочка, милочка». За нудную свою привязку к людям нередко получал шлепаки по морде, позже он жаловался председателю колхоза: «Иван Лаврович, что они меня клюють и клюють, как мокрую курицу».

Однажды он не поладил, не угодил горячему на нрав старику Ксенофонту Ивановичу Лыхину, который, не надеясь выстоять в схватке с Рудаковым, ударил его по морде и быстренько постарался ретироваться с конного двора, но замешкался в проходной калитке (открывая ее). Тут его догнал Рудаков, ударил старика по затылку и, в свою очередь, постарался избежать сдачи от Ксенофонта. Но оправился старик, догнал Рудакова у прохода в другую калитку и тоже дал противнику тумака по затылку. Так они бегали, угощали тумаками в проходах двух калиток на удовольствие глазеющих людей, на радостное подстрекание дерущихся молодежью. Оно и впрямь смешно, глядя на дерущихся стариков не в

обоюдной яростной потасовке друг друга кулаками, а подобно бою выдохнувшихся в драке петухов, которых я наблюдал из окна конторы геологической партии на прииске Светлом Бодайбинского района. Крупный серый петух сражался за право владения своей куриной стаей и жилым пространством против одинакового с ним роста, но поджарого красного цвета соседского петуха. Вначале они бились на равных, но первым выдохся красного оперения петух. Ударив клювом и царапнув шпорами серого петуха, пустился он наутек в свои владения. Серый, оправившись от нападения, погнался за красным, в свою очередь, догнал того, ударил клювом и шпорами, побежал обратно в свой двор. Но оправился от удара и красный петух, догнал на границе их дворов серого, оседлал того шпорами по бокам и, ударив клювом, в радости побежал на свой двор, но и серый не остался в долгу... Так повторялось много раз. Работа отвлекла меня от петушиного боя, и только назавтра я узнал, что красный петух в «огорчении» от проигранного перед своими подружками боя умер. Вот как мы схожи поведением (невзирая на наше оперение) с любым живым организмом, населяющим нашу землю, будь то зверь лесной, домашнее животное или птица, зверушки, лягушки и другие животные, возможно, так же как земноводные, рыбы и другие. Чем мы лучше их? Или чем хуже?

Следующий дом после пятистенного дома Степана Казака был дом Минеевских. Там жила Матрена Минеевна Пласкеева с моей крестной, Аграфеной Федоровной, и с сыном Георгием Федоровичем. Глава семейства, Федор, по неизвестным мне причинам отсутствовал в семье. Был ли убит в Гражданскую войну или умер по причине болезни, не знаю. Георгий (сын) рос развитым, смышленым парнем, быстро повзрослел и в 15 лет поженился на дочери Прокопия Михайловича Хохлушина Варваре, но вскоре заболел — «сошел с ума», и выбыл из деревни в неизвестном для меня направлении, кажется, в Бодайбо. Так и заглохла о них молва. Дом и дворовые постройки безвозмездно перешли в руки колхоза.

Предпоследний дом по веретью третьего ряда деревни был дом Василия Перфильевича Тетерина. Его мать Лукерья и отец Перфилий жили до смерти с первым из братьев — Иваном Перфильевичем Тетериным. Не везло их семье: у Перфилия от непосильного труда образовалась грыжа (паховая), жена Лукерья рано оглохла. Когда появились первые аэропланы в Киренском районе, летавшие как почтовые в рейсах от города Киренска до почтовых отделений по деревням русла реки Лены, ох и разговоров было о них в то время. Ведь все

Дмитрий Степанович Казак (слева) с сестрой Лидией Степановной (слева), их племянницей и Петром Ивановичем Лыхиным. Якутск, вторая половина 1940-х гг.

было похоже на сказочных ведьм, змеев. Так вот вернувшаяся с поля Лукерья рассказывала домовничавшему Перфилию: «Знаешь, Перфилий, какое я чудо сегодня видела — летит в небе птица, молча, крыльями не машет, так и улетела за лес». Как все это было недавно, и как за это время покорежена жизнь человека.

Василий Перфильевич был высок ростом, крепко скроен, но была у него какая-то болезнь, едва поднял на ноги сыновей, завел пару добрых коней, корову, обзавелся переходным запасом семенного и продуктового зерна и скончался. Сыновья его бросили нажитое отцовское хозяйство, уехали в Якутск, стали работать в производстве, увезли с собою мать Елену, где та и отдала богу душу.

Был Василий Перфильевич мужик с хитрецой. В то время торгующей организацией в сельской местности (1920-е годы) было сельское интегральное товарищество, по указу правительства снабжавшее население деревень всем необходимым товаром для жизни, таким как керосин, кожа, мануфактура, соль и другое. Вот набрал в долг все, что ему было нужно, Василий Перфильевич из упомянутого товара, а долги

в назначенные сроки не отдает. Вызывает его председатель интегрального товарищества и говорит: «Вот вы, Василий Перфильевич, взяли у нас в долг товар, прошло время уплаты долга, а вы не желаете отдавать долг за приобретенный у нас товар», на что Василий отвечает: «Атошто (такая у него была поговорка), я у вас товар не брал». «Как же, — говорят, — вот вы брали у нас соль», Василий в ответ: «Атошто, это соль, а не товар». Ему снова говорят: «Вот вы брали керосин», и ответ: «Атошто, это керосин, а не товар». Говорят: «Вот брали кожу», и снова ответ: «Атошто, это кожа, а не товар». Сколько здесь лукавства, а сколько безвинной отсталости?! Но куда деваться, пришлось платить долг.

Что верно, то верно, выживали в деревне только крепкие, здоровые люди. Медицинское обслуживание в России простого народа до сих пор не на высоте даже в городе, что же говорить о деревне и рабочих поселках. Привыкли к тому, что человек — раб, кто сколько может, тот столько и живет. А

Жители деревни Лыхиной: кузнец Егор Павлович Гладких (с ружьем) со своей женой (слева от него) и детьми, Матрена Минеевна и Аграфена Федоровна Пласкеевы (второй ряд, первая и вторая слева), Иван Егорович и Харитина Дмитриевна Лыхины (второй ряд, первый и третья справа) и др. 1920-е гг.

«рабы» не смели роптать на советскую власть, иначе: «Ты что, против советской власти?» — «Враг народа» и соответствующие последствия. Против силы не попрешь. Вот так и привыкли те и другие людишки к скотскому обращению с собою. Где уж тут признание личности. «Как-нибудь». «Не до жиру, лишь бы живу». Испытал я это «чуткое внимание» к человеку в стране Советов и за рубежом, в Чехословакии. Полная противоположность. Вот вам «Советы» и «капиталисты».

Трудно вас, господа, убедить в той истине, что я хочу вложить в ваши умы. Вы, конечно же, патриоты своей страны, а я, по-вашему, — выживший из ума старик. Где вам согласиться со мною? Какое вам дело до старых брехунов, ведь вы явно знаете, что вы самые лучшие и житье ваше самое хорошее, и достоинства ваши человеческие самые высокие. Ну, бог с вами. Дуракам легче живется, по крайней мере, голова от дум не раскалывается. «Мы живем и смеемся, как дети, а завтра будет веселей».

Последней по третьему ряду деревни была изба моего дяди по отцу, Никиты Егоровича Лыхина. В 1918 году мой отец демобилизовался, занялся крестьянским трудом. В это время подросли его младшие братья, сестра Зоя. В общем хозяйстве были лошади, коровы, овцы, свиньи, куры, а главное, несколько пар крепких рабочих рук. Появился и свой хлеб — основа основ крестьянской жизни. Женился дядя Никита, и семья разделилась на три хозяйства.

У Никиты Егоровича была семья из четырех человек: дочь Таисья, сын Василий (усыновленный ребенок родной сестры, моей тетки по отцу, Зои Егоровны) и жена Александра Романовна, чуткая к людям, великая труженица, уважаемая мною тетка Шура. Выпали на ее долю великие переживания и печаль в этой жизни. Дядя вскоре построил новую избу, новый амбар, завозню, новый двор, теплые, рубленные из бревен хлевы. Принял в семью как родного деревенского пожилого человека — брата Акулины Андреевны, жены Лавра Николаевича Лыхина. У того была своя семья из десяти человек, и Иван Андреевич вроде оказался лишним в семье Лавра, хотя и был тихим, выдержанным, работящим, порядочным человеком. Вся его ругань была: «Рагу мать». Его-то и приласкал дядя Никита, приодел, уполномочил хозяйскими правами в семье, а сам пошел работать кладовщиком в «Заготзерно», хотя и на низкой оплате труда, но получал, приносил в семью чистые денежки.

Деревня Лыхина стояла в стороне от речного транспорта, от производственных участков, от города. Естественно, сбыта лишней сельскохозяйственной продукции деревня была лише-

на, а деньги везде требовались. Неглуп был дядя, осваивал всякие ремесла, брался за все, что могло принести прибыль в хозяйство. Занимался столярным делом, катал валенки, но постоянный денежный доход обрел только в «Заготзерне», откуда, прямо с работы, был взят милицией в 1938 году как «враг народа», без суда, без следствия и так без вести пропал. Ходили слухи, будто бы его видели среди ссыльных в Магадане, были слухи, что он обзавелся там новой семьей и не желает вернуться на родину, и прочие разные кривотолки. А жена его и дети не теряли надежды увидеться с ним, на его возврат в семью, да так и вымерли все. Тетка Шура умерла в 1970-х годах[110], брат Василий и сестра Тая — в 1989 году. Некому и оплакивать ушедших, и вспомнить об их бытности.

Никита Егорович был невысокого роста, плотно сбитый, имел медвежью силу — хватку. Однажды в поле он снял с кола волосяную веревку (ужище), на которой был привязан его саврасый крупный конь, но подобраться к взбесовавшемуся (от укусов оводов) коню не мог. От их противоположных сил натянутое волосяное ужище порвалось.

Во время одной попойки ребята и молодые мужики хвалились силой. Один великовозрастный рослый широкоплечий парень из семьи Иннокентия Семеновича Тетерина, Иван (младший, ростом схожий со своим младшим братом Александром Иннокентьевичем, бывшим председателем Петропавловского колхоза), предложил дяде Никите: «Никита Егорович, давай пальцами потянемся». Дядя так сжал палец Ивана своим пальцем, что у Ивана лопнула кожа на пальце и он запросил пощады: «Ой, ой, Никита Егорович, пальчик-то лопнул».

Другой случай был в нашей избе во время выпивки, в ней участвовали наш сосед по дому, по профессии кузнец, Егор Павлович Гладких, и дяди Никиты друг, Василий Николаевич Лыхин, житель тоже нашей деревни, работал бухгалтером интегрального товарищества. Подвыпив, дядя Никита, чем-то недовольный, стал пожимать кузнецу руку со словами: «Егор Павлович, дай руку, дай», а взяв руку кузнеца, так сжимал ее, что кузнец морщился от боли. Мой отец, чтобы не дать в обиду соседа в своей избе, сел между кузнецом и дядей Никитой. Последний недовольный вышел из-за стола и так дернул деревянную кровать за спинку, что она развалилась, я свалился на пол и, видно, испугался, а может, и заплакал

[110] Александра Романовна Лыхина скончалась 6 мая 1980 г. (Справка о смерти, выданная архивом Киренского отдела ЗАГС).

Таисья Никитична Лыхина (слева) и Елизавета Прокопьевна Хохлушина

(не помню, не буду врать). Отец поднял меня с пола и затолкал подальше на русскую печь, а дядю взял, как ребенка, под коленки и за шею, согнул его вдвое, вытащил в ограду и бросил в сугроб снега.

В физическом отношении отец не имел себе равных в деревне, и не только в своей деревне. Мама рассказывала — поехали они с отцом в село Петропавловск на праздник в церковь, у переезда через речку Захаровку (в то время моста для переезда через нее не было) застали плачущую на берегу старушку, ее незадачливая кобыла застряла ногами в глинистом дне речки, вот старушка и просит отца помочь ее беде со словами: «Дядя Иван, помоги вытащить кобылу» (раньше в деревне не выговаривали литературно слово «дядя», а говорили: «дя-я Иван, помоги» и т. д.). Отец разулся, снял штаны, забрел в кальсонах в речку, ухватил лошадь одной рукой за хвост, другой рукой за гриву и выволок лошадь из глинистой западни на сухой берег. Вот таков был мой отец, Иван Егорович Лыхин.

Может, вы знаете подобных силачей в лицо в наше время или, может, сами сможете повторить такие трюки с лошадьми в двух подобных моему описанию случаях, а может, согнете себе подобного молодца вдвое и отнесете его за

Александра Романовна Лыхина (крайняя слева) с дочерью Таисьей Никитичной (крайняя справа), ее мужем Василием Степановичем Горбуновым и их детьми Галиной и Людмилой

пределы ограды? Едва ли. Я слышал еще о крепких людях в селе Петропавловск, таких как бывший веттехник Петропавловского колхоза Василий Евгеньевич[111] — скромный, сильный человек, умница, добропорядочный. Дружил с моим отцом, мамой, и всем нам было приятно видеть его у себя в гостях. Конечно, были люди от природы крепкие костью, силой, ведь только такие могли выжить в естественных условиях.

Вот таковых сыновей народила худенькая (в старости), невысокого роста их мать, моя бабушка Марина Ивановна. Все было, все прошло. Всех по-своему прибрала смерть, всех сравняла.

Второй брат моего отца, Николай Егорович, остался жить в старой их семейной избе, но во время коллективизации уехал в Бодайбо, позже переехал в Киренск, жил в поселке Пеледуе, в Иркутске, и где он только временно ни проживал, основное его занятие было сапожное мастерство: где сапоги, где тапки. Заработок у него везде был, всем нужна обувь. Честью и порядочностью он не отличался, любил попойки и пожить за чужой счет. Сына Василия убили

[111] По фамилии, возможно, Первухин.

во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, тот был неприятен мне своими повадками. Плаксивый, вороватый, «любопытный» до чужого добра, вялый, но если кто попадался ему под силу, свалив противника, он елозил на нем до изнеможения поверженного. Так, свалив своего двоюродного брата младше себя годами на землю, он довел того до возмущения и слов: «Да Васька, да Васька, всё бы мял!» Это был Василий Никитич, мой двоюродный брат. Не в пример первому Ваське, второй рос удалым, искренним, крепким орешком. Впоследствии, окончив Бодайбинский горный техникум, работал в электрических сетях треста «Лензолото».

Деловой был дядя Никита, и показали на него пальцем в 1938 году люди из зависти, злобы. Кроме упомянутых братьев и сестры Зои в семье моего деда Егора Ивановича и его жены Марины Ивановны был самый младший сын, Степан Егорович, мой дядя. Как человек он был добрый, отзывчивый. В годы Гражданской войны ушел добровольцем в Красную армию, воевал на Украине под Херсоном, был ранен, позже, демобилизовавшись, пошел в отряд Ивана Строда, подавлявшего в Якутии мятеж генерала Пепеляева. Советская власть учла его заслуги и доверила ему магазин «Золотоскуп» на бодайбинском прииске Апрельском. В 1938

Речка Захаровка. 2007 г.

году стали подбирать к нему мотивы для репрессирования, он вовремя ушел из «Золотоскупа», переехал с семьей в Пеледуй, устроился заведующим промтоварного склада. В годы Отечественной войны был снят с работы за недостачу в складе двух пар женских туфель, которые его жена подарила без его ведома своим сестрам. Судили, дали два года тюрьмы. Пока он отбывал срок, жена успела выйти замуж за соседа по квартире. Отбыв срок, дядя Степан не возвратился к семье и вскоре умер от туберкулеза. Все уходят из жизни по-своему, хоть это общая неизбежность всего живого на земле.

С войны на Украине он привез песню:

Вы не вейтеся, чайки, над морем,
Вам негде, бедняжечки, сесть,
Слетайте в Сибирь — край далекий,
Снесите родным нашу весть.
Здесь белые дерутся жестоко
С шестым Петроградским полком...

Все проходит человек: и нищенство, и бедствия, и благополучие, и страдания. У всех одна концовка — смерть. А дядя Степан всю жизнь прищепетывал. Еще ребенком он с матерью, Мариной Ивановной, съездил в деревню Сукнёву по случаю какого-то праздника к своим родственникам (она была родом из Сукнёвой). Приехал домой восторженный, радостный, рассказывает: «Ну сукнёвуской часэ бомбочка, но браба!» — «На сукнёвской часовне — бомбочка (шар под крестом, сиявший на солнце), но бравая (красивая)!»

Я тоже с мамой ездил в гости в ее родную деревню Сполошино — зимою обычное время в деревнях навещать своих родных, и мне тогда было, наверное, три-четыре года, а какие неизгладимые впечатления. Все помнится до мелочей: и старая мамина изба на две половины, и старый двор с хлевами, стайками, и длинная ограда с санями по краям ее, и новая изба по соседству для одного из ее братьев с многочисленной семьей, еще малообжитая. Все было сметено во время раскулачивания и окончательно в 1938 году. Вся жизнь крестьянина стояла на трудолюбии, и жила пословица: «Как потопаешь, так и полопаешь». Жил крестьянин в достатке, жила и страна в достатке. Добралась советская власть до дарового крестьянского труда, задавила крестьян подневольными указаниями, всевозможными налогами, не стало смысла крестьянину даром вылаживаться на колхозном труде из последних сил, и как их ни удерживали в колхозе власти,

Василий Никитич Лыхин

разбежалась молодежь по производствам, старики вымерли. Некому стало производить сельскохозяйственную продукцию для страны. «Уж хозяйничала, самоварничала: всю посуду поломала, отхозяйничала».

Помню свое детство еще по некоторым случаям в жизни. Первое, это мы с двоюродной сестрой Таисьей Никитичной бегали за ягодой земляникой на телеграфную линию и Домненых чистку. Бывало, я приносил ее с пол-литра, а может, и чуть больше, и потом, когда мама подавала ее в общей тарелке с цельным холодным молоком, то-то было приятно для всех освежиться. Меня хвалили, хвалила в лесу и сестренка, она на год была меня старше, ягоду брала быстро.

Вспоминаю я ее и на нашей чистке по речке Захаровке, было там и зимовьё наше. Лет мне, наверное, было четыре, а ей пять, нужно было привязать лошадь на «ужище», то есть веревку, которая одним концом с петлей надевается на вбитый в землю деревянный кол, другим концом обхватывает шею лошади, и та ходит, кормится травой на расстоянии длины веревки. Я находился возле двери зимовья, когда ко мне с озабоченным, сердитым видом подошла сестренка с вопросом: «Где ворохка?» Я спрашиваю: «Какая ворохка?» — «Ну, на которую коня привязывают». Я понял: ужище.

А чистка (пашня) обрабатывалась совместно двумя старшими братьями, отцом и дядей Никитой. Видно, они когда-то расчистили то место от леса. Сеяли овес как наиболее морозоустойчивый, по речке все же было прохладнее, чем на луговине возле русла реки Лены. В речке водилось достаточно и рыбы: хариус, ленок. Приходилось мне ловить хариуса на крючок, на «мушки»-обманки. До чего же он боевой, живой,

нередко не успеешь его до берега донести, а он уже сорвался с крючка — и в воду! Рыбачили мы там и с сыном, Юрием Петровичем. Выдернул я хариуса на берег, кричу сыну: «Лови его, или он скатится с берега в воду», а мой уважаемый сын боится взять эту невидаль в руки. На рыбалке-то был впервые.

В жаркую пору лета, пока идешь четыре километра до речки, весь вспотеешь. У меня обычно кожа размягчалась в пахах и за пазухами, и как только дойдешь до речки, появляется непреодолимое желание освежиться в этой чисто-прозрачной ледяной воде. Достаточно минуты попурхаться в ней, как холод заставлял вылазить из воды, зато вся кожа грубела, появлялось самое лучшее ощущение свежести, бодрости. Тогда вроде и пауты не беспокоят, и комары с мошкою не лезут. Ведь они чувствуют пот живого тела, будь то скотина или человек. И при сборе ягоды в лесу хватает гнуса и паутов, мошки, комаров, но что делать, ягода — это моя посильная помощь семье, и я рад угостить старших ею, да и сам приятно наслаждаюсь ею за столом вместе с другими.

С Василием Никитичем у нас разница в годах была примерно в пять-шесть лет[112], но нас объединяло одно стремление быть вместе или в лесу, или в походах с ружьем по утиным местам обитания. Бывало, он увидит где-либо сидящих на воде уток, бежит ко мне, докладывает: «Петя, утки. Сели там или там». Если это на нашем длинном озере, я велю ему потихоньку подходить к уткам на виду у них с одного конца озера, сам становлюсь скрытно в осоке на другом конце или середине озера. Утки потихоньку передвигались в мою сторону от Василия, и мне оставалось лишь метко стрелять в них.

Василий Никитич в детстве дважды тонул. Один раз еще совсем молодой — одного-двух-трех лет — тонул в своей ограде в ушате, стоящем под дождевыми потоками с крыши дома. Спасли. Играл плавающими щепками и перевернулся через край ушата на дно его вниз головой. Второй раз в озере, оступился с обрыва — и оказалась его голова ниже уровня озерной воды. И на этот раз кто-то спас резвого молодца. И все-таки научился плавать. Не суждено было умереть от воды.

А озеро рядом с деревней изобиловало рыбой, в основном озерным гольяном, карасями, оставалась в нем после половодья и речная рыба, щуки, окуни. И сколько было радости, когда на удочку удавалось вытащить карася величиной с ладонь, да и не так-то просто было его поднять на гнущем-

[112] Василий Никитич Лыхин родился 20 сентября 1925 г.

ся тонком удилище, он отчаянно сопротивлялся в воде или запутывался в озерной траве, кувшинках. Во время же цветения озерной тины в теплое время года у озера чувствовался своеобразный, можно сказать сказочный, первобытный мир с озерным стоячим парным воздухом. Совершенно отличным от речного свежего воздуха. Мы, малыши, строили в уме свой сказочный мир.

Василий Никитич Лыхин. Курган, 1988 или 1989 г.

Велика прыть была у моего брата Василия Никитича, еще в детстве он, нашалив, удрал от своей сводной сестры Таисьи Никитичны — та старше и много рослее его, гналась за ним со словами: «Ну, смотри, как догоню, так дам!», но догнать брата неизменно не могла. Боевым, быстроногим был брат.

На острове Зырянов подгоняли стадо свободно пасшихся лошадей к огнищу на верховых лошадях, и, прижав их к изгороди, люди надевали на них уздечки. Одна лукавая кобылица по кличке Майка обычно вырывалась из круга людей и убегала в поле. Так случилось и на этот раз — вырвалась она из круга людей и, набирая скорость, побежала в поле, но за нею кинулся мой примерно 10–11-летний братишка. Обогнал ее, еще не успевшую набрать полную скорость, и вернул в табун лошадей.

Так же он удивил меня своей скоростью бега уже взрослым, 50-летним мужчиной. Мы спешили к отходящей с людьми автомашине, и он, оставив в беге меня на полпути, мигом догнал тронувшуюся было машину, попросил шофера притормозить и обождать меня. Вот такова была удаль моего невысокого ростом, но удалого, энергичного, крепко сложенного телом Василия Никитича, моего уважаемого младшего брата.

Умер Василий Никитич в 64 года[113] — рак крови. Рано

[113] 25 августа 1989 г.

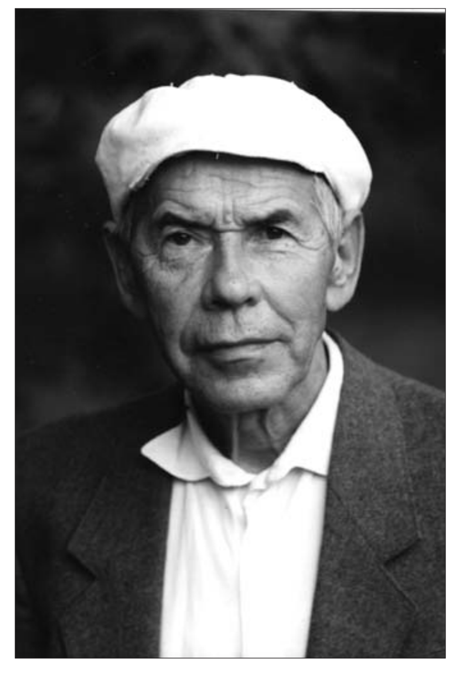
унесла смерть моего любимого брата, был бы он мне до сих пор отрадой жизни, даже при разделявшем нас расстоянии в жизни. Для всего живого один удел: пришел на этот свет, побыл, ушел. Важно так прожить отпущенное время, чтобы о вас осталась добрая память.

Точно не скажу — нужно ли мое откровение кому-либо, но раз взялся, хочется докончить описание быта, жизни моих знакомых людей деревни Лыхиной.

Описание деревенских жителей можно закончить примечательными жителями родни Ванчиковых. Семьи, в частности, двух братьев, Андрея и Михаила Евдокимовичей Лыхиных. Андрей служил в Белой гвардии до конца и после победы революции прятался в деревне под полом у Иннокентия Семеновича Тетерина, позже перебрался в Новосибирск и там пристроился к жизни советского народа, никто его не преследовал. Его брат родной, Михаил, в 1931 году был раскулачен и со всей своей и брата Андрея семьями был выслан в Воронцовку на реке Витим, где в естественно сложившейся природной заводи в зимнюю пору отстаивались речные судна, пережидая весенний ледоход, и одновременно производился необходимый ремонт. Высланные раскулаченные организовали колхоз, председателем колхоза был избран Михаил Евдокимович Лыхин. Никто до него на реке Витим не выращивал арбузов, а он сумел их выращивать и через продснаб обеспечивал население Мамско-Чуйского района этим деликатесом. Примерный труд тружеников под руководством умного председателя вскоре был признан, колхоз разжился до миллионного значения, а председатель прославился умом и делами.

Его родственники дальние, неглупые мужики, добровольно оставили свои хозяйства колхозу. Один из них, Семен Иннокентьевич Лыхин, перебрался в город Якутск, где, начиная служить счетоводом, достиг звания главного бухгалтера алданского «Золотопродснаба». Его родной брат Петр Иннокентьевич уехал в Киренск и стал заместителем директора бодайбинского «Золотопродснаба». По уму был каждый награжден.

Их же далекий родственник Степан Васильевич Лыхин уехал из деревни в Алексеевский затон, там его взяли в 1938 году, и на этом вести о нем кончились. Его приемный сын Василий Степанович (Кривошея) продолжил бывшее занятие своего приемного отца, рыбачил и охотился до зрелого возраста, пока не умер от перепоя. Его дед по отцу, Василий Андрианович Лыхин, вместе с женою прожили каждый по 102 года. Помню Василия Андриановича седым, тощим, длинным стариком — передвигался по улице без посоха, завидя нас,

Петр Иванович Лыхин. Иркутск, 1995 или 1996 г.

в шутку говорил: «Буту́шки, ека мать». Нам было и этого довольно, разбегались в страхе, уж очень он выглядел старым в конце жизни, прямым, белым, седым, с длинными бородой и волосами белого окраса. Был безвреден. Своим трудом устраивал благополучие своего хозяйства. Жили безбедно. И вообще кому здоровье позволяло трудиться, в деревне не жил плохо в своем частном хозяйстве. Советская власть со своей коллективизацией, насилием, обираловкой всему положила конец. Разбежались люди из деревни, другие дотерпели до собственного конца в ней или переехали в село Петропавловск и там нашли свой конец.

Среди людей деревни Лыхиной можно добавить еще о двух мужиках, живших на нижнем конце деревни, — о Фане Арсентьевиче Лыхине и его сыне Александре Фановиче. Жили они небедно. Имели двух лошадей, коров, свиней, кур, как и прочие жители деревни кроме хлебопашества занимались до и после страдного времени охотой, рыбной ловлей. Нужды не знали. Дети их (внуки) дожили до коллективизации и, не выдержав колхозного узаконенного бесправия, разъехались, рассосались каждый в свой угол по городам России. Осмысленной жизнью жителя деревни была только жизнь собственным хозяйством. В бесправном рабстве не может быть ничего хорошего для труженика.

Отец, Фан Арсентьевич, как я его помню, был статным человеком, высокого роста, черным на тело. Кроме основной крестьянской работы, землепашения, он коновалил, подлегчая молодых жеребят (убирал — отрезал половые органы, теперь эту операцию делают ветеринары), лечил лошадей и даже оперировал их от мышьяка (это такие комки дикого мяса возле дыхательного горла лошади),

лечил как умел животных и даже людей добрыми советами и делом, часто прибегал к местному сечению на больном теле заболевшего, так называемое пускание дурной (нездоровой) крови. Помогало ли это людям, но смертельных случаев после его лечения не было. По приходе советской власти и в деревню в знахарство стало внедряться фельдшерско-акушерская служба. Животноводство на местах по деревням было придано выпускникам школы животноводов под единым ветеринарным надзором района. Коновалам, знахарям было строго запрещено заниматься лечением людей и животных. Приехал такой коновал-знахарь в го́сти к собрату по службе-делу к нашему Фану Арсентьевичу, поздоровавшись по обычаю, стал расспрашивать Фана Арсентьевича про жизнь. Фан ответил: «Хана, Фома Гордеевич, хана — никто не болеет».

Сын, Александр Фанович, как все селяне, был тружеником, имел пару лошадей, доброе дворовое хозяйство, рыбак, охотник, как и его отец. Имел четырех детей[114]. Двое из парней были рослые ребята, один сын, Иннокентий, — маленького роста, и дочь Анисья, тоже низкорослая, бойкая в труде девица. Умом великим похвалиться все они не могли, но, как и все люди деревни, в труде никому не уступали. Валерий рос медленно и только после армии набрал свой полный рост, примерно 183–184 сантиметра. Он ровесник Павлу Егоровичу Черных и теперь не ниже последнего ростом, а в то далекое время, когда им было лет девять-десять, на острове Зырянов мужики стравили их бежать вперегонки — кто кого обгонит в стометровке. Павел ростом был чуть ли не вдвое больше Валерия и бежал «саженными» шагами, а Валерий мелкими, частыми шажочками, мельтешил ножонками рядом с Павлом, не отставая от него. К финишу пришли рядом, никто никого не обогнал.

Семью Фановских и живших в той же деревне Лыхиных родни Щёголевых, в частности Александра Фановича и его сверстника, знакомого нам Семена Степановича, разделяла многолетняя вражда. Трезвые они не ссорились, спокойно общались друг с другом, а как только подопьют по случаю праздника престольного или глядя на других гуляк, тихий в трезвом виде Семен Степанович (обычно он затевал ссору), встречаясь на улице, подходил, пошатываясь, к Александру Фановичу и, уставившись на него пьяными глазами, произносил: «Ты что, Шурка, так твою мать?» Александр Фанович (зная по опыту, к чему идет дело), подобравшись, отвечал: «А

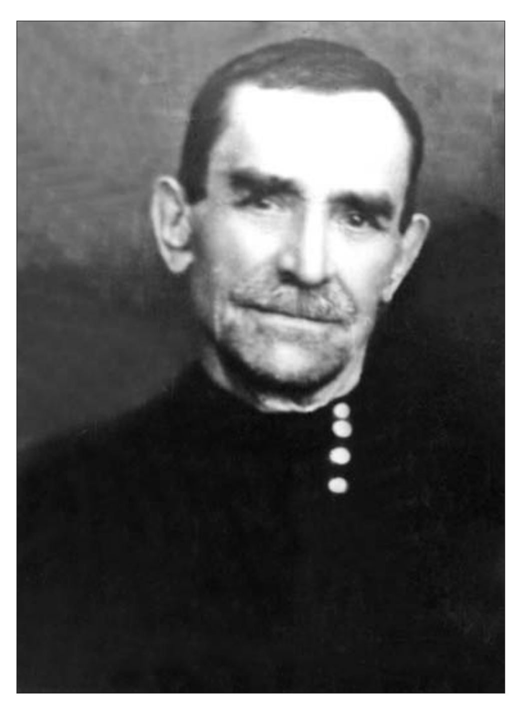
[114] Неверно — пятерых, а с приемной дочерью Матреной – шестерых.

ты что, Сенька, так твою мать?», на что Семен Степанович, засучив рукав рубашки по локоть и сжав кулак руки потуже, покрутит им под носом противника, произносит: «Я тебя как ёбну, так и перевёрну». Обычно сцепятся руками, и начинается пьяная возня. Силы же их были равны, никто никого «перевёрнуть» не мог. Деревня небольшая, с нижнего конца на выручку сыну Шурке бежал еще крепкий, высокий, черный Фан Арсентьевич, с верхнего конца из семьи Щёголевых на помощь родственнику Семену — чахоточный Евгений Михайлович с палкой в руках, не надеясь на свою бывалую прежде силу. Дерущихся разнимают подоспевшие на шум мужики деревни, тоже при случае не прочь показать свою силу. На том потасовка обычно заканчивается.

Семен был повыше Александра Фановича, тот был непропорционально сложен — туловище подлиннее, ноги покороче, ростом чуть пониже Семена (бывало, сядет на скамью среди людей — всех выше, а встанет — среди других не выделяется). Силенкой, пожалуй, был покрепче Семена, и хоть хвалился Семен: «Я тебя ёбну и перевёрну», а сбить с ног Александра не мог.

Тот и другой были великие труженики, безвредные для других селян мужики. Милые мужики — смяла их устои, их самих советская (сраная) власть, исковеркала им жизнь, сделала безмолвными рабами, да так и выбросила страдающими в недугах из жизни, вычеркнула из людской памяти. А ведь ранее на таких стояло благополучие страны нашей, России — до прихода Советов и первое время при них. Позже молодежь бежала от колхозного рабства, старики повымерли, деревни исчезли, поля заросли снова первобытным лесом. Сволочи-советчики довели бывшую могучую аграрную страну до нищенства. Когда это было, чтобы жители деревни ходили за хлебом и другими продуктами с кошельками в магазин? Никчемные незнайки, лишь бы была красная книжка в кармане. Были ничем на этом свете, стали всем и начали командовать. Возразить, не исполнить — значит против советской власти с вытекающими из этого последствиями.

11 лет сопротивлялся в параличе ослепший Александр Фанович и ушел из жизни, не дождавшись обещанного «светлого будущего». Ушли из жизни и умные, и глупые, бедные и богатые. В мире закон один: «Не мешай жить другим». А жизнь все не угомонится, ждет, надеется на свое благополучие. В молодые годы сверстница моей мамы, косноязыкая деревенская девушка, обнадежена была проезжим кавалером —

Александр Фанович Лыхин

кочегаром Ленского речного пароходства, на часик-два задержавшимся в деревне, насладившимся ее уступчивостью и больше не появлявшимся в деревне. Много на свете таких, как она, жаждущих от бога счастья, обманутых и людьми, и богом, но все еще верящих в справедливость, ждущих и надеющихся на лучшее. Так и она всё пела: «Мой Васиюшка на каябике плывет, скоро он меня с собою заберет». Не дождалась она Васиюшки.

Рядом с домом (хозяйством) Фановских стоял двор Касьяна Черных, прозвище его семьи было Фоменых, по-видимому, в их роду был Фома, его я не знаю. Касьян в свои 35–40 лет чем-то болел, собрав деньжонки, ездил лечиться в Иркутск, но лечение, видно, было несовершенное, вскоре после приезда домой так и ушел из жизни, истаял незаметно. Помню его, ходившего в лес за ягодами со светло-желтого цвета матерчатой деревенской сумкой с лямкой через одно плечо, и его поговорку на разговоры людские: «В Москве люди говорят анакурдыя, а куры яйца несут». («Анакурдыя», «анахусаима» — так в деревне ругались цыгане, когда их дразнили.) Был человек — и ушел из жизни. Семья его (жена, дочь, сын) припарились к родственнику Степану Казаку и вместе с ними сплыли по реке на своих плотах в Якутск. Дочь Таня была ровесница мне и, по-видимому, отличала меня от других парней. Ее частушку я до сих пор помню и ношу в памяти с теплым чувством внимания к себе. В Якутске она вышла замуж за немца. Судьбы ее не знаю, но хотелось бы думать, что жизнь ее сложилась неплохо. Знаю, что немцы в большинстве своем порядочные семьянины.

Сказать несколько слов о родословности Павла Егоро-

вича Черных, ныне проживающего в селе Петропавловске Киренского района. Знаменитой домохозяйкой, умной, зажиточной, властной, была Домна, и если все клички в деревне велись от предка родовы мужчины, то в их родословной прозвище велось от нее — Домненых. Кто ее был муж, мне неизвестно. О Домне осталась слава как об умной, распорядительной, рачивой хозяйке. Хозяйство у нее было большое, много рогатого скота, лошадей и прочей живности. Держала она работников, умело ладила с ними, угождая им и в питании, и в обиходе, любила и взаимное внимание от народа, таяла, добрела еще более к ним.

В праздничные дни деревенские жители не забывали попотчевать себя вкусной домашней пищей — пирогами с различной начинкой, блинами, сладкими шаньгами и уж обязательно все это (кроме рыбных пирогов) употреблялось с обилием коровьего топленого масла. Зная повадки хозяйки дома, работники пускались на лукавство. Вроде из добросердечия и порядочности уговаривали за столом: «Домна Егоровна (кажется, так ее величали), да куда же вы так много-то льете, итак все плавает в масле», та добрела от порыва чистосердечия, подливала еще более масла со словами: «Ешьте, ешьте». И наоборот, если кто-либо напоминал, что неплохо бы еще добавить масла, получал другой, недовольный ответ: «Да хватит, хватит».

В общем-то, ее уважали и те, кто на нее работал, и жители деревни за умелое ведение крестьянского хозяйства. Все было, все ушло. У каждого свой черед, каждому память по его заслугам в жизни.

Наследником ее семьи был Егор Иванович Черных. Почему-то он долго вдовствовал и уже при коллективизации женился на пришлой вдове — женщине с тремя малолетними ребятишками, Марфе Игнатьевне, татарке по национальности. Нажил с ней общего сына, Павла Егоровича Черных. Его сводные братья повзрослели, стали участвовать в общественной жизни деревни, но все не в такт со всеми, были наказаны жизнью каждый в своем роде. Старший, Иннокентий Верещагин, был застрелен колхозником во время рабочего дня в отместку за удар кулаком по голове (в ухо) — любимый прием Иннокентия в драке или, вернее, в наказании беззащитного. Так, во время еды он ударил в ухо своего сводного брата Павла (младшего в семье) и перебил ему барабанную перепонку, вследствие чего его даже в армию не взяли. Работая бригадиром в Петропавловском колхозе, они вдвоем с председателем колхоза, Александром Инно-

кентьевичем Тетериным, во время рабочего дня зашли в дом, где пьянствовала бригада механизаторов, и на правах власти, вершащей судьбы простого народа, бригадир Иннокентий, с молчаливой поддержки верзилы председателя колхоза, молча подошел и ударил сидящего колхозника в ухо. Тот соскочил со скамьи со словами: «Я сейчас приду». Разогнав пьянствующих, председатель с бригадиром вышли на улицу, где их встретил побитый колхозник с ружьем. Бригадир, уверенный в своей ненаказуемости, выставил грудь со словами: «Ну, на, стреляй». С этими последними словами он и расстался с жизнью. Его любимая песенка: «И на все-то она соглашалась, потому что любила меня...» до сих пор не выветрилась из моей памяти. И неглуп был человек, но не удержан в поступках.

Его брат (средний) Михаил Григорьевич не был храбрецом, но отличался подлостью в поступках. Будучи вместе со мною на охоте осенью по пушному зверю, он рассказывал, как в паре с таким же непорядочным солдатом во время стоянки их армейской части в Западной Украине они брали украденную у своего же солдата винтовку и подбрасывали ее в хозяйство какого-либо местного жителя, потом шли в особый отдел своей части и докладывали, как местный житель якобы выкрал оружие у солдата Красной армии и спрятал его там-то. Проверкой оружие находилось, местного жителя забирали и увозили... А им от конфискованного имущества арестованного платилось 10 процентов от суммы, вырученной от распродажи конфискованного имущества. Его слова: «Ох, и погуляли мы там...» А увидя след медведя по свежевыпавшему снегу, он бросил охоту и, чтобы улестить меня, оправдать как-то свой поступок, придя в зимовьё, набрал с пол-литра ягоды брусники да нарвал травы для стелек в чирки. Наглец и трус. А ведь ходил с двумя добрыми охотничьими собаками и новым безотказным разломным двуствольным ружьем. Десять лет тюрьмы вскоре получил за изнасилование малолетней сестры своей жены. Позже был затерян из поля зрения селян, да и не желали знать о нем селяне.

Младший брат Иннокентия, Рэм Верещагин, был невысок ростом, ниже Иннокентия и Михаила, не в меру храбр и безрассуден в решениях, но более честен в дружбе. После службы в армии занимался рыбалкой, промыслом пушного и копытного зверя по договору с Рыбзверохотсоюзом. В одной из весенних охот на копытного зверя его добрая собака оторвала от разделанной туши лося кусок мяса. Рэм, чтобы от-

Павел Егорович Черных с внуком Павлом. Петропавловск, 2000 г.

пугнуть ее, пнул собаку, та огрызнулась на такой невежливый прием хозяина, укусив Рэма за ногу в обуви. Рэм со словами «Ух ты» выстрелил в собаку из мелкокалиберной винтовки. После такого поступка хозяина собака от «огорчения» сдохла. Собака эта была верным помощником хозяина в охоте и на соболя, и на медведя, и на копытного. На следующий охотничий сезон Рэм взял на охоту собаку брата Иннокентия и свою не испытанную в охоте на медведя молодую собаку. Еще раз хочу отметить безалаберное отношение Рэма ко всему, и в частности к своим помощникам по охоте — собакам. Опытная собака по охоте на зверя, по-видимому, не сошлась характером с новым своим хозяином и держалась от него в стороне, охотясь сама по себе. Молодая собака, учуяв близость медведя (в тот год бродило много медведей, не залегших, как обычно, в берлоги на зиму. Лето было неурожайное, медведи не набрали жира для спокойной спячки в берлоге и голодные бродили по тайге в поисках пищи, в народе таких медведей называют ходунами, вот и в тот год, в ту осень один из них постоянно незримо ходил по следам охотников), жалась к ногам сзади охотника. Вечером, сойдясь в зимовье, спарщик Рэма по промыслу — Емельянов — предложил ему: «Давай вместе ходить охотиться, ведь по нашим следам медведь-ходун ходит». Рэм ответил: «Что, вонь будем

нюхать друг за другом?» Молодую собаку, тащившуюся по его следам, пристрелил. Может, и правильно поступил, такая трусливая собака при появлении медведя бросалась в ноги охотника и мешала меткости стрельбы по зверю, то есть, не сознавая этого, травила охотника зверю. Оставшись без собак, Рэм, поставив свой охотничий карабин к дереву, стал строить кулёмку на соболя. Увлекшись, не заметил приблизившегося к нему медведя, который ползком скрал его под укрытием лежавшего ствола дерева на расстоянии 50 метров, и, выскочив, прыжками настиг не подозревавшего беды Рэма, завернул его так, что тот не успел схватиться за оружие, съел[115]. Заподозрив неладное, спарщик Рэма Емельянов выбежал из леса, сообщил о беде брату по матери Павлу Егоровичу Черных, тот со знакомыми охотниками с испытанными зверовыми собаками отправился к месту происшествия и застал медведя на том же на месте. Услышав разговор приближающихся людей, медведь сам выскочил на охотников с грозным ревом, но опытные зверовые собаки мигом окружили его, остановили, а меткие выстрелы охотников остудили его пыл. Медведь оказался невелик ростом и до того тощ, что кожа, по существу, облегла его скелет. Безрассудство было наказано.

Павел Егорович унаследовал порядочность и аккуратность своего отца, живет в Петропавловске обеспеченно до сих пор.

Вот, пожалуй, и все, уважаемая моя молодежь. Быт сибирского жителя деревни примерно остался прежним, конечно, в сокращенном виде по количеству и разнообразию живности в хозяйстве, по отношению к общему труду, в бережливости страдного времени. В душе же своей скромница-сибиряк — человек дела. Люди друг друга знают, бахвалиться нет смысла. Все на виду. Жил человек во славу себе, ни на кого не надеясь, ни от кого независимый, вольный человек на лоне родины чудесной.

Старый Пётр Иванович Лыхин, до конца своей жизни по складу ума остался я мужчиной-деревенщиной. Не пеняйте на меня, если что не так.

Иркутск, 1994–2001 гг.

[115] Рэм Григорьевич Верещагин погиб 19 ноября 1968 г.

Ю.П. Бараков

Ленские были

Моя малая родина

Задача моих записок — рассказать читателю о своей малой родине — деревне Кондрашиной, затерявшейся в Киренском районе Иркутской области, на правом берегу реки Лены, о труде и быте ее крестьян, о Бараковых — такую фамилию в 30–50-х годах прошлого века носило большинство жителей деревни.

Деревня Кондрашина, где я родился и где прошло мое детство, по имеющимся у меня сведениям, основана была в XVII веке[116]. Таким образом, со дня основания она существует уже четвертый век, правда, за это время успев поменять свое место. Пойменный мыс чуть выше утеса Чембалов, где находилась деревня, хоть и очень красив и живописен, оказался не самым лучшим местом. В 1915 году катастрофическое наводнение на реке Лене снесло много дворов, и ее жители перенесли деревню на полтора-два километра ниже утеса Чембалов, также на правый берег, где она находится и в настоящее время.

Место, где первоначально стояла деревня Кондрашина, давно стало сенокосным угодьем, однако иногда напоминает то пеньками от столбов, то ямой от подполья, то кучкой камней-голышей от русской бани и т. п., и называется «Старая деревня».

В 30–60-е годы прошлого XX века, в период интенсивного парового судоходства по реке Лене, с использованием больших караванов барж, на вершине утеса Чембалов были жилые постройки для персонала семафора, регулирующего судоходство в Кондрашинском перекате. Вывешивая на мачте, на вершине утеса Чембалов судоходные знаки (ночью — цветные горящие керосиновые фонари), персонал поста давал соответствующий сигнал экипажам судов (идущих как вверх, так и вниз по реке) еще до входа в зону переката. Если перекат оказывался занят проходящим пароходом с караваном барж на буксире, то на утесе Чембалов вывешивался

---

[116] Деревня была основана не позже 1661 г. ссыльным черкашенином Савкой Федоровым Короваем. Свое название получила по имени пашенного крестьянина Кондрашки Федорова Верещагина. Об обосновании Кондрашиной см.: Лыхин Ю.П., Красноштанов Г.Б. Бараковы на реке Лене // Тальцы. — 2005. — № 2 (25). — С. 6–7.

знак, запрещающий вход в зону переката пароходу, идущему с баржами на буксире в противоположном направлении, и он вынужден был пережидать, пока освободится перекат. Встреча в зоне переката грозила неминуемой аварией. В настоящее время Кондрашинский перекат практически не используется за счет углубления русла ранее несудоходной протоки, позволившей спрямить судовой фарватер, а судоходный пост на утесе Чембалов упразднить. Да и не увидишь сейчас на реке Лене колесных пароходов, тянущих на буксире караваны барж. Сухогрузные и нефтеналивные теплоходы (самоходки) заменили паровой флот. Сейчас уже не посматривают (в летний период) жители деревни Кондрашиной (особенно подростки) на вершину утеса Чембалов, чтобы заранее определить по семафору, откуда вскоре проследует мимо деревни пароход.

В период своего расцвета, а это первая половина XX века, когда в деревне Кондрашиной насчитывалось почти 50 дворов, из-за нехватки пойменных земель на Верхней и Нижней Гарях были у тайги отвоеваны большие посевные площади. Эта тяжелейшая работа, выкорчевка тайги под посевы, была выполнена еще в период единоличного хозяйствования.

Вниз по Лене-реке... Утес Чембалов, находящийся в 75 км ниже города Киренска

Деревня Кондрашина

В первые десятилетия образованный в деревне колхоз имени Ворошилова ежегодно сдавал государству по 700 центнеров зерна, содержал более 100 голов крупного рогатого скота для мясопоставок, имел большое дойное стадо для сдачи государству продуктов животноводства. Даже в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, когда сильно сократилось мужское население, объемы поставок государству хлеба, мяса, масла и других продуктов не только не убывали, а даже, в отдельные урожайные годы, наращивались.

Отсутствие свободы, грабительская аграрная экономическая политика в деревне, проводившаяся государством, привели к экономической, демографической и моральной деградации. В настоящее время в деревне Кондрашиной осталось пять обитаемых дворов. Зарастают мелколесьем не только когда-то отвоеванные у тайги пашни на Верхней и Нижней Гарях, но и пойменные земли. Оставшиеся трудоспособные жители деревни Кондрашиной влиты в Банщиковскую бригаду (где бригадиром, кстати, мой родной племянник Юрий Георгиевич Дмитриев), а последняя — в Алымовское агропредприятие.

Ленский род Бараковых

Мои предки, как со стороны мамы, так и со стороны тяти (в нашей семье дети звали отца не «папа», а «тятя»), по крайней мере, с момента прихода на реку Лену, были крестьянами. Поскольку в Сибири никогда не было крепостного права, то и мои предки были свободными земледельцами — пахали землю и выращивали хлеб, разводили скот, рожали и растили детей.

Как я уже упоминал, во времена наивысшего расцвета деревни Кондрашиной, а это первая половина XX века, примерно 80 процентов жителей деревни были Бараковы.

Следует заметить, что, не имея письменных родословных, живущее поколение прекрасно помнило своих предков в третьем и даже в четвертом колене. Этому способствовал патриархальный уклад крестьянской жизни. Не редкостью было, когда в одном крестьянском дворе проживали одновременно три поколения. Например, 80-летний дед Никифор Петрович Бараков (отец нашей мамы) хорошо помнил своего деда Дмитрия Лукича, не говоря уже о своем отце, Петре Дмитриевиче. Его рассказы о жизни в те далекие времена на всю жизнь врезались в нашу детскую память.

В отличие от спокойной и даже иногда ленивой жизни крестьян в западных губерниях России, в Сибири жизнь была рядом с непроходимой тайгой, дикими зверями, сильнейшими морозами и снегами зимой и жарким коротким летом. Крестьянствование в экстремальных природных условиях требовало особой выносливости, трудолюбия, а главное, сохранения и использования опыта предков и его приумножения. Фамильная драгоценность, называемая историей рода, бережно сохранялась и передавалась от поколения к поколению.

У Петра Гуреевича[117] Баракова — нашего отца, и Евгении Никифоровны — нашей мамы, родилось девять детей: Глафира — 1924 года рождения, Мария — 1926-го, Мира — 1928-го, Лиля — 1930-го, Николай — 1932-го, Юрий (автор данной работы) — 1935-го, Вениамин — 1938-го, Альберт — 1940-го (умер во младенчестве), Альберт — 1942 года рождения.

В настоящее время представители многочисленного

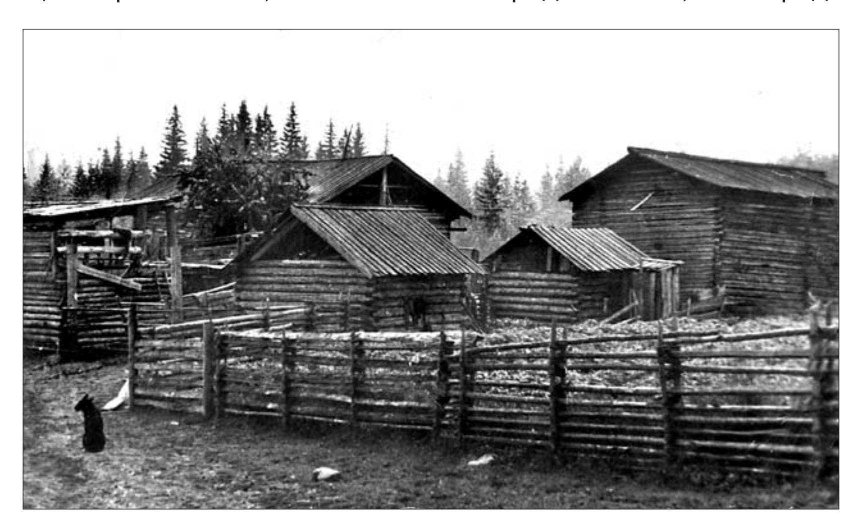
[117] «Гурей» — просторечная форма имени «Гурий» (см.: Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. — 5-е изд., доп. — М.: Русские словари, 1996. — С. 105). В метрических книгах Чечуйской Воскресенской церкви дед автора воспоминаний записывался как Гурий Семенович Бараков. Однако в советское время даже в документах утвердилась просторечная форма имени, отсюда отчество «Гуреевич», а не Гурьевич, как было бы правильно.

ленского рода Бараковых живут во многих городах России, Украины, Казахстана. По имеющимся у меня сведениям, отпрыски ленского рода Бараковых есть в Канаде и Австралии. В деревне Кондрашиной сейчас доживают свой век два двора Бараковых. Их хозяева — Григорий Иннокентьевич Бараков (1930 года рождения) и Геннадий Федорович Бараков (примерно такого же возраста). Кстати, они — двоюродные братья. Прямые потомки Бараковых (по мужской линии) в настоящее время живут также в селе Чечуйск. Это родные братья — Петр Вениаминович Бараков и Юрий Вениаминович Бараков, оба семейные, пашут землю и растят детей, и оба — родные племянники автора.

Родовая память

Этот феномен человеческой памяти — память о предках, на мой взгляд, очень сильно помогал многочисленным поколениям крестьян, осваивавших земли Сибири, не только выживать самим в экстремальных климатических условиях, в почти полной изоляции от внешнего мира, но и рожать и выращивать здоровое, крепкое, высоконравственное, трудолюбивое, многочисленное потомство.

Не имея большого образования, а зачастую будучи вообще неграмотными, без письменных родословных, мои пред-

Крестьянское подворье в деревне Кондрашиной, в котором родилось и выросло три поколения Бараковых

Иван Семенович Бараков (слева) (1885 г. р.), родной брат Гурея Семеновича Баракова — деда автора воспоминаний

ки тем не менее не были Иванами, не помнящими родства. Накопленная веками, хранящаяся в глубинах мозга и неподвластная времени наследственная память, принадлежность к роду давали ощущение вечности. Для проведения небольшого анализа этого феномена считаю возможным условно разделить родовую память на три составляющие: наследственная, духовная и материальная.

Первая составляющая — наследственность. Не ведая о законах наследственности, о передаче на генном уровне наследственных признаков, в сибирских семьях широко использовали на практике ее законы для воспроизводства и сохранения здорового и многочисленного потомства.

Как известно, браки внутри одного рода быстро приводят к вырождению. Наши предки уразумели это с незапамятных времен и передавали из поколения в поколение, подыскивая себе женихов и невест за пределами собственного рода. Например, мамина сестра Анна Никифоровна была выдана замуж за Степана Афанасьевича Романова в деревню Березовку, а моя родная сестра Мира Петровна — в деревню Банщикову за Георгия Александровича Дмитриева. Как правило, в деревнях семьи были многодетными. Например, в семье нашей мамы было 14 детей, сама же она родила

девять детей и прожила 93 года. Насколько я помню, если в какой-то семье в раннем возрасте умирал нежизнестойкий ребенок — большой скорби не было.

В период моего детства, в 30-е, 40-е годы XX столетия, в нашей семье еще сохранялась традиция каждому родившемуся и подраставшему ребенку подыскивать (правда, не сразу и не вдруг!) его «генотип» из числа предков. «Николай пошел в прадеда Семена Платоновича», «Глафира — вылитая бабушка Екатерина Алексеевна», меня, например, частенько называли «Никишка», поскольку, подрастая, внешностью и походкой я стал напоминать дедушку Никифора Петровича — отца нашей мамы. Такие и подобные им определения органично были вплетены в семейную жизнь, и мы, дети, постоянно слышали рассуждения старших (родителей, тетушек, дядюшек, бабушек, дедушек), какой ребенок от кого и что унаследовал. По этому поводу у взрослых иногда даже возникали споры.

Все это вызывало сильнейший интерес у детей к «своему генотипу». Ребенок больше начинал интересоваться характерными чертами «своего генотипа», особенностями его жизни, биографией, судьбой. На всю жизнь запоминались наиболее интересные, исключительные, подчас курьезные случаи, происходившие с тем или иным предком. Ребенок невольно стремился соответствовать, подражать «своему генотипу». Если ребенок совершал какой-либо предосудительный поступок, то мог услышать укоризненную реплику: «В кого это ты пошел? В нашем роду таких не было!» Все это, безусловно, помогало становлению личности, формированию в подростке

Михаил Иванович Бараков — один из шести сыновей Ивана Семеновича Баракова. Якутск, 1930-е гг.

крепких, положительных нравственных устоев и характера. Надо заметить, что и отрицательный жизненный опыт предков также имел положительный смысл — оберегал потомков от его повторения, но детям этот опыт передавался уже в зрелом возрасте.

Вторая составляющая — духовность. В духовном плане родовая память выражалась в бережном сохранении сакральных основ культуры, отражающихся на родовых заповедях, обычаях, запретах, ограничениях, преданиях и т. п. Например, во время цветения конопли мы, дети, боялись даже близко приближаться к ней. Считалось, что если нанюхаешься цветущей конопли — после будет сильно болеть голова и можно даже умереть. Зато в созревшей конопле высотой полтора-два метра мы смело лакомились конопляным семенем. Эта широко культивируемая культура давала крестьянину конопляное масло и, главное, служила сырьем для изготовления веревок и холщового полотна. На территории деревенского кладбища мы не могли съесть с кустов ни одной ягоды (черемуха, боярка и т. п.), сколь ни обильным был там урожай. С малых лет в нас было воспитано сильное табуированное чувство, запрещающее что-либо брать на кладбище.

Нельзя было во время обеда, сидя за столом, болтать ногами, разговаривать и смеяться — за это сразу получал деревянной ложкой по лбу, причем не обязательно от родителей, а скорее всего, от кого-либо из старших сестер или братьев.

Никогда не называли маму словами «мать», «маманя», «мамка», а только «мама». Я, вынужденный в 12 лет оторваться от семьи, приезжая впоследствии на побывку домой и иногда нечаянно оговариваясь, всегда получал замечания от родственников и их укоризненные взгляды.

Уважение к родителям, к старым людям, к старшим по возрасту — эти черты закладывались с детства на всю жизнь. Было много и других правил, которые в совокупности помогали правильному формированию культуры подростка.

Третья составляющая родовой памяти — материальная. Она была представлена разнообразными предметами труда и быта, доставшимися семье по наследству, а также приемами и способами крестьянствования, охоты, рыбалки и т. п. Даже сама изба, в которой жила семья, баня, унавоженная плодородная земля в огороде, различная кухонная утварь и десятки других предметов, сделанных руками предков, не были обезличены, а носили конкретное имя предка-создателя и, следовательно, память о нем.

Дети Ивана Семеновича Баракова (сидят слева направо): Александр, Петр, Клара, Гералий, Николай со своими детьми и внуками. Якутск, 1987 г.

Хорошо помню, как мы, братья-подростки, с трепетным уважением относились к дуге (предмет конной упряжи), эллипсной в сечении, с нарезными вензелями, сделанной еще нашим прадедом Семеном Платоновичем Бараковым в XIX веке. Эту дугу утаил от коллективизации наш дед Гурей Семенович. Будучи личной собственностью, не вошедшей в колхозный фонд, по торжественным выездам эта дуга красовалась в нарядной упряжке.

Каждое живущее поколение вносило и свой вклад в формирование родовой памяти, в соответствии с изменявшимися условиями жизни.

Таким образом, родовая память — сложный, лежащий в области наследственности и в социальной сфере феномен. Она, на мой взгляд, является большим подспорьем в повседневной жизни семьи, служит хорошей основой морального ее здоровья, мощным воспитательным фактором для подрастающего поколения. (Во многом из-за отсутствия родовой памяти некоторые воспитанники детских домов зачастую с трудом находят свою дорогу в жизни.)

Детство в деревне

Детские годы считаются едва ли не самыми главными во всей последующей человеческой жизни. Родился я и провел свое детство в деревне Кондрашиной в 30-е и 40-е годы прошедшего века. Это было время начала жизни недавно созданного колхоза, когда обобществленные домашние животные (лошади, коровы и т. п.) при удобном случае еще разбегались по своим родным дворам, затем — репрессии и Отечественная война, длившаяся четыре года, наконец, первые послевоенные годы.

Как и все деревенские дети, я первые два года в основном провел в зыбке. Это сооружение состояло из легкой прочной деревянной рамы длиной около метра и шириной около полуметра. На раму натягивалась с провисом холстина. По углам рамы крепились прочные тонкие веревки, сходящиеся вверху в общий узел и образующие своеобразный шатер высотой около метра, который закрывался материей, когда ребенок спит. К узлу крепилась одинарная веревка, верхний конец которой привязывался к одному из концов очипа. Очип

Клавдия Гуреевна Березовская (урожденная Баракова, тетя автора) с мужем и детьми. Якутск, конец 1930-х гг.

делали из гибкой, но прочной березовой жерди, аккуратно обработанной, длиной три-четыре метра. Середина очипа на подвеске, длиной 20–30 сантиметров, крепилась к потолку. Таким образом, один конец очипа упирался в потолок, а на другом висела зыбка, которая имела все шесть степеней свободы — качалась вверх-вниз и во все стороны, тренируя вестибулярный аппарат дитя.

В такой зыбке выросли все мои сестры и братья, и всем нам, за исключением последнего брата, довелось быть при зыбке няньками. Нужно было не только менять пеленки и качать зыбку, но и кормить младенца через рожок молоком. Дело в том, что в ту пору сосок не было, поэтому обходились тщательно обработанным коровьим рогом минимальной кривизны с маленьким отверстием на конце. Заливая в рожок молоко, нужно было держать его во рту ребенка, чтобы не пролить содержимое. Кстати, когда у ребенка прорезались зубы, то десны свои он массировал о рожок. По рассказам мамы, рожок достался ей по наследству, следовательно, через него выкормили не одно поколение детей.

Как рассказывала мама, кое-кто из моих сестер и братьев (в том числе и я) грудь сосали по году и более. Предстоящее рождение очередного ребенка требовало отлучать «сосунка» от груди. Делали это своеобразно. Вместо груди мама подставляла «сосунку» круглую колючую щетку, служащую для чесания кудели (щетку эту делал еще мамин отец, мой дед Никифор Петрович). Ребенок натыкался на щетину, и у него вырабатывался рефлекс отторжения от груди. После такого отлучения ребенок полностью переходил на питание через рожок и тюрю — сливки с накрошенным хлебным мякишем, которой его кормили с помощью ложки.

Игрушек фабричных для детей тогда практически не было. Девочки сами себе мастерили куклы, а мальчики, перенимая опыт старших, из дерева сооружали разнообразные поделки: пароход с трубой и мачтой, который потом буксировали на веревке по речке Бакалде, протекавшей рядом с нашим домом и впадающей в реку Лену; мельничное колесо, сделанное с использованием пустой катушки от ниток, которое на опорах крутилось от любого ручья; пропеллер, вертящийся под действием ветра; лук со стрелами и много других поделок, изготовляемых собственными руками. Все это помогало развивать у подростков смекалку и умение. Я даже сейчас, при наличии свежего тальникового прута, могу за несколько минут смастерить свисток. Сделанные своими руками игрушки мы берегли.

В подростковом возрасте самой романтичной для меня была игра в бабки. У нас даже сохранилась бита (специальная бабка для бросания в кон), которой играл наш тятя, будучи подростком. К сожалению, эта игра умерла на моих глазах вместе с исчезновением патриархального уклада крестьянской жизни. И хотя мама и одаривала нас по старой традиции бабками после приготовления мясных блюд из говядины, но игр в бабки уже не было.

Игра в лапту, в городки, в свайку, в зоску, катание со школьного угора на санках и голицах (так называли спортивные лыжи, а лыжами называли, собственно, охотничьи лыжи — широкие и короткие), качание на качелях. Вот, пожалуй, основные игры того времени.

Николай Гуреевич Бараков (стоит слева) и Клавдия Гуреевна (сидит слева) с сыном Игорем, невесткой Лидой и внучкой Мариной. Якутск, 1960-е гг.

Запомнились некоторые особенности игры в лапту. При формировании двух команд назначались два их капитана. Рядовые члены подбирались по своеобразной жеребьевке. Например, два мальчика тайно договариваются между собой, кто кем или чем будет. Подходя к капитанам, объявляют: «бочку с салом или казака с кинжалом?» Или: «с маху под рубаху или с бегу под телегу?» Далее выбор был за капитанами. В то время резиновых мячей не было и мы обходились самодельными — валяли из коровьей шерсти (собираемой в период линьки).

При игре в свайку нужно было попасть в металлическое кольцо диаметром пять-шесть сантиметров, лежащее на земле, при метании металлического стержня. Обычно это был зуб от бороны. Если при попадании кольцо вылетало вверх по свайке, то количество очков у игрока увеличивалось на порядок.

Петр Гуреевич Бараков — председатель кондрашинского колхоза им. Ворошилова в 1938–1948 гг.

Зоска — это круглый, диаметром два-три сантиметра, кусок кожи с длинной шерстью. К коже с голой стороны по диаметру пришивали тонкую свинцовую пластинку. При подбрасывании вверх за счет сопротивления шерсти в воздухе зоска плавно взлетала и плавно опускалась. Внутренней стороной голеностопного сустава, как правой, так и левой ноги, нужно было подбрасывать зоску, не давая ей упасть. Некоторые умельцы могли непрерывно «держать зоску» до 200 и более ударов, попеременно заменяя ноги.

Качели были не только на спортивной площадке школы, но и чуть ли не в каждом дворе, и качаться на них было одним из любимых занятий.

Должен сказать, что все игры, как в детском, так и в подростковом возрасте, были рациональны и полезны для развития детей. Особенно, я считаю, были полезны зыбка и качели, помогавшие сформировать крепкий вестибулярный аппарат. В последующей жизни своей я нигде и никогда не укачивался, попадая в жестокие штормы на море и в болтанке в самолетах, и никогда не боялся высоты.

Первой самостоятельно прочитанной мной книгой была книга Л.Н. Толстого «Два товарища», взятая в школьной библиотечке.

В нашей деревне была только начальная школа (с перво-

го по четвертый класс). Школа представляла собой обычную деревенскую избу, состоящую из большой прихожей и двух больших комнат. В каждой комнате одновременно занимались два класса. В одной комнате первый и третий классы, в другой — второй и четвертый. В каждом классе было по 15–20 учеников. В те времена в деревне было еще много детей. В каждой комнате был один учитель (в мою пору это были Зинаида Иосифовна /фамилию, к сожалению, не помню/ и Михаил Иннокентьевич Унжаков). Пока учитель занимался с учениками одного класса, обособленно сидящими за партами, ученики другого класса в это время выполняли письменное задание, данное им ранее учителем. В течение одного урока учитель несколько раз переходил от одного класса учеников к другому.

Насколько я помню, тетрадей чистых почти не было — часто писали на использованных ранее, между строк. Были чернильницы-непроливайки, но чернила делали сами из сажи, которую разводили керосином, отчего в классе стояли соответствующие запахи. Помню, как однажды почти весь наш класс не выполнил домашнее задание по арифметике, объясняя это отсутствием бумаги. Однако один ученик (кажется, Гена Бараков) выполнил это задание на листе бересты. Учительница за это его очень хвалила и ставила нам в пример.

Домашние задания выполняли при керосиновых лампах, а при отсутствии керосина — при лучине. Лучины заготавливали из сухих, обязательно осиновых поленьев. Осина хорошо и равномерно горит, почти не дымит и не «стреляет» искрами, что очень важно в пожарном отношении. Один конец лучины закреплялся на стойке, в верхнем конце которой была щель. Стойка высотой метр-полтора имела устойчивое основание и называлась, кажется, «светец». По длине всей лучины (0,8–1 метр) на полу устанавливали противень или корыто с водой, куда падали отгоревшие угли. Все это сооружение устанавливали на середине избы. Продолжительность горения лучины, а следовательно, яркость огня регулировали путем отклонения горящего конца от горизонтали вверх или вниз. При отклонении вниз лучина горела ярче, но зато быстрее сгорала, при отклонении вверх — огонь был не такой яркий, но лучина сгорала не так быстро. По мере сгорания лучины ее заменяли новой.

В зимнее время изредка привозили и показывали в сельском клубе кинофильмы. В качестве источника электроэнергии использовали генератор, приводимый в действие вручную. Генератор крепился (как мясорубка) к одной из клубных

скамей, развернутой вдоль зала, один из зрителей, вращая рукоятку, приводил в движение генератор. Вращать нужно было с определенной и равномерной скоростью, чтобы избежать больших перепадов напряжения. Обычно киномеханик выбирал из добровольцев двоих человек, которые подменяли друг друга, за что им была льгота — кино они смотрели бесплатно, а все остальные покупали билеты, насколько я помню, недорогие. Кино показывали частями и по окончании одной части нужно было ждать, пока киномеханик заложит в киноаппарат следующую. Летом фильмы не привозили, поскольку была страда, горячая крестьянская пора, и смотреть фильмы не было времени. Однако прямо в поле эпизодически давали непродолжительные концерты приезжавшие агитбригады.

В летнее время мы, подростки, могли по тембру гудка определить название идущего парохода. Особенно нас привлекали белоснежные красавцы — пассажирские суда. На флагмане ленского пассажирского флота «Москва» капитаном много лет был Давыд Федорович Бараков — выходец из нашей деревни.

Семья Петра Гуреевича Баракова (слева направо): Мира, Глафира, Мария, Юрий (автор), Евгения Никифоровна, Вениамин, Лилия. Деревня Кондрашина, 1938 или 1939 г.

Ученицы Петропавловской средней школы (слева направо): Клара Баракова, Глафира Баракова, Мария Баракова, Марфа Баракова, Тамара Романова. Около 1940 г.

Во время войны любили разглядывать фигурки летчиков, часто пролетавших совсем низко над деревней эскадрильей самолетов, поставляемых по ленд-лизу. Через 75 километров они совершали посадку в аэропорту города Киренска для заправки и отдыха экипажа.

Помню, как 10 мая 1945 года к нам по недавно вскрывшейся ото льда реке пришел разукрашенный флагами колесный пароход «Сталин» (в те годы флагман буксирного флота на реке Лене), который делал остановку в каждой деревне и оповещал о нашей победе над фашистской Германией. Как я уже упоминал, телефона и радио в то время в деревне не было, а газеты привозили с десятидневным или более опозданием.

После окончания четырех классов пришлось учиться в семилетке в селе Петропавловск (в 18 километрах ниже нашей деревни). Ученики из близлежащих деревень съезжались в Петропавловск, чтобы учиться в пятом, шестом, седьмом классах. Некоторые жили у родственников или у знакомых, а большинство — в интернате. В интернате было два отделения — для девочек и для мальчиков. Ученикам предоставляли койку и постель, а питались они своими продуктами.

Каждую субботу, в том числе и зимой, в 40–50-градусный мороз приходилось пешком добираться домой. Выходили мы большой ватажкой ребятишек, которая по пути уменьшалась по мере прохождения трех близлежащих деревень (Лыхина, Беренгилова, Вишнякова). Дома мылись и парились в бане, знакомились с семейными новостями. Утром в воскресенье встречались с дружками, живущими в деревне, старались окунуться в атмосферу родной деревни, по которой, естественно, скучали.

После обеда начинались сборы в обратный путь. К тому времени заботами мамы в мешке уже лежали два-три каравая хлеба, намороженные в формах молоко и мясные супы, масло, пельмени и другие съестные припасы с расчетом на неделю. Очередной родитель запрягал в розвальни на конном дворе лошадь и ближе к вечеру увозил нас в Петропавловск.

Была в школе и самодеятельность. Ко Дню Красной армии в 1948 году (тогда я учился в шестом классе) мы подготовили и поставили в сельском клубе спектакль «Сын полка» по В.П. Катаеву. Мне в этой пьесе досталась роль Вани Солнцева, а моему дружку и тезке Юре Саралидзе — роль часового. Юра Саралидзе был сыном ссыльного грузина, и семья его жила в деревне Салтыковка, где его отец был председателем колхоза.

Должен отметить, что если в 30-е и 40-е годы XX века основная масса населения в стране питалась скудно, особенно в центральных районах, в нашей деревне подавляющее большинство ее жителей питались вполне полноценно. Утверждаю это не только потому, что наш отец, Петр Гуреевич Бараков, в эти годы был председателем колхоза. Всем жителям деревни было прекрасно известно, кто как живет, кто забил на зиму какую-либо живность, у кого сколько на подворье коров, кто и сколько получил зерна на трудодни и т. д. Русские печи были в каждом доме, поэтому хлеб у каждой семьи был свой. Молоко, масло, сметана, творог, грибы, ягоды, все овощи, рыба, мясо (свинина, говядина, баранина, курятина, утятина), яйца — все это давали собственное подсобное хозяйство, охота и рыбалка. Например, наша семья ежегодно засыпала в подполье до 200 мешков только картофеля, который шел на корм также и зимующей живности. Исключение составляли две-три семьи, отъявленные лодыри, хозяева одной из которых в свое время состояли в комитете бедноты и принимали активное участие в раскулачивании нескольких зажиточных семей деревни. Богатыми они от этого не стали, а как были до колхоза голытьбой,

Братья Бараковы (слева направо): Вениамин, Альберт, Юрий (автор воспоминаний). Деревня Кондрашина, 1946 г.

такими же остались при колхозной жизни, еле вырабатывая минимум трудодней. (В то время существовал закон, по которому колхозник, не выработавший минимум трудодней, привлекался к уголовной ответственности.)

С ранней весны широко пользовались для питания тем, что давала деревенская природа. Еще в дроворубе (о нем пойдет речь ниже) ранней весной в лесу с удовольствием ели очень сладкую, вытаявшую из-под снега бруснику урожая прошлого года. С ранней весны, когда начинало зеленеть поле, собирали щавель, ели лепестки и луковицы саранок, собирали раннюю землянику. Весной мама всегда заставляла нас натирать корки хлеба чесноком. На опушке леса, сразу за огородом, добывали березовый сок. По мере того как лето вступало в свои права, начинали поспевать грибы и различные ягоды (боярка, кислица, смородина, черемуха и т. п.), исключительно диких сортов. Созревали и овощи, посаженные на приусадебном участке (морковь, бобы, горох, репа, редька, огурцы, лук, помидоры и т. д.). Все это, разумеется, шло в пищу. Впрок заготавливали капусту, грибы, морковь, чеснок, свеклу, редьку, репу, брюкву, чернику, бруснику, черемуху и, разумеется, картофель, а также огурцы и помидоры.

Особенно, на мой взгляд, заслуживает упоминания сера, жевать которую было любимым занятием не только детей, но и взрослых. Это природный прообраз теперь искусственной

жевательной резинки. Заготавливали серу в лесу только с лиственничных деревьев. Наплывы серы на дереве откалывали вместе с корой, затем в протопленной русской печке, после выпечки хлеба, в какой-нибудь посуде растапливали серу, освобождая ее от коры, и разрезали на дольки. Установлено, что такая жвачка не только экологически чистая, имеет прекрасные вкусовые качества, очищает зубы, но обладает бактерицидными свойствами и содержит в себе большое количество полезных для человека веществ, в том числе биологически активных.

Если с питанием было в те годы нормально, то с одеждой и обувью — большие проблемы. Например, чтобы купить в сельской лавке соль и спички, при полном отсутствии денег приходилось сдавать не один десяток яиц, масла, ягод и т. п. Эквивалент обмена был явно в пользу государства, от лица которого выступала потребкооперация.

Евгения Никифоровна Баракова с сыном Альбертом, невесткой Зоей и внучкой Лидой. Деревня Кондрашина, 1959 г.

Все деревенские дети, да и многие взрослые с ранней весны и до поздней осени ходили босиком. Подросткам зачастую одежду шили из мешковины. Носить такую одежду довелось и мне. Более того, одна и та же какая-нибудь одежонка, чиненая-перечиненая, переходила с одних плеч на другие по мере подрастания детей. Хорошо помню, как осенью мы с криками мыли свои ноги, болевшие от мел-

ких трещин (цыпок). Шубы, полушубки, шапки, рукавицы были в основном собственного производства, для чего держали овец. Из выделанной шкуры быка или коровы шили ичиги, которые представляли собой сапоги с мягкой подошвой и стелькой из кошмы или пучка сухой травы. Для женщин шили чирки, то же, что и ичиги, только без голенищ, а с опушкой на щиколотке. По мере износа подошвы на них по многу раз накладывали заплаты. Валенки (их у нас называли катанками) были частью покупными, а частью самодельными. При наличии овечьей шерсти валенки катали в бане, и были они чрезвычайно теплыми. Для зимней охоты шили унты из меха сохатого (лося) или собачьих шкур. Многим семьям, родственники которых жили в рабочих поселках или городах, присылали старую одежду, которую с успехом латали и донашивали деревенские жители. Помню, как один из наших зятьев, работавший в городе Якутске автоинспектором, присылал свое старое милицейское обмундирование, в котором мои братья щеголяли по деревне, пугая ее жителей. Еще помню, как во время войны 1941–1945 годов в деревню приходили женщины из Алексеевского затона и Киренска и меняли вещи на продукты. Зачастую не было смены нижнего белья, и при походе в баню снятое белье тут же выстирывалось и вешалось над каменкой, где быстро высыхало. Видимо, в те годы в народе родились такие слова:

Колхозник идет — весь оборванный,
Кобыленку ведет — хвост оторванный.

В детстве в нас закладывались на всю жизнь такие качества, как трудолюбие, усидчивость, умение ценить чужой труд, развивались прикладные трудовые навыки. Это носило не только утилитарный характер (важный в крестьянских семьях), но и воспитательный.

Трудиться мне пришлось, как и всем детям в нашей деревне, еще с дошкольного возраста. Первоначально это были обязанности няньки — качал зыбку, наливал в рожок молоко и держал его, пока ребенок не высосет, наводил тюрю и кормил ею малыша, да и сам не прочь был полакомиться. В этом возрасте приходилось также стеречь цыплят от хищных птиц, выпущенных на прогулку, пасти телят, одним словом — выполнять посильную для меня в таком возрасте работу. Спрос за выполнение полученного дела был, как сейчас говорят, по полной программе. За нерадивость можно было получить подзатыльник, причем не от родителей, а от старшего брата или сестер. По мере подрастания содержание трудовых обя-

занностей менялось. Приходилось уже окучивать картошку, для чего для нас, подростков, были сделаны облегченные тяпки. Ездить на лошади я научился еще с малых лет. Никаких седел или попон для нас не было, садились верхом, одетые в штанишки и рубашонку, брали в руки поводья и могли скакать на лошади как угодно и куда угодно, какими-то непонятными для меня сейчас способами прочно удерживаясь на лошади. Деревенские дети ягодицы свои сбивали только однажды, когда впервые в жизни проезжали на лошади верхом целый день. После, когда сбитое место заживало, уже никакая езда не причиняла никаких травм.

С первого дня окончания занятий в школе и почти до последнего дня августа месяца все подростки работали в колхозе. Первоначально, по весне, приходилось возить на поля навоз. Подростки были только возчиками. Нужно было с пастбища пригнать лошадь, надеть на нее сбрую: хомут, шлею, седелку, запрячь лошадь в таратайку, подогнать таратайку к скотному двору, где взрослые нагрузят ее навозом, отвезти навоз в поле, где также кто-то из взрослых опрокидывал таратайку, выгружая навоз. Каждый старался запрячь такую таратайку, которая опрокидывалась сама, стоило только в месте выгрузки навоза начать пятить лошадь назад.

Юрий Петрович Бараков с двоюродной сестрой Мирой Степановной Романовой. Якутск, 1952 г.

Трудность в этой работе для подростков заключалась в стягивании супонью хомута и в

смазке деревянных осей таратайки дегтем, для чего нужно было снимать попеременно колеса. В последнем мы объединялись вдвоем. Моим дружком по таким делам несколько лет был Илья Бараков. Навоз в основном возили на Верхнюю и Нижнюю Гарь. Дело в том, что эти поля нашими предками были отвоеваны у тайги, земля была тощая, следовательно, нуждалась в удобрениях. Пойменные же луга и пашни почти ежегодно затапливались весной и получали большое количество плодородного ила.

По окончании вывозки навоза, во время посевной, наступала очередь боронить пашни, подвозить на телеге на поля мешки с семенным зерном и т. п. В период посевной, когда рабочий день длился от восхода до захода солнца, прямо в поле, на специальном стойбище (где стояли изба с нарами для ночлега и оборудованная конная привязь с яслями) колхоз организовывал плотное одноразовое питание со свежей говяжьей убоиной. Причем порции давали всем одинаковые, как взрослым, так и подросткам.

Следом, по окончании указанных работ, наступал сенокос. В наши обязанности входило возить копны к выставляемому стогу. Должен заметить, что заготавливали сено не только для колхозных нужд, но и для золотодобытчиков Бодайбинского района, расположенного на Витиме — правом притоке реки Лены. Для них на берегу реки выставляли несколько больших стогов (по-нашему «зародов»), которые потом увозили на баржах, предварительно прессуя сено. Практически все школьные каникулы мы трудились, не слезая с лошадей. Вставали утром еще до восхода солнца. Каждое утро мама будила нас, по многу раз повторяя жалобным голосом, что пора на работу. Как бы мама нас ни жалела, а приходилось подниматься, завтракать, брать узду и в предрассветный час по полю, босиком, по росистой траве, слушая разливающееся пение птиц, идти к пасущемуся своему коню, обуздывать его, поить и ехать к месту работы. Лошадей мы очень любили, настолько, что у многих мальчишек была заветная мечта стать конюхом. Высыпались мы, только когда шел дождь, а в вёдро всегда вставали до восхода солнца и приходили домой ночевать уже после его заката.

После начала занятий в школе мы освобождались от работы только в колхозе. Домашняя же работа не оставляла нас круглый год. Нужно было убирать урожай на своем огороде. Особенно трудоемким было выкапывание картошки (я уже упоминал, что наша семья ежегодно ее накапывала до 200 мешков). В военные годы зимними вечерами приходилось чис-

тить и сушить для фронта картофель. Сушили в русской печи. Сдавали за зиму несколько мешков сушеной картошки. Платы за это не полагалось — это была помощь фронту. По первому снегу вывозили из леса просохшие за лето дрова, которые потом всю зиму постепенно кололи. Уборка двора от снежных заносов, ежедневное сопровождение своего скота на водопой на речную прорубь и много других обязанностей, которые ложились на наши плечи.

Николай Петрович Бараков. Грузия, 1956 г.

В то время трудолюбие считалось главным достоинством человека, основой его жизни. Мы, подростки, постепенно втягивались в работу, в многотрудную жизнь семьи, навсегда приобретали огромное уважение к труду и к тем, кто добросовестно трудится. В весенне-летний период в 30-е и 40-е годы XX века в нашей деревне не было не только случаев пьянства, но даже каких-либо выпивок, какие бы ни случались события. Посевная, заготовка кормов, сбор и обмолот урожая, сдача госпоставок, подготовка к зимнему периоду — все эти работы требовали напряженнейшего труда всех трудоспособных жителей деревни, включая и подростков.

Кому-то такое детство, какое было у меня, может показаться «украденным». Свидетельствую, что это будет ошибочное мнение. Для убедительности приведу всего лишь два примера. Всемирно известный хирург, академик Федор Григорьевич Углов провел свое детство в деревне Чугуевой, находящейся

всего в 15 километрах от моей деревни. Тот же труд с раннего детства, та же лучина не обошли его стороной. Аналогичное детство было и у конструктора ракетно-космической техники, академика Михаила Кузьмича Янгеля, детство которого также прошло в сибирской деревне Иркутской области. Оба они в своих воспоминаниях отмечали, что трудолюбие, нравственные устои привили им в раннем детстве, и они служили им ориентиром на всю последующую жизнь. Таких примеров можно привести много.

Опыт предков

Приведу несколько характерных, на мой взгляд, примеров из жизни нашей крестьянской семьи в 30-е, 40-е годы прошлого столетия.

Дроворуб

В деревне топливом служили исключительно дрова. Заготовка дров была важным событием и производилась один раз в году, в раннюю весеннюю пору, когда деревья уже оттаяли, а сокодвижение еще только начиналось. Дрова, заготовленные в эту пору, быстрей высыхали, а деревья было легче пилить. Для заготовки дров в тайге на расстоянии двух-трех километров от деревни выделялся специальный участок. В дроворубе (так называлось это мероприятие) участвовали все трудоспособные члены семьи, в том числе и подростки. Срубленные деревья (листвень, сосна, береза, осина) очищали от сучьев, распиливали вручную на чурки, которые кололи на две или четыре части, в зависимости от толщины дерева. Затем выкладывали поленницы, причем поленья укладывали обязательно ко-

Вениамин Петрович Бараков. Остров Сахалин, 1959 г.

В деревне Кондрашиной (слева направо): Георгий Александрович Дмитриев, Вениамин Петрович и Николай Петрович Бараковы, Декабрин Николаевич Иванов, Александр Иванович Бараков. 1964 г.

рой вниз, для лучшей просушки. Выставленные поленницы клеймили — дегтем рисовали на торцах знак родового клейма, а также расчищали подъезд к поленнице. Березовые дрова заготавливали для растопки печи и на лучину, а осиновые — для легкой протопки железной печки, поскольку калорийность осиновых дров намного ниже калорийности остальных пород. Обедали и полдничали прямо в лесу, ночевать ходили домой. Работа была очень тяжелая, особенно при распиловке вручную деревьев и колке дров. Дров заготавливали с большим запасом. Вывозили дрова по первому снегу, в начале зимы, и складывали в большие поленницы возле дома. Мы, подростки, во время дроворуба, который длился три-четыре дня, успевали полакомиться в лесу перезимовавшей брусникой и чаем, заваренным брусничными листьями.

Заготовка орехов

В урожайный на кедровые орехи год все трудоспособные члены семьи, в том числе подростки, уходили в тайгу на неделю для их заготовки. Каждая семья брала с собой лошадь, запряженную в волокуши с необходимой поклажей, с которыми можно было проехать в тайге по любой тропе вплоть до кедровников. Место это называлось Кутулака. Шишки сшибали с кедра с помощью «кия» — это тяжелая чурка, насаженная на длинную, пяти-шести метров, жердь. Свободный конец жерди упирали в землю возле кедра, чурку поднимали и ударяли о ствол. От сотрясения шишки осыпались на землю. Задача подростков заключалась в сборе шишек и их лущении. Для этого из осины изготавливали ребристые доски. Необходимые решёта для просеивания орехов привозили из дома. Для ночлега из лапника делали шалаш (у нас его называли «балаган»). Необходимые продукты брали с собой. В кедровнике стоял большой гам и шум из-за многочисленности заготовителей и постоянных громких перекличек соседей. Взятые с собой собаки гоняли белок и соболей, но добывать их в это время было нельзя из-за негодного летнего меха.

Юрий Петрович Бараков на школьном угоре в деревне Кондрашиной. 1964 г.

При благоприятных условиях за неделю заготавливали четыре-пять мешков кедровых орехов, укладывали их на волокушу и привозили домой. Многие семьи в деревне с оказией, на пароходе или на барже, отправляли излишки картофеля, орехов, табака-самосада в город Якутск для продажи. Обычно в Якутске у всех этих семей проживал кто-то из родственников и помогал реализации товара. Иногда заодно отправляли излишки тех семей, которые не могли это сделать самостоятельно. Все дело в том, что деньги на трудодни колхоз не давал, и единственными источниками поступления денег в любую семью были пособия на каждого рожденного ребенка и выручка от продажи излишков. Каких-либо пенсий не существовало.

Охота

На мой взгляд, представляют интерес поняга, лыжи и одежда, которыми пользовались наши предки во время охоты в тайге. Поняга представляла собой тонкую, легкую, деревянную доску по размерам спины охотника, с лямками, как у рюкзака. Внизу к поняге крепился широкий кожаный ремень с пряжкой, облицованный изнутри, в районе прилегания ремня к пояснице и бокам, более широким мягким войлоком. На боковой стороне ремня крепилась скоба для топора. С наружной стороны поняги имелись сыромятные ремни для крепления охотничьих припасов, упакованных в водозащищенный мешок. Исключительно важным достоинством такой поняги было то, что благодаря нижнему поясу основная вертикальная нагрузка от припасов распределялась не на плечи охотника (а следовательно, на позвоночник!), а на подвздошные кости таза. Кроме того, разгруженный плечевой пояс позволял охотнику свободно манипулировать и ружьем, и топором. Даже при весе припасов в 20–30 килограммов поняга позволяла охотнику совершать длительные таежные переходы с меньшей утомляемостью, чем если бы вместо поняги был, например, рюкзак или мешок с лямками. К сожалению, этот мудрый способ наших предков основательно позабыт. Обыкновенный рюкзак с поясным ремнем не разгружает позвоночник, поскольку сторона рюкзака, прилегающая к спине, не жесткая и груз, свисая вниз, все равно оттягивает лямки, нагружая плечи. В случае с понягой лямки нужны только для того, чтобы поняга не опрокинулась.

Второе — это лыжи. Лыжами у нас называли, собс-

твенно, охотничьи лыжи, которые делали из тонкой, легкой, упругой, прочной деревянной пластины длиной немногим более метра и шириной 25–30 сантиметров. Большая площадь опорной поверхности лыж позволяла удерживать охотника на поверхности снежного покрова при различной его толщине и любой плотности. Нижнюю, скользящую сторону лыжи по всей поверхности облицовывали мехом, снятым с ног убитого сохатого, лошади или оленя, причем ворс меха располагался по ходу движения. Благодаря меховому ворсу такие лыжи без смазки легко скользили по снегу при любой погоде (оттепель, мороз и т. п.), к ним не налипал снег, и лыжи не разъезжались в разные стороны при ходьбе по снежной целине, а направление ворса препятствовало скольжению лыж назад как при ходьбе, так и при подъеме на склон. Это позволяло охотнику снять при

Евгения Никифоровна Баракова в кругу семьи. Первый ряд (слева направо): Глафира Петровна (дочь), Евгения Никифоровна, Декабрин Николаевич (зять) с дочкой Любой, Петя (внук), Зоя Ивановна (невестка) с сыном Сашей и дочерью Лидой. Второй ряд – Ирина Васильевна (невестка), Эльвира (внучка), Галя (внучка), Мира Петровна (дочь), Юра (внук). Третий ряд – Георгий Александрович (зять), Вениамин Петрович (сын). Деревня Кондрашина, 1964 г.

Мира Петровна Дмитриева (урожденная Баракова, сестра автора) с дочерью Валей. Деревня Банщикова, 1964 г.

ходьбе на таких лыжах излишнее напряжение икроножных мышц и совершать по тайге без особой усталости многокилометровые переходы. Лыжными палками охотник не пользовался — свободными руками в любой момент охотник мог воспользоваться ружьем или топором. Крепление лыж было только на носках с расчетом быстрого освобождения от них в критических ситуациях.

Одежда охотника также имела свои особенности — наружная куртка и брюки были из грубого толстого сукна (типа шинельного), на которых не таял снег при любой погоде. Обувью служили, как правило, меховые унты с мягкой подошвой, на которых также не таял снег. Это важное обстоятельство, так как позволяло одежде охотника никогда не намокать (и избегать простуды) при длительном нахождении в лесу даже при обильном снегопаде. Добычей охотника в лесу становились зайцы, белки, соболь, лисица, различные пернатые и т. п. Медведя добывали, но обязательно группой охотников. Без охотничьих собак охотник в лес не ходил. Кстати, даже зимой собак в избу не пускали.

Рыбалка

В детстве рыбу ловили решетом в речке Бакалде в какой-нибудь яме, глубиной метр-полтора. Ловили гольянов. Одним расщепленным концом палки зажимали борт решета. Вовнутрь решета помещали колобок теста и погружали в яму. Косячки гольянов набрасывались на колобок, и когда рыб набиралось достаточно — решето вытаскивали. Переходя от ямы к яме, можно было наловить целое ведро гольянов, которые заходили в речку из реки Лены.

В период ледостава при замерзших заберегах (замерзший чистый лед вдоль берегов реки) мы, подростки, выходили на этот лед с топорами. Двигаясь по заберегу, разыскивали налимов, стоящих подо льдом. Если налим обнаруживался, нужно было сильно ударить точно над ним обухом топора. При удачном ударе налим переворачивался вверх брюшком (делал «оверкиль»), и, вырубив топором во льду лунку (толщина льда не более десяти сантиметров), доставали добычу.

Ловили рыбу мы и на удочку, на переметы, в корчаги, фитили, в озерах ставили сети и т. п. Зимой рыбу также ловили, но это уже было занятием взрослых. Для зимней рыбной ловли на реке устраивали специальные «заездки», позволяющие сетями производить подледный лов рыбы. В осенние темные ночи на реке рыбу лучили. Особенности такого способа следующие. На носу лодки укреплялась «коза» — что-то вроде корзины с крупными ячеями, сделанная из тонкой полосовой стали. За счет длинной рукоятки сама корзина выносилась примерно на полметра дальше носа лодки, другой конец рукоятки крепился к носовому килю лодки. В корзину загружали «смолье» — поленья дров, заготовленные из сосновых старых пней, с большим содержанием смолистых веществ. Такое смолье хорошо горело и давало яркий свет. Лучили два человека. Один — на корме лодки, осторожно и тихо шестом продвигал лодку против течения вдоль берега, другой — на носу лодки, колол острогой попадающуюся рыбу, которую в чистой воде и при ярком освещении было хорошо видно. По мере сгорания смолья добавляли свежие поленья и продолжали лучить.

Баня

Банные дела в Сибири занимали существенную и важную часть быта крестьян. Еженедельное посещение бани

Юрий Петрович Бараков с женой Тамарой Александровной. Владивосток, 1989 г.

было непременным делом. Дедушка, Гурей Семенович Бараков, рассказывал, что, по преданию, когда новоселы за лето успевали только срубить дом с русской печью, всю зиму семья не только мылась в русской печке, но даже умудрялась и париться в ней, хотя в основном она предназначалась для выпечки хлеба. Еще в 30-х годах XX века все бани сельчан стояли у речки Бакалды обособленно от домов. В начале 1940-х годов каждый хозяин перенес свою баню ближе к дому, но на достаточном удалении (обычно в отдаленном углу огорода) в противопожарных целях. В то время бани в деревне были «по-черному». Это означало, что дым от горящих в каменке дров выходил в помещение бани и через отверстие в потолке — наружу. В топку каменки вместе с дровами загружали десяток-полтора камней, таких же, какими обложена каменка. Когда каменка раскалится, то вынутые из топки щипцами камни погружали в бочку с водой, отчего вода нагревалась и использовалась для мытья и стирки. Нагревание воды в бочке, удаление недогоревших поленьев, помывка парильного полка́, скамеек, пола, закрывание в потолке дымового отверстия — все это

называлось «кутать баню». Кварцевые камни для каменки размером и формой с большой огурец собирали на галечных участках берега реки Лены. Гранитные камни считали вредными. Камни, которыми нагревали воду, от резкого охлаждения раскалывались, и их заменяли новыми. Веники были березовые, и их впрок на весь год заготавливали весной в определенные дни. Ходили в баню поочередно — сначала тятя с нами, сыновьями, потом мама с дочерьми, нашими сестрами. Парились у нас в семье тятя и мама очень сильно. Чтобы не обжечь уши и руки, тятя надевал старую шапку и рукавицы, а мы лежали на полу, и при этом старались дышать через щели в полу. Приучили париться и нас. Например, я до сих пор не могу обходиться без парной при наличии в квартире ванны и водопровода с горячей водой.

Еще одно немаловажное замечание. При строительстве бани, устройстве полка и других деревянных атрибутов использовалась не любая древесина, а исключительно осина. В

Мария Петровна Лобанова (урожденная Баракова, сестра автора) (вторая слева) с мужем Виктором Ивановичем, дочерью Верой и внучатами. Рядом с ней – автор и его жена Тамара Александровна. Город Покровск (Якутия), 1990 г.

отличие от сосны и лиственницы, осина не выделяет смолу и является гигроскопичной, подсушивая пар. Если, например, сиденье из твердых пород дерева в парной нагревается как металлическое и на него невозможно сесть, то с осиновым такого не происходит. Не использовались при устройстве бани и металлические гвозди.

Гужевая повинность

Существовала в то время для деревни гужевая повинность, не связанная с работой в колхозе. Это прежде всего почтовая гоньба. Было два плеча. Вверх: Кондрашина — Чечуйск (10 километров), вниз: Кондрашина — Петропавловск (18 километров). Почту возили на розвальнях, запряженных парой лошадей цугом (у нас называли «гусём»). Коренника запрягали в розвальни, а пристяжная на постромках ставилась впереди коренника. На дуге у коренника были подвешены три колокольчика. Заслышав звон колоколов, любая встречная повозка обязана была уступать дорогу. Почту возили в больших кожаных баулах, и только зимой (летом было пароходное сообщение). Мой старший брат Николай Петрович Бараков несколько зим был ямщиком.

Когда не удавалось завезти летом по воде необходимые грузы в населенные пункты реки Нижняя Тунгуска, то зимой власти мобилизовывали в колхозах подводы для их завоза. Груз загружали в Чечуйской перевалочной базе Катангского райпотребсоюза и по зимнику доставляли его за многие сотни километров вплоть до Ербогачёна. Для обоза подбирали наиболее опытных крестьян и самых выносливых лошадей из-за очень сложного и трудного маршрута.

Юрий Петрович Бараков с внуком Максимом. Владивосток, 1994 г.

Гулянья

Свадьбы в деревне и другие гулянья устраивали не когда попало, а только глубокой осенью и зимой, после завершения всех крестьянских полевых и огородных работ. Угощались — переходя компанией из одного дома в другой. Танцевали под гармошку кадриль, плясали «подгорную», лихо отбивая трепака (что-то вроде чечетки). Пели старинные песни, вспоминая предков. Особенно мне запомнилась одна старинная песня, к сожалению, только первый куплет:

Вот вспыхнуло утро, румянец багрянцем,
Над озером белая чайка летит,
В ней столько простора, в ней столько печали,
Луч солнца у чайки крыло серебрит...

Есть там и дальше несколько таких же куплетов-шедевров, но до сих пор не могу разыскать полный текст этой дивной старинной песни.

Эпилог

Вплоть до образования колхозов основу деревенского общества составляла большая патриархальная семья. Менялись поколения, а крестьянский быт оставался практически неизменным.

С организацией колхоза первоначально многие крестьяне-колхозники всей душой поверили в радость общего труда, ведь помочи то и дело случались в деревне. Большинство колхозников работали не за страх, а за совесть. Особенно это проявилось во время Отечественной войны 1941–1945 годов. 14–15-летние девчата за день серпом нажинали по 40–50 суслонов хлеба. Две подружки — Римма Иванова и Мира Баракова (моя сестра), которым исполнилось-то всего по 17 лет, были награждены медалями «За трудовую доблесть», которые приравнивались к фронтовым медалям «За отвагу». Они нажинали по 60 суслонов в день!

Отчасти по не выбитой крестьянской любви к труду, из-за крестьянской привязанности к порядку, по освоенной за века науке выживать в суровых условиях Сибири примерно два десятка лет крестьяне-колхозники выдерживали гнет нещадной их эксплуатации.

Непосильное бремя государственных поставок вконец подорвало жизненные силы крестьян-колхозников. В

1950-х годах последовавшие различные преобразования в деревне, когда стали запрещать на подворье держать живность, урезание земли на приусадебных участках — основы более-менее сытной жизни крестьян — вконец разрушили крепкий крестьянский уклад, существовавший ранее. Стали рваться родовые корни — молодые парни после службы в армии перестали возвращаться в родные гнезда. Девчата стали уезжать в города. Население деревни стремительно сокращалось. Порушена водяная мельница, что стояла на речке Бакалде, задарма моловшая хлеб крестьянам. Резко сократилось поголовье скота. Стали зарастать мелколесьем Верхняя и Нижняя Гари — пашни, которые с большим трудом были отвоеваны у тайги нашими предками. И самое, пожалуй, главное — практически исчез, выморочен некогда трудолюбивый, смекалистый, плодовитый, физически и нравственно крепкий, работящий сибирский мужик.

Одним словом, получили обескровленную, опустошенную вконец деревню, за которую сегодня никто, наверное, не поручится, возродится ли она когда-нибудь, или уже нет.

Владивосток, 2003 г.

В.В. Лыхин

Мое ленское детство

Родился я на сибирской реке Лене, в деревне Лыхиной, 28 июля 1924 года в день равноапостольного князя Владимира.

Моя мать, Евдокия Петровна Лыхина, 1899 года рождения (девичья фамилия Шестакова, дочь Петра Шестакова из деревни Захаровой), происходила из простой, но зажиточной крестьянской многодетной семьи, репрессированной в начале 30-х годов XX столетия, получила образование в пределах церковно-приходской школы в селе Петропавловском и там же закончила курсы модисток (швей).

Братья мамы, Георгий, Дмитрий и Иван Шестаковы, в связи с репрессиями вынуждены были покинуть родные места и уплыть вниз по реке Лене. Впоследствии Георгий стал капитаном каботажного плавания и уважаемым человеком в Якутском речном пароходстве. Позже был назначен капитаном-наставником пароходства. За провод судов из порта Тикси до устья северных рек Оленёк, Индигирка в годы Великой Отечественной войны был награжден орденом Красной Звезды, умер в возрасте 72 лет и похоронен в Орле. Другой брат матери, Дмитрий, долго скитался по стране, был на Украине, хорошо рисовал, работал вместе с моим отцом на Корелинской верфи на реке Нижняя Тунгуска, затем долго жил в Якутске, работал бухгалтером, умер на 83-м году жизни. Младший брат матери, Иван, работал на сплаве где-то в низовьях Лены, умер в 24 года на операционном столе.

Старший брат моей мамы, Моисей, в Первую мировую войну воевал на германском фронте. После войны и лечения в госпиталях приехал в Киренск, женился, вступил в ВКП(б), занимал руководящие должности в Киренском райисполкоме. В 1938 году был взят как «враг народа», сослан в Магадан, где и исчез.

Мой дед по матери, Петр Алексеевич Шестаков, в начале прошлого XX века долго служил в Иркутске, носил окладистую бороду, был хмур и нелюдим. Летом вся его семья из восьми человек (двое старших, четыре сына и две дочери) занималась сельхозработами на своей земле, мужчины по первому снегу уходили в тайгу на охоту, где имели свой завод, возвращались в марте и готовились к весенне-полевым работам. Имея определенный доход от сельского хозяйства и охоты, семья активно торговала с купцами. О бабушке Вассе — жене деда Петра — мне мало что известно. Это была жен-

щина с очень доброй душой, почему-то курила трубку. После смерти деда Петра жила в Якутске с сыном Георгием.

В 1930-е годы в результате насильственной коллективизации крестьянства советской властью прекратила свое существование большая, крепкая, самодостаточная крестьянская семья. А сколько их было в Приленье, Сибири, России?

Размышляя на примере семьи моего деда Петра, анализируя политические события, происходившие в те далекие и более поздние советские времена, думаю, что причинами разрушения и гибели крестьянских хозяйств того периода и затем медленного умирания целых деревень, в том числе и многих крестьянских поселений на берегах большой сибирской реки Лены, были:

1. Внедрение в крестьянскую жизнь социалистической, плановой экономики, прекращавшей свободный частный труд на земле; человек переставал быть хозяином своего надела, своей нажитой трудом собственности. Это вызывало сопротивление крестьян и репрессии против них со стороны советского государства, в результате чего была уничтожена более работоспособная и зажиточная часть крестьянства. Сейчас мало кто знает, что «колхозник» не имел права на паспорт свободного гражданина страны, он не мог покинуть деревню и изменить вид труда и место жительства.

2. Насильственное внедрение в крестьянский труд плановой экономики, образование коллективных хозяйств, подчиненных исполкомам и райкомам, исключало свободный товарообмен между производителем и потребителем. Производство сельского хозяйства перешло на плановый характер, вся товарная продукция колхозов забиралась государством. Отсутствие цивилизованного рынка и какой-либо конкуренции между производителями породило убогость ассортимента сельскохозяйственной продукции, ее бедность и качество; на долгие годы в стране Советов воцарилась карточная система на продукты питания.

В отличие от деда Петра, мой дед по линии отца, Николай Хрисанфович Лыхин, родившийся около 1866 года, плотно сельским хозяйством не занимался. Как я полагаю, большой период своей зрелой жизни он отдал наемному труду у ленских купцов. Вместе с тем в деревне Лыхиной он имел свой дом, дворовые постройки и земельные угодья. Как они использовались до октябрьского переворота 1917 года, мне ничего не известно. У деда Николая было двое детей: Надежда и Василий — мой отец. О Наде мне ничего не ведомо, известно лишь то, что она рано вышла замуж и рано умерла,

Петр Алексеевич Шестаков (справа) с племянником Кутявиным, учащимся кадетского корпуса, в будущем казачьим офицером, расстрелянным красными во время Гражданской войны. Иркутск, 1904 г.

как и ее мать, моя бабушка Алена Алексеевна, по девичьей фамилии Лыхина.

Мой отец, Василий Николаевич Лыхин, родился в 1900 году. Получил, как я думаю, неполное среднее образование. В год рождения моего отца дом был заколочен, а дед с семьей уплыл в село Витим — пересылочную базу поставки продовольствия, техники и оборудования на Бодайбинские золотодобывающие прииски купцами, владевшими судами Ленского пароходства. Видимо, там отец и получил свое образование. Вначале, как писала моя старшая сестра Елена, отец работал «мальчиком» в магазинах купца Дмитриева, а в 17 лет стал доверенным лицом по закупке продовольствия.

После Гражданской войны дед Николай вернулся в деревню Лыхину, в свой дом, и до 1929 года занимался крестьянским трудом. Здесь же мой отец встретил мою мать, Евдокию Петровну Шестакову. Насколько мне известно, они венчались в Петропавловской Спасской церкви, которую большевики скоро закрыли. Отец сначала работал в Петропавловском интегральном товариществе, а после его преобразования в потребительское общество перешел работать в Киренский райисполком уполномоченным по сбору продовольствия от

крестьян для нужд советской власти. Отец крестьянским трудом не занимался. Все хозяйство в семье вели мой дед Николай и моя мама.

В 1922 году родилась моя старшая сестра Елена, а в 1924 году появился на свет я. Мои детские воспоминания о жизни в деревне начали складываться примерно с 2–2,5 лет. Помню довольно большой солнечный двор, где постоянно играли соседские дети, заводилой среди них была моя старшая сестра, которая часто до драки ссорилась с двумя девочками из соседского двора Домненских.

Учитель Ефим Иванович Меркурьев с женой Еленой (слева) и тещей Зинаидой Михайловной Меркусовой (урожденная Шестакова, сестра Петра Алексеевича, по первому мужу Кутявина). Село Мухтуйское, 1914 г.

На задах двора стоял старый одноэтажный амбар, слева от него в сторону двора выдвигался довольно новый большой закрытый сарай, в котором внутри, по левую сторону, были сделаны стайки для овец, кур и свиней, на стайках размещался сеновал. С правой стороны в сарае был устроен небольшой коровник. Между стайками и коровником располагалась конюшня. По детской памяти вспоминаю, что у нас было несколько овец, две свиньи, корова и две лошади с жеребенком.

Справа от сарая размещался небольшой огород, который примыкал к забору соседнего двора Петра Иннокентьевича Лыхина с добротными хозяйственными постройками и новым домом. Помню, это случилось летом, в сенокосную пору. Улица деревни была пуста, день был сухим, теплым и ясным. По детской привычке я чем-то занимался на улице у дома. Вдруг по дороге проскакал всадник, который кричал, что Петру сенокосилкой отрезало руку. А случилось вот что:

Петр Иннокентьевич сидел на сиденье конной сенокосилки, запряженной парой лошадей. Во время остановки кони чего-то испугались, дернули сенокосилку, Петр не удержался на сиденье и упал на ножи сенокосной машины. Так потом он и ходил с одной рукой.

Наш двор со стороны улицы замыкался нашим пятистенным домом и старыми одностворчатыми покосившимися воротами, которые плохо закрывались. Поэтому они часто стояли открытыми и дети с соседних дворов беспрепятственно проходили во двор для игр. А играли в основном в прятки, городки, лапту и еще во что-то, скакали по клеткам.

Как мне кажется, наш дом был старым и достаточно просторным. Перед фасадной частью дома на улице был небольшой бугор, который образовался в результате выброса остатков старой глинобитной русской печи, отслужившей свой срок и замененной на новую. Вход в дом был устроен со двора. Входная дверь вела в своего рода прихожую, которая одновременно служила столовой и местом постоянного обитания жильцов дома. Слева от входа размещалась русская печь, передняя часть которой ограничивала небольшой площади кухню. От двери за печкой существовал ход на кухню. Столовая и кухня разделялись тонкой дощатой перегородкой и соединялись между собой дверным проемом. Первая дверь справа при входе в дом вела в небольшую спальню родителей, вторая дверь справа соединяла столовую (прихожую) с гостиной, которая в мою бытность не эксплуатировалась по своему прямому назначению.

Дмитрий Петрович Шестаков, брат Евдокии Петровны Лыхиной, урожденной Шестаковой

В летний период мы, дети — я и моя сес-

тра, часто оставались одни в доме. Дед Николай и наша мать постоянно находились в поле, работая на нашем наделе земли, сенокосе или лесной деляне, а отец, работая в интегральном товариществе, находился в Петропавловске. Как-то играя в прихожей, мы с сестрой решили заглянуть в гостиную и открыли дверь. К нашему удивлению и страху, в одном из трех окон гостиной мы увидели странную физиономию, не то разрисованную, не то в маске. Мы со страху выскочили из дома и решили заглянуть за угол строения, надеясь кого-то там увидеть, но обнаружили пустой двор. Это странное видение у меня в памяти хранится до сих пор, и я не могу дать ему объяснение.

В 1928 году наша семья — отец, мать, моя старшая сестра Елена, два младших брата, Юрий и Николай, — переезжает в город Киренск. Я с дедом Николаем остались в деревне Лыхиной. Куда делся скот, я не знаю, помню, что у деда еще были корова и лошадь, на которой мы с дедом ездили зимой в лес. Думаю, что дед меня очень любил и беспокоился обо мне. Питался я неплохо, у деда всегда был хлеб, в подполье — молоко, сливки, яйца. Тогда в деревне сапог не носили: дед сшил мне ичиги (обувь в виде сапог с мягкой подошвой, без каблуков), к зиме купил варежки и сделал лыжи-голицы, на которых я катался с небольшой горки у дома.

Мне помнится, что у деда Николая было две пары охотничьих лыж. Первая пара была обшита камасом, вторая — голая. Отсюда, видимо, и название лыж — голицы. Обе пары были короткими, но широкими, очень тонкими. На камасных лыжах в месте опоры стопы были приклеены березовые накладки, наверно для того, чтобы при ходьбе на лыжах на них не налипал снег. Крепления лыж были выполнены из тонких полос сыромятной кожи, соединения которых осуществлялись с помощью маленьких круглых палочек, вставленных в прорези кожаных полос. Лыжи изготавливались следующим образом: заготовки лыж из высушенной еловой древесины простругивались до тонкой, сантиметровой толщины, передние концы лыж распаривались в горячей воде, затем закладывались в специальные станки для загиба носков и помещались в теплую русскую печь. После сушки загнутым концам лыж придавалась определенная закругленность или заостренность носков.

Охотничьи лыжи со стороны скольжения оклеивались камасом, который представлял собой обработанную шкуру с нижней части ног крупного рогатого скота, оленей, сохатых. При движении на таких лыжах по снегу в гору усиливалось

сцепление лыж со снегом, что обеспечивало довольно свободный подъем охотника в гору, но не мешало скольжению лыж по склону.

Конечно же, дед изготовил мне только неширокие голицы. Уже в четыре года я довольно свободно перемещался по снегу и катался на лыжах с небольших горок. Впоследствии это сыграло в моей жизни большую роль. Я стал спортсменом-лыжником и выступал на довольно крупных соревнованиях гонщиков-лыжников 1-го разряда и мастеров лыжного спорта.

Родственники Е.П. Лыхиной, урожденной Шестаковой (степень родства и фамилии неизвестны)

В начале зимы 1929 года меня в сопровождении ссыльного — работника деда — санной почтой отправили в Киренск к своей семье. Кончилась моя деревенская беззаботная детская жизнь и началась городская, совершенно отличная от деревенской.

Когда меня привезли в город, наша большая семья ютилась в здании райисполкома на втором этаже, в маленькой комнате с печным отоплением. Вход на этаж и в комнату осуществлялся с черного хода, поэтому предполагаю, что тот двухэтажный дом, окрашенный в зеленый цвет, был дореволюционной постройки.

Мы, четверо детей — моя сестра, я и два моих младших брата, спали на полу. В качестве мебели в комнате стояли стол, деревянный комод и кровать для взрослых (родителей). Жили очень бедно. Хлеб давали по карточкам, и то не всегда, молока не было, масло и мясо на столе были редким явле-

нием. Через год нас поселили в деревянный одноэтажный старый дом, который, как и райисполком, располагался на берегу Лены, поэтому улица называлась Ленской. Во дворе описываемого дома располагалась колбасная, бывали случаи, когда рабочие колбасной одаривали нас, детей, кусочками их изделий, которые мы с удовольствием поглощали. Меня, сестру Елену и брата Юру устроили в разные детские сады, а какая причина этому, не знаю, — может быть, разные возрастные группы? Может быть.

Этот период моей жизни в северном старинном городе с 1929 по 1932 год связан с более четкими и интересными воспоминаниями. С исторической точки зрения того периода — периода начала 1930-х годов, город Киренск являлся островным населенным пунктом, расположенным на слиянии двух рек — Лены и ее притока Киренги. Как мне помнится, остров, на котором располагался город, со стороны ленского берега, в его южной части, имел достаточно высокую плоскую гору, которая называлась Епишкиной горой, а в месте слияния рек располагалась временами затапливаемая равнина, где-то в этой стороне находилась поскотина. На противоположном берегу Лены, напротив райисполкома, стояла деревня Воронина, а чуть ниже по течению — Красноармейский судоремонтный завод.

В городе было несколько каменных строений, в том числе две церкви, винно-водочный завод, дом городского потребительского общества и еще что-то. Помню, что в городе было три двухэтажных здания, два из которых, видимо, принадлежали райкому и райисполкому, а в третьем располагалась городская библиотека имени Н.А. Островского. Одна из церквей и фундамент сгоревший школы были расположены на Епишкиной горе, с которой зимой мы, дети, катались на железных санках. По рассказу матери, это были железные кованые санки, купленные еще отцу в Витиме в бытность его детства. Полозы санок к нашему времени сносились, а верх санок менялся несколько раз. На этих санках, уже живя в деревне Верхняя Корелина, катаясь с берега реки Нижняя Тунгуска, я чуть не угодил в полынью, однако успел свалиться с санок, а последние попали в полынью. Помню, мой отец выуживал их из полыньи багром.

Где-то в центре Киренска размещался старый, как мне казалось, седой парк. В нем стояла деревянная, уже черная и покосившаяся от времени церковь, которая потом сгорела. В 1930–1931 годах колокола церквей еще звонили. Особенно запомнился мне тревожный церковный набат, который звучал

всякий раз, когда в городе возникали пожары, а город горел часто. Потом церкви закрыли. Мы, дети, чего-то страшась, заглядывали в открытые двери церквей, тогда на их лестницах было разбросано и валялось много церковных книг, выполненных из хорошей плотной бумаги и написанных черно-красным цветом на староцерковном языке. После закрытия церкви были брошенными, бесхозными и являлись обиталищем нищих и часто горели.

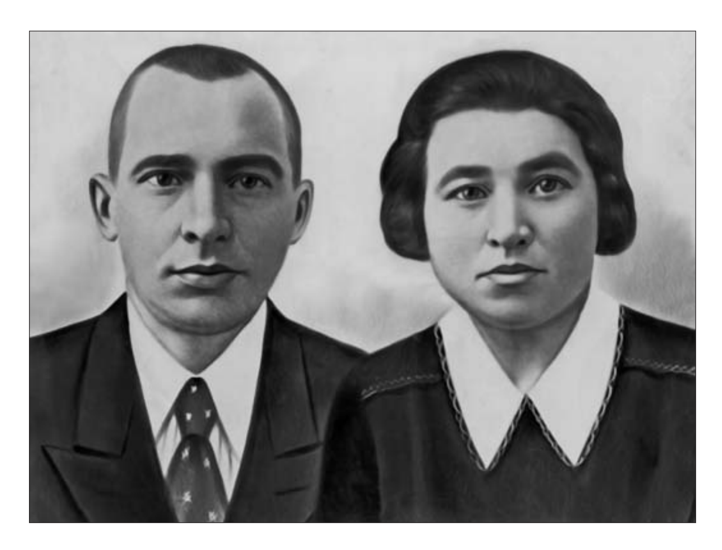
В старом парке кроме накренившейся старой церкви были захоронения погибших летчиков, которые первыми осваивали воздушные авиалинии Крайнего Севера. На их могилах в качестве памятников были установлены воздушные винты аэропланов. Моя детская память еще хранит впечатление от первого полета самолета над деревней Лыхиной. Тогда вся деревня, увидев самолет и услышав звук мотора, попряталась, кто куда мог. Мы, дети, залезли под кровать. Этот полет аэропланов состоялся не то в 1927, не то 1928 году.

Надежда Николаевна (урожденная Лыхина, дочь Николая Хрисанфовича Лыхина) с мужем Борисом Михайловичем Рудых. 1914 г.

Выше я писал, что на Епишкиной горе недалеко от каменной церкви сохранился фундамент сгоревшей школы. Мы часто, идя в детский сад и возвращаясь домой, задерживались на этом месте, бегали по фундаменту, заглядывали в заброшенную церковь.

Жизнь на берегу большой реки научила меня еще одному жизненно важному делу — плаванию. К

Василий Николаевич и Евдокия Петровна Лыхины

берегу Лены часто причаливали плоты, и, наблюдая за тем, как взрослые купались в реке с этих плотов, я тоже стал осторожно осваивать воду. Получалось это так: я забирался на плот и нырял с него в воду в направлении берега. Проплыв некоторое время под водой, у берега я вставал на ноги, где уже было неглубоко. С течением времени я стал держаться на плаву недалеко от берега. А в 14 лет, уже живя в Пеледуе, я решился переплыть реку Лену в сопровождении рядом идущей лодки.

В моей детской памяти ярко зафиксировались события, которые каким-то странным образом определили мою будущую профессию, судьбу, смысл целой жизни. Еще в 1929 году, когда мне было пять лет, у меня в памяти осталась яркая картина открытого пожара дома, расположенного в деревне Ворониной на другом берегу Лены, и две упряжки саней пожарного обоза, бешено мчавшихся лошадей по извозу к реке и затем по льду — к пожару. И главное, что выхватила моя детская память, так это стройный ряд пожарных в блестящих медных касках и белых брезентовых костюмах, сидящих на санях пожарных экипажей.

Второй запомнившийся мне в детстве пожар был страшным и разрушительным. Это было в начале 1930-х годов в Киренске. Горели продовольственные склады, пламя, подхваченное горячим вихрем, высоко взметалось вверх, рвались

консервные банки и далеко разлетались от эпицентра пожара, рушились стены и балки горящих складов, искры снопами летели к небу. Эти картины необузданного пламени до сих пор хранятся в моей памяти.

В 1932 году, зимой, наша семья переехала на Нижнюю Тунгуску, приток Енисея. Сначала мы жили в деревне Верхняя Корелина, а затем переместились в Нижнюю, которая находилась в километре от Верхней.

Переезд в эти деревни был связан с переходом отца из Киренского райисполкома на работу в систему Главного управления Северного морского пути, образованного в связи с основанием морского судоходства по Северному Ледовитому океану, его морям вдоль берегов СССР. Тогда для обеспечения жизнедеятельности северноморских баз, расположенных по побережью Ледовитого океана, на больших реках и их притоках, впадавших в океан, создавались небольшие судостроительные верфи для строительства малотоннажных деревянных судов, доставлявших по рекам на северные базы продовольствие и строительные материалы. Так, на Нижней Тунгуске в Верхней Корелиной были устроены лесобаза и судостроительная верфь, возводившая небольшие барки-кунгасы, которые по весеннему половодью, после ледохода, загружались лесом и отправлялись на Север по Нижней Тунгуске и Енисею.

В 1932 году, на восьмом году своей жизни, я пошел в первый класс деревенской школы, которая представляла собой одноэтажное деревянное строение с двумя помещениями. В первой половине этого дома жила учительница, а во второй половине, большей по размеру, располагался учебный класс. В этом классе обучались школьники от первого до четвертого класса, все в одном помещении. Учительница, переходя от одной группы школьников к другой, давала задание каждому школьнику и контролировала ход его выполнения. При такой системе обучения мои знания ученика первого и второго классов были более чем скромными. Писали мы тогда на грифельных досках — в наше время музейная редкость. Эта письменная принадлежность состояла из специальной доски, изготовленной из какой-то черной химии, обрамленной деревянной рамкой размером примерно 15 на 20 сантиметров, и грифеля — круглой меловой палочки диаметром пять миллиметров. Приспособившись к этому учебному устройству, можно было писать и решать несложные задачи. Однако они скоро исчезли.

В этой школе я закончил первый, второй и половину

третьего класса, учебу пришлось прервать в связи с новой сменой местожительства моими родителями. Эти годы моей детской жизни в Верхней и Нижней Корелиной помимо посещения школы были заполнены беззаботными детскими забавами. Мы много времени проводили на природе, нас было трое братьев, старшая и появившаяся к тому времени младшая сестра Валентина не в счет. Летом обязательно обитали на речке, а зимой играли на улице. В те времена деревенские мальчишки всех возрастов упражнялись в игре в бабки в различных комбинациях, вариантов игр было очень много. В основном для игр использовались бабки от ног крупнорогатого скота и крупных диких животных, таких как олени, сохатые. Никаким образом не принимались в игру свиные и лошадиные бабки. Почему? Не знаю. Помимо игр с бабками мы много катались с горок на коньках, на санках, еще на чем-то. Помню, первыми моими коньками были деревянные, которые мне изготовил опять же дед Николай. Это были коньки в виде маленьких лодочек, конической формы. Полоз коньков дед оббил полоской из тонкой жести. На этих коньках я научился бегать и кататься с горы. На другой год отец привез мне из Киренска настоящие коньки-снегурочки, на которых я катался года два или три. Таким образом, к восьми годам своей жизни я уже умел кататься на коньках и лыжах, хорошо

Василий Николаевич Лыхин с дочерью Еленой. 1930-е гг.

держаться на воде и плавать. Это потом очень пригодилось мне в будущем — юноше, солдату, офицеру.

В Нижней Корелиной я навеки расстался с моим любимым дедом, который не только приобщил меня к спорту, не предполагая, какую жизненную школу я пройду и кем стану, дед заложил в меня основы жизни. Только сейчас я оценил, что значил для меня дед Николай, который тихо и незаметно умер, оставив в моей жизни неизгладимый след. Похоронили его на кладбище в Нижней Корелине.

Как-то в Верхней Корелиной пришлось наблюдать за процессом ограждения поскотины жердевой изгородью. Я с любопытством наблюдал за работой двух крестьян, занимавшихся этим интересным для меня делом. Моя цепкая детская память, независимо от моего желания, зафиксировала все, что происходило на выгоне для скота. Только получив инженерное образование, имея большой жизненный опыт и описывая с этих позиций увиденное в детстве, я вдруг с удивлением открыл для себя мудрость крестьянского труда и бесценный, теперь уже забытый, опыт моих предков.

Изгороди, эти простые, на первый взгляд, сооружения, ограждавшие огороды, посевы, поскотины, широко применявшиеся в крестьянских хозяйствах, не имели ни единого металлического элемента, стояли десятилетиями, не разрушаясь под действием атмосферных явлений, подпочвенных вод и внешних нагрузок. Изгороди ставились следующим образом: на предполагаемом участке ограждения заготавливались сосновые жерди диаметром 10–15 сантиметров. Высота изгороди определялась длиной кола, который, как правило, не превышал роста человека и изготавливался из заготовленных жердей. Нижний конец кола затесывался топором на длину 15–20 сантиметров и представлял собой острую трехгранную пирамидку, грани которой располагались под углом в 120 градусов. Такая форма затеса позволяла строго по вертикали загонять кол в землю. Делалось это так. В грунте намечалась точка установки кола. Поднимая и опуская кол в точку установки мускульными усилиями рук, его постепенно загоняли в грунт на нужную глубину. Для того, чтобы кол шел легче в землю и затем засасывался без доступа воздуха, в образовавшееся углубление периодически подливали жидкий глиняный раствор. Эта маленькая крестьянская хитрость позволяла с меньшими затратами усилий загнать кол в землю, придавала ему прочность стояния и предохраняла кол в земле от гниения на долгие годы.

Два кола, поставленные рядом на ширину толщины жер-

ди перпендикулярно к линии будущей изгороди, составляли ее опору. Опоры одна от другой отстояли на расстоянии двух-трех метров, как позволяли заготовленные жерди. Жердь, уложенная на тальниковые перевязки двух пар кольев (опор), составляла ряд, следующий жердевой ряд ложился выше первого на 35–40 сантиметров, в зависимости от назначения изгороди. Две опоры с уложенными на них рядами жердей назывались пряслами. Длина такой изгороди из множества прясел могла достигать нескольких километров и служила людям долгие годы.

Зимой 1934 года наша многодетная семья, в том числе и я, снова переехала в Киренск, причины переезда на новое место жительства мне неизвестны. Должен отметить, и это интересно, что все переезды семьи из одного населенного пункта в другой осуществлялись в зимний период. Думаю, это происходило потому, что в летнее бездорожье перемещение людей из одного места в другое было невозможно. Проселочные дороги летом были практически непроходимыми, и только установившийся зимой санный путь способствовал перемещению людей. В связи с переменой места жительства мне не пришлось закончить третий класс, остаток зимы я прокатался на коньках и бил баклуши.

В Киренске мы поселились на улице Параллельной, 22, в деревянном двухквартирном доме. Наша квартира была маленькой, состояла из общего входного коридора, одной комнаты и кухни, мебель была та же: кровать, деревенский старый комод, стол и несколько стульев. С момента выезда семьи из деревни Лыхиной она не обогатилась и не пополнилась, была такой же нищей и убогой. Частые переезды не способствовали ее пополнению и обновлению, жизнь была скудной, хлеб и основное продовольствие — крупы, мясо и еще что-то — выдавались по карточкам. Шла 15-я или 16-я годовщина «Великого» Октября 1917 года. Сейчас, когда я пишу эти строки, очень трудно совместить события, явления и годы тех далеких теперь времен.

На следующий год меня устроили учиться в новой двухэтажной школе, пришлось снова учиться в третьем классе. Моя старшая сестра Елена училась в шестом классе образцовой школы, расположенной рядом с новой. Это было старое, красивое, как мне казалось, одноэтажное рубленое здание дореволюционной постройки, с белыми крашеными окнами со ставнями. Школа располагалась в небольшом саду из елей. Мы, школьники из новой школы, очень завидовали тем, кто учился в этой красивой старой школе. Кто учился в

Дети Василия Николаевича и Евдокии Петровны Лыхиных: Владимир (автор воспоминаний), Юрий и Елена. Поселок Пеледуй, 16 июня 1937 г.

ней и по каким критериям туда отбирались ученики, мне не известно.

В этом году я пристрастился к чтению книг. В библиотеку имени Островского, что располагалась от нас в четырех улицах возле старого парка, меня записал мой отец, а после я посещал ее самостоятельно. В то время в Киренске уже было электрическое освещение. Хорошо запомнилась продолговатая, единственная в квартире электролампочка, которая тускло светила под потолком, слабо освещая портрет Орджоникидзе, неизвестно как попавший к нам. Лампочка часто мигала из-за падения напряжения, чтобы читать книгу вечером, я ставил на стол стул под лампочкой и таким образом осваивал текст и содержание книги. Взяв книгу в библиотеке, я должен был ее обязательно прочитать, независимо от сложности сюжета, мне было стыдно возвращать ее в библиотеку непрочитанной.

В 1930-е годы Киренск представлял собой перевалочную базу по перемещению грузов по реке Лене из Усть-Кута и Жигалово на Север, в города Бодайбо и Якутск. В Киренске постоянно останавливались пароходы — колесные паровые суда, работавшие на дровах, поленницы которых располагались на

всем водном пути движения пароходов. Как мне помнится, эти пароходы буксировали деревянные баржи, принадлежавшие Ленскому управлению речного пароходства (ЛУРП) и Ензолотофлоту. Кроме пароходов и барж грузы вниз по Лене переправлялись самостоятельно — на карбазах. Что из себя представляли эти плавсредства, остановлюсь несколько ниже.

Я и мои братья постоянно обитали на берегу большой реки, с любопытством наблюдая за тем, что происходило на воде. У Киренска река Лена делает крутой изгиб, и для того, чтобы развести буксиры, идущие навстречу друг другу сверху и снизу по фарватеру реки, на высокой горе за Красноармейским затоном был устроен своего рода «светофор», который далеко был виден судам, идущим навстречу друг другу с южного и северного направлений. Это позволяло регулировать движение судов по Лене и избегать их столкновения в районе изгиба. Сигналы на горе подавались путем подъема на Т-образном столбе цветных цилиндров и конусов, в ночное время на столб подвешивались зажженные фонари. Пароходы и буксиры, двигаясь по реке, определяли фарватер движения

Елена Васильевна Лыхина. 2 января 1940 г.

по бакенам, закрепленным якорями на воде, и створам, установленным по берегам Лены.

Подобный «светофор» также был устроен на скале в среднем течении Лены, где река врезалась в горную цепь, рассекая ее в узком каньоне, неслась на север. В географии это место носит название Ленских щек. Согласно существовавшим тогда правилам речного судоходства, пароходы и буксиры, двигавшиеся вверх по течению реки с северной стороны утеса, увидев определенный сигнал, обязаны были причалить к берегу и пропустить суда, идущие вниз по течению с южного направления.

Я уже писал, что для освоения северо-восточной части Северного Ледовитого океана и прокладки по нему транспортно-водной коммуникации между морскими портами Мурманск и Владивосток по рекам, впадавшим в северные моря в пределах СССР, строились базы и верфи. Организация, которая занималась этим грандиозным проектом, называлась «Главсевморпуть» с аббревиатурой ГУСМП[118].

В 1934–1935 годах на левом берегу Лены в месте впадения в эту реку ее притока речки Пеледуй возводились судостроительная верфь и рабочий поселок с одноименным названием Пеледуй. Собственно верфь располагалась в устье притока на южном высоком берегу, а рабочий поселок строился в лесном массиве на третьем геологическом ярусе, в километре от красивого левого берега Лены, представлявшего собой равнину с небольшими впадинами, береговыми перепадами, местами заросшими лиственными деревьями и кустарником. Береговая линия реки поросла сплошным тальником. Равнинная часть этой территории была распахана и засеивалась пшеницей или овсом. В период «черного» половодья это место заливалось водой. Для нас, детей, это было царством красивой природы, простора и приволья.

В 1934 году отец, завербовавшись на Север, приехал работать на верфь в должности бухгалтера, купил в Пеледуе маленький домик, и мы в июне 1935 года на карбазах, самосплавом, отправились, уже в пятый раз, к новому месту жительства. Это было незабываемое, впечатляющее для меня путешествие. Большая река, отличная солнечная погода, постоянно меняющиеся красивые, заросшие лесом берега, перемежающиеся яркими цветными лугами, и мы, медленно плывущие по реке на странном сооружении, похожем на древний ковчег.

---

[118] Главное управление Северного морского пути.

Юрий Васильевич и Владимир Васильевич (автор воспоминаний) Лыхины, 25 марта 1941 г.

Размышляя над словом «карбаз» и ознакомившись с наименованиями различных речных и морских судов, я пришел к выводу, что «карбаз» — это измененное слово «баркас» — весельное судно для доставки грузов, людей, десантов с больших военных кораблей на берег. Карбаз — плавательное средство, которым пользовались наши предки для перемещения людей, их пожитков, скота, грузов по течению больших рек. Где и когда родилась его конструкция, кто был автором этого плавающего деревянного сооружения, известно только истории. Думаю, что появление карбазов возможно было только на Руси, в России, где произрастало большое количество еловых лесов. В плане эта конструкция представляла собой прямоугольник, соединенный с треугольником. Днище и борта карбаза выполнялись из грубых еловых плах, закрепленных на каждом углу на стойках, которые изготавливались из нижних частей елей с корневищами. Все детали и конструкции карбаза крепились только с помощью деревянных шпунтов и нагелей, металлические изделия (костыли, болты, гвозди) не использовались.

Два карбаза, соединенные между собой задними, прямо-

угольными сторонами, составляли однорядную связку. Длина такой связки была примерно метров 15–20, ширина — метров пять-шесть. Связка могла состоять из одного, двух и трех рядов, насчитывая, таким образом, от двух до шести карбазов. Управление такими водными системами осуществлялось с помощью гребей, устанавливаемых на передних и задних носах связки на П-образном основании. Гребь представляла собой большое весло, которое изготавливалось из пяти-шеститиметрового нетолстого соснового бревна, один конец которого заканчивался плоской гребной частью. На другом конце бревна устанавливались деревянные штыри — кочни, за которые брались гребцы при работе с гребями. Количество пар кочней определялось количеством людей, управлявших таким веслом, это были два, три, а то и четыре человека на гребь. Для работы с гребями устраивались деревянные помосты, на которых сплавщики, управляясь с гребями, перемещали связку в поперечном направлении по течению реки. Рабочие-сплавщики, пассажиры, если таковые были, размещались на карбазах под навесами с возможными удобствами, грузы укладывались в штабеля по центру карбаза и укрывались от осадков брезентовыми тентами.

Для доставки грузов на Север использовались не только карбаза. Для торговли с населением, жившим на берегах Лены, сплавляли плавучие магазины — «паузки». С помощью таких плывших вниз по течению торговых точек осуществлялось обеспечение местного населения нужным продовольствием, приборами быта, сельскохозяйственными орудиями, одеждой и другим. Из-за сложности приставания к берегу такие магазины останавливались только у крупных населенных пунктов.

Карбаз как плавающее средство был громоздок, неповоротлив и очень инерционен, плыл только по течению реки. Поперечный течению маневр необходимо было делать только в случаях приставания к берегу или ухода от столкновения с каким-либо препятствием, и делать это нужно было заблаговременно. Особенно опасной операцией было причаливание связки к берегу. Осуществлялось оно следующим образом. К предполагаемому месту приставания высылалась лодка с двумя или тремя опытными сплавщиками. В лодке укладывался канат-причал, лодка выдвигалась вперед к берегу на 15–20 метров и в выбранном месте приставала к нему. Люди в лодке хватали конец каната, вытягивали его на берег, одновременно высматривая подходящее рядом дерево, за которое можно было зацепиться, делали два витка вокруг ствола

и, постепенно стравливая канат, погашали инерцию движения связки по течению. Случалось и такое, что причальное дерево вырывало с корнем, и опасный маневр начинался снова.

Сплавом связок по реке Лене от Качуга до Якутска и далее занимались бригады сплавщиков под руководством опытного лоцмана. Это был опасный и тяжкий труд, особенно в период приставания к берегу, а причаливание приходилось делать каждый вечер, так как плавание на карбазах в ночное время было опасным и не допускалось. Совершенно не исключалась возможность сесть на мель, столкнуться с судами, идущими по реке в любое время суток, или, еще хуже, налететь и разбиться о скалы.

Очень сложными прохождениями связок карбазов были плавания через сужения реки Лены в скалах. Особенно это было опасно в полосе Ленских щек и Пьяного быка. Река, сужаясь, убыстряла свой бег и в изгибе горной цепи быстро несла суда на скальные выступы. История рассказывает, что такие трагические случаи были — гибли люди, скот, грузы.

Путешествуя таким образом по большой реке и наблюдая слаженную работу сплавщиков и лоцмана, я с большим интересом следил за природой, рекой и тем, что происходило вокруг меня. Двухрядная связка наших карбазов — четыре карбаза — отчаливала от берега утром только при хорошей видимости. Однажды туманным утром перед отплытием я, мой отец, еще кто-то вышли на берег, туман поднимался вверх, обещая хорошую погоду. В разрывах тумана я увидел красивую зеленую поляну, покрытую ковром полевых цветов. Я был заворожен этой дикой, красивой, не тронутой рукой человека природой, меня особенно поразили ярко-красные головки жарков и голубые цветы незабудок. Не замечая, что делается на карбазах, увлеченный красками лесного видения, я совершенно забыл о возвращении на связку. А между тем карбаза отчалили, оставив меня на берегу. Родители спохватились, что меня нет на месте, и отправились за мной на лодке-шитике, все обошлось благополучно. Моя память до сих пор хранит в моем сознании эту первозданную прелесть.

Неизгладимые впечатления в моей детской памяти оставили Ленские щеки. Река, устремясь в узкую теснину скалистых гор, стремительно несла нас между высоких скал, в изгибе прижимая к ним нашу связку карбазов. Я видел напряженную работу гребцов и слышал отрывистые команды лоцмана, усилиями которых нам удавалось уходить от столкновения со скалистыми обрывами. Мимо нас, буквально в 20 метрах, стремительно проплывали розовато-серые стены скал, а

высоко над нами, на вершине скалы виднелись сигнальный Т-образный столб и маленькая фигура человека, наблюдавшего за нашим перемещением между утесами.

Убегая с нами дальше на север, река успокаивалась, расширялась, принимала торжественно серьезный вид и несла наше плавательное сооружение все дальше и дальше от опасных гор. Частые поселения людей — деревни — исчезли, начались лесные просторы северной тайги. Нас обгоняли редкие пароходные буксиры, тянувшие за собой баржи с грузами, или навстречу нам попадались суда, двигавшиеся вверх по течению Лены. Расстояние от города Киренска до поселка Пеледуй, 450–500 километров, мы преодолели за семь–десять дней, точно не помню. Наша связка карбазов причалила к так называемым Верхним складам Пеледуйской судостроительной верфи. Это был наш конечный пункт. Наша семья со своим небольшим домашним скарбом перегрузилась в большую лодку и, спустившись вниз по течению реки на семь километров, пристала к лесистому крутому берегу, на котором среди сосен виднелись редкие постройки небольших домиков.

Приплыли мы в Пеледуй в большое половодье «черной воды», после ледохода, когда река Лена, выйдя из берегов, залила все прибрежные луга и поляны. Оказалось, что мы, наша лодка, пристали к высокому склону третьего геологического яруса. Та равнина второго яруса, о которой я писал выше, оказалась под нами, под водой. Купленный отцом до-

Поселок Пеледуй. 1950-е гг.

На реке Лене в районе Пеледуя. 1950-е гг.

мик оказался в 200 метрах от причала лодки, располагался он в сосновом бору, рядом проходила лесная дорога, вдоль которой стояло несколько таких, как наш, домиков. Улиц и их наименований не было. Поселок только строился. Напротив нашего дома через дорогу простирался лес, в котором я находил ловушки и силки на зверей, установленные ранее местными охотниками. В этой части поселка не было ни радио, ни электрического света. Инфраструктура верфи находилась в зачаточном состоянии, судостроение не начиналось. Шел 1935 год.

Домик, купленный отцом, был маленький, с тремя окнами, прорубленными два — на восток, в сторону реки, и одно — на юг. Внутри домик разделялся на кухню с печью-плитой и маленькую спальню. Нас уже было семь человек: отец, мать и пятеро детей — две девочки и трое мальчиков. Как мы умудрялись размещаться в этом небольшом жилище, удивляюсь до сих пор. Примерно через год к дому был сделан более солидный пристрой, уже с четырьмя окнами. Мы, мальчишки, располагались в маленькой комнате домика, а родители и две сестры — в пристроенной половине, я уже имел собственную кровать.

Обстановка в доме была более чем бедной: старый, все тот же деревенский комод, два дощатых стола, четыре разнокалиберные кровати и разные виды мест для сидения. Белые занавески на окнах, цветочные горшки на подоконниках, фотографии в рамках на простенках дополняли довольно убогое убранство в доме. Частые смены места жительства в поисках лучшей жизни, переезды из одного населенного пункта в другой, в основном на гужевом транспорте, никаким образом не способствовали накоплению домашнего достатка. Мои мать и отец жили в эпоху перемен, это было потерянное поколение, не нашедшее своего настоящего жизненного счастья. Отец умер на 41-м году своей жизни, мать — на 91-м, живя у младшей дочери, в бедности. Отдав всю свою жизнь воспитанию пятерых детей, от советского государства мать в старости не получила ни копейки.

Наблюдая за бытом и жизнью населения в те далекие 30-е годы, оценивая их с позиции нынешнего времени, думаю, что существование его было бедным и скудным. Мебель, одежда, другие бытовые вещи и принадлежности в основном были кустарного изготовления, оставшиеся еще от царских времен, выполненные собственноручно или кустарями-одиночками, не утратившими профессиональных навыков индивидуального мастерства. Все было серо. Люди как могли старались украсить свои жилища и одеться сами. Велосипеды были большой редкостью, автомобильного транспорта не было вообще. Первый автомобиль я увидел в Киренске в 1933 году: колонна из трех или четырех грузовых автомобилей прибыла по зимнику. Зачем и откуда? Я не знаю.

До приезда в Пеледуй питались мы плохо, в то время существовала карточная система, и получить по карточкам сколько-нибудь достойное пропитание было практически невозможно. И только тогда, когда отец перешел работать в систему «Главсевморпуть», количество пайка и его ассортимент улучшились. Тем не менее продукты отпускались по списку и численному составу семьи. Все это было отменено только в 1936 году, когда товары и продукты стали отпускать свободно. Это случилось на 19-м году существования советской власти, которая, реализуя грандиозные цели плановой экономики по созданию в стране мощного тоталитарного государства и строительства коммунистического будущего, делала в экономику страны огромные капиталовложения, используя в этих целях все трудовые ресурсы. Быт и жизнь людей были на втором месте, зато в средствах массовой информации — газетах, радио и кино — рисовались картины

Николай Васильевич Лыхин. Порт Ванино, 1952 г.

«светлого будущего».

Свободная продажа населению продуктов питания, одежды, средств быта существовала до 1940 года. Ведение военных действий против белофиннов зимой 1939/40 года и подготовка к большой войне резко ухудшили жизнь людей. В стране снова была введена карточная система.

В 1937 году начались аресты среди работающих на верфи, увели и друга отца, Николая Попова. Людей брали ночью, наступило напряженное время. Население поселка что-то тревожно ожидало. Моего отца тоже куда-то вызвали, но он вернулся, о чем с ним беседовали, отец никогда не говорил. Я тогда учился в шестом классе, в школьном коридоре висел плакат, который изображал ежовые рукавицы, сжимавшие карикатурные фигуры «врагов народа» и выдавливавшие из них капли крови. Нас, школьников, это мало интересовало. С течением времени страх среди населения поселка утих, мы радовались жизни.

Рабочий поселок Пеледуй расстраивался — появились пекарня, баня, столовая, клуб, два магазина, две школы, наружные спортивные сооружения, то есть вся необходимая инфраструктура, связанная с работой и бытом людей, трудившихся на судостроительной верфи. Собственно судостроительная площадка располагалась на правом крутом берегу речки Пеледуйки, в месте ее впадения в реку Лену. Устье речки представляло собой небольшую дельту, состоявшую из двух проток и заключенного между ними большого низменного острова, который заливался весенними паводками двух рек.

В 1935 году на верфи была сделана первая строительная закладка четырех или пяти несамоходных судов — барж

водоизмещением не более 400 тонн каждая. Спуск посторонних судов на воду предполагалось производить, и позже это осуществлялось, на правую большую протоку, не имевшую течения. Левая протока за островом была основной, более быстрой и не такой широкой, как правая.

Сейчас, когда пишу эти строки, предполагаю, что строительство барж происходило по исторически сложившейся технологии создания парусных судов, еще сохранившихся от времени Петра Первого, в своей основе взятой с голландских верфей XVI–XVIII веков. Баржи возводили вручную бригады плотников, умевших работать с топорами.

Рабочие и служащие верфи, инженерно-технические работники набирались из разных точек огромной страны, но в основном это были русские умельцы. Из представителей других народов были украинцы, белорусы, татары, несколько евреев, по одной семье немцев и эстонцев. Национальных распрей не видел, а мы, дети, вообще были дружны между собой.

Производственные мощности Пеледуйской судостроительной верфи на Лене состояли из трех основных технологических частей — судостроительной площадки, лесозавода, кузнечно-механического цеха, а также конюшни и ряда вспомогательных мастерских. Не останавливаясь на судостроительной площадке, это сделаю ниже, хочу дать описание двум вышеуказанным производствам. Делаю это потому, что их механика, станки, оборудование и электровооружение показывают технический уровень и состояние средних производств советской страны в те далекие времена.

Итак, лесозавод являл собой производство, обеспечивавшее потребности верфи, поселка электроэнергией и лесопродукцией. Комплекс лесозавода включал в себя здание машинного отделения с электрогенераторами и центральным электрощитом, пристроенное к машинному зданию помещение однорядной пилорамы с необходимым оборудованием для лесопиления, лесобиржу и водокачку.

Главным энергетическим узлом верфи, установленным в здании машинного отделения, являлась паросиловая установка, состоявшая из двух паровых котлов и двух паровых машин, смонтированных на паровых котлах. Давление пара в котлах поддерживалось в пределах 16 атмосфер, установленная мощность каждой машины составляла 150 лошадиных сил. Топливом для котлов являлись деревянные отходы от пиления древесины, которые сжигались в их топках.

Валентина Васильевна Лыхина. Иркутск,1954 г.

Вращаемые паром маховики машин посредством плоскоременной передачи передавали крутящий момент на две динамо-машины, которые вырабатывали электроэнергию. Через центральный электрический щит, установленный здесь же, электрический ток передавался потребителям, основными из которых являлись пилорама, кузнечно-механический цех, поселок, другие вспомогательные службы.

Пилорама работала круглосуточно, в три смены бригад. Труд рабочих на пилораме был ручным и очень тяжелым. На пиление подавался круглый строевой лес длиной до восьми метров и в диаметре от 20 сантиметров в вершине до 40 сантиметров в комле. Ассортимент пиловочника был различным — от бруса до доски разных размеров и сечений.

Для транспортировки пиломатериала на биржу по узкоколейке использовалась лошадь. Штабели на лесобирже в основном укладывали женские бригады, приготавливая пиломатериал для транспортировки его на Дальний Север.

На верфь, где строились баржи, пиломатериал доставлялся гужевым транспортом. Работа плотников на стройплощадке не прекращалась даже при 40-градусных морозах.

Вторым по технологической значимости на верфи являлось кузнечно-механическое производство. Помнится мне, это было длинное, очень закопченное одноэтажное деревянное здание, которое впоследствии сгорело. Здание имело два помещения. В первом была размещена кузница, которая изготавливала кованые детали, необходимые в судостроении. В кузнице было установлено, как мне помнится, четыре наковальни с механическим наддувом воздуха в горны. На каждой

наковальне трудились кузнец и два молотобойца. Тоже ручной нелегкий труд.

Во втором помещении размещался токарно-механический цех, в котором стояло три или четыре токарных станка и гвоздеделательная машина. Все это оборудование было допотопным, во всяком случае, дореволюционной модификации.

Главное движение токарных станков — вращение — осуществлялось через общий, постоянно крутящийся трансмиссионный вал, на котором против каждого станка крутились четырехступенчатые шкивы. Такие же шкивы, но с обратными диаметрами, были насажены на главный вал станка. Передача крутящего момента осуществлялась посредством плоскоременной передачи от общей трансмиссии к каждому станку, и, чтобы изменить скорость резания обрабатываемого металла, необходимо было перебрасывать ремни передачи с одного диаметра шкивов на другой. Поперечное и продольное движение суппорта с закрепленным на нем резцом нужно было производить вручную, что делало работу на таком токарном станке тоже трудной. Конструкция станков предполагала нарезание резьб только в дюймовом измерении.

Такова краткая техническая характеристика этих производств того периода. На службе в армии с 1945 по 1947 год на танкоремонтной базе мне пришлось познакомиться с трофейным металлообрабатывающим оборудованием производства Германии, Японии, США. Вернувшись после службы в армии снова в Пеледуй, я был шокирован увиденным столь допотопным оборудованием.

Я описал сопутствующие производства, которые обеспечивали главную цель создания верфи — судостроение. Как я уже писал, строительная площадка по возведению барж простиралась вдоль высокой правой береговой полосы, в устье речки Пеледуйки. Это было ровное место протяженностью, я думаю, до двух километров. Площадка начиналась у лесозавода и заканчивалась у берега Лены. Место под строительство каждой баржи выбиралось с учетом рельефа берега и его крутизны, которые позволяли осуществлять безаварийный спуск судов на воду после завершения строительства корпуса без палубных надстроек, руля и якорного устройства. Все указанные конструкции достраивались, когда баржа находилась на плаву после ее спуска.

Возведение указанных несамоходных деревянных судов происходило следующим образом. На выбранной площадке по каждому борту строящейся баржи на грунт укладывались

клети, количество которых определялось в зависимости от длины корпуса баржи. Для клеточных опор использовался нестроевой брус метровой длины. Высота клетей составляла примерно метра полтора-два, но не больше, с таким расчетом, чтобы можно было достаточно свободно перемещаться и работать под днищем строящейся баржи.

На клети ложился киль будущего судна, к которому крепились носовой и кормовой штевни (форштевень и ахтерштевень). После этого к килю начинали крепить шпангоуты, которые определяли обвод баржи и ее высоту от киля до фальшборта. Верхние части шпангоутов скреплялись поперечными балками — бимсами, которые определяли ширину баржи. На бимсы укладывался палубный деревянный настил.

Борта баржи делались из набора толстых досок, которые ряд за рядом крепились к шпангоутам специальными длинными металлическими костылями конической формы с широкими шляпками. Эта крепежная деталь ковалась в кузнице верфи. Щели между досками конопатились с помощью деревянных лопаток бригадами женщин. В качестве конопатящего материала употреблялась просмоленная пакля, которая поступала на верфь тюками. Следом за конопаткой борта баржи подвергались смолению разогретой в чанах на костре смолой. Все эти трудоемкие операции проводились вручную на лесах, устраиваемых по каждому борту.

До спуска на воду корпус судна оборудовался дельными вещами: кнехтами, кабестоном (шпилем), ручной водяной помпой, фальшбортом с клюзами и т. п.

Самым зрелищным, интересным и ответственным моментом в строительстве барж был их спуск на воду. После того как корпус баржи был готов к спуску, под днище баржи подводили ряд бревенчатых шлюз, которые одним своим концом уходили по склону в воду, а другим — заводились под баржу. Бревна шлюз для лучшего скольжения обмазывались поверху смолой. Перед самым спуском под днище баржи устанавливали нетолстые стойки, баржа как бы вывешивалась на них, клети убирали. Перед спуском у каждой стойки стояли плотники с топорами, по общей команде они начинали быстро подрубать стойки. Многотонное сооружение, как бы не желая, оседало, ложилось на верхние концы шлюз и, медленно накренясь, начинало скользить по бревнам, ускоряя свой бег к воде. Под многотонной тяжестью смола и древесина бревен от сильного трения начинали дымить и выбрасывать клубы дыма, который окутывал днище движущейся баржи. Оказавшись на плаву, баржа, по инерции продолжая движение на

В эвакуационном госпитале (слева направо): старший сержант Козлов, рядовой Г. Горбунов, старший сержант В.В. Лыхин. Сентябрь 1943 г.

воде к противоположному берегу протоки, останавливалась, удерживаемая стравливаемыми причальными тросами. Во время спуска на барже находились люди, которые наблюдали за поведением судна с его палубы.

Это было завораживающее действо, собиравшее большое количество людей, которые хотели увидеть результат коллективного труда рабочих, инженеров и служащих судостроительного производства. Мы, дети рабочего поселка Пеледуй, были обязательными свидетелями этого торжества.

После спуска баржи на воду ее строительство продолжалось. На юте — кормовой части судна — возводилась палубная надстройка, которая включала в себя каюты для небольшой флотской команды, состоявшей из двух-трех матросов и шкипера, камбуз и навесной гальюн. Верхняя часть палубной надстройки заканчивалась ходовым мостиком и рубкой.

Якорное устройство таких деревянных буксируемых судов состояло из бушприта с однорядным блоком, кабестона (ручного шпиля) и якорной цепи, на которую подвешивался многопудовый якорь. При стоянке якорь бросали на подводный грунт, при отчаливании его поднимали матросы путем вращения шпиля вручную. Кабестон представлял собой деревянный ворот, изготовленный из толстого дерева, с вставляе-

мыми в него при работе с ним деревянными рычагами — вымбовками.

Интересной деталью баржи был ее руль, достаточно сложный и громоздкий узел румпельного типа, который шарнирно подвешивался на ахтерштевне. Руль являл собой рамную конструкцию трапециедальной формы, полученной от наклонно жесткопосаженного рычага управления — румпеля. Это был длинный брус, нижняя часть которого соединялась с высокой деревянной прямоугольной рамой — рулем. Верхняя часть бруса висела над ходовым мостиком и служила рычагом руления.

Строящиеся на Пеледуйской судостроительной верфи деревянные буксируемые суда были достаточно больших размеров по длине киля и ширине миделя, рассчитаны на переброску грузов в нижнем течении Лены и прибрежной полосе морей, расположенных в восточной части Северного Ледовитого океана, в летний период, по свободной от льда воде. Уводились баржи к месту своего плавания теплоходами типа «река–море», которые по большой воде весеннего паводка приходили в Пеледуй, буксировали связки барж, груженные пиломатериалом, и уводили их в низовья реки Лены.

Курсанты Свердловского пожарно-технического училища, стоит В.В. Лыхин. Свердловск, 1 января 1948 г.

Для производства деревянных барж требовалось очень много строительного леса, который вырубался по берегам Лены и ее притока, речки Пеледуйки, в 30–40 километрах от

верфи, и доставлялся к месту назначения только по воде свободным сплавом в кошелях, буксируемых катерами, или плотами.

В этой связи должен остановить внимание читателей на этом нехитром плавательном сооружении. Плот — интересное плавательное средство, которое широко и повсеместно использовалось населением этого северного края. Наши предки, жившие на берегах рек, научились делать плоты без единой металлической крепежной детали.

Наблюдая с пятилетнего возраста за этим несложным плавательным сооружением, я открыл для себя его прочность, способность длительное время находиться на воде, не разрушаясь под действием речных напоров на перекатах и шиверах. Насмотревшись на Лене в городе Киренске на эти плавательные средства, я в семилетнем возрасте, живя уже в деревне Верхняя Корелина на малой верфи, попытался сделать себе плот из оставшихся отходов стройматериалов. Как только я отчалил от берега, меня быстро понесло. Я очень испугался, но не растерялся и начал небольшой доской грести к берегу. Выбравшись из этой опасной ситуации, я долго не мог прийти в себя.

Плоты из круглого леса собирались следующим образом: на концы двух бревен, находящихся на плаву, надевали свитое из тонкого ствола березы кольцо, а на бревна, перпендикулярно к ним, укладывалась слега — круглое нетолстое дерево. На слегу натягивали верхнюю, свободную часть кольца и в образовавшуюся петлю вставляли деревянный клин, нижний конец которого входил в щель, образованную двумя бревнами и слегой. Ударяя по верхнему концу клина, усиливали натяг березового кольца. Таким образом сильно стягивались два вышеуказанных бревна и слега. Под слегу снова подводили два следующих бревна, и операция сплочения повторялась. Длина слеги определяла ширину плота. Таким же образом одновременно осуществлялось скрепление второй части плота.

Основным крепежным элементом плота являлось березовое кольцо, которое изготавливалось из тонких хлыстов березы длиной 2,5–3 метра, с диаметром в комле до 3–4 сантиметров. После очистки от веток стволы берез на несильном огне костра обжигались и распаривались. После чего вершинный конец ствола привязывали к колу, вбитому в землю, а к комлю крепили рычаг-закрутку. Вручную вращая ствол березы вокруг продольной оси, превращали его в очень гибкий конец, который легко заплетался в витое прочное кольцо

В.В. Лыхин, техник-лейтенант. Иркутск, 1950 г.

со сдвинутыми продольными волокнами древесины.

На плоту для его управления по торцам устанавливались козлы, на которых укладывались весла-греби. На плотах для комфорта могли быть уложены настилы и сооружения: шалаши, навесы и очаги. Плоты больших размеров обеспечивались лодками, с помощью которых сплавщики сообщались с берегом и осуществляли маневр причаливания.

Строительство барж было прекращено после окончания Великой Отечественной войны, я полагаю, по двум причинам. Первая — из-за отсутствия финансирования и нехватки квалифицированных работников верфи, часть которых была призвана в армию и ушла защищать Родину. Вторая — в результате вырубки строевого леса в возможных пределах верфи и, следовательно, истощения деловой древесины. Производство судостроительной верфи перевели на зимний отстой и ремонт речных судов региональной принадлежности.

В послевоенное время необходимость строительства деревянных барж отпала, судостроение перешло на изготовление судов только металлических конструкций, в том числе уже самоходных барж, более прочных и долговечных. Технология и опыт строения деревянных судов в наше время утрачены и стали достоянием истории.

В своих детских воспоминаниях о конструкциях карбазов, барж, плотов, описываемых мною, я хотел бы остановить внимание читающего еще на одном очень интересном плавательном сооружении — маломерном судне — лодке-стружке, которое широко использовалось охотниками и рыболовами

В.В. Лыхин, капитан. Иркутск, 1958 г.

при передвижении по малым мелководным речкам, протокам и озерам.

Лодка-стружок изготавливалась из цельного ствола дерева посредством долбления и выстругивания специальным для этого инструментом до двухсантиметровой толщины бортов и днища. После распаривания бортов лодки с помощью налитой в лодку воды ее борта постепенно распирались и укреплялись цельными полукруглой формы шпангоутами.

Материалом изготовления для таких средств передвижения по воде, если я не ошибаюсь, являлась осина. Этот вид судна имел малую осадку и был очень легок. Оно свободно переносилось двумя взрослыми мужчинами с одного места плавания на другое. Вместе с тем это было очень неустойчивое, вертячее плавсредство. Имея круглое днище без киля, оно легко ложилось на борт и опрокидывалось.

В этой связи помню один эпизод из жизни в деревне Корелиной на Нижней Тунгуске. Мы — дед Николай, я и мой младший брат Юрий — перевернулись на такой лодке, когда дед ставил сети на мелкую рыбешку, которая водилась в этом месте. Благо, было не очень глубоко. Я уже держался на плаву, а дед быстро подхватил брата и помог мне выбраться на берег. Опытные рыбаки и охотники того времени легко управлялись с лодкой, работая шестом и веслами.

В Пеледуе я закончил четвертый и пятый классы, просидел два года в шестом, в 1941 году осилил седьмой класс. Мое отношение к учебе, к школе не воспитывалось строго. По своему характеру я был увальнем и учению не придавал большого значения. Обладая хорошей памятью, я схватывал все, что преподавалось в школе, но к выполнению домашних

заданий относился несерьезно, делал их кое-как, учился на «тройки», «пятерки» были редкими гостями в моем дневнике. О получении высшего образования я не думал, имел смутное представление о нем, мечтал стать командиром Красной армии, потом — машинистом паровоза, окончить ремесленное училище. Во всяком случае, четких планов на будущее у меня не было. Как показало время, моя судьба оказалась не такой уж серой. Я получил два среднетехнических образования, затем высшее техническое, став инженером, дослужился до звания полковника. В годы зрелой жизни занимался педагогической деятельностью в среднеспециальной и высшей школах.

Мои детские годы в рабочем поселке были заняты учебой в школе, различными играми, занятием спортом, чтением книг Марка Твена, Майна Рида, Жюля Верна, художественных произведений о Гражданской войне, другим беззаботным времяпрепровождением. Мы, дети Пеледуя, очень много времени проводили на природе, летом в лесу, в горах, на воде, зимой катались на санках, коньках и лыжах. Много было баловства и детских забав, но злостного хулиганства не допускали, баловались курением, но не более. Эта вредная привычка резко пресекалась. О спиртном не помышляли. Первую рюмку вина я выпил в 16 лет только с разрешения родителей.

Основными увлечениями детей того периода были главным образом коллективные игры: в лапту, городки, прятки, футбол, волейбол, купание в реках Лена и Пеледуй, прыжки в воду с барж и плотов, бег по качающимся и крутящимся бревнам, а плавание на лодках и заводских байдарках по реке и через реку было обычным явлением. Эта привычка детства очень прочно вошла в меня и укрепилась. Я прошел в обнимку с физкультурой и спортом через всю мою нелегкую жизнь. И сейчас, когда я переступил 80-летний рубеж, не расстаюсь с этой необходимой и благородной в жизни привычкой. Каждое утро я должен делать утреннюю гимнастику и принимать водную процедуру. Увлечение детей того периода физическими упражнениями в играх и занятие доступным спортом помогли моему поколению перенести все тяготы и лишения большой, страшной и тяжелой войны 1941–1945 годов.

Жизнь в рабочем поселке тем временем продолжала развиваться, вокруг вырубался лес, обозначились улицы, в домах появились электричество, проводное радио. Напротив нашего дома построили стадион, школу, столовую, танцевальную площадку, появился пионерский лагерь.

Должен отметить, что в начале 1930-х годов одновре-

Владимир Васильевич Лыхин с женой Валентиной Михеевной. Иркутск, 1973 г.

менно со строительством социализма в стране осуществлялось коммунистическое воспитание молодежи, которому уделялось огромное внимание. Любовь к социалистической Родине — Советскому Союзу — опиралась на мощную идеологическую пропаганду, которая охватывала всю огромную страну. В первую очередь использовались средства массовой информации: кино, радио, детские литературно-художественные произведения, детские газеты и журналы. Наше сознание формировалось на революционных событиях, борьбе партии и рабочего класса за лучшую жизнь, на героях Гражданской войны, на трудовых подвигах советских людей. Воспитывалась ненависть к царскому режиму, капиталистам-империалистам, к предателям Родины и врагам народа.

В формировании сознания подрастающего молодого поколения широко использовались пионерские лагеря. Летом 1936 года на Пеледуйской судостроительной верфи открылся первый пионерский лагерь. Это было, в мою бытность, односезонное мероприятие длительностью с середины июня до конца июля. Я направлялся в этот лагерь каждый сезон до 1939 года.

Географическое расположение лагеря было выбрано, по моему мнению, очень удачно — в живописном и красивом

месте, в предгорье на берегу реки Лены. В своих воспоминаниях выше я описал местность, на которой обосновались судостроительная верфь и рабочий поселок. Это была территория, обозначенная левым, западным, берегом Лены и правым, южным, берегом речки Пеледуйки. Левый, северный, берег этой речки был более рельефным и интересным. В трех-четырех километрах от устья речки к ее берегу выходил скалистый горный кряж, в центре которого, на высоте примерно 100 метров, красовалась недосягаемая для нас, мальчишек, пещера. Здесь горная цепь выгибалась и уходила к берегам Лены. Таким образом, между рекой Леной, речкой Пеледуйкой и горной цепью природа образовала большое равнинное предгорье треугольной формы с основанием у дельты речки и вершиной там, где горы сходились с береговой линией Лены. К этой прибрежной территории выходили лесные и скалистые распадки гор, территория, вытянутая вдоль горной цепи на север, пересекалась оврагами, на ней лежали большие седые валуны, обросшие серо-зеленоватым мхом, в далекие времена скатившиеся с гор. Местами стояли перелески и отдельные высокие ели, придавая местности какую-то суровую северную красоту. На берегу Лены, ближе к устью речки, располагались колхоз и старая деревня Большой Пеледуй. Территория вблизи деревни была занята колхозными полями и огорожена той самой изгородью без единого металлического гвоздя, которой пользовались веками наши предки. Предгорье использовалось крестьянами под выгон и выпас деревенского скота. На этом живописном месте в вершине треугольника, где большая река упиралась в скалистый берег, делала изгиб, образуя излучину, и был расположен пионерский лагерь.

Первые два года пионеры жили поотрядно в больших армейских брезентовых палатках, что являлось определенной романтикой и прелестью, затем на лагерной территории были возведены два деревянных неотапливаемых корпуса. Как правило, пионеры имели и носили синюю униформу, состоявшую из блузы и коротких брюк по колено (гольфы). Пионерский галстук не завязывался в узел, а зажимался пионерским значком, на котором были выштампованы и выкрашены в красный эмалевый цвет три языка пламени, символизировавшие преемственность пионера — комсомольца — коммуниста-большевика. На значке была выбита аббревиатура БГТО — «Будь готов к труду и обороне».

В этот период моей детской жизни, в середине тридцатых годов, в стране очень сильно пропагандировались и проводились в жизнь идеи коммунистического труда и защиты

советской Родины, которые прививались нам с малых лет. Поэтому были разработаны и осуществлялись спортивные программы подготовки молодежи к труду и обороне: БГТО (Будь готов к труду и обороне), ГТО (Готов к труду и обороне) 1-й и 2-й ступени, «Ворошиловский стрелок». Каждые мальчишка и девочка того времени стремились сдать нормы этих спортивных комплексов и получить нагрудные знаки.

В лагере был установлен довольно строгий распорядок дня. Подъем, отбой, сбор на построение осуществлялись по сигналу горна. Завтрак, обед и ужин начинались с общего построения на двухрядной линейке. Купание в реке было коллективным и осуществлялось по команде старшего пионервожатого.

Нашими воспитателями были два преподавателя, в прошлом бывшие командиры Красной армии. В ночное время лагерь охранялся тремя пионерами, которых вооружали мелкокалиберной винтовкой «ТОЗ» с тремя боевыми патронами. В лагере был организован струнный оркестр. К тому времени я уже играл на гитаре и балалайке, но основным моим инструментом был пионерский барабан, которым я прилично владел. Тогда уже практиковались строевая подготовка пионерских отрядов и движение пионеров строем.

Было очень зрелищно, когда пионерские отряды в униформе — белых рубашках с красными галстуками, в синих гольфах — под барабанную дробь появлялись в деревне или в

Участники Великой Отечественной войны (слева направо): Ф.А. Яцура, Г.Н. Зверев, В.В. Лыхин. Иркутск, 1984 г.

поселке, собирая зрителей, вызывая у них улыбки и одобрение. Нам, пионерам, это нравилось. Кроме движения строем мы занимались стрельбой из мелкокалиберной винтовки «ТОЗ», тренировались в выполнении норм БГТО, много занимались военными играми, изучали основы элементарной топографии. К этим видам военной подготовки мальчишек и девчонок располагал вышеописанный мной рельеф местности.

Очень интересным и полезным делом было восхождение на одну из двух горных вершин, которые поднимались у лагеря. Вершины гор в этом месте разделялись лесным распадком, в котором обитало много змей. Однако случаев укуса змеями пионеров не было. Змеи грелись на солнце, при виде людей, как правило, уползали и скрывались в расщелинах скал, камнях и зарослях леса. Только однажды гадюка со скального выступа бросилась на нашего воспитателя и была отбита альпенштоком, который он держал в руках.

Восхождение на одну из вершин было обязательным. На скале второго яруса поднимался метровый красный флаг, который у подножья вершины из лагеря смотрелся как маленький флажок, трепыхавшийся на ветру. Подъем и спуск занимали почти весь день. Это восхождение на вершину между скальными выступами, заросшими лесом и кустарником, в моей памяти оставило неизгладимый временем след.

А время шло, наступил 1941 год, я закончил седьмой класс, имея смутную перспективу учебы дальше. В июне этого года из Якутска в Пеледуй пришел пароход, капитаном которого был мой дядя, Георгий Петрович Шестаков. Пароход и баржа, которую он тащил, поднимались по Лене до порта Усть-Кут. С разрешения родителей дядя взял меня на борт парохода с таким расчетом, что в Киренске, где моя старшая сестра заканчивала педагогическое училище, я сойду на берег и вместе с сестрой вернусь в Пеледуй. Я еще раз увидел красоты ленских берегов, наблюдая за ними с капитанского мостика парохода.

В городе меня никто не встретил, потому что никто не ждал. Я оказался на берегу в кругу местных мальчишек. Прошли одни или двое суток. Утром 22 июня я заметил странное оживление на набережной улице и людей, скапливавшихся у черного раструба громкоговорителя, который был укреплен на телеграфном столбе. Я подошел к толпе и услышал речь Молотова, объявлявшего о коварном нападении гитлеровской Германии на нашу страну, затем прозвучали первые неутешительные сводки о боях с немецкими захватчиками, оставлении нашими войсками городов и населенных пунктов. Сестру я встретил, и через несколько дней мы вернулись в Пеледуй. Не имея больше

желания учиться в школе, я стал настаивать на окончании учебы и устройстве на работу, пока в качестве ученика машиниста паросиловой установки на лесозаводе — энергетическом узле верфи. Отец не соглашался, но я настоял и в июле 1941 года начал свою производственную деятельность.

Наступило тяжелое военное время. В ноябре 1941 года умер мой отец, Василий Николаевич Лыхин. Ужесточили карточную систему снабжения населения продуктами питания. Наш семейный месячный бюджет после смерти отца сократился и состоял из моих ученических 150 рублей и оклада старшей сестры Елены, ставшей учительницей в начальной школе. Точно не знаю, но полагаю, что ее зарплата не превышала 400 рублей. А нас в семье было шесть человек. Помню, когда я принес и отдал матери первые мои 150 рублей, она горько заплакала. Скоро она устроилась на работу в конюшню уборщицей.

В начале осени 1941 года ввели военную подготовку для мужского населения, часть которого ушла на фронт. Нас, молодежь 16–17-летнего возраста, поставили на военный учет, началась наша обязательная 110-часовая подготовка к службе в армии и участию в боях на фронтах Великой Отечественной войны. Нас учили строевым приемам на месте и в движении, приемам обращения с винтовкой, очень много внимания уделялось броскам и походам.

Пришли сильные северные морозы. На фронт ушли два наших машиниста, с моего согласия меня поставили кочегаром к топке одного из двух паровых котлов. Кончилось мое детство, и началась военная юность. В июле 1942 года мне исполнилось 18 лет, и 23 августа этого года я был призван в ряды Красной армии...

Прошли годы. В 1972 году, уже в звании инженера-подполковника, я побывал на берегах моей родной и любимой реки Лены. Я ее не узнал. Леса вдаль ее берегов были вырублены и горели, застилая дымкой все в округе, чувствовался запах гари, горевшей тайги. На воде реки плыли жирные, сине-радужные большие пятна нефтепродуктов. Красивейшая река была изуродована цивилизацией плановой экономики в результате социалистического хозяйствования, когда провозглашался лозунг «все взять от природы». Больше быть на берегах Лены мне не пришлось. Теперь я стар, но воспоминания о моем детстве, о годах, прожитых на моей дорогой родине — реке Лене, — останутся со мной до конца моих дней.

Иркутск, 2004 г.

В.В. Гинкулов (Шелехов)

Село Петропавловск в 1930–1940-х годах

Летом 1939 года наша семья вернулась из Ставрополья в родную Сибирь. Отцу, преподавателю русского языка и литературы, дали назначение в село Петропавловское Киренского района. Оно располагалось на левом берегу реки Лены. Главная и единственная улица извилисто протянулась на полкилометра или чуть больше. В нижнем краю села усадьбы задами лепились к самой кромке крутого берегового ската, буйно поросшего высокой крапивой, чертополохом, беленой. От не широкой, но и не узкой улицы в сторону полей вклинивались проулки в количестве трех. В центре села возвышалась высокая белокаменная церковь, с 1920-х годов бездействовавшая, с просторным двором, огороженным высоченной металлической оградой на каменном фундаменте. Внутри ограды по периметру росли гигантские ели и лиственницы. Именно на них спасались во время массового переселения белки, преследуемые мальчишками. Ограда местами рухнула, а местами и вообще уже отсутствовала.

Эта церковь была видна издали, почти с десятикилометрового расстояния, и казалась праздничной, нарядной красавицей, в действительности же была истерзана рьяными безбожниками. Колокольня, непосредственно примыкавшая к главному корпусу, составлявшая с ним одно здание, была наполовину разрушена, и внизу с обеих сторон громоздились груды кирпичных обломков. Церковный двор был излюбленным местом для игр детворы. Обломками кирпичей мы, дети, пуляли по стенам и окнам храма. Стекла в окнах, разумеется, отсутствовали, сохранились только металлические решетки, а изнутри проемы были зашиты досками. На широченном, в несколько ступенек крыльце стояли толстущие колонны. На дверях — огромный замок. Внутри хранилось зерно «Холбоса»[119].

На берегу напротив церкви располагалась конюшня с узким двором, с конюховской. Это уютное теплое помещение с хомутами, сбруей, развешанными по стенам на деревянных штырях. В конюховской председатель колхоза зачастую проводил утром разнарядку. Там круглосуточно дежурили конюхи, вкусно пахло кожей, дегтем, конским потом, табачным ды-

[119] Якутский союз кооператоров.

Петропавловская Спасская церковь. 1913 г.

мом. Сама конюшня была довольно примитивной, сооружена тем же способом, что и заплоты усадеб: в пазы массивных столбов-стояков небрежно уложены бревнышки. От холода такие стены не защищают. Крыша плоская, из жердей и наваленной на них соломы. От конюшни к реке вела широкая и отлогая дорога, по ней два раза в день бежали лошади на водопой. Это зрелище незабываемое. Сейчас такое увидишь только на экране телевизора. Летом 2003 года за пять дней пребывания в Петропавловске я увидел только двух лошадей!.. Зимой на реке выдалбливали узкую длинную прорубь, причем непременно с выдолбленным изо льда бортиком, чтоб ненароком лошадь не поскользнулась и не угодила в прорубь ногой. Эта прорубь напоминала корыта на скотном дворе, из которых пили коровы.

Через три усадьбы от конюшни по направлению к верхнему краю села стояла одноэтажная деревянная школа-семилетка, с двумя крылами. Перед нею довольно просторный, ничем не огороженный двор с кой-какими спортивными сооружениями. Школа была хорошо видна со стороны реки и служила визитной карточкой села, свидетельствовала о благополучии, обустроенности. Далее по береговому бугру

располагались маслозавод, овощехранилище, сельповские склады. А по другую сторону улицы — сельповский магазин, одновременно продовольственный и промтоварный.

Особняком, компактно, плотно, усадьба к усадьбе, выстроились дома Захаровки в две улочки. От основной части села ее отделяла низина шириной метров 150–200, засаженная обычно картошкой. В половодье эту низину иногда, по преданию, заливало водой, поэтому она оставалась незастроенной. Мы тогда не знали, что село Петропавловское возникло на 150 лет позже Захаровки, основанной Захаром Игнатьевым в 1653 году. Аборигены же это знали, помнили и говорили, бывало, в беседе с нами, что они нездешние, что они не петропавловцы, а захаровцы!.. Нас это забавляло, мы считали, что это просто блажь, придуривание[120].

Сразу за Захаровкой протекала речушка Захаровка, вся в зарослях ив и черемух. За нею километрах в трех деревня Лыхина, еще через километр — Берендилова. Мы не могли понять, почему они обосновались в стороне от реки, почти в километре. Ниже по течению в пяти километрах от Петропавловска деревня Сукнёва, тоже на берегу Лены. Следующие же деревни Березовка и Орлова довольно далеко от Лены. Туда вела глубокая протока, называемая Сукнёвской. В этой протоке однажды весной, переплавляясь на коне, утонул местный житель. Летом же протоку можно было и вброд перейти. Вплотную к протоке примыкал небольшой островок с древним ельником, реликтовый, можно сказать, ельник был, шишки там на елях вырастали длиной в косую четверть. Все ближние деревни находились на левом берегу, лишь Споло-

[120] Датой основания д. Захаровой (с. Петропавловска) до сих пор считается 1653 г. — первое упоминание деревни в архивных документах (Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. — Иркутск, 1949. — Т. 1. — С. 89). По неопубликованным сведениям московского исследователя Г.Б. Красноштанова, д. Захарова была основана в 1646 г. Ее первыми поселенцами стали промышленные люди устюжанин Захарко Игнатьев Малышев и вычегжанин Андрюшка Федосеев. Селом Петропавловском эта деревня стала называться в начале XIX в. в связи с постройкой Петропавловской Спасской церкви.

Следует также сказать, что в километре от Захаровой (Петропавловск), в которой жили государственные крестьяне, издавна существовала и другая деревня Захарова — монастырская, принадлежавшая Якутскому Спасскому монастырю. Она сохранила свое название до XX в. Первоселенцем данной Захаровой, по сведениям того же Г.Б. Красноштанова, стал в 1657 г. пинежанин Касьянко Сидоров. Лишь в конце XX в. бывшая монастырская деревня Захарова и село Петропавловск стали считаться одним населенным пунктом под названием Петропавловск. Именно этих «захаровцев» здесь упоминает В.В. Гинкулов.

Владимир Кириллович и Матрена Егоровна Гинкуловы с детьми (слева направо) Георгием, Василием (автор воспоминаний), Любой и Анной. Поселок Мама, Иркутская область, 1937 г.

шино, что в десяти километрах от Петропавловска, на правом. Это естественно: боковой напор воды в реках северного полушария направлен вправо.

Псковско-новгородский диалект местных жителей нас изумил. Они безбожно путали шипящие звуки: вместо «ж» произносили «з» и наоборот, вместо «ш» — «с» и наоборот, вместо «ч» — «ц» и наоборот, вместо «л» и «в» — краткое «у». А именно вместо «зубы» — «жубы», вместо «шуба» — «суба», вместо «сито» — «шито», вместо «цель» — «чель», вместо «веревка» — «вереука». Например: «Я шёдня, деука, прошпау и у сколу опаждау». Кроме того, приходилось выяснять значение неизвестных нам слов: ушкан (заяц), рушник (полотенце), ярушник (ячменный хлеб), рёлка (узкая возвышенность в лесу) и т. п.

Люди были доброжелательны, здоровались при встрече. В первые дни, когда мы еще ни с кем не успели познакомиться, кроме жившего рядом фельдшера Василия Жарникова, приносили гостинцы: молоко, яйца. Видимо, существовала

еще стародавняя деревенская традиция уважить, приветить самого образованного, уважаемого в сельской глубинке человека, а таковыми исстари являлись учитель, священник, врач. Но это только в первые дни, как знак приветствия, внимания к новопоселенцу, нужному сельскому обществу. Когда же чуть позже мы попытались полакомиться молодой картошкой, никто не соглашался ни за какие деньги продать хоть немножечко: клубни как раз наливаются, раньше времени выкопаешь — себя оголодишь, втридорога продашь — жадным прослывешь!.. Кой-как удалось уговорить соседку Христофоровну продать ведро за три рубля, хотя осенью мешок стоил не более десяти рублей.

Колхозники жили стародавним крестьянским укладом. Здесь каждый знал каждого, более того, взрослые знали жителей окрестных деревень, зачастую состоявших с ними в родственных отношениях. Мне довелось встречаться со стариками, которые знали многих жителей не только ближних, но и дальних деревень, отстоявших в десятках километров. Жизнь текла неторопливо, степенно, люди двигались по улице вразвалочку, шагали широко, не торопясь, торопиться было некуда. Все совершалось по-семейному, соборно, по-божески, хотя набожностью петропавловцы не отличались. Никто ни разу не остановил нас, детей, когда мы пуляли обломками кирпичей по стенам храма.

Многие дома строились на две половины с вместительными чуланами, с широкими холодными сенями, связующими эти два дома фактически в одно целое. В каждом доме непременно огромная глинобитная русская печь, занимающая едва ли не четвертую часть жизненного пространства. Кухня отделялась от главной и единственной большой комнаты дощатой заборкой. Там же, в кухне, поближе к челу печи, стоял курятник, служивший вторым столом. В зимнее время куры жили в одном помещении с людьми, и едкий запах от птиц никого не беспокоил, его просто не замечали, как не замечали и запаха от новорожденного зимой теленка, который некоторое время находился где-нибудь в углу. Там же и мочился, и испражнялся, но это ничуть не огорчало сельского жителя, для детей же большим наслаждением было ласкать, гладить маленького беспомощного теленочка.

На русской печи можно было улечься двоим взрослым, а дети могли расположиться гурьбой! Это была всегдашняя подручная лечебница, избавительница от простуд. Правда, русская печь не использовалась как постоянное место ночевки. К ней сбоку или сзади примыкала деревянная лежанка, на

которой размещался кто-нибудь из престарелых членов семьи. Поскольку русскую печь топили далеко не каждый день и в зимнюю стужу она не давала много тепла, рядом ставили железную или чугунную с трубой, врезанной в дымоход русской печи.

Имелась обычно в доме и крохотная маленькая комнатка, отделявшаяся дощатой заборкой. Плохо то, что эта комнатка находилась в стороне от печи и была, следовательно, не особенно теплой. Там обитали роженица с младенцем или кто-нибудь из больных или престарелых.

Стены домов не штукатурили, не обивали фанерой, глаз не избалованного комфортом сельского жителя нисколько не страдал при взгляде на глубокие пазы между сосновыми бревнами. Эти пазы, чтоб оттуда не выпирал мох, затирали глиной и в лучшем варианте стены белили известкой. Над головой высилась матица, толстущее бревно. Много позже изнеженному эстетикой человеку покажется это грубо, и он так ухитрится облагородить потолок, что матицы уже не проглядывали, да и само слово это выйдет из употребления!..

Анна Владимировна Ковалёва, урожденная Гинкулова (родилась в 1924 г. в с. Ахалик, Тункинская долина), с мужем Михаилом Трофимовичем. Поселок Эльдикан, Якутия, 1948 г.

Половицы делали из расколотых повдоль бревен, обструганных специальным инструментом — стругом, фактически своеобразным рубанком с двумя поперечными ручками. Ширина таких массивных половиц бывала до полуметра! Прибивать их к половым балкам не требовалось. Под любой тяжестью они не прогибались, с места не сдвигались. По мере эксплуатации половицы ссыхались, и между ними возникали щели более или менее широкие, однако же сколачивать половицы крестьяне не удосуживались, а вернее, не считали это необходимым. При мытье полов в щели просачивалась грязная вода, и они зарастали грязью. В щели проваливались монеты, мелкие предметы, детские игрушки.

Ввиду дефицита и дороговизны краски полы в крестьянских домах не были покрашены, а ходить дома в тапочках, сняв обувь у порога, не было принято. Вернее, о таком заведении и слыхано-то не было! Чтобы навести приличную чистоту, приходилось полы не просто мыть теплой водой, а драить березовым голиком с крупным песком, называемым дресвой. Подоткнув юбку, краснощекая девка голой ногой яростно трет половицы, то и дело подсыпая дресвы. Или же, став голыми коленями на мокрый пол, скребет его большущим ножом-косарём, откованным в местной кузнице. Она фактически снимает стружку с мокрых половиц!.. Неимоверные трудозатраты на эту операцию трудолюбивых крестьян не страшили. Окончив работу, девка спокойно шла босиком по снегу в огород вылить помои, не боясь простудиться!..

Крыши крыли тесом. А поскольку современных лесопилок с циркулярными пилами еще не было, да и электричество на ленские берега пришло много позже, тёс производили вручную громаднейшими пилами с продольными зубьями. Распиловку такой пилой я наблюдал на руднике Мама, где мы жили в 1934–1937 годах. Бревно крепится на трехметровой высоты козлах, один рабочий стоит наверху, второй внизу, они размеренно и безостановочно поднимают и резко опускают инструмент чудовищного размера. Труд для настоящих богатырей!..

Добротные бревенчатые стайки с поветями и сеновалами были в каждой усадьбе. О теплицах и столь популярных ныне помидорах понятия не имели. Зато картошки и луку выращивали очень много. Связки золотистого лука висели в кухне на стенах над курятником, в запечье.

Каждый хозяин считал делом чести поставить тесовые ворота с могучими вереями (опорные столбы), с крышей над воротами, с калиткой, оснащенной железным кольцом, со

Любовь Владимировна Иванова, урожденная Гинкулова (родилась в 1931 г. в с. Ахалик, Тункинская долина), с мужем Тарасом Ивановым. Город Канск Красноярского края, 1954 г.

скамеечкой для сидения. А вот палисадников с черемухами, рябинами и цветочными клумбами не наблюдалось. Знать, сентиментальностью потомки новгородских ушкуйников не страдали.

Колхоз выделял учителям в поле участки земли для посадки картофеля. Надо лошадь для поездки в райцентр или куда-либо — пожалуйста. В конюховской стояло огромное, как мельничный жернов, точило в корыте, наполненном водой, приводимое в действие вручную, и всяк желающий наточить топоры мог в любое время суток это сделать. На берегу возле конюховской стояли приспособления для производства веревок: две метровой вышины стойки, к которым зацеплялись нити или посконные бечевы, с ручным приводом для скручивания. Не надо было ни у кого спрашивать разрешения пользоваться этими инструментами и приспособлениями. Само собой разумелось, что это общее, всенародное.

Не так-то просто съездить зимой в Киренск за 90 километров, в пальто или шубе простудишься, нужен тулуп до полу или собачья доха. В верхнем конце Петропавловска жил Кобелев, у него было две собачьих дохи. Вот ими и пользовались все отправлявшиеся в дальнюю дорогу. При рыночной

экономике можно бы за счет тех дох иметь некоторый доход, но тогда никому в голову не приходило, что за услугу надо платить. Слово «бизнес» было неведомо. Потребовалась, например, тележка-двухколеска — идешь и берешь эту тележку. А у кого — любой местный подскажет, у кого поближе и поскорее можно ее взять. Нужна ли шинковка капусту искрошить, или ступка что-то истолочь, или лодка куда-то сплавать, или камасные лыжи в лес сбегать поохотиться — все запросто получишь за «спасибо».

Возможно, именно вот такой почти семейной простотой взаимоотношений объяснялась то и дело повторявшаяся зимой забавная сценка, описанная мною в повести «Ленские плесы»: у порога стоит малец лет восьми, с миской под мышкой, хлюпает носом. «Ты чей?» — спрашивает мать. «Таракановский». — «За чем пришел-то?» — «За брусникой мамка послала. Степка хворает. Жар у него». Мама идет в чулан, зачерпывает из ящика брусники, о плате речи не ведет. Тараканова (самая тогда распространенная фамилия) как будто не понимает, что съестное никому никто даром не дает, что мы молоко, яйца, мясо, сало покупаем у них, у колхозников, за деньги. А может, она считает, что колхозники круглый год на полях и фермах чертомелят, учителя же все лето в лесу прохлаждаются, наслаждаются, ягоду гребут, так что у них не грех и даром взять?..

Сейчас почти в каждом доме Петропавловска пробита скважина и воду качают насосом. Но и тогда за водой на речку не бегали. Водой снабжала колхозная водовозка. С утра нуждающиеся занимали очередь, а поскольку улица одна, все на виду, то нетрудно было следить и в свой срок получить водовозку. За водой отправлялись, само собой разумеется, не отец и не мать семейства, а кто-нибудь из младших сыновей. Запрягали в водовозку коня черной масти, крупного, упитанного, но такого старого и ленивого, что порою казалось, что не удастся сдвинуть его с места: ни крики, ни постегивания не действовали. Домочадцы помогали тронуться в путь, но на реке, когда бочка была наполнена, помощников у мальчишки-водовоза не оказывалось, и он, бывало, плакал от бессилия. Вместо того чтобы двигаться вперед, хитрый ленивец, дернувшись в оглоблях, сдавал шаг назад. Потом, при очередной попытке сдвинуть вроде бы для него непосильный груз, делал еще один шаг в глубину. Однажды злыдарный черный конь едва не утопил водовозку, себя и незадачливого возчика-мальчишку, пришлось с лодки их спасать!..

Лесных пожаров в те времена не бывало. На моей па-

мяти был такой в Березовке. На пожар бежали стар и мал с топорами и лопатами и быстро укрощали стихию, не то что ныне: во время 350-летнего юбилея[121] на ближний пожар сразу за холмом, что напротив села, никто из петропавловцев не шелохнулся, в точности как современные городские жители!.. Старинное общинное чувство хозяина своей земли начисто умерло!..

Мария Владимировна Гинкулова (родилась в 1940 г. в Петропавловске). 1990 г.

Колхоз обязан был обеспечивать учителей дровами, но в годы войны мы сами занимались дровозаготовками, а потом в начале следующей зимы вывозили дрова домой. А вот семьи фронтовиков, если в них не оставалось мужчин, колхоз обеспечивал топливом. Впрочем, таковых почти не было. Старики и подростки во всем заменили ушедших на войну мужиков. Парни-допризывники не только ломили всю мужицкую работу, но и вовсю хороводились с девками, гуляли со вдовушками.

Мужчины отличались крепким здоровьем и мастеровитостью, каждый — рыбак и охотник. Мы с братом Гошей (он на три года старше меня) по утрам занимались физзарядкой, в отца и мать росли крепенькими, но по сравнению с сыновьями фельдшера Жарникова, с которыми подружились, оказались слабаками. Особенно сильным среди подростков был Колька Захаров, обличьем негритос: бронзовый цвет лица, курчавые волосы, пухлые губы, белозубая улыбка. Ростом не выше сверстников, Колька мог бороться один против всех. Захаров становился в середину круга, широко расставив ноги в легких ичигах, растопыривал руки и, как сова, вкруговую

[121] 350-летний юбилей Петропавловска отмечался в селе 12 июля 2003 г.

крутил головой. Одним ударом ладони он сшибал с ног любого из нас. Мы кидались на него скопом, стараясь облепить со всех сторон и повалить наземь, но он всегда прорывал кольцо и расшвыривал нас, как щенят.

Воровством тогда люди не грешили. Чтоб кто-то снял чужие сети — нет, такого не было. На берегу сушились невода на вешалах, и никто на них не покушался. Лодки, правда, примыкали к корягам цепями. Мы с Гошей живмя-жили на реке все лето и частенько ловили лодки, сорванные паводком в верховых деревнях. У нас всегда было по три лодки, но замков и цепей на все не хватало, и порою кто-то угонял эти дармовые приобретения. То ли хозяин лодки не поленился отыскать ее, то ли кому-то из низовых деревень срочно потребовалось домой побыстрее добраться.

На ночь двери не запирались. Придешь, бывало, вечером за молоком, на дворе еще светло, а хозяева спят. Ну не будить же их?! Постоишь у порога и уйдешь ни с чем. Уходя на работу, колхозники не запирали дома замками, а просто подпирали двери коромыслами, только не горбатыми, а прямыми с короткой палочкой посредине на короткой крепкой привязи, которой поддевали ушат с каким-либо содержимым. Нести такой ушат надо было двоим. В страду, когда все от мала до велика на полях, можно было разграбить имущество всех домов подряд. Только кто бы это сделал в такой глубинке?! И что мог взять вор в крестьянском доме?! Чугуны и лохани?! Табуреты и лавки?! Даже шубы грубой выделки — фактически рабочая одежда. Нечего было воровать.

А воры все ж таки наведывались. Это цыгане, кочевавшие с верховьев Лены ажно до самого Якутска. Они разбивали свои палатки возле речки Захаровки, и бабы шли по деревне ворожить. Одна заходила в дом и принималась гадать хозяевам, обещала скорое возвращение с войны сына и мужа, а вторая в это время шныряла в сенях и в чулане, укладывала в сумки булки хлеба и шаньги.

Однажды две цыганки предложили моим родителям прийти в табор поздним вечером и купить по дешевке дорогие товары, где-то ими будто бы награбленные. Это была ловушка. Мы уже знали, что легковерных глупцов цыгане, грозя убить, ограбят. Накануне отъезда эти негодяи воровали на лугах теленка и ночью потихоньку уплывали дальше. Зимовали цыгане в Якутске, первым пароходом возвращались в верховья реки и начинали очередное путешествие самосплавом.

Как только началась война и мужиков забрали на фронт, сельсовет предложил всем «тарифникам», то есть учителям,

связистам, работникам сельпо и маслозавода, а также трудоспособным членам их семей помогать убирать урожай. Три сезона я с матерью и сестрой Любой жал хлеб серпом. Чтобы выработать трудодень, надо было нажать сто снопов и составить их в суслоны. Мне лишь однажды удалось выполнить норму, ну а женщины даже перевыполняли ее. Старшая сестра Анна вязала снопы за жнейкой. А Гоша или копнил, или работал на лошадях. Теперь некогда было прохлаждаться в лесу, да и на рыбалку во вторую половину лета времени оставалось мало, только вечерами.

Трудовой день в сенокосную и хлебную страду начинался рано, с рассветом. В конторе Орловского колхоза я видел на стене режим дня в страдную пору: «Начало трудового дня — в 4 часа, обед — в 10 часов, полдник — в 3 часа, конец рабочего дня — в 8 часов». Может, и в Орловой это было благим пожеланием председателя, не знаю, но в Петропавловске уж точно такого не было. В соседних деревнях трудовая дисциплина была намного лучше, люди дружнее, покладистее. Недостаток трудового энтузиазма петропавловцы объясняли тем, что у них все еще не прошла обида на комиссаров, которые в 1930 году приехали из Киренска и в три дня насильно загнали всех в колхоз, а строптивых сослали на Север, в бодайбинскую тайгу.

Заработанное на трудодни зерно мы с отцом мололи на мельнице за рекой. Для помольщиков имелось довольно вместительное зимовьё с широкими нарами для отдыха и сна. От нечего делать бородачи, по возрасту не призванные в армию, травили рыбацкие и охотничьи байки. Особенно внушителен был великан, уже согбенный, наверняка выше ростом, чем знаменитый в Петропавловске Иван Царь. Этот старый охотник рассказывал, как, бывало, гонял сохатых по насту, азарт не давал остановиться, он обмораживал верхушки легких и когда догонял зверя, сам был едва жив.

Сейчас уже не припомнить, в какой год военной поры произошла та встреча с женщиной-богатыршей из Сполошино. Кто-то выглянул в окошко и сообщил, что приехала старуха из Сполошино и таскает мешки с зерном на верх мельницы, где крутится жернов. Бородачи подтянулись к единственному окошку, смотревшему в сторону реки, и стали оживленно обсуждать, сколько ей лет. Когда они бегали босиком, она уже была старухой. Следовательно, подсчитали они, ей не меньше ста лет. Манеры джентльменские бородачам были неведомы, никому и в голову не пришло пойти и помочь женщине. Если б та попросила — другое дело, не отказались

Мария Владимировна (слева) и Георгий Владимирович Гинкуловы с женой автора воспоминаний Аллой Петровной. Поселок Онот Черемховского района Иркутской области, 1972 г.

бы, конечно. С нетерпением ждали, когда старуха закончит выгрузку и войдет в зимовьё. Мы с отцом, заинтригованные, тоже навострили уши.

И вот заходит очень высокая и худая узкоплечая старуха не менее 180 сантиметров ростом. Перешагнув порог, ударила ладонью о ладонь, стряхивая мучную пыль. Ладони огромные, как лопаты. Кожа на руках и лице почти черная от древности.

— Здоровы были, мужики! Ну что, табачок-то найдется у вас? — грубым хриплым голосом промолвила богатырша.

Бородачи наперебой протянули ей кисеты с табаком-самосадом. Старуха свернула цигарку, задымила. И вот возник вопрос о ее возрасте.

— Да ну, каких там сто! Всего девяносто, — возразила она и принялась рассказывать о своем житье-бытье, о том, что нет сладу с многочисленными внуками и правнуками, не слушают они ее, хулиганят.

Если б я знал тогда, что буду когда-нибудь писать об этой феноменальной долгожительнице, то вышел бы и проследил, сколько мешков с зерном она перетаскала из лодки,

стоявшей в 70 метрах от мельницы, полномерные те мешки или наполнены лишь наполовину (полный мешок пшеницы — 80 килограммов!). Но в любом случае требовалась недюжинная физическая сила доставить вверх по течению за десять километров лодку с грузом, толкаясь шестом, и потом без передышки перетаскать весь груз по тянигусу в гору и по трапу на вышину двухэтажного дома!

Лишь через несколько десятилетий я узнал, что имя той старухи Соломонида, фамилия — Кравцова, что прожила она то ли 96, то ли 98 лет.

Деревенский житель, с детства привыкший к физическому тяжелому труду, крепче, конечно, городского жителя, но все же для сравнения: мать моего друга Виля Соколова, который в возрасте 60 лет обладал юношеским здоровьем, когда ей было 90 лет, сломала позвоночник на кухне, слишком резко повернувшись!.. А у Кравцовой Соломониды под мешками с зерном позвонки не хрупнули!.. Нынешним долгожительницам Петропавловска тоже далеко до Соломониды: когда прошлым летом на юбилее села награждали перешагнувших 80-летний рубеж, они самостоятельно не могли одолеть ступеньки крыльца совхозной конторы!

Библиотеки общего пользования не было, фонд школьной библиотеки — очень скуден, о личных библиотеках не могло быть и речи. Уезжавший из деревни учитель предложил нам стопку книг художественной литературы, штук семь книг за десять рублей, родители отказались: дорого!.. Среди школьников, как легенды, ходили слухи о приключенческих романах вроде «Всадника без головы». О таких книгах можно было только мечтать!..

В клубе проводились вечёрки с танцами под гармошку. Кинопередвижка наведывалась редко, раза два-три в год. Это было историческое событие!.. Электроэнергия, необходимая для аппарата, вырабатывалась динамо-машиной. Киномеханик запускал человек пять парней бесплатно с условием крутить попеременно динамо-машину. Бывало, он рыскал по клубу, разыскивал своих подручных, скандалил, требовал выполнять обещанные услуги. Содержание фильмов не отличалось разнообразием: «Джульбарс», «Ленин в Октябре», то есть о революции, Гражданской войне, о пограничниках. В годы войны довольно часто стали приезжать с эстрадными концертами артисты. Где-то в верхах позаботились о просвещении и воспитании сельской глубинки. Резко возросла и своя художественная самодеятельность. Педагоги организовали драмколлектив, в нем приняла участие и наша мама.

Ставили крупные пьесы А.Н. Островского, пьесы советских драматургов. В третьей четверти учебного года вовсю шла в школе подготовка к традиционной олимпиаде. Будучи учеником седьмого класса, я написал пьесу на тему борьбы партизан против фашистов, и мы, семиклассники, поставили ее в клубе, получили денежные премии.

Ленская тайга была богата грибами, ягодами, кедровыми орехами, но ближние холмы на левом берегу почему-то оставались прискорбно пустыми. Вся ягода за рекой, если не считать красной и черной смородины. В пойме Захаровки смородину хоть лопатой греби! Мы поначалу набирали ее ведрами, но куда деть такую прорву?! Впрок варили немного, а продать не успевали и валили ее, заплесневевшую, на корм соседскому борову!..

На правом берегу, напротив деревни Лыхиной, только на гору поднимись — нескончаемые массивы черники. Мы, бывало, впятером (отец, мать, брат, сестра Анна и я) за день набирали пять ведер. На зиму запасали черничного варенья два ведра в большой бутыли. Брусничные боры находились значительно дальше. Чистый бор в пяти километрах вверх по Мельничному ручью, Плоский бор в шести километрах, Поперечный в семи километрах. Почти вся добытая ягода шла на продажу пассажирам пароходов, которые останавливались у Красного яра, чтобы запастись дровами: паровые котлы пароходов потребляли тогда не уголь или мазут, а дрова. Мошка и мокрец свирепствовали тогда в тайге по-страшному. Накомарники не спасали, зловредный гнус пробирался к телу человека по одежде. Больше всех страдал наш отец. Когда он снимал в конце дня с себя накомарник, жутко было видеть его обезображенное лицо, все в волдырях и красных точках от укусов. Оводы и слепни не надоедали. Лишь один раз укусил меня клещ.

Кедрачей близко не было. Однажды мужики взяли Гошу на шишкобой. Добыча оказалась довольно скромной — два ведра орехов. Зато урожаи грибов ежегодно бывали обильными, больше всего рыжиков на Смольном урочище, напротив села. Нарезать рыжиков не проблема, под каждой сосенкой сидят грядами, но как за один выход побольше домой доставить?.. Горбовиков тогда еще не придумали, пользовались ведрами да корзинами. Мы догадались применить в качестве вместительной тары оцинкованную ванну. Несли ванну вдвоем за ручки, да плюс у каждого в другой руке ведро или корзина!.. Сдавать в сельпо очищенные от хвоинок, промытые грузди и рыжики возили в бочках и ящиках на двухколес-

ной тележке. Расценки на дикорастущие дары природы были пустяковыми, зато сразу отоваривали заработанное хлебом, мылом, обувью, тканями.

Подосиновики и боровики жарили, сушили. Маслята считали низкосортными грибами, никогда не брали, все прочие грибы считали поганками. Местные не брезговали желтыми груздями. Много позже я узнал, что это высокосортные грузди, не хуже сырых груздей.

Мы не переставали удивляться, почему женщины панически боятся тайгу. Даже большой компанией они не отваживались идти в лес по ягоды. Непременно брали с собой какого ни на есть мужичонку с ружьем, который шарился возле тропы и то и дело подавал сигнал, что здесь она, тропа, никуда не убежала. Нас это смешило. Мы с матерью запросто шастали по ближним и дальним ягодным угодьям. Из местных только школьная уборщица Ульяна шла в тайгу смело, одна или во главе группы баб. Это объясняли тем, что в ее родове тунгусы. А старухи клеймили ее за такую отчаянность колдовкой.

В каждой усадьбе, в каждом доме местного жителя имелись и ружья и сети, а то и невод, и камасные лыжи. Осенью по первому снегу мальчишки бегали по ближним холмам, добывали белку. О соболях не было слышно. Зайцев в лесу водилось всегда очень много. Добывали их не ружейной охотой, а петлями, пастями, кулёмками. Капканами не баловались, возможно потому, что нет смысла тратить деньги на фабричные эти ловушки. Итак, о заячьем промысле.

Проволочные петли двухмиллиметровой толщины ставят на заячьих тропах. Если соснячок реденький, заяц уже издали видит, что на его пути что-то подозрительное. Поэтому надо найти такое место, где зверьку трудно углядеть петлю, например под упавшей сучкастой лесиной или между жердями поскотинной изгороди. Возле речки Захаровки рос такой густой ельник, что человеку сквозь него не продраться. Зайцы там с давних пор пробили торные, прямые тропы, хорошо заметные. В непробиваемой гущине они напоминали тоннели. Ставь петлю в любом месте — и заяц обязательно попадет. В зимнее время петли надо обязательно чистить пеплом до блеска, иначе ушкан на самом быстром скаку успеет заметить в ночи на белом фоне снега тонюсенькую проволочку и, едва не коснувшись ее грудью, остановится, внимательно осмотрит, понюхает, быть может, даже потрогает усами, обойдет стороной и вновь помчится дальше со скоростью

Василий Владимирович Гинкулов. Иркутск, 1970 г.

ветра!.. Нередко зайцы обрывали петли. Во избежание этого привязывали ее к вершине жерди, перекинутой через рогульку и притянутой почти к самой земле. Попавшийся заяц срывает насторожку, комель жерди падает вниз, вершина взмывает вверх, и бедняга косой оказывается повешенным!..

В зимнее время зайцев ловят пастями и кулёмками. Хороши деревянные ловушки, безотказны. Часто проверять их не надо, снегопады им не страшны. У комля крупной сосны делается загородка из сосновых тычек или колышков, воткнутых в снег, а еще лучше — вбитых в еще не окаменевшую землю. Вплотную к стволу втыкается в снег веничек из осиновых или березовых веточек. Это приманка, привязанная шпагатом к насторожке из двух палочек с уступчиками-зубчиками. Над входом в загородку на двух колышках палка-перекладина, она держит довольно увесистое бревнышко, которое расположено или вертикально, опираясь на ствол дерева, или наклонно. Как только заяц начнет лакомиться прутиками веника, он сдергивает насторожку, перекладина падает точно ему на спину, а чтобы он не вылез из-под груза, на входе в загородку охотник предусмотрительно кладет две-три палки.

В летнюю пору охота на зайцев нежелательна, потому что надо как можно чаще проверять ловушки: попавший ушкан от жары за день протухнет. Особенно добычлива охота на зайцев в начале зимы по мелкому снегу. Можно быстро в разных местах насторожить много петель. Однажды я за один выход наложил в мешок пять штук зайцев, причем пятый

оказался живой! Зимой у нас обычно жил зайчишка, днем прятался за печкой или под кроватью, пока не догадывался удрать на волю в случайно кем-нибудь приоткрытую дверь.

Штатных охотников, добывающих пушнину по договору, в Петропавловске не было. Да и вообще не славилось село умелыми охотниками. В окрестных же, менее населенных деревнях таковые имелись. Мне запомнилось, что зимой 1941/42 года мать поила меня от простуды горячим молоком с медвежьим жиром, пахнущим кедровыми орехами. Аромат изумительный!..

Зимой 1941/42 года кто-то из наших белковавших мужиков наткнулся на медвежью берлогу. Добывать зверя пошли втроем, двое пожилых и вроде бы опытных и председатель колхоза Александр Тимофеевич[122], отчаянный молодец с бравой, офицерской выправкой. Его взяли из уважения, как начальника. Вытравили медведя из берлоги, и тут произошло неожиданное: те, кто выдавал себя за зверовиков-специалистов, обомлели от страха, стоят чурбанами. А медведь меж тем, встав на дыбы, к ним приближается. Председатель «чак-чак» — осечка. Выхватил ружье у одного охотника, у другого — бесполезно. Накануне они обильно смазали ружья каким-то скверным маслом, оно застыло на морозе, все окаменело. Медведь подошел вплотную, а горе-охотники перед ним навытяжку, как солдаты перед генералом на параде, стоят и не знают, что делать. Наконец, топтыгин рявкнул укоризненно на Александра Тимофеевича за непочтительную суетливость, царапнул его за плечо, разодрал телогрейку, повернулся и побрел прочь. Дома они, конечно, не удержались, рассказали, как было дело, и потом над ними много лет потешалась вся округа.

Медведей, по слухам, добывали громадными кулёмами. Принцип тот же, что и на зайцев, только ловушки массивнее в сто раз: делают самый настоящий плот из нескольких бревен. Один край его поднимают над землей на 45 градусов. Приманка — кусок мяса. Такая кулёма напоминает громадную пасть, грозящую прихлопнуть всякого, кто рискнет войти в эту пасть. Мне не довелось увидеть такую ловушку, но видел на речке Пилюде другую — маленькую бревенчатую избушку два на два метра. В дверных колодинах сделаны пазы, по ним свободно движется массивная дверь из плах. Положив в дальнем углу избушки мясную приманку, охотник подымает дверь, фиксирует ее в самом верхнем положе-

[122] А.Т. Тараканов (1914–1968).

нии, настраивает насторожку, которая должна сработать, как только зверь рванет лакомый кусок мяса. Освобожденная дверь мгновенно скользнет вниз по пазам и захлопнет зверя в четырех стенах.

Еще раз повторю, что не только каждый мужчина, но и всякий мальчишка считал себя рыбаком и охотником, во всяком случае, старался быть таковым. Вот потому-то рассказ «Кулёма» Валерия Тарасова[123], киренчанина, постоянного автора газеты «Родная земля», привел меня в великое недоумение. Вот его содержание: во время остановки парохода в неопределенно давнее время двое работников речфлота побежали поохотиться. Один из них наткнулся на кулёму, настороженную на медведя, учуял запах протухшего мяса, бесстрашно вошел в разверстую пасть ловушки и зачем-то стал трогать приманку, сдернул насторожку и погиб. Еще невероятнее последовавшие события: прибежавшие на поиски потерявшегося товарища сослуживцы, родившиеся и выросшие на берегах Лены, сидели на бревнах той самой кулёмы и гадали, куда бесследно исчез человек!!! Это же нагромождение нелепостей!..

Охота на уток весной была весьма азартной. На реке еще ледоход, там некуда пристроиться, нечем подкормиться, а на полях и лугах полно озерков, луж, вот на них и садились табуны уток. Особенно много сосредоточивалось уток на Сукнёвской протоке возле ельника, десятки, а возможно, и сотни: там они делали дневки. Охотники пользовались деревянными макетами для приманки, а вот подсадную утку никто не удосужился завести. Труднее было добыть гуся. Гоше лишь однажды подфартило добыть гуся на лугу возле Смольного.

Обычным, дежурным трофеем для всякого имевшего ружье оказывался рябчик. Но о тетеревах и глухарях никто и не поминал. Зимой из далекой Якутии прилетали полярные куропатки, но заметить их (они белые, как снег) в зарослях ивняка не так-то просто. Именно тогда, в первый год войны, приплыли с верховьев реки ондатры и быстро расплодились, заселили окрестные озерки. Жители сразу оценили высокие качества ондатрового меха. Мама нашила нам из шкурок добытых зверьков теплые и красивые шапки.

Отца нашего, выросшего в городе, как и деда, купца, ни охота, ни рыбалка не интересовала, меня же и брата страсть

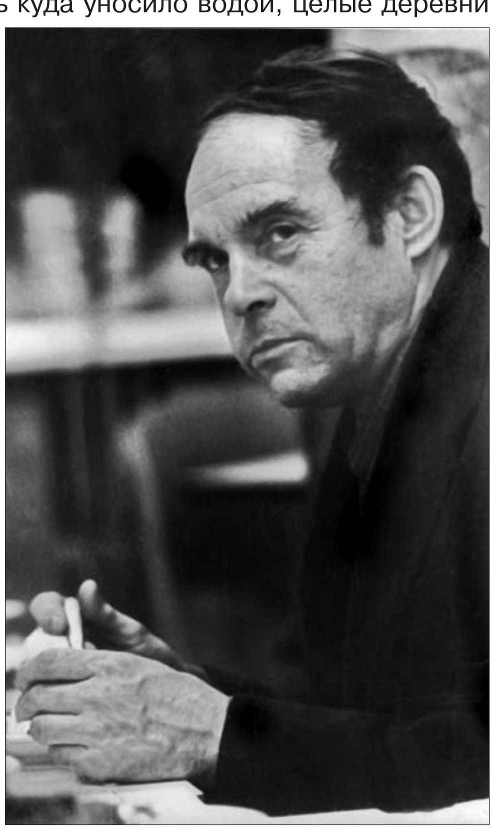
[123] Родная земля. — 2003. — 13 окт. (№ 36). — С. 19.

добытчиков переполняла, с ума сводила. Потому-то об охоте и рыбалке на Лене в те уже ставшие давними времена знаю не понаслышке.

Рыбацкая путина начиналась сразу после ледохода. А ледоход в среднем течении Лены — грандиозное, величественное, незабываемое зрелище. Вся деревня выходит на берег, как на праздник, смотреть ледоход. Взрослые на бугре, сухом, утоптанном, словно танцевальный круг, а детвора внизу, около воды, вблизи льдов толчется. Просто созерцать — это ее не устраивает, хочется принять участие в событиях. Старики курят самосад и рассказывают о старых добрых временах, когда половодья бывали беда сердитые, прополаскивало иные деревни так, что не только мусор, но и амбары, изгороди, дома бог весть куда уносило водой, целые деревни срезало льдами с лица земли.

Часами стояли на берегу (телевизоров-то не было!) и не уставали с живейшим интересом следить, как стремительно прут нескончаемой чередой льдины. Вот одна призадержалась, следующие за ней с шумом крушат ее края, отталкивают, подминают под себя или встают на дыбы, падают на нее или назад. Порою льдины вдруг начинают напирать на берег, со звоном, скрежетом вспахивают каменистую почву. Дети с хохотом вскакивают на нее и успевают немножко прокатиться на ней.

По всей каменистой косе километровой длины, что протянулась от села на самую середину реки, оттесняя

В.В. Гинкулов. Иркутск, около 1980 г.

фарватер к правому берегу, нагромождались ледоходом торосы в два-три человеческих роста. Оттуда доносился грозный грохот и треск, вроде бы скрежет танков и выстрелы орудий. Эти торосы потом долго-долго таяли, съедаемые ярым весенним солнцем. Никакой растительности на косе не было и быть не могло. Сейчас же там самый настоящий ивовый лес!..

Весенний жор ерша и налима начинался тотчас, как только река освобождалась ото льда. Рыба, долгую зиму державшаяся в укромных ямах, спешила подкормиться. Больше никогда нигде я не видывал такого бешеного клева рыбы, как клев ерша в первые дни ленского поводья. Но увлекались такой рыбалкой только малыши в коротких штанишках, кто повзрослее — не унижались, стыдились заниматься подобными пустяками. Достаточно взять метровой или полуметровой длины прутик, привязать к нему такой же длины нитку с крючком и камешком на конце — и все, промысловая снасть готова! Наживи на крючок червяка и кинь в воду. И уже через секунду почувствуешь робкие подергивания. Подними прутик — на крючке, растопырив колючки, извивается ершик. Один крючок на удочке — один ерш, два крючка — два ерша. Исключений из этого правила не бывает. Когда смотришь на эту смешную рыбалку, складывается впечатление, что вся река километровой ширины начинена ершами, как морковная гряда морковью.

Гольянов тоже тогда водилось на Лене несметно, причем они охотно клевали все лето. Жареный гольян — неплохое блюдо, но местные жители считали, что гольян не рыба, что уважающий себя человек гольяна есть не станет. Еще больше было мелконькой рыбешки размером с детский пальчик под названием «мандыра». Позже, когда создавалась моя повесть «Ленские плесы», я узнал, что биологи определяют мандыру как подвид гольянов.

Мандыра — настоящий клад для рыболова, более дешевого и доступного живца не придумать! Выйдешь на берег с бредешком, сшитым из двух-трех разрезанных повдоль кулей, жердью утолкаешь один конец в реку, а другой у берега придерживаешь. Меж тем напарник бечевой тянет дальнее крыло вниз по течению. Пройдешь так немного и как увидишь, что мелюзги около бредня скопилось видимо-невидимо, отбрось жердь прочь и вместе с товарищем выбирай бредень, подрезая донный край. Поднимать надо одновременно. Вода стечет, и в холстине закишит мандыра! Высыпай ее на дно лодки, а чтоб не издыхала, водички свеженькой то и дело

подливай. Два-три раза закинешь бредешок — и живцов хватит на целые сутки.

Мандыра никем ни во что не ставилась, никому не нужна была как будто. Разве что иной предприимчивый хозяин выйдет с таким бредешком и нагребет ее ведрами на корм свиньям. Доверчивость, любознательность мандыры удивительна: если дождливой порой забредешь босиком в воду, рыбки, привлеченные белизной, будут безбоязненно трогать, щекотать тебя. Отпугнешь их, а они опять лезут!..

Фабричные рыболовные снасти в сельповском магазине в те времена — редкость. Обыкновенный рыболовный крючок — дефицит страшный. Удочка с разноцветным ярким поплавком казалась юным рыболовам безумной и ненужной роскошью: если клюнет, и без поплавка это заметишь и рукой почувствуешь!..

О спиннингах с бамбуковыми удилищами тем более и не слыхивали. В сельповском магазине продавали бобины толстых белых нитей, используемых для поделки неводов. Мы употребляли эти довольно толстые и крепкие нити как лески для закидушек, а поводки сучили из ниток десятого номера. Закидушка — это фактически небольшой перемет в пять–восемь крючков с камнем на конце. Береговой конец крепится к колышку, вбитому в землю на урезе воды. Леса с крючками, наживленными дождевыми червями, аккуратно растягивается на береговой кромке. Рыболов берет камень и осторожно, страшась зацепить себя крючками, швыряет его как можно дальше так, чтобы леса закидушки после погружения на дно легла перпендикулярно течению реки.

Перемет тоже можно ставить с берега. Делается это так: один рыболов берет крайний камень в лодку и потихоньку отплывает от берега, напарник травит перемет, то есть припускает, держит хребтовину в натянутом положении, чтобы серединные камни не ушли на дно и не зацепились. При этом наживленные на крючки живцы плещутся, бороздят воду. Когда перемет вытянут на всю длину, по сигналу с берега камень из лодки выбрасывают, и вся снасть ложится на дно.

Там, где нет смысла или невозможно делать привязку к берегу, перемет ставят с лодки, с наплавом или без наплава. Плывущая коряга может зацепить наплав и утащить перемет неведомо куда. Могут и украсть. Надежнее без наплава, камень на одном конце, камень на другом. Чтобы не потерять снасть, рыбак замечает и запоминает ориентиры на той и другой стороне реки. Ищут перемет так: один направляет лодку поперек пока что невидимой хребтовины перемета,

В.В. Гинкулов на фоне бывшего дома священника Петропавловской Спасской церкви. Село Петропавловск, 2003 г.

другой держит в руке шнур якорька, называемого кошкой, и слушает, как он царапает по дну. Лишь только появилось ощущение, что якорек схватился за что-то упругое, несомненно, что кошка подняла со дна предмет. Если якорек остановился намертво — это он за корягу задел. Надо тянуть изо всех сил, чтоб зубья разогнуть, а потом, вынув из воды, поправить их и бросать кошку сызнова.

Взрослые очень редко снисходили до рыбалки крючками, за исключением бухгалтера сельпо Зайцева. Он с сыном Кешей, учившимся в одном классе со мною, с весны до поздней осени держал ниже стрелки острова перемет. Хребтовина чуть не в палец толщиной, фактически настоящая веревка, поводки метровые, тоже толстущие, крючки в кузнице откованные, вершковой величины, от крючка до крючка пять метров, а весь перемет будто бы полукилометровой длины. Каждый вечер они ездили на стрелку острова, чтобы снять добычу, подновить наживу, и раз в лето им удавалось добыть пудового тайменя или «огромаднейшего» осетра.

Местные жители предпочитали рыбачить сетями, ряжами,

неводами и прочими ловушками. Этого добра имелось у многих достаточно. Сети вязали сами из швейных ниток специальной деревянной иглой. Работа весьма кропотливая. Гоша как-то зимой связал одну сеть-ельцовку, да и то маломерку, метров десять длиной. По размеру ячеек они подразделялись на ельцовки, хайрюзовки, межеумки, ленковки, тайменные. Кто-то подарил нам тайменную сеть, но эти гиганты запросто прорывали сеть, вместо трофея — большая дыра в сети! Фельдшер Жарников с сыновьями успешно рыбачил весной сетями и переметами в Сукнёвской старице. Улов измерялся пудами. Практиковалась рыбалка сетью в горловинах малых заливов. Это называлось «ботать»: поставят сеть, потом шумнут с дальнего края заливчика — вся рыба, которая там кормилась, ринется на выход и тотчас попадет в сеть. Еще добычливей ряжить на мелкокаменистых неглубоких местах с ровным чистым дном без валунов и коряг. Ряж называют еще трехстенкой. На обыкновенную ельцовку или хайрюзовку с обеих сторон на ту же тетиву крепится сеть из очень прочных нитей с ячеями как у тайменной сети или даже чуть больше. Ряжом рыбачат летом и осенью по светлой воде, обязательно ночью. Аккуратно укладывают сеть на корме лодки и, отплыв от берега метров на 30–40, выбрасывают прикрепленный к сети крест, крестообразный дощатый наплав. Один рыбак по возможности неслышно гребет лопастными веслами к берегу, другой быстро выкидывает снасть за борт. А потом медленно сплывают вниз, стараясь держаться напротив креста. Трехстенка процеживает сквозь себя весь пласт воды от креста до берега, и вся рыба, что находилась в эти минуты на этом отрезке реки, неумолимо оказывается в руках рыбака. Выбирать ее из трехстенки очень легко и быстро, каждая пойманная рыбешка находится в маленьком мешочке, ее не надо выцарапывать из ячей, достаточно просто вытряхнуть из мешочка, образованного основной сетью и крупной «тайменной» ячеей.

Профессиональной рыбалкой по договору с сельпо занимались тогда в Петропавловске только два человека, по возрасту не подлежавших призыву в армию: Иван Царь и Петр Амполисович. Ни фамилии, ни отчества Ивана никто никогда не произносил, за высокий рост и богатырское сложение прозвали его царем. Петр Амполисович по сравнению с Иваном Царем был просто смехотворно тощ, слаб, ничтожен. Они надолго уезжали рыбачить, чаще всего по Чае. Гнали сразу две лодки, в одной лодке груды сетей, в другой — бочки для рыбы и съестные припасы.

Рыбачили еще корчагами и мордами, сплетенными из ивовых прутьев. Корчаги веретенообразной формы, вход в ловушку воронкообразный, диаметром восемь–десять сантиметров. Для приманки его намазывают тестом. Чтобы попавшаяся рыба не искала выход, внутрь кладут сухари, ломти хлеба, ломтики картошки. Морды отличаются более тонким устройством, внутренность морды просвечивалась сквозь прутья, сразу было видно, что попалось.

Ловят рыбу и вентерями. Вентерь по форме напоминает морду, это ловушка из трех-четырех деревянных обручей, обтянутых неводной делью. К вентерю с обеих сторон примыкают такие же сетчатые крылья. Устанавливают его в горловине залива, когда рыба косяками прет на заливаемые полой водой луга или когда она оттуда поспешно уходит при спаде воды.

Летом в двух километрах от устья Пилюды мы видели заездок. Это солидное сооружение для добычи рыбы в больших масштабах. Весной заездок не поставить, вода разрушит его. Это фактически плотина, перегораживающая реку от берега до берега. Сначала устанавливают по одной линии козлы из жердей и бревен. Горбины козел — бревнышки длиной метра полтора, не толще 20 сантиметров. На них укладывают жерди настила. Получается своего рода мост. С этого моста вбивают в дно упорные колья. Они держат щиты из сосновых тычек, такие плотные, что сквозь них и мандыра не проскочит. Тысячью тонких струй речка просачивается сквозь плотину и создает такой шум, что разговаривать нельзя, в ухо надо кричать!.. В специально оставленные прораны опускают морды, и вся рыба, идущая в верховья на икромет и кормежку, попадает в них.

В течение лета рыбаки, вернее браконьеры, отлавливают рыбу, идущую вверх по течению. Осенью же прораны заделывают до верхнего полуметрового пласта воды и устанавливают длинные корзины, в которые хлещет водный поток. Рыба, скатывающаяся вниз на зимовку, непременно должна попасть в эти корзины. Тогда у заездочников такая горячая пора, что некогда спать и есть, они круглосуточно потрошат и солят рыбу. А если не хватает тары и соли, выбрасывают проквашенную, загубленную рыбу. Но не вся рыба опрометью ныряет в предательскую корзину, срабатывает инстинкт самосохранения. Особенно осторожны крупные рыбины, ленки и таймени. Они хвостами, как будто руками, буквально ощупывают всю плотину от берега до берега, а бурный поток в проран обходят стороной, понимают, что это не естест-

венное нагромождение упавших деревьев, а злонамеренное сооружение, изготовленное главным врагом всего живого на земле — человеком. И уходят обратно вверх по обмелевшей реке, где в маловодных бочагах им, быть может, придется погибнуть от недостатка кислорода, от промерзания водоема в лютые морозы.

Заездок на малой реке — это смертельный ей приговор. За одно лето одним, так сказать, ударом можно обезрыбить речку на грядущие десятилетия. Никакого рыбнадзора тогда не существовало. Мой зять Михаил Ковалёв рассказывал, что в Амурской области в 20-е годы сельсоветы по пустяковым расценкам продавали лицензии на устройство заездков на притоках Зеи. В 1947 году я наблюдал, как бригада плотников местного продснаба сооружала заездок на реке Эльдиканке, впадающей в Алдан. Браконьерствовала государственная организация. И удивляться не приходится, зачастую государство в лице своих административных и хозяйственных структур наносит непоправимый вред природе. Примеров более чем достаточно: дамба в Карабогаз-Голе, дамба в Финском заливе, попытка повернуть северные реки на юг, попытка взорвать Шаман-Камень в истоке Ангары. Так что надеяться на мудрость госструктур не стоит. Народ, живущий на одном месте веками,

В.В. Гинкулов на Захаровском острове напротив Петропавловска, где рыбачили братья Гинкуловы. 2003 г.

должен сам выработать правила хозяйствования, чтобы и себя не оголодить, и детям-внукам что-то оставить.

Почему жители Березовки, что стояла в устье Пилюды около 300 лет, допускали вопиющее нарушение охраны природы?! Не надо иметь много мозгов, чтобы понимать: если рыбу не пустить на нерестилища, если не пустить ее на места зимовки, рыбные запасы Лены и ее притоков будут многократно сокращены. На той же Пилюде мы видели заездок-коротын, перегородивший малую часть реки. Такой заездок накормит человека ухой-жарёхой и ощутимого урона рыбным запасам реки не нанесет.

Самая интересная рыбалка — лучение темными осенними ночами. Еще бы! Ведь рыба совершенно свободна, ничто ее не держит, ни стена невода, грубая и неподатная, ни тонкие нити коварной невидимой сети, ни крючок удочки или перемета, ни твердые прутья корчаги. Чем холоднее вода, тем спокойнее рыба, тем успешнее промысел. Орудия этой рыбалки — острога и коза. Острога — откованная в кузнице трех- или четырехзубая вилка, насаженная на тонкий длинный шест. Коза — огромная лапа из металлических полос, нечто наподобие корзины, укрепленная на носу лодки, нависающая над водой. На козу укладывают смолёвые поленья, которые заготавливают из пней или валежин. На Севере, в Якутии, где сосна не растет, жгут старые автомобильные покрышки или кирпичи, пропитанные бензином.

Вплотную подпускают к себе хариусы и налимы. Ни ельца, ни окуня не увидишь. Редко кому удается ударить ленка. Хариусы в свете костра кажутся маленькими и светлыми, будто они из студня. Острогу подводят медленно, вблизи от цели задерживают на два-три мгновения, чтобы усыпить бдительность рыбешки, потом с наивозможной быстротой ударяют посередине. Налимов колоть еще легче. Они лежат на дне и потому кажутся темными, почти черными, и пока рыбак не ударит налима, он ни за что не побежит, вернее, не попытается удрать.

Однажды нам с Гошей довелось увидеть налима величиной с человека и даже больше, весом наверняка несколько пудов, а ведь считается, что налим больших размеров не бывает. Сом — другое дело, но сомов в Лене нет. Брат ударил налима-гиганта острогой, но тот легко сорвался и умчался вглубь.

Еще один, последний этап рыбалки — подледный. Подо льдом и неводят, и сети ставят, но в Петропавловске этим никто не занимался, трудоемкое и простудное это дело.

Сукнёвские мужики как-то неводили в большом улове возле своей деревни. А вот ставить крючки на налимов значительно проще. Наловив гольянов и карасей в озерках возле Захаровки корчагой, рыбак пешней (это коротенький ломик, насаженный на древко) долбит прорубь, совковой лопатой выбрасывает оттуда ледяное крошево, привязывает к палке метровой длины поводок с крючком, наживляет живца, опускает снасть в прорубь, заостренным концом втыкает в дно покрепче, а верхний ее конец вскоре морозец ледком схватит, крепко держать будет. По словам местных жителей, иногда и таймень попадался на такую примитивную снасть, мы же добывали исключительно налимов. Начиналась подледная рыбалка от первых забереґов и продолжалась до суровых декабрьских морозов, когда уже не было смысла заниматься все более утомительными долбежными работами и мерзнуть на ветру.

На стрелке Захаровского острова (слева направо): Василий Владимирович Гинкулов, Леонид Евгеньевич Холин, Павел Егорович Черных. 2003 г.

Вот еще один вариант подледной рыбалки: в одну из зим выше Петропавловска на Лыхинской косе кто-то, возможно, из лыхинских мужиков устроил заездок подледный. Плотину строить рыбаку

не потребовалось, лед послужил ему мостом. Прорубил прорубь от берега в сторону реки метров 30 длиной, опустил в воду щиты из сосновых тычек, в проранах морды поставил и долго обихаживал свое сооружение, кормился. Уловы наверняка были скромными, зимой ведь рыба предпочитает стоять на месте в укромных ямах.

Несколько слов о лодках тех времен. Все лодки были, конечно, деревянными трех типов: струги долблёные, плоскодонки и шитики. Порядочных, устойчивых и вместительных стружков не припомню, все были сравнительно небольшие и страшно вертлявые, грузоподъемностью на три-четыре человека, не более. Садишься в эту долблёнку-душегубку со страхом. Чуть шевельнулся — а она уже вот-вот воду черпанет бортом или вообще перевернется кверху дном! Подняться во весь рост в такой посудине или поменяться местами немыслимо. Не плаванье, а эквилибристика!.. Ни уключин, ни лопастных весел на стружке, грести, следовательно, надо только двупёрыми веслами.

Немногим лучше плоскодонки. Плоскодонка — это скорее не лодка, а продолговатый ящик, сколоченный на скорую руку, хлипкое, недолговечное сооруженьице, без кокорин (шпангоутов), разумеется. Корма тупая, обрубленная, борта строго вертикальные. Борт и днище сопрягаются под прямым углом. Тоже вертлявы, неустойчивы.

Мы с Гошей предпочитали бороздить воды родной Лены на шитиках. Слово это произошло, по-видимому, от слова «шить», то есть лодка сшита из досок. Шитик, хотя и небольшой, непременно шире плоскодонки или стружка, сидит на воде прочно, чтоб его перевернуть на воде, потребуется немалое усилие. Одним словом, в шитике чувствуешь себя вполне уверенно, комфортно. Устойчивость шитика обеспечивается не только его шириной, но и устройством. По центру лодки — не просто доска, а широкая толстая плаха (форштевень), к носу и корме плавно загнутая. К ней крепятся кокорины, этакие кривулины, вырубленные из ели или кедра, а к кокоринам подшиваются внахлест тесины. Переход от днища к борту не под прямым углом, а довольно плавный. Шитики обязательно раз в год в начале сезона смолили, заливали варом места соединений тесин.

Колхоз имел огромную многотонной грузоподъемности лодку, фактически шаланду. На ней перевозили на остров на выгул скот после того, как накосят и застогуют сено.

По Лене все лето плыли карбаза в далекую Якутию с разными грузами, в том числе и продовольственными. Кар-

баз — это гигантский ящик из плах. Высота бортов в рост человека. Зачастую карбаза плыли не одиночные, а связками по два. Сверху карбаза тесовая плоская крыша. С той и другой стороны длиннющие весла. Весло из цельного прогонистого бревнышка, затесанного с двух сторон в подобие обычного весла. Груз лежал не на самом дне, а на поддонах. Для выкачивания скопившейся на дне воды имелись ручные помпы. Экипаж карбаза — экспедитор, лоцман, рабочие.

Среди курсировавших мимо по Лене пароходов выделялся двухпалубный красавец «Лермонтов», не с двумя по бортам, как у всех, а с одним огромным колесом на корме. Знаменит был грузопассажирский пароход «Сталин», на котором служил вначале помощником капитана, а позже капитаном Иван Ксенофонтович Лыхин. Он в 1945 году бесплатно доставил нашу семью из Киренска в Якутск. Коренастый, широкоплечий, круглолицый, среднего роста, очень энергичный, экспансивный, он прошел все стадии речника от простого матроса до капитана. Однажды мне довелось наблюдать, как он сам в трюме буксируемой баржи, орудуя кувалдой, устранял течь, показывал матросам, как надо работать.

В те времена существовала патриархальная традиция ездить бесплатно на грузовых и грузопассажирских пароходах. Кругом родственники, знакомые, кумовья, стыдно о плате напоминать. На чисто пассажирских строже, там непременно плату сдерут. Вот типичная сценка того времени, отраженная в моей повести «Ленские плесы».

Шлепает мимо села грузовой пароходик с баржой, а старикану надо съездить в Киренск в больницу.

— Посадите, подвезите, все одно туда же плывете! — кричит он стоящему на капитанском мостике капитану.

— Не имеем права, папаша, — отнекивается капитан, — пароход ведь грузовой, сам понимаешь!

— Да слышь ты! — напрягаясь, кричит старик. — Мой сын на «Сталине» помкапитаном ходит. Неужели своих не посодишь?!

Ну как же не уважить коллегу?! Капитан дает команду в машинное отделение, пароход замедляет ход, и к берегу легко скользит баркас, залитый варом до черноты. Вплотную к берегу баркас не подходит: мелко. Старик забредает и, кряжистый, с трудом переваливается через борт.

Неузнаваемо изменился Петропавловск за истекшие десятилетия. Захаровка соединилась с основным селом. До основания давно разрушена без разумных оснований церковь,

У села Петропавловска. 2007 г.

крупнейшая и красивейшая на всю Лену, богаче стали жить люди, почти в каждой семье мотоциклы, дюралевые моторные лодки, телевизоры, крыши на домах шиферные, новая школа намного просторнее старой, есть библиотека общего пользования с солидными книжными фондами. На ферме электродойка, зерно мелет не стародедовская мельница, а электроэнергия. А во время войны керосина, бывало, негде было достать. Экспедиторы нефтеналивных барж, следовавших в Якутию, воровали горючее и меняли на продовольствие!.. Мы, дети педагога, уроки делали при коптилке, дававшей света не больше свечи!..

Село в условиях жесточайшего экономического кризиса держится, но тревожные негативные процессы налицо: совхоз не может снабдить педагогов топливом, процветают пьянство, воровство, совхоз давно не производит пшеницу, хлеб в магазине из привозной муки безвкусный, хуже городского. Молодежь уезжает в города...

Иркутск, 2004 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОСПОМИНАНИЯ ЛЕНСКИХ ЖИТЕЛЕЙ

Составление, вступительная статья и примечания
Ю.П. Лыхина

Редактор и корректор: Г.Д. Лопатовская
Компьютерный набор: Ю.П. Лыхин, О.А. Стафеева,
Н.М. Вахтина
Верстка: С.Г. Червякова

Подписано в печать 25.12.2007 г. Формат 60x90 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 32,0. Уч.-изд. л. 28,44.
Тираж 500 экз. Заказ № 6491. Цена свободная.

Отпечатано в ООО «Репроцентр А1»,
г. Иркутск, ул. Лапина, 1, оф. 101,
тел. 203–144, 255–970.

По вопросам приобретения книги обращаться:
664003, Иркутск, ул. Грязнова, 22.
Архитектурно-этнографический музей «Тальцы».
Тел. (395–2) 24–31–82
Тел./факс (395–2) 24–31–46
E-mail: talci@irk.ru